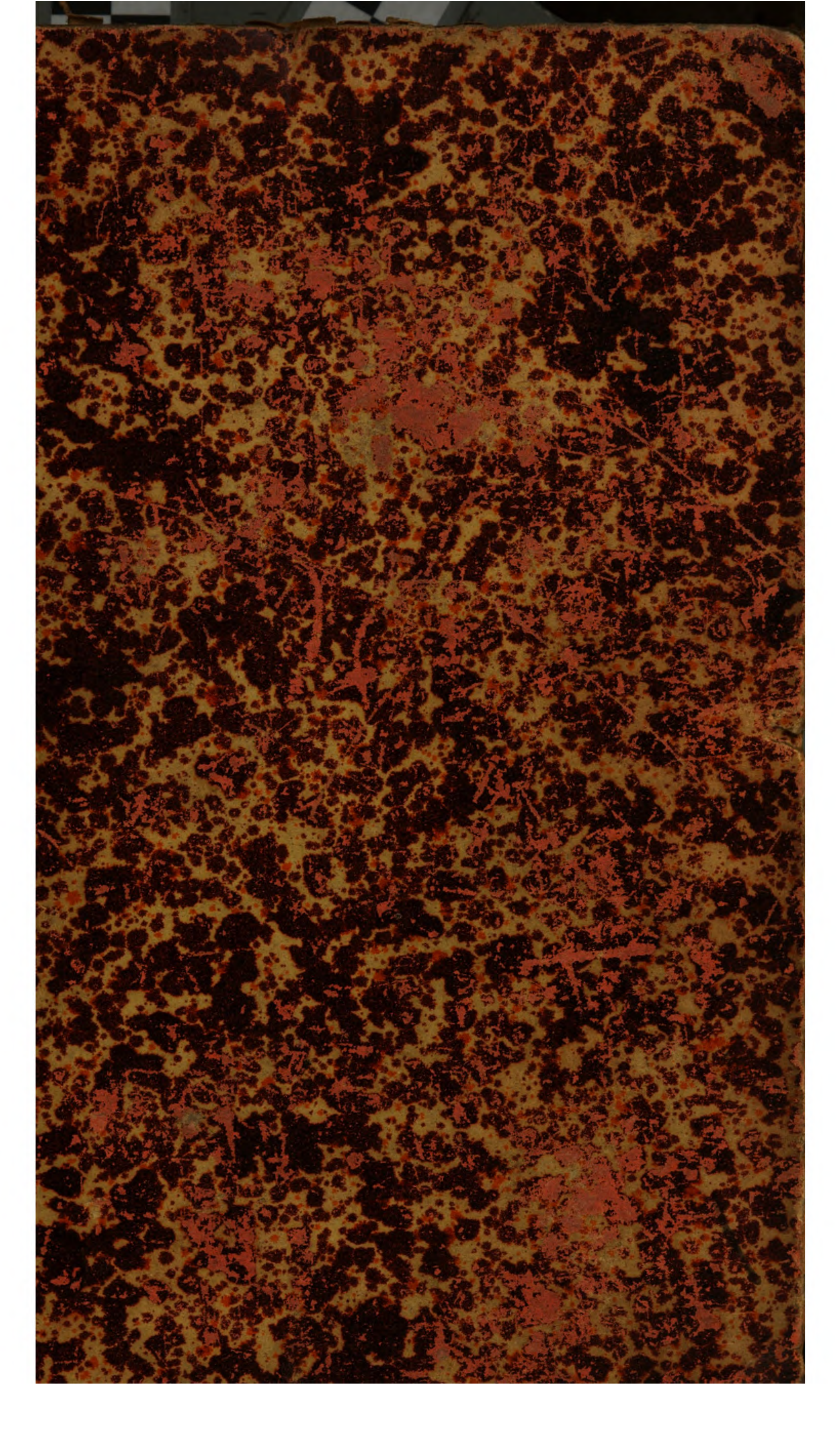

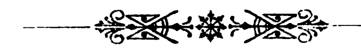
ФЕВРАЛЬ. 1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

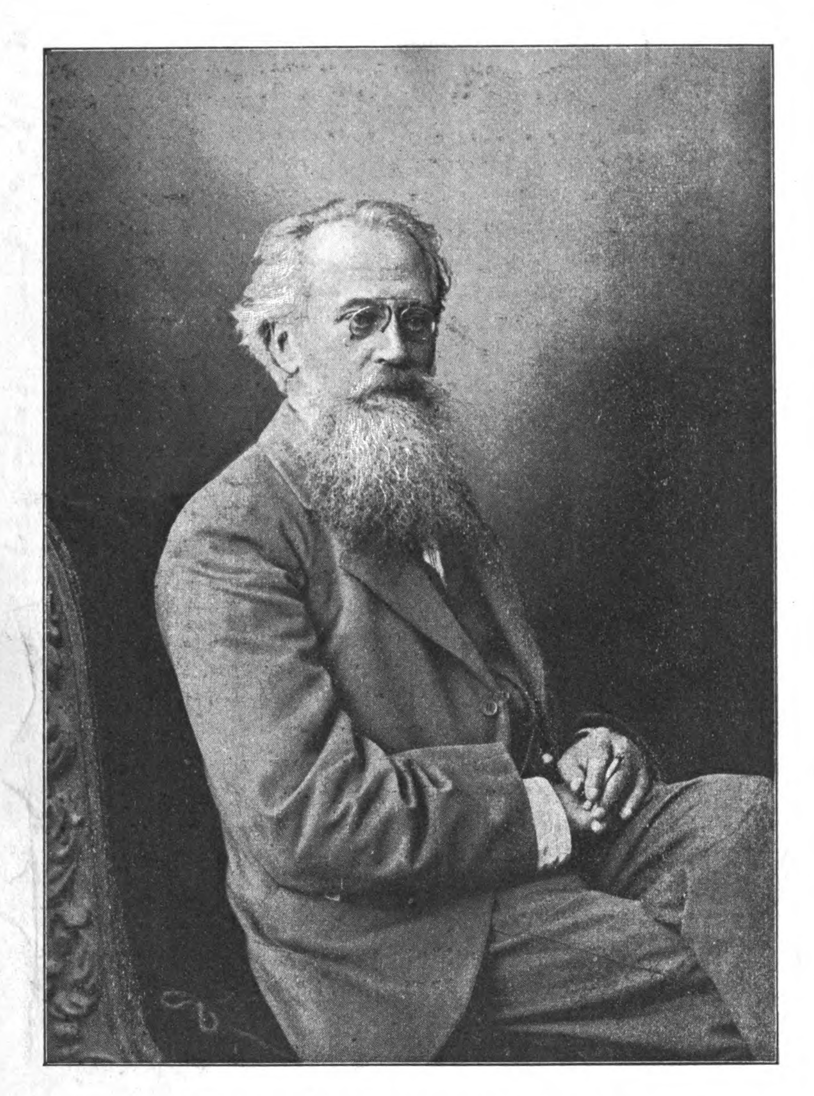
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 26-го февраля 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Николай Константиновичъ
МИХАЙЛОВСКІЙ.
† 28-го января 1904 года.

Николай Константиновичъ Михайловскій.

I.

Эту книжку журнала намъ приходится открывать тяжелою, скорбною вѣстью, которая, впрочемъ, для читателей не будетъ уже новостью... Въ ночь съ 27 на 28 января умеръ Николай Константиновичъ Михайловскій.

Смерть подкралась къ нему внезапно. Еще въ тотъ-же вечеръ, присутствуя въ засѣданіи комитета Литературнаго фонда, Николай Константиновичъ былъ оживленъ и бодръ и принималъ самое дѣятельное участіе въ обсужденіи текущихъ дѣлъ и повседневныхъ нуждъ пишущей братіи... Между часомъ и двумя его не стало...

Нельзя, однако, сказать, что смерть эта явилась совершенной неожиданностью.

Въ теченіе вотъ уже нѣсколькихъ лѣтъ здоровье Михайловскаго внушало роднымъ и близкимъ къ нему людямъ самыя серьезныя опасенія. Тревожные признаки обнаружились впервые въ 1896 году, когда у Николая Константиновича появились припадки внезапной дурноты, головокруженія и даже временной потери сознанія. Нѣкоторое время онъ не могъ ходить по улицамъ одинъ, изъ опасенія этихъ припадковъ.

Это было тѣмъ тревожнѣе, что появилось почти непосредственно послѣ возвращенія съ лѣтняго отдыха. Врачи потребовали немедленнаго прекращенія занятій и новой поѣздки куда-нибудь на югъ. Николай Константиновичъ, съ однимъ изъ близкихъ друзей, уѣхалъ въ Ялту.

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ онъ вернулся, повидимому, совершенно оправившимся и бодрымъ, и тотчасъ же опять вошелъ въ обычную рабочую колею. На всѣхъ окружающихъ онъ производилъ впечатлѣніе здороваго, и недавніе зловѣщіе признаки начинали казаться какимъ-то мимолетнымъ кошмаромъ.

Однако,—эта радостная иллюзія была непродолжительна: черезъ нѣкоторое время припадки, хотя не съ такою силою, повторились и,—что особенно угнетало Николая Константиновича,—

къ прежнимъ симптомамъ присоединилась боль въ правой рукѣ, одно время мѣшавшая ему писать.

Потомъ и это прошло, временами лишь напоминая о себѣ, то появляясь, то исчезая.

Врачи совѣтовали перемѣну режима. И очень можетъ быть, что, если бы Николай Константиновичъ исполнилъ всѣ предписанія и вбвремя устранился отъ волнующей заботы, связанной съ неустанною журнальной и редакторской дѣятельностью, если бы онъ удалился изъ Петербурга, во-первыхъ, и изъ сферы текущей жизни, съ ея печалями и злобами, во-вторыхъ... если бы онъ отдался исключительно отвлеченной мысли, съ ея формулами, достаточно приподнятыми надъ волнующей житейской суетою,— онъ могъ бы, вѣроятно, прожить еще долго...

Но это было невозможно, и препятствіе было прежде всего— въ самомъ Михайловскомъ.

Почти съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ выступилъ на литературное поприще (а выступилъ онъ, какъ извѣстно, очень рано), его дѣятельность шла въ двухъ направленіяхъ: онъ былъ мыслитель, публицистъ, писатель—съ одной стороны, и съ другой— редакторъ журнала, т. е. организаторъ общаго литературнаго дѣла извѣстной, опредѣленной группы писателей.

Вся его жизнь опредѣлялась этой двойной работой, сначала— въ „Отечественныхъ запискахъ", потомъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" и, наконецъ, въ „Русскомъ Богатствѣ"...

Послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ" для Михайловскаго наступилъ промежутокъ, когда онъ оставался только писателемъ. Онъ работалъ тогда въ изданіяхъ, близкихъ по направленію („Русская Мысль" и особенно—„Русскія Вѣдомости"), но это его явно не удовлетворяло. Всѣ, знавшіе его въ то время, помнятъ приступы какой-то особенной, ѣдкой тоски, которые овладѣвали Михайловскимъ безъ видимой причины. Правда, русская жизнь не скупится на причины этого рода, и отчасти объяснялось это недавнимъ еще крушеніемъ „Отеч. Записокъ". Но и за всѣмъ тѣмъ,—былъ, очевидно, еще какой-то особенный мотивъ, ослаблявшій настроеніе привычнаго ко всякимъ невзгодамъ сильнаго человѣка. Этотъ мотивъ объяснилъ мнѣ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій,—сказавъ какъ-то о Михайловскомъ и объ его настроеніи:

— Ему нуженъ собственный журналъ.

И, дѣйствительно, ему былъ необходимъ собственный журналъ, собственный не въ матеріальномъ, а въ духовномъ смыслѣ, какъ знамя, подъ которое, на его зовъ, могли-бы собраться всѣ единомышленники и въ которомъ, по возможности цѣльно и полно, онъ могъ бы проводить всю систему своихъ воззрѣній, объединяя и группируя вокругъ нея родственныя силы.

Только при этомъ условіи онъ чувствовалъ себя болѣе или

менѣе нормально. На всѣ угнетающія явленія безотрадной дѣйствительности ему мало было отвѣчать непосредственно своими собственными статьями, въ которыхъ соціологъ-мыслитель чередовался съ публицистомъ. Ему необходимо было отдавать еще избытокъ своихъ силъ и своего настроенія на стройную организацію литературнаго дѣла, которое-бы отзывалось безпрерывно и всесторонне на всѣ запросы и злобы современности. Только въ этой двойной роли онъ чувствовалъ себя въ своей привычной нравственной сферѣ, и самъ могъ работать во всю. Въ теченіе многихъ годовъ это была его привычная обстановка, и онъ признавался, что ему всего лучше работается „между двухъ корректуръ“, въ то время, когда его листковъ ожидаетъ уже посыльный изъ типографіи...

Въ 1889 г., послѣ неудавшейся попытки сгруппировать разсѣянныхъ товарищей вокругъ „Сѣвернаго Вѣстника“, наступилъ для Михайловскаго новый промежутокъ редакторской бездѣятельности и, наконецъ, онъ принялъ въ свое завѣдываніе „Русское Богатство“ и сразу же сталъ писать больше... Двойная работа, кипучая, тревожная, разносторонняя, безпрестанно требовавшая настроенія и нервовъ—стала уже его родной стихіей. Она постепенно и преждевременно подтачивала его силы, но она же составляла для него неискоренимую органическую потребность...

И вотъ почему было совершенно невозможно исполнить настойчивыя требованія врачей. О томъ, чтобы совсѣмъ оставить редактированіе журнала,—для людей, знавшихъ Михайловскаго,—не могло быть и рѣчи. Уступая очевидной необходимости, онъ пытался въ послѣдніе годы хоть нѣсколько ослабить свой трудовой режимъ, уѣзжая лѣтомъ на болѣе продолжительное время, постепенно уступая тѣ или другія работы по редакціи, отдаваясь на досугѣ разработкѣ темъ, выходящихъ изъ рамокъ текущаго журнальнаго дня.

Но онъ былъ уже человѣкъ обреченный, и совсѣмъ уйти отъ привычной работы *органически* не могъ. Очень скоро, въ прекрасной, спокойной обстановкѣ, окруженный любовью и заботой близкихъ людей,—онъ начиналъ чувствовать утомленіе... отъ отдыха... Ему опять нужны были корректуры, разговоры о составѣ ближайшихъ книжекъ, переговоры съ сотрудниками и авторами, „цензорскіе оттиски“, наконецъ—просто петербургская атмосфера, съ ея нервностью, съ ея лихорадочной смѣной мыслей, впечатлѣній, событій. Ему нужно было стоять среди всего этого, непосредственно воспринимать всѣ животрепещущія явленія общественнаго дня и такъ-же непосредственно откликаться на нихъ, возводя всѣ эти частности къ общимъ формуламъ своихъ воззрѣній и освѣщая ихъ съ своей точки зрѣнія. Ему необходимо было кипѣть и волноваться всѣми тревогами русскаго общества и видѣть, что на все дается откликъ, отвѣтъ, а гдѣ нужно—отпоръ...

И вотъ почему отдыхъ начиналъ такъ скоро томить его... На письма, успокаивавшія его тревоги изъ Петербурга, онъ отвѣчалъ съ возраставшимъ нетерпѣніемъ и въ одинъ прекрасный день опять являлся, почти всегда ранѣе назначеннаго срока, въ редакціи и сразу окунался въ привычную работу. И это возвращеніе къ любимому дѣлу съ его тревожной обстановкой оказывало всякій разъ отличное дѣйствіе. „Уставшій отъ отдыха“, Михайловскій оживалъ за работой и опять на нѣкоторое время производилъ впечатлѣніе человѣка вполнѣ оправившагося, бодраго и сильнаго... И опять начиналась жизнь съ двойной ношей, съ которой онъ и дошелъ до конца...

Вторая половина 90-хъ годовъ, когда впервые появились признаки роковой болѣзни Николая Константиновича, была, какъ извѣстно, особенно для него дѣятельна и особенно тревожна. Я говорю о періодѣ такъ называемаго марксизма. Здѣсь, разумѣется, не мѣсто возобновлять затихшую полемику, ставшую достояніемъ исторіи, и если я упоминаю о ней, то лишь потому, что этотъ эпизодъ играетъ выдающуюся роль въ жизни Николая Константиновича за послѣдніе годы. Теперь это—уже прошлое, но всякій, кто оглянется на это время съ безпристрастіемъ историка, если не съ любовью единомышленника и друга,—долженъ будетъ признать, что Николай Константиновичъ Михайловскій и въ это, яко-бы отрицавшее его, время стоялъ въ самой серединѣ идейной борьбы, что отъ него исходили и къ нему направлялись всѣ мысли даже самыхъ страстныхъ его противниковъ. И едва-ли большинство читающей публики, слѣдившей за этой полемикой, порой необыкновенно страстной и кипучей, подозрѣвало, что этотъ неутомимый полемистъ, принимавшій на себя и отражавшій столько ударовъ,—уже сильно надломленъ физически. Его умъ былъ все такъ-же свѣжъ, его настроеніе было такъ же молодо и его отношеніе къ предмету спора было полно все той-же пламенной страстности...

Безъ сомнѣнія, въ этотъ періодъ ему пришлось пережить не мало горькихъ минутъ. За свою долгую жизнь онъ привыкъ къ атакамъ съ извѣстнаго фронта. На этотъ разъ борьба шла между направленіями близкими во многихъ существенныхъ пунктахъ, и отсюда ея необыкновенная страстность. И, однако, если этотъ эпизодъ доставилъ много до тѣхъ поръ незнакомаго Михайловскому волненія,—то онъ же далъ ему и значительное удовлетвореніе... Не пытаясь дѣлать подсчеты „взаимныхъ потерь“, мы укажемъ на то, что очевидно безъ всякихъ подсчетовъ. Послѣ временнаго отлива,—къ вопросамъ „народа“ опять приливаютъ новыя волны живого интереса и симпатіи. Начало этого процесса отмѣчено еще всѣмъ памятнымъ юбилеемъ Михайловскаго, истиннымъ праздникомъ передовой русской мысли, когда къ нему со всѣхъ концовъ Россіи стекались выраженія любви,

уваженія, признанія. И въ этихъ чувствахъ слились опять старыя поколѣнія съ молодыми, люди съ сѣдѣющими или посѣдѣвшими уже головами и юноши, только еще вступающіе въ сознательную жизнь... Съ чувствомъ нѣкотораго облегченія въ тяжелой утратѣ,— мы можемъ сказать, что этотъ новый приливъ общественнаго вниманія къ дорогимъ для Михайловскаго стремленіямъ и идеямъ значительно скрасилъ настроеніе послѣднихъ годовъ его жизни.

Но и это не въ состояніи было отвратить неотвратимое. Правда, работа Николая Константиновича стала значительно спокойнѣе, и его полемическіе удары шли опять въ сторону, для него привычную, а удары, которые теперь направлялись въ него—уже его не задѣвали въ такой степени и не нарушали его настроенія... Но годы шли, силы убывали, тяжесть двойной работы сказывалась, а снять ее было невозможно, потому что она срослась съ самой его жизнью.

И онъ остался до конца на посту, въ качествѣ мыслителя-публициста и чуткаго руководителя журнала...

Много условій соединилось въ русской жизни для того, чтобы выработать тотъ типъ журнала, какимъ онъ сложился у насъ, и тотъ типъ журналиста, котораго Николай Константиновичъ Михайловскій былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ и крупныхъ представителей. За отсутствіемъ парламентской и иной трибуны, съ которой русское общество могло-бы принимать участіе „дѣятельнымъ словомъ" въ судьбахъ нашей родины,—у насъ естественно, въ силу самой логики вещей, сложился особый характеръ общественно-политической прессы, ярче всего выражаемый журналами. Русскій ежемѣсячникъ—не просто сборникъ статей, не складочное мѣсто, иной разъ совершенно противоположныхъ мнѣній, не обозрѣніе во французскомъ смыслѣ. Къ какому бы направленію онъ ни принадлежалъ,—онъ стремится дать нѣкоторое идейное цѣлое, отражающее извѣстную систему воззрѣній, единую и стройную. Нападки на эту якобы „доктринерскую узость" составляютъ издавна общее мѣсто нашей реакціонной печати. И однако — такова сила вещей, которую передовая журналистика ставитъ передъ собой совершенно сознательно и которая является несознательнымъ закономъ для печати реакціонной: мы помнимъ нѣсколько попытокъ основанія журналовъ „безъ направленія" или „терпимыхъ ко всѣмъ направленіямъ". Всѣ онѣ кончались жалкими неудачами и прежде всего впадали въ противорѣчіе съ собственными заявленіями: черезъ короткое время отъ сѣрой безличности онѣ переходили къ самому мрачному и крайнему реакціонному доктринерству...

Для Николая Константиновича Михайловскаго журналъ всегда являлся своего рода идейнымъ монолитомъ, и никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, спаять всѣ его отдѣлы органическимъ единствомъ извѣстной цѣльной общественно-литературной системы... Онъ ро-

дился мыслителемъ и бойцомъ вмѣстѣ, и его время потребовало отъ него обоихъ этихъ качествъ. Въ другой странѣ, при другихъ условіяхъ, Михайловскій, быть можетъ, сталъ бы только ученымъ, и это былъ бы одинъ изъ самыхъ выдающихся ученыхъ. У насъ и въ наше время это былъ ученый, мыслитель, публицистъ, беллетристъ и редакторъ журнала... Онъ отдалъ всю глубину своей страстной и глубокой аналитической и обобщающей мысли на служеніе насущнымъ злобамъ русской современности. Очень рано выработавъ собственное, въ высшей степени оригинальное и стройное міровоззрѣніе, онъ ринулся съ нимъ въ суету перестраивавшейся послѣ реформы русской жизни. По рѣдкому сочетанію способностей,—съ силой чисто научной мысли въ немъ соединился крупный публицистическій талантъ. И эти черты составили вмѣстѣ ту яркую, своеобразную, сильную и изящную литературную фигуру, которую мы видимъ въ теченіе свыше 40 лѣтъ на вершинахъ русской журналистики. Все, что слагалось въ его оригинальномъ и глубокомъ умѣ въ общія формулы, охватывавшія широчайшія области жизни и мысли, всю силу своего анализа и своихъ обобщеній онъ, какъ его соратники по „Отечественнымъ Запискамъ", Щедринъ, Елисеевъ, Успенскій, — съ торопливою страстностью отдавалъ тотчасъ же для насущныхъ надобностей текущаго дня. Такъ онъ работалъ десятки лѣтъ и этимъ опредѣлился самый характеръ его работы. Широкія схемы, коренившіяся въ самыхъ начаткахъ первичной жизни и обнимавшія самыя сложныя и высшія ея проявленія, — принимали формы полу-философскихъ трактатовъ, полу-публицистическихъ, чисто боевыхъ статей, и свѣжій, животрепещущій фактъ текущаго дня становился иллюстраціей отвлеченной соціологической или философской схемы...

Я не стану говорить здѣсь объ удобствахъ и неудобствахъ, достоинствахъ и недостаткахъ этого *пріема* работы. Въ этихъ строкахъ, торопливо набрасываемыхъ подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ невознаградимой утраты,—я пытаюсь лишь возстановить наиболѣе выдающіяся черты этого крупнаго человѣка, и теперь, надъ его свѣжей могилой, намъ остается сказать, что все это было именно такъ и, въ связи съ условіями времени и мѣста,—не могло быть иначе. И такъ, какъ оно было, это было не только необходимо, но и прекрасно.

Да, это была прекрасная жизнь отъ начала и до конца. Жизнь, полная однимъ кипучимъ и неустаннымъ трудомъ, и за нею пришла смерть несомнѣнно слишкомъ ранняя (Михайловскому былъ только 61 годъ), но совершенно соотвѣтствовавшая жизни. Онъ умеръ на своемъ посту, и ни болѣзнь, ни утомленіе не вызвали перерыва въ работѣ и не успѣли нарушить прекрасную цѣльность этой жизни, состоявшей изъ пламенной мысли и горячаго, до конца неостывшаго чувства...

Въ самые послѣдніе годы физическія силы Михайловскаго замѣтно падали. Онъ снялъ съ себя нѣкоторую часть обычной редакторской работы, но только часть и притомъ очень небольшую. Затѣмъ онъ сталъ нѣсколько избѣгать шумнаго общества. Въ извѣстные традиціонные дни, когда, по обычаю, тѣсная квартира Михайловскаго вся наполнялась его друзьями разныхъ возрастовъ,—въ этотъ послѣдній годъ онъ уѣзжалъ въ Сестрорѣцкъ. Привычный дружескій шумъ этихъ праздниковъ уже утомлялъ его слишкомъ сильно. Вообще, когда онъ начиналъ чувствовать нервную усталость,—тихій сестрорѣцкій курортъ, съ его видомъ на взморье, съ сосновымъ лѣсомъ и пеленой ровныхъ снѣговъ по зимамъ—сталъ его любимымъ пріютомъ... Все чаще и чаще онъ искалъ тамъ уединенія и отдыха, и каждый разъ опять возвращался окрѣпшимъ... Но всетаки прогрессировавшая слабость возбуждала въ его друзьяхъ все большую тревогу. Временами, среди самой оживленной бесѣды,—лицо Михайловскаго становилось совершенно бѣлымъ, сливаясь съ его ровной, красивой сѣдиной...

Съ особенной горечью жаловался онъ на боль въ рукѣ и порой на потерю памяти. Его мысль оставалась все такой же послѣдовательной и ясной, но порой въ памяти образовывались временные пробѣлы, которые, пожалуй, составляли явленіе, нормальное въ его возрастѣ, — но его безпокоили и пугали. Впрочемъ, эти признаки исчезали, какъ только онъ становился за рабочей конторкой и начиналъ нервнымъ почеркомъ выводить свои ровныя, крупныя строки. Намѣтивъ тему и подобравъ матеріалы, онъ писалъ уже безостановочно, твердо, почти безъ помарокъ, и изъ всѣхъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала онъ былъ всегда самымъ аккуратнымъ. Никогда остановка или запозданіе выхода книги не происходили изъ за очередной статьи Николая Константиновича. Память его во время работы прояснялась, загоралось опять воображеніе, цитаты являлись сами собою, безъ справокъ, и листокъ за листкомъ откладывался весь исписанный... Въ эти минуты онъ опять былъ бодръ, красивъ и какъ будто молодъ. Своя работа не мѣшала ему въ промежуткахъ зорко слѣдить за постепеннымъ возникновеніемъ очередной книги журнала...

Такъ была приготовлена и сдана январьская книга. Въ ней появилась обычная статья Михайловскаго „Литература и жизнь“, а въ этой статьѣ, вызванной письмомъ стараго священника изъ Сибири, Николай Константиновичъ защищалъ память Чернышевскаго и Елисеева отъ озлобленной клеветы. Онъ спорилъ съ мертвымъ человѣкомъ и споръ шелъ о мертвыхъ людяхъ... И читая теперь эти строки, проникнутыя живой любовью къ этому живому прошлому, такъ трудно примириться съ мыслью, что и самъ онъ теперь присоединился къ этимъ памятнымъ тѣнямъ.

Январьская книга вышла въ Петербургѣ въ обычный срокъ, и почта развозила ее въ вагонахъ или на тройкахъ въ самые дальніе углы Россіи. Но въ то время, какъ тысячи читателей-друзей Михайловскаго пробѣгали страницы его очередной статьи,—его уже не было въ живыхъ...

Менѣе всего друзья и родные Михайловскаго ждали катастрофы именно теперь. Въ послѣдній мѣсяцъ своей жизни Николай Константиновичъ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ когда бы то ни было въ этотъ годъ, и его оживленный, бодрый видъ и свѣтлое настроеніе совершенно усыпили обычную тревогу. Книга вышла, нужно было готовить другую... Николай Константиновичъ намѣтилъ уже и очередную тему... Французскій журналъ „La Revue" предпринялъ, въ концѣ истекшаго года, анкету по вопросу о „патріотизмѣ". Извѣстно, до какой степени извращенія довели это понятіе французскіе націоналисты, и понятно, что многія проявленія этого монополизированнаго патріотизма и не въ одной только Франціи легко принять за признаки смерти и разложенія. И вотъ, французскій журналъ ставитъ вопросъ: не отжило-ли свой вѣкъ самое чувство, называемое патріотизмомъ, которое фактически такъ часто становится антагонистомъ общечеловѣческой солидарности?.. Или, наоборотъ, ему предстоитъ еще значительная дѣятельная роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ человѣчества?..

Изъ русскихъ писателей редакція обратилась и къ Михайловскому. Его отвѣтъ, изложенный въ видѣ коротенькой замѣтки, появился въ февральской книжкѣ французскаго журнала *), которая получена въ Петербургѣ еще при жизни Михайловскаго. „Патріотизмъ можетъ состоять въ стремленіи доставить въ своемъ отечествѣ торжество идеаламъ человѣчности" — такова основная мысль Михайловскаго, но „есть люди, которые считаютъ себя патріотами только потому, что стремятся сохранить всѣ предразсудки своей среды". „Естественному патріотизму угнетенныхъ національностей, ратующихъ за освобожденіе", онъ противопоставляетъ „стремленіе нѣкоторыхъ государствъ, мечтающихъ о расширеніи своихъ владѣній и въ то же время угнетающихъ свободу народностей, имъ уже подвластныхъ"... Очевидно, однако, что рамки коротенькой замѣтки не удовлетворяли Михайловскаго, и онъ задумалъ болѣе широкую работу на эту же тему для „Русскаго Богатства".

Нужно сказать, что предметъ этотъ, затрогивавшій одну изъ самыхъ глубокихъ проблемъ современной общественности и совпадавшій съ самой болящей злобой нашего дня,—былъ темой Михайловскаго по преимуществу. На Дальнемъ Востокѣ, какъ

*) Въ слѣдующей книжкѣ мы надѣемся напечатать эту замѣтку въ оригиналѣ. Въ настоящее время рукопись находится въ редакціи «La Revue».

туча, подымались уже первые раскаты неизбѣжной войны, и въ русской прессѣ раздавались крикливые, далеко не всегда разумные отголоски... и въ это же время во французскомъ журналѣ обсуждается вопросъ о „любви къ отечеству и народной гордости" въ его теоретическихъ основаніяхъ... Бреаль, Леруа Болье, Мезьеръ, Рише, Тардъ, Элизе Реклю, Анатоль Франсъ и — Дерулэдъ... Моммзенъ, Максъ Нордау, Вандервельде, Каутскій и—Францъ Кошутъ... Понятно, съ какимъ интересомъ Михайловскій встрѣтилъ эти „протоколы" литературнаго „парламента мнѣній", обсуждавшаго на Западѣ теоріи, практика которыхъ на Дальнемъ Востокѣ уже гремѣла раскатами первыхъ выстрѣловъ и готова была окраситься потоками крови...

Намъ приходится теперь писать некрологъ для той самой книжки, для которой Михайловскій задумывалъ свою работу... Какъ мы уже сказали, его умъ до конца сохранилъ свѣжесть, которую можно бы пожелать многимъ болѣе молодымъ писателямъ. Но физическій организмъ уже дошелъ до своего предѣла...

По понедѣльникамъ, каждыя двѣ недѣли, происходятъ засѣданія комитета Литературнаго фонда. Николай Константиновичъ съ давнихъ поръ состоялъ членомъ этого комитета, выбывая изъ него лишь на короткое время, по уставу. Въ этотъ роковой понедѣльникъ онъ присутствовалъ на обычномъ засѣданіи и проявлялъ, какъ всегда, живое вниманіе къ текущимъ вопросамъ.

Въ городѣ или, вѣрнѣе, въ литературныхъ кружкахъ Петербурга, говорили впослѣдствіи, будто это засѣданіе было почему то особенно бурно, и Михайловскій сильно волновался... Это не вѣрно. Никакихъ особенно волнующихъ вопросовъ не было, и Михайловскій казался всѣмъ совершенно бодрымъ и даже не уставшимъ. Около 12 часовъ онъ отправился домой... Швейцаръ замѣтилъ, что онъ поднимался на лѣстницу тише обыкновеннаго и повременамъ останавливался. Затѣмъ онъ открылъ свою дверь и вошелъ въ кабинетъ... Здѣсь, съ обычной аккуратностью, отличавшей всѣ его дѣйствія, онъ положилъ на стулъ снятый сюртукъ, приготовилъ порошокъ, который принималъ въ послѣднее время для успокоенія нервовъ, и сѣлъ на постель, чтобы совсѣмъ раздѣться...

Когда, черезъ короткое время, въ комнату вошелъ его племянникъ,—Михайловскій, блѣдный и спокойный, полулежалъ на своей постели безъ признаковъ жизни. Тотчасъ же былъ призванъ врачъ, которому оставалось только констатировать смерть отъ паралича сердца.

Такъ умеръ этотъ работникъ русскаго слова, непосредственно послѣ засѣданія въ литературномъ учрежденіи, между двумя очередными статьями и между двумя книгами журнала, изъ которыхъ одну онъ только что закончилъ и уже начиналъ другую... Закаленный въ подвигѣ упорнаго труда, умъ его горѣлъ сильно и ярко, до самаго момента смерти.

30 января, въ своей маленькой рабочей комнатѣ, на Спасской, онъ лежалъ спокойный и величавый, среди лентъ и цвѣтовъ. Кадильный дымъ застилалъ синими клубами книжныя полки... Съ лѣвой стѣны съ большого, во весь ростъ, портрета, глядѣлъ на него своими глубокими скорбными глазами Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Бюсты Шелгунова и Елисеева высились надъ рядами книгъ... Михайловскій лежалъ, такимъ образомъ, среди своихъ старыхъ, ранѣе умершихъ друзей и соратниковъ...

Комната, узкіе обороты лѣстницы, улица передъ подъѣздомъ были покрыты тѣсной толпой живыхъ друзей, пришедшихъ попрощаться съ любимымъ писателемъ... Въ этой толпѣ было очень много молодежи...

Похоронная процессія растянулась очень далеко. Говорятъ, со времени похоронъ Тургенева, Петербургъ не видѣлъ такой толпы за гробомъ писателя. День былъ чисто петербургскій, пасмурный, холодный... На кладбищѣ вѣтеръ срывалъ сухой снѣгъ съ могильныхъ памятниковъ и несъ его дальше, разсыпая надъ другими могилами. Свистки маневрирующаго за оградой паровоза прерывали прощальныя рѣчи... Похоронили Михайловскаго у „литераторскихъ мостковъ“, недалеко отъ Успенскаго.

Когда мы возвращались, среди раннихъ петербургскихъ сумерокъ, съ Волкова кладбища,—по Лиговкѣ долго еще тянулись группы людей, въ которыхъ можно было узнать провожавшихъ гробъ Михайловскаго.

А на встрѣчу, съ Невскаго, неслись громкіе крики. Это шла патріотическая манифестація,—второй день уже ходившая по улицамъ Петербурга съ воинственными криками.

И мысль съ невольной тревогой обращалась отъ этихъ шумныхъ проявленій жизни къ спокойному величію смерти...

Настоящая книга „Русскаго Богатства“, которую намъ приходится открывать этими прощальными строками,—вся составлена еще при непосредственномъ участіи и руководствѣ Николая Константиновича. Многія статьи для ближайшихъ книжекъ тоже отправятся въ типографію съ помѣтками, сдѣланными его своеобразнымъ почеркомъ. Дальше—это непосредственное, хотя и посмертное участіе, по необходимости, будетъ становиться все меньше...

Замѣнить эту утрату, безъ сомнѣнія, невозможно. Но наше стремленіе и наша надежда состоятъ въ томъ, чтобы наши читатели чувствовали его вліяніе въ журналѣ такъ-же долго и такъ-же живо, какъ мы, ученики, товарищи и друзья Михайловскаго чувствуемъ въ своей средѣ неумирающее вѣяніе его идей и всей его своеобразной личности, полной какого-то особеннаго, только ему свойственнаго, величаво-суроваго обаянія.

Вл. Короленко.

II.

У гроба Н. К. Михайловскаго.

Съ спокойно-мраморнымъ челомъ,—
Какъ-будто задремавъ случайно,—
Лежитъ онъ, полонъ думы тайной
О чемъ-то важномъ и большомъ.
И вотъ, возноситъ хоръ безстрастный
О немъ послѣднюю мольбу...
Не сонъ ли снится, сонъ ужасный,
Что, мертвый, онъ лежитъ въ гробу?
Онъ мертвъ? Всю жизнь будившій къ жизни!
Сквозь грохотъ бури, ночи мракъ
Свѣтившій горестной отчизнѣ,
Какъ призывающій маякъ!
Не можетъ быть! Мы здѣсь ошибкой...
Вотъ онъ услышитъ нашъ призывъ
И встанетъ съ ясною улыбкой:
„Друзья, не плачьте! Я вѣдь живъ.“

* * *

Нѣтъ! не дойдетъ къ тебѣ стозвучный жизни шумъ,
Ужъ не увидишь ты луча зари желанной!
Ты взоромъ лишь орла, съ вершины гордыхъ думъ,
Провидѣлъ край обѣтованный...

Но подвигъ твой живетъ. Учитель дорогой,
Спи безмятежнымъ сномъ, людскихъ угрозъ не зная!
Въ далекой памяти страны твоей родной
Ты будешь жить, не умирая!

П. Я.

III.

Съ кладбища.

Тяжело возвращаться съ кладбища; можетъ быть, тяжелѣе даже, чѣмъ опускать въ могилу. Но нужно вернуться въ опустѣвшій домъ, гдѣ все будетъ говорить о тяжкой утратѣ, и нужно продолжать жизнь, въ которой все будетъ напоминать о только что пронесшейся смерти...

И мы,—сотрудники Н. К. Михайловскаго,—прямо съ могилы должны вернуться въ осиротѣвшій журналъ, чтобы немедленно приняться за прерванную работу. День за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, вновь и вновь мы будемъ переживать въ немъ „горечь утраты своей".

Это чувство раздѣлятъ съ нами всѣ идейные друзья покойнаго. И не только здѣсь, не въ журналѣ только, гдѣ мы уже не встрѣтимъ, дорогой учитель, „высокихъ и свѣтлыхъ твореній твоихъ"...

Еще сильнѣе охватитъ насъ это чувство въ жизни—въ дѣятельности и борьбѣ, въ которыхъ ты былъ для насъ вдохновеннымъ руководителемъ. Тамъ, именно тамъ мы поймемъ, какъ много мы потеряли, кого мы лишились.

Кого мы лишились?

Я помню, какъ долго мы мучались, подыскивая четыре года тому назадъ заглавіе для юбилейнаго сборника въ честь Николая Константиновича. Мы искали слова, одного слова, которое выразило бы нашу мысль и наше чувство,—и не находили его. Этимъ словомъ мы хотѣли сразу сказать другу-читателю, чѣмъ былъ для насъ и для него Николай Константиновичъ.

Это былъ непоколебимый „утесъ", о который разбивались мутныя волны, это былъ острый „мечъ", подъ ударами котораго падали недруги. Это былъ высокій „маякъ", помогавшій находить правый путь въ ненастной мглѣ настоящаго; это былъ яркій „свѣточъ", лучами своей мысли прорѣзавшій туманныя дали будущаго. Это былъ вождь русской интеллигенціи, цензура ея знаменосецъ. Онъ бодро несъ ея идейный „стягъ", и въ его испытанныхъ рукахъ ни разу не дрогнуло ея

Не знавшее побѣдъ, но не запятнанное знамя...

Слишкомъ много нужно было вложить въ одно слово. Труднѣе же всего было сочетать въ одномъ образѣ непоколебимость утеса, подвижность „волны“ и неутомимость „прибоя“... Удивительное постоянство нужно было слить воедино со страстной энергіей, чтобы дать понятіе объ этомъ отважномъ борцѣ и глубокомъ мыслителѣ.

Мы не нашли слова, котораго искали; и я думаю, что въ нашемъ представленіи нѣтъ другого такого образа. Заглавіемъ для сборника мы взяли выраженіе: „на славномъ посту“. Мы смогли указать лишь мѣсто, какое занималъ Николай Константиновичъ въ нападеніи и въ защитѣ, въ борьбѣ и въ развѣдкахъ.

Я и теперь не сумѣю сказать, кого мы лишились, я знаю одно лишь: умеръ Михайловскій...

И нѣтъ ему смѣны на славномъ посту...

Сорокъ лѣтъ и четыре года,—больше, чѣмъ въ сказкѣ,—Николай Константиновичъ, если употребить его собственное выраженіе, „проходилъ въ одномъ сюртукѣ“. Онъ назвалъ это „счастьемъ“. Послѣднее мы привыкли мыслить, какъ нѣчто случайное, зависящее отъ причинъ, внѣ насъ лежащихъ. Не таково было „счастье“ Михайловскаго, и не случайно уцѣлѣлъ его „сюртукъ“.

Въ непроходимой чащѣ теорій и фактовъ, сквозь которую мыслителю приходится пробираться къ истинѣ, легко рвутся ученыя одежды; въ непрестанныхъ схваткахъ съ многочисленными врагами справедливости, борцу не мудрено разбить свои доспѣхи. Не торною дорогою подвигался къ правдѣ Николай Константиновичъ, и не мало жаркихъ битвъ за нее ему пришлось вынести. Но и за всѣмъ тѣмъ, его убѣжденія до конца остались непоколебленными, его міросозерцаніе все время оставалось единымъ и цѣлостнымъ.

Наука открывала новые и новые факты; на общественной аренѣ появлялись новыя и новыя силы; возникали новыя теоріи и рушились; выростали новые друзья и недруги; мѣнялись люди, ихъ настроеніе, ихъ увлеченія; Михайловскій неизмѣнно оставался вѣрнымъ себѣ,—своему ученію, которое становилось все болѣе полнымъ, своей системѣ, которая дѣлалась все болѣе стройной. Новые факты лишь углубляли его теорію, новые противники лишь окрыляли его энергію.

Нѣтъ, это была не случайность. „Счастье“ Михайловскаго заключалось въ немъ самомъ, въ его удивительной способности охватить своею мыслью всю жизнь—отъ безсознательныхъ движеній несложнаго микроорганизма до самыхъ высшихъ проявленій человѣческаго духа, отъ зачатковъ первобытной культуры до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ высокоразвитой гражданствен-

ности. Счастье заключалось въ его умѣньи понять общій смыслъ жизни на всемъ громадномъ ея протяженіи, во всѣхъ безчисленныхъ ея развѣтвленіяхъ. Счастье заключалось въ его умѣньи вскрыть основную цѣль человѣческихъ стремленій, въ какія бы разнообразныя формы они ни отливались,—въ стихійныя ли движенія безличныхъ массъ, или въ сознательныя дѣянія героевъ, имена которыхъ запишетъ исторія.

Центральное мѣсто въ міропониманіи Николая Константиновича занялъ человѣкъ. Человѣческая личность—это лучшее, что дала жизнь во всеобщей борьбѣ за индивидуальность; въ ея совершенствованіи—вся суть историческаго прогресса; ея самочувствіе—единственный критерій всевозможныхъ формъ общежитія. Въ этой простой концепціи нашли себѣ примиреніе самыя глубокія антитезы, которыя волнуютъ сердце, въ ней нашли себѣ рѣшенія труднѣйшія дилеммы, надъ которыми мучается разумъ. Истина слилась со справедливостью въ великую единую правду. Высокіе идеалы, къ которымъ стремятся единицы, гармонически сочетались съ жизненными интересами, которые двигаютъ массы. Возможность примиренія личности съ обществомъ намѣтилась въ совершенно конкретныхъ формахъ. Къ великой борьбѣ за эти формы, за общечеловѣческое счастье одновременно были призваны и оскорбленная честь, и наболѣвшая совѣсть.

Человѣческая личность, взятая со всѣмъ неисчерпаемымъ богатствомъ ея внутренняго содержанія и со всею безконечною сложностью ея общественныхъ отношеній, оказалась такимъ широкимъ фундаментомъ и такимъ прочнымъ цементомъ, что обоснованное на ней міросозерцаніе устояло десятки лѣтъ, ни разу не пошатнувшись и ни разу не потребовавъ перестройки. Залогъ его прочности лежалъ въ его всесторонней полнотѣ и внутренней цѣлостности. И я не сомнѣваюсь, что пройдутъ еще десятки лѣтъ, а оно останется столь же незыблемымъ. Мыслитель, который его обосновалъ, безсмертенъ и потому

Не говорите мнѣ: онъ умеръ—онъ живетъ...

Онъ живетъ въ ученіи, которое намъ оставилъ; онъ будетъ жить въ борьбѣ, которую намъ заповѣдалъ.

Будетъ... Я говорю это съ полною увѣренностью. Міросозерцаніе, для котораго Н. К. Михайловскій былъ важнѣйшимъ теоретикомъ, дало уже достаточно объективныхъ доказательствъ своей устойчивости. Группа, для которой онъ такъ долго былъ вождемъ, уже не мало проявила живучести.

Не разъ уже рѣдѣли и таяли ряды борцовъ подъ этимъ идейнымъ знаменемъ... Цѣлые отряды, увлеченные какимъ-либо однимъ „факторомъ"—мыслью или чувствомъ, какимъ-либо однимъ двигателемъ — идеаломъ или интересомъ, какимъ-либо однимъ классомъ—мужикомъ или пролетаріемъ,—подчасъ далеко укло-

нялись въ сторону. Но опять приближались увлекшіеся—и вновь разгоралась борьба.

Армія измѣнялась въ своей численности, но отдѣльные борцы были непоколебимы въ своей стойкости и беззавѣтны въ своей преданности. Среди нихъ не мало можно насчитать сохранившихъ въ цѣлости и невредимости міросозерцаніе, которымъ они овладѣли, и до конца оставшихся вѣрными знамени, которому они служили.

Не скоро, быть можетъ, дождемся мы мыслителя, который такъ же ярко освѣщалъ бы наши идеалы, и не скоро, быть можетъ, найдемъ мы вождя, который такъ же высоко держалъ бы наше знамя. Но эти идеалы уже свѣтятся—и они не погаснутъ; это знамя уже поднято—и отъ насъ зависитъ, чтобы оно не упало. Съ сознаніемъ этой великой отвѣтственности мы должны вернуться съ кладбища. Мы должны найти и—я вѣрю—найдемъ силы для жизни...

А. Пѣшехоновъ.

IV.

Памяти Н. К. Михайловскаго.

Тернистою, но славною дорогой
Ты въ жизни шелъ—шелъ много, много лѣтъ,
Съ рѣшимостью неколебимо строгой,
Неся въ душѣ неугасимый свѣтъ.
Онъ былъ тебѣ звѣздою путеводной,
Онъ былъ оплотъ пытливаго ума
Въ часы, когда вокругъ стези свободной
Сгущалася враждующая тьма.
Тяжелый путь!.. То свѣтлыя поляны
Въ цвѣтахъ весны, и свѣжесть, и просторъ;
То мрачный лѣсъ, зловѣщіе туманы;
То лучъ надеждъ; то гибель и позоръ...
Въ слѣдъ за тобой шли смѣлые собратья;
Но не одинъ, лишившись силъ въ борьбѣ,
Палъ съ воплями унынья и проклятья,
Съ отчаяньемъ и въ людяхъ, и въ себѣ.
А ты, боецъ подъ знаменемъ науки,
Съ перомъ-мечомъ ты продолжалъ идти,
На мигъ одинъ не опуская руки,
На шагъ одинъ не совратясь съ пути.
Ты былъ силёнъ той силой убѣжденья,
Чтò искони творила чудеса,
Той вѣрой въ судъ и кару Провидѣнья,
Чтò въ міръ земной низводитъ небеса...
И вотъ, когда ужъ пристань показалась
Невдалекѣ, когда завѣтный часъ
Ужъ началъ бить—изъ-за угла подкралась
Коварно смерть—и ты ушелъ отъ насъ!..

* *
*

Нелѣпая игра существованья!
Жестокая насмѣшка естества!
Жить—въ радостяхъ и мукахъ упованья,
И умереть—въ минуту торжества!..

Петръ Вейнбергъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

ТУЧКИ.

Разсказъ.

V.

На четвертый день святокъ Дора Яковлевна была дежурной въ больницѣ, и Надежда Григорьевна все время оставалась въ одиночествѣ. Отъ скуки она занялась уборкою квартиры, смела вездѣ пыль и разобрала книги, безпорядочно сваленныя на этажеркѣ. Среди разныхъ медицинскихъ учебниковъ и брошюръ ей попалась тоненькая, желтая книжечка съ заглавіемъ: „такъ говорилъ Заратустра". Она была очень зачитана и по всѣмъ страницамъ исчерчена карандашомъ. „Ага, вотъ оно, современное Евангеліе-то"!—подумала Надежда Григорьевна.—„Ужъ не отсюда ли Дора черпаетъ свою мудрость"? И она съ любопытствомъ начала перелистывать книгу. Но тяжелый переводъ и странный, какой-то неестественно-напряженный языкъ предтечи Сверхчеловѣка скоро ее утомили, и душа ея осталась холодна къ своеобразной красотѣ поэмы. Она отложила ее въ сторону, чтобы прочесть въ другой разъ, и стала искать чего нибудь болѣе подходящаго. На нижней полкѣ лежала цѣлая груда старыхъ журналовъ и, перебирая ихъ, Надежда Григорьевна увидѣла имя одного изъ своихъ любимыхъ писателей. Заглавіе разсказа ей было незнакомо и, усѣвшись съ ногами на диванъ, Надежда Григорьевна съ трепетомъ предвкушаемаго удовольствія развернула истрепанную, пропитанную пылью книгу. Разсказъ былъ простой и въ то же время странный... изъ тѣхъ временъ, которыя отошли еще не такъ далеко, но теперь кажутся почти легендарными. Молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ, которой нуженъ фиктивный мужъ для того, чтобы получить свободу. Въ тѣ времена это дѣлалось просто и легко: женщина, получивъ имя и свободу, уходила въ одну сторону, а мужчина—въ другую, какъ будто бы ничего особеннаго не произошло. Но иногда происходили драмы,

и въ этихъ драмахъ, какъ всегда, страдалъ больше всего тотъ, кто больше жертвовалъ. Такъ было и въ разсказѣ. Дѣвушка приняла жертву отъ одного и ушла съ другимъ, а тотъ, кто помогъ ей въ этомъ, положилъ голову подъ поѣздъ, потому что онъ любилъ свою фиктивную жену. Она уѣхала наслаждаться свободой и любовью, а на рельсахъ желѣзной дороги, по которой она только что промчалась, остались окровавленные и забрызганные грязью мозги того, кто ей отдалъ все.—Кто виноватъ? Никто не виноватъ, да и некогда объ этомъ думать... На станціи уже звонятъ; идетъ слѣдующій поѣздъ, и желѣзнодорожный сторожъ, чтобы очистить ему путь, грязной метлой сметаетъ съ рельсъ растоптанные остатки того, что вчера еще любило, мыслило, мечтало, жертвовало собой. Жалкіе, грязные остатки!..

Было уже совсѣмъ темно, когда Надежда Григорьевна дочитала послѣднюю строчку. Она была ошеломлена, точно этотъ поѣздъ, который убилъ героя разсказа, промчался у нея надъ головой. Ей казалось, что около нея произошло что-то ужасное, и холодъ безнадежнаго отчаянія вошелъ къ ней въ душу. Жизнь, любовь, дѣла людей—все приняло въ ея сознаніи форму отвратительныхъ, грязныхъ клочьевъ человѣческаго мозга и все казалось такимъ ничтожнымъ, жалкимъ и ненужнымъ. Любовь, красота, самопожертвованіе, — да существуютъ ли онѣ, когда грязная метла можетъ каждую минуту смести все это въ кучу сора? Стоитъ ли жить, страдать и ждать своей очереди? И никто никогда, — ни герой, ни предатель, ни богачъ, ни нищій, ни красавецъ, ни уродъ—никогда не уйдетъ отъ этой безпощадной метлы...

А червякъ-точильщикъ продолжалъ въ тишинѣ свою невидимую работу и постукивалъ: такъ-такъ, такъ-такъ. И было въ этомъ постукиваніи что-то грозное и неумолимое, какъ въ теченіи времени, котораго нельзя остановить... и чудилось въ темнотѣ, что кто-то невидимый беззвучно смѣялся торжествующимъ, жестокимъ смѣхомъ. Такъ-такъ... никто-никогда.

Въ дверь постучали, сначала тихо и осторожно, потомъ громче; Надежда Григорьевна вздрогнула.

— Кто тамъ?—спросила она, и въ голосѣ ея звучалъ ужасъ, точно въ дверь должно было войдти что-то страшное и безпощадное, какъ смерть.

— Это я Смоляковъ,—отвѣчалъ знакомый голосъ.—Можно?

Надежда Григорьевна съ трудомъ отперла крючокъ.

— А я, стучу уже давно,—сказалъ Смоляковъ.—Хотѣлъ было уходить, но услышалъ шаги и рѣшилъ достучаться. Не хотѣлось возращаться домой.

— Я ничего не слышала...—проговорила Надежда Григорь-

евна, расхаживая по комнатѣ и потирая руки, точно онѣ у нея озябли.—Я сейчасъ читала одну книгу...

И отрывисто, запинаясь на каждомъ словѣ, она стала разсказывать Смолякову содержаніе поразившаго ее разсказа.

— Да, я это помню,—сказалъ Смоляковъ, когда она кончила и сѣла передъ нимъ у окна, ожидая его отвѣта.—Я помню, что читалъ его еще въ гимназіи, и у насъ тогда много о немъ говорили. Но не знаю почему, меня заинтересовалъ больше не герой, а героиня. Герой что! Онъ свое дѣло сдѣлалъ и умеръ, а смерть вѣдь не страшна тому, для кого жизнь потеряла цѣну. Но эта миссъ... вѣдь она-то осталась,—какъ она будетъ жить? Вотъ это меня очень занимало. Прогуляться по мозгамъ это не то, что черезъ лужу перескочить, этого не забудешь. И, знаете, мнѣ эту миссъ очень жаль было. Жизнь иногда бываетъ страшнѣе смерти.

Спокойный тонъ его и совсѣмъ другое, чѣмъ у Надежды Григорьевны, отношеніе къ разсказу разсѣяли атмосферу кошмара, созданнаго ея мозгомъ. Она уже перестала дрожать, и руки у нея согрѣлись; она старалась въ сумракѣ разсмотрѣть его лицо, но смутно видѣла только его большой бѣлый лобъ, который еще вызывалъ въ ней какія-то смутныя, но тяжелыя ощущенія недавно пережитаго ужаса.

— Послушайте,—сказала она, дотрогиваясь до его руки и испытывая почти болѣзненное удовольствіе отъ ея живой и мягкой теплоты. — А вы переживали когда нибудь страхъ смерти?

— Да, когда то, въ дѣтствѣ. Впрочемъ, я не столько за себя боялся, сколько за отца и мать. Бывало, проснешься ночью, да какъ представишь себѣ, что когда нибудь они умрутъ и никогда уже больше ихъ не будетъ,—такой ужасъ нападетъ, прямо до безумія. Потомъ это прошло... не думалъ какъ-то. Некогда было думать.

„Некогда"... повторила Надежда Григорьевна про себя и усмѣхнулась. Онъ, должно быть, замѣтилъ эту усмѣшку и, какъ бы оправдываясь, продолжалъ:

— Я, знаете, вообще не склоненъ къ размышленіямъ о сущности бытія, загробной жизни и прочее. Я эстетикъ и... эпикуреецъ. Жизнь представляется мнѣ величайшимъ благомъ, а смерть—тихій сонъ безъ сновидѣній, больше ничего. Я люблю жизнь, и оттого, что я ее люблю, меня особенно мучаетъ то, что люди сдѣлали ее такою непріятною и тяжелою. Когда я узналъ, что есть люди, которые стремятся сдѣлать ее лучше, я сейчасъ же присоединился къ нимъ, и теперь это дѣло сдѣлалось для меня дѣломъ всей моей жизни. Но... знаете, иногда нападаетъ какая то усталость. Вотъ это ужасно тяжелыя минуты... и гораздо страшнѣе страха

смерти. Особенно это бываетъ со мною, когда я одинъ... а я очень долго былъ одинъ! Мнѣ представляется тогда, что вѣдь цѣль страшно далека, что всей жизни моей не хватитъ, что-бы дойти до нея, что я упаду на дорогѣ... а когда же жить? И станетъ ужасно жалко себя и своей жизни, которая дается только вѣдь одинъ разъ и никогда больше не повторится...

Послѣднія слова онъ сказалъ почти шепотомъ, какъ будто стыдясь, и замолчалъ. Надежда Григорьевна не видѣла его лица, но ей казалось, что оно было теперь грустное, какъ у опечаленныхъ дѣтей, и ей хотѣлось бы какъ нибудь ободрить и приласкать молодого человѣка.

— Но развѣ нельзя... отдохнуть?—спросила она, чувствуя, что говоритъ совсѣмъ не то, что хотѣла бы сказать.

— Нѣтъ... Нельзя останавливаться, можно только падать, когда уже нѣтъ силъ идти. И при томъ очень мучительно, когда знаешь, что отсталъ отъ товарищей и сидишь въ уголкѣ. Нѣтъ, нѣтъ, отставать нельзя... у меня уже и такъ много пропало времени. Вѣдь я...

— Что это вы тутъ шепчетесь? — неожиданно раздался около нихъ голосъ Доры Яковлевны.—Сидятъ въ потёмочкахъ и шу-шу-шу, шу-шу-шу...

— А мы и не слышали, какъ ты вошла,—сказала Надежда Григорьевна, вставая нехотя и сожалѣя въ душѣ, что такъ скоро кончилась эта бесѣда вдвоемъ, въ таинственномъ сумракѣ и тишинѣ вечерней.—Намъ такъ хорошо было... въ темнотѣ какъ-то лучше говорится!

— Да ужъ я вижу, что хорошо,—ворчала Дора Яковлевна, ощупью разыскивая лампу и спички.—Но я сейчасъ прекращу этотъ безпорядокъ... терпѣть не могу потемокъ! Свѣту, свѣту... воскликнулъ умирающій Гёте.

Она чиркнула спичкой, и яркій свѣтъ лампы освѣтилъ комнату. Надежда Григорьевна зажмурилась.

— Да, вамъ тутъ хорошо...—продолжала ворчать Дора Яковлевна, снимая съ себя фартукъ и бросая его на полъ.— Эхъ, проклятая жизнь!.. Хоть бы ужъ умереть поскорѣе...

— Что съ тобой?—спросила Надежда Григорьевна.

— Со мной ничего... а вотъ у насъ сейчасъ одинъ больной умеръ. Утромъ сдѣлали операцію, а вечеромъ—кранкенъ... Фу, какъ это непріятно!

Но извѣстіе о смерти незнакомого человѣка не произвело на Надежду Григорьевну никакого впечатлѣнія. Она смотрѣла на Смолякова, и его лицо казалось ей сегодня особенно милымъ и красивымъ, и, какъ всегда это бываетъ послѣ только что пережитаго страха смерти, она чувствовала необычную жажду жизни и жгучую радость, что она еще живетъ, будетъ жить.

— И вѣдь, что особенно скверно,—говорила, между тѣмъ, Дора Яковлевна, переодѣваясь за ширмами,—мужикъ-то былъ здоровенный какой... Послѣ бани квасу холодного напился... Ну, конечно, отекъ гортани. Сдѣлали трахеатомію, да, должно быть, поздно... задохся. Такъ-таки и задохся... И какъ онъ на меня глядѣлъ, когда умиралъ, какъ глядѣлъ... никогда не забуду этихъ глазъ! Фу... даже тошно... не могу говорить. Проклятая жизнь!

И снятые ботинки съ грохотомъ полетѣли на полъ.

— А съ Дормидошкой я окончательно разругалась,—снова начала она.—Отличился онъ сегодня. Операцію-то сдѣлалъ, да видитъ, что плохо дѣло, и скрылся. Мужикъ хрипитъ, посинѣлъ весь, у меня просто сердце надрывается, а сдѣлать ничего не могу, чтобы облегчить, да безъ доктора и не имѣю права. Посылаю за Дормидошкой. Что же вы думаете?.. Вмѣсто Дормидошки является Мумочка и начинаетъ мнѣ скандалъ дѣлать. Какъ это я смѣю безпокоить Пупочку въ неурочный часъ? Онъ, бѣдный, усталъ, у него нервы, а я—дармоѣдка, ничего дѣлать не хочу и прочее, и прочее. Ну, тутъ ужъ я не вытерпѣла, Мумочку къ чорту послала, а сама полетѣла къ Пупочкѣ и все ему отпечатала.

— Что же теперь будетъ?—Вѣдь, пожалуй, онъ тебя выживетъ.

— А чортъ съ нимъ!.. мнѣ теперь все равно. Я какъ посмотрѣла нынче на этого мужика, когда онъ умиралъ... Боже мой, какъ мнѣ все это показалось нелѣпо, глупо, пошло... т. е. вся наша жизнь. Ужасно легко умирать... вотъ нынче утромъ онъ еще мучился, хотѣлъ жить, объ какихъ-то пустякахъ безпокоился... свинья, что ли, у нихъ тамъ дома опоросилась, такъ не померзли бы поросята... А сейчасъ лежитъ себѣ спокойный, важный такой... и ничего ему не нужно...

Она смолкла, и Надеждѣ Григорьевнѣ показалось, что она всхлипнула. Но сейчасъ же она вышла изъ-за ширмъ, переодѣтая въ свое парадное платье и, видимо, желая скрыть волнующую ее печаль, сказала преувеличенно веселымъ тономъ:

— Ну-съ, господа,—а теперь я сообщу вамъ пріятную новость. Сейчасъ встрѣтила Евгенію Ивановну, и она зоветъ насъ къ себѣ посидѣть вечерокъ. Барбарисъ въ уѣздъ уѣхалъ, она одна. Пойдемте.

— Охъ, не хочется!—проговорила Надежда Григорьевна, взглядывая на Смолякова.

— И мнѣ тоже,—сказалъ Смоляковъ.—У васъ тутъ, господа, такъ хорошо, уютно... просто уходить не хочется. Давайте, останемся.

— Ну ужъ нѣтъ!—воскликнула Дора Яковлевна, надѣвая

калоши.—Надо идти. Во-первыхъ, я обѣщала, а во-вторыхъ... ну, ей Богу, господа, какіе вы эгоисты!.. Не могу я сейчасъ дома сидѣть...

VI.

Евгенія Ивановна сама встрѣтила ихъ въ передней. Она была сегодня очень оживлена и казалась гораздо моложе и красивѣе въ простомъ темномъ платьи, съ кожанымъ кушакомъ.

— Вы нынче на курсистку похожи,—сказала Дора Яковлевна, оглядывая ее.

— Въ самомъ дѣлѣ?—съ улыбкой проговорила Евгенія Ивановна.—Такъ давайте же для полной иллюзіи и вечеръ проведемъ по студенчески,—такъ надоѣло корчить изъ себя свѣтскую даму. Будемъ пить чай изъ стакановъ, спорить, пѣть хоромъ студенческія пѣсни...

— Ну ужъ насчетъ пѣнія я не гожусь,—проворчала Дора Яковлевна.—Да и вообще сегодня мнѣ не до пѣнія...

Дѣйствительно, какъ она ни старалась притвориться веселой, у нея какъ-то ничего изъ этого не выходило, и часто среди смѣха и разговоровъ она вдругъ умолкала и задумывалась. И тогда ей представлялась больничная мертвецкая... передъ образомъ тихо мерцала тоненькая свѣчечка, и на длинномъ столѣ, важный и спокойный, лежалъ мертвецъ. И тутъ же сейчасъ Дора Яковлена почему-то вспоминала свинью съ маленькими поросятами, и слезы навертывались у нея на глаза.

Они еще не кончили пить чай, какъ въ передней послышался звонокъ. Всѣ подумали, что вернулся Борисъ Борисычъ, и немного встревожились, но это оказался Ставровскій.

— У васъ, кажется, тутъ весело,—сказалъ онъ, входя.—Представьте, цѣлый вечеръ рыскаю и ищу гдѣ-нибудь веселаго уголка, но увы!—тщетно. Куда ни заглянешь, — вездѣ винтятъ и сплетничаютъ. Заѣхалъ сейчасъ въ клубъ,—тамъ настоящее священнодѣйствіе. Всѣ сидятъ, уставя брады; дымъ ходитъ облаками, тишина торжественная, и только изрѣдка слышится-то тамъ, то здѣсь: „Пасъ!“ „Разъ“!.. А гдѣ же Борисъ Борисычъ?

— Уѣхалъ въ Гавриловку. Тамъ опять какое-то недоразумѣніе съ крестьянами.

— Да, да...—поморщившись, вымолвилъ Ставровскій.—Недоразумѣнія... вездѣ недоразумѣнія, и вся наша жизнь превратилась въ одно сплошное недоразумѣніе. Ахъ... кстати... вы что это, сударыня, опять надѣлали?—обратился онъ

къ Дорѣ Яковлевнѣ.—Какое это у васъ „недоразумѣніе“ съ Дормидонтовымъ вышло?

Дора Яковлевна густо покраснѣла и вся ощетинилась, точно ежикъ, не желающій давать себя въ обиду.

— Никакого недоразумѣнія не вышло, а просто вашъ Дормидошка с...

Ставровскій поспѣшилъ ее перебить, зная ея пристрастіе къ сильнымъ выраженіямъ, которыхъ его корректность не могла переносить.

— Вообразите, онъ часъ тому назадъ является ко мнѣ бѣлый, какъ полотно, и категорически требуетъ: „или я, или она“, т. е. это вы, конечно. Говоритъ, что вы его оскорбили при исполненіи служебныхъ обязанностей, наговорили ему дерзостей и отказываетесь исполнять его предписанія...

— Т. е. не его, а Мумочкины!—вызывающе сказала Дора Яковлевна.—Отказывалась и не буду исполнять, это ужъ вы какъ хотите. А что касается дерзостей, то да: наговорила и имѣю на это причины...

И она, волнуясь, начала разсказывать, что произошло у нея съ Дормидонтовымъ. Ставровскій въ смущеніи поглаживалъ свои скобелевскія бакенбарды.

— Ну вотъ, ну какъ же это?—говорилъ онъ.—Вотъ это уже совершенно по женски,—самосудъ какой-то! Вы могли дѣйствовать законнымъ путемъ,—ну, подали бы намъ въ управу заявленіе о дѣйствіяхъ врача, нарушающихъ обычный порядокъ; мы бы разсмотрѣли это дѣло, сдѣлали бы выговоръ, ну, поставили на видъ, что ли,—а такъ нельзя. Ну, что мы теперь можемъ сдѣлать? Ничего. Дормидонтовъ правъ, а вы кругомъ виноваты. Вы первая къ нему ворвались, наговорили дерзостей, вообще вели себя некорректно... конечно, управа будетъ на его сторонѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я завтра же выхожу въ отставку!—пылко воскликнула Дора Яковлевна.

— Подождите, m-lle, не горячитесь!—успокоительно замѣтилъ Ставровскій.—Зачѣмъ сейчасъ же въ отставку? Не нужно въ отставку. Ни намъ, ни вамъ это невыгодно. Попробуемъ какъ-нибудь это уладить, помирить васъ...

— Мириться? Ни за что! Ни доносовъ, ни заявленій никакихъ, ни мириться я не желаю!..

— Ахъ, какая вы, однако, свирѣпая особа! Въ какое положеніе вы насъ ставите? Поймите, что Дормидонтова намъ вовсе не хочется терять,—онъ хорошій хирургъ, а хирургами земство дорожитъ... Но и васъ тоже мы не желаемъ увольнять; вѣдь мы знаемъ, какъ вы работаете, мы вашу работу высоко цѣнимъ...

— Если бы цѣнили, вы бы не мѣшали, а помогали намъ

работать...—перебила его Дора Яковлевна.—Развѣ можно въ такихъ условіяхъ дѣлать дѣло, когда на каждомъ шагу приходится грызться? А тутъ, мало того, что приходится зависѣть отъ всякаго докторскаго каприза, но еще переноси капризы и его супруги! Вѣдь выходитъ, что мы служимъ не земству, не народу и даже не Дормидонтову, а какой-то Мумочкѣ, которая воображаетъ, что ужъ если она докторская жена, то и въ больницѣ она хозяйка! Развѣ это нормально?

— Не нормально, конечно, но...

— А, не нормально!—съ торжествомъ продолжала Дора Яковлевна.—А зачѣмъ же вы это терпите? И все это неправда, что управа дорожитъ Дормидонтовымъ, какъ хирургомъ! Вовсе не потому, а потому что Мумочка—дочь предводителя дворянства! Небось, Фіалкинъ получше Дормидонтова хирургъ былъ, а имъ не дорожили: сейчасъ же уволили, когда онъ на собраніи указалъ на недостатки больничнаго помѣщенія! Ну, Дормидошка, конечно, не укажетъ,—онъ передъ вами хвостикомъ виляетъ,—ему только бы жалованье платили, а больные хоть въ хлѣву лежи... И вы все это видите и молчите,—почему вы молчите? У васъ сила, у васъ власть,—создайте намъ такія условія, чтобы мы могли работать!

— Голубушка, я не Богъ...—кротко сказалъ Ставровскій.—Меня самого, того и гляди, на вороныхъ прокатятъ, —какая ужъ тамъ сила? Въ большомъ подозрѣніи нахожусь!

— Вы—въ подозрѣніи? За что?—съ удивленіемъ воскликнула Евгенія Ивановна.

— За то, что мужиковъ развратилъ, много школъ настроилъ. Это, оказывается, очень вредно для народной нравственности.

И, грустно погладивъ свою лысину, онъ прибавилъ со вздохомъ:

— Недоразумѣніе! Все, что ни дѣлаешь—выходитъ одно недоразумѣніе, и я начинаю думать, что даже земство существуетъ до сихъ поръ только по какому-то странному недоразумѣнію...

Между тѣмъ Дора Яковлевна, облегчивъ свою душу, вдругъ развеселилась и веселостью своею увлекла все общество. Она разыграла цѣлое представленіе, изобразивъ въ лицахъ Пупочку и Мумочку, когда они принимаютъ больныхъ и совѣтуются другъ съ другомъ, чего дать больному, — касторки или лавровишневыхъ капель? Потомъ Дора Яковлевна вовлекла въ споръ молчаливаго Смолякова и страшно хохотала, когда студентъ заявилъ, что онъ—эпикуреецъ.

— Хорошъ эпикуреецъ... безъ калошъ! — говорила она сквозь смѣхъ.—Ну, господа, я такихъ эпикурейцевъ еще и не видывала. Вѣдь выдумаетъ же... охъ вы, строитель!

— А вы изволите въ строительномъ институтѣ воспитываться? — спросилъ Ставровскій совершенно серьезно, обращаясь къ Смолякову.

Смоляковъ взглянулъ на Надежду Григорьевну, и оба улыбнулись, а Дора Яковлевна чуть не задохнулась отъ хохота.

— Какъ же, какъ же... онъ строитель... Вавилонскую башню строитъ для счастья человѣчества!—объяснила она Ставровскому.

Тотъ сдѣлалъ изумленные глаза, но, понявъ, что это шутка, вѣжливо улыбнулся и больше уже ни о чемъ не спрашивалъ Смолякова.

А Дора Яковлевна уже придумала новую забаву и приставала къ Надеждѣ Григорьевнѣ, чтобы она позволила ей себя причесать.

— Господа, ну посмотрите вы на эту чучелу?—говорила она, обращаясь ко всѣмъ. — Ну развѣ можно съ такими волосами и такъ причесываться? Ну вотъ вы эпикуреецъ, Іосифъ Андреичъ, ну, скажите, что говоритъ на этотъ счетъ вашъ Эпикуръ?

И прежде, чѣмъ Смоляковъ успѣлъ ей отвѣтить, она проворно выдернула шпильки изъ волосъ Надежды Григорьевны и распустила ея косы по плечамъ.

— Ну, поглядите, какая прелесть!—съ торжествомъ сказала она, пропуская сквозь пальцы мягкія, волнистыя пряди.—Вѣдь это только на рекламахъ „Элеопатъ“ такіе волосы рисуютъ, а она ихъ прячетъ. О, Господи, да кабы мнѣ эти волосы, да что-бы я надѣлала?..

— Дора, пусти, пожалуйста... Что это за безобразіе?—сердито произнесла Надежда Григорьевна, пытаясь освободиться изъ цѣпкихъ рукъ подруги.

— Надежда, не вертись! Дай мнѣ хоть одинъ разъ причесать тебя по человѣчески. Ну, тамъ у себя, въ Крутищахъ будь хоть пугаломъ вороньимъ, а здѣсь покажись намъ разочекъ въ своемъ настоящемъ видѣ...

Съ этими словами Дора Яковлевна быстро свила волосы Надежды Григорьевны въ толстый жгутъ, причудливо расположила его на темени, тамъ приколола, здѣсь взбила и, отойдя въ сторону, воскликнула:

— Настоящая губернаторша!

Всѣ посмотрѣли на смущенную и разсерженную Надежду Григорьевну и нашли, что она, дѣйствительно, похожа на губернаторшу.

— Молодецъ вы, Дора Яковлевна! — одобрилъ Ставровскій.—На всѣ руки вы мастерица.

— Еще бы!—смѣясь, сказала Дора Яковлевна.—Вотъ, по-

годите, выгонять меня изъ фельдшерицъ, я парикмахерскую открою. Пожалуйте тогда ко мнѣ: буду стричь, брить, завивать и кровь пущать.

— Ну, а я, когда меня на вороныхъ прокатятъ, торговыя бани заведу,—меланхолически замѣтилъ Ставровскій. — Попробуемъ съ вами счастья: на школахъ и медицинѣ не выгорѣло, такъ, можетъ, на цирюльнѣ и на торговыхъ баняхъ повезетъ!

Всѣ засмѣялись, но смѣхъ звучалъ какъ-то грустно, и въ веселыхъ шуткахъ чувствовалась горечь.

— Господа, давайте гадать! — предложила Дора Яковлевна.—Спросимъ судьбу, слѣпую и глухую старушку, что „день грядущій намъ готовитъ“!..

Достали гдѣ-то воску, принесли миску съ водой и разливательную ложку, и Дора Яковлевна съ серьезнымъ видомъ начала топить воскъ. Ей вышло что-то странное, и она долго разсматривала на стѣнѣ причудливую тѣнь, похожую не то на кулакъ, не то на безобразную голову съ громаднымъ носомъ.

— А вѣдь это кукишъ!—воскликнула Дора Яковлевна съ огорченіемъ.—Ей Богу, кукишъ!.. Вотъ тебѣ и судьба... Ахъ, я несчастная!

— Ну гдѣ же кукишъ?—утѣшала ее Евгенія Ивановна.— Вовсе не кукишъ, а чья-то голова. Вотъ я вижу и носъ, и бороду... и даже глаза. Посмотрите.

Но Дора Яковлевна и смотрѣть больше не захотѣла и передала ложку Евгеніи Ивановнѣ. Всѣ заинтересовались гаданьемъ и со смѣхомъ толпились у стѣны, стараясь разгадать тайный смыслъ фантастическихъ отраженій. Даже Смоляковъ вышелъ изъ своей обычной молчаливой сдержанности и смѣялся какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ, отъ котораго лицо его дѣлалось удивительно-привлекательнымъ. Очень много смѣялись надъ Ставровскимъ, у котораго воскъ отлился въ какую-то унылую фигуру, — по толкованію Доры Яковлевны это былъ его будущій кліентъ съ вѣникомъ подъ мышкой, плетущійся изъ бани, а самъ Ставровскій увѣрялъ, что это князь Мещерскій, отечески грозящій ему розгой и предостерегающій его отъ излишнихъ увлеченій народнымъ образованіемъ. Но самый бурный взрывъ веселости возбудилъ воскъ Смолякова — нѣчто въ родѣ пирамиды или сахарной головы, на вершинѣ которой торчала забавная фигурка, напоминавшая человѣчка съ поднятыми къ небу руками.

— Вавилонская башня, Вавилонская башня!—закричала Дора Яковлевна, хлопая въ ладоши и хохоча. — А наверху самъ строитель, возносящій хвалу небу за ея благопо-

лучное окончаніе!.. Ну вотъ, не вѣрьте же послѣ этого въ гаданье!..

— Ахъ, господа, господа!—сказалъ Ставровскій, когда всѣ устали смѣяться, и принадлежности гаданья были убраны.— Вотъ мы смѣемся... а вѣдь въ сущности надъ чѣмъ смѣемся? „Надъ собой смѣемся"...Какая спасительная вещь смѣхъ... Если бы у человѣка не было способности смѣяться въ самыя тяжелыя минуты жизни, какъ грустно было бы жить...

Было уже поздно, когда всѣ вспомнили, что пора гостямъ по домамъ, и распростились съ гостепріимной хозяйкой. Евгенія Ивановна, провожая ихъ, говорила:

— Ну, давно уже мнѣ не было такъ весело... да больше уже и не будетъ. У меня предчувствіе, что это послѣдній веселый вечеръ въ моей жизни.—И въ голосѣ ея звучала грусть.

— Зачѣмъ такія грустныя предчувствія?—отозвался Ставровскій.—Не надо въ нихъ вѣрить; надо бодро смотрѣть впередъ. Muth verloren — alles verloren,—не такъ ли, m-lle Розенштраухъ?

Но Дора Яковлевна притихла и молча шагала впередъ, о чемъ-то задумавшись. Ночь была туманная, но свѣтлая, и за густымъ облачнымъ вуалемъ чувствовался тихій лунный свѣтъ. Онъ смягчалъ рѣзкую бѣлизну снѣга, нѣжно затушевывалъ рѣзкія очертанія домовъ и деревьевъ, растворилъ въ себѣ границы между небомъ и землей, и оттого казалось, что нѣтъ ни земли, ни неба, — есть только какой-то странный, безграничный міръ, полный призраковъ и тайны.

Если грустно тебѣ, можно горю помочь,
Только фею-мечту призови:
Въ этотъ мигъ на землѣ гдѣ-то лунная ночь,
Кто-то шепчетъ о вѣчной любви...—

продекламировалъ Ставровскій съ чувствомъ. Дора Яковлевна очнулась отъ своей задумчивости и вздохнула.

— А мужикъ-то... лежитъ теперь въ мертвецкой... холодный, длинный... и ничего ему не надо...—начала было она, но голосъ ея оборвался, и она снова замолчала.

„Ну что жъ, не надо, такъ и не надо"... думала въ отвѣтъ на ея слова Надежда Григорьевна, испытывая сладкую дрожь оттого, что съ нею рядомъ шелъ Смоляковъ. „И жалѣть не надо, потому что смерть — тихій сонъ, а жизнь — вѣчная борьба за счастье. Счастье... счастье"... повторила она про себя, вдумываясь въ это слово, и ей показалось, что теперь она понимаетъ, что такое счастье, и что для нея это значитъ идти рядомъ съ Смоляковымъ, видѣть его лицо, слышать его голосъ, знать его мысли и чувства.

— Развѣ мы уже дома?—воскликнула она съ удивленіемъ, когда они остановились у калитки.—Какъ скоро... и куда дѣвался Ставровскій?

— Давно уже простился, — сказала Дора Яковлевна.— Что это ты, матушка, спала, что ли?

— Не знаю... забыла...—съ странной улыбкой проговорила Надежда Григорьевна, и лицо у нея было странное, разсѣянное, точно она дѣйствительно спала и только что проснулась отъ сладкаго сна.

— Не хочется домой идти,—сказалъ Смоляковъ.—Съ удовольствіемъ прошлялся бы всю ночь по улицамъ, если бы здѣсь не было собакъ и ночныхъ сторожей.

Но калитка уже захлопнулась, и онъ остался одинъ на улицѣ. Ночь была все такъ же свѣтла и туманна, и легкіе призраки, точно сны, беззвучно скользили и пропадали въ этомъ свѣтломъ туманѣ. Смоляковъ шелъ и думалъ объ этихъ дѣвушкахъ, которыхъ онъ узналъ такъ недавно и которыя уже успѣли привязать его къ себѣ своей женскою лаской и добротой. Воспитанный матерью, которую онъ страстно любилъ, Смоляковъ перенесъ на всѣхъ женщинъ эту любовь и преклоненіе, и онѣ казались ему и нравственнѣе, и чище, и правдивѣе мужчинъ. Даже въ паденіи своемъ онѣ были, по его мнѣнію, только несчастны, и онъ глубоко страдалъ, встрѣчая въ женщинѣ озлобленіе, мелочность, безстыдство, пошлость. Въ эти минуты онъ всегда вспоминалъ свою мать и чувствовалъ себя оскорбленнымъ за нее: униженная женщина своимъ униженіемъ какъ будто унижала и ее. И теперь, возвращаясь домой послѣ цѣлаго вечера, проведеннаго среди женщинъ, похожихъ на его мать, онъ съ нервной дрожью думалъ о холостой квартирѣ брата, гдѣ на женщину смотрѣли только, какъ на тѣло, и гдѣ съ утра до вечера велись самые отровенные разговоры о гаденькихъ интрижкахъ, о скверныхъ приключеніяхъ съ мордобоемъ, о томъ какъ бы хорошо было жениться на богатой и хапнуть у нея приданыя деньги. Съ перваго же дня пріѣзда Смоляковъ слышалъ эти разговоры и понялъ, что братъ ему—чужой. И жить съ этимъ чужимъ человѣкомъ, въ его домѣ и на его счетъ было страшно...

Подойдя къ затвореннымъ ставнямъ, сквозь щели которыхъ пробивался желтый свѣтъ, Смоляковъ остановился и прислушался. „Кажется, никого нѣтъ“... подумалъ онъ. „Это хорошо“... Но въ ту же минуту смѣшанный гулъ голосовъ прорвался сквозь ставни и заставилъ его вздрогнуть. Въ этихъ безпорядочныхъ звукахъ, въ желтомъ свѣтѣ, пронзившемъ мечтательную блѣдность ночи, было что-то безстыдное, наглое и жестокое. „Уйти бы“, прошепталъ Смоляковъ, бо-

лѣзненно морщась. Но уйти было некуда, и онъ пошелъ въ домъ.

Вся компанія была въ сборѣ и, повидимому, только еще начинала входить во вкусъ пирушки. Судя по множеству пустыхъ пивныхъ бутылокъ, загромождавшихъ переднюю, было уже порядочно выпито, но никто еще не былъ мертвецки пьянъ. За карточнымъ столомъ шла игра, въ которой принимали участіе Щукинъ, Александръ Андреичъ, Пеньковъ и еще какой-то обрюзглый человѣкъ въ мундирѣ военнаго вѣдомства. Щукинъ, какъ всегда, сіялъ добродушіемъ сытаго, здороваго человѣка, которому везетъ и въ жизни, и въ игрѣ, и его громоподобный хохотъ наполнялъ комнату; Пеньковъ, по обыкновенію, проигрывалъ; его красивое лицо было блѣдно; волосы прилипли къ потному лбу, и при каждой неудачѣ онъ произносилъ ужаснѣйшія ругательства, цинической изощренности которыхъ могъ бы позавидовать ломовой. Александръ Андреичъ и военный чиновникъ играли молча, прижимисто, и лица у нихъ были сосредоточенныя, напряженныя и алчныя. Усатый землемѣръ былъ тутъ же; онъ сидѣлъ на диванѣ и, извиваясь всѣмъ тѣломъ, какъ исполинскій червякъ, игралъ на гитарѣ что-то неистово веселое, а красноносый акцизный зачѣмъ-то сидѣлъ на полу и, хлопая руками, вылъ благимъ матомъ. При входѣ Смолякова онъ на минуту прекратилъ свои вопли и протянулъ къ нему руки.

— Ангелъ мой!.. Свѣтъ моей души!..—слезливо запричиталъ онъ.—Несчастный я родился, несчастный и помру... Никто не хочетъ меня понимать! О я, несчастный!.. Столько на свѣтѣ водки, а я не могу всю выпить...

Смоляковъ хотѣлъ пройдти въ другую комнату, но акцизный ухватилъ его за ногу и приникъ къ ней своимъ пьянымъ, потнымъ лицомъ.

— Пустите, пожалуйста... — сказалъ Смоляковъ, силясь освободиться.

— Не пущу... Змѣи и скорпіоны сосутъ мою душу, и ядъ монополіи воротитъ внутренняя моя! Дай стаканчикъ очищенной, освѣжи утробу мою... самъ не могу... Духъ бодръ, но плоть немощна. Митя, играй похоронный маршъ!

Землемѣръ весь вывернулся надъ гитарой, ударилъ по струнамъ и съ вдохновеннымъ лицомъ заигралъ что-то еще болѣе веселое. Акцизный выпустилъ ногу Смолякова, и тотъ поспѣшно отошелъ отъ него.

— А, Іосифъ прекрасный!—закричалъ Щукинъ.—Отъ какой жены Пентефрія ты убѣжалъ? По этому случаю мы съ тобою сейчасъ выпьемъ.

— Я не могу пить,—отвѣчалъ Смоляковъ, но Щукинъ уже въ него вцѣпился и тащилъ его къ столу съ закусками.

— Трахъ-тарарахъ, это почему не можешь? — говорилъ онъ, одной рукой держа Смолякова за фалду, а другой наливая водку въ стаканъ.—Нельзя, долженъ выпить, это не по товарищески. За компанію и жидъ, говорятъ, удавился. Пей... я съ тобою чокаюсь!

— Не могу... не буду,—сказалъ Смоляковъ, отстраняя отъ себя стаканъ.

Щукинъ еще больше покраснѣлъ, и его добродушный ликъ омрачился.

— Ну, братецъ мой, это ужъ подлость называется... Порядочный человѣкъ предлагаетъ выпить и... вдругъ отказываться! Это не по джентльмэнски...

— За это даже по мордѣ бьютъ!—поддержалъ его акцизный, дѣлая тщетныя усилія подняться съ пола и принять ближайшее участіе въ скандалѣ.

Игроки оставили карты и тоже смотрѣли на эту сцену, только землемѣръ продолжалъ въ полномъ самозабвеніи извлекать изъ гитары бурные аккорды.

— Да выпей... что тебѣ стоитъ?—сказалъ Александръ Андреичъ, недовольный перерывомъ въ игрѣ.—Что, въ самомъ дѣлѣ, за ерунда?

— Ненавижу господъ, которые черезчуръ много о себѣ воображаютъ...—проговорилъ Пеньковъ, уставивъ на Смолякова свои горящіе глаза.—Явится чортъ знаетъ откуда... и начинаетъ изъ себя идеалиста корчить. Что онъ тамъ пострадалъ, такъ ужъ и думаетъ,—выше его никого на свѣтѣ нѣтъ. А такая же дрянь, какъ и всѣ... бабій пророкъ... рыцарь ордена бабьей подвязки.

И онъ прибавилъ къ этому одно изъ своихъ изощренно-циническихъ словечекъ, встрѣченное общимъ хохотомъ. У Смолякова похолодѣло внутри, и вся комната завертѣлась передъ его глазами; не помня себя, онъ бросился къ Пенькову и ударилъ его по лицу. Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ; загремѣли падающіе стулья, что-то со звономъ разсыпалось по полу, и унылое треньканье гитары слилось съ безпорядочнымъ гвалтомъ пьяныхъ голосовъ.

— Господа! Лорды и милорды!—кричалъ Щукинъ, держа за руки Смолякова.—Это невозможно!.. Это не по джентльмэнски!.. Это... это просто по свински!

— Это, чортъ возьми... чортъ знаетъ что!..—бормоталъ военный чиновникъ, въ свою очередь держа за руки Пенькова.—Если тебя эдакъ по мордѣ будутъ... вѣдь это чортъ-те-что будетъ!..

— Ты не смѣешь моихъ гостей оскорблять!—съ искажен-

нымъ отъ злости лицомъ говорилъ Александръ Андреичъ.— Ты не воображай, пожалуйста, что ты можешь здѣсь распоряжаться!.. Ты здѣсь такой же гость, какъ и всѣ, хоть ты и братъ мнѣ... Это съ твоей стороны нахальство и неблагодарность!.. Ты долженъ чувствовать, чѣмъ ты мнѣ обязанъ! Я изъ-за тебя, можетъ, всю свою карьеру теряю!..

— Къ барьеру его! Къ барьеру! Меня въ секунданты!— вылъ красноносый акцизный, ползая по полу. — Въ 24 часа... черезъ платокъ!

Вдругъ въ передней стукнула дверь, и въ комнату просунулась голова разъяренной Медузы. Глаза ея гнѣвно сверкали; единственный зубъ зловѣще торчалъ изо рта; жидкіе, сѣдые волосы змѣями вились вокругъ морщинистаго лица. Это была Дергачиха.

— Да что же это вы дѣлаете, черти вы оголтѣлые?—завизжала она, покрывая своимъ голосомъ всѣ голоса вмѣстѣ.— Да что же это за мода такая—по ночамъ оховерничать? Ни тебѣ день, ни тебѣ ночь спокою нѣту... галда, да шумъ, да матершина... Ахъ ты, батюшки мои родимые, а еще господа называются, да образованные! Хуже пьяныхъ мужиковъ нахальничаютъ, а вѣдь у меня лампадки горятъ, будьте вы, анафемы прокляты!..

Гвалтъ моментально стихъ, и въ комнатѣ водворилась мертвая тишина. Голова Медузы исчезла.

— Ну, и вѣдьма окаянская!—пробормоталъ, наконецъ, акцизный и отъ страха даже на ноги поднялся.—Вотъ такъ вѣдьма... прямо съ Лысой горы!

— Да, это, можно сказать, миледи...—смущенно сказалъ Щукинъ.—Т. е. не миледи, а... самъ Вельзевулъ въ юбкѣ, ей Богу! По этому случаю надо выпить.

Смоляковъ воспользовался тѣмъ, что о немъ позабыли, и поспѣшно вышелъ въ другую комнату. Тамъ онъ легъ на кровать, уткнулся лицомъ въ подушку и, стиснувъ зубы отъ невыносимой душевной боли, заплакалъ холодными слезами.

Пеньковъ, который до сихъ поръ не вымолвилъ еще ни одного слова и сидѣлъ, опустивъ голову на руки, вдругъ всталъ, посмотрѣлъ вокругъ своими воспаленными глазами и пошелъ вслѣдъ за Смоляковымъ. Щукинъ бросился къ нему.

— Милордъ!.. Не ходите!—сказалъ онъ, загораживая ему дорогу.—Ну, что тамъ, милордъ, ей Богу: не стоитъ никакого вниманія! Презрѣніе, презрѣніе—и больше ничего... Начхай, мой другъ, сказала королева...

— Пошли вы всѣ... сволочь!—яростно крикнулъ Пеньковъ и, оттолкнувъ отъ себя оторопѣвшаго Щукина, вошелъ къ Смолякову.

Студентъ лежалъ неподвижно на кровати. Пеньковъ осторожно присѣлъ около него на краешекъ и нѣжно обнялъ его за шею.

— Послушайте...—началъ онъ шепотомъ.—Вотъ вы меня ударили... но я на васъ не сержусь... Я знаю, я это понимаю... Вѣдь я тоже студентомъ былъ... и у меня были мечты!.. Вы думаете, я вру? Эхъ, милый вы мой!.. Было, все было—и мечты, и юность, и... чистота была... Теперь ничего нѣтъ,—все пропало, все я пропилъ, проигралъ въ карты, продалъ... за чечевичную похлебку! Я погибъ... окончательно погибъ, и все погибло... Я пьянъ, подлъ, развратенъ,—это давно всѣмъ извѣстно, и всѣ молчатъ, потому что всѣ тоже подлы, пьяны и развратны... Но вы меня ударили... и я это чувствую. Я погибшій человѣкъ—но чувствую и понимаю. Я самъ себя презираю и ненавижу до глубины души. А ты, юноша... ты бѣги отсюда... тебѣ здѣсь не мѣсто. Какъ можно скорѣе уходи, иначе погибнешь, какъ я погибъ, какъ мы всѣ погибаемъ...

Въ эту минуту Щукинъ осторожно заглянулъ въ дверь и, видя, что драки нѣтъ, радостно провозгласилъ:

— Господа, они помирились! Достопочтенные лорды и милорды, по этому случаю надо выпить!

Онъ налилъ водки въ двѣ рюмки и появился передъ молодыми людьми толстый, румяный и жизнерадостный, какъ самъ Бахусъ.

— Это что такое?—сердито вскинулся на него Пеньковъ.

— Это?—съ своимъ неизмѣннымъ благодушіемъ сказалъ Щукинъ.—Это, милордъ, водка примиренія и, такъ сказать, забвенія всѣхъ обидъ!

Пеньковъ задумчиво посмотрѣлъ на рюмки и взялъ ихъ изъ рукъ Щукина.

— Пей, юноша!—обратился онъ къ Смолякову, тихонько подталкивая его въ бокъ. — Пей... вѣдь все равно, — намъ всѣмъ одна дорога! „Сегодня—ты, а завтра—я“!.

— Давайте!..—отрывисто сказалъ Смоляковъ.

Они чокнулись и выпили... а черезъ полчаса уже сидѣли другъ противъ друга за стаканами пива, и Пеньковъ съ смертельно-блѣднымъ лицомъ и лихорадочно-сверкающими глазами разсказывалъ Смолякову о томъ, какъ онъ мечталъ... и какъ погибъ. Слышались слова: юность... идеалъ... любовь... красота... и дико звучали они въ смрадныхъ испареніяхъ водки и пива, въ удушливыхъ облакахъ табачнаго дыма, среди безпорядочныхъ возгласовъ: „купилъ“!.. „король самъ третей“... „трахъ-тарарахъ, ходятъ черти на горахъ“ и т. д. Все шло своимъ порядкомъ, какъ будто ничего не случилось, и усатый землемѣръ продолжалъ терзать свою гитару, пронзительно распѣвая: „пропадай ты, жизнь молодецкая“..

акцизный уже опять сидѣлъ на полу, билъ себя въ грудь кулаками и плакалъ.

— Братцы!.. бейте меня въ голову, рѣжьте мою грудь... несчастный я родился, несчастный и помру! Э-эхъ... пррропадай ты, жизнь молодецкая!..

И въ этихъ пьяныхъ слезахъ, въ жалобномъ звонѣ гитары чувствовалось, что, дѣйствительно, здѣсь пропадаетъ чья-то жизнь, и заунывная пѣсня, казалось, плакала о томъ, что она пропадаетъ такъ глупо, такъ безмысленно...

Долго послѣ того эта пьяная ночь вспоминалась Смолякову, какъ страшный бредъ, а безобразный эпизодъ съ пощечиной наполнялъ его душу стыдомъ и отвращеніемъ.

VII.

Первый день Новаго года принесъ Дорѣ Яковлевнѣ странный и неожиданный сюрпризъ: пропала Аннушка. Дора Яковлевна, какъ всегда, встала въ 7 часовъ и очень удивилась, увидѣвъ, что печь не затоплена и самовара нѣтъ на столѣ. Ворча на то, что ей теперь придется идти въ больницу безъ чаю, Дора Яковлевна пошла въ кухню, но черезъ минуту вернулась, еще болѣе изумленная и растерянная.

— Надежда, ты не спишь? — сказала она.—Вотъ исторія: вѣдь Аннушка-то наша пропала. Все добро ея здѣсь, даже праздничная корсетка на стѣнѣ виситъ, а ея и слѣдъ простылъ.

— Да, можетъ быть, она куда нибудь вышла не надолго?— предположила Надежда Григорьевна.

— Если бы вышла ненадолго, то самоваръ бы поставила,— вѣдь она знаетъ, что мнѣ уходить нужно. А самоваръ холодный стоитъ, и печка не затоплена, — даже дровъ нѣтъ. Что же мы съ тобой дѣлать будемъ?

Надежда Григорьевна поднялась и торопливо стала одѣваться.

— Что же дѣлать,—надо вставать и самимъ за дѣло приниматься,—сказала она.—Я пойду и самоваръ поставлю, и печку затоплю, и обѣдъ состряпаю, ты только мнѣ покажи, гдѣ у васъ дрова и все прочее. А она, можетъ быть, подойдетъ.

Послѣ чаю Дора Яковлевна ушла въ больницу, но Аннушка не появлялась. Надежда Григорьевна истопила печи и приготовила обѣдъ; потомъ пришелъ Смоляковъ и, узнавъ объ ихъ несчастіи, вызвался наколоть дровъ и поставить самоваръ. Въ этой хозяйственной вознѣ у нихъ прошелъ весь день, и Надежда Григорьевна была даже рада, что Аннушка исчезла: такъ ей было весело вдвоемъ съ Смоляковымъ та-

скать изъ сарая дрова, качать воду изъ колодца и мыть посуду. Съ непривычки дѣло у нихъ не совсѣмъ ладилось, и много было смѣху, въ особенности, когда Смоляковъ, наливая воду въ самоваръ, забылъ завернуть кранъ и чуть было не затопилъ всю кухню. Пришлось бросить всѣ дѣла, разыскивать тряпки и вытирать полъ; за этимъ занятіемъ и застала ихъ Дора Яковлевна, вернувшись изъ больницы.

— Это еще что такое? — воскликнула она, отворяя дверь и съ удивленіемъ глядя на ползающаго по полу Смолякова.— Что это за представленіе?

— Самоваръ пролили... — сказалъ Смоляковъ, поднимая отъ пола свое раскраснѣвшееся отъ усердія и перепачканное углями лицо.

И, переглянувшись съ Надеждою Григорьевной, они оба засмѣялись. Но Дора Яковлевна отъ голода и усталости была не въ духѣ и принялась ворчать.

— Чортъ знаетъ что... посмотрите, на что вы похожи! И куда это дѣвалась Аннушка? Я ѣсть до смерти хочу.

— Обѣдъ готовъ,—сказала Надежда Григорьевна.

— Воображаю, чего ты тамъ наготовила! Какія нибудь сѣрыя щи и кашу безъ соли, — въ самомъ народническомъ духѣ!

Но обѣдъ оказался хоть куда, и мало-по-малу Дора Яковлевна смягчилась. Надежда Григорьевна и Смоляковъ по очереди ходили въ кухню за кушаньями и все время смѣялись безпричиннымъ смѣхомъ; сначала Дора Яковлевна бросала на нихъ сердитые взгляды, но потомъ и сама развеселилась.

— Вотъ, недаромъ мнѣ тогда кукишъ-то вышелъ! — говорила она.—Это Аннушка мнѣ удружила. Не вѣрь послѣ этого въ гаданье... А кстати,—обратилась она вдругъ къ Смолякову:—правда ли, милостивый государь, вы Пенькову пощечину дали?

Смоляковъ покраснѣлъ и потупился.

— Кто это вамъ сказалъ?—спросилъ онъ.

— Никто не сказалъ,—весь городъ объ этомъ говоритъ.— Фу, гадость! Положимъ, я этого Пенькова терпѣть не могу, но и вы тоже хороши! Нашли, съ кѣмъ связываться. Да вы пьяны были?

— Тогда—нѣтъ, т. е. когда это случилось...

— Значитъ, послѣ этого напились?

— Напился... — сознался Смоляковъ и, бросивъ на Надежду Григорьевну быстрый взглядъ, еще ниже опустилъ голову.

— Гадость, гадость...—повторяла возмущенная Дора Яковлевна.—Вы вспомните, кто вы и кто—Пеньковъ... вѣдь если-

бы вы знали всѣ его грязныя похожденія, вы бы и близко къ нему не подошли. Теперь всѣ дамы песчанскія на всѣхъ перекресткахъ трезвонятъ о васъ: вотъ они—студенты, вотъ они — такіе, сякіе, пьяницы, скандалисты... И Богъ знаетъ что!.. Ахъ, Іосифъ Андреичъ, что сказали бы ваши товарищи, съ которыми вы башню-то Вавилонскую собираетесь вмѣстѣ строить!

— А вы думаете, меня это не мучаетъ?—вымолвилъ Смоляковъ.

Дора Яковлевна взглянула на его склоненную голову и болѣзненно наморщенный лобъ, и ей стало его жаль.

— Скверный мальчикъ!—сказала она и ласково дернула его за волосы.—А Аннушки то все нѣтъ,—прибавила она другимъ тономъ, видимо желая замять непріятный разговоръ.

Но веселое настроеніе уже разсѣялось, и всѣ притихли, точно придавленные невидимою тяжестью, повисшею въ тоскливыхъ, предвечернихъ сумеркахъ. Не хотѣлось больше смѣяться; не хотѣлось сидѣть въ этихъ стѣнахъ, которыя какъ будто тѣснѣе сдвинулись вокругъ нихъ и мѣшали дышать.

— Пойдемте гулять!—сказала Дора Яковлевна.

Они долго бродили по городу, заглядывая въ окна домовъ и прислушиваясь къ неясному шуму этой близкой и въ то же время такъ далекой и чуждой имъ жизни. Вездѣ свѣтились огни; кое-гдѣ сквозь отпотѣвшія стекла оконъ виднѣлись разукрашенныя елки, окруженныя мелькающими дѣтскими силуэтами; изрѣдка на встрѣчу попадались гурьбы ряженыхъ въ вывороченнныхъ тулупахъ, въ ярко раскрашенныхъ маскахъ, въ развѣвающихся красныхъ мантіяхъ, съ дудками, скрипками и гармониками. Съ хохотомъ, криками и гиканьемъ они набѣгали на гуляющихъ, на ходу окликали ихъ: „какъ жениха зовутъ?"—и снова исчезали куда-то, точно падали въ пропасть, и вмѣстѣ съ ними падалъ и свистъ, и глухіе удары бубна, и скачущіе звуки пискливой скрипки. Снова на улицахъ становилось тихо, только далеко гдѣ-то въ слободкѣ или на хуторахъ слышался тревожный лай собакъ, и церковный колоколъ длинно гудѣлъ, отсчитывая часы. А они все ходили и говорили о томъ, какъ громаденъ, какъ разнообразенъ міръ людей, и какая страшная сила нужна для того, чтобы онъ слился когда нибудь въ общемъ чувствѣ, въ общей идеѣ, въ общемъ поклоненіи одному Богу. И смутная тоска о томъ, что этого никогда не будетъ и что никогда человѣчество не поклонится единому Богу, — холодная тоска сомнѣнія томила ихъ...

— Ну, господа, будетъ! — сказала, наконецъ, Дора Яковлевна. — Пора домой, я озябла отъ вашихъ разговоровъ. И

охота вамъ заниматься вопросомъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ, когда насъ не будетъ? Что будетъ, то и будетъ... а „будэ то, що Богъ дасть“, какъ говорятъ хохлы. А все ты, Надежда, все ты... экій въ тебѣ философскій червякъ сидитъ!

Надежда Григорьевна, молча, глядѣла на небо, по которому, играя въ серебрѣ луннаго свѣта, быстро неслись крылатыя тучки. И ей думалось,—что-то увидятъ на землѣ эти тучки черезъ тысячу лѣтъ, и кто будетъ глядѣть на нихъ такъ же, какъ глядитъ теперь она?

— Тучки... тучки...—проговорила она мечтательно.

— Да... тучки!—повторила за нею Дора Яковлевна и тоже стала глядѣть на небо.—„Тучки небесныя, вѣчные странники... вѣчно холодныя, вѣчно свободныя“... Ахъ, господа, господа, вѣдь и мы—такія же тучки! Вотъ мы сейчасъ всѣ вмѣстѣ, ходимъ, философствуемъ... а кто знаетъ, гдѣ мы будемъ завтра? Налетитъ вѣтеръ, разсѣетъ насъ въ разныя стороны и... никогда мы, можетъ быть, не увидимся...

Надежда Григорьевна вздохнула, взглянула на Смолякова и порывисто прижалась къ Дорѣ Яковлевнѣ.

— А что, мать моя, и ты озябла?—сказала Дора Яковлевна, растроганная такою необычною нѣжностью со стороны Надежды Григорьевны.

Они уже подошли къ дому. Дора Яковлевна отворила калитку, но только что переступила порогъ, какъ сейчасъ же отшатнулась съ громкимъ крикомъ.

— Ахъ, здѣсь кто-то лежитъ!

— Да это, кажется, ваша Аннушка!—сказалъ Смоляковъ, разсматривая лежащее тѣло.

Они наклонились надъ тѣломъ. Дѣйствительно, это была Аннушка. Она лежала навзничь, раскинувъ руки, и при свѣтѣ мѣсяца ея лицо съ широко раскрытымъ ртомъ казалось страшнымъ и неподвижнымъ.

— Боже, она умерла!—въ ужасѣ закричала Дора Яковлевна.

— Да нѣтъ...—спокойно возразилъ Смоляковъ.—Она просто... пьяна, какъ сапожникъ.

Дора Яковлевна замолчала, и всѣ трое принялись поднимать Аннушку, чтобы перенести ее въ кухню. Тѣло ожило и сердито забормотало. Съ большимъ трудомъ его удалось водворить на мѣсто, и все время оно изрыгало какія-то безсвязныя ругательства, плевалось и даже дѣлало попытки пѣть. Дора Яковлевна принесла нашатырнаго спирту и стала приводить бѣдную бабу въ чувство.

— Это ее напоили! Это нарочно ее напоили,—она никогда такъ не пила!—говорила она съ негодованіемъ.

Долго она не могла успокоиться и даже ночью нѣсколько разъ вставала и бѣгала въ кухню, чтобы посмотрѣть, жива ли Аннушка. Но съ Аннушкиной постели до нея доносился такой здоровенный храпъ, что Дора Яковлевна, наконецъ, успокоилась и сама заснула.

На другой день самовара опять не было, и Дора Яковлевна только что собралась идти въ кухню, какъ дверь съ шумомъ растворилась, и вошла Аннушка. Она еще не совсѣмъ протрезвилась; лицо у нея было красное, опухшее, и глаза безсмысленно блуждали. Прислонившись къ косяку, она долго смотрѣла куда-то въ уголъ, потомъ довольно твердо заявила:

— Пачпортъ мнѣ дайте... и разсчетъ.

— Хорошо,—спокойно сказала Дора Яковлевна и, доставъ изъ комода деньги и паспортъ, подошла къ Аннушкѣ.— Вотъ возьми. Но скажи, пожалуйста, что это такое съ тобой случилось?

— Въ деревню поѣду... подводу наняла,—сказала Аннушка и вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, закрыла лицо фартукомъ и запричитала:—Барышня... родимая... не въ моготу мнѣ... ничего я не понимаю!.. Простите вы меня, грѣшную...

И ринувшись къ Дорѣ Яковлевнѣ, она ловила ея руки и пыталась ихъ поцѣловать.

— Ну, Аннушка, ну, что ты!—уговаривала ее взволнованная этой сценой Дора Яковлевна, сама цѣлуя ее.—Ей Богу, я на тебя не сержусь, и мнѣ тебя очень жалко! Не ты виновата,—виноваты какіе-то злые люди.

— Ничего я не знаю, ничего не вѣдаю!—кричала Аннушка.— Темная я, какъ труба печная... ничего я отъ васъ не видала, окромя добра, да ласковаго слова!.. Барышня, милая, и вы меня простите, іюду поганую, ежели что согрубила, ежели чего набрехала...

Съ этими словами она бросилась цѣловать руки и у Надежды Григорьевны, которая сидѣла на постели, разбуженная шумомъ, и спросонья ничего не понимала.

Черезъ часъ Аннушка уже сидѣла на своихъ пожиткахъ, нагруженныхъ въ дровни, и, опять немного подвыпившая, на всю улицу распѣвала плачущимъ голосомъ:

Ахъ-ти-хъ-ти-хъ-ти!
Голова въ дегти!..

А ея возница, маленькій мужичокъ въ лаптяхъ и длинномъ зипунѣ, волочащемся по землѣ, тоже немного выпившій, заботливо обминалъ въ дровняхъ солому, чтобы удобнѣе было сидѣть, и говорилъ успокоительно:

— Ничего, косатка,—хошь и въ дегти, да за то на своемъ хребти! Н-но, милая, съ Богомъ!

Лошадка дернула, Аннушка качнулась и чуть не вывалилась изъ дровней, но мужичокъ ее поддержалъ... и вскорѣ оба они исчезли въ мутно-лиловомъ туманѣ безсолнечнаго зимняго дня, унося съ собою навсегда тайну испуганной бабьей души.

VIII.

6 января, проснувшись утромъ, Надежда Григорьевна сейчасъ же вспомнила, что этотъ день—послѣдній ея день въ городѣ, и что завтра она должна возвратиться въ деревню. До сихъ поръ она какъ-то не думала объ этомъ или лучше сказать—избѣгала думать, какъ избѣгаютъ думать о смерти, разсуждая, что это еще не скоро, когда нибудь, во всякомъ случаѣ, не завтра и не послѣзавтра, а, можетъ быть, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, которые кажутся цѣлой вѣчностью. Такъ разсуждала и Надежда Григорьевна о своемъ отъѣздѣ, и ей даже казалось, что не скоро еще кончатся эти праздничные дни, которые такъ неожиданно согрѣли и освѣтили ея одинокую жизнь тепломъ и свѣтомъ запоздалой любви. Но вотъ они кончились и съ ними кончилось все... Завтра она уѣдетъ и не будетъ уже съ нетерпѣніемъ поджидать Смолякова; не будетъ больше этихъ долгихъ разговоровъ съ нимъ въ таинственные сумеречные часы, не будетъ смѣха и веселыхъ шутокъ за вечернимъ чаемъ, не будетъ прогулокъ втроемъ по пустыннымъ улицамъ города, когда привѣтливо мерцаютъ огоньки, гдѣ то далеко лаютъ собаки, и звонъ колокола уныло дрожитъ въ тишинѣ. Все это прошло,—прошли праздничные дни, и снова наступаютъ долгіе, сѣрые, холодные будни.

Надежда Григорьевна встала пасмурная и молчаливая, съ хмурымъ, замкнутымъ лицомъ и сурово сжатыми губами. Она сразу какъ будто постарѣла на нѣсколько лѣтъ, и Дора Яковлевна сейчасъ же замѣтила эту перемѣну.

— Что это ты нынче какая?—спросила она.—Отъ тебя холодомъ пахнетъ... не простымъ, конечно, а внутреннимъ холодомъ, отъ котораго даже при 40 градусной жарѣ застынуть можно. Отчего ты не въ духѣ?

— Ничего особеннаго,—дѣловымъ тономъ сказала Надежда Григорьевна.—Завтра въ Крутищи ѣхать надо.

— Ну вотъ еще, зачѣмъ это—завтра? Еще можно денька два прогулять.

— Нѣтъ, нельзя. Надо ѣхать,—повторила Надежда Григорьевна непреклонно.

Съ этимъ непреклоннымъ и застывшимъ лицомъ она проходила весь день, аккуратно и дѣловито, какъ будто ничего не случилось въ ея жизни, укладывая въ дорогу свои вещи. Но когда, вечеромъ, за окномъ послышались знакомые шаги, она вся задрожала отъ радости и торопливо, точно боялась потерять каждую минуту, отперла дверь.

— Здравствуйте!—весело сказалъ Смоляковъ, крѣпко сжимая ея горячую руку своими холодными съ мороза пальцами.—А Доры Яковлевны, по обыкновенію, нѣтъ?

— Да... она... у нея сегодня практика на хуторахъ... вернется попозже...—отвѣчала Надежда Григорьевна отрывисто, потому что отъ волненія у нея перехватывало голосъ.

Она зажигала лампу, но спички ломались и тухли въ ея дрожащихъ пальцахъ, и она съ досадой бросала ихъ на полъ.

— Зачѣмъ вы зажигаете огонь? Еще рано,—сказалъ Смоляковъ.

— „Потому что хочу въ послѣдній разъ насмотрѣться",— подумала Надежда Григорьевна, но вслухъ ничего не отвѣтила и зажгла, наконецъ, лампу.

— А я радъ, что вы одна,—продолжалъ Смоляковъ.— Мнѣ нужно съ вами поговорить. Дора Яковлевна—славный человѣчекъ, но... всетаки, это не то, что вы... и я не могъ бы сказать ей того, что скажу вамъ.

— Это... что нибудь важное?—спросила Надежда Григорьевна.

— Да... очень важное для меня.

Надежда Григорьевна взглянула на него и только тутъ замѣтила, что у него было необыкновенно возбужденное и радостное лицо. Эта радость въ то время, какъ у нея вся душа болѣла отъ близкой разлуки, не вызвала въ ней сочувствія, потому что она не могла ее раздѣлить.

— А я завтра уѣзжаю въ Крутищи,—сказала она.

— Какъ, уже?—воскликнулъ Смоляковъ, и лицо его на минуту омрачилось.—Я не зналъ... я думалъ, что это не скоро... Какъ это жаль, какъ это жаль,—повторилъ онъ и прошелся по комнатѣ, что-то обдумывая.—Крутищи... вѣдь это, кажется, станція желѣзной дороги?

— Да... т. е. Крутищи село; а станція въ 3 верстахъ отъ насъ. Изъ нашей школы видно, какъ въ степи идутъ поѣзда,—сказала Надежда Григорьевна, сама не зная, зачѣмъ говоритъ о такихъ пустякахъ, когда времени осталось такъ мало, такъ мало...

— Въ трехъ верстахъ...—это отлично, проговорилъ Смоляковъ, и лицо его опять засіяло улыбкой, которая такъ нравилась Надеждѣ Григорьевнѣ.—Значитъ, мы еще съ

вами увидимся... я бы не могъ безъ этого. Я такъ радъ, что встрѣтилъ такую... такого человѣка, какъ вы. Безъ васъ Песчанскъ былъ бы для меня могилой. Я такъ и ѣхалъ сюда, какъ въ могилу...

Онъ опять сѣлъ и, близко наклонившись къ Надеждѣ Григорьевнѣ, продолжалъ пониженнымъ голосомъ:

— Видите ли... мнѣ представляется возможность отсюда уѣхать. Сидѣть здѣсь цѣлый годъ безъ всякаго дѣла, на шеѣ у брата, который этимъ тяготится... это невозможно! Я не могу... у меня и такъ пропало много времени. Годъ, — конечно, это сравнительно пустяки, но слишкомъ тяжелы условія жизни. Что мнѣ тутъ дѣлать? Пить водку, втянуться въ карты, ходить въ гости... но вѣдь это гибель, черезъ годъ я буду пропащій человѣкъ вродѣ Пенькова, моего брата и другихъ. А у нихъ вѣдь всетаки есть дѣло, есть какая-то цѣль. Ну вотъ.... Я и рѣшилъ уѣхать. Поѣду за границу... Все равно, я бы здѣсь не выжилъ и въ концѣ концовъ пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ...

Онъ говорилъ долго, разсказывая ей, какъ другу, всѣ свои планы, а Надежда Григорьевна съ печальной нѣжностью смотрѣла на его высокій лобъ, на красивые глаза, въ которыхъ свѣтилась радость, и сердце ея съеживалось въ какой то холодный и болѣзненный комокъ, мѣшавшій дышать. Теперь ей уже было ясно, что романъ ея кончился на первой страницѣ, что ждать больше нечего и... некогда.

Вечеръ промчался страшно быстро, и они замѣтили это только тогда, когда на соборной колокольнѣ прозвонили часъ. Смоляковъ собрался уходить, и Надежда Григорьевна вышла проводить его за калитку.

— Ну, прощайте, Надежда Григорьевна, — сказалъ Смоляковъ, протягивая ей руку, хотя они уже простились въ комнатѣ. — Спасибо вамъ за все, за все... Я даже Песчанскъ готовъ благословлять за то, что встрѣтилъ здѣсь васъ. Никогда я этого не забуду, никогда... и въ самыя трудныя минуты жизни буду вспоминать этотъ вечеръ, этотъ мѣсяцъ и... все...

— Прощайте...—тихо вымолвила Надежда Григорьевна.

Но онъ все еще стоялъ и держалъ ея руку въ своей. Убывающій мѣсяцъ, брюзгливо скосивъ на сторону свое желтое лицо, смотрѣлъ на нихъ подозрительно и немножко насмѣшливо, какъ будто хотѣлъ сказать: „ну, что же вы, скоро ли? Простились, а не идете... ахъ, господа, господа!“ И легкія, нарядныя тучки, всѣ въ кружевахъ и въ локонахъ, точно барышни, шаловливо неслись вокругъ него въ веселомъ хороводѣ, и то одна, то другая, какъ бы заигрывая со старымъ

мѣсяцемъ, задѣвала его однобокій ликъ своимъ воздушнымъ шлейфомъ.

— Однако, чего же это я стою, какъ дуракъ? — воскликнулъ Смоляковъ.—Вы простудитесь...

— Ничего, — прошептала Надежда Григорьевна. — Мнѣ тепло... Посмотрите,—тучки...

— Да... гдѣ онѣ будутъ завтра, когда васъ здѣсь уже не будетъ?—задумчиво промолвилъ Смоляковъ.—Я каждый вечеръ буду на нихъ смотрѣть и посылать вамъ съ ними поклонъ... Ну, прощайте же, прощайте... идите скорѣе домой...

Онъ еще разъ пожалъ ей руку и пошелъ. Но, отойдя нѣсколько шаговъ, обернулся и посмотрѣлъ... Надежда Григорьевна все еще стояла у калитки.

Онъ вернулся.

— Я забылъ вамъ... сказать, — торопливо началъ онъ.— Кланяйтесь Дорѣ Яковлевнѣ. Она—славная, и вы... какія вы обѣ хорошія!..

Старый мѣсяцъ еще подозрительнѣе сморщилъ лицо, но шалунья-тучка набѣжала на него и скрыла его гримасу своимъ серебристымъ покрываломъ. Смоляковъ шелъ и больше уже не оглядывался; когда шаги его затихли въ сосѣднемъ переулкѣ, Надежда Григорьевна вернулась въ опустѣвшую комнату, сѣла у стола и, опустивъ голову на руки, застыла. И ледяной комокъ въ ея груди мучительно болѣлъ, а червякъ-точильщикъ осторожно выстукивалъ въ стѣнѣ: „тукъ-тукъ, тукъ-тукъ“!..

IX.

На слѣдующій день, рано утромъ, Надежда Григорьевна выѣхала изъ Песчанска. Солнце еще не вставало, и розовая заря разрумянила крыши домовъ и густыя кудри дыма, выходившаго изъ трубъ. Когда проѣзжали Солдатскую слободку, Надежда Григорьевна отвернула воротникъ шубы и стала пристально всматриваться въ дома, ища избушку Дергачихи. А вотъ и она... розовый дымъ клубится изъ трубы; двѣ черныя галки въ сѣрыхъ чепчикахъ озабоченно совѣщаются о чемъ-то, сидя на заборѣ... но всѣ три окна на улицу закрыты ставнями, и кажется, что избушка крѣпко спитъ. Надежда Григорьевна вспомнила, какъ онѣ съ Дорой сюда приходили, вспомнила пьянаго мѣщанина и его пѣсню, усатую физіономію землемѣра, смущенную улыбку Смолякова... и все, все. Боже, какъ это недавно было, и уже прошло, разлетѣлось, какъ этотъ дымъ, какъ эти тучки... Вотъ уже и Дергачихинъ домъ проѣхали, — налѣво зачернѣли высокіе кладбищенскіе

тополи... и, вотъ уже и ихъ нѣтъ, и Песчанскъ остался гдѣ-то назади съ своими розовыми крышами и розовымъ дымомъ, и кругомъ разостлалась во всѣ четыре стороны бѣлая степь, и испуганно звякаетъ среди нея колокольчикъ земской тройки... Надежда Григорьевна вздохнула, закрыла лицо воротникомъ и больше уже не выглядывала изъ него до самыхъ Крутищъ.

Въ Крутищахъ ее ожидалъ цѣлый рядъ непріятностей. Сторожа Мосея не было дома, и на дверяхъ школы висѣлъ замокъ, такъ что Надеждѣ Григорьевнѣ пришлось цѣлый часъ мерзнуть на улицѣ, пока сосѣдскіе ребятишки бѣгали разыскивать Мосея по всему селу. Когда, наконецъ, онъ явился и отперъ замокъ, въ школѣ оказалось холодно, какъ въ погребѣ, потому что Мосей не догадался протопить, извиняясь тѣмъ, что Надежду Григорьевну никакъ сегодня не ожидали. Въ довершеніе всего, одно окно въ классной комнатѣ было разбито и, хотя Мосей предусмотрительно заткнулъ его пучкомъ соломы, но всетаки оттуда нестерпимо дуло.

— Ребята гуляли,—объяснялъ Мосей, растапливая печь соломой въ то время, какъ Надежда Григорьевна, сердитая и иззябшая, не снимая шубы, ходила взадъ и впередъ по холодной школѣ.—Такая гульба была,—крыши подымали, т. е. ничего ты съ ними, с... сынами не подѣлаешь! Говорятъ, китаецъ взбунтовался, такъ вотъ, по случаю китайца все оно и вышло это самое.

— При чемъ тутъ китаецъ?—спросила Надежда Григорьевна, топая ногами, чтобы согрѣться.

— Да вѣдь какъ же, Надежда Григорьевна, вѣдь ребята-то всѣ—ополченцы, не миновать имъ подъ китайца идтить. Его, говорятъ, сила страшучая, войсковъ не хватитъ, чтобы усмирить, ну и ополченцевъ, стало быть, погонятъ. А ребята услыхали, и пошла у нихъ гульба несусвѣтная. Какъ же: всякому на послѣдяхъ то хотца съ вольнымъ свѣтомъ распрощаться.

— Поставь, пожалуйста, самоварчикъ поскорѣе,—сказала Надежда Григорьевна.—А я топить буду.

И, присѣвъ передъ печкой, она стала подбрасывать въ нее холодные пучки соломы съ намерзшими комками снѣгу.

— Одинъ опился,—повѣствовалъ между тѣмъ Мосей, раздувая сапогомъ самоваръ.—Хватились его, а онъ ужъ отошедши. И сейчасъ въ сараѣ лежитъ, потрошить будутъ. Горой раздуло... а изъ носу, изъ ушей, изъ роту—все водка течетъ. О, Господи Батюшка, не дай Богъ никому такой смерти! И до китайца не дошелъ, сердешный.

Надежда Григорьевна молчала и смотрѣла, какъ обледе-

нѣлая солома корчилась и дымила, не желая горѣть, и какъ потомъ съ трескомъ вспыхивала, стрѣляла во всѣ стороны красными искрами и, наконецъ, тихо умирала, превращаясь въ пепелъ, по которому радостно скакали синіе огоньки. Но огоньки эти не согрѣвали Надежду Григорьевну, и она чувствовала, что въ душѣ у нея все такъ же холодно и скучно.

— А на станціи смазчика задавило,—продолжалъ Мосей.— Двинуло колесомъ, такъ всего и растрощило... Одинъ кисель остался. Такъ прямо лопатами мужики подбирали и въ гробъ клали. Да еще и изъ за гроба то этаго какая катавасія вышла! Приказалъ начальникъ станціи сдѣлать ему гробъ казенный, т. е., стало быть, изъ казенныхъ досокъ, ну, плотники, не разобрамши этого дѣла, взяли на складѣ дубовыя доски и сдѣлали все какъ слѣдуетъ, форменный гробъ. Такъ вѣдь что опосля того вышло: начальникъ то и до сей поры все плачетъ. Что вы, говоритъ, разбойники эдакіе, надѣлали,—вѣдь въ дубовыхъ гробахъ только генераловъ хоронятъ, а простой смазчикъ и въ осиновомъ могъ бы полежать... Ругался-ругался, матюкалъ-матюкалъ, небось, покойникъ-то разовъ десять перевернулся, покуда его землѣ то предали. Телеграмму, слышь, посылалъ начальникъ-то... все изъ этого гроба! 12 рублевъ, вишь, стоятъ доски, такъ имъ, стало быть, жалко. Человѣка не жалко, а дубовыхъ досокъ жалко. Выходитъ изъ этого, что и дубы-то на землѣ только для генераловъ растутъ, а нашему брату-мужику горькая осина. Эхе-хе-хе, плохое житье на свѣтѣ для бѣднаго человѣка... Ну, самоварчикъ поспѣлъ, идите чай заваривать, а я печку закутаю. Сейчасъ у насъ такая теплынь полѣзетъ,—сымай шубу и кушакъ, да поддай пару на пятакъ.

Надежда Григорьевна все молчала, и, взглянувъ на нее, Мосей увидѣлъ, что лицо у нея было мокро отъ слезъ.

— Это я васъ своими разговорами никакъ растревожилъ,— смущенно пробормоталъ онъ.—Вѣдь вотъ балда-то дурацкая: звоню во всѣ колокола, а того не вижу, что колокольня горитъ. Чай, вы устали съ дороги, а я вамъ про дубы, да про гробы... то-то уменъ! Не даромъ старики говорятъ: бей дурака по лбу, онъ тебѣ и затылокъ подставитъ.

— Да нѣтъ, Мосей, это не оттого...—сказала Надежда Григорьевна, вытирая слезы и стыдясь за свою слабость.

Но Мосей не унимался, чувствуя себя виноватымъ за нетопленную школу, за разбитое окно и еще за многіе грѣхи, въ которыхъ онъ даже и сознаться боялся передъ Надеждой Григорьевной. Что-бы она сказала, если бы знала, что и онъ тоже принималъ горячее участіе въ гульбѣ „по случаю китайца". И теперь онъ всячески старался замаслить свои провинности и утѣшить огорченную учительницу.

— А, можетъ, вы сердчаете за стекло? — послѣ нѣкотораго раздумья вымолвилъ онъ.—Такъ это я сейчасъ за стекольщикомъ сбѣгаю, живой рукой вставитъ.

— Ну что жъ, сбѣгай за стекольщикомъ, — машинально сказала Надежда Григорьевна.

Мосей ушелъ, Надежда Григорьевна осталась одна и глубоко задумалась, не чувствуя слезъ, которыя катились по ея лицу. О чемъ она плакала? О себѣ, объ этихъ бѣдныхъ людяхъ, объ ихъ темной, бѣдной, скучной жизни... Самоваръ тихо пищалъ на столѣ; мутно-зеленый туманъ плавалъ по комнатѣ; съ оттаявшихъ оконъ текло, и капли воды съ тоскливымъ бульканіемъ падали на полъ. Точно плакалъ кто-то потихоньку,—плакалъ безнадежно, надрываясь отъ тоски... И было такъ пусто, неуютно, печально въ этой холодной избѣ съ сырыми стѣнами, съ растоптаннымъ поломъ, съ ѣдкимъ запахомъ гари и овчинныхъ полушубковъ. И Надежда Григорьевна думала, что вся ея жизнь пройдетъ вотъ такъ же пусто и печально... и не одна только ея жизнь, а сотни, тысячи такихъ же молодыхъ жизней разсѣяны по селамъ, деревнямъ, хуторамъ великой Руси, и тихо пропадаютъ онѣ въ борьбѣ съ бѣдностью и темнотой, всѣми забытыя, никѣмъ неоплаканныя. Ей вспоминались разные грустные случаи; вспомнилось, какъ одна молоденькая учительница, заброшенная на глухой хуторъ, сошлась со школьнымъ сторожемъ, отставнымъ солдатомъ, забеременѣла и съ позоромъ была уволена въ отставку. Вспомнилась другая учительница, скромная, забитая, страшно застѣнчивая дѣвушка, которая сошла съ ума и, раздѣвшись до нага, распустивъ волосы, бѣгала по селу и распѣвала дикія пѣсни... Тогда много говорили объ этихъ несчастныхъ дѣвушкахъ, — осуждали, возмущались, даже смѣялись, а пожалѣть — никто не пожалѣлъ, никто не подумалъ о томъ, какъ онѣ жили, что перечувствовали, какой смертной тоской томились на своихъ хуторахъ, въ угарныхъ и холодныхъ избахъ, прежде чѣмъ дойти до этого...

Пришелъ Мосей съ стекольщикомъ, и надо было съ ними разговаривать и смотрѣть, какъ поправляютъ разбитое окно. Потомъ прибѣжали ученики старшей группы, услышавшіе о пріѣздѣ Надежды Григорьевны, и одинъ изъ нихъ, ея любимецъ, Дмитрій Өедорчуковъ, высокій мальчикъ съ тонкимъ и умнымъ лицомъ, принесъ книжки, которыя она давала ему на праздникъ.

Надо было и съ ними поговорить, разспросить о разныхъ происшествіяхъ, о томъ, какъ провели святки, что дѣлали, что читали. Оказалось, что Өедорчукову очень понравилась книжка „Какъ живутъ англичане“, и теперь ему хотѣлось знать, какъ живутъ нѣмцы, французы и разные другіе народы.

Петруха Рябыхъ выучилъ наизусть всю пѣсню о купцѣ Калашниковѣ и желалъ, чтобы Надежда Григорьевна прослушала, какъ онъ ее читаетъ, а третій ученикъ, Семенъ Телятkинъ, самъ сочинилъ стихи и съ застѣнчивой улыбкой на веснусчатой рожицѣ преподнесъ ихъ учительницѣ. Стихи начинались такъ: „вотъ какъ вышелъ я изъ церквы, глядь, на встрѣчу мнѣ мужикъ", а дальше разсказывалось, что на этомъ таинственномъ мужикѣ былъ надѣтъ „новый полушубокъ и съ ушами малахай", и что разрядился онъ такъ торжественно по случаю возвращенія своего сына изъ Сибири, гдѣ онъ „три года пропадалъ, но родныхъ не забывалъ". Все это развлекло Надежду Григорьевну и разсѣяло ея грусть; она и не замѣтила, какъ промчался короткій зимній день. Только поздно вечеромъ, когда дребезжащій колоколъ уныло прозвонилъ часы, и неугомонныя собаки заливались на селѣ тревожнымъ лаемъ, она вспомнила прошедшіе праздники, Смолякова, вчерашнюю ночь,—и тихая боль сжала ея сердце.

Она вышла на крыльцо. Тотъ же однобокій мѣсяцъ пробирался сквозь толпу кудрявыхъ тучекъ, но тучки были уже не тѣ, другія, и все было другое, и она теперь была совсѣмъ, совсѣмъ одна. Ей пришли на память слова Смолякова: „я буду посылать вамъ съ тучками поклонъ"... А что, если и онъ теперь, такъ же, какъ и она, смотритъ на эти тучки и думаетъ о ней? Надежда Григорьевна долго смотрѣла на небо, какъ бы ожидая, что оно ей что-то скажетъ... но небо молчало, и свѣтлыя тучки равнодушно проносились мимо, а на мѣсто ихъ набѣгали другія и также быстро пропадали въ безмолвной безднѣ.

Она вернулась въ школу и только тутъ почувствовала, какъ она страшно устала и какъ ей хочется отдохнуть. Она торопливо раздѣлась, легла въ свою отсырѣвшую постель и сейчасъ же крѣпко заснула. А потомъ...

Потомъ все пошло по прежнему, потянулись трезвые, трудовые дни, и Надежда Григорьевна уже съ краской стыда вспоминала о своемъ праздничномъ угарѣ и о своихъ слезахъ. Она не любила плакать.

X.

Недѣли черезъ двѣ, отъ Доры Яковлевны пришло письмо и на нѣсколько дней выбило Надежду Григорьевну изъ колеи. Фельдшерица сообщала ей разныя песчанскія новости, писала, что Дормидошка все дуется, что Мумочка почему-то перестала ходить въ больницу („должно быть, получила тайное внушеніе отъ управы!"), что Барбарисычъ выписалъ себѣ

изъ Москвы грамофонъ и терзаетъ по пятницамъ своихъ гостей, что Ставровскаго опять вызывалъ губернаторъ и т. д. т. д. Надежда Григорьевна читала все это на скорую руку, съ нетерпѣніемъ ища знакомаго имени, и только въ самомъ концѣ нашла коротенькую приписку: „А Іосифъ мнѣ что-то разонравился: вообрази, кажется, подружился съ Пеньковымъ, и я ихъ часто встрѣчаю вмѣстѣ. „О, люди, люди, порожденіе крокодиловъ“! Когда бываетъ у меня, то почему-то напускаетъ на себя загадочный видъ и вообще корчитъ какого-то Ринальдо-Ринальдини. О тебѣ ни слова, а вѣдь, помнишь, какія сладкія слова говорилъ? Вчера я сказала ему, что буду тебѣ писать,—не хочетъ ли онъ чего нибудь прибавить отъ себя? А онъ, какъ всегда, началъ крутить свои противные усы и говоритъ: „пусть вспомнитъ тучки“... Что это значитъ, не понимаю. О, мужчины, сказалъ Шекспиръ,—впрочемъ онъ, кажется, сказалъ „о, женщины“!—Но это все равно“...

Дальше шло что-то уже совсѣмъ неинтересное, и Надежда Григорьевна не стала больше читать. Лицо ея пылало, сердце билось крѣпко и горячо, съ губъ долго не сходила счастливая улыбка. „О, милая, глупая Дора, ничего ты не понимаешь!“ —думала она и весь день ходила, напѣвая мотивъ „Тучекъ“, а вечеромъ вышла на крыльцо и долго смотрѣла на небо, которое было покрыто на этотъ разъ уже не тучками, а цѣлыми тучами, похожими на тяжелыхъ, безобразныхъ крокодиловъ. Но это было ей все равно... Она знала, что на нихъ смотритъ теперь не она одна, и эта мысль наполняла радостью ея душу.

Однажды, вечеромъ она сидѣла въ своей учительской каморкѣ и просматривала тетрадки школяровъ. Мосей уже давно спалъ, и его тягучій храпъ доносился изъ прихожей; въ классѣ бѣгали и попискивали крысы; въ трубѣ что-то жалобно гудѣло и хлопало вьюшкой — на дворѣ, должно быть, подымался вѣтеръ. Но у Надежды Григорьевны было сегодня тепло и уютно, и она сама чувствовала себя также тепло и уютнс. Въ жизни самаго несчастнаго человѣка бываютъ хорошія минуты; бываютъ онѣ и въ тяжелой жизни бѣднаго сельскаго учителя. Яркій свѣтъ лампы, покой и тишина послѣ утомительнаго школьнаго дня, — и вотъ уже душа расцвѣтаетъ, и кажется, что ты живешь не даромъ, что ты не одинъ, и кто-то бережетъ твой маленькій огонекъ, мерцающій среди темноты, и не даетъ ему погаснуть.

Надежда Григорьевна уже дочитывала послѣднюю тетрадку, когда отдаленный звонъ колокольчиковъ оторвалъ ее отъ работы. Колокольчики въ Крутищахъ были не рѣдкость, потому что большая дорога на станцію проходила черезъ село, но

Надежда Григорьевна почему-то любила къ нимъ прислушиваться и долго потомъ думала о тѣхъ невѣдомыхъ людяхъ, которые днемъ и ночью ѣхали куда-то черезъ Крутищи. И когда колокольчики затихали вдали, ей становилось грустно и было жаль себя, жаль своей молодости, тихо увядающей въ глухой степи.

А колокольчики все приближались и приближались, какъ бы захлебываясь отъ нетерпѣнія, и вмѣсто того, чтобы пронестись мимо, какъ всегда, вдругъ направились къ школѣ, всѣ разомъ вскрикнули и замолкли. Послышались какіе-то смутные голоса; скрипѣлъ снѣгъ подъ чьими-то ногами, и вслѣдъ затѣмъ въ дверь школы посыпался дробный стукъ. Надежда Григорьевна бросилась въ переднюю.

— Мосей, Мосей...—звала она.—Тамъ стучатся!..

— Да ужъ слышу...—отозвался Мосей охрипшимъ со сна голосомъ и, насунувъ валенки, побѣжалъ отворять. Черезъ минуту онъ вернулся въ большомъ недоумѣніи.

— Тамъ васъ какой-то чиновникъ спрашиваетъ,—сказалъ онъ.

Надежда Григорьевна, сама не зная почему, испугалась и поблѣднѣла.

— Какой чиновникъ?—проговорила она.—Что-жъ... пригласи его...

Но дверь уже отворилась, и на порогѣ, безъ всякаго приглашенія, показалась высокая фигура, съ ногъ до головы закутанная въ длинную шубу.

— Развѣ не узнаете?—прогудѣла шуба, видимо стѣсненная своими огромными размѣрами.

Надежда Григорьевна подошла ближе, ахнула и засмѣялась.

— Это вы? — воскликнула она. — Боже мой... такъ раздѣвайтесь же скорѣе... Я Богъ знаетъ, что подумала... это такъ неожиданно...—бормотала она, задыхаясь отъ радостнаго волненія.

Общими усиліями стащили шубу, и въ ея теплыхъ нѣдрахъ оказался Смоляковъ, одѣтый уже не въ свою потертую студенческую тужурку, а въ приличную темную пару, которая придавала ему видъ чрезвычайно солидный и внушительный. Только улыбка его портила немного впечатлѣніе отъ этой внушительности, да глаза блестѣли черезчуръ ужъ молодо, когда онъ смотрѣлъ на Надежду Григорьевну.

Они вошли въ комнату, и въ это время за окномъ послышались звонки отъѣзжающей тройки.

— Ну, здравствуйте,—сказалъ Смоляковъ, потирая озябшія руки и осматривая комнату.—Какъ у васъ тутъ славно, право... мы еще далеко были, а видѣли вашъ огонекъ. Я

спрашиваю ямщика: ты знаешь, гдѣ школа? А онъ говоритъ: чего тутъ знать,—гдѣ огонь, тамъ и школа, прямо на огонь и поѣдемъ. Мнѣ это очень понравилось... т. е. такое сопоставленіе, — неправда ли, тутъ есть даже что-то символическое?

— Ничего символическаго,—возразила Надежда Григорьевна, смѣясь.—Здѣсь на взъѣзжей избѣ тоже почти всю ночь огонь горитъ. Вы озябли?

— Что вы, въ такой великолѣпной шубѣ! Вотъ руки только немножко...

— Сейчасъ будемъ чай пить. Мосей, ставь самоваръ!

— Да уже ставлю! — отвѣчалъ Мосей, и изъ передней послышалось пыхтѣнье сапога, которымъ онъ раздувалъ самоваръ.

— А здѣсь у васъ школа?—спросилъ Смоляковъ, заглядывая въ классную комнату.

— Да. Пойдемте, я вамъ покажу.

Надежда Григорьевна взяла лампу, и они вошли въ школу. Тѣсно сдвинутыя парты смотрѣли холодно и строго; черная доска въ углу казалась какимъ-то безобразнымъ чудищемъ на тоненькихъ ножкахъ; въ воздухѣ стоялъ никогда не выдыхавшійся запахъ овчины и дегтя.

Но Смолякову все это понравилось,—даже запахъ.

— Вѣдь я никогда не видѣлъ настоящей сельской школы,—говорилъ онъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ заглядывая во всѣ углы.—И все это такъ странно, такъ ново для меня. Знаете, Надежда Григорьевна, я ужъ вамъ признаюсь, что до сихъ поръ я былъ совершенно равнодушенъ къ мужику. Всю свою жизнь я прожилъ около фабрики, и фабричный рабочій мнѣ близокъ и понятенъ. Но мужикъ... это было для меня что-то чуждое и далекое, и если я его любилъ, то любилъ какою-то книжною, теоретическою любовью. Развѣ можно любить то, чего никогда не видѣлъ?.. А вѣдь вотъ, когда мы давеча выѣхали въ степь и когда я увидалъ эти маленькіе огоньки, разбросанные по полямъ и оврагамъ... знаете, Надежда Григорьевна, у меня даже сердце вздрогнуло, и мурашки по спинѣ поползли... право, я точно съ родной матерью встрѣтился... и такъ грустно стало, такъ хорошо...

Надежда Григорьевна смотрѣла съ удивленіемъ на его взволнованное лицо, на которомъ то вспыхивалъ, то погасалъ блѣдный румянецъ.

— Вы сегодня въ романтическомъ настроеніи, — сказала она.—Я въ васъ этого раньше не замѣчала.

— Да, я сегодня чувствую себя какъ-то особенно... — задумчиво вымолвилъ Смоляковъ. — Не могу забыть этой холодной, тихой степи и этихъ крошечныхъ огоньковъ, мер-

цающихъ въ темнотѣ... Я смотрѣлъ на нихъ и думалъ: вотъ она, русская деревня, изъ которой всѣ мы вышли и на которой держится вся наша жизнь... И мнѣ представилось что-то сильное, громадное... точно на меня упала тѣнь самого Микулы Селяниновича. Знаете, это даже немножко жутко.

— Опять романтизмъ!—смѣясь, воскликнула Надежда Григорьевна.—Въ самомъ дѣлѣ, это, должно быть, оттого, что вы въ первый разъ въ деревнѣ. А вотъ мы такъ привыкли... Каждый день видимъ ее — и въ праздникъ, и въ будни,—и ничего особеннаго въ ней не находимъ. Деревня и деревня... темная, бѣдная, иногда грубая, иногда пьяная,—однимъ словомъ, самая обыкновенная.

— А всетаки вы ее любите?

— Т. е. какъ вамъ сказать? Пожалуй, даже и не люблю въ такомъ видѣ, какъ она теперь. Я дѣло свое люблю, а не деревню.

— Однако, вы дѣло-то свое дѣлаете для деревни?

— Ну да... конечно. Вы придираетесь къ словамъ.

— А вы себя обманываете... Вы любите деревню... вы и браните-то ее потому, что любите... потому что горько видѣть того, кого любишь, въ униженномъ, грязномъ и пьяномъ видѣ. Да, Надежда Григорьевна... всѣ мы внуки Микулы Селяниновича,—всѣхъ насъ онъ вспоилъ, вскормилъ, и этого никогда не забудешь... даже на чужбинѣ,—тихо прибавилъ онъ, и въ его красивыхъ глазахъ промелькнуло что-то тоскливое.

Надежда Григорьевна поняла и поблѣднѣла. Радостное оживленіе ея сразу потухло.

— Вы ѣдете?—спросила она шепотомъ.

— Да... завтра съ 9-ти часовымъ поѣздомъ. Я такъ и разсчитывалъ—просидѣть у васъ всю ночь, а на разсвѣтѣ пѣшкомъ отправиться на станцію. А, можетъ быть, это для васъ неудобно?.. т. е. что я пробуду у васъ до утра? — съ безпокойствомъ спросилъ онъ, по своему истолковывая ея внезапную перемѣну.

— Ахъ, пустяки!..—сказала Надежда Григорьевна, откашливаясь, потому что у нея вдругъ пересохло въ горлѣ.—Но... какъ-же... вы, стало быть, совсѣмъ? И мы съ вами никогда больше... не увидимся?..

— Самоваръ готовъ! — провозгласилъ Мосей изъ другой комнаты.

Молодые люди вздрогнули и замолчали. Надежда Григорьевна взяла съ парты лампу.

— Пойдемте...—сказала она уже совсѣмъ спокойно.

Мосей, щурясь отъ огня, поставилъ на столъ самоваръ и

собралъ посуду, потомъ принесъ тарелку съ баранками и спросилъ:

— Можетъ, яишенку на уголькахъ спроворить?

Надежда Григорьевна взглянула на Смолякова,—тотъ отрицательно качнулъ головой.

— Нѣтъ, Мосей, не надо. Вотъ, рекомендую,—обратилась она къ Смолякову — это мой школьный сторожъ, Мосей, — тотъ самый Мосей, который въ голодный годъ потихоньку таскалъ у своей бабушки крупу и хлѣбъ и кормилъ меня цѣлую зиму.

— Ну ужъ, нашли, чѣмъ хвастаться!—съ неудовольствіемъ сказалъ Мосей.—Диви бы пряники носилъ, аль орѣхи, ну еще туда-сюда, а то хлѣбъ да крупа—ишь, добро какое!.. А, можетъ, молока принесть съ чаемъ-то?—спросилъ онъ, поглядывая на баранки и въ душѣ стыдясь за такое скудное угощеніе.

— Молока, пожалуй, принеси.

Мосей ушелъ и черезъ минуту вернулся съ большой деревянной чашкой, наполненной молокомъ, въ которомъ плавала громадная круглая ложка.

— Стало быть, больше ничего не нужно?—спросилъ онъ, бережно поставивъ чашку рядомъ съ тарелкой.

— Ничего. Ты иди, Мосей, спи; мы долго будемъ сидѣть. Барину завтра утромъ надо будетъ ѣхать, — сказала Надежда Григорьевна.

— Ну-к-чтожъ!—проговорилъ Мосей и отправился опять на печь досыпать свой прерванной сонъ.

— А знаете,—меня это начинаетъ мучить, т. е. что я къ вамъ заѣхалъ...—тихо заговорилъ Смоляковъ, когда они остались одни.—Но я не могъ... мнѣ очень хотѣлось повидаться съ вами передъ отъѣздомъ въ такой далекій путь...

— И если бы не заѣхали, я бы вамъ этого никогда не простила, — сказала Надежда Григорьевна. — Стало быть, и мучиться нечего. Но какъ это у васъ все вышло такъ скоро?

— Да, я самъ не ожидалъ: могло бы затянуться, если бы не явилась неожиданная помощь. И знаете, кто мнѣ помогалъ? Пеньковъ...

— Пеньковъ? — съ удивленіемъ спросила Надежда Григорьевна.

— Да. Это началось съ того отвратительнаго вечера, когда... ну, не хочется даже вспоминать объ этомъ. Онъ на другой день пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „уѣзжайте изъ Песчанска и какъ можно скорѣй. Здѣсь вамъ дѣлать нечего“... Я сначала отнесся къ нему съ недовѣріемъ, потому что никого не хотѣлъ посвящать въ свои планы... Но потомъ... потомъ я

измѣнилъ свое мнѣніе о Пеньковѣ. Онъ мнѣ очень помогъ. Онъ меня и привезъ сюда.

— Вотъ какъ! — въ раздумьи проговорила Надежда Григорьевна.—Отчего же онъ... не зашелъ?

— Я ему предлагалъ. Но онъ удивительно странный человѣкъ: „нѣтъ, говоритъ, зачѣмъ, — у меня здѣсь скверная репутація“... И поѣхалъ куда-то на вскрытіе.

— И никто не знаетъ, что вы съ нимъ уѣхали?

— Никто... Вотъ мнѣ жаль только, что съ Дорой Яковлевной мы разстались не по пріятельски.

— Да, вѣдь она на васъ сердилась за Пенькова.

— Ужасно сердилась! Такія нотаціи мнѣ читала, просто бѣда: все пророчила, что я и сопьюсь, и подъ заборомъ буду валяться, и ни одинъ порядочный человѣкъ мнѣ руки не будетъ подавать.

— Такъ вы съ ней и не простились?

— Нѣтъ, я у нея вчера былъ съ прощальнымъ визитомъ. Она встрѣтила меня очень сухо сначала: „ну, какъ поживаетъ вашъ Пеньковъ“? А потомъ смягчилась... точно предчувствовала, что въ послѣдній разъ видимся. Задумалась, смотритъ на меня и говоритъ: „не знаю почему, мнѣ васъ сегодня ужасно жалко, — у васъ глаза трагическіе какіе-то! У васъ въ жизни будетъ тяжелая драма...“ Нѣтъ, мы хорошо разстались... я даже руку у нея на прощанье поцѣловалъ.

— Дора очень хорошая! — съ жаромъ сказала Надежда Григорьевна. — Я-то ужъ хорошо ее знаю... мы съ нею вмѣстѣ въ Москвѣ жили. Это она часто напускаетъ на себя разочарованіе какое-то, человѣконенавистничество, а добра необыкновенно! Послѣднюю рубашку отдастъ, если понадобится.

— Да... она славная... и вообще я не ожидалъ, что здѣсь, въ Песчанскѣ встрѣчу столько хорошихъ людей. Мнѣ даже... грустно уѣзжать,—сказалъ Смоляковъ и нервно передернулъ плечами, какъ будто ему внезапно сдѣлалось холодно. — А тамъ... кто знаетъ, что тамъ будетъ?

— Ну, во всякомъ случаѣ, не хуже... — вымолвила Надежда Григорьевна съ притворною веселостью, хотя сама вся дрожала внутренней дрожью.

— Да, — прошепталъ Смоляковъ, и его высокій лобъ болѣзненно наморщился.—Я и не представлялъ себѣ, что это будетъ такъ тяжело...

Они долго говорили, не замѣчая времени, а на деревнѣ уже давно пѣли пѣтухи, и церковный сторожъ спросонья два раза прозвонилъ по 12 часовъ. Это ихъ очень разсмѣшило, и вообще они старались казаться бодрыми и веселыми, но мысль о неизвѣстномъ будущемъ не покидала ихъ, и

часто разговоръ прерывался тяжелымъ молчаніемъ, а смѣхъ звучалъ нервной дрожью. И обоимъ въ эти тяжелыя минуты казалось, что они говорятъ не о томъ, что времени остается такъ мало, а еще не сказано что-то самое главное, и что нужно спѣшить, спѣшить...

Пропѣли вторые пѣтухи, и ихъ звонкіе голоса какъ-то особенно тревожно звучали въ мертвой тишинѣ. Должно быть, была уже глубокая ночь, и Надежда Григорьевна, взглянувъ на Смолякова, вдругъ замѣтила, что онъ страшно блѣденъ, и подъ глазами у него легли темныя тѣни.

— А знаете что, — сказала она, — вамъ нужно немного вздремнуть передъ дорогой. Вы, должно быть, страшно устали... а вамъ непремѣнно нужно быть завтра свѣжимъ и бодрымъ. Я вамъ сейчасъ устрою постель въ школѣ.

— Да я совсѣмъ не хочу спать,—возразилъ Смоляковъ.— Правда, послѣдніе дни я мало спалъ,— все волновался... но теперь мнѣ не хочется спать. И это было бы даже безсовѣстно...

— Дѣйствительно, было бы безсовѣстно не выспаться, когда можно выспаться,—перебила его Надежда Григорьевна.— Посмотрите на себя въ зеркало... у васъ сейчасъ и въ самомъ дѣлѣ „трагическіе глаза", какъ говоритъ Дора...

— Пустяки, это просто отъ дороги... А намъ съ вами еще такъ много надо переговорить.

Но Надежда Григорьевна уже не слушала его и пошла приготовлять ему постель. Сдвинули двѣ скамейки, разостлали великолѣпную Пеньковскую шубу, потомъ Надежда Григорьевна принесла плэдъ и подушку.

— Ну, готово! — сказала она. — Ложитесь и спите какъ можно крѣпче. А на разсвѣтѣ я васъ разбужу.

Смоляковъ что-то еще возражалъ, но какъ легъ, такъ сейчасъ же и заснулъ мертвымъ сномъ. Надежда Григорьевна не могла спать. Она сняла башмаки, чтобы не стучать, надѣла валенки и всю ночь проходила взадъ и впередъ по своей узенькой каморкѣ. Безпокойныя мысли, какъ птицы, кружились въ ея головѣ; сердце стучало, точно отъ угара; ей казалось, что какой-то вихрь ворвался въ ея строгую, размѣренную жизнь и мчитъ ее въ бездонную пропасть. „Ну, и пусть, ну, и все равно"... шептала она.

Начало разсвѣтать, и казавшіяся черными окна посинѣли. На селѣ заскрипѣли ворота, и кое-гдѣ зажглись утренніе огоньки. Проснулся Мосей, что-то промычалъ и опять захрапѣлъ. Надежда Григорьевна тихонько прокралась въ переднюю, набрала воды изъ ушата и вскипятила на керосинкѣ чайникъ. Нужно было будить Смолякова. Но, подойдя къ нему Надежда Григорьевна долго стояла въ нерѣшительности... Ей

было жаль его будить. Онъ спалъ крѣпко, и во снѣ его лицо имѣло дѣтски-безмятежное выраженіе. „Бѣдный, бѣдный"!.. прошептала Надежда Григорьевна и съ нѣжностью провела рукою по его волосамъ. Онъ не проснулся. Тогда она быстро оглянулась, наклонилась къ спящему и, закрывъ глаза, поцѣловала его въ лобъ.

Смоляковъ зашевелился и вздохнулъ.

— Вставайте, Іосифъ Андреичъ, — прошептала Надежда Григорьевна.—Уже разсвѣтаетъ... пора!

Онъ вскочилъ, протирая глаза и еще самъ не понимая хорошенько, гдѣ онъ находится.

— Пора?—громко сказалъ онъ.—Ахъ, Боже мой... я, кажется, проспалъ...

— Тише...—остановила его Надежда Григорьевна.—Мосей еще спитъ... вы успѣете уйти. Пойдемте, выпейте на дорогу стаканъ чаю.

Но Смоляковъ не могъ ни пить, ни ѣсть. Его уже охватило волненіе передъ невѣдомой дорогой, хотя, по его словамъ, онъ отлично выспался и чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Онъ началъ страшно торопиться, и руки у него дрожали, когда онъ надѣвалъ шубу. Надежда Григорьевна, напротивъ, казалась совершенно спокойной, и только лицо ея отъ безсонной ночи было блѣднѣе обыкновеннаго.

Они вышли въ переднюю и прислушались,—Мосей храпѣлъ и выдѣлывалъ носомъ какія-то причудливыя завитушки вродѣ флейты — фі-у... фі-у... Надежда Григорьевна отворила дверь въ сѣни,—свѣжій морозный воздухъ дохнулъ имъ въ лица, и это было такъ пріятно послѣ школьной духоты. Улица была совершенно пуста, но откуда-то доносились неясные голоса, и пѣтухи кричали уже не тревожно, а радостно, какъ будто торжествуя, что прошла длинная и глухая ночь. Небо было еще задернуто темнымъ пологомъ, но на востокѣ уже сіялъ зеленовато-желтый свѣтъ, и низко надъ горизонтомъ, точно чей-то огромный одинокій глазъ, сверкала бѣлая звѣзда.

— Какъ славно!—сказалъ Смоляковъ и вздохнулъ.—А гдѣ-то буду я завтра въ это время?..

Надежда Григорьевна смотрѣла на него, и онъ въ этой длинной шубѣ и шапкѣ казался ей незнакомымъ и чужимъ. Нѣсколько минутъ оба молчали... вдругъ изъ степи донесся тяжелый гулъ поѣзда и напомнилъ имъ, что пора прощаться. Они вздрогнули.

— Это товарный...—сказала Надежда Григорьевна.—Вашъ еще не скоро. А идти вамъ надо такъ: сейчасъ пойдете наискось черезъ площадь по тропинкѣ и вонъ туда, гдѣ

чернѣютъ ветлы. Тамъ почтовая станція... и, какъ увидите телеграфные столбы, такъ и идите все прямо.

— Прямо дороженька!..—повторилъ Смоляковъ, принужденно смѣясь.—Ну-съ, Надежда Григорьевна, а теперь...

Онъ взялъ ея руку и такъ крѣпко сжалъ, что у нея заныли пальцы. И такъ они стояли еще нѣсколько минутъ, какъ будто между ними не все было переговорено и нужно было сказать другъ другу что-то самое важное... но никто ничего не сказалъ, да и некогда было уже говорить.

— Пора, пора...—глухо вымолвилъ Смоляковъ, выпуская руку Надежды Григорьевны.—Прощай... деревня!

Голосъ его задрожалъ, и, путаясь въ длинныхъ полахъ шубы, онъ торопливо зашагалъ по указанной тропинкѣ. Надежда Григорьевна долго смотрѣла на его удалявшуюся фигуру, неуклюжимъ пятномъ чернѣвшую среди бѣлизны снѣга, и когда это пятно сдѣлалось совсѣмъ маленькимъ и, наконецъ, совершенно слилось съ сѣрымъ сумракомъ разсвѣта, она вернулась въ школу.

Масляница въ этомъ году была ранняя, и въ Крутищахъ ее проводили очень бурно, но Надежда Григорьевна почти и не замѣтила, какъ она прошла. Въ городъ она не поѣхала, никуда ей не хотѣлось, никого не нужно было видѣть, и она безвыходно сидѣла у себя въ школѣ каждый день, чего-то ожидая. Она сама не знала, чего ждала, но ей казалось, что въ жизни ея должно что-то произойти... и, дѣйствительно, произошло.

Дня за два до Благовѣщенья ей принесли съ почты большой казенный пакетъ, одинъ видъ котораго производилъ строгое и холодное впечатлѣніе, точно онъ весь насквозь пропитался оффиціальнымъ запахомъ канцеляріи, откуда вышелъ. Но Надежда Григорьевна распечатала его безъ всякаго волненія и прочла слѣдующее: „покорнѣйше прошу Васъ пожаловать ко мнѣ въ 1 часъ дня 24 марта сего года для объясненій по лично касающемуся Васъ дѣлу. Инспекторъ народныхъ училищъ Мухинъ“.—„Ну, и пусть, ну, и все равно“!—подумала Надежда Григорьевна и въ тотъ же день послѣ занятій выѣхала въ Песчанскъ.

Зеленая весенняя заря догорала на западѣ, когда лошади остановились у воротъ знакомаго домика, въ окнахъ котораго уже свѣтился огонь. Надеждѣ Григорьевнѣ сейчасъ-же вспомнились святки, вспомнился послѣдній вечеръ, когда они прощались съ Смоляковымъ у калитки... но какъ теперь все было непохоже на то, что было тогда! Снѣгъ почти весь сошелъ, и отъ этого улица казалась темной и непри-

вѣтливой. Густая грязь тускло поблескивала, отражая зеленоватый свѣтъ зари; тонкій ледокъ на подмерзшихъ лужахъ хрустѣлъ подъ ногами, точно битое стекло. Дору Яковлевну Надежда Григорьевна застала за чаемъ и своимъ внезапнымъ появленіемъ и обрадовала, и испугала ее.

— Надя, откуда ты? Да какъ это ты? Что такое случилось?—воскликнула она, помогая подругѣ раздѣваться.

— Погоди, все разскажу,—сказала Надежда Григорьевна,—и ея спокойный тонъ сразу успокоилъ и Дору Яковлевну.

— Ну, ну, отлично!.. Я ужасно рада тебѣ! Сейчасъ самоваръ подогрѣю. Ты знаешь, я теперь прислуги не держу,—ну ихъ, вѣчныя исторіи! Ко мнѣ утромъ баба приходитъ съ сосѣдняго двора,—стряпаетъ, моетъ, убираетъ, ну, а остальное ужъ я сама. Но какъ это отлично, что ты пріѣхала! У насъ тутъ событія, событія... я тебѣ не писала...

И, приблизившись къ Надеждѣ Григорьевнѣ вплотную, она таинственно прошептала:

— Знаешь, вѣдь Смоляковъ то пропалъ...

— Да, я знаю,—сказала Надежда Григорьевна.

Дора Яковлевна такъ и подпрыгнула.

— Ты... знаешь? Откуда?—въ неописанномъ изумленіи воскликнула она.

— Да онъ самъ мнѣ сказалъ... тогда, передъ моимъ отъѣздомъ отсюда.

— Вотъ какъ...—пробормотала Дора Яковлевна убитымъ голосомъ.—Стало-быть, вы отъ меня скрывали...

И съ заблестѣвшими на глазахъ слезами, она отошла къ столу и начала безъ всякой надобности переставлять посуду.

— Никто отъ тебя не скрывалъ...—сказала Надежда Григорьевна, обнимая ее за плечи.—Просто такъ вышло.

— Ну, пожалуйста, не замасливай!—отозвалась Дора Яковлевна, всхлипывая и сморкаясь.—Не ожидала я отъ тебя этого, Надежда. А впрочемъ, мнѣ рѣшительно все равно...

Насилу Надеждѣ Григорьевнѣ удалось утѣшить огорченную подругу, и черезъ нѣсколько времени онѣ обѣ, уже совершенно примиренныя, пили чай и бесѣдовали о „событіяхъ“.

— Я, впрочемъ, немножко догадывалась,—сказала Дора Яковлевна:—въ послѣдніе дни у него какое то странное лицо было. Придетъ, бывало, сядетъ и смотритъ на меня, а глаза у него грустные—грустные...

Надежда Григорьевна чуть-чуть улыбнулась надъ запоздалой проницательностью Доры, но ужъ ничего не возражала, боясь ее огорчить.

— Ну, а теперь ты разсказывай,—продолжала Дора Яковлевна.—Что у тебя вышло? Зачѣмъ ты пріѣхала?

Надежда Григорьевна вмѣсто отвѣта подала ей пакетъ отъ Мухина. Фельдшерица прочла его и обезпокоилась.

— Что же это значитъ?—спросила она.—Зачѣмъ онъ тебя вызываетъ? Тутъ что-то неладное... и какое это такое „лично касающееся" тебя дѣло?

— Не знаю. Но мнѣ кажется, что тутъ тоже замѣшанъ... Смоляковъ.

— Какъ? При чемъ тутъ онъ и причемъ—ты?

— Онъ ко мнѣ заѣзжалъ... проѣздомъ,—тихо вымолвила Надежда Григорьевна, не глядя на подругу.

— Ну, ужъ это глу-упо!—воскликнула Дора Яковлевна, но, взглянувъ на Надежду Григорьевну, вдругъ что-то поняла и добавила другимъ тономъ:—А впрочемъ... чортъ съ ними со всѣми... вѣдь жить то одинъ разъ!..

И поздно вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, она почему-то особенно нѣжно поцѣловала Надежду Григорьевну и, заглядывая ей въ глаза, сказала:

— А что, неправду я говорила: дуры мы бабы,—а?

Надежда Григорьевна молчала.

На другой день, въ назначенный часъ она явилась къ Мухину. Мухинъ слылъ за либерала, любилъ говорить о „святомъ призваніи сельскаго учителя", въ сношеніяхъ съ учителями и, особенно, съ учительницами былъ всегда до сладости любезенъ и предупредителенъ, но, не смотря, на это, учителя почему-то его недолюбливали и не довѣряли ему. Когда онъ являлся въ школу на ревизію или на экзаменъ и, сіяя благодушіемъ, заводилъ рѣчь о томъ, что дѣло просвѣщенія—великое дѣло, и что ему надо отдавать всѣ свои силы, всю свою жизнь, до послѣдней капли крови—бѣдный учитель начиналъ дрожать, и душа у него уходила въ пятки въ ожиданіи какой нибудь каверзы. И, дѣйствительно, каверза таки оказывалась—или въ видѣ оффиціальнаго выговора за нерадѣніе, или въ видѣ перевода на худшее мѣсто. Учителя у него такъ и летали изъ одного села въ другое, и особенно онъ не любилъ такихъ, которые, принявъ его отеческую ласковость за чистую монету, начинали по простотѣ раскрывать передъ нимъ душу и осмѣливались даже жаловаться на свое тяжелое положеніе и на разныя обиды со стороны лицъ, считающихъ себя начальствомъ. Такой учитель, послѣ своей откровенной исповѣди, могъ навѣрняка разсчитывать, что благодушный инспекторъ, очаровавшій его своей любезностью, запрячетъ его въ такую дыру, откуда есть только два выхода — или на погостъ, или въ монополію... За то учителя, которые никогда ни на что не жалова-

лись и съ почтительной улыбкой поддакивали его рѣчамъ о „святомъ призванiи учителя", — пользовались полнымъ его благоволенiемъ, и хотя часто, во время ревизiи, онъ находилъ у нихъ въ школѣ какихъ-то подозрительныхъ пѣтуховъ, кукорекающихъ подъ рѣшетомъ, или крынки съ масломъ, нескромно выглядывающiя изъ подъ кровати, но онъ дѣлалъ видъ, что ничего этого не замѣчаетъ, и даже ставилъ такихъ учителей въ примѣръ другимъ: „вотъ, посмотрите, господа: вѣдь вотъ живетъ же человѣкъ на 18 руб. въ мѣсяцъ и ни на что не жалуется,—вотъ, берите примѣръ, какъ ради великаго дѣла просвѣщенiя можно ограничивать свои потребности"... И болѣе находчивые изъ учителей наперебой старались послѣ этого „ограничить свои потребности"... чтобы въ будущемъ получить лучшее мѣстечко съ увеличеннымъ окладомъ.

Войдя въ кабинетъ, Надежда Григорьевна застала Мухина уже на его обычномъ мѣстѣ передъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами. При видѣ учительницы его жирное, красное лицо калмыцкаго типа съ узкими хитрыми глазами расплылось въ прiятнѣйшую улыбку, и онъ даже приподнялся съ кресла ей на встрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, многоуважаемая... э-э-э...— запѣлъ онъ, принимая ея руку въ свои толстыя, мягкiя, какъ подушка, длани.—Э-э-э... вы аккуратны... это дѣлаетъ вамъ честь... Э-э-э... садитесь, пожалуйста, вотъ стулъ.

И онъ самъ подвинулъ ей стулъ. Такая преувеличенная любезность не предвѣщала ничего добраго, поэтому Надежда Григорьевна сейчасъ же подтянулась и приняла еще болѣе замкнутый видъ.

— Д—э-э!..—тянулъ, между тѣмъ, Мухинъ, потирая руки и видимо немного смущенный строгимъ и недоступнымъ видомъ учительницы.—Очень радъ, очень радъ васъ видѣть... э-э-э... какъ вы доѣхали? Дорога, вѣроятно, отвратительная? Э-э?

— Я не замѣтила,—отвѣчала Надежда Григорьевна, поднимая брови въ знакъ крайняго недоумѣнiя.

Этотъ знакъ недоумѣнiя еще больше смутилъ Мухина, и онъ окончательно потерялъ надлежащiй тонъ, которымъ привыкъ наводить трепетъ на провинившихся педагоговъ.

— Д-э-э? Ну, что-жъ дѣлать, пришлось васъ немножко обезпокоить... — продолжалъ онъ такъ, какъ будто Надежда Григорьевна жаловалась, что ее обезпокоили. — Понимаете... э-э-э... пренепрiятная исторiя... Очень, очень непрiятная... Э-э-э...

Онъ замолчалъ, ожидая, что Надежда Григорьевна обнаружитъ волненiе и спроситъ, что это за непрiятная исторiя,

но такъ какъ она не спросила и никакого волненія не обнаружила, то онъ затянулъ снова.

— Э-э... вы ужъ извините, я буду говорить съ вами, какъ отецъ съ дочерью... Э-э-э... Но, многоуважаемая моя, пожалуйста, не подумайте, что я хочу посягнуть на свободу вашей личности и позволю себѣ вмѣшаться въ вашу личную жизнь. Боже сохрани! Боже сохрани!..—съ ужасомъ воскликнулъ онъ, дѣлая руками такой жестъ, какъ будто онъ отстранялъ отъ себя что-то непріятное.—Свобода личности для меня священна... дэ-э... и если бы дѣло не касалось дорогого для меня просвѣщенія народнаго, которому я посвятилъ всю свою жизнь... э-э-э... я бы никогда не рѣшился прикоснуться къ такому э-э-э... щекотливому предмету. Но вы знаете, какъ я высоко ставлю призваніе народнаго учителя! Народный учитель... э-э... это городъ на горѣ!.. На него устремлены всѣ взоры, всѣ надежды... его репутація должна быть чище снѣга... Онъ служитъ великому дѣлу... дэ-э!.. и долженъ высоко держать знамя...

„Знамя“ заставило Надежду Григорьевну улыбнуться и, замѣтивъ это, Мухинъ опять сбился съ тона и самымъ обыкновеннымъ образомъ разсердился:

— Многоуважаемая моя, вы черезчуръ легко къ этому относитесь...—прошипѣлъ онъ, мгновенно утрачивая все свое напускное благодушіе.—Я долженъ вамъ сказать, что вы... недостаточно корректны въ выборѣ своихъ знакомствъ... э-э... бываютъ такія знакомства, которыхъ нужно избѣгать, какъ огня... какъ огня... дэ-э-э!...

— Но вѣдь это же мое личное дѣло,—сказала Надежда Григорьевна. — Вы сами сейчасъ сказали, что свобода личности для васъ священна, а между тѣмъ выходитъ, что сельскій учитель даже знакомыхъ долженъ себѣ выбирать, предварительно испросивъ на это разрѣшенія начальства.

Мухинъ понялъ, что онъ самъ сдѣлалъ брешь въ своей репутаціи либерала, и снова замахалъ руками.

— Боже сохрани... Б-боже сохрани! Увѣряю васъ, что я здѣсь не при чемъ. Я только исполнитель... дэ-э... и, какъ исполнитель, долженъ васъ предупредить... Тутъ былъ одинъ молодой человѣкъ... я ничего о немъ не говорю, я его не знаю, можетъ быть, онъ прекрасный молодой человѣкъ, но... Словомъ, — говорятъ, вы съ нимъ знакомы, васъ видали вмѣстѣ и... вотъ-съ, не угодно-ли прочитать...

Вынувъ изъ портфеля какую-то бумагу, онъ подалъ ей. Надежда Григорьевна прочла, пожала плечами и вернула бумагу обратно.

— Вы такъ бы и сказали съ самаго начала, — спокойно вымолвила она и встала.—Дѣло такъ ясно, что не требовало

никакихъ разговоровъ. Да и мой визитъ къ вамъ былъ совершенно лишній.

— Я хотѣлъ васъ подготовить... — растерянно пробормоталъ Мухинъ.

— Очень вамъ благодарна. Но я не изъ тѣхъ, которыя падаютъ въ обморокъ. Прощайте.

Съ этими словами она вышла изъ кабинета, оставивъ Мухина въ нѣкоторомъ смятеніи.—„Ну-ну-ну!—думалъ онъ, стараясь привести въ порядокъ свои мысли.—Вотъ такъ дѣвица: хоть бы глазомъ моргнула... Нѣтъ, Богъ съ ними, съ этими курсистками... намъ какихъ попроще надо, попроще"...

— Ну что? Зачѣмъ тебя вызывали?—спросила Дора Яковлевна, когда Надежда Григорьевна вернулась домой.

— Да ужъ, конечно, ничего хорошаго, — сказала Надежда Григорьевна, грустно улыбаясь. — Полная отставка... и даже съ воспрещеніемъ навсегда педагогической дѣятельности.

— Да не можетъ быть!—воскликнула ошеломленная Дора Яковлевна.—Надя, ты врешь... или тебѣ это показалось!

— Собственными глазами читала бумагу. Очень четко написано.

— Чортъ знаетъ что такое!.. — проговорила Дора Яковлевна, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ.—Послушай... да неужели это изъ-за... Смолякова?

Надежда Григорьевна молча пожала плечами. Дора Яковлевна остановилась передъ ней и взглянула ей въ лицо. „Хоть бы заплакала"... почему-то подумала она.

— Что жъ ты теперь думаешь дѣлать? — спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Надо какую нибудь другую профессію выбирать,—сказала Надежда Григорьевна и засмѣялась.—Поступить развѣ на кулинарные курсы...

Но, хотя она и храбрилась, вся душа у нея болѣзненно ныла, и на глазахъ иногда закипали жгучія слезы. Ей было жаль Крутищъ, гдѣ она прожила три года... жаль школы, своихъ ребятишекъ, Ѳедорчукова, Мосея... даже жаль было своей душной, сырой каморки, гдѣ она столько передумала, перечувствовала, пережила и похоронила свою первую и послѣднюю любовь. Все какъ-то сразу ушло у нея изъ рукъ... позади оставались однѣ развалины, въ настоящемъ не было ничего, а будущее было темно, какъ дремучій лѣсъ.

Вечеромъ Дора Яковлевна потащила ее къ Яковлевымъ. Она догадывалась, что Надежда Григорьевна хотя и молчитъ, но на душѣ у нея должно быть очень тяжело, и изо всѣхъ силъ старалась отвлечь ее отъ печальныхъ мыслей. У Яковлевыхъ все было по прежнему: Евгенія Ивановна встрѣтила

ихъ съ своей обычной привѣтливой и немножко усталою улыбкой; Барбарисычъ былъ, какъ всегда, веселъ и доволенъ и сейчасъ же завелъ грамофонъ. Когда послышалось характерное шипѣнье, и вслѣдъ затѣмъ блестящая пасть рупора начала изрыгать воинственные звуки марша — лицо Евгеніи Ивановны сразу поблекло, и улыбка смѣнилась гримасой скуки и отвращенія.

— Вамъ не нравится? — тихо спросила ее Надежда Григорьевна подъ громъ и трескъ трубъ и литавръ.

— А вамъ нравится? — вмѣсто отвѣта сказала Евгенія Ивановна.

— Да ничего... а Дора такъ даже въ экстазѣ, — посмотрите.

И Надежда Григорьевна, смѣясь, указала на Дору Яковлевну, которая съ увлеченіемъ барабанила по столу въ тактъ грамофону.

— Ахъ, милочки мои, это хорошо изрѣдка! — вздохнула Евгенія Ивановна.—А вѣдь я слушаю это каждый день и по нѣскольку разъ... — Она помолчала немного и прибавила не то серьезно, не то шутя: — Я слишкомъ счастлива въ своей семейной жизни... счастье портитъ людей.

Въ эту минуту звуки оркестра рѣзко оборвались, точно рупоръ внезапно подавился, и Борисъ Борисычъ обратилъ къ публикѣ свое сіяющее лицо.

— Какова штучка, а? — воскликнулъ онъ съ гордостью, какъ будто самъ былъ изобрѣтателемъ грамофона.—Въ Москву не надо ѣздить, въ театръ не надо ходить,—заплатилъ сразу 300 рублей, сиди дома на диванѣ и наслаждайся... Молодчина Эдиссонъ! А теперь, милостивые государи и милостивыя государыни, я вамъ представлю самого божественнаго Фигнера!..

Грамофонъ опять прочистилъ хорошенько свою мѣдную глотку и кисло-сладкимъ теноромъ запѣлъ: „они полюбили другъ-друга“... И дико было видѣть, какъ это безглазое, бездушное чудовище, напоминающее фантастическихъ марсіанъ изъ романа Уэльса „Борьба міровъ“, своей зіяющей пастью произносило нѣжныя слова любви и страстно вздыхало отъ избытка чувствъ. Но Борисъ Борисычъ былъ въ восторгѣ и собственной мимикой старался дополнить впечатлѣніе. Онъ то воздѣвалъ руки къ небу, то прижималъ ихъ къ груди, то выражалъ на своемъ лицѣ нѣмое блаженство, то беззвучно рыдалъ и, наконецъ, довелъ Дору Яковлевну чуть не до истерики. Когда Фигнеръ въ свою очередь подавился и умолкъ, Дора Яковлевна упала на диванъ и до того хохотала, что потребовался стаканъ воды, чтобы привести ее въ чувство.

— Ради Бога, Борисъ Борисычъ, не кривляйтесь! — про-

сила она, успокоившись отъ своего припадка.—Ну что это, въ самомъ дѣлѣ, вы портите всякое впечатлѣніе своимъ кривляньемъ!

— Не смѣйте говорить, что божественный Фигнеръ кривляется! — возразилъ ей Борисъ Борисычъ и снова завелъ грамофонъ.

За Фигнеромъ послѣдовалъ Шаляпинъ, за Шаляпинымъ какая-то страдающая насморкомъ пѣвица, потомъ опять оркестръ и пошло, и пошло... Слушатели впали въ какое-то отупѣніе; не только говорить, но даже думать не было никакой возможности и, глядя на осунувшееся лицо Евгеніи Ивановны, Надежда Григорьевна мысленно соглашалась съ ней, что „она черезчуръ счастлива въ своей семейной жизни“...

Появленіе Ставровскаго прекратило вакханалію грамофона, и всѣ вздохнули свободнѣе. Впрочемъ, Борисъ Борисычъ попытался было угостить и новаго гостя „божественнымъ Фигнеромъ“, но Евгенія Ивановна убѣдила мужа, что и грамофону нужно отдохнуть, что отъ частаго употребленія даже пластинки портятся, и это подѣйствовало. Борисъ Борисычъ испугался, заботливо укуталъ грамофонъ чехломъ и изъ изступленнаго меломана превратился снова въ благодушнаго земскаго начальника „Барбарисыча“. Даже нянька перекрестилась, когда вмѣсто грамофона въ гостиной послышались человѣческіе голоса.

— Ну, слава тебѣ Господи, угомонился!—сказала она горничной. — Навожденіе, чисто навожденіе діавольское, прости ты меня, Царица небесная! Ну, бывало, барыня на фортопьянахъ поиграетъ, ну, попоютъ,—послушать даже пріятно. Нѣтъ, вѣдь этого ему мало! Ишь ты, какого идола завелъ... да его и въ домѣ-то держать грѣшно! Глядѣть, коробка, а человѣчьими голосами выговариваетъ... батюшки мои, да вѣдь это что-жъ такое?.. Это и подумать-то страшно...

Но хотя кошмарное настроеніе, навѣянное грамофономъ, и разсѣялось немного, всѣ, исключая Бориса Борисыча, чувствовали себя невесело, и разговоръ какъ-то плохо налаживался. Говорили о погодѣ, о разныхъ песчанскихъ сплетняхъ, но никто не говорилъ о томъ, что было для каждаго интересно, и оттого всѣ томились и скучали. Наконецъ, Дора Яковлевна не выдержала и объявила, что она уходитъ.

— Не могу больше, господа: скука нынче у Яковлевыхъ невозможная,—говорила она въ передней, натягивая на себя кофточку съ такой энергіей, что та трещала по всѣмъ швамъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! — воскликнулъ Борисъ Борисычъ, притворяясь огорченнымъ.—О, неблагодарная!.. А грамофонъ?

— Да вотъ только грамофонъ одинъ и выручалъ! Намъ всѣмъ теперь слѣдуетъ завести себѣ грамофоны: сами-то мы совсѣмъ говорить по человѣчески разучились, такъ пускай хоть они за насъ говорятъ. Святое дѣло... и безъ хлопотъ: завелъ машину и сиди, слушай!

— Вы сегодня въ сатирическомъ настроеніи, m-lle Розенштраухъ,—сказалъ Ставровскій.

— Будешь въ сатирическомъ, когда эдакій пріятный вечерокъ проведешь! Сидятъ всѣ, какъ отравленныя мухи, и другъ на друга мертвыми глазами смотрятъ. Брр... просто очумѣть можно!

— Что же дѣлать, m-lle, значитъ, жить тяжело...—меланхолически замѣтилъ Ставровскій.—Вамъ хорошо,—вы молоды; ваша жизнь—открытая книга, въ которой еще много чистыхъ страницъ, гдѣ вы можете написать все, что захотите. А вотъ нашему брату — старику пора уже итоги подводить, да какъ подумаешь, что въ итогѣ-то — круглый нуль, поневолѣ загрустишь...

Дора Яковлевна возразила, Ставровскій ей отвѣтилъ, и между ними готовъ былъ завязаться безконечный споръ, если бы Борисъ Борисычъ не положилъ ему конца въ самомъ началѣ неожиданною выходкой. Онъ сбѣгалъ въ гостинную, принесъ нѣсколько стульевъ и съ самымъ серьезнымъ видомъ предложилъ ихъ всѣмъ присутствующимъ, увѣряя, что такъ будетъ удобнѣе и говорить, и слушать. Всѣ расхохотались.

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю, мы пойдемъ!—сказала Дора Яковлевна.—Въ самомъ дѣлѣ, господа, отчего это у насъ всегда самые интересные разговоры начинаются въ передней? Цѣлый вечеръ всѣ, какъ сычи, сидятъ, глазами хлопаютъ, и никто ни одного путнаго слова не скажетъ, а какъ прощаться—тутъ-то вдругъ языки и развяжутся!

— Да я думаю, оттого, что мы всѣ такъ уже надоѣли другъ-другу, что оживляемся только тогда, когда разстаемся,—сказалъ Ставровскій.

Дора Яковлевна хотѣла было возразить, но сейчасъ же обѣими руками закрыла себѣ ротъ и, смѣясь, начала прощаться.

— А вы сегодня, кажется, больше всѣхъ скучали?—сказала она Евгеніи Ивановнѣ.—У васъ совсѣмъ видъ мученицы.

— Мученицы грамофона...—шепнула ей Евгенія Ивановна съ усталой улыбкой. — А помните, какъ на святкахъ намъ было весело... когда гадали?

— Да...—задумчиво проговорила Дора Яковлевна.—Тогда еще Смоляковъ былъ... а теперь и его нѣтъ, и скоро, можетъ быть, еще кого нибудь изъ насъ не будетъ...

Она взглянула на Надежду Григорьевну и замолчала.

Какъ только дверь за ними затворилась, Ставровскій обратился къ Надеждѣ Григорьевнѣ.

— А вѣдь я спеціально для васъ приходилъ сегодня къ Яковлевымъ.—Я предчувствовалъ, что вы будете здѣсь сегодня. Вы уже, конечно, все знаете?

— Да. Я была утромъ у Мухина.

И Надежда Григорьевна передала весь свой разговоръ съ Мухинымъ.

— Старая жаба!—воскликнулъ Ставровскій, забывъ свою обычную корректность.—Лжетъ онъ: это его дѣло. Вы знаете, что онъ еще на дняхъ этого молоденькаго учителя, который говорилъ тогда рѣчь за ужиномъ у Яковлевыхъ, — онъ его перевелъ въ самую глухую часть уѣзда и на низшій окладъ, будто-бы „для пользы дѣла"? Не понравилось ему, что сельскій учитель публично говорить умѣетъ... а, главное, не понравилось то, что онъ хвалилъ не его, „который высоко держитъ знамя", а меня... Старый лицемѣръ, Іудушка либерализма... И вотъ увидите: скоро будетъ генераломъ и директоромъ!

— Но откуда онъ все это узнаетъ? Кто ему доноситъ?—спросила Дора Яковлевна.

— О, не безпокойтесь, добровольцы всегда найдутся!—желчно сказалъ Ставровскій.—До чего все это теперь просто стало, я даже на этотъ счетъ одинъ случай могу вамъ разсказать. Заѣзжаю я какъ-то на дняхъ къ одному знакомому помѣщику, вхожу въ кабинетъ,—онъ сидитъ и что-то пишетъ: видъ вдохновенный, а перо такъ и летаетъ по бумагѣ. Что это вы, говорю, проектъ, что-ли, какой сочиняете о способахъ спасти дворянское хозяйство отъ разоренія? А онъ мнѣ и отвѣчаетъ: нѣтъ, говоритъ, доносъ пишу на нашего попа,—представьте: подбиваетъ мужиковъ ходатайствовать о закрытіи винной лавки... Такъ-таки и сказалъ: „доносъ"... И ничего, не краснѣетъ, напротивъ, въ лицѣ даже эдакое благородное сіяніе! Какъ-же, помилуйте, вѣдь человѣкъ совершенно безкорыстно защищаетъ интересы монополіи!

— Ну, а вы что-же?—съ любопытствомъ спросила Дора Яковлевна.

— Да что же... ничего! Взялъ шапку,—и давай Богъ ноги. Что же мнѣ еще дѣлать?

— Да вы хоть бы пристыдили его.

— Э, голубушка моя, безполезно! „И погромче насъ были витіи"... Ничего съ этимъ не подѣлаешь. Почемъ я знаю,—можетъ быть, вотъ въ эту самую минуту, какъ я съ вами иду и мирно бесѣдую,—на меня ужъ гдѣ-нибудь тоже доносъ пишутъ. Мнѣ какъ-то губернаторъ говорилъ,

что ему такую массу анонимныхъ доносовъ присылаютъ,—просто не знаетъ, что съ ними дѣлать. Тяжело, очень тяжело... Волкодавы, ищейки, гончія всюду и вездѣ... поневолѣ начнешь страдать маніей преслѣдованія и почувствуешь желаніе куда нибудь уйти, скрыться, засѣсть въ четырехъ стѣнахъ и отдохнуть, отдохнуть...

Онъ вдругъ спохватился, что слишкомъ много сказалъ и, помолчавъ, снова обратился къ Надеждѣ Григорьевнѣ.

— Ну-съ, а я всетаки вернусь къ вашему дѣлу. Намъ очень жаль, что мы теряемъ въ васъ такую прекрасную учительницу. Земство вами дорожило... но, что дѣлать. Во всякомъ случаѣ, разставаясь съ вами, мы не хотѣли бы терять васъ изъ виду... Простите за нескромный вопросъ: скажите, что вы намѣрены предпринять?

— Право, сама не знаю. Все это вышло такъ неожиданно, что я не успѣла еще обдумать. Вѣроятно, буду искать какой-нибудь работы.

— Гдѣ нибудь въ конторѣ или что нибудь въ этомъ родѣ? Это было бы жаль... такая работа не для васъ. Вамъ нужно что нибудь живое... почему бы, напримѣръ, вамъ не попробовать заняться медициной?

— Да вѣдь нужно еще учиться... для этого нужны средства, а у меня ихъ нѣтъ.

— О, если дѣло только за этимъ,—средства найдутся!—воскликнулъ Ставровскій.—Если вы ничего не имѣете противъ, я могъ бы устроить для васъ стипендію. Поѣзжайте въ Институтъ или за границу, если здѣсь не удастся поступить... а потомъ возвращайтесь въ качествѣ врача. Что вы скажете на это?

— Я вамъ очень благодарна...—пробормотала Надежда Григорьевна, растерявшись отъ неожиданности и чувствуя, какъ Дора Яковлевна свирѣпо толкаетъ ее въ бокъ.

— Пожалуйста, не благодарите!—перебилъ ее Ставровскій.—Подумайте и рѣшите, и, если мое предложеніе вамъ по душѣ—прошу васъ придти ко мнѣ для окончательныхъ переговоровъ. Я всегда дома въ 5 часовъ вечера. А теперь пока до свиданія.

— Чего же ты молчала?—накинулась на пріятельницу Дора Яковлевна, когда онѣ остались однѣ.—Эдакая мямля! Эдакій пень!.. Фу, противная...

— Погоди, дай подумать... что ты ругаешься? Нельзя же такъ сразу... право, это точно во снѣ.

— Не во снѣ, а на яву, и нечего тутъ думать! Ну, Надежда, я думала, ты умнѣе! Эдакое счастье ей самой въ руки лѣзетъ, а она еще финтитъ! Ахъ ты, Господи Боже мой! Дура ты, больше ничего! Думай вотъ, ковыряй у себя въ

душѣ, а Ставровскій возьметъ, да и откажетъ! Ступай сейчасъ къ нему, звони, скажи, что согласна...

— Дора, да ты съ ума сошла? Ну какъ это я вдругъ ночью пойду? И завтра успѣю.

— Ну, а завтра-то, по крайней мѣрѣ, пойдешь?

— Завтра пойду.

— Ну, вотъ молодецъ!.. Какъ я рада, какъ я рада за тебя—ты представить себѣ не можешь. Я готова плясать на улицѣ... А этого милаго Ставровскаго, какъ увижу, такъ и расцѣлую! Эдакая прелесть!.. А я то...—вдругъ добавила она жалобнымъ голосомъ.—Радуюсь—радуюсь... а вѣдь когда ты уѣдешь, я ужъ совсѣмъ одна здѣсь останусь...

Вмѣсто отвѣта Надежда Григорьевна обняла ее и крѣпко прижала къ себѣ. Молча шли онѣ по пустынной площади, и шаги ихъ одиноко звучали въ сонной тишинѣ... а весенняя ночь была темна, и степной бродяга—вѣтеръ съ воплями и свистомъ рыскалъ по городу, предвѣщая непогоду.

XI

У пристани маленькаго городка Flüelen'а, на Фирвальдштедскомъ озерѣ готовился къ отплытію пароходъ „Winkelried“. Пестрая международная толпа терпѣливо ждала, когда уберутъ канатъ, отдѣляющій ее отъ парохода, и никто никуда не торопился, никто не проталкивался впередъ, никто не выражалъ никакого нетерпѣнія, потому что всѣ знали, что каждому найдется мѣсто и что все будетъ въ свое время. Но вотъ, послышалась короткая команда; канатъ сняли съ крючковъ, и разноцвѣтный потокъ хлынулъ на палубу „Винкельрида“. Былъ какой-то праздникъ (впрочемъ, въ Швейцаріи, кажется вѣчный праздникъ!), и весь пароходъ былъ разубранъ яркими флагами съ гербами всѣхъ кантоновъ, среди которыхъ особенно горделиво развѣвался бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ. Пестрые наряды, оживленныя лица, веселый говоръ дополняли праздничное впечатлѣніе. Прошли члены какого то Fereіn'а съ зеленымъ знаменемъ, обшитымъ золотою бахромой, съ ярко сіявшими на солнцѣ мѣдными трубами, съ букетами въ рукахъ, на шляпяхъ и на палкахъ. Цѣлая гурьба молодыхъ дѣвушекъ, должно быть, ученицъ какой-нибудь школы, въ короткихъ бѣлыхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ беретахъ и пикейныхъ шляпахъ съ эдельвейсами и альпійскими розами, промчалась по сходнямъ и заняла всю носовую часть парохода. Спокойные и самоувѣренные англичане аккуратно разстилали на скамьяхъ свои плэды и сейчасъ-же вооружались громадными биноклями, приготовляясь

наслаждаться природой съ такимъ видомъ, какъ будто имъ предстояло выполнить необычайно важную и серьезную обязанность. Вертлявые французы интересовались больше женскими лицами, перебѣгали съ одного конца палубы на другой, обмѣнивались каламбурами и своимъ картавымъ говоромъ наполняли весь пароходъ. Солидные и неуклюжіе швейцарцы съ женами и дѣтьми какъ только усѣлись, такъ немедленно распаковали свои увѣсистыя корзины, вынули бутылки съ пивомъ, буттерброды и начали дѣловито закусывать. Между ними особенно выдѣлялись бернуазы и бернуазки въ своихъ національныхъ костюмахъ изъ чернаго плиса съ серебряными пряжками; у женщинъ, кромѣ того, на головахъ ярко сверкали громадные безобразные гребни, изъ за которыхъ совершенно не видно было волосъ. У всѣхъ были красныя, загорѣлыя лица, большія, загрубѣлыя отъ работы руки, и они громко хохотали, показывая испорченные зубы. Но всю эту разноплеменную толпу,—и корректныхъ англичанъ, и жизнерадостныхъ французовъ, и даже грубыхъ поселянъ изъ Оберланда—всѣхъ ихъ объединяло какое то общее чувство, общее сознаніе того, что они у себя дома, и это общее чувство и общее сознаніе дѣлало ихъ какъ бы членами одной громадной семьи, съѣхавшейся на большой семейный праздникъ. Одна только пассажирка казалась чужой, стѣсненной среди этой праздничной толпы. Войдя на пароходъ, она выбрала себѣ мѣсто у праваго борта и больше уже не покидала его. Ни костюмъ ея, ни шляпа, ни прическа не отличались ничѣмъ особеннымъ, кромѣ развѣ пуританской простоты, и всетаки было въ ней самой что-то такое, что обращало на нее вниманіе Двѣ краснолицыхъ бернуазки въ широкополыхъ шляпахъ съ исполинскими ромашками и васильками пристально поглядѣли на нее и шепотомъ сказали что-то другъ-другу, а молодой французъ въ тирольскомъ костюмѣ, съ голыми колѣнками, проходя мимо, довольно громко замѣтилъ другому: „Il me semble que c'est une etudiante russe“!—на что тотъ отвѣчалъ также громко: „vrai“? Предполагаемая „etudiante russe“ даже не оглянулась; она или не слышала этихъ замѣчаній, или не хотѣла обращать на нихъ вниманія и, облокотившись на бортъ, смотрѣла на берегъ.

Между тѣмъ, на пристани никого уже не осталось, кромѣ толпы отельныхъ швейцаровъ въ ихъ блестящихъ ливреяхъ, и пароходъ, сдѣлавъ плавный полукругъ, отчалилъ отъ берега. Въ ту же минуту мѣдныя трубы музыкантовъ всѣ разомъ сверкнули на солнцѣ, и оркестръ грянулъ какой-то оглушительный маршъ. Надъ бортами замелькали бѣлые платки и украшенныя цвѣтами шляпы, которыми туристы посылали

послѣдній привѣтъ Флюэлену. Высокій англичанинъ съ бритымъ лицомъ долго смотрѣлъ въ бинокль на туманный профиль Урпротштока и, обернувшись къ хорошенькой бѣлокурой миссъ, похожей на подснѣжникъ, сказалъ: „Ah, that's a good one"! Подснѣжникъ поспѣшно схватился за бинокль, тоже посмотрѣлъ туда, куда слѣдовало смотрѣть, и своимъ милымъ розовымъ ротикомъ коротко и серьезно подтвердилъ: „o, yes"! А красные, зеленые, желтые флаги трепетали въ воздухѣ, музыка гремѣла, и пароходъ шелъ на всѣхъ парахъ мимо цвѣтущихъ зеленыхъ береговъ, оставляя за собою длинный слѣдъ, сверкавшій, какъ серебро, на изумрудныхъ волнахъ озера.

Когда оркестръ умолкъ, и раскраснѣвшіеся музыканты, снявъ шляпы, вытирали платкомъ свои вспотѣвшія лица, молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ стали въ кругъ и запѣли:

Kennst du das Land wo Alpenrosen blüh'n,
Und Hirten froh durch's Hochgebirge zieh'n...
Kennst du es wohl? Das schöne Land,
Gepriesen sei's! Es ist mein Vaterland!

Свѣжіе, молодые голоса, стройное пѣніе и торжественный, немного наивный мотивъ собрали вокругъ пѣвицъ многочисленую публику. У всѣхъ швейцарцевъ были умиленно-счастливыя лица, и нѣкоторые изъ нихъ въ тактъ покачивали головами; французы слушали съ любопытствомъ; англичане—серьезно. Только „l'étudiante russe" по прежнему оставалась на своемъ мѣстѣ и, низко надвинувъ шляпу на глаза, смотрѣла на мимо-бѣгущія горы, точно бархатомъ, одѣтыя зелеными лѣсами. Можетъ быть, она вспоминала свою далекую родину, и подъ звуки чужеземной пѣсни ей мерещились широкія, грустныя равнины, безбрежный просторъ полей и луговъ, среди которыхъ мерцаютъ кресты деревенскихъ церквей, отдаленный звонъ колокольчика на большой дорогѣ, отдаленное эхо хороводной пѣсни за рѣкой. Какъ давно все это было и какъ далеко теперь отъ нея...

Пароходъ бѣжалъ, и бѣжали повитыя голубыми туманами горы, бѣжали по небу перламутровыя тучки—„вѣчно холодныя, вѣчно свободныя"...

Промелькнула, вся въ зелени, бѣлая капелла Вильгельма Телля, гдѣ, по преданію, этотъ народный герой сдѣлалъ свой знаменитый прыжокъ, спасаясь отъ погони. Въ Сизиконѣ пароходъ сдѣлалъ коротенькую остановку, и часть пассажировъ вышла, въ томъ числѣ и бритый англичанинъ съ своимъ очаровательнымъ подснѣжникомъ. А тамъ, дальше уже зазеленѣла тихая Рютли, и хоръ бѣлыхъ дѣвушекъ запѣлъ ей навстрѣчу:

Gepriesen sei friedliche Stätte,
Gegrüsset du, heiliges Land,
Wo sprengten der sclaverei Kette
Die Väter mit mächtiger Hand...

И, когда ея зелёная вершина исчезла за крутымъ поворотомъ озера, на мутно-лиловомъ горизонтѣ величественно вырѣзались сѣро-пепельные зубцы двуглавой Mythen, у подножія которой, точно стадо гусей, разсыпались бѣлые домики.

— Brunnen!—провозгласилъ помощникъ капитана.

Пассажиры, которымъ надо было выходить, засуетились и сдвинулись болѣе къ правому борту; музыканты собирали свои инструменты, и знаменосецъ горделиво развернулъ надъ головой зеленое знамя. Брунненъ приближался; маленькіе домики превратились въ большіе дома; на пристани была уже видна толпа народа. Опять англичане, французы, швейцарцы и... швейцары въ своихъ разукрашенныхъ галунами ливреяхъ. Вдругъ „l'etudiante russe" вся вздрогнула и подалась впередъ... у самаго барьера стоялъ высокій молодой человѣкъ съ бѣлокурыми усами и нетерпѣливо всматривался въ приближавшійся пароходъ. Студентка бросилась было къ выходу, толкнувъ, по дорогѣ, почтенную нѣмецкую Frau, которая взглянула на нее съ презрительнымъ удивленіемъ, но члены ферейна такъ загромоздили своими трубами всю палубу, что она сейчасъ же вернулась назадъ и заняла прежнее мѣсто. Молодой человѣкъ стоялъ все тамъ же и, пощипывая усы, безучастнымъ взглядомъ окидывалъ незнакомыя лица проходившихъ мимо пассажировъ. Блѣдный румянецъ выступилъ на щекахъ студентки; она судорожно крутила ремень своей дорожной сумки и почти съ ненавистью смотрѣла на толпу, которая, какъ ей казалось, двигалась черезчуръ медленно. Но вотъ, наконецъ, прошли послѣдніе трубачи, и новая толпа двинулась на пароходъ. Молодой человѣкъ былъ впереди, и на минуту студентка потеряла его изъ виду. Она прошла поближе къ кассѣ, очевидно, надѣясь увидѣть его тамъ, но его не было, и цѣлый цвѣтникъ дамскихъ шляпокъ загораживалъ окошечко кассы. Испугъ, недоумѣніе, тоска выразились въ ея глазахъ; она растерянно оглянулась... и въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣла того, кого искала.

— Іосифъ Андреичъ!..—проговорила она, протягивая ему руку.

Онъ слегка вздрогнулъ, вглядываясь въ ея лицо, но сейчасъ-же узналъ и крѣпко сжалъ ея руку въ обѣихъ рукахъ.

— Надежда Григорьевна?—воскликнулъ онъ.—Фу ты, Боже мой, а вѣдь я васъ сначала не узналъ... Здѣсь такъ

темно! И потомъ, я никакъ не ожидалъ... ну, совершенно даже и не думалъ о такой встрѣчѣ...

Они вышли на палубу и жадно всматривались другъ въ друга, какъ бы ища тѣхъ неуловимыхъ измѣненій, которыя оставляетъ на лицахъ людей безпощадное время. Но на первый взглядъ оба мало измѣнились, только Надежда Григорьевна какъ будто похудѣла и стала выше ростомъ, а Смоляковъ, напротивъ, пополнѣлъ, возмужалъ, и цвѣтъ лица у него былъ свѣжѣе, а прежняя мѣшковатость въ движеніяхъ немного сгладилась. Однако, кромѣ этихъ внѣшнихъ перемѣнъ, было въ немъ и еще что-то новое, чего не было прежде, и чего Надежда Григорьевна сразу не могла понять.

— Какъ это странно... Какъ это хорошо, что мы встрѣтились!—говорилъ Смоляковъ, не выпуская ея руки. — Скажите, какъ это вы... давно ли вы здѣсь?

— Почти два года. Вѣдь я теперь въ Лозаннѣ, — занимаюсь медициной.

— Въ Лозаннѣ? И два года? — повторилъ Смоляковъ съ изумленіемъ.—А... школа?

— О, съ этимъ давно уже покончено! — грустно сказала Надежда Григорьевна. — Впрочемъ, вѣдь вы навѣрное не знаете, что у насъ произошло послѣ вашего отъѣзда...—И она торопливо начала ему разсказывать, какъ она оставила школу, не сводя съ него своихъ сіяющихъ глазъ.

— Во всемъ этомъ виноватъ я, — сказалъ Смоляковъ, по старой привычкѣ закручивая свой правый усъ. — Это было ужасно нелѣпо съ моей стороны заѣзжать тогда къ вамъ. Я этого себѣ никогда не прощу... Никогда!—прибавилъ онъ съ суровостью, которой прежде въ немъ не было.

— О, нѣтъ!—возразила Надежда Григорьевна, улыбаясь.— Вы тутъ сыграли только роль „casus belli,—все равно, рано или поздно, отъ меня бы отдѣлались. Мнѣ потомъ Ставровскій признавался, что я всегда была на плохомъ счету... Никакъ не могли понять, почему окончившая высшіе курсы пошла въ сельскія учительницы на 20 рублей жалованья, когда могла бы получать 100 рублей, давая уроки въ гимназіи. Вотъ что было настоящей причиной моего крушенія, а вовсе не вы!

— И всетаки я поступилъ нелѣпо! — повторилъ Смоляковъ.—Теперь бы я этого не сдѣлалъ... но тогда я былъ въ какомъ-то бреду. Одурѣлъ въ четырехъ стѣнахъ и превратился въ какого-то младенца. Да, если бы вернуть...

— Вы бы не пріѣхали въ Крутищи?

— Я бы не пріѣхалъ... хотя мнѣ это и было-бы тяжело.

Надеждѣ Григорьевнѣ стало грустно, и какая то черта отчужденности легла между ними. Она смотрѣла на него, и

то новое, что она замѣтила давеча въ его лицѣ, обозначилось теперь еще рѣзче и опредѣленнѣе. Это было что-то рѣшительное и непреклонное, вмѣстѣ съ спокойною увѣренностью въ себѣ... Казалось, онъ покончилъ со всѣми своими сомнѣніями, рѣшилъ всѣ вопросы, намѣтилъ цѣль—и теперь уже будетъ идти къ этой цѣли до самаго конца, не останавливаясь, не оглядываясь назадъ.

Сіяющая радость потухла въ глазахъ Надежды Григорьевны. „Такъ вотъ онъ какой!"—подумала она и невольно съежилась.

— А я до сихъ поръ вспоминаю эту ночь...—прошептала она съ болѣзненной улыбкой.—Помните?.. Школа, Мосей, пѣтухи... хорошо было.

— Я помню,—сказалъ Смоляковъ, глядя на нее, и на губахъ его промелькнула прежняя милая улыбка.—Помню, какъ мы подъѣзжали, и вашъ огонекъ указывалъ намъ дорогу. И потомъ, какъ Мосей угощалъ меня баранками и молокомъ, въ которомъ плавала ложка. Да... это было хорошо, и какъ часто я вспоминалъ объ этомъ послѣ. Бывало, идешь по какой-нибудь лондонской Street,—шумъ, грохотъ, крики, желтый туманъ лѣзетъ въ глаза, въ глотку, тѣснитъ грудь до того, что дышать нечѣмъ... И вдругъ, вспомнишь Крутищи, огонекъ, бѣлую спящую степь... Да, Надежда Григорьевна, могу вамъ сказать, что это было одно изъ самыхъ лучшихъ моихъ воспоминаній... даже дышать становилось легче!

— А между тѣмъ, вы жалѣете о томъ, что это было...—съ упрекомъ вымолвила Надежда Григорьевна.

— Что̀ же дѣлать, приходится жалѣть, когда эти минуты стоятъ такъ дорого...—проговорилъ Смоляковъ и, помолчавъ, прибавилъ:—Теперь я начинаю многое понимать... Вы знаете, вѣдь я вамъ писалъ? Я нѣсколько разъ вамъ писалъ... и съ дороги, и изъ за границы.

— Я ничего не получала...

— Ну да, конечно, вы и не могли получить... Всѣ письма я адресовалъ на Крутищи. Но я и Дорѣ Яковлевнѣ писалъ... и тоже не получилъ отвѣта. Кстати, скажите, какъ она живетъ? Все та же милая, огненная Дора Яковлевна... или угомонилась и притихла?

— Угомонилась и притихла — навсегда... — сказала Надежда Григорьевна, потупившись, чтобы скрыть навернувшіяся слезы.—Дора умерла...

Смоляковъ вскочилъ, но сейчасъ же сѣлъ снова, и нѣсколько минутъ оба молчали.

— Умерла... — проговорилъ, наконецъ, Смоляковъ измѣнившимся голосомъ.—Но, послушайте... какъ же это случилось? Отчего?

— Это было прошлой зимой,—начала Надежда Григорьевна, украдкой вытирая слезы и стараясь говорить спокойно.— Въ уѣздѣ появился сыпной тифъ, и она сама вызвалась, чтобы ее назначили на эпидемію. Тамъ она, должно быть, и заразилась... Недолго хворала, что-то съ недѣлю. Мнѣ Ставровскій тогда подробно писалъ ..

— Бѣдная, милая Дора! — сказалъ Смоляковъ. — А какъ она любила жизнь... Помните? Какая была жизнерадостная,— все упрекала насъ, что мы жить не умѣемъ... Ахъ, не могу даже представить себѣ, что она умерла!..

Надежда Григорьевна не отвѣчала, и опять они замолчали, отвернувшись другъ отъ друга и глядя на зеленыя горы, плывшія мимо нихъ. Пароходъ уже миновалъ Gersau и Beckenried; пассажиры выходили и входили; кругомъ слышались веселыя восклицанія, смѣхъ, говоръ, — они ничего не видѣли и не слышали, и мысли ихъ были далеко отсюда.

Вдругъ яркій и чистый голосокъ, похожій на звонъ колокольчика въ горахъ, прозвенѣлъ надъ палубой, и дѣвичій хоръ снова запѣлъ:

Stehe fest, o Vaterland!
Treues Herz und treue Hand,
Halte fest am Rechten!..

Молодые люди вздрогнули и посмотрѣли другъ на друга... На лицѣ Смолякова снова появилось выраженіе сосредоточенной рѣшимости.

— Слышите?—сказала Надежда Григорьевна.

— Да...—проговорилъ Смоляковъ.—Vaterland... Vaterland... До сихъ поръ не могу спокойно слышать, когда они воспѣваютъ эту свою Vaterland... а прежде даже плакалъ,— угрюмо прибавилъ онъ.—Эхъ, Надежда Григорьевна, нехорошія вѣсти принесли вы мнѣ оттуда! Все могилы, могилы...

Онъ болѣзненно поморщился и, какъ будто отгоняя отъ себя какую-то тяжелую мысль, спросилъ притворно-равнодушнымъ тономъ:

— А скажите... вамъ часто пишутъ изъ Песчанска?

— Да... прежде Дора писала, и Ставровскій. Теперь онъ одинъ пишетъ и довольно аккуратно.

— Ставровскій? Ахъ да... этотъ земецъ! Ну, что онъ, все еще работаетъ въ земствѣ?

— Все также, хотя уже не членъ управы. Пишетъ, что „волкодавы" одолѣли. Но по прежнему гласный и по прежнему воюетъ съ волкодавами изъ-за школъ. Въ каждомъ письмѣ жалуется, что усталъ, что хочетъ бѣжать... Но, конечно, никуда не убѣжитъ. Мнѣ кажется, они съ Дорой одной породы: такіе люди вѣчно недовольны собой и своимъ

дѣломъ, вѣчно брюзжатъ и жалуются—и всетаки умрутъ на своемъ посту.

— Такъ и слѣдуетъ...—прошепталъ Смоляковъ.—Жить—бороться; умирать—не трусить...

— А Дормидошку помните? Того врача, съ которымъ все воевала Дора?

— Помню, помню... Ну, этотъ, конечно, торжествуетъ!

— Представьте, нѣтъ! Потерпѣлъ полное крушеніе. Это все тогда еще разыгралось, когда я была въ Песчанскѣ. Дора и ея товарищъ, фельдшеръ, подали въ земскую управу заявленіе о томъ, что съ Дормидонтовымъ служить невозможно, ну и, конечно, привели факты. Управа не знала, что дѣлать, но всѣ его товарищи, земскіе врачи, когда узнали объ этомъ, — заявили, что всѣ они уйдутъ, если Дормидошка останется. Ну, и пришлось ему покидать насиженнное мѣстечко... Теперь, говорятъ, въ губернскомъ городѣ открылъ собственную лѣчебницу, рекламируетъ себя въ городахъ и ѣздитъ по больнымъ чуть не въ каретѣ.

— Ну, а другіе?

— Да всѣ, кажется, живутъ по прежнему. Вашъ братъ женился на богатой вдовѣ—помѣщицѣ... Пенькова въ Песчанскѣ уже нѣтъ, перевели куда-то, не знаю. Кто еще? Да, Яковлевы! Ну эти уже совсѣмъ застыли: Барбарисычъ пополнѣлъ и благодушествуетъ, а она—поетъ и тоскуетъ...

— А помните „Тучки"?—спросилъ вдругъ Смоляковъ, и въ глазахъ его мелькнуло что-то нѣжное и грустное, какъ несбывшаяся мечта.

Надежда Григорьевна вся вспыхнула и ничего не отвѣтила на его вопросъ. Они обмѣнялись быстрыми взглядами и стали смотрѣть на берегъ. Солнце, обвитое золотистымъ туманомъ, уже склонялось къ вершинамъ горъ, и налѣво онѣ сумрачно хмурились, точно храня въ себѣ какую-то мрачную тайну, а направо радостно сіяли и нѣжились въ солнечныхъ лучахъ, которые разбросали по нихъ зеленымъ склонамъ золотые узоры. И Надеждѣ Григорьевнѣ было грустно и хорошо... грустно оттого, что это скоро кончится, и померкнетъ свѣтлый берегъ, и вмѣстѣ съ солнцемъ угаснетъ ея короткая радость; хорошо потому, что опять она стоитъ рядомъ съ Смоляковымъ, какъ это было когда-то давно, и снова переживаетъ прекрасный сонъ любви. Пусть это только одна минута, и потомъ опять потянутся скучные, сѣрые дни... но за то эта минута такъ хороша, что ради нея одной стоитъ жить и стоитъ любить. Надежда Григорьевна вспомнила умершую Дору, и мучительная жалость къ ней, какъ горькая отрава, смутила ея душу.

— Надежда Григорьевна...—сказалъ Смоляковъ.

Надежда Григорьевна молча посмотрѣла на него и подумала, что вотъ онъ сейчасъ скажетъ ей что-то очень печальное. Ей не хотѣлось говорить о печальномъ; она хотѣла, чтобы хоть одна эта минута осталась для нея навсегда свѣтлымъ воспоминаніемъ.

— Надежда Григорьевна,—продолжалъ Смоляковъ и придвинулся къ ней ближе.—Какъ жаль, что мы не встрѣтились здѣсь съ вами раньше...

Она поспѣшно перебила его, стараясь отдалить то печальное, что онъ хотѣлъ ей сказать.

— Посмотрите, вонъ Бюргенштокъ! А вотъ уже и Rigi показалась.

— Развѣ это Rigi?—разсѣянно спросилъ Смоляковъ.— Мнѣ казалось, что она гораздо величественнѣе.

— Ее плохо видно отсюда,—сказала Надежда Григорьевна съ такимъ жаромъ, точно ей было очень важно то, что она говорила.—И потомъ вѣдь вся вершина ея въ облакахъ. Должно быть, завтра будетъ дождь.

— Завтра будетъ дождь...—машинально повторилъ Смоляковъ.—А я завтра въ это время буду уже далеко отъ Rigi... и отъ васъ.

„Ну, вотъ оно"!—подумала Надежда Григорьевна и, судорожно вздохнувъ, стала внимательно разсматривать кружевную обшивку на рукавѣ своего платья.

Туристы, столпившись на носу парохода, разсматривали въ бинокль „Королеву горъ", Rigi, надъ которой громоздились тяжелыя тучи, позолоченныя солнцемъ.

Надежда Григорьевна тяжело перевела дыханіе.

— Останьтесь... хоть на одинъ день...—едва слышно вымолвила она.

— Нельзя... некогда. Сегодня я долженъ выѣхать въ Вѣну. Невозможно остаться ни на одну минуту.

Когда Надежда Григорьевна черезъ нѣсколько минутъ взглянула на Смолякова, онъ уже былъ совершенно спокоенъ, и ни радости, ни грусти не отражалось въ его красивыхъ глазахъ.

Свѣтлая минута прошла; солнце скрылось за вершиною Стансергорна, и по небу распластались длинныя, чешуйчатыя тучи. Свѣтлый берегъ погасъ и потемнѣлъ; золотые узоры исчезли съ зеленаго бархата лѣсовъ; отъ Люцерна подулъ ледяной вѣтерокъ, и пассажиры заботливо кутались въ плэды и плащи. Величественный Pilatus, какъ исполинскій костеръ, пламенѣлъ надъ притихшимъ озеромъ; густая синяя мгла разстилалась у его подножія, а вершина, увѣнчанная огненной короной, гордо сіяла въ небесахъ и какъ будто звала на бой полчище безобразныхъ чудовищъ,

которыхъ посылала на нее угрюмая „королева горъ". Возгласы восторга слышались въ группѣ туристовъ; бинокли переходили изъ рукъ въ руки, и даже спокойныя лица англичанъ озарились улыбками удовольствія. Но Надежда Григорьевна и Смоляковъ оставались равнодушными къ феерической красотѣ картины... Имъ некогда было любоваться,—времени оставалось такъ мало... черезъ часъ, черезъ два разные поѣзда унесутъ ихъ въ разныя стороны,—надо было торопиться и сказать другъ-другу все, что нужно было сказать. И, близко наклонившись другъ къ другу, съ серьезными и блѣдными лицами, они обмѣнивались торопливыми, отрывистыми фразами.

— Luzern!—провозгласилъ капитанъ, когда „Winkelried" остановился у пристани, залитой розоватымъ свѣтомъ электрическихъ огней.—Billete, gefälligst.

Смоляковъ и Надежда Григорьевна поспѣшили къ вокзалу, широкія двери котораго безпрерывно отворялись и затворялись, впуская и выпуская толпы людей. Послѣдній поѣздъ въ Цюрихъ былъ уже готовъ къ отбытію, и Смоляковъ только что успѣлъ взять билетъ, какъ кондукторъ уже началъ захлопывать дверцы вагоновъ.

— Fertig! Fertig!—крикнулъ онъ нетерпѣливо, замѣтивъ новыхъ пассажировъ, бѣгущихъ по перрону, и, пріотворивъ дверцу вагона, ждалъ.

— Ну, слава Богу, не опоздалъ,—сказалъ Смоляковъ и, наскоро пожавъ руку Надеждѣ Григорьевнѣ, поставилъ уже ногу на ступеньку. Потомъ вдругъ снова спрыгнулъ и, къ великому неудовольствію кондуктора, подбѣжалъ къ своей спутницѣ.

— Надо какъ слѣдуетъ проститься...—торопливо проговорилъ онъ и, схвативъ Надежду Григорьевну за обѣ руки, крѣпко ее расцѣловалъ.

Кондукторъ уже совсѣмъ готовъ былъ разсердиться, но, при видѣ поцѣлуя, почему то вдругъ размякъ, и его красная, налитая пивомъ физіономія расплылась въ добродушную улыбку.

— So-o!—пробормоталъ онъ и на этотъ разъ уже окончательно захлопнулъ дверцу за безпокойнымъ пассажиромъ.

Лицо Смолякова еще разъ мелькнуло въ окнѣ вагона, и въ ту же минуту поѣздъ тронулся и быстро исчезъ подъ сводами перрона. А черезъ полчаса другой поѣздъ мчалъ Надежду Григорьевну въ Женеву, и снова вокругъ нея были чужія лица, слышалась чужая рѣчь, и чуждая природа мелькала за окномъ вагона. Люцернъ остался уже далеко позади съ своими огнями и шумной уличной жизнью; безмолвныя, темныя горы громоздились по обѣ стороны

рельсовъ, и такія же безмолвныя, темныя тучи клубились на ихъ вершинахъ. Надежда Григорьевна смотрѣла на нихъ въ раскрытое окно и чувствовала ихъ холодное дыханье... А онѣ все ползли и ползли, сталкивались и сливались вмѣстѣ, становились все гуще и чернѣе. Откуда и куда онѣ стремились? Растаютъ ли онѣ гдѣ нибудь незамѣтно и безслѣдно... или вѣтеръ заброситъ ихъ на холодныя вершины Альпъ, размечетъ бѣлою мятелью и похоронитъ въ вѣчныхъ снѣгахъ... Или разразятся онѣ грозой, пронесутся бурей, разсыплются серебрянымъ дождемъ?

Какъ бы въ отвѣтъ на это, сильный порывъ вѣтра ворвался въ окно, и голубая молнія ярко освѣтила внутренность вагона. Пассажиры встревожились и заахали, а сидѣвшій напротивъ Надежды Григорьевны старичекъ-крестьянинъ, съ бритымъ лицомъ и трубочкой въ зубахъ, поднялся съ своего мѣста.

— Ich fürchte, wir werden einen Sturm becommen!—сказалъ онъ, не выпуская изо-рта трубки.—Man muss das Fenster zu machen, Fräulein, wir werden Gewitter haben!..

Онъ закрылъ окно, спокойно усѣлся на скамейку и, посасывая трубочкой, набитой сквернѣйшимъ кнастеромъ, устремилъ на Надежду Григорьевну свои выцвѣтшіе, голубые глаза.

А надъ горами уже гремѣла гроза, веселыя молніи пронзали ихъ черныя вершины, и могучіе раскаты грома, незаглушенные шумомъ поѣзда, звучали торжествомъ побѣды.

В. І. Дмитріева.

Адольфъ Кетлэ и его предтечи физико-математической школы въ соціальной экономіи.

Г. де-Греефа.

Пер. съ рукописи **Л. С. Закъ**.

VIII.

Адольфъ Кетлэ (1796—1874) можетъ считаться самымъ полнымъ выразителемъ физико-математическаго направленія въ соціальной наукѣ XIX вѣка. Его *Соціальная физика* есть въ одно и то же время и теорія, и методъ. По его мнѣнію, теорія и методъ должны другъ отъ друга отдѣлиться и преобразоваться. Математическій методъ, освободившись отъ власти теоріи вѣроятностей и среднихъ чиселъ, получитъ мало-по-малу оригинальный характеръ и сдѣлается главнымъ образомъ формой разсужденія и орудіемъ для выраженія мыслей въ наукѣ, что не помѣшаетъ пользоваться имъ, какъ вспомогательнымъ средствомъ, для изслѣдованій и открытій подъ обязательнымъ контролемъ наблюденія и опыта.

Вотъ перечень главныхъ трудовъ Кетлэ изъ области соціальной науки въ послѣдовательномъ порядкѣ появленія ихъ на свѣтъ:

1828 г.—Общедоступное наставленіе къ исчисленію вѣроятностей;

1835.—О человѣкѣ и развитіи его способностей или Опытъ соціальной физики;

1846.—Письма о теоріи вѣроятностей;

1847.—О вліяніи свободы воли человѣка на соціальные факты (Бюллетени центральной статистической коммиссіи, т. III стр. 143).

1848.—О соціальной системѣ и законахъ, ею управляющихъ;

1840—1851.—Отчетъ о положеніи королевства за 10 лѣтъ;

1869.—Соціальная физика или Опытъ о развитіи способностей человѣка, съ введеніемъ Гершеля (2-ое дополненное изданіе сочиненія, вышедшаго въ 1835 году).

1876.—Антропометрія или измѣреніе различныхъ способностей человѣка.

Свою концепцію и методъ Кетлэ полнѣе всего развилъ въ *Письмахъ о теоріи вѣроятностей* и затѣмъ въ обоихъ изданіяхъ *Соціальной физики*.

Въ *Письмахъ* исходнымъ пунктомъ его изслѣдованій и разсужденій служитъ, кажется, сомнѣніе, какъ и у другого великаго философа изъ механической школы — Декарта; это—философское сомнѣніе, но съ той разницей, что у Кетлэ оно не разрѣшается въ простой силлогизмъ: „Наши познанія и наши сужденія“, говоритъ онъ, „въ общемъ основаны на вѣроятностяхъ большей или меньшей величины, которыя нужно умѣть оцѣнивать“. Эта оцѣнка представляется ему особенно трудной въ нравственныхъ и политическихъ наукахъ. Онъ ставитъ себѣ задачей—примѣнить къ этимъ послѣднимъ теорію вѣроятностей. Изложивъ общія начала этой теоріи и показавъ, что вѣроятность растетъ вмѣстѣ съ числомъ наблюденій и что наши предположенія распространяются на не очень далекое будущее, при чемъ вѣроятность никогда, однако, не превращается въ абсолютную достовѣрность, онъ переходитъ къ тому, что́ онъ называетъ *математическимъ опытомъ* въ отношеніи лотерей и страхованій, воспроизводя, такимъ образомъ, въ своемъ изложеніи исторію развитія этой теоріи въ томъ видѣ, какъ онъ ее унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ; впослѣдствіи онъ ее усовершенствовалъ. Здѣсь мы уже видимъ всю важность его изслѣдованій въ соціальномъ отношеніи,—изслѣдованій, при дальнѣйшемъ развитіи которыхъ все болѣе и болѣе выдвигалась мысль о коллективномъ вмѣшательствѣ въ пользу рабочаго класса: „Я часто удивлялся“, говоритъ онъ, „почему правительства не принимаютъ болѣе близкаго участья въ учрежденіяхъ (страховыхъ), которыя могутъ оказать такое благотворное дѣйствіе на нравственность народа и на развитіе въ немъ привязанности къ общественному порядку“.

Показавъ, что наука о вѣроятностяхъ зародилась изъ азартной игры и, въ свою очередь, дала теорію страхованія, представляющую собою высшую форму сравнительно съ азартной игрою, потому что въ послѣдней шансы выигрыша всегда меньше риска, Кетлэ дополняетъ теорію вѣроятностей ученіемъ о среднихъ числахъ. Первая находится въ естественной связи съ послѣднимъ. Въ самомъ дѣлѣ, теорія вѣроятностей не всегда согласуется съ данными опыта; но для того, чтобы этого достигнуть, достаточно взять какъ можно большее число наблюденій, и вѣроятность почти будетъ равна абсолютной достовѣрности. Такимъ путемъ разница между результатами наблюденія и вычисленія дѣлается все меньше и меньше. Вотъ это-то ограниченіе возможныхъ ошибокъ и приводитъ естественнымъ образомъ къ теоріи среднихъ чиселъ. „Вездѣ, гдѣ можно сказать *больше* или *меньше*, обязательно имѣются на лицо три вещи: *среднее состояніе* и два предѣла“. Архимедъ, замѣнивъ единымъ центромъ тяжести древнюю теорію

множественности матеріальныхъ точекъ, тѣмъ самымъ открылъ теорію среднихъ чиселъ, которую поэты и Аристотель распространили на нравственныя и политическія явленія.

Желая, напримѣръ, демонстрировать примѣненіе среднихъ ариеметическихъ чиселъ въ соціальной наукѣ, Кетлэ составилъ таблицу цѣнъ на пшеницу съ 1817 по 1842 г. по періодамъ, съ указаніемъ для каждаго изъ нихъ наибольшей цѣны, наименьшей, средней и разницы между первой и второй. И вотъ, употребляя пріемъ *чисто экономическаго объясненія* исторіи, онъ показываетъ здѣсь, что съуженіе предѣловъ колебаній въ соціальной жизни вообще и въ экономической въ частности составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ прогресса цивилизаціи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что вмѣстѣ съ теоріей предѣловъ и среднихъ чиселъ, которая въ свою очередь примыкаетъ къ теоріи вѣроятностей, появляется на свѣтъ статическая и динамическая концепція общества. Въ то же время выступаетъ та характерная черта Кетлэ, что онъ придаетъ статикѣ основное значеніе, прогрессъ представляется ему факторомъ, служащимъ главнымъ образомъ дѣлу порядка, который всегда стремится къ однообразію и устойчивости. Самыя передовыя общества суть, слѣдовательно, и наименѣе измѣнчивыя, ихъ структура отличается наибольшей прочностью. Въ этомъ пунктѣ ученія Конта и Кетлэ сходятся.

Разсматривая среднія числа въ указанныхъ явленіяхъ экономическаго порядка, Кетлэ замѣчаетъ, что 1817-й годъ, когда цѣна пшеницы достигла своего максимума, оказался, въ силу отраженія, бѣдственнымъ во всѣхъ отношеніяхъ: и въ отношеніи смертности, рождаемости, брачности, и въ отношеніи народной нравственности и преступности. Слѣдовательно, онъ вполнѣ признаетъ, что между различными соціальными явленіями существуетъ постоянное соотношеніе; кромѣ того, съ этого времени явственно выступаетъ связь его съ соціализмомъ и, главнымъ образомъ, со школой Маркса, утвердившейся вскорѣ послѣ него. Дѣйствительно, Кетлэ признаетъ, что факты изъ области нравственности, политики, населенія въ общемъ опредѣляются экономическими явленіями. Въ своихъ *Письмахъ* онъ доказываетъ это, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія смертности, но впослѣдствіи, развивая свои воззрѣнія во всей ихъ широтѣ, онъ мало-по-малу переходитъ къ самымъ сложнымъ и спеціальнымъ фактамъ. Это—самый интересный пунктъ въ трудахъ Кетлэ, и его необходимо имѣть въ виду при установленіи соціологическаго и соціалистическаго синкретизма, который все болѣе и болѣе стремится къ своему осуществленію посредствомъ слиянія основныхъ чертъ, общихъ отдѣльнымъ школамъ, какъ бы эти послѣднія ни различались между собою. Дѣйствительно, люди избиваютъ другъ-друга и враждуютъ обыкновенно только изъ-за второстепенныхъ вопросовъ, даже изъ-за мелочей; теоретики прежнихъ поколѣній не отличаются, по-

крайней мѣрѣ, въ этомъ отношенiи, отъ обыкновенныхъ людей и въ особенности отъ ихъ свѣтскихъ и духовныхъ руководителей.

Давъ нѣсколько образчиковъ примѣненiя теорiи вѣроятностей и среднихъ чиселъ въ физическихъ наукахъ, Кетлэ самъ сознается, что наибольшая трудность представляется при переходѣ къ бiологическимъ явленiямъ. Напр., что такое среднiй человѣческiй ростъ? Какъ узнать, ариѳметическая ли это средняя или дѣйствительная? Здѣсь мы уже видимъ, что вычисленiе осложняется другими элементами и обнаруживается слабая сторона теорiи.

Кетлэ самъ говоритъ, что человѣческiй типъ можетъ быть выведенъ только изъ наблюденiя людей одной расы и одного возраста, а также—прибавимъ отъ себя—одной соцiальной группы. При такомъ способѣ установленiя человѣческаго типа, „разница между результатами наблюденiя и результатами вычисленiя, не смотря на множество случайныхъ причинъ, вызывающихъ и увеличивающихъ эту разницу, не превышала бы тѣхъ колебанiй, которыя могли бы получиться при сниманiи цѣлаго ряда мѣрокъ съ одного и того же индивидуума вслѣдствiе неискусности лица, производящаго измѣренiе“.

Теорiя примѣняется: 1) къ соцiальнымъ элементамъ или единицамъ, но не къ органамъ, аппаратамъ, системамъ и обществамъ, разсматриваемымъ со стороны ихъ структуры въ цѣломъ; 2) къ элементамъ однороднымъ. Это первое, что нужно имѣть въ виду. Кетлэ значительно сокращаетъ роль теорiи вѣроятностей и среднихъ чиселъ. Примѣненiе ея въ соцiальныхъ наукахъ ограничено, но въ статистикѣ она остается основной. Изученiе соцiальныхъ элементовъ лежитъ въ основѣ соцiологiи и одной изъ ея отраслей—соцiальной экономiи. Съ этимъ ограниченiемъ и имѣя въ виду только количественную точку зрѣнiя, мы можемъ согласиться съ Кетлэ, что „различiя въ естественномъ ростѣ людей нисколько не больше тѣхъ колебанiй, которыя получились бы, если бы неопытный человѣкъ сталъ снимать мѣрки съ одного и того же индивидуума, обладающаго нѣсколько искривленнымъ станомъ“. Это вѣрно для опредѣленной человѣческой группы, но—повторяю еще разъ—было бы грубымъ заблужденiемъ думать, что существуетъ среднiй типъ для всего человѣчества и что большинство людей, изъ которыхъ оно состоитъ, приближается къ этой средней.

Л. Гумпловичъ въ своей книгѣ „Борьба расъ“ критикуетъ теорiю Кетлэ, но по другимъ основанiямъ. Онъ припоминаетъ, что въ 1742 году Зюсмильхъ своей знаменитой книгой: „Божественный порядокъ въ измѣненiяхъ человѣческаго рода, доказанный на основанiи рождаемости, смертности и размноженiя людей“, далъ толчокъ статистикамъ, которые принялись за наблюденiе правильностей въ массовыхъ явленiяхъ. Но, говоритъ Гумпловичъ,

предметомъ ихъ наблюденій служатъ массы, ограниченныя политическими предѣлами, каковы городъ, государство, но не естественныя соціальныя единицы. Вотъ почему они потерпѣли крушеніе въ своихъ изысканіяхъ общихъ законовъ. Затѣмъ, наука стала отворачиваться отъ политической статистики, обратившись къ такъ называемой этнографической статистикѣ съ Ваппеусомъ, Чернигомъ, Адольфомъ Фиккеромъ во главѣ. „Кетлэ", говоритъ Гумпловичъ, „ничего не сдѣлалъ для этого направленія. Занимаясь только *обществомъ*, этимъ неопредѣленнымъ и туманнымъ понятіемъ, онъ приходитъ къ построенію *средняго человѣка.* Этотъ *средній человѣкъ* есть результатъ вычисленій и ничего больше. Дѣйствительно, Кетлэ дѣлаетъ свои наблюденія не надъ обществомъ (котораго не существуетъ), а надъ политическими общежитіями, каковы города и государства. Поэтому онъ могъ получить только химерическіе законы, управляющіе среднимъ человѣкомъ. Это не законы. Современная этнографическая статистика тоже имѣетъ преходящее значеніе; она подготовляетъ почву для статистики, которая, взявъ своимъ объектомъ настоящія этническія соціальныя единицы, установитъ настоящіе законы жизни и движенія массъ; иначе невозможно этого достигнуть".

Эта критика по адресу статистической и спеціально-математической школы не лишена основанія; Зюсмильхъ и его послѣдователи, въ томъ числѣ Кетлэ, дѣйствительно, наблюдали правильности человѣческихъ дѣйствій, главнымъ образомъ, въ городахъ и государствахъ. Но города и государства суть тоже естественныя общества; они имѣютъ право на это названіе, какъ и всякій соціальный аггрегатъ; государство есть общество, которое можетъ быть больше и меньше расы; раса можетъ даже не составлять полнаго государства, а лишь простое религіозное общежитіе; это бываетъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда она разсѣяна, изгнана изъ своей первоначальной территоріи. И можно ли строить зданіе статистики на этническомъ фундаментѣ, когда въ историческомъ развитіи этническія единицы перемѣшиваются и сливаются между собою, откуда неизбѣжно должно произойти расширеніе общихъ признаковъ вида? И какимъ образомъ въ основаніе статистики будущаго могутъ быть положены различія, принадлежащія по-преимуществу прошедшему?

Слѣдовательно, здѣсь Кетлэ не ошибался; ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ пытался сдѣлать изъ своей теоріи абсолютный методъ для соціальной науки, между тѣмъ какъ сфера ея примѣненія гораздо уже. Конечно, существуетъ общій типъ, къ которому, не смотря на всѣ свои различія, примыкаетъ весь родъ человѣческій, но типъ этотъ не есть средній человѣкъ. Этотъ типъ нельзя опредѣлить посредствомъ ариѳметическихъ вычисленій, потому что онъ представляетъ кое-что иное, чѣмъ свойства, поддающіяся подсчету, измѣренію, взвѣшиванію. Этотъ человѣческі

типъ есть соціальный типъ, лишенный всѣхъ этнографическихъ и соціологическихъ особенностей. Ошибка Кетлэ состоитъ не въ томъ, что онъ пытался распространить на соціальные факты— именно, нравственные, юридическіе и политическіе—теорію вѣроятностей и среднихъ чиселъ; безъ сомнѣнія, настанетъ нѣкогда день, когда факты эти станутъ поддаваться количественной оцѣнкѣ, да это имѣетъ мѣсто ужъ и теперь, напр., по отношенію къ явленіямъ экономики, населенія, нравственности и преступности. Ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ попытку,—правда, весьма осторожно и въ формѣ гипотезъ,—распространить свои статистическіе методы на *соціальныя формы*, для которыхъ индивидуумъ и среда служатъ только конститутивными элементами, тканями.

Соціальныя формы подлежатъ только *качественной* оцѣнкѣ (за исключеніемъ, конечно, простого ихъ вычисленія); съ *количественной* стороны долженъ оцѣниваться только матеріалъ, изъ котораго онѣ слагаются. Слѣдовательно, статистика,—включая сюда и тѣ статистическіе пріемы, для которыхъ исчисленіе вѣроятностей и среднихъ чиселъ служитъ только частнымъ, не исключительнымъ средствомъ,—лежитъ въ основѣ всей конкретной соціологіи, точно такъ же, какъ эта послѣдняя служитъ фундаментомъ для всей абстрактной соціологіи. Эта послѣдняя достигаетъ тѣмъ большаго совершенства, если качественная оцѣнка будетъ въ ней покоиться на оцѣнкѣ количественной. Я, впрочемъ, уже отмѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, что, говоря вообще, всякое качественное различіе имѣетъ, повидимому, своимъ исходнымъ пунктомъ количественное развитіе. Не менѣе вѣрно и то, что одной количественной точки зрѣнія не достаточно, чтобы судить о положеніи и значеніи учрежденій и обществъ.

Что касается средняго, абстрактнаго человѣка Кетлэ, то это не простая фикція; онъ представляетъ собою среднюю ариеметическую изъ свойствъ человѣческаго рода, съ раздѣленіемъ его на группы на основаніи многосложныхъ отношеній. Средній человѣкъ существуетъ такъ же, какъ существуетъ средняя пшеница или средняя цѣна ея, не смотря на разнообразіе сортовъ пшеницы и ихъ цѣнъ на данномъ или даже всемірномъ рынкахъ. Въ сущности ошибка Гумпловича грубѣе и менѣе поправима, чѣмъ ошибка Кетлэ. Послѣдній содѣйствовалъ развитію статистики и ея методовъ, а равно и соціальной науки. Онъ понялъ, что историческія общества, государства, города и пр. столь же естественны, какъ расы, которыя тоже представляютъ собою историческія формаціи.

Къ числу важныхъ заслугъ Кетлэ принадлежитъ то, что какъ въ *Письмахъ*, такъ и въ *Соціальной физикѣ* онъ настаиваетъ на подраздѣленіи *причинъ* на постоянныя, перемѣнныя и случайныя; эта классификація имѣетъ большое значеніе въ частныхъ соціаль.

ныхъ наукахъ, особенно въ экономіи. Дѣйствительно, почти всѣ экономисты грѣшили тѣмъ, что, формулируя скорѣе метафизическіе, чѣмъ абстрактные законы, они, нисколько не смущаясь, принимали въ разсчетъ не всѣ постоянные и перемѣнные факторы, дѣйствіе которыхъ, какъ непрерывное, не можетъ быть произвольно исключено, если только не желаютъ формулировать пустыхъ обобщеній, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣйствительности. Я уже указалъ на это въ своемъ предыдущемъ этюдѣ, посвященномъ вопросу о методѣ въ соціальной экономіи, заявивъ, что во всякой соціальной проблемѣ, особенно экономической, слѣдуетъ держаться соціологической точки зрѣнія. Вліяющія причины, постоянныя ли или перемѣнныя, потому уже не могутъ быть исключены, что чѣмъ чаще дѣйствіе ихъ повторяется, тѣмъ оно сильнѣе, въ отличіе отъ случайныхъ причинъ, дѣйствія которыхъ взаимно нейтрализуются и уничтожаются.

Кетлэ прекрасно зналъ, съ какими затрудненіями сопряжено изслѣдованіе причинъ въ соціологіи: „полное исчисленіе вліяющихъ причинъ почти невозможно въ большинствѣ соціальныхъ явленій, потому что онѣ не только весьма многочисленны, но иногда оказываютъ лишь косвенное, слабое дѣйствіе, ускользая такимъ образомъ отъ наблюденія. Свойство геніальнаго наблюдателя—умѣть схватывать причины, оказывающія наибольшее вліяніе, причины, измѣняющія замѣтнымъ образомъ явленія, особенно такія, которыя дѣйствуютъ непрерывно или періодически, и оставлять безъ вниманія другія, которыми можно пренебречь и которыя могутъ быть отнесены къ числу случайныхъ причинъ, коихъ дѣйствіе незамѣтно, когда опытъ повторяется достаточное число разъ“.

Такъ именно я понимаю абстрактную соціологію, а также экономію и другія абстрактныя частныя соціальныя науки. Выведенная изъ этихъ предѣловъ, абстракція не даетъ никакихъ научныхъ выводовъ, за исключеніемъ развѣ общихъ мѣстъ въ родѣ того, что всякая сила, дѣйствуя одна, оказывала бы неограниченное вліяніе, какъ, напр., населеніе, если бы оно не было ограничено другими факторами, оказывающими противоположное вліяніе.

Въ соціальныхъ явленіяхъ всегда имѣетъ мѣсто цѣлый комплексъ вліяющихъ причинъ; чтобы обнаружить дѣйствіе каждой изъ нихъ, единственное средство—прибѣгнуть къ различнымъ пріемамъ индуктивнаго метода; по этому вопросу Кетлэ согласенъ съ Дж. Ст. Миллемъ.

Нужно замѣтитить, что въ соціологіи явленія, изображаемыя числами съ точки зрѣнія ихъ количества и составныхъ элементовъ, находятъ себѣ выраженіе, къ счастью, въ функціяхъ, органахъ, аппаратахъ органовъ и системахъ аппаратовъ, составляющихъ дифференцированный продуктъ общей структуры. Методъ

Кетлэ и его школы примѣнимъ только къ элементамъ, поддающимся подсчету, но онъ безсиленъ по отношенію къ соціальнымъ учрежденіямъ и обществамъ, разсматриваемымъ съ точки зрѣнія ихъ структуры и функцій.

Изученіе структуры и жизни (динамики) обществъ представляетъ необходимое дополненіе къ молекулярной наукѣ, каковой является статистика; послѣдняя занимается молекулами, первое—коренными формами, организованными массами. Поэтому теорія вѣроятностей и среднихъ чиселъ, равно какъ и всѣ другіе пріемы экономической школы, слывущей подъ именемъ математической, но заслуживающей также названія физико-химической, останавливается на первой ступени соціальной науки. Но эта первая ступень имѣетъ значеніе фундамента. Заслуга Кетлэ, его предшественниковъ и преемниковъ состоитъ въ томъ, что они это поняли; они начали съ начала. Зданіе, воздвигнутое Кетлэ, стоитъ до сихъ поръ и долго еще будетъ стоять, за исключеніемъ верхнихъ этажей, которые не могли войти въ его планъ, такъ какъ теорія его имѣетъ исключительно количественный характеръ. Конту и Спенсеру принадлежитъ та заслуга, что они надстроили верхніе этажи или, по крайней мѣрѣ, набросали временный планъ ихъ, но они за то пренебрегли фундаментомъ науки: количественной точкой зрѣнія и — что менѣе важно — экономическимъ базисомъ общества какъ съ количественной, такъ и съ качественной стороны. Ихъ зданіе поднимается очень высоко, оно величественно, но оно построено на пескѣ. Кетлэ началъ съ фундамента, Контъ съ общаго плана верхнихъ частей, Спенсеръ взялся за средніе этажи. Въ этомъ смыслѣ они дополняютъ другъ друга, но общій планъ, получающійся въ результатѣ отъ ихъ совмѣстной работы, долженъ быть передѣланъ и согласованъ.

Статистика должна быть дополнена историческимъ методомъ; было большой ошибкой противополагать эти два метода другъ другу, между тѣмъ какъ они должны дополнять одинъ другой. Статистика - это только одинъ изъ притоковъ соціологической рѣки, но самый близкій къ ея верховью. Она имѣетъ одновременно статическій и динамическій, описательный и количественный характеръ; ея таблицы и діаграммы, даже въ ихъ математическихъ формахъ, имѣютъ уже историческій характеръ. Но она останавливается передъ морфологіей и физіологіей общества. Историческій методъ, служащій спеціальнымъ методомъ для этихъ двухъ дисциплинъ, имѣется въ зародышѣ уже въ математическомъ методѣ, такъ что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать противоположными.

Послѣ постоянныхъ причинъ Кетлэ изучаетъ перемѣнныя. Мы не послѣдуемъ за нимъ и ограничимся лишь замѣчаніемъ, что вся его соціальная концепція находилась подъ вліяніемъ идеи постоянства соціальнаго порядка. Господствующее положе-

ніе занимаетъ у него статика. Причина этого лежитъ, безъ сомнѣнія, въ недостаточности собраннаго въ его время статистическаго матеріала; ему пришлось организовать сразу и статистическую технику, и самую національную науку. Его выводы покоятся на недостаточно широкомъ кругѣ наблюденій; особенно важно то, что наблюденія его относились къ незначительному періоду времени. У Спенсера, напротивъ, эволюціонизмъ играетъ главную роль. Въ сущности то, что даетъ наблюденіе, это, на нашъ взглядъ, постоянство, правильность, порядокъ въ измѣненіяхъ; это справедливо какъ для всей вселенной, такъ и для человѣческаго общества. Кетлэ, впрочемъ, это понималъ. „Если бы", говоритъ онъ, „во вселенной дѣйствовали исключительно постоянныя, однообразныя причины, то міръ оставался бы въ неизмѣнномъ состояніи, жизнь повсюду погасла бы и ни одно явленіе не могло бы имѣть мѣста". Затѣмъ мы находимъ у него слѣдующую мысль, которую онъ высказываетъ только мимоходомъ, въ видѣ гипотезы, но которая, по моему мнѣнію, имѣетъ огромное значеніе съ точки зрѣнія соціальной статики и динамики, какъ я показалъ это въ 3-емъ томѣ своего *Введенія въ соціологію*: „Если бы причины, говоритъ онъ, варіировали только въ извѣстныхъ предѣлахъ, то наблюдаемыя нами явленія должны бы были повторяться, и все въ природѣ подчинялось бы закону періодичности. Однако, простѣйшія комбинаціи причинъ давали бы періоды огромной продолжительности". Я думаю, что такъ и есть на самомъ дѣлѣ, потому что не только соціальныя измѣненія, но и сама соціальная матерія ограничена извѣстными предѣлами. Дѣло только въ томъ, что повтореніе никогда не происходитъ при абсолютно-тождественныхъ условіяхъ, при чемъ эти послѣднія не поддаются опредѣленію въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ, хотя они и не безконечны. Наша теорія не имѣетъ ничего общаго съ теоріей формъ-предѣловъ Лоріа и другихъ соціологовъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія абсолютной неподвижности. Она скорѣе приближается къ теоріи Исидора Жоффруа Сентъ-Илера, т. е. къ біологической теоріи ограниченной измѣнчивости. Эта *относительная* ограниченность соціальныхъ измѣненій и объясняетъ, по моему мнѣнію, *видимый возвратъ* къ примитивнымъ формамъ,—возвратъ, имѣющій характеръ не *абсолютнаго* тождества, а *относительной* аналогіи.

Нѣтъ ни абсолютнаго постоянства, ни абсолютной измѣнчивости—вотъ, кажется мнѣ, реальная позитивная истина, которую Кетлэ уяснилъ себѣ не въ достаточной степени, и потому отъ него ускользнули вытекающія изъ нея слѣдствія. Онъ, правда, не допускаетъ ни абсолютнаго постоянства, ни абсолютной измѣнчивости, но онъ все таки не присоединяется и къ теоріи ограниченной измѣнчивости.

Съ другой стороны, Кетлэ признаетъ неподвижность животныхъ и растительныхъ видовъ, но—странное дѣло!—исключаетъ отсюда человѣка, по крайней мѣрѣ, „человѣка интеллектуальнаго и моральнаго".

Тѣмъ не менѣе, предметомъ статистики служитъ всегда, по его мнѣнію, статика народовъ и государствъ, т. е. народовъ, имѣющихъ территорію и правительство. Въ этомъ взглядѣ не трудно узнать двойственную концепцію школы Кетлэ; онъ смѣшиваетъ общество съ государствомъ, между тѣмъ какъ государство представляетъ собою только частную историческую форму общества. Поэтому статистика государства имѣетъ всегда статическій характеръ, предметъ ея ограничивается только періодомъ его историческаго существованія. Отсюда слѣдуетъ, что статистика можетъ давать только историческіе, но не всеобщіе законы, какъ и теперь еще думаютъ многіе экономисты и соціологи нашего времени. Я же, напротивъ, полагаю, что это не абсолютная невозможность.

Хотя концепція Кетлэ имѣетъ по-преимуществу математическій, механическій и физическій характеръ, тѣмъ не менѣе, она обнаруживаетъ тенденцію объяснять соціальную динамику при помощи біологіи. По его мнѣнію, государства, какъ и индивидуумы, рождаются, ростутъ и умираютъ; народъ можетъ пережить государство. Однако, онъ привлекаетъ біологію только для объясненія того, чтó естественно ускользаетъ отъ статистическихъ изслѣдованій, такъ какъ послѣднія ограничиваются у него одной статикой. Изученіе соціальной динамики онъ предоставляетъ *политической исторіи*: „политическая исторія слѣдитъ за ходомъ государства и констатируетъ всѣ явленія, которыя оно представляетъ". Существуютъ, слѣдовательно, двѣ соціальныя науки: статистика и исторія. „Одна изъ этихъ наукъ относится къ другой, какъ статика относится къ динаминѣ, покой къ движенію". Такимъ образомъ, онъ ошибался вдвойнѣ: статистика можетъ быть динамической, а исторія статической, именно, когда она описываетъ одно какое-либо состояніе цивилизаціи. Что возможна динамическая статистика, это видно, напр., изъ различныхъ графическихъ пріемовъ въ родѣ замѣчательныхъ діаграммъ моего ученаго и трудолюбиваго друга Г. Дени. Статистика можетъ имѣть своимъ объектомъ также группы, которыя по величинѣ больше или меньше государства.

Кетлэ закончилъ свои *Письма о теоріи вѣроятностей* пожеланіемъ, чтобы введено было какъ можно больше однообразія въ статистическія классификаціи и описанія разныхъ странъ; въ то время имѣла мѣсто неодинаковая группировка статистическаго матеріала не только въ разныхъ странахъ, но и въ одной и той же странѣ. Кетлэ сильно подвинулъ это дѣло впередъ, хотя оно и теперь далеко еще отъ полнаго осуществленія, не смотря на

то, что настоятельная необходимость его вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ попыткамъ соціальныхъ улучшеній, которыя дѣлаются въ наиболѣе передовыхъ, съ точки зрѣнія экономическаго развитія, странахъ. Не говоря уже о бюро, департаментахъ и даже министерствахъ труда, съ ихъ статистическими учрежденіями, въ 1885 году основанъ былъ Международный Статистическій Институтъ, засѣданіе котораго состоялось въ Римѣ. Теоретическое и практическое дѣло Кетлэ, стало быть, не умерло вмѣстѣ съ нимъ, точно такъ же, какъ и возникло оно еще до него. Это—лучшее доказательство органическаго характера статистики и математической школы въ ея послѣдовательныхъ формахъ. Читатель, который пожелаетъ отдать себѣ отчетъ въ успѣхахъ, достигнутыхъ общей теоріей статистики во второй половинѣ XIX вѣка, долженъ обратиться не къ скучной компиляціи М. Блока, а къ *Исторіи, теоріи и техникѣ статистики* Мейтцена (Берлинъ, 1882) и къ *Статистикѣ и Обществовѣдѣнію* Г. Майра (Фрейбургъ, 1895 и 1897), а для ознакомленія съ математической статистикой лучшимъ пособіемъ можетъ служить книга Вестергаарда *Основанія теоріи статистики* (Іена, 1890). Методологія статистики съ ея примѣненіями хорошо изложена также во 2-мъ изданіи *Statistica* Филиппа Вирджини (въ коллекціи *Manuali Hoepli*, (Миланъ 1898).

Новѣйшіе успѣхи статистики все болѣе и болѣе показываютъ, что она—одна изъ основныхъ отраслей позитивной соціологіи; прежній антагонизмъ обѣихъ точекъ зрѣнія ея, математической и исторической, постепенно исчезаетъ; параллельно съ синкретизмомъ доктринъ совершается и синкретизмъ методовъ.

IX.

Соціальная физика—капитальный трудъ Ад. Кетлэ; второе изданіе, вышедшее въ 1869 году, больше чѣмъ черезъ 30 лѣтъ послѣ перваго, посвящено „делегатамъ разныхъ странъ, на которыхъ возложено созданіе международной статистики". Въ предисловіи авторъ поздравляетъ конгрессъ „съ единогласнымъ рѣшеніемъ не терять изъ виду *философской стороны* статистики". Дѣйствительно, его *Соціальная физика* это—философія или, вѣрнѣе, соціологія.

Совершилась эволюція огромной важности; призывъ, съ которымъ Р. Овэнъ и С. Симонъ тщетно обращались къ монархамъ Европы, привлекъ вниманіе правительствъ конституціонныхъ и парламентскихъ государствъ; даже императоръ Николай I, какъ разсказывалъ мнѣ Кетлэ въ послѣдніе годы своей жизни, принялъ знаменитаго бельгійскаго ученаго съ большими почестями, подобающими принцу.

Три тома *Курса позитивной философіи*, посвященные соціологіи и вышедшіе послѣдовательно, начиная съ 1838 г., озаглавлены: *Соціальная физика*. Первое изданіе замѣчательнаго труда Кетлэ вышло въ 1835 году, но Контъ еще раньше употребилъ этотъ терминъ въ 1822 году, въ своей книжкѣ: *Планъ научныхъ работъ, необходимыхъ для преобразованія общества*, которая была вновь издана въ 1824 году подъ окончательнымъ и болѣе общимъ заглавіемъ: *Система позитивной политики*. Въ примѣчаніи къ 15-ой страницѣ 4-го тома своего *Курса позитивной философіи* Контъ, придававшій огромное значеніе вопросамъ о пріоритетѣ, приписываетъ себѣ открытіе терминовъ *соціальная физика* и *позитивная философія* и пользуется этимъ случаемъ, чтобы повторить свой суровый отзывъ о статистикѣ, какъ философіи: „какъ этотъ (соціальная физика), такъ не менѣе необходимый терминъ „позитивная философія“ были предложены мною 17 лѣтъ тому назадъ, въ моихъ первыхъ работахъ по политической философіи. Не смотря на ихъ новизну, эти два термина успѣли уже подвергнуться извѣстной порчѣ, благодаря нѣкоторымъ писателямъ, сдѣлавшимъ предосудительное покушеніе на присвоеніе чужого открытія, но не понявшимъ ихъ истиннаго смысла, хотя я съ самаго начала употреблялъ ихъ всегда въ одномъ и томъ же значеніи. Виновнымъ въ этомъ злоупотребленіи относительно перваго термина я долженъ признать одного бельгійскаго ученаго, который воспользовался имъ въ послѣднее время, какъ заглавіемъ къ книгѣ, гдѣ рѣчь идетъ всего лишь о статистикѣ“.

Въ 1835 году Кетлэ не былъ знакомъ съ сочиненіями Конта 1822—1824 годовъ; съ его стороны не было поэтому *покушенія на присвоеніе*. Здѣсь просто произошло знаменательное совпаденіе, и Контъ лучше бы сдѣлалъ, если бы воспользовался этимъ совпаденіемъ, чтобы вывести изъ него заключеніе о естественномъ происхожденіи новой соціальной науки. Это была бы настоящая соціальная и при томъ альтруистическая точка зрѣнія. Что касается термина „позитивная философія“, то С. Симонъ употребилъ его еще въ 1808 году, и мало вѣроятно, чтобы бывшій ученикъ его этого не зналъ. Кромѣ того, терминъ „соціальная физика“ гораздо болѣе подходитъ къ физико-математической концепціи Кетлэ, чѣмъ къ теоріи Конта, которую скорѣе можно назвать органической, чѣмъ механической.

Книга Кетлэ представляетъ собою въ сущности соціальную философію или соціологію, но, по его собственнымъ словамъ, она трактуетъ не столько объ обществѣ, сколько объ абстрактномъ, среднемъ человѣкѣ. Человѣкъ рождается, развивается и умираетъ по извѣстнымъ законамъ; этого физика не оспариваетъ. Но, спрашивается, нравственныя и интеллектуальныя дѣйствія тоже подчиняются законамъ или нѣтъ? A priori рѣшить этотъ

вопросъ, по его мнѣнію, нельзя; рѣшенія его нужно искать въ опытѣ. Съ этой цѣлью „мы должны прежде всего оставить въ сторонѣ человѣка, взятаго отдѣльно, и разсматривать его только какъ функцію вида“. Такимъ путемъ устраняется все случайное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ больше число наблюденій, тѣмъ лучше разсѣиваются случайныя причины, тѣмъ лучше поэтому мы можемъ прослѣдить постоянные законы даже въ нравственныхъ явленіяхъ. Напримѣръ, существуетъ бюджетъ, который отличается ужасающей правильностью; это — бюджетъ тюремъ, каторги и эшафотовъ; послѣдній особенно долженъ былъ бы клониться къ сокращенію. Мы можемъ напередъ вычислить, сколько человѣкъ обагритъ свои руки кровью ближнихъ, сколько попадетъ въ тюрьму, подобно тому, какъ можно заранѣе сказать, сколько должно послѣдовать рожденій и смертей“. Это—совершенно вѣрно, но съ оговоркой: „при прочихъ равныхъ соціальныхъ условіяхъ“. Наблюдая слишкомъ короткіе періоды, Кетлэ былъ пораженъ однообразнымъ повтореніемъ явленій; его средній или абстрактный человѣкъ есть человѣкъ одного историческаго періода; статика у него конкретна, динамика отодвинута на второй планъ; его изсѣдованія обнимаютъ одинъ моментъ времени на опредѣленной части пространства. Но только абстрактная динамика исторіи отдѣльныхъ цивилизацій, начиная съ доисторическихъ временъ и кончая высшими ступенями ихъ развитія, и даетъ намъ возможность извлечь изъ этихъ послѣдовательныхъ стадій постоянные, всеобщіе законы абстрактнаго движенія.

Кетлэ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, порядокъ соціальныхъ явленій; онъ доказываетъ, напр., что преступность есть соціальное явленіе, и именно въ виду ея физическихъ и антропологическихъ факторовъ, такъ какъ согласно теоріи, которую я изложилъ въ другомъ мѣстѣ, факторы эти являются конститутивными элементами явленія, называемаго соціальнымъ Кетлэ, поэтому, имѣлъ полное основаніе сказать,—въ формѣ, которая въ то время казалась слишкомъ смѣлой, но въ сущности представляетъ элементарную истину,—что „общество таитъ въ себѣ зародыши всѣхъ преступленій, которыя когда-либо будутъ совершены. Оно нѣкоторымъ образомъ ихъ подготовляетъ, а преступникъ является только орудіемъ, которое ихъ выполняетъ. Всякое общественное состояніе предполагаетъ, поэтому, опредѣленное количество и *опредѣленный порядокъ* преступленій, вытекающихъ, какъ необходимое слѣдствіе, изъ его организаціи“. Этотъ выводъ очень утѣшителенъ, такъ какъ „онъ указываетъ на возможность улучшенія людей посредствомъ измѣненія ихъ учрежденій, привычекъ, образовательнаго уровня, вообще, всего, что вліяетъ на ихъ образъ жизни“.

Точка зрѣнія Котлэ имѣетъ, главнымъ образомъ, соціальный и въ то же время относительный и позитивный характеръ. Че-

ловѣка формируетъ, портитъ и исправляетъ не что иное, какъ среда, слѣдовательно, нужно дѣйствовать на среду; словомъ, общество исправляетъ само себя и тѣмъ самымъ исправляетъ каждаго изъ своихъ членовъ. Это вовсе не исключаетъ иниціативы отдѣльнаго человѣка, но ея одной недостаточно. Слѣдовательно, Кетлэ не принадлежитъ къ той школѣ, которая, исходя изъ того, что общество не можетъ быть ни лучше, ни хуже, чѣмъ его члены, заключаетъ отсюда, что улучшеніе должно начаться съ отдѣльныхъ людей; дѣйствительно, способность людей къ измѣненіямъ опредѣляется весьма узкими предѣлами, такъ какъ она всегда находится подъ господствомъ всей соціальной структуры. Кетлэ настаиваетъ на принципѣ, который, по нашему мнѣнію, сближаетъ его съ научнымъ соціализмомъ; этотъ безспорный принципъ состоитъ въ „распространеніи закона, хорошо извѣстнаго всѣмъ философамъ, занимающимся физической стороной общества: пока существуютъ тѣ же причины, должно ожидать возвращенія тѣхъ же дѣйствій".

Однако, будучи продуктомъ общества, человѣкъ въ свою очередь является причиной: онъ можетъ дѣйствовать въ извѣстныхъ предѣлахъ на свою среду. „Какъ членъ соціальнаго тѣла, онъ подлежитъ всегда дѣйствію причинъ и платитъ имъ правильную дань, но какъ человѣкъ, пользующійся всей силой своихъ умственныхъ способностей, онъ нѣкоторымъ образомъ господствуетъ надъ этими причинами, водоизмѣняетъ ихъ дѣйствія и можетъ стремиться къ улучшенію своего состоянія". Слѣдовательно, свобода индивидума, какъ и власть общества надъ нимъ, относительна. Кетлэ уже догадывался, что общество и индивидумъ суть соотносительные, на мой взглядъ, неотдѣлимые организмы; ихъ воспріимчивость растетъ параллельно, ихъ взаимное вліяніе отличается постоянствомъ и все болѣе и болѣе становится сознательнымъ и методическимъ; никогда индивидуумъ и общество не чувствуютъ себя болѣе свободными, чѣмъ тогда, когда оба они проникнуты сознаніемъ своего подчиненія законамъ, которые потому уже консервативны, что прогрессъ индивидуума и вида они дѣлаютъ условіемъ соціальнаго порядка.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Кетлэ резюмируетъ то, что изложилъ раньше въ своихъ *Письмахъ о теоріи вѣроятностей*, и переходитъ къ изученію законовъ, касающихся *человѣка*. При этомъ онъ предупреждаетъ, что подъ человѣкомъ онъ разумѣетъ соціальное тѣло, выразителемъ котораго служитъ его средній абстрактный типъ.

Впрочемъ, онъ понимаетъ слово „законъ" не въ томъ абсолютномъ, неизмѣнномъ смыслѣ, какой придавали ему первые теоретики законовъ и естественнаго права; соціальные законы не неизмѣнны: „они могутъ измѣняться въ *извѣстныхъ предѣлахъ* вмѣстѣ съ природою причинъ, которыя ихъ производятъ". Когда говорятъ о постоянныхъ законахъ, слѣдуетъ всегда подразумѣвать,

что *всѣ условія равны*, при чемъ предполагается, что среди этихъ условій есть постоянныя, и хотя постоянство ихъ тоже относительное, но они считаются таковыми по сравненію съ болѣе измѣнчивыми и случайными условіями.

Я признаю, что и самые абстрактные соціологическіе законы не абсолютны, но я думаю, что они выше простыхъ историческихъ законовъ. Кромѣ чертъ отличія, отдѣльные періоды цивилизаціи имѣютъ и общія черты, которыя могутъ служить основаніемъ для абстрактной соціологіи. Такое значеніе имѣютъ также существенныя черты вида homo sapiens и его физической среды. Школа, признающая только историческіе законы, какъ мнѣ кажется, грѣшитъ излишней осторожностью, что объясняется, безъ сомнѣнія, реакціей противъ старой школы абсолюта.

По Кетлэ соціальная наука занимается изслѣдованіемъ вопросовъ трехъ категорій:

1) По какимъ законамъ совершается воспроизводство человѣка, ростъ его физическихъ и интеллектуальныхъ силъ, его большей или меньшей склонности къ добру и злу; по какимъ законамъ развиваются его страсти и вкусы, слѣдуютъ одна за другой вещи, которыя онъ производитъ, и вещи, которыя онъ потребляетъ; по какимъ законамъ человѣкъ умираетъ и т. д.

2) Какое дѣйствіе производитъ на человѣка природа; чѣмъ измѣряется ея вліяніе; каковы пертурбаціонныя силы и какъ онѣ дѣйствуютъ въ теченіе того или другого періода; какіе соціальные элементы играютъ главную роль въ каждомъ періодѣ.

3) Наконецъ, можетъ ли человѣческая сила нарушить устойчивость соціальной системы?

Вотъ какое широкое поле отмежевалъ Кетлэ соціальной наукѣ. Слѣдовательно, авторъ *Соціальной физики* всегда имѣлъ въ виду *человѣка*, къ человѣку онъ сводилъ всѣ свои антропологическія, психологическія, моральныя, экономическія наблюденія. Дѣйствительно, онъ не изучаетъ общества, какъ таковаго, но беретъ его конститутивные элементы: человѣка и его среду въ ихъ взаимодѣйствіи. Поэтому орудіемъ изслѣдованія служитъ у него статистика, именно математическая; его соціальная статика основана на разсмотрѣніи среднихъ физическихъ величинъ и средняго человѣка, того абстрактнаго человѣка, который въ его книгѣ представляетъ, однако, не всеобщій типъ, а только типъ, свойственный опредѣленнымъ періодамъ и опредѣленнымъ государствамъ.

Третій вопросъ, подлежащій, по мнѣнію Кетлэ, вѣдѣнію соціальной науки и представляющій такой огромный интересъ съ точки зрѣнія общественнаго порядка, поставленъ неправильно; онъ, по меньшей мѣрѣ, страдаетъ неполнотой. Дѣйствительно, дѣло не въ томъ только, чтобы знать, могутъ ли силы человѣка нарушить устойчивость соціальной системы, а въ томъ, можетъ ли общество, т. е. организованный агрегатъ, обнимающій территорію и

ея населеніе, своими соціальными силами измѣнить состояніе своего равновѣсія.

По мнѣнію Кетлэ, соціальная статика и динамика слагаются механическимъ путемъ изъ дѣйствій индивидуумовъ, съ одной стороны, и вліянія среды — съ другой. Это не исключаетъ, однако, того, чтобы въ книгѣ его тамъ и сямъ, случайно, не попадались указанія на коллективныя формы, отличающіяся отъ индивидуума и физической среды. Такимъ образомъ, *Соціальная физика* представляетъ собою преимущественно приложеніе теоріи вѣроятностей и среднихъ чиселъ къ *элементарнымъ соціологическимъ явленіямъ*, разсматриваемымъ съ количественной стороны. Съ этой именно точки зрѣнія онъ разсматриваетъ сначала развитіе физическихъ качествъ человѣка, потомъ рождаемость, брачность, смертность и показываетъ, какое вліяніе оказываютъ на нихъ климатъ, городская и сельская жизнь, занятія людей и пища.

Къ сожалѣнію, оставаясь на почвѣ мамематики и механики, онъ въ своемъ объясненіи соціальныхъ фактовъ, естественно, оставляетъ безъ вниманія вліяніе соціальныхъ учрежденій. Быть можетъ, когда нибудь удастся всѣ соціальные факты, подобно біологическимъ и физическимъ, свести къ законамъ химическимъ, физическимъ, механическимъ и, наконецъ, математическимъ, но не будетъ ли такое объясненіе явленій неполнымъ и несовершеннымъ, пока это философское обобщеніе не обниметъ соціальныхъ учрежденій и соціальной структуры, по отношенію къ которымъ матеріалъ, собранный статистикой, является только молекулярными, составными элементами? Такъ напр., бракъ—соціальный институтъ, привившійся на почвѣ простого полового союза; но статистика одна безсильна объяснить послѣдовательныя формы и эволюцію половыхъ союзовъ, которые, сверхъ того, находятся въ извѣстномъ соотношеніи со всѣми другими соціальными учрежденіями и со всей структурой общества. Стремясь все свести къ физическому факту, статистика должна была бы сосчитывать не только тѣ союзы, которые выразились въ оффиціальныхъ бракахъ, но и свободные, даже тайные, чего, очевидно, она не можетъ сдѣлать.

Слѣдовательно, въ соціологіи нельзя доводить абстракцію до того, чтобы разсматривать, какъ это дѣлаетъ Кетлэ, соціальныя учрежденія, какъ факторы низшаго порядка, которые оказываютъ вліяніе только въ короткіе періоды, но которыми можно пренебречь, если имѣешь дѣло съ длинными періодами, когда *физическія обстоятельства* берутъ, по мнѣнію Кетлэ, верхъ надъ учрежденіями. Если оставить въ сторонѣ учрежденія и разсматривать ихъ вмѣстѣ съ Кетлэ, какъ пертурбаціонные элементы (такъ думали также Руссо и почти всѣ писатели XVIII вѣка), то не будетъ ни абстрактной, ни конкретной соціологіи, по той простой причинѣ, что въ общемъ ходѣ соціальной эволюціи харак-

терныя, постоянныя черты ускользаютъ отъ статистики и могутъ быть даны только общей морфологіей и физіологіей общества. Что касается большихъ періодовъ, то имѣетъ мѣсто какъ разъ обратное тому, что думалъ Кетлэ: факты становятся такими, что ихъ нельзя уже сравнивать съ количественной точки зрѣнія; надъ ними господствуютъ учрежденія, а эти послѣднія не однородны. Напр., поліандрія, полигамія, матріархатъ, патріархатъ, моногамія съ правомъ развода или безъ него не могутъ быть сведены къ среднимъ числамъ, равно какъ и первобытное безпорядочное сожительство, которое въ скрытомъ состояніи еще таится въ нѣдрахъ современныхъ формъ.

Одной статистики, слѣдовательно, недостаточно для построенія соціологіи, но она служитъ ея элементарнымъ базисомъ. Она отправляется отъ частнаго къ общему, но ея обобщенія и законы ограничены извѣстными предѣлами. Для соціологіи она то же, что неорганическая химія для органической. Наука застаетъ жизнь за работой не въ органической химіи, точно также соціологія изслѣдуетъ процессы жизни въ учрежденіяхъ. Экономическая наука, эта важнѣйшая отрасль соціальныхъ наукъ, составляетъ уже болѣе обширное и сложное цѣлое, чѣмъ статистика; однако, послѣдняя лежитъ въ основаніи экономіи. Въ свою очередь соціологія, какъ единая наука, поглощаетъ и статистику, и экономію.

Выясняя надлежащее мѣсто и естественную функцію статистическаго и математическаго метода, мы тѣмъ самымъ доказываемъ его важность и необходимость, которыя, съ одной стороны, были преувеличены чисто математической школой, а съ другой—безъ основанія слишкомъ низко оцѣнены исторической школой. Между этими двумя методами нѣтъ антагонизма; напротивъ, они дополняютъ другъ друга. Вотъ почему, не обладая высокимъ полетомъ генія Ог. Конта, работа Кетлэ и его предшественниковъ имѣетъ, можетъ быть, болѣе солидныя основанія; во всякомъ случаѣ его исходная точка и пріемы болѣе надежны. Необходимо вмѣстѣ съ Кетлэ настоятельно рекомендовать изученіе статистики, безъ которой рѣшительно нельзя обойтись: „съ живѣйшимъ сожалѣніемъ, пишетъ онъ, мы должны констатировать, что этой богатой и плодотворной отрасли человѣческаго знанія въ нѣкоторыхъ странахъ до сихъ поръ не отведено никакого мѣста въ ряду наукъ, преподаваемыхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ". Съ тѣхъ поръ дѣло измѣнилось къ лучшему; возникли школы соціальныхъ наукъ; въ университетахъ или спеціальныхъ институтахъ введено преподаваніе общей соціологіи. Однако, нужно еще и еще разъ повторить, что въ основаніе этого преподаванія должно быть положено изученіе экономики и статистики. *Соціологическая литература* послѣднихъ лѣтъ, можетъ быть, слишкомъ упустила это изъ виду; она забрасываетъ васъ болѣе или менѣе остроумными, блестящими обобщеніями, слишкомъ часто забывая строгія, но законныя требо-

ванія наблюденія и опыта. Этотъ блестящій, но хрупкій налетъ, открывая предъ нами тріумфальное шествіе соціологіи, представляетъ опасность для ея дальнѣйшаго развитія. Какъ говорилъ Марксъ, наука не знаетъ тріумфальныхъ шествій, и самая живая, блестящая фантазія не можетъ замѣстить медленный, но вѣрный ходъ индуктивнаго метода.

Вотъ почему статистическія работы Кетлэ, при всей своей неполнотѣ и не смотря на преувеличеніе ихъ философскаго принципа, всегда останутся поучительнымъ образцомъ пріемовъ изслѣдованія, которыхъ должно держаться въ наукахъ, образующихъ первую ступень конкретной и абстрактной соціологіи. Эта первая ступень есть знакомство съ элементарными соціальными явленіями, ихъ отношеніями и законами. Въ особую заслугу Кетлэ нужно поставить то, что онъ призналъ за экономическими факторами безпорное вліяніе на всѣ соціальныя явленія безъ исключенія. Въ этомъ отношеніи, особенно по вопросу о народонаселеніи, онъ сходился съ Мальтусомъ и большинствомъ экономистовъ того времени, не исключая и соціалистовъ. Но онъ былъ далекъ отъ ихъ пессимизма, потому что онъ признавалъ вполнѣ законнымъ коллективное вмѣшательство въ соціальную организацію. Этимъ онъ непосредственно примыкаетъ къ соціализму. Затѣмъ, теоріи Ч. Дарвина и Г. Спенсера привлекли къ рѣшенію проблемы о народонаселеніи біологическіе и психическіе факторы, ускользнувшіе отъ Кетлэ, біологическія познанія котораго были, впрочемъ, не очень велики. Его этюдъ о смертности является, тѣмъ не менѣе, въ методологическомъ отношеніи образцомъ изслѣдованія и оцѣнки вліяющихъ причинъ. Вообще говоря, онъ сдѣлалъ вполнѣ правильный выводъ, что изъ всѣхъ соціальныхъ причинъ бѣдность оказываетъ самое сильное вліяніе на смертность; съ этой же точки зрѣнія онъ изучаетъ и вліяніе профессій. И тутъ онъ, вслѣдъ за величайшими мыслителями, замѣчаетъ, что въ самыхъ богатыхъ обществахъ встрѣчается и самая крайняя бѣдность, что, слѣдовательно, богатѣйшія общества, это—собственно говоря, не тѣ, въ которыхъ больше всего богатствъ и богатыхъ, а тѣ, гдѣ встрѣчается меньше всего бѣдныхъ. „Слѣдуетъ замѣтить, говоритъ онъ, что, какъ вполнѣ вѣрно замѣтилъ де-Траси, у тѣхъ націй, которыя слывутъ подъ именемъ *бѣдныхъ*, народъ всегда богаче, чѣмъ у націй, которыя называются *богатыми*. Такъ напр., нѣтъ такой націи, которая бы владѣла такими богатствами, какъ Англія, и тѣмъ не менѣе значительная часть ея населенія живетъ на счетъ общественнаго призрѣнія. Богатыя фландрскія провинціи насчитываютъ навѣрное больше бѣдныхъ, чѣмъ Люксембургъ, гдѣ большія состоянія рѣдки, но народъ довольно зажиточенъ и обладаетъ хотя и небольшимъ заработкомъ, но такимъ, который не колеблется изо-дня въ день, какъ это имѣетъ мѣсто въ промышленныхъ странахъ. То же

слѣдуетъ сказать о Швейцаріи и всѣхъ вообще земледѣльческихъ странахъ".

Такимъ образомъ, по мнѣнію Кетлэ,—и это вполнѣ согласуется съ его теоріей среднихъ чиселъ,—справедливое распредѣленіе богатствъ важнѣе чрезмѣрнаго роста богатствъ при ихъ неравенствѣ. Еще въ XVIII столѣтіи глубокомысленный венеціанскій экономистъ Г. Ортесъ замѣтилъ, что если въ Англіи больше богатыхъ людей, чѣмъ въ Тосканѣ, то это не значитъ, что послѣдняя бѣднѣе первой; это показываетъ только, что промышленность и внутренняя торговля создала въ Англіи бо́льшее неравенство состояній. Этой стороной своихъ взглядовъ Ортесъ и Кетлэ примыкаютъ непосредственно къ соціализму; подобно Дж. Ст. Миллю, они считаютъ проблему распредѣленія богатствъ важнѣе проблемы производства. Они еще не могли наблюдать проникновенія индустріализма въ земледѣліе; равнымъ образомъ они въ недостаточной степени приняли въ разсчетъ, что лучшее распредѣленіе богатствъ само связано съ развитіемъ производительности. Тѣмъ не менѣе ясно, что они поставили вопросъ согласно съ его позднѣйшимъ развитіемъ.

Кетлэ думаетъ, что теорія народонаселенія сводится къ двумъ основнымъ принципамъ: 1) населеніе имѣетъ тенденцію рости въ геометрической прогрессіи; 2) сопротивленіе или сумма постоянныхъ препятствій, задерживающихъ этотъ ростъ, равна, при прочихъ равныхъ условіяхъ, квадрату скорости роста.

Такимъ образомъ, онъ примѣняетъ къ населенію и обществу физическіе законы движенія тѣлъ въ средѣ, оказывающей имъ большее или меньшее сопротивленіе. Отсюда онъ дѣлаетъ такой выводъ: „Если развитіе происходитъ не свободно и безпрепятственно (такова именно гипотеза Мальтуса), а среди постоянныхъ препятствій всякаго рода, стремящихся его остановить и дѣйствующихъ однообразно, т. е. *если соціальное состояніе не измѣняется*, то населеніе не увеличивается до безконечности, а стремится все болѣе и болѣе сдѣлаться неподвижнымъ. Но на самомъ дѣлѣ соціальныя условія измѣняются; каковъ же будетъ въ такомъ случаѣ динамическій законъ? При предположеніи, что соціальная система подвергается измѣненіямъ, препятствія всегда будутъ дѣйствовать одинаковымъ образомъ, но съ различной интенсивностью, такъ что развитіе населенія можетъ претерпѣвать безконечныя модификаціи; словомъ, *развитіе находится всегда въ извѣстномъ отношеніи къ препятствіямъ*".

Эта концепція, хотя она и чисто механическая, въ общемъ гораздо научнѣе теоріи Мальтуса. Кетлэ указываетъ также, что абсолютная цифра населенія не играетъ существенной роли; гораздо важнѣе *полезное населеніе*, т. е. населеніе въ возрастѣ отъ 15 до 60 лѣтъ, а изъ числа полезнаго населенія—производительное.

„Словомъ, *возможный предѣлъ* численности жителей, которыхъ

можетъ имѣть страна, опредѣляется производствомъ. Цивилизація суживаетъ этотъ предѣлъ и стремится увеличить часть продуктовъ, достающуюся каждому индивидууму, чтобы поднять его благосостояніе, обезпечивъ ему средства къ жизни... Если бы можно было съ точностью вычислить среднюю жизнь, то мы имѣли бы мѣру предусмотрительности и гигіеническаго состоянія страны; среднее потребленіе человѣка дало бы мѣру цивилизаціи и требованій климата; пропорціональное число жителей въ связи съ вліяніемъ климата дало бы мѣру производства".

Соціальная концепція Кетлэ представляетъ, слѣдовательно, чисто экономическое объясненіе исторіи.

Въ нашу задачу не входитъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ автора *Соціальной физики* и за всѣми примѣненіями его метода и теоріи къ физическому человѣку. Замѣтимъ только, что, по его мнѣнію, предметомъ изученія долженъ служить, главнымъ образомъ, средній человѣкъ, тотъ обстрактный человѣкъ, который составляетъ центръ тяжести соціальной массы.

Заслуживаетъ вниманія также попытка его распространить эту же точку зрѣнія на умственныя и нравственныя качества человѣка и подчинить дѣйствію законовъ его мнимую свободу воли. Онъ хотѣлъ примѣнить къ этимъ качествамъ ту же мѣру, которую онъ примѣнилъ къ качествамъ физическимъ. Успѣхи, достигнутые въ послѣднее время психофизіологіей, психіатріей и криминологіей, сохраняютъ за попыткой Кетлэ только историческое значеніе. Но важно то, что онъ отрицаетъ старый методъ чисто внутренняго наблюденія; умственныя и нравственныя качества человѣка можно, по его мнѣнію, оцѣнивать только по ихъ результатамъ, т. е. „по ихъ дѣйствіямъ или по той работѣ, которую они производятъ". Онъ принимаетъ также во вниманіе не только дѣйствіе среды, но и дѣйствіе наслѣдственности. Можно сказать, что этюды Кетлэ о сумасшествіи, самоубійствѣ, дѣтоубійствѣ и преступности вообще послужили исходной точкой всей послѣдующей научной эволюціи. Онъ высказалъ мимоходомъ и ту мысль, что подражаніе есть одинъ изъ факторовъ какъ преступности, такъ и нормальной жизни, но онъ не придавалъ ему, какъ это пытались сдѣлать потомъ, преувеличеннаго значенія.

Каковы причины преступности? Кетлэ указываетъ прежде всего, что отсутствіе нравственнаго воспитанія гибельнѣе отсутствія образованія въ собственномъ смыслѣ; весьма часто образованіе, получаемое въ школѣ, даетъ только средства для совершенія преступленія. Бѣдность—одна изъ наиболѣе вліяющихъ причинъ; но бѣдность понятіе относительное. Умѣренный и дѣятельный народъ не бѣденъ, если только онъ въ состояніи удовлетворять свои потребности; неравенство состояній у него незначительно и даетъ мало поводовъ къ искушеніямъ. „Бѣдность даетъ себя чувство-

вать въ провинціяхъ, гдѣ накоплены большія богатства, какъ, напр., Фландрія, Голландія, Сенскій департаментъ и пр., и особенно въ промышленныхъ странахъ, гдѣ малѣйшее политическое волненіе, малѣйшее замѣшательство на рынкѣ сбыта внезапно приводитъ тысячи людей съ достаткомъ къ нищетѣ. Вотъ эти рѣзкіе переходы отъ одного состоянія къ другому и вызываютъ преступленія, въ особенности если люди при этомъ окружены всякими искушеніями и ихъ постоянно раздражаетъ и приводитъ въ отчаяніе видъ роскоши и неравенства имуществъ".

Это подтверждаетъ мою мысль, что сумасшествіе, самоубійство, преступленіе соотвѣтствуютъ главнымъ образомъ состоянію экономической неуравновѣшенности, нарушающей нравственное и умственное равновѣсіе прежде всего у людей, одержимыхъ пороками, а затѣмъ и у людей, которыхъ можно считать нормальными. Преступленія развиваются не параллельно съ цивилизаціей вообще, а параллельно съ усиленіемъ и усложненіемъ неустойчивыхъ элементовъ цивилизаціи. Прибавлю къ этому, что при оцѣнкѣ преступности нужно принять въ разсчетъ не только цифру населенія, но и относительное число и сложность дѣйствій, совершаемыхъ индивидуумами на разныхъ стадіяхъ цивилизаціи: чѣмъ сложнѣе и интенсивнѣе дѣятельность людей, тѣмъ болѣе они склонны къ ошибкамъ, хотя по отношенію къ массѣ дѣйствій число паденій въ болѣе активныхъ обществахъ меньше, чѣмъ въ обществахъ менѣе активныхъ. Что бы мы сказали о статистикѣ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ, не принимающей во вниманіе ни числа перевозимыхъ людей, ни величины ихъ пробѣга на разныхъ линіяхъ? Это указаніе, сдѣланное мною въ 1889 году во второмъ томѣ моего „Введенія въ соціологію", осталось до сихъ поръ совершенно незамѣченнымъ публицистами, которые продолжаютъ повторять, что преступность растетъ параллельно съ цивилизаціей.

Въ пятой и послѣдней книгѣ *Соціальной физики* Кетлэ даетъ синтезъ всѣхъ изложенныхъ законовъ. Этотъ синтезъ сводится къ среднему человѣку и соціальной системѣ, при чемъ первый представляется ему какъ-бы центромъ тяжести второй: „Средній человѣкъ для націи то же, что центръ тяжести для тѣла; къ разсмотрѣнію средняго человѣка и сводится оцѣнка всѣхъ явленій равновѣсія и движенія". Вотъ принципъ, который онъ примѣняетъ къ человѣческимъ качествамъ всѣхъ категорій и на которомъ онъ основываетъ дальнѣйшіе успѣхи нашихъ знаній въ отношеніи законовъ развитія человѣка. Въ этой формулировкѣ недостаетъ опредѣленія націи; кромѣ того, изъ нея вытекаетъ, что соціальные законы Кетлэ не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ простыми историческими законами, ибо онъ не можетъ возвыситься до понятія всеобщаго, абстрактнаго средняго человѣка, не соотвѣтствующаго ничему реальному, — не можетъ потому, что

онъ замыкается въ рамкахъ націи, которая сама по себѣ есть чисто историческая формація. Онъ признается, что „въ глазахъ натуралиста средній человѣкъ это — типъ, свойственный только одному народу“, и что „многочисленныя наблюденія показали, что типъ этотъ не единственный“. Я, кажется, доказалъ, наоборотъ, что видъ homo sapiens—единъ, такъ какъ видоизмѣненія его ограничены извѣстными предѣлами и не уничтожаютъ его основныхъ свойствъ.

Исходная точка Кетлэ, его *средній національный человѣкъ*, ошибочна, но теорія его, не смотря на всѣ ея несовершенства, была шагомъ впередъ въ соціальной наукѣ. Теорію эту Кетлэ пытался примѣнить къ высшимъ проявленіямъ человѣческой дѣятельности, къ искусству, наукѣ и пр. Онъ сходится съ Контомъ, когда формулируетъ законъ, что „исторія наукъ показываетъ, что въ развитіи человѣческаго духа, разсматриваемомъ съ общей точки зрѣнія, можно подмѣтить тѣ же стадіи, какъ въ умственномъ развитіи отдѣльнаго человѣка“. Онъ думаетъ, что если бы удалось вполнѣ опредѣлить средняго человѣка, то его можно было бы разсматривать, какъ идеальный типъ; но какъ примирить эту гипотезу съ его опредѣленіемъ, что средній человѣкъ это—типъ одного только народа, одной націи? Съ другой стороны, въ изображеніи художника идеальный типъ развѣ не слагается изъ наисовершеннѣйшихъ элементовъ, которые рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ? Не бываетъ ли то же самое съ идеальнымъ типомъ общества? Сократъ, Христосъ—развѣ это средніе типы своего времени?

Кетлэ заявляетъ,—правда, только въ видѣ гипотезы,—что онъ склоненъ допустить, по крайней мѣрѣ, для развитія человѣческаго духа, что „въ извѣстныхъ отношеніяхъ человѣчество развивается, какъ индивидуумъ“.

Послѣ этого интересно отмѣтить его замѣчаніе, совпадающее съ мнѣніемъ В. Кузена, что на самомъ дѣлѣ существуетъ только прогрессъ науки, и что исторія народовъ можетъ быть представлена рядомъ ея героевъ. Въ этомъ признаніи онъ сходится еще съ Ог. Контомъ, напечатавшимъ календарь великихъ типовъ человѣчества. „Дайте мнѣ“, говоритъ В. Кузенъ, „рядъ великихъ людей, всѣхъ извѣстныхъ великихъ людей—и я вамъ представлю исторію рода человѣческаго“.

Какое противорѣчіе и какое странное заключеніе! Отказываясь отъ своей собственной теоріи, Кетлэ думаетъ уже, что исторію человѣчества можно изобразить не при помощи *среднихъ типовъ*, а при помощи крайнихъ, высшихъ типовъ. И, однако, онъ самъ предупреждалъ насъ, что невозможно выводить законы явленій, если извѣстны только ихъ максимумы, при полномъ отсутствіи минимумовъ и особенно же среднихъ величинъ. Это представляется мнѣ такимъ же уклоненіемъ отъ всей его теоріи, какъ

великое заблужденіе Конта къ концу его жизни. Это доказываетъ только, что если Кетлэ построилъ свое зданіе на прочномъ фундаментѣ, то верхніе этажи, за недостаткомъ матеріала и вслѣдствіе его неудовлетворительности, оказались построенными гораздо легче.

Не смотря на это, планъ постройки задуманъ хорошо; въ основаніи ея лежатъ физическія и антропологическія данныя, далѣе идутъ явленія экономическія, интеллектуальныя и моральныя; на самомъ верху зданіе вѣнчаетъ политика. И хотя онъ пытается свести къ политикѣ всѣ явленія, имѣющія отношеніе къ среднему человѣку, но, къ счастью, онъ не считаетъ здѣсь ни нужнымъ, ни возможнымъ воздвигнуть цѣлую систему. Но новая глубокая мысль лежитъ, напр., въ слѣдующихъ словахъ его: „степень цивилизаціи, достигнутая націей, измѣряется способомъ, какимъ нація производитъ свои революціи“. Я бы сказалъ, впрочемъ, что она измѣряется политическимъ образомъ дѣйствій націи. „Этотъ принципъ“, прибавляетъ онъ, „предполагаетъ другой, который вѣренъ вездѣ, гдѣ возможно состояніе равновѣсія и движенія, какъ въ физическихъ явленіяхъ, такъ и въ политическихъ фактахъ; принципъ этотъ состоитъ въ томъ, что *дѣйствіе равно противодѣйствію*. Революція это—противодѣйствіе, оказываемое народомъ или частью его дѣйствительнымъ или предполагаемымъ злоупотребленіямъ“. Накопленіе злоупотребленій производитъ взрывъ, потому что существуетъ также накопленіе энергіи; въ такихъ государствахъ, какъ Англія, реформы совершаются постепенно, безъ крутыхъ перемѣнъ, „и тѣмъ не менѣе, мы не безъ ужаса видимъ, какой взрывъ можетъ тамъ произойти вслѣдствіе неравенства имуществъ и состоянія финансовъ“. Такимъ образомъ, Кетлэ сводитъ политическое равновѣсіе къ экономическому. Точно также, что касается войнъ, то „мы уже начинаемъ“, говоритъ онъ, „смотрѣть на этотъ бичъ не какъ на необходимость, отъ которой мы никогда не избавимся, а какъ на зло, которое *неизбѣжно при отсутствіи законовъ, регулирующихъ права народовъ и при отсутствіи достаточной силы для обезпеченія исполненія этихъ законовъ*“

Отсюда вытекаетъ, что въ механико-математической канцепціи Кетлэ политика превращается въ настоящій научный методъ для прогрессивнаго уравновѣшиванія общественнныхъ и междуобщественныхъ силъ. Государственное право представляется ему, кромѣ того, тѣсно связаннымъ съ экономическимъ равновѣсіемъ, а слѣдовательно—и съ экономическимъ правомъ. По его мнѣнію, осуществленіе всѣхъ этихъ правъ должно быть обезпечено коллективной силой. Такимъ образомъ, въ послѣдней инстанціи онъ подчиняетъ соціальный миръ, какъ внутренній, такъ и международный, условіямъ реальнаго равновѣсія, что вполнѣ въ духѣ позитивизма.

Послѣдній выводъ, въ которомъ онъ резюмируетъ статическій и динамическій законъ общества, представляетъ собою, по преимуществу, механическую и математическую формулу, не только количественную, но и качественную: „одинъ изъ главныхъ результатовъ цивилизаціи выражается во все большемъ и большемъ суженіи предѣловъ колебаній различныхъ элементовъ, касающихся человѣка“. Тѣмъ не менѣе, онъ не отдѣляетъ статики отъ динамики, порядка отъ прогресса; онъ не смотритъ на равновѣсіе, какъ на остановку движенія; способность человѣка къ усовершенствованію непрерывна; не смотря на постоянное сліяніе оригинальныхъ, крайнихъ типовъ въ среднемъ типѣ, природа всегда будетъ отличаться плодовитностью и разнообразіемъ; искусство ничего не потеряетъ отъ прогресса!

X.

Итакъ, соціальная концепція Кетлэ имѣетъ по преимуществу статическій характеръ; постоянство и правильность соціальныхъ явленій—вотъ, что главнымъ образомъ привлекало его вниманіе. Онъ признавалъ, конечно, что явленія могутъ измѣняться, самопроизвольно ли или вслѣдствіе вмѣшательства законодателя и коллективной воли, но онъ недостаточно оттѣнилъ не менѣе существенные и замѣчательные порядокъ и правильность, замѣчаемые въ самыхъ измѣненіяхъ общества, если при ихъ разсмотрѣніи брать длинные періоды времени. Кетлэ приходилось одновременно и создавать статистику, и примѣнять ее къ соціальной наукѣ, и онъ осуществилъ это необходимое, великое дѣло съ замѣчательной силой ума. Это былъ работникъ и мыслитель перваго ранга, не ниже и не выше Конта, но иного характера, быть можетъ, болѣе положительный въ научномъ смыслѣ этого слова. Статическая концепція Кетлэ съ ея динамическимъ придаткомъ есть по существу концепція математическая, механическая и физическая. Въ самомъ началѣ развитія позитивной соціологіи первой должна была выступить именно такая точка зрѣнія; быть можетъ, она появится еще и тогда, когда соціальная наука, достигши нѣкотораго совершенства, соединитъ въ философскомъ синтезѣ свои законы съ законами болѣе общихъ предшествующихъ наукъ. Это не ложная концепція, но неполная и въ извѣстномъ смыслѣ недозрѣлая. Ог. Контъ разовьетъ органическую и біологическую сторону соціологіи, употребивъ въ дѣло старый механическій формуляръ. Спенсеръ выдвинетъ психологическую сторону, которую ученики его доведутъ до чрезмѣрности. Замѣчательнѣе всего въ этой эволюціи ея постоянный параллелизмъ съ эволюціей наукъ, начиная съ самыхъ раннихъ и кончая позднѣйшими, именно науками объ органической и интеллектуальной

жизни, на которыхъ непосредственно зиждется соціологія и которыя, въ свою очередь, имѣютъ въ основѣ своей науки физико-химическія, механику и математику.

Кетлэ распространилъ теорію вѣроятностей и среднихъ чиселъ на соціальныя явленія; въ этомъ отношеніи онъ только развилъ и усовершенствовалъ пріемы своихъ предшественниковъ. Къ сожалѣнію, его статистическія таблицы обнимаютъ слишкомъ короткіе періоды времени, чтобы дать абсолютные выводы. Этотъ недостатокъ объясняется не вполнѣ удовлетворительнымъ состояніемъ статистики того времени; Кетлэ въ этомъ не виноватъ; напротивъ, онъ сдѣлалъ все, что могъ, для усовершенствованія методовъ статистики и расширенія ея основанія. Если бы его наблюденія могли распространяться на болѣе длинные періоды времени, то измѣнчивость соціальныхъ явленій въ большей мѣрѣ привлекла бы его вниманіе, и динамическая сторона жизни общества навѣрное заняла бы въ его концепціи не меньшее мѣсто, чѣмъ статическая, съ которой динамика, на самомъ дѣлѣ, составляетъ нераздѣльное цѣлое. Во всякомъ случаѣ, онъ призналъ бы, что законы его, относящіеся къ среднему человѣку, не абстрактные законы; они примѣнимы только къ отдѣльнымъ цивилизаціямъ, опредѣляемымъ условіями мѣста и времени, и потому представляютъ лишь конкретные законы. Это видно изъ того, что всякій разъ, когда онъ пытается дойти до общихъ, универсальныхъ законовъ, онъ это дѣлаетъ, не примѣняя математической теоріи вѣроятностей и среднихъ чиселъ.

Абстрактные соціологическіе законы могутъ быть выведены только изъ всей совокупности отдѣльныхъ соціальныхъ структуръ и эволюцій, включая сюда также изученіе структуры и эволюціи различныхъ соціальныхъ институтовъ. Поэтому естественный и логическій порядокъ изученія соціологіи сводится къ слѣдующему: 1) соціальные элементы; 2) соціальные институты; 3) общая структура обществъ, при чемъ все это слѣдуетъ изучать сначала съ исторической, конкретной точки зрѣнія, потомъ съ точки зрѣнія универсальной, постоянной и абстрактной, принимая во вниманіе какъ статику, такъ и динамику явленій.

Великая заслуга Кетлэ состоитъ въ томъ, что онъ началъ съ того, съ чего долженъ былъ начать и съ чего должно будетъ начать большинство нашихъ современныхъ соціологовъ, или —за ихъ отсутствіемъ—другіе ученые, именно, съ наблюденія, исчисленія, классификаціи соціальныхъ элементовъ; въ основу такого рода изученія различныхъ отраслей соціологическихъ знаній, особенно же соціальной экономіи, должна быть положена статистика территоріи и населенія, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія ихъ элементарнаго, молекулярнаго строенія. Затѣмъ должно идти по порядку изученіе различныхъ органическихъ сочетаній, слагающихся изъ этихъ первичныхъ элементовъ, т. е. изученіе ин-

ститутовъ, для которыхъ они являются матеріаломъ; это будетъ естественнымъ переходомъ къ соціологіи уже не молекулярной, а коренной. Послѣ всего этого можно будетъ возвыситься до позитивнаго познанія соціальныхъ системъ, какъ единаго цѣлаго. Не такъ поступили Контъ и Спенсеръ: первый началъ съ конца, второй съ середины, и это было шагомъ впередъ сравнительно съ Контомъ. Ад. Кетлэ имѣлъ благоразуміе начать съ начала. Его соціологія (ибо что такое вся концепція Кетлэ, какъ не замѣчательный соціологическій опытъ?) имѣетъ физическій, математическій характеръ, но не органическій или надъорганическій. Это—сильная и весьма часто удачная попытка построенія элементарной соціологіи, т. е. статистической координаціи соціальныхъ элементовъ. Но онъ заблуждается, противопоставляя статистику исторіи и признавая за этой послѣдней исключительное право на соціальную динамику. Статистическіе факты тоже имѣютъ историческій, т. е. динамическій характеръ; они тоже лежатъ въ основѣ исторіи и соціологіи; статистика не имѣетъ дѣла исключительно со статикой явленій, какъ это можно, повидимому, заключить изъ этимологическаго сходства этихъ словъ. Охватывая длинный періодъ времени и разныя цивилизаціи, существующія одновременно или слѣдующія одна за другой во времени, статистика вполнѣ въ состояніи уловить движеніе и измѣненіе обществъ, ихъ прогрессивныя и регрессивныя стремленія; это, такъ сказать, соціальная химія; Лавуазье, основатель химіи, былъ также однимъ изъ творцовъ статистики.

Слѣдовательно, статистика представляетъ собою одинъ изъ пріемовъ историческаго метода, но никакъ не противоположность исторіи. Вотъ почему математическій методъ, такъ тѣсно связанный со статистикой и экономической наукой, не идетъ въ разрѣзъ съ методомъ историческимъ; со временемъ обѣ школы сольются въ одно цѣлое, потерявъ свои рѣзкія, абсолютныя черты.

У Кетлэ проявляется также и біологическая точка зрѣнія, но еще въ смутномъ состояніи. Дѣйствительно, онъ проникнутъ идеей, что государства и общества рождаются, растутъ и умираютъ какъ индивидуумы, хотя продолжительность ихъ существованія ограничена менѣе узкими предѣлами. Такимъ путемъ онъ приходитъ, по аналогіи, къ опредѣленію средней вѣроятной жизни человѣка. Однако, его средній человѣкъ, его среднее общество это—только средніе типы, заимствованные изъ историческихъ состояній и стадій опредѣленныхъ цивилизацій; это абстрактные математическіе типы, но въ указанныхъ предѣлахъ дѣйствительности они конкретны. Во всякомъ случаѣ на типахъ этихъ постоянно оставляютъ свой отпечатокъ институты и структуры соціальнаго цѣлаго, по отношенію къ которымъ они являются простыми элементами. По идеѣ же Кетлэ средній человѣкъ дол-

женъ былъ сдѣлаться зеркаломъ вселенной, среднимъ выраженіемъ средняго міра.

Какъ всѣ великіе теоретики въ области политическихъ и соціальныхъ знаній, начиная съ древнихъ временъ вплоть до нашихъ дней, Кетлэ примыкаетъ къ современному соціализму и черезъ его посредство къ позитивной соціологіи, именно, въ томъ смыслѣ, что онъ всегда выдвигаетъ то основное вліяніе, которое оказываютъ экономическія условія на всѣ другія соціальныя явленія. Но онъ недостаточно знакомъ съ экономической наукой; достойно вниманія, что въ этомъ отношеніи у него замѣчается тотъ же пробѣлъ, что у Конта и Спенсера, хотя, впрочемъ, у нашего знаменитаго статистика пробѣлъ этотъ гораздо меньше, тѣмъ болѣе, что его статистическіе труды способствовали обновленію экономической науки. Такимъ образомъ, съ какой бы точки зрѣнія ни взглянуть на дѣло, зданіе Кетлэ построено на болѣе солидномъ фундаментѣ, чѣмъ зданіе обоихъ великихъ представителей соціологіи XIX столѣтія.

Итакъ, главный трудъ Кетлэ имѣетъ предметомъ своимъ изученіе основныхъ факторовъ человѣческаго общества—территоріи и населенія—и спеціальныхъ общественныхъ явленій, каковы экономическія, генетическія (семейныя), художественныя, интеллектуальныя, нравственныя, юридическія, политическія, которыя порождаются этими двумя факторами, какъ мы показали въ первомъ томѣ своего *Введенія въ соціологію.*

Въ настоящемъ этюдѣ я старался доказать, что появленіе механико-математической школы не было простой случайностью, временнымъ заблужденіемъ въ исторіи естественнаго развитія соціальныхъ наукъ; изъ нашего изложенія ясно видно, что происхожденіе этой школы, ея измѣненія, ея эволюція совершались съ извѣстной правильностью, имѣли свой нормальный ходъ. Школа эта постоянно совершенствовалась и будетъ совершенствоваться; главная роль ея должна состоять, какъ мнѣ кажется, въ томъ, чтобы по мѣрѣ возможности дополнить съ количественной точки зрѣнія чисто качественныя формулы и оцѣнки соціологическихъ законовъ; ея позитивная законная роль сводится къ тому, чтобы посредствомъ измѣренія соціальныхъ причинъ и слѣдствій придать законамъ болѣе точное выраженіе. Однако, постоянная функція ея должна, на мой взглядъ, ограничиваться по преимуществу составными элементами человѣческаго общества, оставляя въ сторонѣ тѣ формы, въ которыхъ эти элементы реализуются,—формы, въ свою очередь, находящіяся подъ дѣйствіемъ абстрактныхъ законовъ, которыхъ не въ состояніи включить въ сферу своихъ операцій ни статистика, ни разнообразные математическіе пріемы и методы, за исключеніемъ развѣ простого опредѣленія числа отдѣльныхъ соціальныхъ институтовъ и группъ,—опредѣленія, имѣющаго совершенно второстепенное значеніе.

—

Тѣмъ не менѣе, количественная точка зрѣнія всегда будетъ лежать въ основѣ органическихъ и надъорганическихъ наукъ, потому что количественное развитіе или, вообще говоря, количественныя измѣненія сами по себѣ являются простѣйшими факторами качественныхъ различій. Въ самомъ дѣлѣ, большія массы даютъ наибольшее число варіацій, и первой и простѣйшей изъ этихъ варіацій является самое увеличеніе массы.

Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе новой эволюціи, которую пережила математическая школа послѣ Кетлэ. Эта эволюція совершилась непосредственно въ области экономической науки. Госсенъ, Вальрасъ, Лаунгардтъ, Джевонсъ, Ауспицъ, Парето, Панталонни и др. пытались построить цѣлостную математическую теорію политической экономіи. Въ частности, Опти въ *Опытѣ общей теоріи денегъ* примѣнилъ математическій анализъ къ изученію этой капитальной проблемы; Бертилльоны — отецъ и сынъ — примѣняютъ математику къ статистикѣ; совсѣмъ недавно профессоръ Ліонскаго юридическаго факультета, Эмиль Бувье, превознесъ этотъ меѳодъ въ своей замѣчательной брошюрѣ. Въ самое послѣднее время г. Виньярскій сдѣлалъ попытку снова примѣнить этотъ методъ къ соціологіи, какъ единому цѣлому. Этотъ оригинальный и ученый публицистъ пытается выразить алгебраическими формулами основныя уравненія *соціальной механики*, стараясь въ частности доказать, что въ чистой соціологіи вполнѣ возможно свести абстрактную, элементарную теорію семьи и собственности къ общимъ уравненіямъ движенія Лагранжа. Я, однако, продолжаю думать, что соціальные институты и общества, разсматриваемые во всей ихъ совокупной структурѣ, не могутъ служить матеріаломъ для построенія этихъ формулъ; для математики и ея отрасли—статистики—могутъ служить матеріаломъ только соціальные молекулы или элементы. Словомъ, математическій методъ есть такая дедуктивная форма разсужденія, которая примѣнима въ наукахъ сложившихся, - наукахъ, основанія которыхъ установлены и опредѣлены. Вотъ почему интересно отмѣтить, что современная эволюція математической школы въ соціальной экономіи совпадаетъ съ однородной эволюціей въ логикѣ: послѣдняя тоже стремится сдѣлаться математической. Стэнли Джевонсъ въ Англіи, какъ логикъ и экономистъ, прекрасно охарактеризовалъ ту тѣсную связь, которая существуетъ между развитіемъ логики и развитіемъ экономической науки. Остается узнать, на столько ли установлены законы экономической науки, чтобы позволительно было примѣненіе въ ней дедуктивнаго метода.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся сторонниковъ историческаго метода въ соціальной экономіи, Шмоллеръ, высказывается слѣдующимъ образомъ: „Сдѣланные опыты построенія математической теоріи представляютъ собою аналогію съ попытками вывести законы цѣнъ изъ аксіомъ или конечныхъ элементовъ

тутъ все дѣло сводится къ тому, чтобы при помощи графическихъ формулъ и дедукцій представить въ точномъ видѣ отношеніе спроса къ предложенію и изъ самыхъ простыхъ посылокъ сдѣлать извѣстные выводы въ математической формѣ. Нельзя отрицать, что такимъ способомъ можно облечь абстрактную теорію въ ясную, точную форму, что этотъ пріемъ дедукціи надежнѣе простого изложенія,—что этимъ путемъ можно сдѣлать болѣе нагляднымъ ходъ извѣстныхъ процессовъ, особенно для математическихъ умовъ. Но до сихъ поръ методъ этотъ не далъ еще новыхъ истинъ. Желать, чтобы онъ былъ чѣмъ-нибудь болѣе одного изъ способовъ изложенія *того, что уже извѣстно*, значитъ не понимать природы экономическихъ явленій и ихъ причинъ. Построенія и формулы математическаго метода пользуются элементами, которые въ сущности не могутъ быть опредѣлены съ точностью и не поддаются измѣренію; имѣя дѣло съ фиктивными величинами, они придаютъ психическимъ причинамъ и условіямъ рынка, ускользающимъ отъ измѣренія, видимость опредѣленныхъ счетомъ и мѣрою величинъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ".

Эта критика касается чистой математической школы по стольку, поскольку послѣдняя имѣетъ претензію поглотить всю соціологію и въ частности экомику; она касается и К. Маркса, которому угодно было дать алгебраическую формулировку тому, что *онъ уже зналъ*, благодаря историческому методу. Но критика Шмоллера несправедлива по отношенію къ математической статистикѣ. Одно дѣло—точка зрѣнія всей соціологіи въ совокупности, другое—аналитическая точка зрѣнія ея составныхъ элементовъ. Эти послѣдніе могутъ быть измѣряемы. Обѣ школы, историческая и математическая, могутъ и должны жить въ мирѣ, но при условіи тщательнаго разграниченія функцій и сферъ компетенціи.

Кетлэ и его предшественники ввели математическій методъ въ исторію человѣческихъ обществъ, но Кетлэ, кромѣ того, далъ намъ *исторію математическихъ наукъ*. Не есть ли это лучшее доказательство того факта, что возможна утилизація всѣхъ методовъ во всѣхъ наукахъ, и не видимъ ли здѣсь новой побѣды надъ абсолютомъ?

БАБУШКА.

I.

Большое мѣсто. Больше остального города. И все огорожено высокимъ кирпичнымъ заборомъ. Заборъ окрашенъ красной краской и раздѣланъ бѣлыми полосками подъ кирпичъ. Главный домъ въ два этажа, такой же кирпичный и съ такой же раздѣлкой, выдвинулся и угрюмо смотритъ сверху на городъ, большую рѣку, широкой стальной лентой теряющуюся въ мглистой дали синихъ лѣсовъ. Ворота тяжелыя, съ пудовыми скобами и съ большими висячими замками. Калитка рядомъ. Она отворена и виденъ мощеный дворъ, кругомъ двора строенія,—тяжелыя, прочныя, всѣ на замкахъ. Дальше другой дворъ, гдѣ фабрика, рядъ высокихъ трубъ, снуетъ озабоченный народъ, тянутся обозы кожъ — сырыхъ, выдѣланныхъ.

Сама бабушка осмотръ дѣлаетъ. Заглядываетъ во всѣ закоулки. Остановится, спроситъ, выслушаетъ, сдѣлаетъ замѣчаніе и—дальше.

Сзади бабушки тяжело шагаетъ желтый, какъ тѣсто, и такой же сырой, внучекъ—Ѳедя, двадцати-двухлѣтній парень. Глаза у него ласковые, задумчивые, шея короткая. Бабушка косится на него, на толпу приказчиковъ, идетъ и думаетъ свою завѣтную думу.

Внукъ не въ бабушку. Шестьдесятъ лѣтъ ей, а стройна, какъ дѣвушка, лицомъ суха, глаза большіе, черные, голова повязана чернымъ платкомъ. И теперь красота видна, а въ молодости первой красавицей на двѣ большія рѣки, Волгу и Каму, слыла.

Что красота! Такъ умна бабушка, какъ и мужикъ рѣдко бываетъ, и твердо ведетъ большое, на пять губерній, кожевенное дѣло.

И ни одного худого слуха про бабушку не было и нѣтъ. Тверда въ старинномъ благочестіи, и безъ ея воли не то что попа—архіерея не посадятъ.

Уѣзжала бабушка и цѣлый мѣсяцъ была въ отлучкѣ: внуку невѣсту искала.

Пріѣхала, въ банѣ помылась, въ часовнѣ обѣдню отстояла, заводъ теперь осматриваетъ, обѣдать сядетъ, послѣ обѣда поспитъ, а потомъ за внукомъ пошлетъ и объявитъ ему его судьбу.

Ѳедя одѣтъ по городскому, идетъ за бабушкой, добродушно посматриваетъ на ея старомодный костюмъ и угадываетъ, что-то скажетъ она ему.

Со вчерашней гульбы съ приказчиками голова его тяжелая, да и вообще неохота о чемъ-нибудь думать: пообѣдать да спать, а вечеромъ, когда бабушка уляжется, — къ ребятамъ... Эхъ, и весело же пожили безъ бабушки!

Подошли къ дому, остановилась бабушка на крыльцѣ, оглянула всѣхъ и сказала:

— Ну, хоть и не такъ-то въ порядкѣ, какъ надо бы, да Богъ съ вами на этотъ разъ: приходите всѣ обѣдать,—икорки, да рыбки, да соленьевъ изъ далекой страны привезла.

Весело загудѣла толпа, угадывая истину.

Старшій приказчикъ сказалъ:

— Дай Богъ, Анфиса Сидоровна, чтобъ далекая да чужая сторона—близкой да родной стала.

Всѣ весело смотрѣли на Ѳедю; а онъ, какъ дѣвушка, покраснѣлъ и глаза потупилъ.

И бабушка смотрѣла на него:

— Воля Божія...

Бабушка ушла, а по заводамъ молніей разнеслось: женятъ наслѣдника. Свадьба, гулянье, женится,—дѣти пойдутъ, обезпечится дѣло, а съ нимъ кусокъ хлѣба тысячамъ.

Проснувшись послѣ обѣда, бабушка позвала не внука, а няню покойнаго своего сына.

Въ низкой комнатѣ, съ большой изразцовой печкой и лежанкой, съ божницей во весь уголъ, со столомъ, покрытомъ скатертью, поверхъ которой стояли теперь самоваръ, сушки, крендели, — пахло травами, лампаднымъ масломъ, свѣчами изъ чистаго топленаго воска, — пахло стариной, милліонами, десятками милліоновъ.

— Ну, садись, слушай,—все тебѣ выложу и суди меня: умно или глупо я сдѣлала дѣло. Первымъ дѣломъ въ Елабугу я поѣхала къ сводному брату. Два дня погостила, — примѣчательнаго ничего, и дальше. Ну, словомъ, Каму изъѣздила, Вятку изъѣздила, Бѣлую,—тамъ-то и вовсе опустѣлъ народъ,—тутъ въ Перми примѣтила одну, хотѣла ужъ было къ ней ѣхать, да все слышу то тутъ, то тамъ—про Кунгуръ мнѣ шепчутъ...

— Коренного благочестія сторона,—вздохнула нянька.

— Дочь лѣсовика. И лѣсамъ счету нѣтъ, и деньгамъ, и сама-то красавица писанная, и семья стараго благочестія, хоть ужъ не очень такъ, не до дикости: дочка, какъ мой же, по городскому одѣвается. Бѣжимъ мы по Камѣ пароходомъ,—я ужъ, значитъ, порѣшила было въ Пермь ѣхать,—снится мнѣ сонъ, что въ лѣсу я. Ели высокія, до неба, мохнатыя, иду я, оглядываюсь, безъ дороги...

— Страсти-то какія!—снова вздохнула нянька.

— А ты слушай, то-ли будетъ еще... Вдругъ прямо на меня медвѣдь, — аграмадный, на заднихъ лапахъ, прямо на меня. Хочу я крикнуть, нѣтъ голоса, а онъ навалился на меня, да мордой тычетъ въ лицо, тычетъ, а морда мохнатая, да мягкая...

— Это къ добру: это свой же домовой по тебѣ соскучился...

— А тутъ человѣчьимъ голосомъ, да, какъ изъ ружья: Ѳедю.

— Вѣщій сонъ...

— Ну, вотъ: пришла я въ себя, стала соображать и проѣхала прямо въ Кунгуръ... Ну, вотъ что я тебѣ скажу: живутъ проще нашего, а капиталовъ тамъ, имущества не меньше, и одна, какъ перстъ Божій... Матрена... Дѣвка — не хуже, какъ я была...

— Ну, быть этого не можетъ...

— Сама увидишь.

— И увижу, не повѣрю: не было и не будетъ красавицы противъ тебя...

— Ну, пустое толкуешь... Высокая, статная, коса, какъ канатъ якорный, шея длинная, кряжистая, лицомъ красавица, брови дугой, глаза сѣрые, — диво, а не дѣвка. Въ баню съ ней ходила, все высмотрѣла. Бедра—во! Тройню и то не крякнетъ, родитъ... Ну, спѣси маленько будетъ, нравъ есть, да вѣдь я не такая ли была? Вахлаку-то нашему только польза. Такъ ужъ во всемъ роду ведется: бабы верховодятъ. Въ одномъ только и верхъ ихъ: и мать его, и я, и мужнина мать—вѣдь все бабы какія? Шеи длинныя, а перебить не можемъ ихъ родъ: какъ ни уродится, опять шея короткая... глядишь: опять къ тридцати пяти годамъ, когда только и жить бы, нальется и лопнетъ, какъ гнилой пузырь.

— Богъ милостивъ,—вздохнула нянька,—новая-то, можетъ, и перебьетъ... Вишь, медвѣдь тебя мялъ, у себя въ лѣсу—вродѣ того, что на свою линію перевернулъ дѣло...

— Дай Богъ, дай Богъ. Ну, что жъ, какъ по твоему: хвалить или ругать меня надо?

— Ну, ругать... этакую умницу: какое дѣло сдѣлала. И своего дѣвать некуда, а тутъ столько же еще, да и пава сама

при томъ... И намучилась же, поди! устали тебѣ нѣтъ... по заводомъ пошла, туда, сюда: какъ молоденькая ровно... Фу, фу, чтобъ не сглазить только...

II.

Внукъ, хоть и зналъ, что бабка ему скажетъ, тѣмъ не менѣе извѣстіе такъ на него подѣйствовало, что не захотѣлъ онъ и къ ребятамъ идти, а прямо отъ бабки прошелъ въ свою свѣтелку, сѣлъ тамъ у окна и задумался.

И зналъ онъ, что все такъ и будетъ, и ждалъ, а какъ случилось, какъ будто и не ждалъ, и не гадалъ. Все сразу перемѣнилось, и онъ самъ словно другой вдругъ сталъ.

Солнце садится хочетъ и точно остановилось вдругъ, и все остановилось, какъ и въ немъ, и сидитъ онъ и, неподвижный, смотритъ, какъ блеститъ въ огняхъ рѣка, какъ загорѣлись прозрачныя тучки въ небѣ, какъ тихо стало и задумалось все вмѣстѣ съ нимъ... Пѣсню гдѣ-то запѣли... Гдѣ онъ слышалъ эту пѣсню? Онъ самъ игралъ ее... Давно. Когда готовился и жилъ у учителя.

Только тогда, когда игралъ онъ ее, былъ вечеръ. Весна была, цвѣли черемуха, сирень. Окна были раскрыты. Темно было въ комнатѣ, только мѣсяцъ свѣтилъ. Онъ игралъ, а племянница учителя Паша стояла передъ нимъ и слушала. Игралъ эту пѣсню, а потомъ свое заигралъ и все смотрѣлъ ей въ глаза, какъ въ ноты, и игралъ.

Онъ умѣлъ играть, игралъ съ дѣтства: единственное его дарованіе.

Звуки лились, наполняли маленькую комнату, вырывались черезъ открытыя окна въ садъ, гдѣ стоялъ май; свѣтлая пыль стояла надъ садомъ, и мѣсяцъ сіялъ жгучій, такой жгучій, что будто таялъ вокругъ него освѣщенный кусочекъ голубого неба.

Онъ пересталъ играть и стало тихо, такъ тихо, что слышно было, какъ билось его сердце... Въ саду щелкалъ соловей, и, какъ пьяный, говорилъ онъ Пашѣ:

— Хорошо ли игралъ я?

Паша тихо отвѣтила:

— Хорошо.

Онъ взялъ ея руки, наклонилъ къ ней лицо и еще тише спросилъ:

— А меня любишь ты? Хочешь быть моей женой?

— Хочу,—шепнула Паша.

На другой день Ѳедя съ разсвѣтомъ укатилъ въ свою деревню и написалъ оттуда два письма: бабушкѣ и Пашѣ.

Бабушкѣ онъ писалъ:

„Дражайшая бабушка, Анфиса Сидоровна! Увѣдомляю васъ прежде всего, что молитвами вашими, слава Богу, нахожусь въ добромъ здравіи. Уѣхалъ же я въ деревню и экзамена не держалъ, такъ какъ всю грудь мою разломило, и доктора стали даже опасаться чахотки и велѣли мнѣ всѣ науки бросить, если не желаю скорой смерти. Такъ, если за ученье надо въ гробъ ложиться, такъ лучше же хоть дуракомъ, да жить на этомъ свѣтѣ. А, впрочемъ, ежели вы непремѣнно настаивать будете, то буду держать экзамены осенью. По хозяйству все благополучно. Сидорычъ орудуетъ здорово и мужикамъ въ обиду себя не даетъ. Я тоже, какъ сумѣю, буду ему помогать. Нижайше кланяюсь вамъ и прошу вашего благословенія и буду ждать здѣсь, въ деревнѣ, вашихъ дорогихъ писемъ. Вамъ извѣстный внукъ вашъ Ѳедоръ Овчинниковъ“.

Второе письмо было къ Пашѣ. Тамъ, между прочимъ, писалъ онъ: „Паша, я люблю тебя и ничего мнѣ другого въ жизни не надо. Я уже знаю, что и ты меня любишь. А любишь, такъ мы женимся и будемъ жить здѣсь въ деревнѣ. Вѣдь черезъ два мѣсяца исполнится мнѣ 18 лѣтъ, и тогда я женюсь, и потомъ ужъ никакая бабушка ничего съ нами подѣлать не можетъ. Эти два мѣсяца надо протянуть только: храни Богъ, чтобъ не узнала бабушка. Я для отвода написалъ ужъ ей письмо: вру тамъ про чахотку и прочую канитель развожу насчетъ ученья. Какое ужъ тутъ ученье, Паша любимая моя, дорогая, когда теленокъ кричитъ сейчасъ—мать зоветъ, а земля зоветъ, чтобъ пахать ее, а мое сердце зоветъ тебя, а въ садъ выйду соловей спрашиваетъ: „гдѣ Паша?“ Съ горя сяду играть и забуду все“.

Написавъ письма, онъ задумался и слушалъ, какъ блеяли овцы, мычали коровы, звонко кричали бабы и ребятишки, шумѣла весенняя вода по оврагамъ, пахло вспаханной землей.

Онъ положилъ письма въ конвертъ и отправилъ ихъ.

И вотъ до сихъ поръ никакого отвѣта отъ Паши. Какъ будто во снѣ все это случилось.

Пропалъ и учитель, и Паша: какъ въ воду канули. Ѣздилъ онъ къ нимъ и въ городъ: уѣхали... Уѣхали куда? Почему? Сначала болѣло сердце и плакалъ онъ, а потомъ изжилось. Бабушка не настаивала больше на ученьи, стала исподволь къ дѣлу пріучать его; началъ онъ съ молодыми приказчиками гулять,—такъ и пошло все своимъ чередомъ. день за днемъ, до сегодняшняго дня, до этой минуты, когда сидитъ онъ и смотритъ въ окно, какъ тамъ за деревьями сада загорается вечерними огнями небо, сверкаетъ красная

точно пожаромъ охваченная рѣка, и стоятъ на далекой горѣ одинокія, будто черныя, деревья. Смотритъ онъ и щемитъ сердце сладко и больно.

III.

Свадьбу сыграли веселую. Денегъ бабушка не пожалѣла, и зажили молодые.

Даже нянька признала, что другой такой красавицы не сыщешь.

Не только нянька, весь городъ кричалъ о красотѣ молодой.

Ея богатство, брилліанты, наряды еще сильнѣе подчеркивали эту красоту. И вездѣ она была желанной гостьей, щедрой благотворительницей, замкнутая въ себѣ, загадочная. Рядомъ съ нею шагалъ добродушный, толстый, молодой увалень, ниже ея ростомъ—ея мужъ.

Какъ относилась она къ нему? Онъ благоговѣлъ передъ ней,—это всѣ видѣли, а что она къ нему чувствовала, того никто, даже сама бабушка не знала.

Бабушка, пытливо наблюдавшая свою невѣстку-внучку и дома, и въ обществѣ, качала головой и говорила своей наперсницѣ:

— Умная, загадка-дѣвка, недотрога. И думаю: Ѳедюшкѣ за ней горя не вѣдать.

Третій годъ проходилъ, а дѣтей у молодыхъ не было. Бабушка тоскливо думала: „еще нѣсколько лѣтъ, и лопнетъ Ѳедюшка — тогда что-жъ? Конецъ всему? Всѣ эти фабрики заводы, все, что столѣтнимъ трудомъ наживалось, копилось,— пойдетъ прахомъ... Чужимъ достанется? И само имя ея унесетъ время, какъ вѣтеръ уноситъ засохшій листъ. И эта мысль буравила бабушку и холодомъ могилы охватывала ее. Всѣ средства, какія знала, испробовала она; съ кѣмъ ни совѣтовалась—ничего не помогало. Жаловалась она нянькѣ:

— Эхъ, захватило меня всю это дѣло. И чую: либо я его сломлю, либо оно меня въ гробъ загонитъ. Какія, казалось, дѣла были, шутя распутывала, а съ этимъ, что больше думаю, то больше запутываюсь!

— Вижу, вижу, что сохнешь ты,—тяжело вздыхала нянька.

Еще прошло нѣкоторое время, и бабушка рѣшилась.

Она позвала къ себѣ невѣстку, усадила ее въ кресло, заперла плотно дверь и заговорила:

— Слушай, дѣвка, полюбила я тебя, какъ дочку. Всѣмъ ты взяла, всѣмъ ты угодила мнѣ,—всего моего богатства наслѣдница—ты. Но что-жъ ты внука мнѣ не даешь? Внука

хочу... Хочу внука! Откуда хочешь бери! Поѣзжай съ мужемъ на богомолье, поѣзжай, куда хочешь... Внука, внука мнѣ! Слушай: ты дѣвка умная. Вотъ какое дѣло стряслось разъ. Разскажу тебѣ то, что и попу на исповѣди не разсказывала. Запутался мой покойный мужъ. И не велики деньги, да къ сроку, — банковъ всякихъ не было еще тогда,—выходило полное разореніе. На восемьсотъ тысячъ векселей, завтра платить, а платить нечѣмъ. А была я въ свое время не хуже тебя, дѣвка, и знала себѣ цѣну, и того старика знала, у котораго тѣ векселя. Вечеръ пришелъ, ничего не придумали, значитъ, позоръ. Вотъ передъ этими самыми образами упала я на колѣни, помолилась, накинула платочекъ, да никому ни слова не сказавъ...

Бабушка наклонилась къ молодой дѣвушкѣ и шепотомъ прохрипѣла:

— Всѣ векселя и сейчасъ вонъ въ томъ комодѣ... Вотъ какъ я спасла состояніе роду... а теперь самый родъ надо спасать. Ужъ такъ, видно, на этомъ роду и написано, чтобы онъ бабами держался.

Бабушка кончила, а невѣстка, неподвижная, съ опущенными глазами, какъ статуя, слушала и молчала. Отъ ея молчанія бабушкѣ стало жутко и холодно.

— На богомолье поѣду, — наконецъ, сказала она, встала и вышла.

Бабушка растерянно сметала крошки со стола, подходила къ образамъ, оправляла лампадки, смотрѣла изъ окна на рѣку, на которую больше полувѣка смотрѣла, и мучительно рылась въ своихъ мысляхъ. Лучше или хуже вышло и что тамъ въ скрытной душѣ ея внучки таится?

IV.

Большой волжскій пароходъ готовился къ отплытію внизъ по рѣкѣ. Въ рубкѣ перваго класса сидѣла бабушка, провожавшая своихъ молодыхъ въ дорогу. Забрались на пароходъ спозаранку. У молодыхъ былъ попутчикъ: ѣхалъ въ свое имѣнье товарищъ внука, Петръ Маркеловичъ Сапожковъ. Тоже изъ купцовъ, изъ богатыхъ, на своихъ ногахъ уже,— весельчакъ и кутила, которому бабушка потому многое спускала, что росъ онъ вмѣстѣ съ Ѳедюшкой и въ дѣтствѣ, бывало, не выходилъ изъ ея дома.

Съ Сапожковымъ ѣхали еще двое, тоже попутчики: актеръ и актриса. Актриса ушла въ каюту, а актеръ разговаривалъ съ Сапожковымъ. Бабушка, какъ увидала актера, такъ и впилась въ него глазами: такого молодца еще и не видывала она.

Бритый актеръ, высокій, статный красавецъ, одѣтый съ иголочки, съ римскимъ носомъ, красиво изогнутымъ ртомъ, говорилъ Сапожкову снисходительно мягкимъ баритономъ:

— Пойми-же: совершенно невозможно...

— Нѣтъ, ужъ если ты пріятель,—настаивалъ Сапожковъ,— то ты прямо говори, почему не можешь заѣхать ко мнѣ въ имѣнье?

Актеръ съ высоты своего роста снисходительно смотрѣлъ на красиваго, но не вышедшаго ростомъ Сапожкова, и, усмѣхаясь, говорилъ:

— Чудакъ ты, и между пріятелями не все говорится.

— Почему не все?—Сапожковъ замѣтилъ пытливый взглядъ бабушки, обращенный на актера, скорчилъ лукавую физіономію и сказалъ въ полголоса актеру:

— Видишь эту старушку: эта молодая за ея внукомъ... Теперь два капитала ихъ соединились, — всего милліоновъ шестьдесятъ.

Актеръ потерялъ на мгновеніе свое величіе и даже пригнулся къ Сапожкову:

— Не можетъ быть?! Что жъ они дѣлаютъ съ деньгами?

— Ты думаешь,—глаза имъ протираютъ?

— Ты за правило, любезный, разъ на всегда возьми себѣ: думать только за себя. Я спрашиваю тебя: что они съ деньгами дѣлаютъ?

— Что дѣлаютъ? Они сами по себѣ, а деньги сами по себѣ. Деньги работаютъ. Фабрики, заводы, имѣнья, лѣсное дѣло: оборотъ большой, денегъ много надо.

— М-да, это значитъ, не наличными?

— И наличными нѣсколько милліоновъ найдется.

Актеръ вздохнулъ и равнодушно отвѣтилъ:

— И это недурно.

— Ты-бы ихъ живо пристроилъ?

— М-да... въ сторожа къ своимъ деньгамъ во всякомъ случаѣ не нанялся-бы...

— Ха-ха-ха... Актеръ, такъ актеръ и есть: сразу такое слово скажетъ, что какъ бритвой... Чикъ—и нѣтъ бороды, чикъ еще—и усовъ нѣтъ, третій чикъ—и милліоны туда-же.

И Сапожковъ заливался веселымъ смѣхомъ.

Актеръ смотрѣлъ на него снисходительно, смѣялся мелкимъ „хе-хе-хе“ и говорилъ:

— Веселый ты человѣкъ,—ей Богу...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты смотри, какъ бабушка тебя мѣряетъ: я къ ней побѣжалъ.

Онъ съ эффектомъ опустился въ кресло около бабушки, ушелъ совсѣмъ въ кресло и даже ногу за ногу заложилъ.

Ѳедя съ женой сидѣли поодаль. Ѳедя робко, съ слегка

открытымъ ртомъ почтительно слѣдилъ за товарищемъ и старался угадать, о чемъ онъ говоритъ съ бабушкой.

— Что за человѣкъ будетъ? — спрашивала бабушка Сапожкова, указывая на актера.

— Столичныхъ театровъ артистъ, Анфиса Сидоровна, и талантъ! Цвѣтами его засыпали. Сколько подарковъ...

— Ну, это тамъ его дѣло. Онъ, что жъ, по облику ровно не русскій: темный съ лица?

— А не знаю я... Да можно самого его спросить... Эй, Александръ Николаевичъ, пожалуйста,—а на движеніе бабушки, Сапожковъ успокоительно отвѣтилъ кивкомъ головы и шепотомъ прибавилъ:—мы съ нимъ дружки, на „ты".

Въ это время подошелъ Александръ Николаевичъ Сильвинъ.

— Вотъ, позволь тебѣ представить... это—бабушка моего товарища; Анфиса Сидоровна интересуется, откуда ты родомъ.

— Вамъ угодно знать мою родословную?

Въ это время вышла миловидная актриса Марья Павловна Львова, и Сапожковъ, бросивъ скороговоркой Сильвину: „садись на мое мѣсто", побѣжалъ къ ней.

Сильвинъ, сѣвъ въ кресло, какъ актеры сидятъ на сценѣ, когда изображаютъ воспитанныхъ изъ общества людей, говорилъ бабушкѣ:

— Э-э... изволите-ли видѣть, моя фамилія, сударыня, собственно: Сильва... Э-э,—онъ выдвинулъ нижнюю губу,—я происхожу изъ венеціанской семьи маркизовъ Сильва... Вы изволили быть въ Венеціи?

Бабушка сдвинула брови:

— Это гдѣ-же?

— Это далеко отсюда, не въ русской землѣ... Можетъ быть, изволили слышать: венеціанскія кружева?

— Однимъ ухомъ слыхала.

— Ну, вотъ... кромѣ кружевъ, тамъ есть дворецъ Дожей, въ немъ портреты всѣхъ дожей... Вотъ одинъ изъ моихъ предковъ и виситъ тамъ...

— Его за что-же это?

— Э-э... онъ велъ очень удачную войну... съ маврами...

— Въ этомъ городѣ какой-же народъ живетъ?

— Итальянцы.

— Вы изъ нихъ и будете?

— Собственно, мать моя изъ стариннаго русскаго рода... Э-э... И ростомъ съ меня... сейчасъ жива, бабушка еще жива... я, конечно, уже русскій. Крестилъ меня русскій попъ. Ну, самъ я хоть въ церковь и не хожу, но всетаки православный.

— Что-жъ? Въ той сторонѣ все такой же, какъ вы, народъ?

— То есть какъ?

— Такой же крупный?

— Э-э, какъ вамъ сказать... Тутъ, знаете, много значитъ разная порода. Такія дѣти всегда будутъ и здоровѣе, и крѣпче.

Бабушка вспомнила о своихъ коровахъ, выписанныхъ изъ Англіи, объ отличномъ приплодѣ отъ нихъ, который продавала по сто рублей за трехмѣсячнаго теленка, и сказала:

— Это ты вѣрно говоришь... А далеко изволишь ѣхать?

— Въ Ростовъ. Но хочу по Волгѣ прокатиться.

— Вотъ и мои тоже внизъ бѣгутъ.

— А... По дѣлу?

— На Илекъ — къ старцамъ... по дѣтскому дѣлу... не даетъ Богъ дѣтей.

— Гм... Странно: молодые, красивые люди...

— Вотъ, поди ты... Не даетъ Господь... Не помогутъ ли старцы.

Александръ Николаевичъ покосился на бабушку, хотѣлъ было сказать какую-то пошлость, но только вздохнулъ и замѣтилъ:

— Жалѣю, что я не старецъ.

— А что?

— Тоже молился бы, чтобъ такой красавицѣ Богъ дѣтей далъ... Вотъ зоветъ меня Петръ Маркеловичъ къ себѣ въ имѣніе. Имѣніе у него хорошое?

— Плохо ли имѣніе: въ одномъ паркѣ заблудиться можно, оранжереи, персики, ананасы свои.

— Хорошо бы и вашимъ молодымъ заѣхать передъ богомольемъ повеселиться.

— Ихъ дѣло, — сухо отвѣтила бабушка, — если позоветъ Петръ Маркелычъ, да надумаются они...

Петръ Маркеловичъ ушелъ на корму съ Марьей Павловной, гдѣ ихъ и нашелъ Сильвинъ.

— Вы ужъ извините, Марья Павловна, если мы васъ оставимъ на минутку,—проговорилъ Сильвинъ, отводя Сапожкова въ сторону.

— Я ужъ все заказалъ и шампанское велѣлъ заморозить,— началъ было Сапожковъ.

— Не въ этомъ дѣло, — перебилъ его Сильвинъ, — я бабушкѣ сказалъ, что ѣду къ тебѣ; тутъ молодые подошли, и, по моему, какъ-то неловко выйдетъ, если ты и ихъ не пригласишь.

— Ахъ, я телятина! Бѣгу...

— Постой. Видишь: ты тогда спрашивалъ меня, почему я не могу заѣхать... Я не хотѣлъ было говорить... Дѣло въ томъ,

что у меня въ Саратовѣ назначено свиданіе съ однимъ господиномъ, который долженъ мнѣ передать двѣ тысячи... Э... э... ты понимаешь: человѣкъ онъ ненадежный, — сегодня есть у него деньги, а завтра не будетъ. Не пріѣду я въ назначенный срокъ,—рискую остаться безъ денегъ.

— Такъ тебѣ дать ихъ, что ли?

— Въ такомъ случаѣ, дай.

— Такъ бы и сказалъ: дамъ, конечно. На какой срокъ?

— Ну, полгода.

— Идетъ... Побѣжалъ я звать молодыхъ.

Сильвинъ же подсѣлъ къ Марьѣ Павловнѣ, положилъ свою широкую руку на ея и сказалъ:

— Моя дорогая, вы мнѣ можете очень и очень помочь... Э-э... дѣло въ томъ, что этотъ Сапожковъ соглашается ссудить меня двумя тысячами... Эта сумма дала бы намъ возможность послѣ Ростова побывать за границей. Какъ вамъ улыбается эта перспектива?

— Очень.

— И прекрасно. Но для этого оказывается необходимымъ заѣхать къ нему въ деревню, такъ какъ онъ, какъ настоящій сынъ своего народа, деньги, очевидно, въ кубышкѣ держитъ или въ какомъ-нибудь старомъ голенищѣ. Что дѣлать! Потеряемъ сутки... Имѣніе, говорятъ, у него къ тому же прекрасное.

Сильвинъ ласково сжалъ руку Маріи Павловны и, глядя куда-то вдаль, бросилъ:

— Будьте съ нимъ поласковѣе.

Но Марья Павловна такъ энергично спросила: что это значитъ?—что Сильвинъ поспѣшилъ прибавить обиженно:

— О, Господи, да рѣшительно ничего не значитъ... Ну, вниманіе, разрѣшеніе поцѣловать руку, ну... э-э... создать иллюзію человѣку...

И уже совсѣмъ тихо и брезгливо прибавилъ:

— Не будемъ же хоть мы изображать изъ себя мѣщанскій типъ мужа и жены: кому надо знать о нашихъ отношеніяхъ? Вы знаете, какого я мнѣнія объ этомъ: всякая огласка только пошлитъ, это должно быть такъ же сокровенно, какъ человѣческая мысль. А такой флиртъ только отвлечетъ...

— Ну, согласна...

Онъ поцѣловалъ ей руку и всталъ, потому что сверху несся уже третій свистокъ.

Бабушка, грустная, уже сходила на конторку.

— Не хотятъ мои ѣхать,—пожаловалась она Сильвину.

— Можетъ быть, еще уговоримъ. Во всякомъ случаѣ, прощайте, милая бабушка, я буду очень радъ и счастливъ когда-нибудь еще разъ встрѣтиться съ вами... Я простой чело-

вѣкъ и откровенно вамъ скажу, что въ первый разъ вижу такой типъ... э-э... такой типъ человѣка старыхъ устоевъ... Ну, дай же Богъ вамъ всего хорошаго: чтобы ваши заводы работали безъ перерыва и вдвое; коровы давали молока... ну, бочками тамъ, что ли; чтобы радовали васъ ваши внуки, правнуки, праправнуки...

— Ну, этакъ ты меня заговоришь, и я останусь на пароходѣ. Хорошимъ людямъ и мы рады, хоть ты тамъ и вышелъ не изъ русской земли...

— Вездѣ Богъ и вездѣ люди,—говорилъ своимъ ровнымъ баритономъ Сильвинъ въ догонку бабушкѣ.

Бабушка стояла уже на конторкѣ, и напряженная неотступная мысль буравила ея голову. Она глубоко вздыхала.

— О чемъ еще можетъ вздыхать эта женщина?—говорилъ Сильвинъ, обращаясь въ это время къ Сапожкову. — Все судьба дала ей. Воображаю ее въ молодости.

— Вотъ такая-же была, какъ теперь внучка.

— О, внучка это—прямо чудо природы. Какое сочетаніе величія, женственности, красоты. И кто-бъ могъ думать, что изъ этихъ дикихъ лѣсовъ можетъ выдти такая фея. Я смотрю на нее и чувствую запахъ, ароматъ, свѣжесть этого лѣса... (Онъ возвысилъ голосъ)...—въ майское яркое утро, когда еще роса сверкаетъ на листьяхъ, и нѣга кругомъ, и лучи золотой пылью осыпаютъ тамъ дальше непроходимую чащу, полную чаръ, манящихъ, невѣдомыхъ, полныхъ таинственной загадочности. О, съ ума можно сойти!

Онъ повернулся къ Матренѣ Карповнѣ и сказалъ восторженно:

— Я удивительно люблю ваши лѣса, я обожаю ихъ! Я готовъ дни, ночи напролетъ ходить тамъ, думать, Богъ вѣсть, о чемъ, мечтать. Удивительно! Вамъ не совсѣмъ хорошо видно: съ тѣхъ мостковъ вы лучше увидите.

Матрена Карповна поднялась съ Сильвинымъ по мосткамъ. Тамъ, на верхней палубѣ стояли они одни, высоко надъ всѣми, надъ всей рѣкой, спокойной и плавной, надъ маленькой конторкой, уже исчезавшей за поворотомъ, гдѣ была еще бабушка и крестила ихъ двуперстнымъ крестомъ.

V.

Обѣдали, шампанское пили, тосты провозглашали.

Александръ Николаевичъ былъ въ ударѣ: декламировалъ, разсказывалъ въ лицахъ и, по обыкновенію, овладѣлъ общимъ вниманіемъ.

Разошлись до того, что послѣ обѣда Сильвинъ и Сапож-

ковъ стали прыгать черезъ стулья. Сперва прыгали черезъ одинъ, а потомъ поставили стулъ на стулъ. Сильвинъ перепрыгнулъ, а Сапожковъ вмѣстѣ со стульями полетѣлъ на полъ.

Пока обиженный Сапожковъ, растирая себѣ ногу, стоялъ у окна, Марья Павловна упрекала Сильвина.

— Но откуда-же я зналъ?—говорилъ онъ съ своей обычной интонаціей.—Онъ - же говорилъ, что бралъ уроки гимнастики.

Это обстоятельство на время разстроило компанію. Сапожковъ ушелъ къ себѣ въ каюту, ушла и Марья Павловна, а Ѳедя сѣлъ за рояль. Стоило ему только дотронуться до клавишей, какъ полились звуки, и Ѳедя по обыкновенію забылъ все на свѣтѣ.

— Какой, однако, онъ у васъ артистъ,—замѣтилъ Сильвинъ, присаживаясь возлѣ Матрены Карповны.

Вышла Марья Павловна. Сапожковъ появился, и всѣ вмѣстѣ съ Матреной Карповной и Сильвинымъ ушли на палубу.

Ровно, усыпляя, шумѣлъ пароходъ и мчалъ внизъ по теченію. Проносились берега, покрытые лѣсомъ; гористыя, далекіе поля, какъ шахматныя доски съ черными, зелеными, бѣлыми и желтыми шашечницами. Въ высокой синевѣ парилъ орелъ, а изъ открытыхъ оконъ рубки неслись нѣжные звуки мелодичной фантазіи молодого артиста.

Онъ игралъ и машинально смотрѣлъ въ окна, какъ вдругъ глаза его остановились и дыханіе захватило въ груди.

Онъ увидѣлъ Пашу.

Паша, живая, стояла передъ нимъ и смотрѣла, какъ смотрѣла тогда, въ тотъ вечеръ.

Руки задрожали у Ѳеди, онъ сбился было, но, пригнувшись къ роялю, опять заигралъ, не отрывая больше своихъ глазъ отъ клавишей.

А мысли, воспоминанія бурно, съ необычной быстротой проносились въ его головѣ.

Паша... Откуда она взялась? И какъ смотрѣла! Какъ бы съ ней хоть словомъ-другимъ перекинуться, узнать, по крайней мѣрѣ, что такъ и осталось для него навсегда загадкой?

Пароходъ, между тѣмъ, уже подходилъ къ пристани, гдѣ надо было сходить Сапожкову, и они вдвоемъ съ Сильвинымъ усердно уговаривали Матрену Карповну согласиться и поѣхать въ имѣнье.

— Ну, вотъ что,—настаивалъ Сапожковъ,—хоть на минуту заѣзжайте: пароходъ два часа стоитъ, а усадьба отъ города и версты не будетъ, да до города не больше трехъ. Вотъ и лошади,—на этой тройкѣ тридцать верстъ въ часъ уѣдешь

Ну, ради Бога, ну, я на колѣни встану: Матрена Карповна, голубушка. Царица милостивая!

Сапожковъ дѣйствительно упалъ на оба колѣна и обѣ руки поднялъ къ небу.

— Я тоже готовъ умолять.—И Сильвинъ картинно уже опускался на одно колѣно, когда Матрена Карповна милостиво изъявила свое согласіе. Сапожковъ со всѣхъ ногъ бросился къ Ѳедѣ.

Сапожковъ возвратился скоро и принесъ удивившій всѣхъ отвѣтъ: „поѣзжайте сами, играть хочу".

— Что-жъ, господа, — сказалъ Сильвинъ, оглядывая всѣхъ: — не будемъ безжалостны: надо войти въ положеніе артиста: эти муки и радости, — то, чѣмъ живемъ мы, — онъ такъ чудно передаетъ звуками, что ему грѣхъ мѣшать.

VI.

Ѳедя остался одинъ на пароходѣ и, играя, опять смотрѣлъ въ окно. Но Паша больше не подходила.

Онъ пересталъ играть и всталъ.

Солнце сѣло. День кончился, но свѣтъ электрическихъ лампочекъ еще борется съ послѣдними отблесками вечерней зари. Въ противоположномъ зеркалѣ отражается берегъ рѣки, охваченный блѣднымъ замирающимъ просвѣтомъ запада, но изъ окна на югъ уже глядитъ синяго бархата темный вечеръ, теплый, мягкій.

Ѳедя вышелъ на палубу.

Онъ шелъ и внимательно всматривался въ сидящихъ на скамейкахъ. Онъ издали узналъ Пашу и долго стоялъ, не рѣшаясь подойти.

— Здравствуйте, — чуть слышно раздалось надъ ухомъ Паши.

Она повернулась къ нему, онъ подсѣлъ, и такъ же, какъ шесть лѣтъ тому назадъ, они опять сидѣли вмѣстѣ и, казалось, никогда не разлучались.

Ѳедя узналъ то, что было для него до сихъ поръ загадкой. Онъ перепуталъ тогда письма: бабушкино получила Паша, а Пашино—бабушка. На другой же день тогда къ нимъ пріѣхала сама бабушка, долго говорила съ дядей и черезъ два дня, когда они уѣхали изъ города, дядя сказалъ Пашѣ, что Ѳедя отказался отъ нея.

Ѳедя слушалъ, наклонивъ голову, и, когда Паша кончила, онъ не зналъ, о чемъ говорить... Все сдѣлано, онъ женатъ уже,—и такой далекой казалась Паша въ своей скромной шляпкѣ, темномъ платьѣ. Къ тому же, каждую минуту могла пріѣхать жена...

— Эта высокая красавица—ваша жена? Дай Богъ вамъ счастья.

Но что это? Пароходъ уже отходитъ. Онъ бросился въ рубку, въ каюту — жены нѣтъ. Онъ выбѣжалъ опять на палубу: знакомые голоса кричали ему съ конторки.

Это они: жена, Сапожковъ, актеры. Они кричали ему, что опоздали; кричали, чтобы со слѣдующей пристани онъ ѣхалъ назадъ и тогда къ четыремъ часамъ ночи пріѣдетъ, что лошади будутъ ждать его у пристани, что захватилъ бы вещи актеровъ; еще что-то кричали, но онъ не слышалъ, потому что колеса уже хлопали по водѣ, и махина - пароходъ съ сотнями разноцвѣтныхъ глазъ въ мягкой синевѣ ночи уже уползалъ на средину рѣки.

VII.

Компанія на берегу опять сѣла въ экипажи и уѣхала назадъ въ усадьбу. Тамъ ждали ихъ съ ужиномъ, съ иллюминаціей; горѣли въ саду и въ паркѣ фонари, жгли костры, и громадная усадьба, казалось, поднялась на воздухъ и качалась тамъ, въ волнахъ свѣта и дыма.

— Но это очаровательно, это волшебно,—говорилъ Сильвинъ, стоя въ красивой позѣ на террасѣ.—Господи, какъ живутъ здѣсь люди! Боже, какъ живутъ! Даже страшно подумать.—И онъ сдѣлалъ страшные глаза и картинно поднялъ руки.

Тутъ же на террасѣ и ужинали.

За ужиномъ снова пили шампанское и говорили тосты.

Говорилъ все тотъ же Сильвинъ.

— Я уже сказалъ двадцать тостовъ и, право, не знаю, милостивыя государыни и милостивые государи, что еще сказать, чего еще можно пожелать счастливому обладателю этого волшебнаго замка... Я желаю развѣ, господа, чтобы настало, наконецъ, время, чтобы въ такихъ же замкахъ жила бы вся Русь.

— Ура, ура!—кричалъ захмѣлѣвшій Сапожковъ. — Уважилъ... Спасибо тебѣ! Спасибо: русскаго человѣка не забылъ! Господа, еще разъ за здоровье высокоталантливаго артиста!

Онъ обнималъ за шею Сильвина, и тотъ, снисходительно мыча, наклонялся къ нему и лобызался.

— А теперь, Александръ Николаевичъ, благодѣтель, еще что-нибудь разскажи,—приставалъ къ нему Сапожковъ.

— Кажется, все уже...

— Ну, все! Сто лѣтъ будешь говорить,—всего не перескажешь...

— Гм... Ты думаешь...

Сильвинъ задумался.

— Ну, уважь, пожалуйста!

— Изволь... Но я впередъ прошу извиненія у дамъ. Можетъ быть, онѣ извинятъ меня, принявъ во вниманіе количество выпитаго; можетъ быть, если будутъ терпѣливы и дослушаютъ до конца, убѣдятся въ чистотѣ моихъ намѣреній. Во всякомъ случаѣ, я разсчитываю на снисхожденіе... Я разсчитываю на то, наконецъ, что завтра мы разстанемся и, можетъ быть, навсегда. При такихъ условіяхъ, люди иногда охотнѣе открываютъ другъ другу свои души. Душа—та-же книга... Раскрыть ее, перелистать нѣсколько страницъ... Если собранію не наскучило, я предлагаю разсказать одну изъ такихъ страницъ моей жизни, безъ лжи, а такъ, какъ это дѣйствительно случилось. Это вѣдь только и интересно, а не фантазія писателя: самая яркая изъ нихъ ничего не стоитъ передъ оригиналомъ всякой фантазіи—жизнью... Я ѣхалъ однажды на пароходѣ. Я не старикъ, господа, нѣтъ: я клеветалъ бы на себя, если бы утверждалъ противное, но тогда я былъ еще моложе... Подъ вечеръ на одной изъ пристаней сѣла дама, — молодая, интересная. Это вѣдь сразу чувствуется. Въ эту даму я влюбился мгновенно, послѣ перваго взгляда. Влюбился безумно, и вотъ почему я всегда смѣюсь, когда читаю, что влюбиться можно, во-первыхъ, не иначе, какъ исписавъ нѣсколько печатныхъ листовъ, и, во вторыхъ, только послѣ выясненія всѣхъ вопросовъ по части этики, политики и соціологіи. Человѣчество, конечно, всегда создавало и будетъ создавать барьеры для любви, а любовь всегда брала и будетъ брать эти барьеры, и я тоже влюбился, не справляясь, какъ это тамъ понравится маменькѣ, пріятелю, наукѣ или религіи. Мнѣ помогъ познакомиться съ ней случай. А можетъ быть, и что-нибудь другое: я фаталистъ,—вѣрю въ предопредѣленіе... Вѣтромъ сдуло ея шляпу въ рѣку, и я не долго думая, если не вру, кинулся за этой шляпой, да, да... Это было ужасно, я выкупался, но шляпу поймалъ, хотя едва, едва не утонулъ. Послѣ этого ей нельзя было не познакомиться со мной: я переодѣлся, и мы провели одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, который, какъ и переживаемый нами, не забываются: чудный вечеръ... И вотъ чѣмъ еще былъ замѣчателенъ тотъ вечеръ: онъ подтвердилъ то, что тогда было для меня только предположеніемъ, а теперь фактомъ. Дѣло въ томъ, что общеніе людей идетъ двоякимъ путемъ: путемъ нашихъ словъ, жестовъ,—внѣшнимъ путемъ, и другимъ, внутреннимъ, въ которомъ мы не вольны. И вотъ, до чего эти внутри насъ сидящіе договорятся, это мы узнаемъ по нашимъ непроизвольнымъ дѣйствіямъ. Такъ, когда мы разо-

шлись въ тотъ вечеръ, я ушелъ къ себѣ и долго сидѣлъ, смотря въ окно. А потомъ какая-то сила вдругъ подняла меня, и я пошелъ: я зналъ, что дверь ея каюты не будетъ заперта... Я прошу извиненія: я слишкомъ долго говорилъ и неудачно —это я самъ чувствую, — но цѣль всего этого разсказа та, чтобы предложить, милостивые государыни и государи, еще одинъ тостъ,—тостъ, которымъ я всегда кончаю тѣ пиршества, гдѣ участвую. Господа, я предлагаю тостъ за женщину!

— Ура! Ура!—кричалъ Сапожковъ.

— А затѣмъ, повторяя слова Пруткова: если у тебя фонтанъ, то заткни и его, потому что и ему надо отдохнуть,—я умолкаю и не скажу больше ни слова,—объявилъ Сильвинъ.

— Да, пора спать,—сказала Марія Павловна.

— Ну, такъ рано,—запротестовалъ было Сапожковъ, но Сильвинъ перебилъ его:

— Дамы, дѣйствительно, устали. А мы съ тобой проводимъ дамъ до ихъ апартаментовъ и воротимся назадъ.

Такъ и сдѣлали.

Сапожковъ настоялъ, чтобы Сильвинъ на прощаніе продекламировалъ еще что-нибудь. Послѣ долгихъ отказовъ Сильвинъ задумчиво сталъ тереть лобъ рукой.

— Чудную вещь я собираюсь поставить въ свой бенефисъ... Не помню только...

— Что помнишь!

— „Но Беатриче, что-жъ я дамъ тебѣ?..“ Нѣтъ, забылъ...

— Ну, ради Бога!

— ...Случится, можетъ быть, что у тебя родится сынъ.
Такъ знай же: коль это счастье улыбнется намъ,
Ему я все завѣтное отдамъ.
О, да! О Боже мой, чѣмъ глубже погружюсь
Я взоромъ въ тайну прелести твоей...

— Нѣтъ, не могу.

Сильвинъ быстро поцѣловалъ руку Матрены Карповны, такъ быстро, что она не успѣла отдернуть свою и только вспыхнула вся, и также быстро ушелъ на террасу.

За нимъ пришелъ и Сапожковъ.

Разговоръ не клеился.

— Деньги мнѣ сегодня дашь?—спросилъ Сильвинъ.

— Нѣтъ, ужъ завтра: у приказчика надо взять, а онъ, пожалуй, спитъ уже.

— Вексельный бланкъ у тебя найдется?

— Найдется.

— Ну, прощай, отведи меня въ мою комнату.

Сапожковъ проводилъ и на прощанье еще разъ расцѣловался съ Сильвинымъ.

— И засну-же я сладко,—говорилъ Сильвинъ, потягиваясь и провожая глазами идущаго по корридору хозяина.

— Охъ, и я!—весело отвѣтилъ Сапожковъ и, поворачивая за уголъ, послалъ рукой поцѣлуй Сильвину:—прощай!

Проснувшись на другой день, Сильвинъ долго лежалъ съ закрытыми глазами.

Затѣмъ онъ сталъ ждать, не придетъ ли кто-нибудь, не принесутъ ли ему кофе, которое онъ привыкъ пить, лежа въ кровати, и въ это время думать о чемъ придется. Но никто не являлся, и приходилось вставать безъ кофе.

Отъ вчерашняго шампанскаго немного болѣла голова.

Умывальникъ былъ очень плохой, съ тоненькой трубочкой, изъ которой едва выбивалась слабая струйка воды.

Вода пахла и ее оказалось очень мало. Мыло тоже не пришлось по вкусу Сильвину: яичное. И платье не было вычищено. Замѣняя щетку рукой и ворча, Сильвинъ кое-какъ одѣлся, вышелъ въ корридоръ и, подойдя къ комнатѣ Маріи Павловны, постучался.

— Вы?

— Я.

Замокъ щелкнулъ, и Сильвинъ вошелъ.

— Вообразите, сегодня ночью кто-то подходилъ къ моей двери, трогалъ ручку...

— Н... да...—неопредѣленно промычалъ Сильвинъ и, уныло оглядываясь, прибавилъ:—ну, я боюсь, что кофе намъ сегодня не придется пить... во всякомъ случаѣ, надо повидать хозяина.

Сильвинъ вышелъ въ корридоръ и оттуда прошелъ въ комнату хозяина.

Сапожковъ лежалъ въ кровати, пилъ содовую воду и думалъ о чемъ-то.

Гость и хозяинъ поздоровались сухо.

— Я хотѣлъ бы съ Маріей Павловной уѣхать по желѣзной дорогѣ: поѣздъ, кажется, черезъ два часа уходитъ?

— Кажется. Что жъ, лошадей?

— Пожалуйста, кстати то, что ты вчера обѣщалъ?

Сапожковъ не сразу отвѣтилъ. Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ, посмотрѣлъ въ окно, нехотя зѣвнулъ, и сказалъ:

— Да, вотъ получилъ телеграмму: дѣло, на которое разсчитывалъ, не вышло. А пока не вышло, и я дать не могу, потому что могутъ понадобиться и самому деньги.

Сильвинъ всталъ и, угрюмо сдвинувъ брови, сказалъ:

— Но мнѣ вчера было дано опредѣленное обѣщаніе: я же объяснялъ, въ чемъ дѣло.

— Что-жъ дѣло? Росли бы у меня въ саду деньги, какъ

цвѣты,—пошелъ бы да нарвалъ. Дѣло коммерческое, — не вышло, о чемъ говорить?

Сильвинъ помолчалъ.

— Такъ нельзя ли, по крайней мѣрѣ, распорядиться на счетъ лошадей?

Сильвинъ пошелъ къ двери.

— Сегодня не вышло, завтра можетъ выйдетъ, до завтра подожди.

— Я сегодня ѣду и сейчасъ же, — ледянымъ голосомъ, не останавливаясь, отвѣтилъ Сильвинъ.

Онъ заглянулъ къ Марьѣ Павловнѣ:

— Поторопитесь одѣваться: мы сейчасъ ѣдемъ на вокзалъ.

— А вещи?

— Вещи пріѣхали.

Когда Сильвинъ съ Маріей Павловной вышли на подъѣздъ, они увидали плетушку, запряженную парой клячъ.

— Это что?

— Экипажъ для васъ.

— Э-э... не нужно... Вотъ что, любезный, вотъ тебѣ рубль, сбѣгай на село, найми тамъ лошадей, пусть положатъ эти вещи и догонятъ насъ: мы пѣшкомъ пойдемъ къ вокзалу. Дорога та, по которой пріѣхали?

— Та...

Они подъ руку пошли пѣшкомъ.

Они шли паркомъ. Было утро,—ароматное, свѣжее. Солнце играло уже на дорогѣ, пробиваясь сквозь листву деревьевъ, и дальше туда, гдѣ на лужайкахъ, покрытыхъ сочной зеленой травой, еще была тѣнь и прохлада.

Марья Павловна прижималась къ своему спутнику и восторженно говорила:

— Какое чудное утро, какъ хорошо здѣсь: рай!

— Да, и этотъ рай принадлежитъ какому-нибудь огрызку мысли и чувства, а мы съ тобой, которымъ рукоплещетъ и поклоняется толпа—мы, какъ Адамъ и Ева, уходимъ изгнанниками.

— Маленькая разница на этотъ разъ: Ева, изгоняемая до вкушенія запрещеннаго плода, но результатъ, впрочемъ, тотъ же: изгнали.

— Сами изгоняемъ себя...

Наемная пара нагнала ихъ у самаго города.

Когда Сильвинъ и Марья Павловна сѣли, ямщикъ съ веселымъ лицомъ, вздернутымъ носомъ обратился къ нимъ:

— У Сапожкова въ гостяхъ, видно, были?

— Н-да...

— Ужъ такой негодяй, — сплюнулъ ямщикъ, подбирая

возжи, — такой сквалыга, не накажи Господь. На вокзалъ, что-ль?

— На вокзалъ.

— Но!.. Деньги въ срокъ за землю ему не принесешь, сейчасъ къ земскому, — неустойку, да судебныя издержки... Скотина ступитъ на его землю,—опять три рубля штрафу... Такой негодяй...

Онъ помолчалъ:

— А ужъ на счетъ дѣвокъ... гдѣ только застукаетъ...

— Ну, дальше можешь не распространяться. Погоняй: хорошо получишь.

VIII.

Три мѣсяца ѣздили молодые.

И хоть, возвратившись, Матрена Карповна скрывала свою беременность, но всевидящая бабушка сразу сообразила, въ чемъ дѣло.

Она и радовалась, и въ то-же время новыя мучительныя мысли не давали ей покоя: „мальчикъ, дѣвочка, съ короткой шеей или длинной?"

Невѣстка была, какъ могила.

При всей своей неустрашимости, и бабушка не рѣшалась заговаривать съ ней.

— Узнаю все,—утѣшала она себя,—когда придетъ время...

И, дѣйствительно, когда пришло это время, все узнала бабушка.

Она смотрѣла съ безумной радостью на эту, вдругъ таинственно-выглянувшую изъ безформенной массы среди стоновъ и воплей, головку, и руки ея дрожали, когда она творила крестное знаменіе.

Она бросилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ томился внукъ, и, притащивъ его за руку, иступленно говорила ему:

— Въ брата моего, весь въ брата: такой-же темный, съ длинной шеей и глаза его... и мальчикъ, мальчикъ... Охъ, умница моя!.. Благодари, благодари! Земнымъ поклономъ! Такъ!.. Ноги ея мыть, воду ту пить долженъ!

IX.

Бабушка еще двѣнадцать лѣтъ жила послѣ этого.

Какъ-то, не за долго до смерти она призвала къ себѣ няньку и призвала утромъ, что не было у нея въ обычаѣ.

— Сонъ мнѣ приснился,—сказала бабушка.—Третій такой сонъ вижу въ жизни. Первый передъ смертью мужа, второй,

какъ ѣздила тогда за Матреной, а третій нынче ночью. Сижу я вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ и жду чего-то: вотъ сейчасъ растворится дверь, и узнаю я все. И тихо, такъ тихо сами двери растворяются, и тьма за ними непроглядная, и, гляжу я, изъ тьмы выходитъ мой мужъ покойный, и знаю я, что умеръ онъ, и знаю уже, зачѣмъ онъ пришелъ. И говорю ему: „за мной, что ли?“ А онъ этакъ головой мнѣ киваетъ. А черный котъ на окнѣ сидитъ... помнишь, который еще при покойникѣ извелся... поднялъ шерсть, окрысился на меня, а глаза, какъ угли, и растетъ онъ, растетъ... И проснулась я... Ну... вѣщій сонъ?

Няня молчала, смотрѣла въ полъ, и мутныя слезы текли по ея лицу. Бабушка вздохнула:

— То-то-же... Ну, и будетъ плакать: не гоже это... Пожила, потрудилась, какъ умѣла, пора и въ дорогу...

Стала бабушка готовиться. Хотѣла было церковь строить, да побоялась, что не поспѣетъ: отказала въ духовной на церковь, а для единовѣрческой церкви заказала колоколъ, какой только можетъ поднять колокольня.

— Чтобы его мѣдный языкъ напоминалъ обо мнѣ, недостойной, передъ престоломъ Всевышняго.

Послѣднее желаніе бабушки было своими ушами услышать первый звонъ колокола.

Она уже лежала, когда провезли его по улицамъ.

— Охъ, доживу ли? Позволитъ ли Господь дожить, приметъ ли мою грѣшную жертву?—металась бабушка и на это время забыла обо всемъ земномъ.

Всю ночь уставляли снасти, натягивали канаты, къ утру все было готово, и послѣ ранней обѣдни начали поднимать колоколъ.

Радостное весеннее утро сверкало надъ землей.

И площадь, и улица, все вплоть до окна, гдѣ лежала бабушка, набилось народомъ съ одной мыслью у каждаго: успѣютъ ли навѣсить колоколъ, приметъ ли Господь бабушкину жертву?

Изъ устъ въ уста сообщали бабушкѣ все, что дѣлалось около церкви. Ужъ дѣло подходило къ полудню. Надвигалась гроза. Въ послѣдній разъ изъ-подъ темной тучи выглянуло солнце, какъ грозное Око Творца, а подъ нимъ еще сверкала безмятежная даль золотистыхъ небесныхъ полей. Въ это мгновеніе раздался первый протяжный ударъ колокола. Вздохъ облегченія пронесся въ многотысячной, обнажившей головы, толпѣ, и стало тихо, такъ тихо, какъ бываетъ только во снѣ, и всѣ взгляды устремились въ окно, гдѣ вдругъ показалось мертвенно-блѣдное лицо вставшей бабушки, съ громадными черными глазами, съ протянутыми руками туда,

гдѣ сверкало еще изъ подъ-тучъ послѣдними яркими лучами солнце, и губы ея вдохновенно шептали просившимъ ее лечь:

— Онъ Самъ, Онъ, Творецъ нашъ здѣсь, — могу ли я лежать...

Безмолвно, страшно и радостно все смотрѣла она. Черныя тучи уже охватили небо, закрыли солнце, сразу стало темно, а колоколъ гудѣлъ и лились его мѣдные звуки, торопясь и догоняя другъ друга. На встрѣчу имъ уже неслись сверху раскатистые мощные удары грома: точно съ высотъ съ грохотомъ само небо валилось на землю...

Громъ гремѣлъ и молнія бороздила небо, словно разрывая на части надъ самой землей опустившіяся тучи.

Полилъ дождь, какъ изъ ведра, сплошной, сѣрой массой укрывшій все, и сразу потекла рѣка грязной воды по опустѣвшей улицѣ; все выше поднималась она и кипѣла, покрытая пузырями.

А бабушка лежала удовлетворенная и смотрѣла на всѣхъ окружающихъ.

— Еще разъ хочу исповѣдаться.

Передъ исповѣдью, бабушка подзывала всѣхъ, просила прощенія, прощалась по очереди и каждому говорила: „мою волю узнаешь“.

Сейчасъ же послѣ причастія, бабушка прошептала:

— Тоска подступаетъ... уходите всѣ...

И когда выходили, она провожала всѣхъ долгимъ взглядомъ. Невѣстку она удержала послѣднюю, погладила ее по головѣ и тихо проговорила:

— Умница моя,—тебѣ передаю домъ... Какъ уберутъ меня, зайди въ мою горницу и тамъ въ комодѣ, въ ларцѣ убери, что не надо.

Къ вечеру бабушка уже лежала на столѣ со сложенными руками, строгая, навсегда чужая всему живому, укрытая той самой парчой, которую выбрала для себя.

Наверху, въ ея комнатѣ, исполняя волю покойной, сидѣла у комода ея невѣстка.

Въ особомъ ларцѣ лежали векселя, о которыхъ говорила ей бабушка. Чернила пожелтѣли и уже съ трудомъ можно было разобрать неуклюжую подпись „Иванъ Овчинниковъ“.

А подъ этими старыми векселями лежалъ свѣжій сравнительно переводной купонъ на двадцать пять тысячъ рублей отъ какого-то Иванова изъ Москвы въ Петербургъ.

Матрена Карповна нагнулась ниже и прочла имя того, кому переводились эти деньги. И вдругъ лицо ея, — какъ лицо человѣка, котораго неожиданно поймали надъ тѣмъ, что считалъ онъ только своей тайной, — покрылось густымъ

румянцемъ, и, быстро вставъ, она подошла къ открытому окну.

Дождь прошелъ, солнце садилось и послѣдними лучами золотило даль. Только тамъ, далеко за рѣкой, какъ островерхія крѣпости, выдвинулись и застыли на горизонтѣ синія тучи. Едва слышно, какъ грохотъ отъѣзжающаго экипажа, доносились раскаты грома.

Н. Гаринъ.

НА ФИНСКОМЪ БЕРЕГУ.

Солнце зашло; но на глади залива
Много еще красноватыхъ огней.
Темныя волны рокочутъ лѣниво
И отступаютъ отъ сѣрыхъ камней.

Какъ хорошо на просторѣ широкомъ!
Чайка пугливо мелькаетъ крыломъ,
Парусъ бѣлѣетъ, и въ небѣ далекомъ
Вспыхнула звѣздочка яркимъ огнемъ.

Сосны склонились толпой полусонной...
Даль потемнѣла... И только маякъ
Отблескъ бросаетъ, какъ мечъ обнаженный,
И отражаетъ нахлынувшій мракъ!

А. Лукьяновъ.

Литературная дѣятельность декабристовъ.

IV. Александръ Александровичъ Бестужевъ-Марлинскій, какъ публицистъ и критикъ.

VII.

Всѣ свои мысли Александръ Александровичъ не имѣлъ времени привести въ систему. Въ 1825 году онъ замолчалъ на нѣсколько лѣтъ, и только въ 1834-мъ опять рѣшился выступить въ роли критика. Но, конечно, за это время критическая мысль его не дремала. Онъ читалъ много и думалъ много о прочитанномъ. Въ перепискѣ его остались ясные слѣды этой любопытной умственной работы.

Одна мысль тревожила его особенно настойчиво: отчего наша литература такъ бѣдна? почему въ ней такъ мало „народности"? и какъ бы сдѣлать такъ, чтобы она не жила на чужой счетъ? Въ зависимости отъ этой главной мысли находятся и всѣ тѣ сужденія, какія онъ высказываетъ при случаѣ о памятникахъ литературы иностранной и отечественной.

Бестужевъ не обладалъ большой начитанностью въ памятникахъ литературы иностранной, и всю жизнь, насколько могъ, пополнялъ свое образованіе. Онъ зналъ хорошо французскую словесность, хотя имѣлъ основаніе на нее сердиться. „Слишкомъ много пострадала отъ этой словесности наша русская оригинальность, — разсуждалъ онъ, — и слишкомъ много слѣпокъ парижскаго міра завелось въ Россіи! Но нѣтъ худа безъ добра, — утѣшалъ онъ себя.—Мы начали съ французской вѣтренности, но скоро перешли къ ихъ просвѣщенію; мы стали мыслить, желая научиться болтать, и чтеніе, принятое въ привычку, какъ мода, обратилось въ нравственную нужду. Познанія вкрадывались—и скоро многіе русскіе захотѣли быть европейцами не по одному имени, и поѣхали въ тѣ мѣста учиться, гдѣ сражались. Ихъ братцы пустились туда воспитываться, гдѣ гуляли ихъ отцы" *).

---

*) «Военный Антикварій» 1829.

Александръ Александровичъ былъ, конечно, сторонникомъ молодой французской романтики. Викторъ Гюго приводилъ его въ неописанный восторгъ. Драмами „Le roi s'amuse" и „Lucrèce Borgia" онъ восхищался; съ „жаромъ удивленія и съ завистью безсильнаго соревнованія" читалъ онъ Гюго. „Передъ Гюго—я ницъ,—писалъ онъ. Это уже не даръ, а геній во весь ростъ. Онъ виденъ только въ „Notre-Dame", которая—совершенство въ моемъ вкусѣ. „Han d'Islande" неудаченъ, „Bug Jargal"—золотая посредственность. „Cromwell"—холоденъ: изъ него нужно вырѣзать куски, какъ изъ арбуза. „Le dernier jour d'un condamné"—ужасная прелесть, это вдохнуто темницей, писано слезами, печатано гильотиной. Какъ счастлива Россія, что у ней нѣтъ причинъ къ подобной книгѣ! Да, Гюго—геній и неподдѣльный. Его „Notre Dame", его „Marion de Lorme", „Ils'amuse" и „Borgia" — такія произведенія, которыхъ страница стóитъ всѣхъ Бальзаковъ вмѣстѣ, оттого, что у Гюго подъ каждымъ словомъ скрыта плодовитая мысль" *).

Бестужевъ обидѣлъ Бальзака такъ, мимоходомъ, и скоро поспѣшилъ исправить свою ошибку. „Я не устаю перечитывать „Peau de chagrin" — пишетъ онъ два года спустя. Я люблю пытать себя съ Бальзакомъ. Мнѣ кажется, я бичую себя, какъ спартанскій отрокъ. Какая глубина! Какая истина мыслей! но хотя у Бальзака и много хорошаго, я всетаки у него учиться не буду. Онъ болѣе блестящъ, чѣмъ ясенъ,—онъ слишкомъ разъединяетъ страсти своихъ лицъ: эта исключительность не въ природѣ" **).

Нравился Бестужеву и Виньи, надъ которымъ онъ плакалъ.

Не меньше, чѣмъ французскую литературу, если не больше, любилъ Александръ Александровичъ—англійскую. Онъ сталъ ею интересоваться очень рано. „Любовь къ возвышенному, романтическому и нравственному" заставила его, какъ онъ самъ говоритъ, перевести статью Блера о Мильтонѣ,—самый отчаяный панегирикъ, гдѣ Мильтонъ поставленъ наравнѣ, чуть ли не выше, Гомера ***). Въ 1825 году онъ признается Пушкину,—что весь погруженъ въ англійскую литературу и что кромѣ нея нѣтъ спасенія ****). Какъ глубоко онъ погрузился въ эту словесность—неизвѣстно, но двухъ писателей онъ, дѣйствительно, ставилъ очень высоко. Прежде всего, конечно, Байрона, котораго очень любилъ въ оригиналѣ, но не терпѣлъ въ подражаніяхъ—въ особенности

*) Письма къ бр. Полевымъ 9 марта и 8 мая 1833, 16 декабря 1831 и письмо къ матери 21 декабря 1833.

**) Письма къ бр. Полевымъ 26 января 1833; къ братьямъ 21 декабря 1833.

***) «О потерянномъ раѣ». «Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія» 1820, № XII, 285—293.

****) *Бартеневъ*. Бумаги А. С. Пушкина I, 148.

русскихъ, и затѣмъ Вальтеръ-Скотта, въ стихахъ котораго онъ особенно цѣнилъ ихъ музыкальность *)...

Почитывалъ Александръ Александровичъ и итальянскія книги, по крайней мѣрѣ, цитировалъ Данте **).

Меньше всего Бестужевъ зналъ литературу нѣмецкую—и вообще не любилъ этотъ языкъ ***). Это былъ большой пробѣлъ въ его образованіи, который онъ, кажется, до смерти не пополнилъ. Помѣшалъ ему, вѣроятно, въ этомъ его предвзятый взглядъ на тотъ вредъ, какой будто бы нѣмецкая литература принесла нашей словесности. Онъ даже Жуковскому не прощалъ его любви къ нѣмцамъ, а другимъ литераторамъ—и подавно.

Въ одной статьѣ, посвященной разбору одного англійскаго перевода изъ русскихъ поэтовъ, онъ обобщаетъ свои взгляды на западное вліяніе въ нашей словесности. Переводъ русскихъ поэтовъ на англійскій языкъ его очень радуетъ: хорошо, говоритъ онъ, что теперь на западѣ знаютъ, что мы не Мемнонова статуя. Англійскій языкъ силою и простотой близко подходитъ къ нашему, но, къ сожалѣнію, англійская литература на насъ не вліяла. Кромѣ Петрова и Муравьева, всѣ прочіе были воспоены лимонадомъ французскаго Парнасса. Нѣмцы вліяли на насъ также мало: Жуковскій первый ввелъ у насъ аллегорическую и, такъ сказать, неразгаданную поэзію, а уже вслѣдъ за нимъ все пишущее записало бемольными стихами; хорошо, что Батюшковъ и Пушкинъ были противъ этой манеры. Съ нѣмецкимъ вліяніемъ можно бы было помириться, если бы у насъ были переведены лучшіе нѣмецкіе памятники, а то мы пробавляемся все больше мелкотравчатыми балладами. Нѣмцы даже терпѣнію насъ не выучили; если на что они повліяли, то развѣ только на политику (!) ****).

Если собрать во-едино всѣ летучія сужденія Бестужева объ иностранныхъ писателяхъ, то вся ихъ безсистемность и случайность бросится въ глаза. Нашъ критикъ—за малымъ матеріаломъ, которымъ располагалъ—не ставилъ никакихъ, ни историческихъ, ни эстетическихъ вопросовъ, говорилъ лишь о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и воодушевлялся только тогда, когда отстаивалъ самобытность русской словесности и думалъ о тѣхъ опасностяхъ, которыя могли грозить ей отъ литературнаго преимущества надъ нами нашихъ сосѣдей.

Вотъ почему главнѣйшіе литературные вопросы, которые тогда такъ волновали писателей, остались у Бестужева совсѣмъ безъ рѣшенія. Взять хоть бы вопросъ о классицизмѣ и роман-

*) «Кенильвортъ». Романъ Вальтеръ Скотта (изъ Edinburg Rewiew). «Соревнователь Просвѣщенія» 1824, № VI, 325—330.

**) Правда, не безъ грѣха, смотри «Онъ былъ убитъ» 1834.

***) *М. Бестужевъ.* «Дѣтство А. А. Бестужева».

****) «Русская Антологія или образчики русскихъ поэтовъ, Джона Браунинга ч. II» «Литературные листки Булгарина» 1824, № XIX, X, Х32—45.

тизмѣ. Слова эти были часто на устахъ у нашего критика, но все, что онъ говорилъ по этому поводу, отличается крайней неопредѣленностью и туманностью, хоть онъ и увѣрялъ въ 1829 г. своихъ братьевъ, что онъ „нашелъ, наконецъ, проходъ, раздѣляющій два материка классиковъ и романтиковъ, что онъ очень доволенъ, что распуталъ этотъ хаосъ для своей собственной пользы, что, наконецъ, его сужденіе объ этомъ перестало висѣть въ воздухѣ" *). Есть у него, впрочемъ, одно цвѣтистое сравненіе классицизма съ романтизмомъ, въ которомъ заключена довольно интересная мысль, почему это сравненіе и слѣдуетъ отмѣтить. Борьба романтизма съ классицизмомъ представлена въ видѣ борьбы воды и огня **).

„Тихо, мѣрно творилъ океанъ (классицизмъ) въ своемъ тогда жаркомъ лонѣ,—пишетъ нашъ поэтъ.—Произведенія его крѣпки, кристаллизованы, съ правильными формами, съ неизмѣнными углами: иной подумаетъ, что все это сдѣлалось съ транспортиромъ и линейкою. Но вотъ ворвался новый посолъ природы—и все оборотилъ вверхъ дномъ. Своими порывами вздулъ, взволновалъ еще мягкую кору земли; гдѣ не могъ прорвать ее, разорвалъ гдѣ могъ, и стрѣляя изъ нѣдръ земныхъ гранитными потоками, опрокинулъ осадочныя горы въ бездны, сплавилъ въ стекло цѣлые хребты, сжегъ въ лаву и пепелъ другіе, и выдвинулъ сердца морей подъ облака. Онъ смѣшалъ въ себѣ обломки всего прежняго, какъ завоеватель, увлекающій побѣжденныя племена, и, наконецъ, застылъ въ огромныхъ формахъ. Въ романтизмѣ, какъ въ вулканическихъ произведеніяхъ, вкраплены (incrustès) мелкіе блестящіе кристаллы, яркіе слои порфира, останки щепетильные минувшаго періода, воплощенные въ неизмѣримый, мрачный, но величественный періодъ настоящаго—и надъ ними готовится новое развитіе жизни".

Послѣднія строки очень характерны: онѣ показываютъ, что Бестужевъ считалъ и романтизмъ уже вполнѣ сложившимся явленіемъ,—литературнымъ направленіемъ, которое должно, и при томъ скоро, разрѣшиться въ нѣчто новое. „Мы не можемъ быть долговѣчны литературной жизнью, мы мыслимъ и говоримъ языкомъ перелома,—писалъ онъ въ частномъ письмѣ,—нашъ періодъ есть куколка хризалиды, обвертка необходимая, но пустая и будущее сброситъ ее въ забвеніе" ***).

Такъ не станетъ писать человѣкъ, который слѣпо исповѣдуетъ одно какое нибудь литературное ученіе, и Бестужевъ-Марлинскій, котораго считаютъ обыкновенно самымъ ярымъ романтикомъ, предвидѣлъ конецъ романтизма, какъ школы, и уже предугады-

*) Письмо къ братьямъ изъ Якутска 9 марта 1829.

**) «Письмо къ Эрману» 1829.

***) Письмо къ бр. Полевымъ 21 февраля 1831.

валъ реальное направленіе въ искусствѣ, наступленіе котораго торопилъ въ своихъ собственныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Онъ предугадывалъ его еще въ годы, когда романтизмъ былъ въ полномъ цвѣту, какъ это видно изъ одной переводной статьи, которую онъ напечаталъ въ 1825 году.

Это была статья Арто „о духѣ поэзіи XIX вѣка", подъ выводами которой нашъ критикъ подписался.—„Пусть въ нашемъ вѣкѣ много положительнаго вкуса, — разсуждаетъ Арто, а за нимъ и Бестужевъ,—но бояться нечего: чувство прекраснаго не гибнетъ въ природѣ человѣка, поэтъ состоитъ изъ дара чувствовать и искусства живописать, а люди не перестанутъ созерцать внѣшнюю природу и отзывъ живыхъ ощущеній всегда въ нихъ будетъ. Но, кромѣ того, мы имѣемъ потребность заноситься за грань сущности, религіозную и суевѣрную способность вѣрить въ невидимый міръ, въ сверхъестественныя существа. Эта послѣдняя способность теперь должна исчезнуть, въ вѣкѣ, который все разобралъ и взвѣсилъ. Но у насъ всетаки остается неистощимый вкладъ страстей и чувствъ—неисчерпаемый источникъ красотъ. Убѣжищемъ поэзіи дѣлается теперь область нашей нравственной природы. Отсюда неопредѣленность и задумчивость современной новой школы (т. е. романтической). У древнихъ этого не было, и поэзія ихъ не содержала въ себѣ ничего глубокомысленнаго. У нынѣшнихъ народовъ отсутствіе публичной жизни и болѣе духовная и душевная религія благопріятствуютъ развитію нравственныхъ силъ. Обращеніе къ самому себѣ стало въ наши дни (послѣ революціи и слѣдовавшей за ней реакціей) неизбѣжнымъ: люди хотятъ отчета въ жизни во всѣхъ ея обѣтахъ и обманахъ, и отсюда мечтательность".—Арто преклоняется передъ такими типами, какъ Вертеръ, Рене и герои Байрона, но говоритъ, что недостатокъ всѣхъ такихъ разочарованныхъ романовъ—ихъ однообразіе и безпрестанное разглядываніе предмета. „Нужно обновленіе, и словесность, конечно, обновится. Велика въ данномъ случаѣ заслуга Вальтеръ-Скотта, который возвратилъ жизнь существамъ человѣческимъ и извлекъ поэзію изъ умозрѣній, въ которыхъ она тонула. Онъ уже не романтикъ только, а реалистъ, а *нельзя отрицать, что у насъ теперь уже проявилась наклонность къ дѣйствительному*. Она приводитъ насъ къ собственной исторіи, и всенародный успѣхъ ожидаетъ талантъ, который рѣшится слѣдовать внушенію народнаго духа. („Пора бы и намъ русскимъ взяться за собственную исторію, какъ слѣдуетъ", восклицаетъ отъ себя Бестужевъ). *Намъ нужно народное содержаніе*. У насъ народъ остается внѣ литературы, такъ какъ литература у насъ академическая. Будемъ же ровесники нашему времени! будемъ оригинальны и самобытны и совокупимъ во едино всѣ точки зрѣнія, вмѣстимъ въ себѣ всѣ системы" *)—т. е.

*) «О Духѣ поэзіи XIX вѣка». Изъ Artaud, пер. А. Б. «Сынъ Отечества» 1825, № XV, 276—288. № XVI, 386—398.

станемъ реалистами по возможности и не будемъ удаляться отъ жизни.

Эти здравыя мысли Бестужевъ горячо рекомендуетъ своимъ читателямъ. Самъ онъ—романтикъ съ очень зоркимъ взглядомъ на дѣйствительность—всецѣло на сторонѣ ихъ. Онъ самъ понимаетъ, что время реализма приближается, и ему такъ пріятно, что работу въ этомъ направленіи можно освятить патріотическимъ чувствомъ и сочетать ее съ воскрешеніемъ народной старины и самобытнаго духа.

VIII.

Сужденія, Бестужева о русской литературѣ повинуются именно этому патріотическому чувству, и потому иногда поражаютъ своей странностью.—Серьезнаго, самобытнаго и народнаго требуетъ онъ прежде всего отъ писателя и въ этихъ справедливыхъ требованіяхъ доходитъ подчасъ до педантизма.

Въ общемъ Бестужевъ очень мало доволенъ ходомъ русской литературы. „Земля погибнетъ не отъ огня и потопа, а отъ плоскости,—пишетъ онъ,—всѣ возвышенности исчезнутъ и люди погибнутъ отъ болотной лихорадки. Глядя на литературу, я болѣе и болѣе увѣряюсь въ этой теоріи" *); въ особенности если взглянуть на литературу русскую, „гдѣ литературные геніи самотесы такъ же обыкновенны, какъ сушеные грибы въ Великій постъ; вѣдь мы ученѣе ученыхъ, ибо довѣдались, что наука—вздоръ; и пишемъ мы благонравнѣе всей Европы, ибо въ сочиненіяхъ нашихъ никого не убиваютъ, кромѣ здраваго смысла" **). А все это потому, что все намъ очень легко дается:

Литература наша—сѣтка
На ловлю иноморскихъ рыбъ;
Чужихъ яицъ она наседка,
То ранній цвѣтъ, то поздній грибъ,
Чужой хандры, чужого смѣха
Всеповторяющее эхо! ***).

О! поэты наши! о, Кугушевъ! Трилунный, Шевыревъ! и др.

Печальной музы кавалеры!
Признайтесь: только стопы вы
Обули въ новые размѣры,
Не убирая головы;
И рады, что нашли возможность,
На разумъ вѣка не смотря,
Свою распухлую ничтожность
Прикрыть цвѣтами словаря ****).

---

*) «Письмо къ Эрману» 1829.
**) «Мореходъ Никитинъ» 1834.
***) Письмо къ бр. Полевымъ 13 августа 1831.
****) Письмо къ бр. Полевымъ 1 января 1832.

Впрочемъ, зачѣмъ винить писателей, когда высшіе судебные ихъ трибуналы занимаются пустяками. Стоитъ только взглянуть на нашу журналистику, на Архивъ сѣвернаго вѣтра, пошлую рыночную Молву, будочниковъ Наблюдателей на курьихъ ножкахъ[1]), на близорукій Телескопъ[2]) или почитать Брамбеуса, который думаетъ, что русская словесность будетъ вертѣться отъ того, что онъ дуетъ въ нее въ два свистка, Брамбеуса, который ничтоженъ и наглъ, который исписался, ибо живетъ краденымъ, у котораго нѣтъ ни души, ни философіи[3]). Сносенъ развѣ только одинъ „Телеграфъ".—Хотя въ немъ слишкомъ много тщеславія и ученическаго педантизма, и много вздора самаго невѣжественнаго, но въ немъ всетаки попадается и много истинно-просвѣщеннаго"[4]).

Итакъ, наши критики вообще едва ли чему научить могутъ; научить можетъ развѣ только сама жизнь, народная, самобытная жизнь, но рѣдко кто изъ нашихъ писателей умѣетъ уловить ея характерный образъ; народность почти никому не дается. Вотъ, у Вельтмана можно, пожалуй, встрѣтить поэзію въ истинно русскомъ духѣ; въ его романахъ есть необычайно хорошія подробности, перо его развязное, легкое и одаренъ онъ шутливостью истинно русской[5]); много найдется хорошаго и у Луганскаго въ его сказкахъ, и онъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы собралъ свои солдатскія сказки, въ которыхъ сохраненъ драгоцѣнный первобытный матеріалъ русскаго языка и отпечатокъ неподдѣльный русскаго духа[6]). Превзошелъ, однако, въ этомъ отношеніи всѣхъ Полевой: въ его „Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ" русскій духъ совершается воочію передъ читателемъ и прежняя Русь живетъ снова по старому[7]). Полевой, вообще, человѣкъ весьма выдающійся: онъ одинъ изъ мыслителей и двигателей нашего просвѣщенія. Мнѣнія его здравѣе всѣхъ, рѣзки, но основательны. Онъ не безъ ошибокъ, но почти безъ предразсудковъ: онъ и настоящій историкъ съ глубокомысленной зоркостью и яркостью изложенія[8]).

О другихъ сказать мало что приходится. Хваленый Булгаринъ прямо смѣшонъ со своей „народностью", а Загоскинъ искажаетъ святую старину для того, чтобы она уложилась въ золотую табакерку. Что, напр., нагородилъ онъ въ своей „Аскольдовой

---

1) «Путь до города Кубы» 1834.

2) Пусьмо къ бр. Полевымъ. 1 сентября 1832.

3) Письмо къ бр. Полевымъ 27 іюля 1834.

4) Письмо къ братьямъ изъ Якутска 9 марта 1829. «Русскій Вѣстникъ» 1870, т. 87, 252.

5) Письма къ бр. Полевымъ 28 мая, 18 августа 1831, 4 января 1833.

6) Письмо къ бр. Полевымъ 14 декабря 1832.

7) Письмо къ бр. Полевымъ 25 іюня 1832.

8) Письмо къ брату Павлу 26 мая 1835 (срв. отзывъ о «Телеграфѣ» выше отъ 1829 года), письмо къ матери 19 января 1831.

могилѣ", гдѣ перемывалъ французское тряпье въ Днѣпрѣ и отбивалъ у другихъ честь всякихъ нелѣпостей *).

Великое это зло—подражаніе; слабыхъ оно губитъ, да и сильныхъ портитъ. Козловъ, напр., корчитъ изъ себя „лорда въ Жуковскаго пудрѣ", да и Баратынскій совсѣмъ исфранцузился **). Да и самъ Пушкинъ? Какъ онъ калѣчитъ свой талантъ!!

Отзывы Бестужева о Пушкинѣ—необычайно характерны. Передъ Пушкинымъ нашъ критикъ всего болѣе провинился, и здѣсь, вѣроятно, виновата не столько его критическая смекалка, сколько личныя отношенія, въ которыхъ было и много любви, и много чувства соревнованія. Впрочемъ, въ тѣхъ странныхъ сужденіяхъ, съ которыми мы сейчасъ ознакомимся, сквозитъ все та же неотвязная мысль о вредѣ подражанія.

Для Бестужева Пушкинъ, конечно, большой человѣкъ. „Ты—надежда Руси — не измѣни ей, не измѣни своему вѣку, не топи въ лужѣ таланта своего, не спи на лаврахъ", — говоритъ Бестужевъ. „Я готовъ право схватить Пушкина за воротъ — пишетъ онъ своимъ друзьямъ—поднять его надъ толпой и сказать ему: стыдись! Тебѣ ли, какъ болонкѣ, спать на солнышкѣ передъ окномъ, на пуховой подушкѣ дѣтскаго успѣха? Тебѣ ли покланяться золотому тельцу, слитому изъ женскихъ серегъ и мужскихъ перстней—тельцу, котораго зовутъ нѣмцы Маммонъ, а мы простаки—свѣтъ?!" ***).

Бестужевъ въ своемъ заточеніи, конечно, не могъ знать, чѣмъ Пушкинъ былъ занятъ въ 1833 году, и эти слова его, при ихъ неправотѣ—любопытны только, какъ показатель того высокаго мнѣнія, какое Бестужевъ имѣлъ о своемъ другѣ, какъ писателѣ. Но, не смотря на это преклоненіе, Бестужевъ не прощалъ Пушкину того, что онъ называлъ „уклоненіемъ отъ вѣка въ общемъ и отъ русской народности въ частности". Когда онъ читалъ легкія лирическія стихотворенія Пушкина—ему казалось, что Пушкинъ — писатель, заблудившійся изъ XVIII вѣка въ нашъ ****). Когда онъ открывалъ его поэмы, онѣ казались ему „китайскими тѣнями", и онъ не досчитывался въ нихъ „чувства" (?). Онъ позволялъ себѣ, напр., по адресу своего друга такія кощунственныя строки. „Безхарактерность,—пишетъ онъ,—отличительный признакъ нашей словесности. Но можетъ ли быть иначе, когда Булгаринъ—знаменщикъ прозы, а Пушкинъ—ut re mi fa—поэзіи? Второй изъ нихъ человѣкъ съ геніемъ, но оба они отличаются шаткостью; они заблудились изъ XVIII вѣка. Вдохновеніе увлекаетъ Пушкина въ но-

*) Письма къ Полевымъ 1 Января 1832 и 4 января 1833.

**) Письмо къ Пушкину 9 марта 1825. *Бартеневъ*. Бумаги А. С. Пушкина. I, 148.

***) Письма къ бр. Полевымъ 26 января и 9 марта 1833.

***) Письмо къ матери 19 января 1831.

вый міръ, но Булгаринъ не постигъ его (новаго міра) умомъ, а Пушкинъ не проникся его чувствомъ“ *). „Итакъ, знаменитый Бѣлкинъ—Пушкинъ?—пишетъ Бестужевъ тѣмъ же пріятелямъ. Никогда бы не ждалъ (я повѣсти эти знаю лишь по слуху). Впрочемъ, и немудрено. Въ Пушкинѣ нѣтъ одного поэтическаго, это—души, а безъ нея плохо удается и смиренная проза“ **). Что хотѣлъ Бестужевъ сказать этими странными словами?

Вѣрнѣе всего, сказать пріятное Полевымъ, изъ переписки съ которыми взяты эти строки, а, можетъ быть, онъ дѣйствительно отрицалъ у Пушкина способность глубоко чувствовать. Тогда подъ этимъ „глубокимъ чувствомъ“ надо разумѣть романтическій энтузіазмъ и возвышенный подъемъ настроенія, а главное—патетичность самого сюжета, которыхъ Пушкинъ избѣгалъ. По крайней мѣрѣ, сужденіе Бестужева о „Борисѣ Годуновѣ“ наводитъ на такое толкованіе его странныхъ отзывовъ. „Я ожидалъ бóльшаго отъ Годунова, — пишетъ онъ, — я ожидалъ чего-то, а прочелъ нѣчто. Хоть убей, я не нахожу тутъ ничего, кромѣ прекрасныхъ отдѣльныхъ картинъ, но безъ связи, безъ послѣдствія. Ихъ соединила, кажется, всемогущая игла переплетчика, а не мысль поэта. Избалованный Позами, Теллями и Ричардами Третьими, я, можетъ быть, потерялъ простоту вкуса и не нахожу прелести въ вязигѣ“ ***).

Болѣе послѣдовательно, но не менѣе ошибочно, бранилъ Бестужевъ Пушкина и за его мнимое подражаніе. Тутъ въ нашемъ критикѣ говорилъ обиженный патріотъ,—и за эту обиду пришлось расплачиваться „Онѣгину“.

На всѣ поэмы Пушкина до „Цыганъ“ Бестужевъ смотрѣлъ очень косо. „Цыгане“ Пушкина выше всего, что онъ писалъ доселѣ—говорилъ онъ; тутъ Пушкинъ—Пушкинъ, а не обезьяна“****). По мѣрѣ того, какъ выходилъ „Онѣгинъ“, Бестужевъ сталъ все больше и больше тревожиться. Сначала ему показалась, что сюжетъ ничтоженъ и пустъ, и Пушкинъ по сему поводу прочиталъ ему нотацію *****).

„Ты не ругай Онѣгина—дождись“,—писалъ ему его пріятель въ отвѣтъ на замѣчаніе Бестужева, что въ наше время нужна настоящая сатира, а не „пустячки“. Бестужевъ ждалъ, и всетаки остался недоволенъ. „Пушкинъ ведетъ своего „Онѣгина“ чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже“ — говорилъ онъ. „Въ трехъ послѣднихъ главахъ не найдти полдюжины поэтическихъ строкъ. Стихи

*) Письмо къ бр. Полевымъ 29 января 1831.

**) Письмо къ бр. Полевымъ 24 мая 1832.

***) Письмо къ бр. Полевымъ 13 августа 1831.

****) Письмо къ В. Туманскому 1825, 15 января, «Кіевская Старина» 1899, т. 64, № 3, 300.

*****) Пушкинъ Бестужеву 25 января 1825. Изд. Лит. Фонда, VII, 106—7, 116, 117.

игривы, но обременены пустяками и нерѣдко небрежны до неопрятности. Характеръ Евгенія просто гадокъ. Это безстрастное животное со всѣми пороками страстей. Дуэль описана прекрасно, но во всемъ видна прежняя школа и самая плохая логика. Со всѣмъ тѣмъ Пушкинъ поэтъ и не дюжинный. Недостатокъ хорошаго чтенія и излишество дурного весьма вредятъ ему" *).

Вотъ какъ иногда самымъ умнымъ людямъ бываютъ не видны истинные размѣры таланта своихъ современниковъ!

IX.

Такими литературными замѣтками испещрялъ Бестужевъ свои частныя письма въ годы неволи. Но эти частныя бесѣды его не удовлетворяли, и, когда представилась возможность, онъ рѣшилъ вновь публично выступить въ роли критика.

„Въ моемъ положеніи безъ бѣды бѣда писать критики — признавался онъ, а писать похвальныя рѣчи перо не подымается. Вотъ почему бросилъ я желѣзный стиль рецензента, хотя теперь, думается, я бы владѣлъ имъ немножко потверже, чѣмъ въ первинки моего словеснаго поприща, когда одна страсть посмѣяться была моимъ менторомъ. Чешется, правда, крѣпко порой чешется рука схватить за вихоръ иного враля, но вспомнишь золотое правило, что во многоглаголаніи нѣтъ спасенія, и давай стрѣлять въ пустыя бутылки изъ пистолета, хоть на нихъ сбить досаду **)".

Но, наконецъ, онъ всетаки рѣшился измѣнить свою мишень.

Въ 1833 году онъ напечаталъ въ „Телеграфѣ" длинную критическую статью по поводу романа Полевого „Клятва при Гробѣ Господнемъ". Онъ немного покривилъ душой, когда цѣлую картину литературнаго развитія Европы и Россіи пришилъ къ роману своего добраго друга. „Хочу дать образчикъ европейской критики,—писалъ онъ братьямъ по поводу этой статьи. Къ роману Полевого я только придрался", „и критика моя à propos des bottes".

Къ разбору этой критики мы теперь и перейдемъ, отмѣтивъ, однако, одно весьма важное обстоятельство: эта критика была немилосердно искажена цензурой. „Вамъ нельзя судить о цѣломъ и связи въ моей критикѣ,—писалъ Бестужевъ братьямъ,—потому что лучшаго въ ней вы не читали". „О ней нельзя судить по скелету, обглоданному цензурой,—писалъ онъ и Булгарину. Половина ея осталась на ножницахъ, и вышла чепуха. Самыя высокія по чувству мѣста, гдѣ я доказывалъ, что Евангеліе есть типъ романтизма—уничтожены" ***).

*) Письмо къ братьямъ 25 декабря 1828.

**) Письмо къ бр. Полевымъ 28 іюня 1832.

***) Изъ Архива Ѳ. В. Булгарина, «Русская Старина» 1900. I. 392—404.

Но и въ томъ видѣ, въ какомъ эта критика дошла до насъ, она явленіе очень характерное для своего времени.

X.

Статья начинается игривой увертюрой на тему о возобладаніи народности въ русскомъ романѣ.

Французскій супъ пріѣлся намъ съ 1812 года, — пишетъ Бестужевъ,—нѣмецкій буттеръ-бродъ подъ туманомъ пришелся вовсе не по желудку; въ англійскомъ ростбифѣ было черезчуръ много крови да перцу, даже ячменный хлѣбъ Вальтеръ-Скотта билъ оскомину... Русскихъ стиховъ также никто не сталъ слушать съ тѣхъ поръ, какъ всѣ стали ихъ писать, и раздался общій крикъ: прозы! прозы—воды, простой воды! и дѣйствительно чернильныя тучи взошли отъ поля и отъ моря: закричали гуси, ощипанные безъ милосердія, и запищали гусиныя перья со всеусердіемъ... Посыпались романы, историческіе, фантастическіе, нраво-описательные, нравственно-сатирическіе, сатирико-историческіе, и нажили мы не одну дюжину романовъ, въ которыхъ есть все, кромѣ русскаго духа, все, кромѣ русскаго народа... Публика легковѣрна, она все раскупила... разбогатѣлъ и книгопродавецъ и сочинитель... А мы все таки остались бѣдны, едва-ль не нищи оригинальными произведеніями...

Отчего это? спрашиваетъ Бестужевъ, отчего такой наплывъ историческихъ романовъ?—оттого, отвѣчаетъ онъ, что мы живемъ въ вѣкѣ *романтизма.*

И, кромѣ того, мы живемъ теперь и въ вѣкѣ исторіи. Теперь мы эту исторію видимъ, слышимъ, осязаемъ ежеминутно. Гостинодворецъ кричитъ вамъ: „купите шапку *Эриванку*“, портной предлагаетъ вамъ скроить сюртукъ по *варшавски.* Скачетъ лошадь—это Веллингтонъ. Взглядываете вы на вывѣску — Кутузовъ манитъ васъ въ гостиницу; берете щепотку табаку—онъ купленъ съ молотка послѣ Карла X. Запечатываете письмо—сургучъ императора Франца. Вонзаете вилку въ сладкій пирогъ и — его имя Наполеонъ. Какъ при такихъ условіяхъ не писать историческихъ романовъ?

А главное—романтизмъ.

Да что такое въ сущности романтизмъ, спрашиваетъ, наконецъ, авторъ. „Подъ именемъ романтизма,—говоритъ онъ очень глухо и неопредѣленно,—я разумѣю стремленіе безконечнаго духа человѣческаго выразиться въ конечныхъ формахъ“. По духу и сущности,—продолжаетъ онъ, вспоминая, быть можетъ, Шлегеля, M-me de Сталь и В. Гюго,—есть только двѣ литературы: это литература до христіанства и литература со временъ христіанства. Первую можно назвать литературой судьбы, вторую литературой воли; въ

первой преобладаютъ чувства и вещественные образы; во второй, царствуетъ душа, побѣждаютъ мысли. Первое—лобное мѣсто, гдѣ рокъ—палачъ, а человѣкъ—жертва;—вторая поле битвы, на коемъ сражаются страсти съ волею, и надъ коимъ порой мелькаетъ тѣнь руки Провидѣнья. Случайно древнюю литературу назвали классической, а новую романтической. Названія ничего не говорящія — ну, да какое намъ дѣло,—намъ нуженъ конь, а не попона.

Высказавъ это общее опредѣленіе,—какъ видимъ хоть и не оригинальное, но широкое и вѣрное,—критикъ переходитъ, наконецъ, къ главнѣйшей части своей статьи—къ бѣглому обзору всей исторіи всемірной литературы отъ народной поэзіи дикихъ племенъ до историческаго романа Н. Полевого включительно.

Обзоръ написанъ съ чужихъ словъ, но умно и красиво. Авторъ задается вопросомъ, въ какой поэтической формѣ появилась поэзія впервые въ мірѣ. Отвергнувъ мнѣніе Виктора Гюго, который утверждалъ, что первобытная поэзія всѣхъ народовъ была,—гимнъ, славославный или благодарственный, показавъ, какъ странно предполагать присутствіе такихъ гимновъ у первенцовъ міра, у этихъ бѣднягъ, пущенныхъ въ лѣсъ безъ шерсти отъ слѣпней, отъ холода, безъ клыковъ слона, безъ когтей тигра, безъ глазъ рыси, безъ крыльевъ орла,—авторъ полагаетъ, что первобытная поэзія у всѣхъ народовъ непремѣнно зависѣла отъ климата. У кафра, палимаго зноемъ, и у чукчи, дрожащаго отъ мороза, она, какъ первая религія, была заклинаніемъ. У скандинава, у кавказскаго горца, у араба, людей свободныхъ и безстрашныхъ, она была пѣснью самовосхваленія: гимнъ могъ быть развѣ только у грека, силы котораго были въ равновѣсіи съ силами природы. Но въ Египтѣ и въ Индіи, въ этихъ странахъ, столь богатыхъ дратоцѣнностями и заразами всѣхъ родовъ, гдѣ человѣкъ такъ запуганъ природой, поэзія могла быть только молитвой. Въ многобожной Индіи все носитъ на себѣ отпечатокъ религіозный, все, отъ пѣсенъ до политическаго быта, ибо поэзія и вѣра, вѣра и власть тамъ—одно. Магабхарата и Рамайана, это—послѣдняя битва падшей вѣры и государства Магеде съ побѣдительной вѣрою и властью Будды. Какъ ни грубы вѣрованія индійца, какъ ни бездвижны его касты, какъ ни причудливы его воображенія, вы легко замѣтите въ нихъ попытку души вырваться изъ темныхъ цѣпей тѣла, изъ подъ гнета существенности, изъ плѣна природы. Это — романтизмъ по инстинкту, не по выбору...

Но оставимъ восточную поэзію, которая не имѣла никакого вліянія на романтическую и классическую,—останавливаетъ самъ себя авторъ. Помянемъ сладкозвучнаго Фирдуси, который плавилъ въ радугу преданія Персіи, помянемъ милаго гуляку Гафиза и трогательнаго мудреца Саади и перейдемъ къ Греціи.

Само провидѣніе избрало Грецію проявить мысль, до ка

кой высоты изящества доступенъ былъ древній міръ. Какъ ранній морской цвѣтокъ, она возникла изъ океана невѣжества, быстро созрѣла сѣменами всего прекраснаго, бросила свое благоуханіе и сѣмена вѣтрамъ—и увяла. Вся поэзія греческая ознаменована недоступною для насъ и плѣнительною для всѣхъ красотою. Не одинъ голый переводъ съ природы, не слѣпое безжизненное подражаніе жизни находимъ мы въ поэзіи грековъ. Въ произведеніяхъ искусствъ мы находимъ идеалъ вещественно-прекраснаго, т. е. тысячи разсѣянныхъ красотъ, геніально слитыхъ воедино, красотъ, можетъ, никогда не виданныхъ, но угаданныхъ душою... Романтизмъ оперялся понемногу...

Произнесите священное, освященное вѣками имя Омира—и вся Эллада возстаетъ передъ вами изъ праха огромнымъ призракомъ. Что передъ нимъ всѣ хваленыя поэмы міра, начиная съ Энеиды, рускихъ „идъ“, „адъ“ и „оидъ“, кончая надутой Генріадой, этой выношенной до нитки аллегоріи, которой рукоплескалъ XVIII вѣкъ до мозолей, зѣвая подъ шляпою, и надъ которой мы даже не зѣваемъ, оттого что спимъ. Но народъ пересталъ вѣрить сказкамъ, и эпопея перекинулась въ драму. Ужасна была эта античная трагедія, разсѣкавшая преступника своимъ огненнымъ мечомъ пополамъ, показывавшая его сердце наголо. Но она избирала героевъ, удаленныхъ во мракъ старины, и оттѣнила только одну печальную сторону бытія. Шекспиръ, Шиллеръ, Викторъ Гюго понимали природу шире, и развѣ ихъ герой—падшій ангелъ-человѣкъ, человѣкъ-мѣщанинъ менѣе занимателенъ? Одностороння была и комедія древнихъ; она имѣла всегда политическую цѣль; она колола, смѣша: она была прихожею Пирея или Форума, битвой застрѣльщиковъ. Наша новая драма, которая, какъ жизнь наша, смѣется и плачетъ въ одномъ часу—полнѣе и правдивѣе античнаго театра. Она не ждетъ, чтобы давность увлекла людей на историческій выстрѣлъ: она судитъ ихъ у гроба, терзаетъ ихъ заживо, будто-бы она, какъ орелъ, не можетъ ѣсть ничего, кромѣ животрепещущаго мяса. Современная литература обогатилась, кромѣ того, и новой формой искусства — романомъ. Древніе не знали его, ибо романъ есть разложеніе души, исторія сердца, а имъ некогда было заниматься подобнымъ анализомъ. Они такъ были заняты физическою и политическою дѣятельностью, что нравственныя отвлеченности мало имѣли у нихъ мѣста...

Но о нас, милльонщикахъ, въ этомъ отношеніи, рѣчь впереди,— обрываетъ себя снова авторъ, — и заканчиваетъ этотъ красивый обзоръ древней словесности такой поэтической картиной. „Тихо готовился въ Элладѣ и въ Римѣ, уже источенныхъ пороками, важный переломъ міра вещественнаго отъ міра духовнаго. Мраморные боги шатались, но стояли еще; за то ихъ треножники были холодны безъ жертвъ, сердца язычниковъ холодны безъ вѣры. Давно уже Сократъ толковалъ объ единствѣ Бога—и вы-

пилъ цикуту, осужденный за безбожіе. Но эта чаша смерти стала заздравной чашей новаго ученія; проникла даже въ сердца его убійцъ. Школа неоплатониковъ разрасталась: она была для земли, раздавленной деспотизмомъ, прелюдіей небесною! Души, томимыя пустотою, чего-то ждали, чего-то жаждали—и свершилось... Древній міръ палъ".

Бестужевъ переходитъ затѣмъ къ обзору историческихъ условій, при которыхъ зародился настоящій романтизмъ. Изложеніе становится еще болѣе несистематичнымъ, запутаннымъ и очень кудрявымъ, но мысли остаются по прежнему для своего времени очень цѣнными.

Для насъ необходимъ фонарь исторіи, говоритъ Бестужевъ, чтобы во мракѣ среднихъ вѣковъ разглядѣть между развалинъ тропинки, по коимъ романтизмъ вторгался въ Европу съ разныхъ сторонъ и, наконецъ, укоренился въ ней, овладѣлъ ею. Пойдемъ же по этимъ тропинкамъ, но только, ради Бога, безъ костылей и помочей!

Очень бѣгло, но картинно, характеризуетъ Бестужевъ послѣдніе годы античной образованности, когда она увядала, и на западѣ, и на востокѣ, въ византійской Греціи, гдѣ римскому орлу приклеили еще голову, позабывъ, что варвары подрѣзали ему крылья. Какой словесности можно было ожидать въ Византіи, при такомъ дворѣ, въ такомъ выродившемся народѣ? Надутая лесть для знатнаго класса, щепетильная схоластика и богословскія сплетни въ школахъ—вотъ что, подобно репейнику, цвѣло тамъ, гдѣ красовались прежде Тиртей, Сафо, Демосѳенъ. Исключеніе составляли лишь христіанскіе писатели, какъ, напр., Іоаннъ Златоустъ, святой Августинъ, Григорій Назіанзинъ и другіе, но сила ихъ краснорѣчія исчезла вмѣстѣ съ ними.

Античный міръ кончился, и началась снова жизнь на западѣ, на развалинахъ Рима, которыми завладѣли варвары; христіанская вѣра быстро разлилась между ними, и возникло невѣдомое варварамъ сословіе духовенства. Непрестанно и безпредѣльно возрастающая власть его доказала свѣту силу слова надъ совѣстью, побѣду духа надъ грубою силою. Крестъ сталъ рукояткой меча; тіара задавила короны, и монастыри—эти надземные гробы—устремили къ небу колокольни свои, сложенныя изъ разрушенныхъ зáмковъ. Жизнь не текла, а кипѣла въ этотъ вѣкъ набожности и любви, вѣкъ рыцарства и разбоевъ. Всѣ тогда любили славу и славили любовь. Христіанство вывело женщинъ изъ-за рѣшетокъ и покрывалъ, и поставило ихъ наравнѣ съ мужчинами. Рыцарство сдѣлало изъ нихъ идоловъ. Этотъ духовный союзъ душъ, это низменное стремленіе къ предмету свой страсти, это чудное свойство: во всей природѣ чувствовать одно, видѣть одно—не есть ли оно практическій романтизмъ, романтизмъ на дѣлѣ? Прибавьте къ этому установленіе военно-духовныхъ орденовъ, тайныя судилища, инквизицію, вторженіе норманновъ во Францію, Мавровъ въ Испанію и крестовые по-

ходы. Всѣ эти событія имѣли громадное вліяніе на литературу. Столкновеніе сѣвернаго угрюмаго темперамента скандинавовъ съ темпераментомъ легкомысленнымъ и вѣтреннымъ южанъ породило неподражаемый юморъ—одну изъ главныхъ стихій романтизма, неподражаемый юморъ, который такъ умѣетъ смѣяться въ промежуткахъ страданій; вторженіе мавровъ въ Европу привило европейскому романтизму особую роскошь выраженій и новость стиля. Крестовые походы отразились также на подъемѣ фантазіи и имѣли громадное соціальное значеніе. Они пресытили духовенство окладами, возгордили его властью, проистекшею изъ религіознаго направленія умовъ. Духовенство пробудило въ сердцахъ многихъ народовъ глухое чувство нетерпѣнія къ деспотизму совѣсти, чувство зависти къ церковнымъ помѣстьямъ, выращеннымъ пóтомъ ихъ. Крестовые походы сказались и на повышеніи культурнаго уровня: крестоносецъ изъ тяжкихъ походовъ своихъ принесъ сѣмена вѣротерпимости. Науки раздвинулись опытнымъ познаніемъ свѣта. Обогатилась и словесность восточными сказками, столь замысловатыми...

По поводу этихъ восточныхъ сказокъ нашъ критикъ дѣлаетъ одно очень характерное отступленіе. „Въ восточныхъ сказкахъ, говоритъ онъ, впервые простолюдины стали играть роли наравнѣ съ Визирями и Ханами, и дворяне въ первый разъ сознались вниманіемъ своимъ, что и народъ можетъ быть очень занимателенъ, народъ, который у себя водили они въ ошейникахъ, будто гончихъ, и цѣнили часто ниже гончихъ (!)“ Эта публицистическая замѣтка заставляетъ автора нѣсколько отклониться въ сторону и посвятить цѣлую страницу „простолюдинамъ и ихъ поэзіи вообще“. Европейскіе простолюдины, пишетъ онъ, не имѣвшіе никакихъ правъ „имѣли свои обычаи, свои забавы, свою поэзію. Составляя часть глыбы земли по закону, по природѣ они составляли часть человѣчества, и хоть ползкомъ, но подвигались впередъ; жили, какъ вещь, но, какъ живая вещь, любили, ненавидѣли... они имѣли и свою поэзію, божественнную поэзію, къ которой мы теперь только начинаемъ возвращаться. И слава Богу: лучше потолкаться у горъ на масляницѣ, чѣмъ зѣвать въ обществѣ греческихъ боговъ или съ портретами своихъ напудренныхъ предковъ“.

Этотъ неспокойный тонъ, въ которомъ критикъ, обрывая историческій обзоръ, излагаетъ свои публицистическія мысли, становится еще болѣе тревоженъ, когда Бестужевъ переходитъ къ исторіи зарожденія и роста третьяго сословія.

Въ Европѣ возникала и крѣпла, пишетъ онъ, совершенно незнаемая въ древности стихія гражданственности, стихія, которая впослѣдствіи поглотила всѣ прочія — мѣщанство, буржуазія. Въ стѣнахъ городовъ вообще, и вольныхъ въ особенности, кипѣло бодрое, смышленое народонаселеніе, которое породило, такъ называемое, третье сословіе: оно дало жизнь писателямъ

всѣхъ родовъ, поэтамъ всѣхъ величинъ, авторамъ по нуждѣ и по наряду, по ошибкѣ и по вдохновенію. Въ нихъ замѣчательно для насъ то, что, родясь въ эпоху мятежей и распрей, въ сословіи мѣщанъ, въ сословіи, понимающемъ себѣ цѣну и между тѣмъ униженномъ, презираемомъ аристократіею, которая въ тѣ блаженныя времена считала все позволеннымъ себѣ въ отношеніи къ нижнимъ слоямъ общества,—авторы воспитали въ своей кастѣ и сохранили въ своихъ сочиненіяхъ какую-то насмѣшливую досаду на вельможъ и на дворянъ. Они сражались своими сатирами, комедіями и эпиграммами, а, между тѣмъ, духъ времени работалъ событіями лучше, нежели всѣ они вмѣстѣ. Изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія добило старинное дворянство. Первое ядро, прожужжавшее въ рядахъ рыцарей, сказало имъ: опасность равна для васъ и для вассаловъ вашихъ. Первый печатный листъ былъ уже прокламація побѣды просвѣщенныхъ разночинцевъ надъ невѣждами дворянчиками. Ковы и семейныя тайны знатныхъ стали достояніемъ каждаго. Духъ зашевелился вездѣ...

Наступила эпоха реформаціи, возрожденія наукъ и художествъ. Она создала свою литературу. Она принялась подражать до упаду грекамъ, а пуще того римлянамъ, которые сами передразнивали грековъ... Подражаніе стало повальнымъ. Франція, у которой всякій вкусъ загорается страстью, — постриглась въ монахини и заживо замуравила свой умъ въ гробовыя плиты классицизма. Когда Италія имѣла уже Данте, Испанія Кальдерона, Англія закалила духъ Шекспира, — Франція набивала колодки на даръ Корнеля и разсыропливала Расина водою Тибра, съ оржадомъ пополамъ. Французы нарумянили старушку древность краснымъ красно, облѣпили ее мушками, затянули въ китовые усы, научили танцовать менуэтъ, присѣдать по смычку. Малютку природу, которая имѣла неисправимое несчастіе быть не дворянкой—по приговору Академіи, выгнали за заставу, какъ потаскушку. Французы нашли Божій свѣтъ слишкомъ простонароднымъ и вздумали украшать природу, облагородить языкъ, и стали нелѣпы отъ того, что черезчуръ умничали. Французы, у которыхъ такъ недавно были войны Лиги, Варѳоломеевская ночь, пистолетъ Витри и ножъ Равальяка — на театрѣ боялись брызги крови, капли яду, прятали всѣ катастрофы за кулисы. Жалкіе мудрецы! и они еще увѣрены, что вѣроятность соблюдена у нихъ строго... И все это продолжалось до 1820 г. Франція побыла Республикою, побыла Имперіею, Революція перекипятила ее до млада въ кровавомъ котлѣ своемъ, — но старикъ театръ остался тѣмъ же старикомъ...

И не одинъ театръ былъ въ этомъ плѣну. Матеріализмъ закабалилъ философію. Рабле, проницательный ловецъ слабостей общества, и Монтень, глубочайшій изслѣдователь слабостей человѣка, оба романтика первой степени—были забыты. Мольеръ и Лафонтенъ—два генія, которые смѣли говорить правду—пошли

за безцѣнокъ. Вольтеръ сталъ трибуномъ своего вѣка. Гордый ползунъ, льстецъ и насмѣшникъ вмѣстѣ, скептикъ по рожденію и остроумецъ по ремеслу, онъ научилъ вольнодумство наѣзднической стрѣльбѣ насмѣшками. Вольтеръ былъ Діогенъ XVIII вѣка, но Діогенъ нѣженка, Діогенъ съ ключомъ на карманѣ. Какъ ни велика была, однако жъ, власть Вольтера, даже у насъ, гдѣ иные до сихъ поръ считаютъ его, жалкаго болтуна, величайшимъ философомъ, Вольтеръ не опередилъ своего вѣка.

Романтизмъ имѣлъ представителя и въ эту пору вещественности: то былъ независимый чудакъ Руссо. До него, около него, въ политикѣ, законовѣдѣніи, въ художествахъ, въ поэзіи ученые не видали никого выше грековъ и римлянъ—идеалъ совершенства былъ у нихъ назади. За утопіей рылись они въ землѣ, а не въ небѣ. Напротивъ, блестящій сонъ Руссо, увлекательный парадоксъ Руссо, отвергъ не только всѣ обычаи общества, но извратилъ и самую природу человѣка, создалъ своего человѣка, выдумалъ свое общество. Правда, подобно Платону, онъ заблудился въ облакахъ; онъ не достигъ истины, главнаго условія поэзіи; но онъ искалъ ея; онъ первый, хотя и въ бреду, сказалъ, что міръ можетъ быть улучшенъ иначе какъ есть, иначе какъ было... Донъ-Кихотъ утопіи, онъ ошибся въ приложеніи; но начала его были вѣрны. Поэтъ безъ риѳмъ, мыслитель безъ педантства, онъ составилъ звѣно между матеріализмомъ вѣка и духовностью вѣковъ...

На этой блестящей характеристикѣ Руссо обрываются разсужденія Бестужева объ иностранной словесности. Конецъ ихъ очень скомканъ и видно, что рукопись сокращена не по волѣ автора.

Слова Бестужева — какъ мы могли убѣдиться изъ этихъ длинныхъ выписокъ — должны были обратить на себя вниманіе зоркаго читателя. Это была не литературная критика, а первый и блестящій образецъ критики публицистической. Авторъ, повидимому, говорилъ о литературѣ, но попутно успѣлъ набросать цѣлую картину историческаго развитія человѣческой культуры. Онъ былъ, конечно, не самостоятеленъ въ своихъ сужденіяхъ, поверхностенъ, неточенъ въ выраженіяхъ, но никто до него не рѣшался на такой смѣлый обзоръ міровыхъ событій. И при всѣхъ своихъ ошибкахъ этотъ обзоръ въ основѣ былъ вѣренъ. Любопытна была въ немъ также и либерально-демократическая тенденція автора. Она продиктовала ему тѣ страницы, на которыхъ онъ говорилъ о судьбѣ простолюдина, объ его подневольномъ положеніи, и о жизни „дворянчиковъ“; она заставила его съ такой симпатіей говорить о Руссо и такъ безжалостно и несправедливо обругать Вольтера. Въ словахъ нашего автора проглядывалъ ясно и его романтическій темпераментъ, и его тяготѣніе къ идеализму, которое и побудило его обрушиться опять таки несправедливо на просвѣтительную литературу XVIII вѣка во Франціи.

Любопытны также и сужденія Бестужева о „романтизмѣ“. Все самобытное, оригинальное, возникшее органически изъ народной почвы, подходитъ, по мнѣнію автора, подъ понятіе *романтическаго*. Для него и Монтень, и Рабле и Руссо романтики въ одинаковой степени; романтизмъ нашелъ онъ и въ Индіи, и у Шекспира. Онъ готовъ вездѣ признать его, гдѣ встрѣчается съ истинной силой вдохновенія. Онъ суровъ только ко всѣмъ подражателямъ хотя бы они и были геніи, какъ, напр., Корнель, Расинъ и Вольтеръ. Но этимъ понятіемъ „оригинальнаго“ сущность романтизма, по мнѣнію Бестужева, не исчерпывается. Полнота жизни, воплощенная въ искусствѣ, есть тоже романтизмъ, и чѣмъ ближе искусство подходитъ къ жизни, тѣмъ оно романтичнѣе. Въ этомъ смыслѣ и Мольеръ и Лафонтенъ романтики, какъ и Монтень, и Рабле, потому что они вѣрны природѣ, и коренная ошибка греческаго театра въ томъ, что его комедія и трагедія отражали поперемѣнно лишь одну сторону человѣческой жизни и не возвысились до такого цѣльнаго взгляда на нее, какой былъ у Шекспира.

Какъ видимъ, понятіе туманнаго романтическаго настроенія Бестужевъ упростилъ до чрезвычайности, и слова „романтизмъ“ и „истинная поэзія“ на его языкѣ стали почти тождественны.

Это призвольное упрощеніе сказалось еще яснѣе на тѣхъ страницахъ его критической статьи, которыя онъ посвятилъ обзору исторіи развитія русской литературы со временъ Петра Великаго до появленія романа Полевого.

Эта бѣглая оцѣнка успѣховъ русской словесности за цѣлое столѣтіе — опять-таки смѣлый литературный подвигъ со стороны нашего автора.

Отмѣтивъ основную черту русскаго барина, который искони отличался необыкновенной уступчивостью своихъ нравовъ и пріемлемостью чужихъ, Бестужевъ характеризуетъ въ очень яркихъ словахъ нашу подражательную литературу XVIII-го вѣка. Нѣмцевъ онъ, однако, не бранитъ, но за то онъ безпощаденъ къ французамъ, къ ихъ литературѣ, которая завалила матушку-Русь своими обломками и своими потомками, которая наводнила насъ пѣснями, гравюрами и книгами, постыдными для человѣчества, гибельными для юношества, выдумками, охлаждающими сердца къ доблестямъ старины, которая убила въ цвѣту лучшія надежды Россіи, ставя цѣлью бытія животныя наслажденія, внушая недовѣріе, или, что̀ еще хуже, равнодушіе ко всему благородному въ человѣкѣ, ко всему священному на землѣ... Забывая свои обязанности оцѣнщика художественныхъ сторонъ словесности, Бестужевъ, какъ русскій патріотъ, краснѣя, вспоминаетъ про эту эпоху „графинекъ и князьковъ“, эпоху, въ которую городское дворянство наше такъ-же усердно старалось выказывать свою безнравственность, какъ въ другое время ее прячутъ, эпоху, когда продажность гуляла вездѣ безъ укора или скрывалась безъ труда...

Кто, однако жъ, выслѣдитъ пути Провидѣнія, кто? — спрашиваетъ нашъ оптимистъ. Можетъ быть, оно нарочно даетъ грязному ручью пробраздить дѣвственную землю, чтобы въ его ложе бросить по веснѣ многоводную рѣку просвѣщенія?

Не объяснивъ, чѣмъ именно французская литература была такъ грязна, критикъ, упомянувъ вскользь о „миндальномъ молокѣ“ поэзіи Эмина, Княжнина, Сумарокова и Хераскова, спѣшитъ перейдти къ огнедышащему Державину, который взбросилъ до звѣздъ мѣдь и пламя русскаго слова. Самородный великанъ этотъ пошелъ въ бой поэзіи по безднамъ, надвинулъ огнепернатый шлемъ, схвативъ на бедро лучъ солнца, раздавливая хребты горъ пятою, кидая башни за облака. Философъ - поэтъ, онъ первый положилъ камень русскаго романтизма не только по духу, но и по дерзости образовъ, по новости формъ. Однако, почему его почитали? Не за его талантъ, а за то, что онъ былъ любимецъ Екатерины и тайный совѣтникъ. Всѣ подражали ему, потому что полагали съ Парнасса махнуть въ слѣдующій классъ, получить перстенекъ или приборецъ на нижнемъ концѣ стола вельможи, или хоть позволеніе потолкаться въ его прихожей.

Но поэзія Державина была выше средняго уровня. Публикѣ нужна была словесность для домашняго обихода... И вотъ Богдановичъ промолвился „Душенькой“, Фонъ-Визинъ „замѣдѣнилъ“ для потомства лица своихъ современниковъ-провинціаловъ; явился Дмитріевъ съ легкимъ стихомъ, кой гдѣ съ прозеленью народности. Наконецъ, блеснулъ и Карамзинъ, которому дано было внушить русскимъ романтическую мечтательность и заставить ихъ полюбить родную исторію. Карамзинъ привезъ изъ за границы полный запасъ сердечности, и „Бѣдная Лиза“, его чувствительное путешествіе, въ которомъ онъ такъ неудачно подражалъ Стерну, вскружили всѣмъ головы. Всѣ завздыхали до обморока, всѣ кинулись ронять алмазныя слезы на ландыши, надъ горшкомъ молока, топиться въ лужѣ. Всѣ заговорили о матери природѣ — они, которые видѣли природу только съ просонка изъ окна кареты!—Слова „чувствительность“, „несчастная любовь“ стали шиболетомъ, лозунгомъ для входа во всѣ общества. Это былъ безвременный, разслащенный вертеризмъ. Словесность наша пережевывала Мармонтеля и мадамъ Жанлисъ. Тогда одинъ лишь Крыловъ обновлялъ и умъ, и языкъ русскій во всей ихъ народности. Только у него народность была свѣжа собственнымъ румянцемъ, удала собственными силами; только у него были природные русскіе мужички, и счастливы мы, имѣвшіе крестными отцами Крылова и XIX вѣкъ. Первый научилъ насъ говорить по русски; второй мыслить по европейски.

Скоро и Жуковскій познакомилъ насъ съ послѣдними пѣснями нѣмецкаго вдохновенія. Великое поприще для ума и чувства открыто было въ сосѣдней съ нами Германіи. Шиллеръ усвоилъ

нѣмецкой словесности романтизмъ Шекспировъ. Закипѣли словесность, исторія, философія, критика новыми, смѣлыми, плодородными идеями, объяснившими человѣчество, раздвинувшими умъ человѣка уже не бѣглымъ опытомъ, но пытливостью воображенія. Тогда же блеснулъ и Гете, который собралъ въ себѣ всѣ лучи просвѣщенія Германіи, который воплотилъ, олицетворилъ въ себѣ Германію, половина которой въ пыли феодализма, а другая въ облакахъ отвлеченностей, Германію, простодушную до смѣха и ученую до слезъ. Все яркое въ мірѣ отразилось въ твореніяхъ Гете, все, кромѣ чувства патріотизма, и этимъ-то всего болѣе осуществилъ онъ въ себѣ Германію, которая вынула изъ человѣка душу и разсматривала ее отдѣльно отъ народной жизни. Но Германія, истощенная умственнымъ усиліемъ ея геніевъ, упала въ дремоту и, воротясь изъ всемірнаго облета, усѣлась за частности, за бытъ запечный; нарядилась въ alte deutsche Tracht, заиграла на гудкѣ сельскую пѣсню, зафилософствовала на старый ладъ съ Гегелемъ, затянула съ Уландомъ про *что-то* и *нѣчто*, превратилась въ лепетъ засыпающаго. Вотъ въ эту то эпоху и засталъ ее Жуковскій и пересадилъ ея романтизмъ въ дѣвственную почву словесности. Онъ пересадилъ, такимъ образомъ, только одинъ цвѣтокъ ея...

Еще Русь отзывалась грустными напѣвами Жуковскаго, когда блеснулъ А. Пушкинъ, рѣзвый, дерзкій Пушкинъ, почти ровесникъ своему вѣку и вполнѣ родной своему народу. Сначала причудливый, какъ Потемкинъ, онъ бросалъ жемчугъ свой въ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго; но, заплативъ дань Лафару и Парни, раскланявшись съ Донъ-Жуаномъ, Пушкинъ сбросилъ долой плащъ Байрона и въ послѣднихъ твореніяхъ явился гордъ и самобытенъ.

Жуковскій и Пушкинъ были истинными двигателями нашей словесности и затаврили своимъ духомъ цѣлые табуны подражателей. Жуковскій и Пушкинъ при жизни своей увлекли въ свою волею тысячи, но увлекли нечаянно... Тьма бездарныхъ и полударныхъ крадуновъ пѣвца Минваны сдѣлались вялыми пѣвцами увялой души, утомительными пѣвцами томности, близорукими пѣвцами дали. И потомъ, собачій вой ихъ балладъ, страшныхъ одною нелѣпостью; ихъ бѣсы, пахнущіе кренделями, а не сѣрою; ихъ разбойники, взятые напрокатъ у Нодье, надоѣли всѣмъ и всякому не хуже нынѣшней гомеопатической и холерной полемики. Съ другой стороны, гяуризмъ и донъ-жуанизмъ, выкраденный изъ кармановъ Пушкина, размѣненный на полушки, разбитый въ дробь, полетѣлъ изо всѣхъ рукъ. Житья не стало отъ толстощекой безнадежности, отъ самоубійствъ шампанскими пробками, отъ злодѣевъ съ биноклями, въ перчаткахъ glacés; не стало житья отъ похмѣльныхъ студентовъ, воспѣвающихъ сальныхъ гетеръ Фонарнаго переулка. Но какъ бы то ни было, мы перестали

играть въ жмурки съ мраморными статуями, и роковое слово: „*романтизмъ*“ было, наконецъ, произнесено.

И закипѣлъ бой классиковъ съ романтиками. Должно, однако, признаться, что этотъ бой былъ очень смѣшонъ. Старики не постигали древнихъ, молодежь толковала о новыхъ писателяхъ по наслышкѣ. Одни задыхались подъ ржавыми латами, другіе не умѣли владѣть своимъ духовымъ ружьемъ. Но всетаки фарфоровый Голіаѳъ долженъ былъ брякнуться о земь.

Романтизмъ побѣдилъ, идеализмъ побѣдилъ, и гдѣ-жъ было воевать пудрѣ съ порохомъ? Но не будемъ самолюбивы. Не наши силы, не наши познанія были виной такой побѣды—далеко нѣтъ! Насъ выручило время. Мы не приняли романтизма, но онъ взялъ насъ съ боя, завоевалъ насъ, какъ татары, такъ что никто не зналъ, не вѣдалъ, откуда взялись они. Романтизмъ скитается между нами, какъ Вѣчный Жидъ; онъ уже строитъ свои фантастическіе за́мки,—а мы все споримъ, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, и, вѣроятно, не ранѣе повѣримъ, что онъ получилъ русское гражданство и княжество, какъ прочитавъ это въ „Гамбургскомъ Корреспондентѣ“. Въ нашъ вѣкъ поэтъ не можетъ не быть романтикомъ...

На этомъ категорическомъ утвержденіи Бестужевъ заканчиваетъ введеніе своей критической статьи, чтобы перейти къ обзору русскихъ историческихъ романовъ и въ частности къ разбору романа Полевого.

Какъ видимъ, и примѣнительно къ русской литературѣ, слово „романтизмъ“ сохранило свое широкое значеніе. Оно совпало съ понятіемъ всего живого, оригинальнаго, сильнаго въ литературѣ. Романтики это—тѣ, которые оттѣснили стариковъ-подражателей; имъ принадлежитъ будущее; но кто они, какъ художники, какіе ихъ пріемы мастерства, какое міросозерцаніе отдѣляетъ ихъ отъ тѣхъ, кто не романтики — объ этомъ Бестужевъ не говоритъ; для него романтизмъ есть только литературный боевой кличъ молодежи, сильно-чувствующей и бурно-думающей, и эта молодость души и ума и кажется ему эквивалентомъ любой эстетической теоріи.

Обзоръ историческихъ русскихъ романовъ, который Бестужевъ далъ въ послѣдней части своего критическаго очерка— обзоръ бѣглый, но также не лишенный оригинальныхъ мыслей.

Начинается онъ съ любопытныхъ строкъ, въ которыхъ нашъ авторъ опредѣляетъ свою собственную заслугу передъ русскимъ историческимъ романомъ. Что рѣдко бываетъ—онъ обнаруживаетъ въ этой самооцѣнкѣ правильное безпристрастіе. „Историческія повѣсти Марлинскаго, пишетъ онъ, въ которыхъ онъ сбросилъ путы книжнаго языка, заговорилъ живымъ русскимъ нарѣчіемъ, служили дверьми въ хоромы полнаго романа“. На похвалы своимъ конкуррентамъ, за исключеніемъ лишь Полевого, онъ былъ,

однако, не очень щедръ. Много комплиментовъ сказалъ онъ про Булгарина, но добавилъ, что Булгаринъ не постигъ духа русскаго народа, что онъ изобразилъ не Русь, а газетную Русь, что онъ слишкомъ любилъ романизировать похожденія своихъ героевъ, что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ его романахъ историческая часть вовсе чахоточна. Про Загоскина сказано, что въ истинѣ мелкихъ характеровъ и быта Руси онъ превзошелъ Булгарина, но во взглядѣ на историческія событія не опередилъ его, не говоря уже о томъ, что чужеземная поддѣлка не спряталась у него подъ игривостью русскаго языка. Не много похвальнаго сказалъ Бестужевъ и о Калашниковѣ и Масальскомъ; и одинъ лишь Лажечниковъ—не смотря на прыгучій слогъ свой и на двойную путаницу завязки—понравился ему горячей игрой своихъ характеровъ...

Всѣхъ затмилъ, по мнѣнію Бестужева, одинъ лишь Полевой, который съ такимъ пылкимъ самоотверженіемъ посвятилъ себя правдѣ и пользѣ русскаго просвѣщенія. Онъ началъ блестяще, съ „Исторіи русскаго народа“, которая не была „златопернатымъ разсказомъ Карамзина“, но повѣствованіемъ пернатымъ свѣтлыми идеями. Не изъ толпы, а съ выси горъ смотрѣлъ въ ней авторъ на торжественный ходъ вѣковъ. Это была исторія, достойная своего вѣка. Барантъ, Тьерри, Нибуръ, Савиньи напутствовали автора, и потому-то современность исторіи Полевого съ ея забіячливою походкою возбудила противъ себя всю нашу, даже не золотую посредственность. Зашипѣли кислыя щи пузырныя, и всѣ, которыхъ задѣвалъ Полевой своею искренностью, расходились на французскихъ дрожжахъ. Но Полевой довершилъ свой историческій подвигъ, досказавъ прерванную имъ русскую исторію въ романѣ „Клятва при Гробѣ Господнемъ“. Это была удачная мысль—мысль воскресить въ романѣ наше прошлое и мысль, достойная большого патріота.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы плохо умѣемъ цѣнить богатства нашей старины!—восклицаетъ Бестужевъ. Русь это—нѣчто самобытное и оригинальное. Чѣмъ мы хуже Европы? Развѣ мы даромъ прожили вѣка? Русь была отчуждена отъ Европы, не отъ Человѣчества, и оно, при подобныхъ европейскихъ обстоятельствахъ, выражалось подобными же переворотами. За исключеніемъ Крестовыхъ походовъ и Реформаціи, чего у насъ не было, что было въ Европѣ? А, сверхъ того, характеры князей и народа долженствовали у насъ быть ярче, самобытнѣе, рѣшительнѣе, потому что человѣкъ на Руси боролся съ природою болѣе жестокою, со врагами болѣе ужасными, чѣмъ гдѣ либо. Вглядитесь въ черты князей нашихъ, сперва исполинскія, потомъ лишь удалыя, потомъ уже коварныя, и скажите, чѣмъ хуже они героевъ Вальтеръ-Скотта или Виктора Гюго, для романа? У нихъ, какъ вездѣ, былъ свой махіавелизмъ для силы и для безсилія; были свои ковы и оковы, и ядъ подъ ногтемъ, и ножъ подъ полою. У

нихъ были свои льстецы-предатели, свои вельможи-дядьки, свои жены—Царь-бабы, свои братья Каины. Да и черный народъ нашъ (кромѣ рабовъ), смерды, людины, крестьяне, мѣстичи, безъ сомнѣнья долженствовалъ быть гораздо смышленѣе сервовъ среднихъ вѣковъ. Онъ не составлялъ части земли: онъ имѣлъ свои сходки, онъ уходилъ на войну съ князьями, чего не было въ Европѣ. Руссакъ не былъ низокъ, ибо не терпѣлъ униженія наравнѣ съ вассалами Европы. Ни рвы, ни башни не дѣлили ихъ между собою. Жалобы селянина доступны были боярину, и бытъ боярина, простой почти столько же, какъ бытъ селянина, не давалъ повода первому презирать послѣдняго, ни послѣднему ненавидѣть перваго. Но оставимъ эти историческіе факты—обратимся къ міру вымысла и мы увидимъ, какъ богаты были поэзіей и смысломъ поэтическія воззрѣнія нашихъ предковъ на природу. Наши сказочные образы—чѣмъ они хуже Пука и Аріэля Шекспира, или Трильби Нодье? Да и что за богатое, оригинальное лицо самъ чортъ нашъ? Онъ не Демонъ, не Ариманъ, не Шайтанъ, даже не Мефистофель—онъ просто бѣсъ, безъ всякихъ претензій на величіе. Онъ гораздо добрѣе всѣхъ ихъ. Онъ большой балагуръ, онъ отчаянный рѣзвецъ, и порой бываетъ проще пошехонца... Какъ хорошо можно эксплуатировать всѣ эти образы для литературныхъ цѣлей. Казакъ Луганскій показалъ, какъ занимательны могутъ быть эти простые цвѣтки русскаго остроумія, свитые искусною рукою. Чародѣй Вельтманъ, который выкупалъ русскую старину въ романтизмѣ, доказалъ также, до какой обаятельной прелести можетъ доцвѣсть русская сказка, спрыснутая мыслью,—и, наконецъ, какъ много веселья и трезваго ума въ такихъ сказкахъ! Она умѣла уколоть шуткою и князя, и боярина, и попа... Отличительная черта русскаго простолюдина, что онъ никогда не былъ изувѣромъ и не смѣшивалъ вѣры со служителями вѣры; благоговѣлъ передъ ризою, но не передъ рясою, и рѣдкая смѣшная сказка или пѣсня обходится у насъ безъ попа или чернеца.

И еще есть у насъ стихія, драгоцѣнная, это—дураки и шуты. Съ тѣхъ поръ, какъ наглую правду выгнали изъ дворца за безстыдство, она прикинулась баснею и шуткою, спряталась подъ ослиное сѣдло, захрюкала, запѣла кукареку, покатилась колесомъ, заломила на бекрень дурацкую шапку и стала ввертывать свои укоры между хохота и ударовъ хлопушки... Однимъ словомъ, шутъ-простолюдинъ, приближенный къ князю, былъ что-то похоже на народнаго трибуна въ карикатурѣ (!).

Вотъ какое богатство представляетъ наша самобытная жизнь для искусства. Въ нашей жизни, въ нашей исторіи, въ произведеніяхъ нашего народнаго творчества такъ много оригинальнаго, поэтическаго и красиваго! И можно ли исчислить всѣ дѣвствен-

ные ключи, которые таятся доселѣ въ кряжѣ русскомъ? стóитъ генію топнуть, и они брызнутъ обильны, искрометны.

И, какъ наглядное доказательство своей мысли, Бестужевъ пересказываетъ содержаніе романа Полевого „Клятва при Гробѣ Господнемъ", останавливаясь подробно на характеристикѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Критическихъ замѣчаній въ этомъ разборѣ мало. Критикъ отмѣчаетъ неровности въ языкѣ романиста, несовершенство слога, какимъ написана повѣсть, но въ общемъ его статья—хвалебный гимнъ: „Клятва" Полевого это—концертъ Бетховена, сыгранный на плохой скрипкѣ.

Въ данномъ случаѣ Бестужевъ, конечно, преувеличилъ, и его оцѣнка романа Полевого сама по себѣ цѣны не имѣетъ. Въ ней при случаѣ высказанныя мысли важнѣе основныхъ. Такія цѣнныя случайныя замѣтки попадаются и на послѣднихъ страницахъ его отзыва.

Для своего времени очень тонкими были, напр., его замѣтки о реализмѣ въ искусствѣ. Писатели—говорилъ онъ—иногда выводятъ самыхъ ничтожныхъ лицъ и ведутъ самые пустые разговоры и оправдываются словами: „это съ природы!" Помилуйте, господа! развѣ простота — пошлость! Природа! послѣ этого, тотъ, кто хорошо хрюкаетъ поросенкомъ, величайшій изъ виртуозовъ, и фельдшеръ, снявшій алебастровую маску съ Наполеона, первый ваятель! Искусство не рабски передразниваетъ природу, а создаетъ свое изъ ея матеріаловъ. Дайте намъ не условный міръ, но избранный міръ, т. е. дайте намъ типы, а не фотографіи, и при томъ въ русскомъ тѣлѣ, въ русскомъ духѣ...

Такова въ ея главнѣйшихъ мысляхъ эта замѣчательная статья *). Она была необычайно смѣла по замыслу. Авторъ былъ правъ, когда говорилъ, что онъ придрался только къ случаю, чтобы изложить свои мысли по самымъ различнымъ предметамъ. Статья разрослась, какъ мы видѣли, въ цѣлый краткій очеркъ всемірной культуры. Авторъ хотѣлъ блеснуть своими историческими и литературными знаніями. Онъ пріобрѣлъ ихъ, конечно, не изъ первыхъ рукъ, но онъ удачно ихъ систематизировалъ, и, благодаря этой историко-литературной панорамѣ, которую цензура не позволила ему, однако, развернуть полностью, статья получала общеобразовательное значеніе. Русскій читатель узнавалъ изъ нея массу новаго, не говоря уже о томъ, что авторъ поддерживалъ его во все время чтенія въ очень бодромъ настроеніи, въ томъ свѣжемъ, романтическомъ и задорномъ настроеніи, которое онъ такъ цѣнилъ въ себѣ самомъ. И, дѣйствительно, не смотря на цензурные штрихи, статья—какъ мы могли убѣдиться—сохранила мѣстами свой агрессивный публицистическій тонъ, по существу либеральный и просвѣщенный.

*) «Московскій Телеграфъ» 1833 г. № XV. Августъ 399 — 420; № XVI 541—555; № XVII Сентябрь 85—107; № XVIII, 216—244.

Статья была замѣчена, и семь лѣтъ спустя послѣ ея выхода въ свѣтъ Бѣлинскій рекомендовалъ ее вниманію своихъ читателей. Отозвавшись съ достаточной небрежностью о всей первой части статьи Бестужева, въ которой говорилось о западноевропейскихъ литературныхъ теченіяхъ, упрекнувъ автора также въ томъ, что онъ не имѣетъ яснаго понятія о романтизмѣ, что въ его глазахъ всѣ талантливые писатели — романтики, а романтизмъ—ключъ ко всякой мудрости, рѣшеніе всего и на землѣ, и подъ землею, — Бѣлинскій съ большой похвалой остановился на „свѣтлыхъ и вѣрныхъ мысляхъ Марлинскаго, на тѣхъ его страницахъ, которыя сіяютъ и блещутъ живымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, брилліантовымъ языкомъ. Къ такимъ страницамъ онъ относилъ всѣ тѣ, на которыхъ авторъ разбиралъ русскихъ писателей“... и Бѣлинскій дѣлалъ нѣсколько выписокъ изъ статьи, чтобы читатель могъ судить, насколько его (Бѣлинскаго) мысли совпадаютъ съ мыслями его предшественника.

„Оставляя въ сторонѣ ложность или поверхностность многихъ мыслей, заканчивалъ Бѣлинскій свой отзывъ о Бестужевѣ, какъ о критикѣ, пройдя молчаніемъ неудачныя и неумѣстныя претензіи на остроуміе и оригинальность выраженія—скажемъ, что многія свѣтлыя мысли, часто обнаруживающія вѣрное чувство изящнаго, и все это, высказанное живо, пламенно, увлекательно, оригинально и остроумно — составляютъ неотъемлемую и важную заслугу Бестужева. Онъ былъ первый, сказавшій въ нашей литературѣ много новаго, такъ что все, писавшееся потомъ въ „Телеграфѣ“, было повтореніемъ уже сказаннаго имъ въ его литературныхъ обозрѣніяхъ *). Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ его примѣчательная и —не смотря на отсутствіе внутренней связи и послѣдовательности, на неумѣстность толковъ о всякой всячинѣ, не идущей къ дѣлу, не смотря на множество софизмовъ и явное пристрастіе — прекрасная статья о „Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ“. „Телеграфъ“, во все время своего существованія, ни на одну ноту не сказалъ больше сказаннаго Марлинскимъ, и только развѣ отсталъ отъ него, обратившись къ устарѣвшимъ мнѣніямъ, которыя прежде самъ преслѣдовалъ. Да, Марлинскій не много дѣйствовалъ, какъ критикъ, но много сдѣлалъ,— его заслуги въ этомъ отношеніи незабвенны“...

Въ этихъ словахъ — словахъ писателя, который признаетъ себя должникомъ своего предшественника — указано, хоть и неопредѣленно, но довольно вѣрно то мѣсто, которое занимаетъ Бестужевъ въ исторіи русской критики.

При опредѣленіи его заслуги, какъ критика, не должна только

---

*) При своей нелюбви къ Полевому Бѣлинскій, очевидно, преувеличилъ. Критика «Полярной Звѣзды», какъ мы помнимъ, была несравненно уже и блѣднѣе всего того, что писалось въ «Телеграфѣ».

имѣть рѣшающее значеніе его статья о романѣ Полевого, такъ какъ она была написана въ годы, когда критическая наша мысль уже достаточно окрѣпла. Бестужевъ былъ цѣненъ для насъ, главнымъ образомъ какъ литературный судья 20-хъ годовъ, когда критика находилась еще въ пеленкахъ.

XI.

Наша критическая мысль двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ можетъ быть подведена подъ два основныхъ типа. Критикъ въ своихъ сужденіяхъ исходилъ либо изъ *теоретическихъ* взглядовъ, заимствованныхъ или самостоятельныхъ, либо онъ руководился своимъ *непосредственнымъ эстетическимъ чувствомъ*, и, вмѣсто того, чтобы оправдывать на разбираемомъ произведеніи какую-нибудь теорію, онъ просто обращалъ вниманіе читателя на то, что въ этомъ произведеніи онъ находилъ художественнаго или нехудожественнаго. До Бѣлинскаго критика *теоретическая* была представлена Веневитиновымъ, Кирѣевскимъ и Надеждинымъ, а критика, построенная почти исключительно на *непосредственномъ чувствѣ*—Вяземскимъ, Бестужевымъ и Полевымъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ критиковъ Бестужевъ съ Вяземскимъ были старѣйшіе. Но если принять во вниманіе, что расцвѣтъ критики Вяземскаго падаетъ послѣ 1825 года, когда Бестужевъ свою роль, какъ критикъ, закончилъ, то именно его (Бестужева) и нужно признать за перваго піонера русской критической мысли.

Онъ не былъ силенъ ни своими знаніями разныхъ теорій, ни способностью въ нихъ углубляться, онъ бралъ врожденнымъ эстетическимъ чутьемъ и вкусомъ, который, какъ мы видѣли, хотя и дѣлалъ крупные промахи, но въ большинствѣ случаевъ попадалъ вѣрно.

Но, кромѣ этого, въ критикѣ Бестужева была еще и другая весьма значительная и новая сила; она сказывалась — въ публицистической тенденціи автора, въ постоянномъ его стремленіи связать литературу съ жизнью современной, въ попыткахъ изслѣдовать общественныя причины ея роста или увяданія. Эта публицистическая тенденція до Бестужева была въ литературѣ почти совсѣмъ незамѣтна. Въ его время она проскальзывала въ очень общей формѣ у Веневитинова и Кирѣевскаго, когда имъ приходилось касаться ихъ излюбленнаго вопроса о культурномъ призваніи русской націи и государства, она встрѣчалась у Вяземскаго, который умѣлъ быть иногда острымъ и деликатнымъ сатирикомъ; попадалась она также въ статьяхъ Полевого и Надеждина, въ формѣ болѣе грубой.—И только у Бестужева, который раньше ихъ всѣхъ выступилъ со своимъ словомъ,—эта публицистическая тенденція проступала наружу вполнѣ опредѣленно, какъ

руководящая тенденція, которой авторъ придавалъ большое значеніе.

И если Бестужевъ былъ предшественникомъ Бѣлинскаго,—какъ теперь уже признано,—то Бѣлинскій могъ вспомнить о немъ не тогда, когда развивалъ какія-нибудь теоріи или когда отдавался непосредственному своему эстетическому чувству, а въ тѣ минуты, когда благодарилъ или упрекалъ искуство за его внимательное или невнимательное отношеніе къ явленіямъ дѣйствительности.

Н. Котляревскій.

---

* * *

Посмотри: ужъ потемнѣла
Облаковъ вечернихъ стая...
У прибрежныхъ скалъ запѣла
Цѣпь валовъ сторожевая.
То отхлынетъ съ легкимъ шумомъ,
То нахлынетъ, закипая,
Съ видомъ пасмурно-угрюмымъ,
Вся въ слезахъ, волна сѣдая.
Будто ей въ морскомъ просторѣ,
За равниной водъ лазурныхъ,
Вдругъ почудилося горе
Дней грядущихъ,—грозныхъ, бурныхъ...

Н. Шрейтеръ.

Монте-Карло.

(Очеркъ).

I.

— А вотъ и *Дворянская* волость скоро,—сказалъ мнѣ лѣтъ шестнадцать тому назадъ ямщикъ, который подвозилъ меня къ Витиму, къ приленскому селу, заброшенному въ дикой олекминской тайгѣ.

— Почто вы ее прозвали такъ?—спросилъ я тогда ямщика.

— Да какъ же не Дворянская волость,—отвѣтилъ онъ,—коли тутъ крестьяне не пашутъ, работы не любятъ, а ѣдятъ сытно и живутъ, какъ господа.

Витимъ тогда служилъ первой станціей для пріискателей, вышедшихъ изъ тайги. Сюда являлись съ заработанными за цѣлую „операцію" деньгами тысячи рабочихъ, наголодавшихся и намучившихся на каторжной работѣ въ тайгѣ. До тѣхъ поръ въ карманѣ пріискателя не было ни копѣйки; все забиралось въ компанейскихъ магазинахъ на книжку. Теперь, послѣ „операціи", у него оказывался цѣлый капиталъ, рублей въ 300 — 400, а то и гораздо больше. И это у поселенца, привыкшаго смотрѣть даже на гривенникъ, какъ на солидную сумму. Въ тайгѣ пріискатель былъ безсловеснымъ вьючнымъ животнымъ въ рукахъ компаніи. И вдругъ вся эта тысячная толпа въ одинъ и тотъ же день, 10 октября, оказывалась на свободѣ, въ чемъ она спѣшила убѣдить самое себя въ первомъ же попутномъ селѣ, т. е. въ Витимѣ. Село становилось мѣстомъ дикаго, сумасшедшаго разгула. Многочисленные магазины, кабаки и трактиры, выросшіе въ нѣсколько часовъ, затѣмъ все населеніе поголовно — только и ждали этого дня. Работникъ начиналъ съ того, что сбрасывалъ съ себя рваную „лопать", взятую за дорогую цѣну „на книжку" изъ компанейскихъ магазиновъ, и облачался въ полный парадный костюмъ удачливаго пріискателя: въ сапоги бутылками, въ широкіе бархатные шаровары и поддевку, въ бобровую шапку. Онъ надѣвалъ нѣсколько шелковыхъ рубахъ одну на другую, одна короче

другой и различныхъ цвѣтовъ, чтобы видно было. Въ магазинахъ глухой деревни, заброшенной въ дикой тайгѣ, въ которой кочуютъ тунгусы, находящіеся еще на рубежѣ чуть ли не каменнаго вѣка, можно было найти множество драгоцѣнныхъ вещей, доставленныхъ сюда изъ Вѣны и Парижа. И вотъ пріискатель покупалъ себѣ часы, да не одни, а пару. Затѣмъ принимался „гулять“: нанималъ трехъ бабъ, запрягалъ ихъ въ телѣгу и съ гикомъ разъѣзжалъ по селу. А то покупалъ дорогую шаль, сядетъ на нее и найметъ четырехъ чалдоновъ, чтобы тѣ таскали его изъ кабака въ кабакъ. Другой возьметъ въ магазинѣ нѣсколько кусковъ ситца по цѣнѣ, которую запросятъ, и разстелетъ ихъ по грязи. Впереди плясалъ по нимъ пріискатель со штофомъ въ рукахъ, а сзади его вели по ситцу спеціально нанятаго коня. Это—въ знакъ презрѣнія къ деньгамъ. Процессію замыкали музыканты. Въ другое время въ тайгѣ, на пріискахъ, работника могъ поколотить любой изъ начальства, начиная отъ „гавкала“, т. е. десятника. И у пріискателя выработалось глубокое убѣжденіе, что „гулять“—значитъ находится въ такомъ положеніи, когда можно бить другихъ. Онъ нанималъ чалдона, которому давалъ пощечины по пятишницѣ за каждую. „Бить, пить и любить“ — такова трехчленная формула каждаго дикаго разгула. Къ услугамъ пріискателя являлось не только поголовно все молодое женское населеніе Дворянской волости, но и масса проститутокъ, спеціально къ этому дню пріѣзжавшихъ изъ Якутска и Иркутска. Иные пріискатели выносили изъ тайги двѣ и даже три тысячи рублей, считая съ платой за подъемное и старательское золото. И все это оставлялось въ Витимѣ. Въ пьяномъ видѣ надъ пріискателями учинялись преступленія. Обобрать работника было самымъ невиннымъ дѣломъ. Каждый годъ послѣ десятаго октября въ Ленѣ, на берегу въ кустахъ находили десятка два мертвыхъ тѣлъ. Многіе пріискатели пропадали безслѣдно. Черезъ два-три дня сумасшедшаго разгула пріискатель пропивалъ все. Тогда въ кабакъ и въ руки бабъ шла нарядная лопать, часы, золотыя масивныя самодѣльныя кольца, образцомъ для которыхъ служили звенья отъ кандаловъ. Тогда пріискатель записывался на новую операцію. Въ нѣсколько дней витимцы добывали легкимъ путемъ средства, чтобы жить „по дворянски“ цѣлый годъ. Мужское населеніе умѣло только „служить“ и грабить, а женское населеніе—знало только париться съ пріискателями въ баняхъ...

II.

Теперь я знаю другую Дворянскую волость, все населеніе которой тоже не сѣетъ, не жнетъ, не работаетъ, но живетъ на счетъ страстей пріѣзжихъ, оставляющихъ здѣсь ежегодно болѣе десяти милліоновъ рублей. Эта Дворянская волость лежитъ не въ глухой тайгѣ, на дикомъ берегу Лены, а у смѣющагося, сверкающаго подъ ослѣпительнымъ южнымъ солнцемъ моря. Съ трехъ сторонъ ее обступили отвѣсныя, высокія, рыжія скалы. И когда скроется солнце, потемнѣетъ южное небо, а линіи горнаго хребта потонутъ въ ароматной мглѣ, тогда кажется, что уголокъ этотъ совершенно отрѣзанъ отъ всего міра, какъ та таинственная страна, куда случайно, черезъ подземный потокъ, попалъ Симбадъ Мореходецъ. Огоньки, вспыхивающіе кое-гдѣ по откосу горъ, кажутся тогда свѣтящимися глазами невидимыхъ драконовъ, охраняющихъ волшебную страну отъ посторонняго глаза. Скалы, окружившія эту Дворянскую волость, такъ же дики, какъ приленскіе гольцы; но отъ нихъ къ берегу моря идутъ не корявый листвякъ, а сады, прекрасные, какъ мечта. Тутъ собрано все, что можетъ дать тучная почва подъ жаркими поцѣлуями солнца въ странѣ, не знающей зимы. Мирты, розы, цвѣтущія въ январѣ, азаліи, алоэ, гигантскія пальмы, десятки видовъ кактусовъ, сотни породъ душистыхъ тропическихъ кустарниковъ и деревьевъ. Все это собрано сюда изъ Сингапура, Китая, Мексики, Бразиліи, Борнео, потому что здѣсь небо прекрасно, какъ дѣтская улыбка, и глубоко, какъ вѣчность. Рядомъ съ пальмами, машущими лѣниво гигантскими перистыми листьями—странныя растенія, листья которыхъ извиваются, какъ змѣи, или похожи на раскрытую пасть крокодиловъ. А среди пальмъ, вмѣсто волшебнаго дворца, уродливое, аляповато-великолѣпное, громадное зданіе, похожее на колоссальный бѣлый тортъ, утыканный засахаренными фруктами. Строители не жалѣли ни денегъ, ни мрамора, ни позолоты, но вышло нѣчто грубое, кричащее и претенціозное, составляющее дикій контрастъ съ сказочными садами и съ безграничнымъ моремъ, сверкающимъ на южномъ солнцѣ, какъ чешуя исполинской рыбы. Уголокъ этотъ, окруженный скалами—княжество Монако; аляповато-великолѣпный домъ—храмъ бога случая, игорный притонъ, притягивающій сюда тысячи людей изъ Россіи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Бразиліи, Аргентины,—словомъ, со всего міра.

Княжество заключаетъ два города, отдѣленные другъ отъ друга только глубокимъ оврагомъ: Монако и Монте-Карло. За три су можно на электрическомъ трамваѣ проѣхать княжество изъ конца въ конецъ. Посредственный пѣшеходъ можетъ исходить его отъ границы до границы минутъ въ пятьдесятъ. Одинъ го-

родъ, столица княжества, лежитъ на обрывистой скалѣ, круто спускающейся въ лазоревыя волны Средиземнаго моря. На самой вершинѣ скалы площадка, на которой стоятъ пять-шесть пушекъ, вся артиллерія княжества. Впрочемъ, это одна декорація. Монако ни съ кѣмъ не собирается воевать, да едва ли пушки настоящія. Другой городъ—Монте-Карло стоитъ въ оврагѣ, ближе къ морю. Онъ почти весь состоитъ изъ великолѣпныхъ отелей. Характеръ мѣста опредѣляется быстро. На каждомъ шагу или роскошное кафэ, или ювелирный магазинъ, или касса ссудъ. Вещи, выставленныя въ витринахъ ювелирныхъ магазиновъ, очень дорогія: тутъ броши съ большими алмазами, перстни, рубиновыя серьги, жемчужныя ожерелья, драгоцѣнные золотые нессесеры и пр. Все это носитъ случайный и пестрый характеръ. Какъ въ Витимѣ пріискатель покупалъ и пропивалъ черезъ два дня часы и кольца, такъ и тутъ счастливый игрокъ накупаетъ брошки, нессесеры и пр., которые завтра же, быть можетъ, понесетъ въ ломбардъ. Въ каретахъ и въ автомобиляхъ безпрерывно проѣзжаютъ разодѣтыя, намазанныя дамы, сверкающія бриліантами. Монте-Карло hunting graund для шикарныхъ кокотокъ столицъ всей Европы. На тротуарахъ слышится разноязычный говоръ. Какъ въ древнемъ мірѣ со всей Эллады сбирались къ храму дельфійскаго божества, такъ теперь изъ всѣхъ культурныхъ странъ съѣзжаются въ Монако, чтобъ посовѣтоваться съ божествомъ храма Случая, съ рулеткой. У кафэ можно услышать въ нѣсколько минутъ грубый, скрипящій языкъ англичанъ, сладкіе звуки итальянцевъ, раскатистый говоръ парижанъ...

Вотъ къ группѣ толстыхъ соотечественниковъ, занявшихъ весь тротуаръ и, по русскому обычаю за границей, бесѣдующихъ громко о сокровенныхъ вещахъ, какъ будто никто кругомъ не въ состояніи ничего понять,—подходитъ мальчишка итальянецъ, прекрасный, какъ Адонисъ, въ рваномъ пиджакѣ, въ короткихъ штанахъ и въ бѣлой шляпѣ. Онъ предлагаетъ „occasion", будто бы, золотые часы, которые вытаскиваетъ изъ мѣшечка, склееннаго изъ папиросной бумаги. Толстый, важный баринъ бѣгло посмотрѣлъ на часы и коротко отрѣзалъ:

— Не хочу.

Мальчишка шмыгнулъ носомъ, спряталъ часы и съ таинственнымъ видомъ вынимаетъ изъ бокового кармана какую-то пачку, которую показываетъ толстому барину, какъ-то особенно изогнувъ руку.

— Картинки. Прозрачныя,—говоритъ итальянецъ. Толстый баринъ нерѣшительно оглядывается кругомъ и убѣждается, что гуляющихъ много.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ.

— Два франка,—нисколько не смущаясь, продолжаетъ мальчишка.

— Не хочу.

— Сколько дадите?

— Убирайтесь.

— Задирательныя. Только поглядите,—не унимается мальчишка.

Баринъ опять робко и воровато оглядывается и отвѣчаетъ:

— Alles vous en!

Но, должно быть, итальянецъ слышалъ въ отвѣтѣ ноты, означающія нѣчто другое, чѣмъ отказъ. Мальчишка отошелъ и сталъ въ сторонѣ. Черезъ минуту толстый баринъ отдѣлился и вошелъ въ аллею изъ пальмъ, а за нимъ сейчасъ же помчался итальянецъ со своими картинками...

Коренное населеніе княжества, монегасковъ, этихъ монакскихъ „чалдоновъ", если продолжать сравненіе съ Дворянской волостью, можно отличить безъ труда отъ пришлаго, шляющагося народа. Самое характерное въ монегаскахъ—подозрительный, пытливый взглядъ, которымъ они окидываютъ встрѣчнаго. Такимъ быстрымъ, испытывающимъ взглядомъ васъ окинетъ носильщикъ на платформѣ станціи, хозяинъ гостиницы, а въ особенности господа въ форменныхъ курткахъ, перехваченныхъ широкими поясами, какъ у театральныхъ разбойниковъ—мѣстная полиція. Сходство съ театральными товарищами Фра-Діаволо усиливается еще бутафорскими синими плащами, обшитыми полосами краснаго сукна. Въ Дворянской волости на улицахъ слышенъ былъ гвалтъ, визгъ женщинъ, которыхъ бьютъ или цѣлуютъ, вопли пьяныхъ. Въ Монте-Карло, въ этомъ отношеніи, прилично. Въ тѣни померанцевъ, лимоновъ и пальмъ стоятъ даже газетные кіоски. Большая часть литературы, выставленной здѣсь, крайне характерна: „Régle du jeu" въ рулетку и въ „trente et quarante", затѣмъ брошюрки на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ, излагающія „самую вѣрную систему, какимъ образомъ, имѣя въ рукахъ 150 франковъ, выиграть въ шесть недѣль милліонъ". Авторы всей этой спеціальной литературы, повидимому, самаго невыгоднаго мнѣнія о сообразительности игроковъ и, къ сожалѣнію, не ошибаются. Рядомъ съ брошюрками, представляющими, такъ сказать, монакскую науку, серія изящной литературы княжества: грубо и глупо скабрезные разсказы да повѣствованія про то, кто и когда выигралъ большіе куши. Къ чести монегасковъ нужно сказать, что скабрезная литература вся, безъ исключенія, ввозной продуктъ, а именно—изъ Германіи.

III.

Чтобы попасть въ игорные залы, нужно пройти очень непріятное для нервныхъ людей испытаніе: нужно выдержать своего рода экзаменъ для полученія входного билета. „Экзаменуютъ“ клэрки игорнаго дома, люди съ острыми, какъ шило, пытливыми, подозрительными глазами. Васъ окидываютъ съ головы до ногъ, „оцѣниваютъ“ и ставятъ рядъ вопросовъ, какъ на слѣдствіи. Нужно думать, международные рыцари изъ породы Шиллеровскаго Муллей-Гассана („Заговоръ Фіэско въ Генуѣ“) выносятъ испытаніе болѣе спокойно, чѣмъ смиренные туристы, желающіе просто „посмотрѣть“. Наконецъ, аспирантъ, выдержавшій испытаніе, получаетъ билетъ, который необходимо возобновлять каждый день. Этотъ билетъ заботливо осматривается нѣсколькими контролерами, прежде чѣмъ распахнутся громадныя золоченыя двери, ведущія изъ мраморнаго фойэ въ игорные залы. Обиліе въ нихъ розоваго и бѣлаго мрамора, бронзы, золота и картинъ по штукатуркѣ должно внушать, по намѣренію владѣльцевъ банка, представленіе о царскомъ великолѣпіи. На все это денегъ, повидимому, не жалѣли. Громадныя картины, изображающія поющихъ и пляшущихъ и охотящихся дѣвицъ, голыхъ и въ трико, затѣмъ—дѣвицъ съ овечками и лошадками, выполнены дорогими и модными художниками. Съ золоченыхъ потолковъ на толстыхъ золотыхъ цѣпяхъ спускаются громадныя, вѣроятно, очень дорогія люстры. Но все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе не волшебнаго дворца, а чего-то яркаго, кричащаго и... неприличнаго. Если бы проектъ, предложенный некрасовскимъ мѣнялой, осуществился (см. поэму „Современники“), то, по всей вѣроятности, помѣщеніе напоминало бы нѣсколько залы игорнаго дома въ Монте-Карло.

Предъ нами цѣлая анфилада ярко освѣщенныхъ залъ, въ каждомъ изъ которыхъ вокругъ громаднаго зеленаго стола собралась пестрая, разноязычная толпа. Сотни людей сидятъ, припавъ грудью къ столамъ, сотни стоятъ сзади, какъ бы прикованные блескомъ луидоровъ и громадныхъ стофранковыхъ монетъ, сыпящихся дождемъ на столъ. Какая великолѣпная и богатая коллекція человѣческихъ особей! Тутъ выразительныя, энергичныя, сильныя, красивыя лица, а рядомъ съ ними грубыя, животныя, отталкивающія физіономіи, которыя, какъ будто, только что сошли съ гогартовскихъ каррикатуръ или вырвались изъ каторжной тюрьмы. Какая сложная гамма страстей застыла на лицахъ, прикованныхъ къ клѣткамъ, нарисованнымъ на зеленомъ сукнѣ! Нигдѣ на земномъ шарѣ, вѣроятно, не затрачивается въ одинъ моментъ столько нервной силы, какъ въ этихъ аляповато-

великолѣпныхъ залахъ. И нигдѣ на земномъ шарѣ такой громадный запасъ нервной энергіи не расходуется такъ непроизводительно. Десятая часть этой энергіи, если бы ее возможно было кристаллизовать въ другой формѣ, дала бы чудеса техники, дышащія страстью поэмы или великіе подвиги, разсказы о которыхъ много лѣтъ спустя заставляли бы усиленнѣе биться чуткія сердца молодежи. Часть этой энергіи, если бы она нашла должную точку приложенія силы, разбила бы цѣпи всѣхъ скованныхъ Прометеевъ. Нервная сила, сущность души, гибнетъ безъ пользы въ душныхъ золоченыхъ залахъ, какъ вянетъ тропическій, рѣдкій цвѣтокъ, выброшенный изъ оранжереи въ грязную воду сточной канавы... И это еще не все. Въ Дворянской волости пріискатели прожигаютъ результаты *собственнаго* каторжнаго труда, въ Монте-Карло же игра идетъ на *чужой* трудъ.

Изъ залъ, въ которыхъ играютъ въ рулетку, широко раскрыты двери въ помѣщенія, гдѣ рѣжутся въ карты, въ trente et quarante.

Нѣсколько присмотрѣвшись къ пестрой публикѣ, толпящейся вокругъ игорныхъ столовъ, мы замѣтимъ, что послѣдніе можно раздѣлить на „серьезные“ и „семейные“, что ли, сообразно тому, какая игра ведется за ними: — большая или мелкая? Серьезный столъ узнается еще издали по большому числу разряженныхъ, увѣшанныхъ брилліантами и намазанныхъ кокотокъ, столпившихся вокругъ. Онѣ напоминаютъ стаю чаекъ, носящихся надъ сельдями, плывущими грудно во время нереста. Около „серьезныхъ“ столовъ атмосфера насыщена одурманивающимъ, мѣшаннымъ запахомъ острыхъ духовъ. Постараюсь дать нѣсколько бѣглыхъ портретовъ игроковъ. Начну съ „серьезныхъ“.

IV.

Онъ и она. Онъ—лысый, черноусый, интенсивно-смуглый съ желтизной, носатый, съ мѣшечками подъ налитыми кровью глазами. Ей—лѣтъ двадцать два,—самое большее. Она ослѣпительно хороша и одѣта вычурно и кричаще-великолѣпно. Шляпа — геніальная комбинація рѣдкихъ страусовыхъ перьевъ, судя по цвѣту, безумной стоимости. Дама увѣшана драгоцѣнностями, какъ чтимое изображеніе Мадонны. Крупные брилліанты горятъ голубымъ огнемъ у ней въ ушахъ, на груди, на шеѣ, на пальцахъ. На каждомъ изъ нихъ по четыре алмазныхъ кольца. На кистяхъ — по три браслета и каждый изъ нихъ — чуть ли не въ якорную цѣпь. У него—тоже брилліанты въ галстухѣ, на груди и на манжетныхъ запонкахъ. На кисти правой руки — широкій золотой браслетъ-обручъ. И онъ, и она ведутъ большую игру, ставятъ каждый разъ по пятидесяти луидоровъ *en plein*, т. е. когда тридцать семь шансовъ противъ одного—проиграть.

— Caramba! diez y ocho! *) — злобно, въ полголоса говоритъ игрокъ своей спутницѣ, когда шарикъ упалъ на восемнадцать, между тѣмъ, какъ сто луидоровъ были поставлены на семнадцать.

— Ты, mi querido **), играешь, какъ старая слѣпая лошадь, которую по ошибкѣ, къ сожалѣнію, не ободрали еще,—по-испански же отвѣчаетъ она, сложивъ губы въ самую ласковую улыбку.

— У меня—своя система, говорю тебѣ.

— Но es verdad (не правда)!—злобно, съ ненавистью въ голосѣ, цѣдитъ сквозь великолѣпные зубы увѣшанная брилліантами красавица.

— Tengo pruebas convincentes de lo que digo (у меня неопровержимыя доказательства)!—защищается онъ.

— Напримѣръ, эти сто луидоровъ, которые загребаетъ крупье,—ядовито замѣчаетъ дама.—Слѣдуй своей системѣ, mi querido (дружокъ), и у насъ не останется на билетъ до Розаріо.

Значитъ, это—аргентинцы. Этимъ объясняется и пристрастье къ драгоцѣннымъ украшеніямъ, и отсутствіе задерживающихъ центровъ у дамы, повидимому, нисколько не соображающейся съ тѣмъ, что ее могутъ понять. Я стараюсь опредѣлить ихъ общественное положеніе. Для международнаго червоннаго валета онъ слишкомъ неотесанъ и грубоватъ въ манерахъ. По всей вѣроятности, строю я предположенія, это—крупный скотопромышленникъ, владѣлецъ громадныхъ ранчъ, гдѣ нибудь въ Entre Rios. А вотъ еще восклицаніе по испански:

— Todo me ha salido como queria (Все сложилось, какъ я желалъ)!—почти громко восклицаетъ очень смуглый и очень нервный господинъ, съ казацкими усами. Онъ велъ большую игру и проигрывалъ. Наконецъ, онъ поставилъ на 29 максимальную ставку: три колонны большихъ золотыхъ монетъ, въ 100 фр. каждая, въ общемъ, шесть тысячъ франковъ, и выигралъ. Крупье отсчитывалъ ему теперь 210.000 фр. По сильному акценту, по излишней экспансивности и по радости, проявленной такъ откровенно при выигрышѣ, нельзя предположить, чтобы это былъ испанецъ. Скорѣе—мексиканецъ, изъ какого нибудь Санъ Мигуэля де Алланде, непремѣнно изъ города съ длиннымъ и страннымъ названіемъ. Гдѣ нибудь въ окрестностяхъ такого городка сотни серьезныхъ, грустныхъ и болѣзненныхъ метисовъ копаются теперь подъ землей и добываютъ серебряную руду, чтобы дать возможность этому экспансивному господину играть въ Монте-Карло.

Вотъ горбоносый игрокъ съ умнымъ, сдержаннымъ и спокойнымъ лицомъ, по которому нельзя видѣть, въ большомъ ли онъ выигрышѣ, или проигрышѣ.

Онъ вычисляетъ что-то на бумажкѣ, отмѣчаетъ номера, справ-

*) Чортъ возьми! Восемнадцать.

**) Дружокъ.

вляется съ какой-то табличкой и съ колонками алгебраическихъ формулъ, выжидаетъ моментъ, ставитъ по системѣ кучки луидоровъ, проигрываетъ и выигрываетъ большія суммы съ одинаково безстрастнымъ видомъ. Скорѣе всего—онъ теперь въ выигрышѣ. Національность его трудно опредѣлить, потому что онъ одинаково правильно отвѣчаетъ и по-французски, и по-нѣмецки, и по-англійски. Это—игрокъ, убѣжденный въ возможности найти математическую теорію выигрышей. Такихъ въ залахъ казино много; одни изъ нихъ безстрашно бросаются въ пучины высшей математики, другіе—съ трудомъ справляются съ четырьмя простыми дѣйствіями: сущность же одна и та же. Прибѣгаетъ ли игрокъ къ дифференціаламъ или къ простому сложенію, теорія сводится къ слѣдующему. Есть извѣстный ритмъ въ выпаденіи шарика, по мнѣнію игроковъ. Если, предположимъ, шарикъ семь разъ упалъ на *noir*, то много вѣроятностей за то, что въ восьмой разъ онъ упадетъ на *rouge*. Такимъ образомъ, думаютъ игроки, слѣдуетъ только отмѣчать ходы, выждать моментъ, когда шарику надоѣстъ падать въ черную клѣточку, и поставить на красную съ массой шансовъ на выигрышъ. Если одну недѣлю очень часто выходили нечетные номера (impair), то,—думаютъ разсчетливые игроки,—въ слѣдующую недѣлю масса шансовъ за то, что пойдутъ четныя числа. Къ сожалѣнію,—игроки убѣждаются горькимъ опытомъ, что шарику „не надоѣдаетъ" падать на *impair*, тогда какъ, по разсчетамъ ему надлежитъ пойти на *pair*. Въ области рулетки научный прогнозъ имѣетъ за собою столько же вѣроятностей, сколько и въ сферѣ экономики. Проигрышъ не подрываетъ вѣры въ возможность найти непогрѣшимую систему. Почти всѣ игроки сидятъ съ табличками, въ которыхъ отмѣчаютъ всѣ ходы.

Больше всего за „серьезными" столами англичанъ и американцевъ. Французы, нѣмцы, русскіе являются въ игорные залы во фракахъ или, по крайней мѣрѣ, въ черныхъ сюртукахъ. Англичане же, и, въ особенности, американцы, приходятъ въ своихъ дорожныхъ твидовыхъ пиджакахъ. За „серьезными" столами столько англичанъ и американцевъ, что по воскресеньямъ, когда они не играютъ (такъ поступаютъ одинаково и пэры, и тѣ, которые не умѣютъ справиться съ буквой *h* въ разговорѣ; въ Англіи это такой же признакъ, какъ у насъ употребленіе „курей" вмѣсто „куръ", „мѣстовъ" „играться" „шантретъ" и т. д.)—мѣста пустуютъ. Эта публика, которой и въ игорномъ домѣ, и въ отеляхъ особенно дорожатъ, сама по себѣ представляетъ богатую коллекцію типовъ. Вотъ старая, сморщенная, желтая, высохшая и потрескавшаяся, какъ глинистый берегъ степной рѣчки въ іюлѣ, дама въ черномъ платьѣ и въ черной шляпкѣ. Маленькой рукой въ черной перчаткѣ и съ чернымъ агатовымъ браслетомъ, она вынимаетъ изъ чернаго увѣсистаго мѣшка на черной цѣпочкѣ—горсти золотыхъ монетъ, ставитъ ихъ кучками на различные но-

мера, но, между прочимъ, непремѣнно на *noir* и почти постоянно выигрываетъ. Отсчитываетъ ли ей крупье горку золота или, наоборотъ, загребаетъ себѣ лопаткой ея ставки, — на сухомъ, потрескавшемся лицѣ дамы въ черномъ не дрогнетъ мускулъ. Лицо это закаменѣло, глаза потухли; въ нихъ нельзя увидать даже далекаго отблеска какой нибудь страсти. Маленькая рука въ черной перчаткѣ спокойно, автоматически сыплетъ въ черный мѣшокъ пригоршни золота и тысячефранковые билеты... А вотъ другой игрокъ, несомнѣнно, американецъ, судя по характерному „twang“, т. е. выговору въ носъ, съ пригнуской. На немъ—измятый твидовый сѣренькій пиджакъ, какой можетъ быть и на клэркѣ, получающемъ два фунта въ недѣлю; но въ галстухѣ сверкаетъ и переливается алмазъ, представляющій, вѣроятно, цѣлое состояніе. На простой стальной цѣпочкѣ виситъ увѣсистый, должно быть, очень дорогой золотой хронометръ. Американецъ даже не присѣлъ къ столу, а бесѣдуетъ съ соотечественникомъ, такимъ же необтесаннымъ и быкообразнымъ.

— Faites vos jeux, messieurs!—возглашаетъ крупье. Американецъ достаетъ изъ кармана и кладетъ на столъ пригоршню золота, повидимому, даже не считая. Онъ продолжаетъ затѣмъ бесѣду, не глядя на столъ. Рядомъ съ дамой въ черномъ—вѣроятно, въ другое время очень красивый игрокъ съ гладко выбритымъ, типичнымъ и стильнымъ лицомъ. Говорю, „въ другое время„ потому, что теперь оно осунулось, глаза потускнѣли. Манишка рубашки смята и выбилась изъ открытаго жилета, какъ куча пѣны, оставшейся на пескѣ укатившейся морской волной. Игрокъ производитъ впечатлѣніе человѣка, не встававшаго много часовъ изъ-за стола. Онъ, повидимому, умѣетъ отлично владѣть собою, но пальцы его, тѣмъ не менѣе, теперь слегка дрожатъ и нервно мнутъ исписанную табличку. Человѣкъ этотъ въ громадномъ проигрышѣ. Два англичанина, остановившіеся со мной въ одномъ отелѣ, высчитываютъ, что сегодня игрокъ потерялъ тысячъ восемьсотъ франковъ. Кто-то прибавляетъ, что къ рулеткѣ игрокъ подошелъ послѣ большого проигрыша въ trente et quarante. Кто онъ? Въ аляповатыхъ, кричаще-великолѣпныхъ залахъ Монте-Карло бывалые и опытные люди указываютъ на господъ, имена которыхъ можно найти или въ Готскомъ альманахѣ (одинъ изъ нихъ, въ то время какъ я былъ въ Монако, выигралъ цѣлое состояніе), или въ острожныхъ статейныхъ спискахъ. За столами можно было бы указать людей, извѣстныхъ каждому грамотному человѣку или по хвалебнымъ и льстивымъ газетнымъ статьямъ, или по громкимъ скандальнымъ процессамъ. Не мало также такихъ, имена которыхъ ничего не говорятъ. Игрока съ осунувшимся лицомъ знаютъ. Это—манчестерскій фабрикантъ-милліонеръ, снабжающій своими миткалями чуть ли не весь востокъ.

Рядомъ съ нимъ—счастливый игрокъ: расфранченный à quatre épingles, какъ говорятъ французы, напомаженный и раздушенный горбунъ, съ желтымъ, корявымъ лицомъ и перекошенной челюстью. Около него примостилась уже великолѣпно разряженная кокотка съ хищнымъ выраженіемъ на накрашенномъ лицѣ. Она слегка положила свою руку на плечо горбуна и тихо шепчетъ ему что-то...

Человѣкъ неопредѣленной національности. На измятомъ, жирномъ, глянцовитомъ лицѣ съ пухлыми складками у крыльевъ носа (мнѣ припоминается бюстъ Гальбы въ галлереяхъ Британскаго музея) застыли всѣ животныя страсти. Одна особенность сразу поражаетъ наблюдателя: ярко рыжая прядь волосъ, зачесанная по сверкающей лысинѣ, обрамленной косичками совершенно сѣдыхъ волосъ. Водянистые глаза игрока съ двухцвѣтными волосами прикованы къ игорному столу, губы его тихо шевелятся, — въ углахъ ихъ выступила слюна, на морщинистомъ лбу — крупныя капли пота. Бѣгъ шарика по кругу, повидимому, приводитъ этого человѣка въ настоящій экстазъ страсти. А рядомъ съ отвратительнымъ старикомъ — причудливо-нарядная, молодая дама, какъ будто бы только что выступившая изъ альманаха „Modern Stile“. Глядя на это нервное, подвижное лицо, на странно продолговатые глаза, которымъ искусная подрисовка придала совсѣмъ необычную форму, какъ на картинахъ Ботичели, на великолѣпный эксцентричный нарядъ, изъ мятаго темнозеленаго шелка, представляющій смѣсь средневѣковыхъ костюмовъ съ послѣднимъ парижскимъ шикомъ,—мнѣ припоминается одна исторія, которую я слышалъ въ Лондонѣ. Здѣсь, въ гипподромѣ показываютъ теперь необыковенно развитого шимпанзе Council, своего рода генія обезьянняго рода. Council знаетъ тысячи штукъ, которыя продѣлываетъ съ необыкновенной серьезностью и сознаніемъ собственнаго достоинства. Онъ одѣвается, какъ джентльмэнъ, выходитъ на сцену во фракѣ, въ лаковыхъ башмакахъ, съ складной шляпой подъ мышкой. Council куритъ сигару, играетъ въ шашки и въ дурачки, держитъ съ серьезнымъ видомъ въ рукахъ газету и пр. Не такъ давно Council поѣхалъ въ автомобилѣ по Риджентстритъ (Невскій проспектъ Лондона). Въ дохѣ, въ громадныхъ очкахъ и въ картузѣ—никто изъ прохожихъ, даже пытливые „бобби“, не узнали въ Council шимпанзе, а приняли его за свѣтскаго человѣка. Ну, и вотъ антрепренеръ обезьяны устроилъ party, т. е. званный вечеръ. Пригласительные билеты *отъ имени шимпанзе* были разосланы блазированнымъ свѣтскимъ дамамъ, моднымъ пѣвицамъ изъ аристократическихъ мюзикъ-холловъ, золотой молодежи и „vieux gagas“, по парижской терминологіи. Всѣ они съ восторгомъ приняли приглашеніе обезьяны и явились: дамы—въ открытыхъ платьяхъ, а мужчины—во фракахъ. Говорятъ, на этомъ вечерѣ лучше всѣхъ, т. е. съ наибольшимъ достоинствомъ, держалъ себя шимпанзе.

Онъ ухаживалъ за дамами, что приводило ихъ въ восторгъ. Онѣ добивались всѣми силами вниманія Council. И когда шимпанзе погладилъ по лицу одну изъ дамъ, свѣтскую красавицу, героиню недавняго скандальнаго бракоразводнаго процесса, — она была крайне польщена. Красавица не отходила уже весь вечеръ отъ шимпанзе, ухаживала за нимъ и добилась того, что Council ее повелъ подъ руку къ ужину.

И когда я смотрѣлъ на эксцентричную даму *modern stile*, съ глазами женщинъ Ботичели, мнѣ представлялось, что, вѣроятно, именно такого типа должна быть красавица, приходившая въ восторгъ отъ вниманія шимпанзе. Дама, очевидно, не кокотка. По умѣнью одѣваться эксцентрично, но въ то же время красиво, по независимости въ движеніяхъ, по нервному, подвижному лицу, по наигранньмъ глазамъ я рѣшаю, что это—актриса. Не драматическая, а такая, которая выступаетъ въ La Scala, напр., въ какомъ нибудь „Revue à Poivre". Тамъ она, вѣроятно, приводитъ въ бѣшеный восторгъ публику, распѣвая куплетъ въ родѣ:

Ca n'est pas qu'il soit difficile
A découvrir mon p'tit trésor.

Дама въ эксцентричномъ туалетѣ ставитъ по 500 франковъ на 14, проигрываетъ и улыбается такъ, какъ будто дѣлаетъ что-то очень забавное и остроумное. Есть очень красивыя лица, которыхъ улыбка портитъ. Именно такое лицо у дамы.

Въ пестрой, интернаціональной толпѣ игроковъ за „серьезнымъ" столомъ можно безъ труда узнать любезныхъ соотечественниковъ. Хотя всѣ они одѣты въ однообразные черные сюртуки, но „видно пана по холявѣ". Вотъ прежде всего одинъ типъ, по всей вѣроятности, провинціальный Зевсъ - Громовержецъ. Въ различныхъ Крутогорскахъ нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ страдать настоящей маніей величія: отдаются приказы всѣмъ встрѣчнымъ снимать шляпы. Одинъ такой провинціальный Зевсъ - Громовержецъ самъ посылалъ въ газету замѣтки о томъ, что онъ „съ супругой Евдокіей Михайловной изволи прибыть въ театръ", откуда „отбыли" въ такомъ-то часу. Этотъ же Громовержецъ отдалъ приказъ, чтобы въ вагонъ парового трамвая, куда садился, не смѣлъ никто входить. Громовержецъ арестовалъ пріѣзжаго ректора провинціальнаго университета, не знавшаго Зевса въ лицо и сѣвшаго въ одинъ вагонъ съ нимъ. Онъ арестовалъ было англійскаго шкипера, не снявшаго передъ нимъ шапку. Шкиперъ отвѣтилъ, что пойдетъ въ участокъ, но оттуда сейчасъ же пошлетъ телеграмму своему посланнику. И хотя Зевсъ несомнѣнно былъ помѣшанъ на собственномъ величіи, но понялъ, что изъ-за англичанина можетъ выдти очень непріятная исторія, и не только отпустилъ шкипера, но еще извинился.

Провинціальный Зевсъ, о которомъ я говорю, пользовался

для разговоровъ только отборными цитатами изъ курса отечественной митирогнозіи. „Простые“ разговоры онъ, повидимому, забылъ уже. Такими цитатами Зевсъ объяснялся со стариками и съ юношами, съ мужчинами и съ дамами. Одна дама упала въ обморокъ, когда Зевсъ-Громовержецъ блеснулъ предъ ней своей своеобразной эрудиціей. Теперь представьте, что такой Громовержецъ, проявляющій несомнѣнные признаки манія величія, попадаетъ за границу, гдѣ должно носить платье простого смертнаго, гдѣ нельзя топать ногами на собесѣдника, нельзя пугнуть его и гдѣ даже съ лакеями нужно говорить вѣжливо, тѣмъ болѣе, что на французскомъ языкѣ нѣтъ и приблизительныхъ синонимовъ цитатамъ изъ курса митирогнозіи. Зевсъ-Громовержецъ садится за игорный столъ рядомъ „со всякой канальей“. Когда Зевсъ проигрываетъ, онъ сверкаетъ глазами по адресу крупье, который, нисколько не смущаясь этимъ, загребаетъ лопаточкой луидоры.

Въ общемъ, нужно сказать, что соотечественники мои, сидятъ ли они за „серьезнымъ“ или за „семейнымъ“ столами, нервничаютъ при игрѣ и плохо владѣютъ собою, въ особенности при проигрышѣ.

Легко узнать также соотечественниковъ другого типа: жуирующихъ землевладѣльцевъ, ставящихъ на зеленый столъ золотые, полученные изъ дворянскаго банка, только что отшлифованныхъ на европейскій ладъ нашихъ „негоціантовъ“, спасающихся за границей отъ ожиренія сердца, и пр.

V.

— Faites vos jeux, messieurs!—сонно говоритъ крупье съ лицомъ опереточнаго Менелая. За столами раздается шушуканье. Одинъ изъ крупье, сидящій на высокомъ стулѣ позади банкомета и охраняющій, повидимому, кассу, киваетъ ливрейному лакею, который на цыпочкахъ сейчасъ же подплываетъ къ столу и важно, какъ будто священнодѣйствуетъ, снимаетъ тряпкой съ сверкающаго круга рулетки почти незамѣтную пылинку. На рулеткѣ, какъ и на женѣ Цезаря, не полагается ни пятнышка. Игроки раскладываютъ ставки, соображаясь или съ системой, или съ какой нибудь примѣтой. Англичанка въ черномъ, аккуратно складываетъ столбикомъ десять луидоровъ à cheval, т. е. на два номера. Толстый американецъ, хлопнувъ ладонью, кладетъ горсть золота sur un carré, т. е. на четыре номера. Горбоносый господинъ, съ умнымъ лицомъ, справившись съ бумажкой, подталкиваетъ лопаточкой, взятой у крупье, пять большихъ золотыхъ монетъ, по 100 фр. каждая, на бубноваго туза, алѣющаго въ желтомъ ободкѣ на зеленомъ полѣ сукна. Тузъ обозначаетъ chance

simple. Въ случаѣ выигрыша банкъ выплачиваетъ игроку двойную ставку. Дождемъ сыпятся со всѣхъ сторонъ луидоры и стофранковики на номера *en plein*, т. е. на простыя цыфры, дающія игроку одинъ шансъ противъ 37. Если номеръ выйдетъ, игрокъ получаетъ отъ банка въ 35 разъ больше того, что поставилъ. На *en plein* ставятъ тѣ, которые ведутъ безумно-рѣшительную игру. Менѣе увѣренные ставятъ sur une douzaine, на passe и manque. Крупье завертѣлъ рулетку и бросилъ шарикъ, который помчался по кругу. Кажется, онъ не просто катится, а отмахиваетъ громадные скачки и выбираетъ ячейку, куда бы упасть.

Поспѣшно падаютъ, между тѣмъ, на столъ золотыя монеты. То спѣшатъ игроки, въ головѣ которыхъ сверкнула комбинація во время бѣга шарика.

— Rien ne va plus!—отрубаетъ крупье,—возглашая этимъ, что оракулъ храма Случая готовъ произнести свой приговоръ.

Шарикъ замедлилъ скорость. Бѣгъ его уже не такой рѣшительный и увѣренный. Вотъ шарикъ споткнулся объ одну изъ мѣдныхъ шишечекъ, которыя стремительно перескакивалъ до сихъ поръ, привскочилъ, перевалился и лѣниво покатился въ одну изъ тридцати семи ячеекъ по кругу рулетки. Крупье съ лицомъ Менелая загребаетъ лопаткой кучки золотыхъ монетъ. Другой крупье отсчитываетъ и ловко швыряетъ въ конецъ стола золотыя монеты выигравшимъ. Въ тридцать, тридцать пять секундъ шарикъ унесъ въ свою ячейку стада аргентинскихъ быковъ, вагоны мексиканской серебряной руды, русскаго хлѣба и пеньки, тюки миткаля, колоссальное количество человѣческаго труда и нервной энергіи. Все время, покуда вертится шарикъ, великолѣпные ливрейные лакеи, съ манерами камергеровъ и глазами полицейскихъ сыщиковъ, плывутъ по скользкому паркету вокругъ столовъ и подозрительно смотрятъ на руки игроковъ и столпившихся зрителей. Кого-то повели черезъ ярко освѣщенные залы; но вниманіе всѣхъ такъ поглощено, что, вѣроятно, даже пожаръ врядъ ли заставилъ бы этихъ людей тронуться съ мѣста, покуда шарикъ не вкатился въ ячейку. Всѣ стоятъ, какъ зачарованные, въ этой атмосферѣ, насыщенной жадностью и одурманивающимъ, смѣшаннымъ запахомъ острыхъ духовъ. Сладострастный, противный запахъ мускуса пронизываетъ острой струей смѣсь другихъ болѣе тонкихъ духовъ. Вся атмосфера эта дѣйствуетъ на игроковъ, какъ испаренія нѣкоторыхъ тропическихъ болотъ въ Бразиліи: отравленная запахомъ ядовитыхъ цвѣтовъ, кровь приливаетъ къ головѣ; смирные и добрые люди превращаются въ убійцъ и грабителей. Читатели, вѣроятно, помнятъ, какъ года четыре тому назадъ морской офицеръ съ громкимъ именемъ, проигравшійся въ рулетку, забрался ночью съ цѣлью грабежа въ комнату счастливаго игрока, тоже носителя извѣстнаго имени. Печальный случай кончился

совсѣмъ драматически. Морской офицеръ отравился въ тюрьмѣ на другой день послѣ ареста.

Шарикъ, вкатившійся въ ячейку, приноситъ нѣкоторымъ смертный приговоръ: самоубійства въ Монте-Карло частое явленіе, хотя и полиція, и владѣльцы отелей усиленно конспирируютъ подобные случаи.

Четырнадцатаго января застрѣлился въ томъ самомъ отелѣ, въ которомъ я остановился, англичанинъ Вернонъ, проигравшій все состояніе. О самоубійствѣ мы узнали только черезъ нѣсколько дней, да и то изъ англійскихъ газетъ. Ни хозяинъ, ни лакеи, ни полиція не проговорились ни словомъ. Трупъ убрали ночью, когда въ гостиницѣ всѣ спали, и увезли въ Ниццу.

Газета княжества—*Le Petit Monégasque*—никогда не заикнется даже о самоубійствахъ. Весь номеръ бываетъ занятъ отчетами о голубиномъ спортѣ, описаніемъ туалетовъ „прекрасной княгини N“, „новаго автомобиля прелестной m-lle N N“, да оффиціальной хроникой. Изъ послѣдней мнѣ запомнился одинъ параграфъ: „Его превосходительство М. М. получилъ новое повышеніе, крайне порадовавшее всѣхъ друзей и поклонниковъ его. Его Высочество (князь монакскій) облекъ его отвѣтственной и важной должностью главнокамандующаго всѣми войсками княжества“. Если не ошибаюсь, „всѣ войска“ состоятъ изъ 50 человѣкъ, включая сюда солдатъ, караулящихъ пять пушекъ изъ неизвѣстнаго матеріала, затѣмъ полицейскихъ въ театральныхъ костюмахъ, товарищей опернаго Фра-Діавало. О голубиномъ спортѣ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ. Съ террасы за казино вы спускаетесь въ лифтѣ къ морю, въ загороженную площадку. Здѣсь изящныя дамы, большею частью, modern stile, съ подведенными глазами и красными губами, какъ у упырей, затѣмъ представители золотой молодежи—палятъ изъ ружей въ голубей, которыхъ выпускаютъ изъ клѣтокъ. Клѣтка открывается, голубь вылетаетъ; и тутъ же въ догонку ему посылаютъ зарядъ дроби. Птица падаетъ большею частью, только раненая. На нее бросается выдрессированная собака, перекусываетъ горло бьющемуся голубю и приноситъ его охотнику. Вотъ весь „спортъ“. Нужно прибавить еще, что „спортсмэнъ“ стоитъ отъ клѣтки шагахъ въ 15—20. Въ такомъ отвратительномъ зрѣлищѣ, какъ бой быковъ, много крови, много мучительства,—которое внушаетъ ужасъ; но тутъ хоть есть проявленіе поразительной смѣлости и удивительной ловкости. „Изящный“ голубиный спортъ въ Монте-Карло—неизмѣримо болѣе отвратительное зрѣлище, чѣмъ бой быковъ. Съ террасы казино, между тѣмъ, вы слышите безпрерывные выстрѣлы отъ одиннадцати часовъ до самаго вечера. Вы видите, какъ каждый разъ взлетаетъ голубь, падаетъ, и какъ мчится къ нему собака съ окровавленной мордой.

VI.

За „семейными“ столами въ казино игра идетъ мелкая. Игроки тутъ—народъ случайный и мѣняющійся каждый вечеръ. На зеленомъ полѣ лежатъ, преимущественно, серебряныя пятифранковики (наименьшая ставка). Къ столамъ подходятъ цѣлыми семьями. Ставятъ по общему рѣшенію, послѣ долгихъ обсужденій, пять франковъ и не на *en plein*, а на *pair* и на *impair* или *sur deux douzaines*, т. е., чтобы было не меньше 50 шансовъ противъ 50. Выигравъ сорокъ франковъ, „семейные“ бастуютъ и уходятъ, оживленно бесѣдуя. Тутъ, большею частью, отдыхающіе туристы, заѣхавшіе изъ Ниццы въ Монте-Карло изъ любознательности: „нужно же посмотрѣть, что такое рулетка“! Такіе туристы, если выиграютъ 20—30 фр., передъ отъѣздомъ покупаютъ въ Монте-Карло своеобразные сувениры: игрушечныя рулетки, выставленныя здѣсь всюду въ окнахъ рядомъ съ видами княжества и скабрезными картинками. Нужно замѣтить, однако, что большею частью сувениръ остается въ окнѣ и вотъ почему. „Семейные“, пріѣзжая въ Монте-Карло, откладываютъ луидоръ на игру и... спускаютъ его.

Постараюсь набросать нѣсколько типовъ. Улыбающаяся доброй и нѣсколько виноватой улыбкой англичанка ставитъ пятифранковики на одну и ту же цифру, которая для нея, повидимому, имѣетъ символическое, таинственное значеніе.

— Vingt neuf, s'il vous plait (пожалуйста, поставьте на двадцать девять),—застѣнчиво проситъ она каждый разъ крупье. Въ голосѣ ея чуется робость. Можно подумать, она боится, что кругомъ узнаютъ ея тайну. И когда шарикъ падаетъ на двадцать девять, англичанка густо краснѣетъ, и добрые глаза горятъ отъ радости. Врядъ ли тутъ жадность играетъ роль: эта англичанка опустила при мнѣ въ ящикъ для бѣдныхъ нѣсколько луидоровъ.

У „семейнаго“ стола можно встрѣтить соотечественниковъ гораздо чаще, чѣмъ тамъ, гдѣ идетъ очень серьезная игра. Это не значитъ, что тутъ они болѣе владѣютъ собой. Вотъ *она* и *онъ*. Она—скорѣе старая, чѣмъ молодая (англичанка подобнаго возраста, если ихъ спрашиваютъ на судѣ о годахъ, отвѣчаютъ: „well I am over twenty“) („видите ли, мнѣ больше двадцати лѣтъ“). Отличительные признаки дамы: бѣлесые, злые глаза и большой черный звѣрь, съ лапами, мордой и хвостомъ, на тонкой, жилистой шеѣ. Изъ-подъ шляпки выбилась прядь бѣлокурыхъ волосъ. Дама говоритъ низкимъ басомъ, раздражительно и злобно. Русскіе заграницей увѣрены, что ихъ никто рѣшительно не въ состояніи понять. *Онъ* — застѣнчиво и виновато улыбается и машинально

чешетъ карточкой съ вычисленіями свою подстриженную клинышкомъ бородку, въ которой бѣлѣетъ сильная сѣдина.

— И напрасно суешься! — отчитываетъ дама съ бѣлесыми глазами своего робко улыбающагося спутника.—Вмѣшался и проиграла. Не суйся съ совѣтами. У каждаго—своя система. Слышишь, у каждаго игрока своя система, — повторяетъ раздѣльно дама, напирая на каждый слогъ.

— Слушай, Морицъ, поставимъ пять франковъ на *rouge*.— говоритъ рядомъ со мною по-русски своему спутнику очень молодая дама съ густыми, курчавыми волосами.

— А если, Соня, проиграемъ?

— Ну, такъ больше не поставимъ. Какъ же мы въ Веприкѣ разскажемъ, что такое рулетка, если насъ спросятъ.

Спутникъ, начинающій толстѣть и лысѣть молодой человѣкъ, съ пухлымъ лицомъ, на которомъ застыло выраженіе: „какой я умный!"—медленно вытащилъ изъ кармана кошелекъ, еще медленнѣе досталъ оттуда, позвенѣвъ монетами, пятифранковикъ, подержалъ его минуты двѣ въ рукѣ, какъ бы соображая, на какую цифру поставить, затѣмъ методически опустилъ его опять въ кошелекъ, который старательно спряталъ въ карманъ.

— Мы, Соня, лучше такъ посмотримъ,—началъ онъ солиднымъ баскомъ, съ характернымъ акцентомъ.—А то, кто знаетъ: поставимъ пять франковъ, проиграемъ, потомъ захотимъ поставить еще и еще. И зачѣмъ? На что это намъ?..

По лицу и по солидной манерѣ, по всему, я готовъ поставить сто франковъ противъ одного су, что безошибочно угадаю, кто эта пара. *Онъ*—навѣрное врачъ изъ маленькаго мѣстечка; съ великимъ трудомъ выбился онъ, теперь женился непремѣнно на двадцати тысячахъ и, послѣ многихъ лѣтъ отчаянной зубрячки и жестокихъ голодовокъ, въ первый разъ почувствовалъ себя „человѣкомъ". Изъ двадцати тысячъ приданаго онъ ассигновалъ пять сотенныхъ на поѣздку за границу. Черезъ нѣсколько лѣтъ, вѣроятно, я получу отъ него (хотя не знаю его) письмо, которое увеличитъ мою своеобразную коллекцію документовъ. Состоитъ она изъ эпистолъ отъ людей, мнѣ совершенно незнакомыхъ, и все отъ докторовъ-евреевъ въ маленькихъ мѣстечкахъ и городкахъ. Письма эти вызваны одною легендой. Почему-то у насъ увѣрены, что капиталы всѣхъ богатыхъ людей, умершихъ гдѣ бы то ни было за границей: въ Соединенныхъ ли Штатахъ, въ Румыніи, Турціи или въ Бразиліи,—въ концѣ концовъ, какимъ-то путемъ попадаютъ въ Англійскій банкъ, въ Лондонъ и здѣсь лежатъ, дожидаясь счастливыхъ наслѣдниковъ. Достаточно,—полагаютъ у насъ,—явиться въ Bank of England и спросить: „нѣтъ ли у васъ милліоновъ, оставшихся послѣ Фалькнера"?

— Какъ же,—отвѣчаетъ директоръ,—вонъ они лежатъ въ мѣшкахъ, пересыпьте ихъ, только ужъ мѣшечки намъ оставьте.

И вотъ меня постоянно просятъ справиться въ англійскомъ банкѣ, нѣтъ ли тамъ милліоновъ, дожидающихся охотниковъ. Притязанія неизвѣстныхъ корреспондентовъ, удостоившихъ меня своимъ вниманіемъ, не знаю почему именно, основаны всегда на крайне любопытныхъ соображеніяхъ, приблизительно, такого рода: „Въ Англійскомъ банкѣ лежатъ деньги, никому не принадлежащія. У насъ, по семейнымъ преданіямъ, былъ дѣдушка, который выѣхалъ въ Америку и пропалъ безъ вѣсти. Этотъ дѣдушка, вѣроятно, разбогатѣлъ и деньги его должны были, въ такомъ случаѣ, поступить въ Англійскій банкъ. *Слѣдовательно*, такъ какъ мы—потомки дѣдушки, деньги принадлежатъ намъ". По логичности это разсужденіе напоминаетъ предисловіе Козьмы Пруткова къ запискамъ Ѳедота Кузьмича Пруткова. „Гдѣ же сіи послѣднія (черновыя записки)? Дѣдъ мой жилъ въ деревнѣ. Отецъ прожилъ тамъ же два года сряду.—Значитъ: онѣ тамъ. А можетъ быть, у сосѣднихъ помѣщиковъ? А можетъ быть, у дворовыхъ людей?—значитъ: ихъ читаютъ!.. Значитъ: онѣ занимательны! Отсюда: доказательство замѣчательной образованности моего дѣда, его ума, его тонкаго вкуса, его наблюдательности", и такъ далѣе.

И почему-то всѣ корреспонденты мои, уполномочивающіе меня справиться о милліонахъ,—врачи изъ маленькихъ мѣстечекъ!..

VII.

Одиннадцать часовъ вечера. Я оставляю казино. Рано утромъ я уѣзжаю изъ „Дворянской волости", въ которой цѣлую недѣлю изучалъ пеструю публику игорныхъ залъ. Въ роскошныхъ тропическихъ садахъ темно. По аллеѣ, подъ таинственно шелестящими пальмами, бродитъ какой-то одинокій туристъ. Наслаждается ли онъ волшебною южною ночью, воздухъ которой, напоенный запахомъ цвѣтущихъ розъ, переноситъ въ Багдадъ временъ Гарунъ Аль Рашида? Гонимъ ли одинокій туристъ громаднымъ проигрышемъ, который давитъ гирей мозгъ и оставилъ одно тяжелое, смутное настроеніе, отнявъ способность связно мыслить? Находится ли неизвѣстный въ приподнятомъ состояніи, вызванномъ сліяніемъ съ космосомъ, когда человѣкъ чувствуетъ себя и моложе, и лучше, и способнымъ обнять весь міръ? Или онъ пришибленъ внезапнымъ несчастьемъ и находится въ томъ состояніи, когда мысли подобны безформеннымъ осеннимъ тучамъ, несвязнымъ и тяжелымъ; въ томъ состояніи, когда человѣкъ не видитъ въ жизни впереди ничего, кромѣ сѣрой, унылой мглы, и когда въ сознаніе тихо вползаетъ неотвязная, уродливая, какъ тарантулъ, мысль: „лучше смерть!".

Одинокій туристъ безцѣльно бродитъ мимо, гигантскихъ как-

тусовъ, громадные, утыканныя иглами листья которыхъ кажутся раскрытыми пастями пиѳоновъ, свернувшихся подъ пальмами. Онъ то остановится и смотритъ на черную стѣну горъ, слившуюся съ темнымъ небомъ; то спускаетси по аллеѣ къ аркѣ желѣзнодорожнаго моста, смѣло перекинувшагося черезъ прибрежныя скалы, у подножья которыхъ глухо и монотонно плещетъ море, какъ будто тамъ глубоко вздыхаетъ сердитое и скованное чудовище.

За одинокимъ прохожимъ, какъ тѣнь, неслышно скользитъ всюду закутанный въ театральный плащъ стражникъ. Игорный домъ боится самоубійцъ.

На груди у меня тяжело. Растущая все мучительная, тупая боль давитъ и голову, и сердце. Это не только то тоскливое чувство, которое властно захватываетъ усталыхъ людей къ вечеру, когда, послѣ ряда впечатлѣній въ новомъ городѣ, они очутятся въ одинокомъ номерѣ своей гостиницы. Испытавшіе это чувство знаютъ, что оно приноситъ безсонницу и растетъ по мѣрѣ того, какъ подвигаются стрѣлки часовъ и какъ замираютъ звуки въ незнакомомъ отелѣ. Оно къ полуночи достигаетъ такой интенсивности, что въ отчаяніи хочется бѣжать немедленно на станцію, потому что не знаешь, какъ дождаться разсвѣта. Напрасно человѣкъ въ эти безсонныя, безконечныя, ужасныя ночи пытается взять контроль надъ собою. Напрасно онъ ставитъ себѣ вопросъ: „да какая причина этого отчаянья“! Нервы тогда похожи на струны, навернутыя на ослабѣвшіе колки. Напрасно вы вертите ихъ, чтобы настроить инструментъ. Какъ только снимете пальцы, струны сейчасъ же ослабѣваютъ и висятъ безсильно.

Теперь тоскливое чувство опредѣлено: болѣзненное воображеніе навязчиво рисуетъ мнѣ голодныхъ, усталыхъ людей, работающихъ годами въ Южной Америкѣ, въ Россіи, Испаніи, въ Англіи и добывающихъ тѣ луидоры, которые въ одинъ мигъ будутъ проиграны другими людьми, ничего не дѣлавшими въ этомъ золоченомъ вертепѣ. Въ тридцать секундъ одна ставка en plein уноситъ иногда результаты пятилѣтней работы искуснаго ткача.

Прибавить ли еще? Тоскливое чувство обусловливается жалостью и къ тѣмъ, которые такъ безумно и безцѣльно расточаютъ свою нервную энергію...

Діонео.

СОТРУДНИЦА.

Романъ *Люсьена Мюльфельда.*

Переводъ съ французскаго В. Кошевичъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Мишель обѣдалъ въ шесть часовъ по предписанію отца, чтобы въ девять уже лечь спать, совершивши пищевареніе. Fräulein наблюдала за его трапезой въ непремѣнномъ присутствіи г-жи Телье. Сегодня, какъ и каждый разъ, ребенокъ только и говорилъ, что о своемъ учителѣ, г-нѣ Марьяжѣ, къ которому очень привязался. Тѣмъ временемъ Женевьева просматривала почту. Альберъ поручилъ ей дѣлать это: онъ терпѣть не могъ распечатывать и читать адресованныя ему письма, увѣряя, что люди никогда не пишутъ намъ ради нашего удовольствія, а всегда—ради собственной выгоды.

Тридцать конвертовъ было прислано агентствомъ, обязанность котораго заключалась въ вырѣзываніи статей, гдѣ упоминалось о его подписчикахъ. За послѣднюю недѣлю, съ каждою почтою получалась масса вырѣзокъ. Послѣ парижскихъ и провинціальныхъ пошли заграничныя — изъ Norddeutsche Allgemeine Zeitung, Imparcial, Haarlems Dageblad, „Новостей",— и вездѣ комментировалась, почти въ тожественныхъ выраженіяхъ, статья, которую Телье далъ въ одинъ изъ распространенныхъ журналовъ и по поводу которой поднялась ужаснѣйшая болтовня.

Эту популярную статью написала, ради забавы, Женевьева, воспользовавшись замѣтками и тетрадками мужа, который, тѣмъ временемъ, занимался болѣе серьезной работой. Она изобразила въ рѣзкихъ и живописныхъ чертахъ страшныя послѣдствія легочной чахотки. Докторъ прочиталъ, одобрилъ, кое-гдѣ вычеркнулъ излишнюю подробность, поправилъ неточное выраженіе и подписалъ статью своимъ именемъ. Ей

было дано заглавіе: „Чахотка — истребительница“. Что сыграло тутъ роль: привлекательность „ходового“ заглавія, интересъ вѣчно юной темы, случайная бѣдность послѣдней недѣли событіями или дружеская благосклонность журналистовъ? Какъ бы то ни было, парижская пресса накинулась на статью, а за нею и европейская, т. е. парижскіе корреспонденты различныхъ газетъ, засѣдая, по большей части, въ старой читальнѣ близь Опернаго Театра или въ кофейнѣ на перекресткѣ Друо, вырѣзали и послали въ свои редакціи одинъ и тотъ же абзацъ (прежде всѣхъ процитированный „Эпохой“), въ которомъ Женевьева, хотя нѣсколько оригинально, но довольно правдоподобно вычисляла *стоимость* чахотки: „Можно предположить приблизительно, что цивилизованный человѣкъ, французскій гражданинъ, приноситъ обществу своимъ умомъ и трудолюбіемъ, живя, среднимъ числомъ, 40 лѣтъ, сумму въ 25.000 франковъ. Между тѣмъ во Франціи ежегодно умираетъ отъ чахотки около 150.000 человѣкъ. Не говоря уже о печали остающихся, объ уменьшеніи населенія и средствъ національной обороны, одинъ матеріальный убытокъ доходитъ, слѣдовательно, до 4 милліардовъ въ годъ, что̀ какъ разъ удваиваетъ бюджетъ расходовъ страны. Не ужасно ли это“?

Разсужденіе не блистало безукоризненной правильностью, но весьма понравилось прессѣ всего міра и перепечатывалось взапуски со включеніемъ заключительнаго вопроса: „Ist es nicht schrecklich?.. Is it not terrible?.. Non fa stupire?.. Non es espantoso?..“ Такъ что жалкая статейка, общедоступно, красиво и ловко написанная, болѣе прославила Альбера Телье, чѣмъ десятилѣтніе добросовѣстные клиническіе труды. Маркиза Амблимонте-Чекки, любившая зазывать къ себѣ всякую новоявленную знаменитость, пригласила его на обѣдъ какъ разъ сегодня. Въ приглашеніи не упоминалось о г-жѣ Телье, и Альберъ былъ такъ милъ, что отклонилъ его, т. е. какъ будто принялъ, но рѣшилъ, что откажется въ послѣднюю минуту, сославшись на профессіональный недосугъ.

Въ семь часовъ Альберъ пришелъ домой. Женевьева спросила, не забылъ ли онъ въ подходящую минуту послать отказъ маркизѣ Амблимонте.

— Не забылъ... Но еще не посылалъ. Еще успѣютъ отнести записку. Я хотѣлъ прежде посовѣтоваться съ тобою.

— О чемъ?.. Вѣдь ты уже рѣшилъ...

— Вотъ что: я сейчасъ встрѣтилъ Дьелегара. Онъ обѣдаетъ у Амблимонте и мнѣ сказалъ: „Вы тамъ увидите профессора Цамбони, который радъ будетъ съ вами познакомиться...“ А въ сентябрѣ этотъ Цамбони будетъ предсѣдателемъ на Туринскомъ съѣздѣ.

— Такъ что?

— Ну, все... Замѣть, что я вполнѣ равнодушенъ къ знакомству съ профессоромъ Цамбони. Ты знаешь, что я плюю на важныя шишки. Но такъ какъ мы собираемся въ Туринъ, то знакомство съ предсѣдателемъ можетъ быть для насъ интересно... По крайней мѣрѣ, я побоялся, какъ бы эта мысль не пришла тебѣ въ голову, и какъ бы ты не стала упрекать меня, что я легкомысленно уклонился отъ свиданія, которое могло быть полезнымъ.

— Если ты считаешь приличнымъ бывать въ обществѣ безъ жены, то не стѣсняйся!..

— Я такъ мало стѣсняюсь, что мы съ тобою пойдемъ обѣдать въ „Ресторанъ Посланниковъ"... Тамъ мы увидимъ кое-что, болѣе забавное, чѣмъ Цамбони.

Телье отыскалъ на четвертой страницѣ газеты афиши кафе-концертовъ и просіялъ:

— Иветта!.. Будемъ слушать Иветту!..

Женевьеву смягчила его быстрая уступчивость.

— Да ты что предпочитаешь?

— Предпочитаю Иветту.

Онъ далъ звонокъ лакею и написалъ извинительную записку. Жена прочла ее, но не рѣшилась послать, а велѣла лакею черезъ пять минутъ войти еще разъ. Телье безмятежно курилъ папиросу. Не думая о томъ, какое будетъ принято рѣшеніе, заранѣе готовый ему подчиниться, онъ принялъ выраженіе безразличія и равнодушія. Такимъ образомъ, Женевьевѣ только и оставалось, что выказать великодушіе.

Она разорвала записку.

— Ну, ступай ужъ!

Идя, въ сопровожденіи ея, въ свою уборную, онъ пародировалъ ея фразу восклицаніемъ изъ комедіи:—„Теперь ступай на бой!"

— Я не шучу. Конечно, одинъ разъ—не въ счетъ; но не слѣдуетъ измѣнять обыкновенію, основанному на чувствѣ собственнаго достоинства... Ты понимаешь, что этотъ обѣдъ не доставилъ бы мнѣ особаго удовольствія, и что я не трепещу, какъ бы тебя тамъ не похитили! Но, игнорируя жену твою, маркиза Амблимонте третируетъ тебя, какъ мальчишку. Какъ ты думаешь: оставила бы она безъ приглашенія г-жу Пеллера или г-жу Башеленъ?

— Оставила бы!

— Что же это за манера приглашать мужей безъ женъ?

— Это — манера старухи, которой, ради ея возраста, титула и ума, общество прощаетъ такую эгоистичную эксцентричность. Ей съ женщинами скучно, она ихъ и избѣгаетъ.

— Ты забылъ, что она принимаетъ дѣвицу Эсландъ.

— Для актрисъ она дѣлаетъ исключеніе.

Въ ихъ короткихъ фразахъ, вмѣсто любезности, начинала звучать горечь. Женевьева почувствовала это и умолкла. Альберъ сосредоточилъ все вниманіе на вставленіи запонокъ въ сорочку. Г-жа Телье замѣтила у него черезчуръ простое, черезчуръ открытое выраженіе лица, обыкновенно свойственное ему въ тѣ дни, когда онъ бывалъ наиболѣе непроницаемъ. Безошибочно она опредѣлила, что онъ доволенъ. Не было сомнѣнія, что онъ чувствуетъ себя легче, избавившись отъ необходимости оставаться дома и съ женою. Ему не пришлось пожертвовать собою. Она угадывала, что, возясь съ маленькими жемчужинами и еще болѣе маленькими петлями, онъ счастливъ предстоящимъ выходомъ, въ восторгѣ отъ возможности идти безъ нея, веселъ, какъ мальчикъ, ушедшій гулять, вмѣсто школы.

Телье кончалъ одѣваться, осматривалъ себя въ зеркало, расчесывалъ усы гребнемъ, обмокнутымъ въ амбру; потомъ, видя, что Женевьева слѣдитъ за тщательностью его туалета, онъ раза четыре кое-какъ провелъ щеткой по своей гривѣ.

— Ничего... Сойдетъ и такъ!..

Она любила его. Онъ казался ей красавцемъ. Онъ ловко завязалъ бантомъ бѣлый батистовый галстухъ съ горошинами и надѣлъ фракъ. Такъ какъ онъ уходилъ безъ нея, то Женевьевѣ казалось, будто она никогда не видала его въ парадѣ. Ея домашнее платье, уже не свѣжее, но носимое ради удобства, показалось ей нищенскимъ, а сама она—почти старухой. Она поняла, съ какою горечью матери напутствуютъ поцѣлуемъ сыновей, отпуская ихъ куда-то, гдѣ шумъ и блескъ, гдѣ неизвѣстно, что ихъ ждетъ. Разница въ одеждѣ ея и мужа вдругъ какъ бы создала между ними отчужденіе. Она побоялась, какъ бы онъ не почувствовалъ того же и не нашелъ въ этомъ удовольствія. Да, подъ видомъ любезности и кротости онъ скрывалъ свою, можетъ быть полусознательную, радость ея униженію. И въ самомъ дѣлѣ! Какъ ласковый мужъ, какъ „добрый малый“, онъ ставилъ ее на равную ногу съ собою. Но прочіе подчеркивали разницу между выдающимся человѣкомъ и его милой супругой. Въ своихъ сужденіяхъ они придерживались строгой справедливости...

Телье былъ готовъ. Къ нему очень шелъ фракъ, дѣлая его стройнѣе. Она видѣла себя въ зеркалѣ въ раккурсѣ, на черезчуръ низкомъ креслѣ. Машинальное напѣваніе, которымъ онъ надоѣдалъ ей уже часъ, стало глуше, потомъ на минуту прервалось поцѣлуемъ въ передней и ласковой фразой, выражавшей досаду на то, что ей придется обѣдать одной...

Она пообѣдала одна. Она не сердилась, но недоумѣвала, за что ее подвергаютъ лишеніямъ. Почему ей препятствуютъ

сопровождать его и видѣть, какъ отдаютъ должное его таланту. Ей показалось глупымъ то общество, которое во всякомъ сожительствѣ отводитъ женщинѣ, даже интеллигентной, мѣсто лишь за кулисами, предоставляетъ ей лишь плоскія ухищренія, тайные происки, низкія интрижки. Ахъ, она съ радостью отпустила бы къ профессору Цамбони Альбера, лишь бы онъ только выразилъ протестъ противъ людской глупости! Но, нѣтъ! Альберъ, съ мужскою наивностью, принималъ, какъ должное, всѣ козыри, оставляя ее въ полномъ проигрышѣ. Она, ради помощи ему, не старалась выдвигать собственную личность, не поддерживала сношеній съ пріятельницами... И за все это лишь поцѣлуй въ лобъ и уйти блистать передъ остроумными маркизами!

Одинокій обѣдъ прошелъ скоро. Она барабанила пальцами по столу, принимала довольный видъ, украдкой взглядывала на прислуживавшаго лакея, боясь, не жалѣетъ ли онъ ее, какъ вдову при живомъ мужѣ, похищаемомъ у нея славою.

II.

Было четыре часа. Женевьева ждала Генріетту Кодри, свою мало замѣтную и темноруссую пріятельницу.

Онѣ собирались вмѣстѣ къ г-жѣ Башеленъ. Въ ожиданіи пріѣзда Генріетты, г-жа Телье просматривала комедію, въ которой одно изъ дѣйствующихъ лицъ авторитетно, живо и ребячливо философствовало по поводу женскаго вопроса. Женевьева прочла такую фразу: „Разъ ты — мать, то секретъ счастья очень простъ: будь матерью по преимуществу". Она закрыла книгу и пошла въ комнату Мишеля. Учитель, г. Марьяжъ, всталъ при ея появленіи. Она попросила его продолжать урокъ, которымъ и она рада сколько-нибудь воспользоваться. Онъ излагалъ мальчику элементы геометріи. Лѣвая рука его взялась за блокъ-нотъ:

— Что это такое?

— Тѣло.

— Хорошо. Теперь покажи мнѣ поверхность... Хорошо... Другую?.. Хорошо... А что получается отъ пересѣченія двухъ поверхностей?

— Линія.

Г-жа Телье любовалась понятливостью ребенка, отчетливою работою мысли въ его круглой, низко остриженной головкѣ. Мальчикъ держался прямо въ своемъ матросскомъ костюмѣ и дышалъ здоровьемъ.

Она протянула ему бумажку, сложенную треугольникомъ.

— Ну, а эта фигура какъ называется?

Но юный Мишель вознегодовалъ на ея вмѣшательство и застучалъ по столу кулаченками.

— Отстань, мама! Что ты понимаешь?.. Пусть толкуетъ г. Марьяжъ!

Правда, г. Марьяжъ внушалъ ему эти отвлеченныя понятія съ изумительными кротостью, терпѣніемъ и искусствомъ. Онъ былъ рожденъ педагогомъ. Въ старину, слушая лекціи въ Сорбоннѣ, онъ познакомился въ Латинскомъ кварталѣ съ Альберомъ Телье. Взаимная симпатія сблизила щеголеватаго Телье съ простакомъ Марьяжемъ. Хотя послѣдній имѣлъ свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, а по исторіи и естествовѣдѣнію сдалъ даже магистерскіе экзамены, но не чувствовалъ никакой склонности тянуть университетскую лямку, ежегодно читая одинъ и тотъ же курсъ до отставки, точно „коночная" лошадь, пробѣгающая все тотъ же путь вплоть до отправки на живодерню. Напротивъ, онъ постоянно мечталъ стать воспитателемъ съ начала до конца, возрастить подъ своимъ руководствомъ двухъ-трехъ добрыхъ и гармонично-развитыхъ юношей. Телье вспомнилъ, въ подходящую минуту, о такомъ его призваніи. Въ одно прекрасное утро онъ пошелъ разыскивать ученаго пріятеля, обрѣлъ его въ „Школѣ Высшихъ Наукъ", гдѣ тотъ забавлялся изученіемъ коптскаго языка, и препоручилъ ему Мишеля, которому Марьяжъ, съ той поры, самоотверженно посвятилъ свою жизнь. Телье, любившій щегольнуть классицизмомъ, сравнивалъ его съ тѣмъ даромъ, который Брутъ отнесъ въ Дельфійскій храмъ и который состоялъ изъ палки, повидимому, простой деревянной, но внутри набитой чистымъ золотомъ. Подъ грубоватою внѣшностью Марьяжа скрывалась бездна учености и добродѣтели. Видя, какъ ребенокъ полюбилъ учителя, какъ его юный умъ развивается подъ руководствомъ столь преданнаго воспитателя, Женевьева благодарила Бога, пославшаго имъ этого мудраго самарянина. Сама она подавала сыну примѣръ честности, простоты, ласковости; но считала совершенно излишнимъ свое непосредственное вмѣшательство и стремленіе во что бы то ни стало присоединить и „свою лепту" къ трудамъ учителя.

Было усвоено различіе между квадратомъ и ромбомъ, когда Женевьева ушла встрѣчать г-жу Кодри. Вскорѣ молодыя женщины уже ѣхали къ Башеленамъ, на Новую Тернскую улицу, гдѣ роскошные дома чередовались еще съ запущенными пустырями. Переѣздъ былъ довольно длиненъ, а г-жѣ Телье не о чемъ было говорить со спутницей. Она смотрѣла на Генріетту Кодри, на ея вѣчную, скромно-счастливую и любезную улыбку. Въ чемъ эта женщина находитъ себѣ счастье? Дѣтей у нея не было. Любовника не было. Рене Кодри

былъ талантливый политическій дѣятель, съ честолюбіемъ, красивою наружностью и добрымъ сердцемъ, но отдавалъ свою любовь кому угодно, кромѣ своей жены. Женевьеву серьезно интересовало одиночество Генріетты въ сопоставленіи съ ея характеромъ, ровнымъ, кроткимъ, спокойнымъ, съ ея очевидною удовлетворенностью. Какою иллюзіею можетъ она утѣшаться? Въ видѣ пробы, Женевьева задала вопросъ:

— Ты не находишь, что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ скучновато?

— Какъ скучновато? Дѣлать, какъ будто, и нечего, а, между тѣмъ, я занята по горло. Вотъ тебѣ списокъ на сегодня: шесть неотложныхъ визитовъ, да, сверхъ того, надо въ морское министерство, гдѣ торгуетъ моя невѣстка; а въ шесть часовъ — примѣрка у Дусе. Некогда написать письма... Некогда подумать...

Это была сущая правда. Некогда оказывалось и поплакать. Нечего было искать иного объясненія для веселой хлопотливости всѣхъ Генріеттъ Кодри. Женевьева оцѣнила полезность, утѣшительность и благотворность быстраго вихря свѣтской суеты. Это былъ особый гигіеническій режимъ, какъ бы спеціально изобрѣтенный для того, чтобы одурманивать тоскующія души, какъ бы нарочно установленный по безмолвному, инстиктивному соглашенію тысячами лицъ, незнакомыхъ другъ съ другомъ, но солидарныхъ въ своихъ стремленіяхъ. Женевьева увидѣла здѣсь рядъ взаимнаго страхованія противъ апатіи и отчаянія. Не даромъ принято поспѣшно улыбаться всему. Въ непрерывной смѣнѣ столькихъ пустяковъ заключалась, пожалуй, своеобразная мудрость.

Для Телье профессоръ Башеленъ былъ и оставался учителемъ, отечески-благосклоннымъ, доступнымъ, ласковымъ, и благодарная Женевьева не забывала г-жу Башеленъ. Она не пропускала ни одного „ея вторника", знала наизусть всѣхъ, кто тамъ бывалъ. Она съ радостью встрѣчала калмыцкое, красивое квадратное лицо и большіе, зеленые, живые глаза г-жи Пеллера̀. Связанныя старинною и прочною пріязнью, г-жи Пеллера̀ и Башеленъ имѣли однѣхъ знакомыхъ и, такъ сказать, одинъ придворный штатъ. Только въ мелкотѣ замѣчалась разница: тамъ—жены адвокатовъ безъ практики, помощниковъ отдѣленій, неважныхъ судейскихъ; здѣсь—жены городскихъ врачей, ассистентовъ, докторантовъ. Но „главный штабъ" обѣихъ пріятельницъ, встрѣчаемый Женевьевой по пятницамъ у Пеллера̀, былъ по вторникамъ у Башеленовъ все тотъ же. Въ его составъ входили: Фанни Коссе,—„Коссеточка"—

бѣлокурая и наивная, летающая со свиданья на свиданье; жена хирурга Фисжана, красавица, почти пятидесятилѣтняя, но все еще подобная статуѣ—неразрушимое украшеніе Елисейскаго дворца и республики,—повидимому, не имѣвшая предѣльнаго возраста для дѣятельности, которая, впрочемъ, заключалась лишь въ позированіи, такъ какъ, обладая ледянымъ темпераментомъ и пылая страстью лишь къ собственной красотѣ, г-жа Фисжанъ ни разу не уклонилась отъ добродѣтели. Это всѣ знали. Нѣсколько мужчинъ съ угасшею чувственностью, но съ пылкимъ воображеніемъ, въ теченіе четверти вѣка состояли ея поклонниками. Бывали вечера, когда она еще казалась восхитительной; но случалось, что побѣдителемъ оставался комизмъ. Полная страха, нерѣшительности, колеблясь между желаніемъ блистать и предвѣстниками дряхлости, она слѣдила за своими движеніями, говорила мало, отвѣчала миганьемъ глазъ или односложнымъ кудахтаньемъ... Сюда же причислялись: Каверлошеръ, извѣстный акушеръ, разсыпавшійся передъ г-жею Телье въ надеждѣ, не смотря на свою славу, на рекламу при посредствѣ „Бесѣдъ Доктора“; добрая Марія Бруте́, язвительная Софія Тиріонъ, безличная Генріетта Кодри, а въ особенности нѣкая г-жа Броунъ, всюду замѣтная и рѣшительная, курьезная тѣмъ преимуществомъ, которое она сразу и безапелляціонно приписывала всему, къ ней относившемуся: *своимъ* поставщикамъ, лошадямъ, дѣтямъ, *своему* дому, *своему* разводу, *своей* тяжбѣ...

Всѣхъ этихъ женщинъ Женевьева знала давно, но теперь присматривалась къ нимъ пристальнѣе: послѣ словъ, которыми она только что обмѣнялась съ Генріеттой, она пробовала почтительно вникать въ болтовню, можетъ быть, прикрывавшую собою заботу, ищущую забвенія, зависть, отчаяніе... Почему бы и ей не посмѣяться вмѣстѣ съ ними, съ такими же вскрикиваньями и пискомъ? За исключеніемъ Коссеты, уже упорхнувшей, точно влюбленная птичка, все это были женщины порядочныя и ничуть не хуже ея. Посредственные пустячки, безчисленные, вѣчно возобновляемые, въ достаточной мѣрѣ наполняли имъ жизнь. Подобно имъ было возможно „развлекаться“. Ихъ способъ убивать время не блисталъ глубокомысліемъ, но казался скромнымъ и вѣрнымъ. Женевьева подошла къ нимъ съ полной охотой поучиться. Она стала слушать. Г-жа Фисжанъ и двѣ безцвѣтныя индюшки говорили любезности г-жѣ Броунъ, по поводу ея послѣдняго вечера. Индюшки еще не пришли въ себя отъ удовольствія. Ихъ особенно восхитила комедія. Онѣ осыпали комплиментами ея автора. Тутъ г-жа Броунъ прервала ихъ сладкія рѣчи, чтобы почтить себя болѣе опредѣленными похвалами. Поэму написалъ ея кузенъ Гюи, сотрудничающій

во всѣхъ журналахъ. Представлявшіе ее два актера и актриса принадлежали къ труппѣ Одеона и занимали тамъ значительныя амплуа. Пьеса будетъ ставиться этою весною въ Бодиньерѣ. Антрепренеры нѣсколькихъ большихъ театровъ выпрашивали ее у кузена Гюи, но онъ весьма умно отвѣтилъ, что не желаетъ ее давать для съѣзда публики и развлеченія капельдинершъ: теперь никто не пріѣзжаетъ въ театръ раньше начала главной пьесы.

— Потому что слишкомъ поздно обѣдаютъ,—замѣтила г-жа Фисжанъ.

— Обѣдаютъ все позже и позже,—подхватила анонимная индюшка.

Каждая сказала словечко о часѣ обѣда. Г-жа Тиріонъ высказала къ господствующей модѣ пренебреженіе, въ которомъ сквозили враждебность деревенской жительницы и похвальба своею бѣдностью: она сообщила, что ея Шарль требуетъ, чтобы въ семь часовъ супъ уже былъ на столѣ, какъ дома, у его отца.

Каверлошеръ пошелъ дальше: его дядя, лейбъ-медикъ Людовика XVIII, садился за столъ, какъ только часы кончали бить пять. Индюшки, напротивъ, увѣряли, будто ихъ мужья такъ заняты, что имъ никогда не приходится обѣдать ранѣе половины девятаго. Г-жа Броунъ въ заключеніе произнесла:

— Скоро обѣдъ превратится въ ужинъ.

Среди этого тошнаго суесловія Марія Бруте взглядывала на Женевьеву съ робкимъ отчаяніемъ. Но тема еще не была исчерпана. Г-жа Кодри предложила иную точку зрѣнія: поздній обѣдъ прибавляетъ рабочіе часы къ черезчуръ короткому дню. Однако, она совсѣмъ увлеклась удовольствіемъ бесѣды и теперь едва поспѣетъ на свой базаръ, въ морское министерство. Какая-то особа, доселѣ не сказавшая ни слова, тутъ же вспомнила, что и на ней лежитъ та же обязанность: онѣ рѣшили доѣхать вмѣстѣ на Королевскую. Послѣ ихъ ухода, всѣ выразили къ нимъ состраданіе. Въ самомъ дѣлѣ, благотворительность становится черезчуръ обременительной. Всюду базары, ярмарки, аллегри... Безъ сомнѣнія, всѣ уважаютъ г-жу Лэнъ, но она становится неблагоразумна. Впрочемъ, эти злоупотребленія повсемѣстны: такъ, напримѣръ, въ Кабурѣ, гдѣ г-жа Броунъ проводитъ съ дѣтьми ихъ двухмѣсячные каникулы, приготовленія къ благотворительному вечеру протянулись три недѣли, между тѣмъ какъ во всей мѣстности было не болѣе пяти или шести бѣдняковъ. Жена доктора Лекуве подтвердила этотъ фактъ: она тоже провела лѣто въ Кабурѣ. Разговоръ перешелъ на дачную жизнь, и этотъ сюжетъ постарались исчерпать до дна. Почти всѣ дамы

предпочли бы роскошныя равнины Нормандіи или Турени: необозримыя поля, съ лѣсомъ, конечно, и водою. Къ несчастью, никто не могъ сообразоваться со своими желаніями. Надо было дожидаться школьныхъ каникулъ, отпусковъ мужей, сберечь двадцать одинъ день для минеральныхъ водъ. Въ концѣ концовъ, большинство ограничивалось взморьемъ Ламанша. Песокъ всетаки оказывался еще всего полезнѣе для дѣтей. Милашки валялись въ немъ, какъ утята плещутся въ лужахъ. Одна изъ дамъ вертѣла печенье въ чашкѣ съ чаемъ, чтобы нагляднѣе изобразить плесканье своего потомства. Поэтому г-жа Броунъ считала просто убійствомъ водить дѣтей нарядно и заставлять ихъ заботиться о чистотѣ. Она признавала только синій холстъ для дѣтскихъ платьевъ. По ея мнѣнію, и взрослыя хорошо сдѣлали бы, если бы соблюдали ту же простоту. Современныя модныя юбки со шлейфами въ высокой степени неудобны за-городомъ. Она ихъ не носитъ. По просьбѣ г-жи Лекуве, пожелавшей, чтобы г-жа Броунъ свезла ее къ своей портнихѣ, которую подчинила строгости своего вкуса, она назначила день для этой совмѣстной поѣздки.

Тутъ же стали назначаться еще свиданія. Было поздно, предстояло разстаться, и странная тревога выразилась на всѣхъ лицахъ: „когда-же свидимся?“ Свидѣться предполагалось на другой день, у Генріетты Кодри. Лекуве и Фисжана должны были встрѣтиться въ тотъ же вечеръ въ оперномъ театрѣ. Остальныя гостьи, прощаясь, наобѣщали другъ другу городскихъ телеграммъ и вызововъ по телефону.

Полная гордости, жалости и недоумѣнія, Женевьева слушала ихъ такъ внимательно, какъ никогда. Обыкновенно она совершенно непреднамѣренно уклонялась отъ общей болтовни и садилась въ уголокъ съ кѣмъ нибудь, къ кому питала дружбу, напримѣръ, съ г-жей Пеллера или съ Маріей Бруте, съ коими можно было тихонько поговорить или даже помолчать. Сегодня, посидѣвши въ самомъ центрѣ курятника, она пришла въ ужасъ отъ безсодержательности кудахтанья. Право, даже Фанни Коссе съ ея штуками стояла выше этихъ дуръ. Ибо подобное пустословіе объяснимо лишь въ томъ случаѣ, если служитъ ширмою всяческимъ интригамъ; иначе его безсмысліе совершенно невыносимо. Женевьева удивлялась, какъ эти женщины не умираютъ, отравившись скукою. Но нѣтъ: онѣ казались иммунизированными и даже почти веселыми. Онѣ только что пережевывали свой вчерашній вечеръ; завтра будутъ комментировать сегодняшній чай. Это вѣрно: свиданія назначены, все обезпечено, чтобы не прерывалась цѣпь пустыхъ фразъ. Онѣ оградили себя отъ возмож-

ности пробыть въ одиночествѣ хоть день, посвятить своей внутренней жизни хоть минуту.

III.

У четы Башеленовъ не бывало парадныхъ пріемовъ. Оба были толсты и не любили стѣсняться и церемониться. Но за ихъ изысканнымъ обѣдомъ почти каждый день бывало нѣсколько знакомыхъ. Сегодня присутствовали г. и г-жа Пеллера, Альберъ и Женевьева Телье и Францискъ де-Нуайель, братъ г-жи Башеленъ, еще любившій ухаживать и довольно остроумный.

Еще испытывая тошноту отъ передобѣденнаго переливанія изъ пустого въ порожнее, г-жа Телье очень обрадовалась, когда г. де-Нуайель подсѣлъ къ ней послѣ обѣда. Онъ помѣстился чуть-чуть ближе, чѣмъ слѣдовало; но такова уже была его манера и привычка, такъ что никто не обращалъ на это вниманія. Женевьева имѣла нѣкоторую склонность считать его умнымъ. Она описала ему свои недавнія впечатлѣнія, непринужденную болтовню дамъ и явную пустоту этой болтовни.

— Могу себѣ представить,—сказалъ г. де-Нуайель.—Собравшись вмѣстѣ, женщины говорятъ лишь о тряпкахъ, и часто весьма неумно. Къ нимъ возвращается ихъ изящество только при бесѣдахъ съ глазу на глазъ и при сердечныхъ изліяніяхъ.

Г-жѣ Телье было стыдно за низкій умственный уровень своего пола, способнаго такъ нелѣпо убивать время. Въ курильной, безъ сомнѣнія, говорится менѣе глупостей. Францискъ де-Нуайель не соглашался, отчасти изъ любезности къ собесѣдницѣ, отчасти изъ желанія отозваться о прочихъ мужчинахъ съ сострадательнымъ и кроткимъ пренебреженіемъ. Но Женевьева стояла на своемъ.

— Не возражайте. Разговоры наихудшихъ праздношатаевъ все же во сто разъ интереснѣе. По крайней мѣрѣ, они спорятъ, иногда довольно умно, о политикѣ или о спортѣ; разсказываютъ клубные анекдоты; интересуются красивымъ искусствомъ фехтованія. Среди нихъ есть гастрономы: забавно послушать тонкій анализъ дичи или вина. Наконецъ, у большинства мужчинъ есть дѣло; они узнаютъ разныя свѣдѣнія о людяхъ и предметахъ и обмѣниваются ими. Кромѣ того, они курятъ, чѣмъ облегчается благодѣтельное молчаніе.

— Они также говорятъ о женщинахъ,—прибавилъ де-Нуайель съ улыбкой, выразившей прискорбіе,—и разговоры эти достойны жалости.

— Они говорятъ соотвѣтственно своимъ вкусамъ, т. е. грубо, я согласна. Вы хотите сказать, что темою служатъ кутежи и кокотки. Ну, и это еще, пожалуй, интереснѣе моды на шлейфы, времени обѣда, преимуществъ морскихъ купаній передъ деревней... Замѣтьте, что я не упомянула о злословіи, потому что его не допускаютъ ни г-жа Пеллера, ни г-жа Башеленъ... По чистой совѣсти, дамы, собравшись другъ у друга въ гостяхъ, не знаютъ о чемъ говорить. А та, которая случайно упомянетъ о политикѣ, наукѣ, искусствѣ, покажется тотчасъ смѣшною, обезьяною, безполымъ существомъ... Выходитъ въ родѣ того, какъ если бы она закурила толстую сигару. Клянусь вамъ, онѣ ни о чемъ не говорятъ и ни о чемъ не думаютъ. Какъ онѣ глупы! Какъ онѣ жалки!

— Вы преувеличиваете, милая барынька. Онѣ, конечно, думаютъ, и на весьма плѣнительныя темы. Не воображайте, что онѣ искренни на этихъ скучныхъ сборищахъ: онѣ являются самими собою лишь въ своихъ завѣтныхъ тайнахъ. Только послѣднее идетъ въ счетъ, и этого одного достаточно, чтобы опровергнуть всѣ требованія и жалобы феминистокъ. Считать себя обиженными и страдающими могутъ только уродливыя особы. Вы сами знаете лучше, чѣмъ кто либо, что каждая женщина, внушающая желанія, каждая женщина, кѣмъ либо любимая, наполняетъ собою мысли мужчины и властвуетъ надъ нимъ. Какъ можно придавать значеніе тому, что мужчины какъ будто забрали себѣ всѣ развлеченія, всѣ познанія и всю власть, когда въ сущности они подчинены фантазіямъ, смѣняющимся въ дамскихъ головкахъ? Въ этомъ ваша тайная сила. Зачѣмъ это говорить феминисткамъ, похожимъ на вѣдьмъ и горбатыхъ? Только безобразная бѣдна. А красота правитъ міромъ, потому что каждый мужчина порабощенъ предметомъ своего увлеченія. *Trahit sua quemque voluptas*!.. Извините за педантизмъ. Впрочемъ, это въ просторѣчіи можно выразить такъ: „Каждый молодецъ—на буксирѣ у бабы“. За то и вполнѣ справедливо, чтобы каждая женщина хранила для избраннаго всѣ сокровища своего ума. Напримѣръ: любовныя письма. Деревяннѣйшая изъ куколъ напишетъ такъ, что придешь въ восторгъ...

Нуайель щурилъ глаза, какъ-бы перебирая въ памяти цѣлые портфели остроумнѣйшихъ, душистыхъ и нѣжныхъ записочекъ.

— Вы должны писать божественно: съ нѣжнымъ благонравіемъ и веселой проницательностью маленькой принцессы де-Линьй...

Г-жѣ Телье не была извѣстна „маленькая принцесса де-Линьй“; но комплиментъ пришелся ей по вкусу. Она испытывала тонкое и живое удовольствіе въ обществѣ этого че-

ловѣка, культурнаго, изящнаго и очевиднаго любителя женщинъ. Съ давнихъ поръ и до вчерашняго дня, до своего разочарованія по поводу обѣда у Амблимонте, Женевьева очень несочувственно слушала свободныя рѣчи мужчинъ. Будучи женою-любовницею, она хранила вѣрность мужу по непосредственному влеченію, а не въ силу доводовъ разума, и удовольствіе, которымъ могъ пользоваться въ бесѣдѣ съ нею посторонній, представлялось ей какою-то платоническою измѣной. Игра въ кокетство могла помогать легкомысленнымъ особамъ въ вербовкѣ поклонниковъ; но для честныхъ женщинъ она, по ея мнѣнію, или была ненужна, или вела къ раздраженію. Тѣмъ не менѣе, вниманіе, оказанное ей де-Нуайелемъ въ этотъ вечеръ, давало ей отдыхъ отъ недавно выслушанныхъ глупостей и какъ-бы вознаграждало за тотъ обѣдъ у маркизы, куда ее не пригласили, за тѣ бесѣды, которыя велись тамъ безъ нея.

Францискъ де-Нуайель съ изящною фатоватостью пользовался этимъ. Онъ перешелъ къ прямымъ любезностямъ, перевелъ разговоръ на флиртъ...

— Въ сущности, что вы называете флиртомъ?—спросила Женевьева, когда Нуайель произнесъ это слово.

— Да это—самый вашъ вопросъ, только предложенный не громко... Флиртъ начинается съ изоляціи. Флиртовать значитъ: на минуту вдвоемъ отдѣлиться отъ міра... Мужчина и женщина флиртуютъ, когда они, вмѣсто того, чтобы разсуждать о другихъ, стараются получше узнать другъ друга, говорятъ о самихъ себѣ, высказываютъ свои чувства, вмѣстѣ заглядываютъ въ свои сердца, а также кидаютъ туда маленькіе камешки, не очень острые, точно въ прудъ, чтобы посмотрѣть, какъ возникнетъ рябь и пойдутъ круги по водѣ... Попробуемте... Я готовъ со всеусердіемъ...

Г-жа Телье пожала своими красивыми плечами. Она не возмутилась. Ей понравились болѣе, чѣмъ она ожидала, блестящая дикція, фразы Нуайеля и тотъ образъ безупречнаго и гордаго кавалера, какимъ онъ хотѣлъ себя представить. Но она поставила западню его деликатности:

— Скажите: Коссета пишетъ хорошо?

— Коссета совсѣмъ не пишетъ: она самоё себя даетъ на прочтеніе и даже напоминаетъ книгу изъ публичной библіотеки... Разбираютъ ямочки на ея бедрахъ...

Онъ попался въ ловушку. Женевьева вспыхнула негодованіемъ и почувствовала, что такою свободною бесѣдою низводитъ себя до уровня Фанни Коссѐ. Бѣдная Коссета!

Если Нуайель не любилъ ее, то по какому праву онъ ее унижаетъ? А насколько это хуже, если любилъ!.. Ямочки на бедрахъ!.. Голосъ г-жи Телье сталъ жесткимъ:

— Почемъ вы это знаете?

Тотъ постарался отшутиться:

— Сейчасъ видно по глазамъ...

Онъ попытался было продолжать свои изящныя пошлости, но Женевьева перестала его слушать. У нея только раздавался въ ушахъ его воркующій голосъ, и лишенная всякаго снисхожденія память рисовала ей двухъ голубей, когда-то свившихъ гнѣздо въ Малагеттѣ подъ ея окномъ и такъ надоѣвшихъ своимъ воркованіемъ, что пришлось, наконецъ, ихъ пристрѣлить. Она безпристрастно разглядывала Нуайеля и видѣла передъ собою охладѣвшаго, почти стараго клубнаго завсегдатая, одушевлявшагося только ради этой, служившей ему спортомъ, пародіи на любовь; она видѣла его тонкія и сухія губы, выражавшія эгоизмъ и сдержанность, въ противоположность его прекраснымъ глазамъ, которые свѣтились великодушіемъ. Она вспоминала разсказы Тиріона о его скупости, о томъ, что онъ обѣдаетъ въ гостяхъ, чтобы не платить за обѣдъ въ клубѣ. Чтобы не считаться лишнимъ ртомъ,—да! въ уплату за обѣдъ!—онъ привыкъ послѣ кофе любезничать съ дамами...

Женевьева сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Она серьезно остановила его:

— Я тогда только буду увѣрена, что вы любите женщину, когда вы разоритесь на нее!

Нуайель былъ достаточно чутокъ, чтобы замѣтить ея отчужденность и насмѣшливость. Онъ пожалѣлъ о своей неудачной фразѣ и попытался обратить противъ собесѣдницы ея же орудіе: только посредственные поклонники способны разоряться; бѣдность создаетъ заботы, отвлекающія мысль отъ главнаго — отъ любви. Преданный-же обожатель бережетъ свое состояніе, чтобы безъ потѣхи предаваться своей страсти...

Женевьевѣ было отъ души смѣшно.

— И такъ превосходно постигнувъ, въ чемъ состоитъ истинное счастье, онъ кончаетъ свои дни, отмѣченные воспоминіями о бѣлянкахъ, смуглянкахъ, брюнеткахъ, блондинкахъ, въ солидныхъ административныхъ учрежденіяхъ...

— Безъ ироніи, милая дама! Флиртъ не допускаетъ ироніи!.. Не надо насмѣхаться... Надо понимать другъ друга... Позвольте мнѣ понять васъ и воздать вамъ большую и почтительную похвалу: вы — плохая „флиртовщица". Вы — черезчуръ совершенны и, несомнѣнно, черезчуръ любимы, чтобы вносить въ этотъ спортъ что-либо, кромѣ насмѣшливаго любопытства или приступать къ нему иначе, какъ въ порывѣ досады, вслѣдствіе случайной, мимолетной неудовлетворенности...

Г. де-Нуайель никогда не огорчался неуспѣхомъ и умѣлъ отступать прежде, чѣмъ станетъ смѣшнымъ. Онъ всталъ, чтобы откланяться, схватилъ руку Женевьевы, поднесъ ее къ своимъ сухимъ губамъ и, наконецъ остановилъ на ней долгій и нѣжный взоръ. Бывая въ свѣтѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе дарить женщинъ взглядами, которые могли означать: „Вы знаете, какъ я васъ люблю!“ или же: „Я помню,. какъ мы съ вами любили другъ друга“... Женевьева отъ всего сердца надавала бы ему оплеухъ. Но Нуайель, помышляя единственно о томъ, какъ бы скрыть уронъ, понесенный его самолюбіемъ, нашелъ эффектную заключительную фразу и произнесъ ее, шаловливо и укоризненно грозя пальцемъ:

— Васъ можно сильно полюбить, если недостаточно любить вашего мужа!

Какъ онъ смѣлъ припутывать ея мужа къ этимъ двусмысленнымъ пустякамъ? Телье сидѣлъ на другомъ концѣ комнаты за письменнымъ столомъ Башелена, и рядомъ съ нимъ самимъ: благосклонно, но съ оттѣнкомъ пренебреженія онъ подалъ руку Нуайелю, который кланялся ему съ обычной придворной изысканностью. Она покраснѣла отъ радости, одобряя равнодушное отношеніе мужа къ этому фразеру. Альберъ уже продолжалъ бесѣду съ профессоромъ: Женевьевѣ нравилось, какъ сверкали умомъ его золотистые глаза. Она видѣла на стопкахъ тетрадокъ, на медицинскихъ журналахъ его руку, двигавшуюся легко, точно, доказательно, безъ азарта, подчеркивая, какъ она угадывала, убѣдительные доводы, на которые сдавалась, съ примирительнымъ киваніемъ, авторитетность классически-ученаго Башелена.

Она высоко ставила обоихъ. Въ часы вечерняго отдыха послѣ лекцій и клиникъ, они съ увлеченіемъ предавались, разсужденіямъ, старались умножить свои знанія, помочь другъ другу въ усвоеніи полезной человѣчеству науки. Они не употребляли свои досуги, какъ Абади-Нейдингъ или Тиріонъ, на злословіе о товарищахъ, на интриги. Альберъ характеромъ походилъ на своего учителя: его больше волновали идеи, нежели люди. Женевьева восхищалась этою чертою со всею страстностью своего сердца. Теперь она едва осмѣливалась вспоминать о своемъ вчерашнемъ неудовольствіи, о своей мелочной печали по поводу обѣда, конечно, бывшаго для него не развлеченіемъ, а непріятною общественною обязанностью, которую пришлось исполнить безъ нея. Какъ она была ребячлива! Ей слѣдовало бы устыдиться своего желанія привязать мужа къ своей юбкѣ: теперь она, въ наказаніе себѣ самой, нарочно употребила это выраженіе. А въ своемъ стремленіи забыться въ болтовнѣ съ дурами, въ своей недавней попыткѣ удовлетворить свое

тщеславіе рѣчами фата, она теперь видѣла лишь пустоту и мелочность да еще мстительность, въ которой ей совѣстно было бы сознаться. Она и Нуайель! Флиртъ! Это нелѣпое сочетаніе казалось ей унизительнымъ...

Она подошла къ столу, за которымъ г-жи Пеллера и Башеленъ играли въ безигъ, не столько ради интереса къ игрѣ, сколько для того, чтобы не оставлять праздными руки. Иногда, прервавши игру, онѣ, съ картами въ рукахъ, принимались вспоминать какой-нибудь эпизодъ изъ своей молодости. Женевьева слышала имена, которыя для нея были лишь знакомыми звуками, а для обѣихъ старухъ оставались полными значенія: Гамбетты, Дюфора, Гуно, Труссо... Онѣ поминали умершихъ, и собственная ихъ молодость давно уже умерла. Онѣ были хорошими женами, безупречными, благодѣтельными. Женевьева поклялась въ душѣ стать подобной имъ и поочередно поцѣловала ихъ поцѣлуемъ дочери.

Партія безига окончилась. Г-жа Башеленъ притянула къ себѣ свою миленькую Женевьеву. Она повѣряла ей свои горести. Ни самъ Башеленъ, ни она, не смотря на внѣшность, говорившую, какъ будто, объ избыткѣ здоровья, не могли назваться крѣпкими. Она одинаково боялась вскорѣ лишиться мужа или оставить его въ одиночествѣ. У г. Башелена отъ перваго брака былъ сынъ, непріятный господинъ, о которомъ никогда не упоминалось, но отъ котораго порою получались вѣсти, и тогда въ привѣтливомъ и уютномъ домикѣ цѣлый вечеръ проходилъ въ печали. Въ сравненіи съ этими серьезными бѣдами, ея собственныя неудовольствія и страхи казались Женевьевѣ менѣе значительными. Ей было пріятно дѣлить горе своей старой пріятельницы.

— Знаете, Каверлошеръ, считая меня ученою, а можетъ быть, понимая, какъ я васъ люблю, разсказалъ мнѣ о докладѣ г. Башелена въ академіи. Онъ сказалъ: „Это былъ верхъ совершенства! Право же, ничуть не хуже докладовъ Клода Бернара“!

Жена профессора сжала руки Женевьевы.

— Вотъ вы это ему и перескажите: ему будетъ пріятно. Онъ не слишкомъ избалованъ счастьемъ...

Ея усталыя вѣки сдержали слезы. Потомъ она прибавила веселымъ тономъ:

— Ну, давайте разливать чай, дитя мое.

Г-жа Телье понесла чашку г-ну Пеллера, который сидѣлъ у бокового стола, передъ журналомъ, и что-то записывалъ. Съ самаго обѣда неподкупный ораторъ бился надъ ребусомъ въ „Иллюстраціи“. Онъ выяснялъ отдѣльныя его части и записывалъ на бумажкѣ результаты своихъ открытій, по мѣрѣ того, какъ ихъ дѣлалъ. Но существенные промежутки ока-

зывались непостижимыми. На его низкомъ неинтеллигентномъ лбу напряглись жилы. Тѣмъ не менѣе, его женѣ предстояло быть супругою президента Республики и прекраснѣйшей изъ хозяекъ Елисейскаго дворца. Женевьева еще разъ поглядѣла на г-жу Пеллера, любуясь ея ясностью и энергіей, тою энергіей, которую выражалъ ея красивый, квадратный подбородокъ. Глаза ея оставались молодыми вслѣдствіе радостной возможности исполнять свой долгъ тайно, какъ удовлетворяютъ порочную страсть.

Это былъ великій образецъ.

— Почему-же бы мнѣ быть менѣе терпѣливой и болѣе неловкой?..

IV.

Марія Бруте смѣялась надъ колебаніями Телье, повторяя:

— Увѣряю тебя, что Орлеанскій кварталъ — мѣстность очень здоровая, полная зелени и весьма „центральная". Тамъ есть даже фонтанъ. Право, тебѣ бы посмотрѣть квартиру, лучше не сыщешь.

— Не хочу смотрѣть, возражала Женевьева,—именно за „центральность", которою дорожатъ лишь лавочники девятаго округа. Центръ теперь всѣ бросаютъ: именно, чтобы изъ него убѣжать, мы и мѣняемъ квартиру. Никто не станетъ жить близь улицы Тетбу, равно какъ и на этомъ углу бульвара Гаусмана, украшенномъ зданіемъ Оперы. Въ жизни людей благоразумныхъ должна быть во всемъ гармонія. Я чувствую,— а поразмысливши, почувствуешь и ты, насколько намъ не подходитъ суета этихъ кварталовъ. Для молодыхъ новобрачныхъ это не представляло неудобствъ. Но мы старѣемъ, милый другъ, и нуждаемся въ жилищѣ постоянномъ, солидномъ, подобно намъ.

Наканунѣ, дѣлая визитъ г-жѣ Телье, дѣвица Эсландъ сообщила о своемъ скоромъ отъѣздѣ: она покупала себѣ домъ съ паркомъ въ Нельи: Нельи, Звѣзда, Отель—вотъ что рѣшало вопросъ! Существуютъ двѣ „школы", — подумала Женевьева: новѣйшая, предпочитающая западную часть города, и классическая, отдающая преимущество стариннымъ улицамъ, которыя отличаются тишиною. Все прочее, — напримѣръ, это Антенское Шоссе, не имѣетъ ни стиля, ни колорита, или же лишились его со времени Іюльской монархіи и второй Имперіи. Западъ, съ иголочки новенькій, хорошъ для вновь испеченныхъ парижанъ, каковы дѣвица Эсландъ или г. Бенуа-Барбе. Но крестницу барона Эртеля гораздо болѣе прельщали улицы Гренель, Варенъ, св. Доминика. Надо

думать, что и другіе раздѣляли ея вкусы, такъ какъ въ центрѣ дома дешевѣли.

— Бѣдный бульваръ! — пробормоталъ Телье.—Это тебя не молодитъ!

Женевьева привела въ примѣръ Башеленовъ, которые, построились у воротъ Мальо, и Пеллера, имѣвшихъ прелестную квартиру на набережной острова св. Людовика.

Марія Бруте, играя при Женевьевѣ роль повѣренной и помощницы въ трудахъ, обошла ради нея все Сен-Жерменское предмѣстье. На улицѣ Ванно она отыскала квартиру, настолько же изолированную, какъ любой особнякъ, въ двухэтажномъ домѣ, выходившемъ въ сады Австро-Венгерскаго посольства.

— Не домъ ли это Фонтена, — спросилъ Телье, — графа Фонтена, твоего двоюроднаго дѣда?

— Нѣтъ,—отвѣтила Марія Бруте, —это домъ Шоври.

— Такъ это тотъ самый! Дѣдушка Фонтенъ, ставши чѣмъ то при императорѣ, получилъ графскій титулъ и домъ Шоври, а на старости лѣтъ проигралъ его въ баккара... Мнѣ часто говорилъ о немъ Эртель: его ребенкомъ видѣли въ домѣ Людовика XVI на улицѣ Мадемуазель, теперешней Ванно.

Мысль очутиться, въ нѣкоторомъ родѣ, подъ кровомъ предковъ, привела г-жу Телье въ восторгъ.

Она настояла, чтобы Марія тотчасъ свезла ее туда. Дорогою ей пришло на умъ препятствіе: цѣна была слишкомъ дорога. Но соображеніе это не остановило Женевьеву. Уже два года, со времени смерти отца Телье, средства ея семьи утроились. Если-же они до сихъ поръ не начинали жить роскошнѣе, то лишь затѣмъ, чтобы не выказать поспѣшности въ пользованіи богатствомъ, доставшимся по случаю смерти.

На улицѣ Ванно дамы подъѣхали къ массивнымъ воротамъ съ довольно бѣдными службами по бокамъ. Некрасивый входъ понравился Женевьевѣ: она любила скрывать изящество своей обстановки и ненавидѣла „выставочные фасады“. За воротами оказался обширный прямоугольный дворъ, а въ глубинѣ его приземистый домъ. По высотѣ оконъ его можно было отнести къ XVII вѣку; но, вѣроятно, онъ былъ реставрированъ лѣтъ сто назадъ. Даже нѣсколько нелѣпое сочетаніе колоннъ свидѣтельствовало объ романизированномъ уже вкусѣ какого-нибудь конкрурнента Суффло. Марія Бруте объяснила, что домохозяинъ самъ живетъ въ первомъ этажѣ, имѣющемъ отдѣльный подъѣздъ сбоку; второй-же этажъ сдается, и въ него входятъ черезъ главное крыльцо, за которымъ слѣдуетъ лѣстница.

— Посмотри на перила,—сказала Марія, заранѣе предвидѣвшая эффектъ.

Перила оказались совершеннѣйшимъ произведеніемъ искусства, настоящими чугунными кружевами, достойными Гутьера. Можно было думать, что они поднимались изъ сада, ибо ихъ неподатливый матеріалъ послужилъ для изображенія всевозможныхъ цвѣтовъ и плодовъ, при чемъ были переданы даже всѣ жилки на листьяхъ виноградныхъ лозъ. Женевьева обернулась къ Маріи съ сочувственно-восхищеннымъ смѣхомъ. Перила привели ее къ утвердительному рѣшенію.

Пріемныя комнаты были высоки и просторны, съ замѣтными слѣдами великолѣпія былыхъ временъ.

Женевьева разсматривала выпуклую деревянную рѣзьбу надъ дверями, надъ каминными зеркалами, вдоль панелей и отмѣчала наклонность того вѣка къ скульптурѣ въ домашнемъ обиходѣ и любовь къ изображеніямъ, возбуждающимъ чувствительность: факеламъ гименея, идиллическимъ музыкальнымъ инструментамъ, сердцамъ, колчанамъ со стрѣлами, корзинамъ цвѣтовъ и орудіямъ садовничества,—всѣмъ принадлежностямъ идиллій Соломона Геснера.

Правду сказать, спальни и уборныя были тоже въ старинномъ вкусѣ, т. е. черезчуръ просты. Но роскошь „комфорта“ всегда доступна: стоитъ сдѣлать заказы и открыть кошелекъ. За то г-жа Телье нашла здѣсь то, чего желала и чего нельзя купить: величественность постройки, грандіозность обстановки, достойной стать рамкою для баловня судьбы. Очутиться подъ кровомъ, гдѣ жилъ когда-то ея дальній родственникъ, показалось ей сначала курьезнымъ, а потомъ даже трогательнымъ. Воображеніе представляло ей, будто она вновь обрѣтаетъ когда-то утраченное жилище.

Порѣшивъ съ квартирой, Женевьева вмѣстѣ съ Маріей Бруте, отъ души раздѣлявшей ея восторгъ, отправилась на Вавилонскую, къ каретнику, поставщику старыхъ барынь. Съ самой своей свадьбы Телье держали все тотъ же выѣздъ, не блиставшій ни быстротою, ни удобствомъ. Но Женевьева, вступивъ на путь реформъ, вспомнила и объ этомъ недочетѣ. Ни квартира, ни экипажъ не должны быть продуктомъ случайности.

— Дѣвица Эсландъ, которая переѣзжаетъ жить въ Нельи, куда ей и слѣдуетъ, на новыя мѣста, нанимаетъ коляску и пару лошадокъ въ десять тысячъ франковъ. Это изящно въ своемъ родѣ и практично, чтобы поспѣвать съ репетиціи на свиданіе... Но я не могу себѣ представить лошадокъ этой пѣвицы въ конюшнѣ на улицѣ Ванно...

Въ сараяхъ каретника г-жа Телье выбрала тяжелую карету съ глубокимъ кузовомъ. Она велѣла показать себѣ лошадей и остановилась на голландскихъ коняхъ съ короткими шеями и солидною, „семейною" побѣжкою. Пряжки на сбруѣ требовались серебряныя; запрягать предполагалось въ одиночку; козлы должны были быть широкія и низкія, на англійскій ладъ. Между тѣмъ, какъ дѣвица Эсландъ ѣздила, точно биржевикъ, на парѣ и съ однимъ кучеромъ, г-жа Телье находила болѣе корректнымъ ѣздить на одной лошади, но имѣть двухъ человѣкъ на козлахъ.

. . . .

Вечеромъ возможность сообщить мужу обо всемъ сдѣланномъ удвоила ее радость. Рисуя планъ квартиры, она обводила особенно толстой рамкой квадратную комнату, предназначенную для кабинета хозяина. Душа ея была полна нѣжности и восхищенія. Онъ стоилъ такого жилища; онъ былъ всѣхъ достойнѣе жить въ такой благородно-прекрасной обстановкѣ. Восторгъ, вызванный художественной рѣзьбою, пошелъ на пользу Альберу.

— Осуществляется моя мечта, мечта вполнѣ справедливая. Ты настолько лучше всѣхъ! Мнѣ не хотѣлось, чтобы ты жилъ въ такомъ же домѣ, какъ и всѣ прочіе...

Телье съ удовольствіемъ выслушивалъ эти выраженія любовнаго энтузіазма. Разсказъ о наймѣ экипажа смутилъ его на минуту. Онъ опасался медлительности почтенныхъ лошадей. Но ему не хотѣлось нарушать настроеніе Женевьевы, и онъ одобрилъ ее поцѣлуями, рѣшивъ про себя ѣздить на извозчикахъ.

Вдругъ ему пришло въ голову нѣчто, заставившее его улыбнуться:

— Держу пари, что рѣзьба въ стилѣ Людовика XVI не понравится Тиріону.

— Я и не намѣрена ему каждый день ее показывать.

— Меня всегда забавляетъ его ворчливая добродѣтель... Но этотъ ежъ любитъ насъ отъ всего сердца.

— Ты хочешь сказать, что онъ и Софія дѣлаютъ насъ мишенью своихъ дружескихъ чувствъ. Я и не отрицаю ихъ пріязни, которая служитъ имъ для оправданія ихъ дурныхъ о насъ отзывовъ. Я не сержусь на уксусъ за кислоту и на Тиріоновъ за колкости. Если мы поѣдемъ вмѣстѣ въ Туринъ, увидишь, какъ я буду съ ними любезна. Но предупреждаю тебя, что не намѣрена злоупотреблять свиданіями съ ними.

— Мудрый ничѣмъ не злоупотребляетъ.

— Мудрый разумно распредѣляетъ свою пріязнь и даже знакомство. Видѣться со всѣми на свѣтѣ не хватитъ времени: необходимо дѣлать выборъ. И это весьма нетрудно. Твои

коллеги, по большей части, такъ же непріятны, какъ Тиріоны, хотя по другимъ причинамъ. Приглашая ихъ, ты навлечешь на себя ненависть и зависть.

— Трудненько намъ не принимать врачей!

— Безъ сомнѣнія... Но въ ихъ числѣ есть такіе, съ которыми очень пріятно продолжать сношенія: это, во первыхъ, старинные знакомые, твои наставники, какъ Башеленъ, которымъ ты обязанъ благодарностью. Ты не можешь затмить ихъ славу. Затѣмъ: твои ученики, какъ Деэ, молодежь, вчерашніе студенты; ихъ тебѣ слѣдуетъ поддержать, направить, и со временемъ тебя порадуетъ сознаніе, что ты способствовалъ выработкѣ ихъ достоинствъ. Но зачѣмъ звать какого-нибудь Лекуве, фамильярнаго и глупаго? Потому что онъ играетъ въ вистъ? Ну, этого не достаточно.

— Если такъ разсуждать, то на что намъ Бруте?

— Ничего общаго... Прежде всего, они скромны и тактичны, а главное: любятъ насъ ради насъ самихъ, преданно, абсолютно, вполнѣ. Этимъ они заслуживаютъ нашу взаимность. Такая степень сердечной доброты не менѣе цѣнна, чѣмъ даровитость. Марія и Бруте — это нѣчто особое, лучше родныхъ. Но большая разница—люди, съ которыми мы просто „знакомы"... Основанія, побуждающія насъ поддерживать знакомства, сводятся къ немногимъ главнымъ: это дѣлается или ради непосредственнаго удовольствія, при наличности симпатіи; или по обязанности, въ силу семейныхъ традицій, а также въ благодарность за одолженія; или, наконецъ, ради того, что безбоязненно слѣдуетъ назвать разсчетомъ: ради карьеры, извѣстности, матеріальныхъ выгодъ или пользы своихъ дѣтей. Истинно достойному человѣку нечего стыдиться заботливости о благѣ своихъ дѣтей, о репутаціи того имени, которое имъ суждено носить. Онъ долженъ дѣйствовать добросовѣстно, но и умно, и, по возможности, спѣшно...

Женевьева Телье понимала тщету словъ и рѣчамъ предпочитала поступки. Но мысль о прекрасномъ жилищѣ, въ которомъ имъ предстояло поселиться, а также связанное съ нимъ воспоминаніе о какомъ-то предкѣ поддерживали въ ней волненіе: щеки ея пылали, какъ отъ рѣзкаго вѣтра, и она предавалась необычной говорливости. Альберъ внималъ ея краснорѣчію съ кротостью и безъ малѣйшей ироніи. Всетаки онъ позволилъ себѣ нѣсколько возраженій:

— Почему это не видно Антонина Піо?

— Очень понятно: онъ поссорился съ Дьелегаромъ и избѣгаетъ его... Кромѣ того, ты давалъ ему матеріалъ для интересныхъ статеекъ, онъ привлекалъ общественное вниманіе на дѣло, которому ты посвятилъ себя. Это было превосходно

Теперь же, когда онъ управляетъ какою-то конторой объявленій, исчезъ всякій поводъ вамъ встрѣчаться...

— А дѣвица Эсландъ?..

— Дѣвицѣ Эсландъ нужна „респектабельность". Здѣсь она познакомилась съ нѣсколькими свѣтскими дамами. Ей также нужны благопріятные отзывы прессы: я доставила ей благосклонность музыкальнаго рецензента „Эпохи". Я же, съ своей стороны, принимая ее, преслѣдую свои цѣли, особенно одну, стоющую всѣхъ прочихъ. Для образцовой санаторіи, которую ты думаешь основать, необходимъ филантропъ, обладающій милліонами. Дѣвица же Эсландъ имѣетъ исключительное вліяніе на нѣкоего филантропа... Выводъ можешь сдѣлать самъ. Когда триста несчастныхъ больныхъ найдутъ въ санаторіи покой, а можетъ быть, и исцѣленіе, имъ и въ голову не придетъ, что они обязаны этимъ твоему усердію при лѣченіи какой-то Розы Фрике изъ „Драгунъ" и нашей къ ней любезности. Любезность эта основывалась на мудрости и человѣколюбіи, а пожалуй, и на разсчетѣ. Но разсчитывать значитъ предусматривать. Конечно, разбирая такъ свои поступки, всегда можно уличить себя въ корыстномъ и мелочномъ маккіавелизмѣ; но такое сужденіе будетъ поверхностнымъ. Можно избѣгать ошибокъ и дѣлать удачные шаги безо всякихъ стараній и умысловъ. Для этого достаточно имѣть въ характерѣ нѣкоторую серьезность, пониманіе общественной іерархіи, трезвый взглядъ на людей и вещи, постоянную заботливость о благѣ любимыхъ существъ и, наконецъ, тотъ духъ послѣдовательности, который, въ сущности, есть лишь умѣніе держать себя и стремленіе къ гармоніи въ жизни. Мы какъ-то говорили съ Маріей, что въ жизни все связано взаимною зависимостью: оцѣнка собственной карьеры съ тѣмъ, какъ смотрятъ на нее другіе, чистота одежды съ опрятностью въ поступкахъ, все, все, кончая слугами, которыхъ умѣешь привязать къ себѣ, экипажемъ, который умѣешь выбрать, домомъ, составляющимъ подходящую для тебя рамку. Сумма всего этого является твоимъ оплотомъ противъ общественнаго мнѣнія. Ты способенъ порою пренебрегать подобными мелочами, потому что самъ очень добръ и судишь о другихъ по себѣ, а также потому, что въ тебѣ есть легкомысліе, фривольность,—не отрицай: сегодня утромъ ты жалѣлъ о бульварахъ!—что-то мальчишеское, студенческое, свойственное богемѣ...

— Но „любовь есть дитя богемы!"—желая прекратить разговоръ, сказалъ Телье.

Они занялись любовью. Альберъ былъ радъ положить конецъ діалектикѣ, которой, при всей ея вѣрности, не хватало по его мнѣнію, свободы и вдохновенія.

Но жена пожелала добиться опредѣленнаго подтвержденія.

— Развѣ я не права?

Онъ удостовѣрилъ, что она права, и даже черезчуръ.

— „Ваша рѣчь есть истина святая"...

V.

Международное біологическое общество лишилось казначея, погибшаго внезапною и добровольною смертью, и комитетъ общества отмѣнилъ засѣданіе въ знакъ траура „и даже въ знакъ банкротства", какъ прибавлялъ Тиріонъ. Это несчастье неожиданно дало Телье два свободныхъ часа: онъ отправился на Константинопольскую.

Въ эту дождливую пору онъ совсѣмъ запретилъ Куколкѣ выходить и засталъ ее за полицейскимъ романомъ, составленнымъ изъ собранныхъ фельетоновъ, дружески даннымъ ей для прочтенія привратницей.

При видѣ Альбера, она вскрикнула съ выраженіемъ счастья и ласково угнѣздилась въ его объятіяхъ. Онъ покрылъ медленными поцѣлуями прозрачную кожу ея лица и своими губами опустилъ ея сѣроватыя вѣки на темные, какъ ночь, слишкомъ большіе, слишкомъ ввалившіеся и слишкомъ влажные глаза. Видъ ея внушилъ ему опасеніе, но вслухъ онъ одобрилъ нѣкоторое оживленіе въ цвѣтѣ ея лица. Она раздѣлась для выслушиванія. Грудь и спина бывшей натурщицы сохранили все изящество юности. Осмотръ закончился любовными вольностями. Чѣмъ тверже зналъ врачъ, какъ плоха его пріятельница, чѣмъ упорнѣе ему казалось, что онъ видитъ ясно, точно въ микроскопъ, бациллъ, выдѣляющихъ свой ядъ и разрушающихъ клѣтки внутри этого прелестнаго бюста, тѣмъ сильнѣе желалъ онъ, чувствуя, что ему измѣняетъ наука или что у него не хватаетъ таланта, дать своей больной, если не спасеніе, не силу, то хоть то подобіе здоровья, которое вспыхиваетъ яркимъ, но увы! мимолетнымъ пламенемъ при восторгахъ любви.

Именно такой порывъ тщетной, горькой, почти бѣшеной жалости сблизилъ его съ молодою женщиной, когда онъ думалъ, что его влечетъ къ ней лишь легкое любопытство. Она, отрывками, разсказала ему всю свою жизнь. Онъ узналъ, что она три года пробыла въ связи съ молодымъ Рожеромъ Бонпаромъ, сыномъ банкира, которому безъ увлеченія позволяла себя любить, пока не замѣтила у себя въ груди какой-то скрытой и коварной болѣзни. Молодой любовникъ сводилъ ее къ старому и преданному врачу своей семьи.—„Вотъ

такъ коллега!—подумалъ Телье, узнавъ, что вышло дальше.— Такой не будетъ мучиться сомнѣніями, въ правѣ ли онъ нарушить профессіональную тайну!..“—Въ самомъ дѣлѣ, на другой же день послѣ визита къ врачу, мамаша Бонпаръ письмомъ увѣдомила бѣдную дѣвушку, что ей уже во вѣкъ не видать ея сына, такого нѣжнаго и слабаго, и что у нея должно хватить совѣсти, чтобы не подвергать его въ будущемъ неизбѣжному зараженію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Куколка получила три билета по пятисотъ франковъ при сообщеніи, что у нотаріуса сдѣлано распоряженіе о выдачѣ ей такой же суммы по четыре раза въ годъ. Куколка съ такою же невозмутимостью приняла эту пожизненную пенсію, какъ вѣсть о разлукѣ съ мало интереснымъ товарищемъ и удостовѣреніе, что у нея—чахотка. Въ силу свойственной ей легкомысленной беззаботности, часто встрѣчающейся у простонародья, въ силу какого-то пролетарскаго фатализма, она умѣла относиться къ страданіямъ, не надрывая себя сердца.

На ея трогательной исторіи Телье провѣрилъ мнѣніе неумолимаго Тиріона о томъ, что бѣднякамъ можно откровенно сообщать о ихъ болѣзни, такъ какъ жизнь ими меньше цѣнится, представляясь имъ менѣе пріятной. Отличаясь скорѣе кокетливостью, нежели страстностью, Куколка очень охотно согласилась на жизнь замкнутую, почти растительную, въ обществѣ „Манечки“, своей красивой сосѣдки, и Фелицаты, служанки. Грубо сообщенное извѣстіе оставило по себѣ въ душѣ ея лишь тайный ужасъ передъ возможностью передать болѣзнь тому, кто захотѣлъ бы осыпать ее ласками любви. Телье вскорѣ замѣтилъ этотъ страхъ и, въ качествѣ ученаго, не могъ не сравнить его съ жалкою тревогою животнаго, страдающаго водобоязнью. Слѣдовательно, въ томъ внезапномъ порывѣ, побудившемъ его завладѣть ею столько же изъ добродушной ласковости, сколько ради чувственнаго желанія, была и успокоительная ложь, было даже нѣкоторое самоотверженіе, имѣвшее цѣлью увѣрить ее въ неосновательности ея опасеній. Однако, хотя она притворилась, будто ему вѣритъ, но едва рѣшалась протягивать ему свои сухія губы.

Телье дѣлалось весело, когда мимо него мелькала фигура Куколки,—натурщицы, работницы, развязной любовницы, дочери Парижа. Простота ея натуры, чуждой хитрости и разсчетовъ, давала ему отдохновеніе. Даже тѣснота квартиры не лишена была пріятности Въ меблировкѣ не замѣчалось никакого „стиля“, были только самодѣльныя украшенія, созданныя легкою рукою. Здѣсь не блистало электричество, но абажуры на лампахъ, сдѣланные изъ тонкаго батиста и кружевъ, веселили глазъ, какъ юбочки веселыхъ дамъ. Здѣсь не приходилось подвергаться безмолвной назойливости лакеевъ: имѣлась лишь

одна служанка, Фелицата, у которой обыкновенно бывалъ разинутъ ротъ и вытаращены глаза для полнѣйшаго выраженія восторженной преданности.

— Фелицата, хорошо ли себя вела барыня?

— Нѣтъ, г. докторъ! Я ужъ ихъ упреждала, что пожалуюсь... Не выпиваютъ и половины молока, говядину только всю расщиплютъ, яицъ больше не хотятъ, а пиво разлюбили. Вотъ какъ онѣ ведутъ себя!

Бѣдняжка! А ей бы нужно ѣсть вдвое! Но какъ бороться съ отсутствіемъ аппетита, чѣмъ побѣдить эту инертность желудка? Телье въ послѣднее время пробовалъ примѣнять лѣченіе, довольно эмпирическое, но въ нѣсколькихъ случаяхъ удавшееся ему съ Башеленомъ: класть на печень и желудокъ паціента сильное охлаждающее, въ родѣ сгущенной угольной кислоты. Такая терапія была не примѣнима на Константинопольской. Тогда мысль его остановилась на неотложности устройства санаторій, не только для милліонеровъ, надуваемыхъ шарлатанами, или нищихъ, для которыхъ больница всегда будетъ синонимомъ тюрьмы, а для средняго класса, наиболѣе достойнаго помощи и наиболѣе ея лишеннаго. Отъ Куколки совершился самъ собою переходъ къ Бенуа Барьбé, къ дѣвицѣ Эсландъ..

Явилась „Манечка" въ открытомъ платьѣ. Каждый вечеръ, передъ выходомъ изъ дому, бѣлая и рѣзвая сосѣдка забѣгала черезъ сѣни къ Куколкѣ поболтать часочекъ. Телье съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ея пухлое тѣло, на голову, напоминавшую здороваго ребенка и украшенную доходившими до ушей тяжелыми начесами волосъ цвѣта зрѣлой ржи.

— Добрый вечеръ, Манечка! Какъ вы нынче блистательны!..

Куколка шутливо обвиняла Альбера и Манечку во взаимномъ ухаживаньѣ, и эта претензія увеселяла обоихъ. Правда, Телье не отличался строгостью по отношенію къ добродушной проституткѣ. Онъ зналъ, что она сейчасъ пойдетъ въ какой-нибудь кабакъ прельщать завсегдатаевъ, уже коротко знакомыхъ съ ея тѣломъ. Но извѣстно ему было и то, что надо ѣсть-пить, и что выборъ ведущихъ къ этому путей далеко не всегда зависитъ отъ насъ. Какъ бы то ни было, вѣдь она имѣла не больше любовниковъ, чѣмъ Коссета. И ему пріятно было смотрѣть на стразовую пряжку, сверкавшую на подъемѣ ея башмака, близь прикрытой чернымъ чулкомъ щиколодки. Чтобы понравиться ему, Манечка смѣялась громче. Въ этотъ вечеръ онъ наслаждался сознаніемъ, что такъ привлекателенъ для двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ. Это обстоятельство его молодило, не пробуждая въ немъ ни малѣйшихъ стремленій къ распутству, но соотвѣтствовало той „богемской" чертѣ его характера, за которую его недавно укоряли

и нѣкоторая доза которой все же была необходима, чтобы не черезчуръ педантично протекала жизнь.

Идя назадъ по Константинопольской, гдѣ ютится и прозябаетъ цѣлая маленькая „буржуазія любви“, онъ мысленно радовался этой своей связи, которая казалась ему пріятнѣе всѣхъ прежнихъ: она не была лишена ни элемента фантазіи, ни меланхоліи и захватывала его чувства почти невиннымъ образомъ; на немъ не лежало никакого обязательства: онъ видался со своей пріятельницей лишь въ минуты, которыя изрѣдка урывалъ контрабандою отъ рабочихъ часовъ. Ни тѣло его, ни духъ, ни сердце не были въ плѣну. Неужели его свиданія по разу въ недѣлю съ хорошенькой паціенткой и съ бѣлокурой сосѣдкой могли считаться болѣе предосудительнымъ, чѣмъ его обыкновеніе проводить разъ въ мѣсяцъ по нѣсколько часовъ въ клубѣ?

Подобная смѣна впечатлѣній давала отдохновеніе и гибкость его уму и позволяла яснѣе сознавать собственную серьезность послѣ минутной экскурсіи въ область любви и шутки, въ область ребячества...

Альберъ Телье анализировалъ себя не вполнѣ точно. Онъ плохо изслѣдовалъ истинную причину своей веселости и не понималъ, что удовлетворяетъ общечеловѣческой склонности имѣть въ своей жизни тайну, отнимать нѣкоторую часть своей личности у законнаго сожительства, злоупотреблять, по инстинкту самца, довѣріемъ любви, давая себѣ исподтишка иллюзію свободы. Въ этомъ Телье себѣ не сознавался и даже совсѣмъ ни о чемъ не думалъ, а только дышалъ теплымъ воздухомъ и хлопалъ тросточкой по мостовой какъ-то ужъ слишкомъ молодо и независимо...

VI.

Возвращеніе изъ Турина послѣ недѣльнаго пребыванія на конгрессѣ вышло очень веселымъ. Сидя въ отдѣльномъ вагонѣ-салонѣ, чета Телье и докторъ Тиріонъ съ удовольствіемъ подводили итоги своей короткой поѣздкѣ въ Италію.

Телье былъ выбранъ вице-президентомъ, которыхъ съѣздъ имѣлъ четыре, и раздѣлилъ эту честь съ коллегами: финляндцемъ, перуанцемъ и бернцемъ. Его сообщеніе о новыхъ способахъ лѣченія, примѣняемыхъ въ клиникѣ Башелена, сообщеніе, отличавшееся научной ясностью и смѣлостью критической мысли, вызвало множество аплодисментовъ.

Телье такъ мало выставлялъ на видъ собственныя заслуги и столько хвалилъ своего профессора, что президентъ Цамбони нашелъ нужнымъ напомнить о методахъ Антенской

амбулаторіи, всецѣло принадлежавшихъ черезчуръ скромному оратору, одному изъ тѣхъ, у кого уже нѣтъ наставниковъ, а есть только равные и соперники. Въ своей благодарственной рѣчи Телье согласился съ тѣмъ, что, дѣйствительно, современный научный трудъ не знаетъ наставниковъ, что открытія уже не могутъ считаться единоличными, такъ какъ необходимые для нихъ опыты коллективно производятся въ лабораторіяхъ, а затѣмъ провѣряются въ общихъ клиникахъ, гдѣ работаютъ цѣлые отряды тружениковъ, между которыми, собственно говоря, нѣтъ мѣста никакой іерархіи. Новое время,—прибавилъ Телье,—создало новую технику. Интуиція одинокаго генія имѣла свою красоту и величавость; но нынѣ сотни муравейниковъ поглощены альтруистичекимъ трудомъ, и изобрѣтательность каждаго поддерживается проницательностью всѣхъ. Что за бѣда, если на долю отдѣльныхъ лицъ выпадаетъ меньше славы, когда, по милости этого, человѣчество ежедневно дѣлаетъ вѣрные и удивительно-быстрые шаги впередъ? Телье выразилъ мысль, что въ грядущемъ вѣкѣ ни одно ученое имя не возвысится надъ другими, потому что умственные работники, во множествѣ разсѣяные по всему земному шару, будутъ одновременно стремиться къ цѣли, и ихъ открытія, обязанныя своимъ происхожденіемъ имъ всѣмъ, принадлежащія всѣмъ, не станутъ отличаться клеймомъ собственника, ненужнымъ штемпелемъ чьего-либо имени. „Этою своею чертою,—сказалъ онъ въ заключеніе,—великій вѣкъ науки будетъ подобенъ вѣкамъ великой вѣры, отъ которыхъ намъ остались храмы, но не сохранилось именъ строителей“...

Всѣ ли конгрессисты поняли возвышенность этой исторической точки зрѣнія? Можно думать, что многіе изъ нихъ возрадовались, совершенно напрасно выудивши изъ словъ врача предсказаніе, неблагопріятное для своихъ знаменитыхъ коллегъ, для „шишекъ“, засыпанныхъ золотомъ, предметовъ зависти и ненависти; такъ что, заслуживъ похвалу свободомыслящихъ, Альберъ Телье удостоился апплодисментовъ и со стороны тѣхъ, кто составляетъ большинство на такихъ довольно общедоступныхъ съѣздахъ, т. е. невѣжественныхъ эмпириковъ, притязательныхъ буквоѣдовъ и бездарностей. Но дымъ успѣха всегда пріятенъ, даже если поднимается съ нечистаго очага.

Менѣе способный къ публичному краснорѣчію, Шарль Тиріонъ добился одобренія въ коммиссіяхъ конгресса. Онъ тамъ сошелся съ тѣми настойчивыми докторами, которые и въ Оксфордѣ, и въ Берлинѣ, и въ Буэносъ-Айресѣ доискиваются одного и того же надъ одинаковыми микроскопами. Они съ воодушевленіемъ бесѣдовали о своихъ микробныхъ

разводкахъ. Они взаимно освѣдомлялись о нравахъ своихъ бактерій, спорили о культурахъ и обсѣмененіи, точно о лилипутской агрономіи, разспрашивали подробности о своихъ безконечно-малыхъ съ материнскою и ревнивою заботливостью. Тиріонъ возвращался въ Парижъ со спокойной душой: его бациллы оказались наисолиднѣйшими въ мірѣ.

Женевьева была предметомъ уживанья со стороны итальянцевъ. За прощальнымъ обѣдомъ, сидя между Цамбони и префектомъ города Турина, она сумѣла, съ тонкою освѣдомленностью и тактомъ, похвалить первому — его ученость, а второму — его городъ, и оба были въ восторгѣ отъ ея любезности, находчивости, изящества, привлекательности. Ихъ отвѣты начались съ комплиментовъ, относившихся къ „геніальности“ ея „знаменитѣйшаго“ супруга; но къ концу вечера и ученый, и сановникъ, не сговариваясь, выразили одну и ту же мысль, которая привела Женевьеву въ восторгъ: познакомившись съ г-номъ Телье, нельзя было не признать въ немъ ученаго, достигшаго вершины современныхъ знаній; но кто имѣлъ счастье быть представленнымъ его супругѣ, сразу угадывалъ въ немъ „человѣка, достойнаго зависти“. Молодая женщина слѣдила за взглядами, которые переходили съ нея на Альбера, съ Альбера на нее, взглядами симпатіи, уваженія, зависти, взглядами, которые ихъ соединяли. Нѣсколько дамъ шептались съ видомъ неудовольствія. Женевьева подошла къ одной и выразила надежду встрѣтить ее въ Парижѣ когда нибудь, когда тамъ соберется медицинскій конгрессъ. Та молодая женщина, къ которой она обратилась, вся вспыхнула отъ особой внимательности парижанки и тотчасъ высокомѣрно отдалилась отъ тѣхъ, съ кѣмъ только что переговаривалась...

Итакъ, изъ Турина Женевьева увезла въ своей памяти самые пріятные образы: улыбки и восхищеніе мужчинъ, лестную тревогу женщинъ...

Послѣ ледяныхъ вѣтровъ, дувшихъ въ Пьемонтѣ, теплота вагона была особенно пріятна. Тиріонъ потягивался, разминая члены, утомленные торжественною неподвижностью. Каждый скрывалъ удовлетвореніе, какое доставила ему минувшая недѣля, считая, что изящнѣе уѣзжать послѣ успѣховъ съ такимъ видомъ, точно только что избавился отъ необходимости везти тяжелый возъ...

И Тиріонъ, и Телье утверждали, будто съѣздили на этотъ конгрессъ единственно ради прославленія Башелена, а сами отлично знаютъ цѣну подобнымъ оффиціальнымъ сборищамъ, гдѣ двигаютъ науку въ очень умѣренной степени. Академіи,

ученыя общества, университеты ежемѣсячно обмѣниваются множествомъ бюллетеней; труды ихъ собираются въ библіотекахъ, и нѣтъ никакой нужды, чтобы собирались въ амфитеатрахъ сами авторы. Правда, съѣзды облегчаютъ устный обмѣнъ мыслей и пренія; но импровизированная критика почти не имѣетъ научной цѣнности. Въ сущности, реальная польза такихъ съѣздовъ сводится къ облегченію путешествій: желѣзно-дорожныя общества взимаютъ „половинный тарифъ". Еще недурны парадные обѣды, почти избавляющіе отъ расходовъ на продовольствіе, и даровые экипажи, развозящіе желающихъ по монументамъ и красивымъ видамъ; наконецъ, конгрессы служатъ предлогомъ для расточенія почетныхъ отличій. Тиріонъ пріоткрылъ свой саквояжъ и положилъ туда сложенную ленту ордена Св. Маврикія и Лазаря:

— Упакуемъ эту штучку... Ею позабавятся дѣти!

Теперь наступило время посмѣяться при воспоминаніи о разныхъ типахъ неотесанныхъ чурбановъ или педантовъ, съ которыми приходилось сталкиваться всю недѣлю. Язвительныя шутки такъ и посыпались на докторшу Соневскую изъ Варшавы, на ея золотой лорнетъ, на выраженіе глубокой убѣжденности, которымъ отличалось ея лицо, на деревянность ея движеній, дѣлавшихъ ее похожею на статистку. Цѣлый часъ она ораторствовала на соединенномъ засѣданіи всѣхъ секцій, чтобы сказать лишь вещи, общеизвѣстныя и уже попавшія въ учебники. Требовалась чисто женская неподражаемая наивность, чтобы передъ собраніемъ спеціалистовъ провозглашать лѣченіе чахотки фторо-водородными парами и гваяколомъ, которое стало классическимъ, начиная съ Дюжарденъ-Бомеца и Гранше, и которое Шарко примѣнялъ еще до войны. Лучше всего было то, что съѣздъ выслушалъ старую дѣву съ неослабѣвавшимъ интересомъ и наградилъ ее кликами „браво!". Тиріонъ съ минуты на минуту ждалъ предложенія напечатать ея рѣчь на счетъ конгресса. Овація полоумныхъ не могла имѣть значеніе; но такіе ученые, какъ Цамбони, Бюргеръ, фанъ-Остаде, точно такъ же привѣтствовали докторшу. Ихъ снисходительность поражала Телье.

Тиріонъ хихикалъ.

— Апплодисменты относились не къ ораторшѣ, а къ ея платью, хотя цвѣтъ его былъ далеко не изъ привлекательныхъ. Одобряли не докторшу, а даму. Не могу не отмѣтить, что это восхищеніе столь недостаточною ученостью весьма обидно для феминистокъ, да и вообще для женщинъ. Все равно, какъ если бы крикнули: „Ого! Вотъ конгрессистъ въ юбкѣ, который всетаки кое-что да знаетъ... умѣетъ сказать „папа", „мама", „гваяколъ" и „креозотъ". Какъ это удивительно!".

Альберу и Женевьевѣ было смѣшно смотрѣть на гримасы бритаго рта Тиріона и слушать его разсужденія, прямолинейныя, точно улицы Турина, которыя пересѣкаются подъ прямыми углами. Онъ тонко подмѣтилъ оттѣнокъ успѣха г-жи Ѳоневской, которая была не менѣе смѣшною и въ глазахъ г-жи Телье, считавшей феминизмъ за наивное, обезьянье подражаніе дѣятельности мужчинъ и ихъ ухваткамъ. Женевьева этому не симпатизировала: ей казалось, что разыгрыванье мужскихъ ролей придаетъ женщинѣ смѣшную неуклюжесть святочныхъ ряженыхъ.

Либерализмъ Альбера Телье возмутился противъ такого взгляда. Онъ пріятно удивилъ Женевьеву, ополчившись на защиту ея пола. Но Телье выразился опредѣленнѣе: онъ считалъ приличнымъ открыть для женщинъ, и даже спеціально имъ предоставить, сотни должностей, гдѣ совершенно излишня мужская сила. Не глупо ли сажать молодцовъ за рѣшетки кассъ или поручать богатырямъ продажу почтовыхъ марокъ? Онъ уступалъ женщинамъ лишь машинальную бюрократію.

Женевьева взглянула на вопросъ шире, устранивъ соображеніе о заработкѣ, и посмотрѣла на дѣло съ точки зрѣнія зажиточной интеллигенціи. Такъ какъ здѣсь бракъ является почти всеобщею участью, то женщинѣ нѣтъ нужды задаваться цѣлями, отдѣльными отъ цѣлей мужа. Ей достаточно быть сотрудницей, пуская въ ходъ все свое усердіе и вліяніе...

— А это вліяніе,—добавилъ Телье,—будетъ хорошо или дурно, смотря по тому образцу, который она предложитъ для подражанія.

— Почему же непремѣнно образецъ и подражаніе?

Телье, не любившій особенно слѣдить за собою, когда бывалъ среди своихъ, пожалѣлъ, что высказалъ мнѣніе, которое приходится защищать.

— Господи! все имѣетъ свои причины... Хорошо бы имѣть тайныя записи обо всѣхъ существахъ, начиная съ перваго мужчины и съ первой женщины, дневникъ райскаго змія, напримѣръ... За неимѣніемъ же подобныхъ документовъ, мы можемъ сдѣлать кое-какіе скромные выводы при помощи здраваго смысла и біологіи: замѣтить, напримѣръ, что производительная способность женщинъ пассивнѣе, а также, что ихъ черепа содержатъ меньшее количество мозга, нежели мужскіе. Отсюда можно заключить (и факты этому не противорѣчатъ), что онѣ очень способны вынашивать идеи, созданныя мужчинами, а не творить. Онѣ почерпаютъ изъ міра внѣшняго свои мысли въ видѣ зародышей, доводятъ ихъ до зрѣлости и возвращаютъ обратно. Ихъ трогательная участь

въ томъ и заключается, что онѣ выращиваютъ чужія мысли и понятія. Поэтому, воображая, что онѣ внушаютъ что-нибудь свое, онѣ въ сущности совѣтуютъ подражать...

Телье готовъ былъ согласиться хотя бы съ ребенкомъ, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, если бы ребенокъ попросилъ его о томъ. Но никакая сила не могла его заставить отказаться отъ своихъ взглядовъ. Онъ вѣжливо и съ большою терпимостью выслушивалъ мнѣнія противоположныя, потому что былъ весьма твердъ въ собственныхъ. Убаюкиваемый поѣздомъ, увозившимъ его отъ туринскихъ овацій, онъ слѣдилъ взоромъ за извивами дыма своей папиросы, а мыслью—за увѣреннымъ и плавнымъ ходомъ своихъ разсужденій. Ему не приходило въ голову наблюдать за впечатлѣніемъ, которое они производили на Женевьеву, но которое Тиріонъ со злорадствомъ подмѣчалъ своими нѣсколько косыми глазами.

— Да, милая барынька, скажу, не хвастая и не желая досадить вамъ, что мы, мужчины, изобрѣли вамъ даже ваше веретено и прялку...

— Благодарю за вниманіе,—сказала Женевьева.

Она чувствовала какое-то стѣсненіе, мѣшавшее ей взглянуть на мужа, и стала возражать какъ будто Тиріону:

— Всетаки нужно признать и за женщинами кое-какую инициіативу и даже въ вещахъ, довольно похвальныхъ. Напримѣръ, духъ справедливости, воодушевлявшій Юдиѳь или Шарлотту Корде...

Эти имена не подѣйствовали на Телье.

— Шарлотта Корде осуществила внушенія нормандскихъ шуановъ, а Юдиѳь, обезглавивши вражьяго полководца во время его сна, совершила лишь преднамѣренное убійство... Мнѣ, напротивъ, кажется, что женщины какъ-то всегда оказываются внѣ предѣловъ справедливости. Онѣ благоразумно ненавидятъ ее, вслѣдствіе своей слабости. Сверхъ того, справедливость требуетъ ясности духа, которая не свойственна нервной нетерпѣливости женщинъ.

Теперь Женевьева своимъ веселымъ видомъ какъ бы одобряла всѣ слова Альбера:

— Очень забавно!.. Что же намъ осталось?

— На выборъ, — отвѣтилъ Тиріонъ, — двѣ великолѣпныя роли, которыя одинъ грубоватый философъ опредѣлилъ такъ: куртизанка или хозяйка... Хорошо исполнять ихъ — большая заслуга, и равно трудно готовить ближнему наслажденіе или уютъ, послушно осуществляя его желанія. Милая барынька, требуется весьма почтенная доза добродѣтели, чтобы преодолѣть нежеланіе повиноваться.

— Повиноваться!.. — сказалъ Телье. — Я болѣе высокаго мнѣнія о достоинствѣ женщинъ. Правда, ихъ душа чужда мета-

физики. Не взирая на г-жу Соневскую, я предполагаю, что, сами по себѣ, онѣ не создали бы наукъ, ни даже ариѳметики, такъ какъ питаютъ отвращеніе къ цифрамъ. Правда еще, что имъ не свойственъ духъ дѣятельности, и что ихъ суетливость бываетъ весьма наивна. Но для труда, необходимаго для существованія брачной пары, достаточно силъ одного мужчины. Назначеніе его подруги состоитъ въ томъ, чтобы своимъ появленіемъ и видомъ облегчать ему работу. Благо, исходящее отъ женщинъ, состоитъ въ томъ, что онѣ существуютъ. Онѣ есть,—и это уже много. Ихъ прелести достойны привилегіи: онѣ имѣютъ право на отдыхъ

Оскорбленная въ энергическихъ стремленіяхъ своей души Женевьева предпочла-бы необходимость хозяйничать; но въ присутствіи посторонняго она выслушивала эти ласково-пренебрежительныя фразы, какъ нѣчто въ высокой степени лестное.

— Воспользуемся же правомъ на отдыхъ!

Она со смѣхомъ растянулась на диванчикѣ, почти спиною къ собесѣдникамъ, обративъ къ нимъ только насмѣшливый профиль.

— Скажите мнѣ, Тиріонъ, на основаніи какой глупости всѣ художники міра олицетворяли въ видѣ женщинъ всякую мудрость, науку?..

— Даже земледѣліе и фабричную промышленность... Это—ради пластичности очертаній.

И, въ видѣ безмолвнаго комплимента, онъ протянулъ руку по направленію къ красивой фигурѣ лежащей Женевьевы.

— „Пластичность“, право, — черезчуръ любезно! — отозвалась она.

Ей надоѣли шутливыя разсужденія. Рѣшительнымъ жестомъ она достала изъ мѣшечка желтую книжку и, съ вызывающимъ невниманіемъ къ своимъ спутникамъ, погрузилась въ ея страницы.

VII.

Послѣ отказа Тиріоновъ отъ приглашенія на вечеръ, Альберъ добился, чтобы они пришли позавтракать. Шарль не сразу согласился разстаться со своими бациллами, а Софія—со своими дочками. Со времени Туринскаго конгресса и переѣзда Телье на улицу Ванно, Тиріоны стали очень рѣдкими гостями. Они, люди бѣдные, прежде всего выразили свое порицаніе роскоши своимъ отсутствіемъ. Но такимъ скромнымъ выраженіемъ неодобренія они не ограничились.

— Мы не рѣшаемся бывать,—говорилъ Тиріонъ: — здѣсь

мы представляемъ собой какой-то анахронизмъ... И потомъ, мы все перепачкаемъ.

И онъ являлся тщательно загрязненнымъ, точно нарочно залѣзалъ въ грязный стокъ улицы дю-Бокъ.

— Покажите намъ, гдѣ всего красивѣе... Это Людовика— котораго?..

Почтальонъ принесъ Телье посылку изъ Голландіи. Въ ней заключался небольшой подарокъ, обѣщанный во время конгресса профессоромъ фанъ-Остаде, у котораго Альберъ похвалилъ короткій и теплый плэдъ и которому завидовалъ въ холодные туринскіе вечера. Теперь онъ былъ очень радъ, что получилъ точно такой-же.

— Вотъ идеальный охотничій костюмъ! Я возьму его съ собой сегодня вечеромъ въ Малагетту. Никогда мой портной не нашелъ бы мнѣ такой матеріи: и мягкой, и упругой... И почти даромъ: въ Лейденѣ фанъ-Остаде платилъ за это двѣнадцать флориновъ.

— Ну, и то, пожалуй, выйдетъ немало копѣекъ,—замѣтилъ Тиріонъ, который не любилъ, чтобы считали иначе, какъ на франки и на су, а также, чтобы выписывали одежду изъ Лейдена.

Моложаво-кокетливый Телье былъ въ восторгѣ отъ полученнаго. Онъ желалъ продолженія дождливой погоды, чтобы лучше воспользоваться плэдомъ на охотѣ. Женевьева прислушивалась, съ какою любовью его уста произносили слово: „охота“. Не разъ уже ее поражало то вниманіе, съ какимъ относятся мужчины къ сапогамъ, ягдташамъ, ружьямъ и всякимъ принадлежностямъ спорта, изъ котораго женщины большею частью исключаются, и который доставляетъ мужчинамъ на нѣсколько часовъ, вмѣстѣ съ удовольствіемъ каникулъ, какъ бы живую иллюзію холостой жизни.

Телье, чтобы лучше судить объ эффектѣ, накинулъ плэдъ на плечи Тиріона.

— Какъ, по твоему, называется этотъ оттѣнокъ? Мѣдно-красный?.. Табачный?.. Вотъ тебѣ бы на осень, когда ты уѣзжаешь навозить свои земли.

— Спасибо: у насъ тамъ есть изъ мѣстнаго сукна такіе балахоны, которые не претендуютъ ни на какой оттѣнокъ,— не правда ли, Соня?—ни даже на принадлежность опредѣленному полу и употребляются нами обоими безразлично.

Въ тотъ-же вечеръ, за два часа до своего отъѣзда въ Малагетту, Альберъ доканчивалъ одну изъ послѣднихъ главъ своей книги. Женевьева потихоньку вошла въ его кабинетъ. Она принесла съ собой двѣ картонки.

— Я хочу попросить у тебя совѣта. Я велѣла прислать себѣ два боа, бѣлое и сѣрое, потому что не могла рѣшить,

которое лучше. Посмотри хорошенько, которое тебѣ понравится.

Онъ съ сожалѣніемъ оторвалъ глаза отъ своей рукописи, между тѣмъ, какъ Женевьева завертывалась поочередно то въ бѣлоснѣжныя перья, то въ пепельныя.

— По моему, сѣрое лучше.

— Это ужъ вѣрно?

— Я въ этомъ твердо убѣжденъ.

Опять голова его склонилась надъ бумагой, и рука взялась за перо. Г-жа Телье прижалась къ его плечу.

— А ты не думаешь, что бѣлое ко мнѣ лучше пойдетъ?

— Можетъ быть.

— Такъ какъ же быть?

Онъ положилъ перо и оттолкнулъ рукопись. На его лицѣ выразилось раздраженіе, умѣряемое любовью.

— Увѣряю тебя, что мнѣ бы гораздо пріятнѣе заниматься финтифлюшками, чѣмъ составлять статистическія таблицы. Но, можетъ быть, ты согласишься съ тѣмъ, что мнѣ нужнѣе окончить свою работу?..

Легкое постукиванье кулакомъ по столу дополнило его фразу: въ сравненіи съ интересами человѣчества, страданія котораго онъ изучаетъ, что могла значить покупка сѣраго боа и даже та женщина, которую интересуетъ подобный вздоръ?..

Г-жа Телье удалилась на цыпочкахъ.

— Ты совершенно правъ. Извини меня! Трудись, другъ мой, трудись; только поспѣши, потому что охота не ждетъ и поѣздъ тоже.

Конечно, боа не стоило вниманія. Голландскій плэдъ былъ гораздо важнѣе, если не для науки, то, по крайней мѣрѣ, для ученаго.

Мечты Женевьевы полетѣли вслѣдъ за Шарлемъ и Софіей Тиріонъ. Она представила ихъ себѣ далеко, въ Беррійской деревушкѣ, бокъ-о-бокъ, въ ихъ супружескихъ прочныхъ балахонахъ...

VIII.

Для воспитанія маленькаго Мишеля г-нъ Маріажъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы другой учитель преподалъ ребенку основныя понятія о религіи. Г-нъ Маріажъ былъ увѣренъ, что у него хватитъ педагогическаго такта, чтобы выяснить, когда потребуется, различіе между знаніями, провѣряемыми разумомъ, и тѣми, которыя принимаются на вѣру. Онъ даже находилъ, что наставленія въ христіанской

вѣрѣ могутъ помочь его воспитательной дѣятельности, вліяя на сердце ребенка и укрѣпляя его воображеніе. Все зависѣло отъ качествъ помощника: г-нъ Маріажъ возсталъ-бы противъ сотрудничества зауряднаго попа, но онъ уважалъ аббата Компаніона.

Этого аббата рекомендовала Женевьевѣ г-жа Пеллера. Она ручалась за его либерализмъ, галликанизмъ и даже республиканство. Онъ былъ преподавателемъ въ семинаріи и священникомъ при домовой церкви въ одной изъ среднихъ женскихъ школъ. Современемъ ему предстояло стать епископомъ: г-жа Паллера обѣщала позаботиться объ этомъ. Аббатъ Компаніонъ, не достигнувъ еще сорока лѣтъ и обладая прекраснымъ здоровьемъ, старался состарить себя тяжеловѣсностью и старомодностью манеръ: онъ носилъ очки въ толстой оправѣ и употреблялъ крупно-клѣтчатые носовые платки. Онъ любилъ книги, людей, мірскую жизнь не изъ сердечнаго добродушія, а по любознательности ума. Зная, что прямолинейностью характера не пріобрѣтешь расположенія ближнихъ, онъ скрывалъ значительную часть своихъ добродѣтелей и оставлялъ на виду лишь тѣ, которыя не могли повредить его карьерѣ. Сверхъ того, нельзя было отказать ему въ культурности, искренности и простотѣ. Онъ былъ-бы вполнѣ парижанинъ, если бы его не предохранила отъ этого его тактичность. Чтобы угодить г-жѣ Пеллера, аббатъ Компаніонъ правильно занимался съ маленькимъ Мишелемъ. Онъ не могъ не полюбить семью Телье, познакомившись съ нею, и, не смотря на многообразіе своихъ занятій, иногда проводилъ начало вечера въ этомъ домѣ, въ кругу бывавшихъ здѣсь лицъ. Онъ всѣмъ нравился.

Наканунѣ Новаго года аббатъ Компаніонъ явился съ поздравленіемъ. Г-жа Телье конфиденціально отвела его въ сторону и объяснила, что нуждается въ его совѣтахъ для одной знакомой, которая не рѣшается изложить свои нужды сама. Аббатъ былъ черезчуръ скроменъ, чтобы удивиться такому порученію. Женевьева объяснила, что дѣло идетъ объ особѣ, которая не увѣрена въ своемъ счастьѣ и желала бы въ своихъ колебаніяхъ найти безкорыстную духовную поддержку.

Аббатъ Компаніонъ спросилъ:

— Что, она—усердная католичка?

— Ее нельзя назвать образцомъ благочестія, и религіозные вопросы занимаютъ ее не особенно,—вы бы сказали недостаточно,—но она говѣетъ, ходитъ къ обѣднѣ...

— Словомъ, она вѣрующая?

— Право, хорошенько не знаю, да и сама она врядъ-ли знаетъ это: благодаря Бога, судьба не посылала ей тѣхъ трагическихъ испытаній, которыя или укрѣпляютъ вѣру,

или разрушаютъ ее окончательно; но могу утвердительно сказать, что она не принадлежитъ къ числу невѣрующихъ. Она не отказалась отъ исполненія обрядовъ, привычныхъ ей съ юности, которую она провела какъ добрая, послушная христіанка. Она не провѣряетъ ежедневно силу своей религіозности, но, по крайней мѣрѣ, ни разу не покушалась въ ней усомниться.

— Хорошо. Разскажите-же, въ чемъ ея дѣло.

— О,—улыбнулась Женевьева,—это дѣло не простое, и даже прикосновенное къ любви. Я могу вамъ дать о немъ первое неполное понятіе, сообщивъ, что она любитъ своего мужа больше, чѣмъ онъ ее.

— Такъ что-же я могу тутъ сдѣлать?

Возраженіе аббата Компаніона было такъ опредѣленно, что г-жа Телье смутилась на минуту.

— Однако, милый мой аббатъ, если бы она пришла къ вамъ въ исповѣдальню, вы бы стали ей отвѣчать...

— Да, сталъ бы. Я отвѣтилъ бы ей: дочь моя, я здѣсь стою, чтобы выслушать ваши грѣхи и помочь вамъ искупить ихъ. Мнѣ не подобаетъ вмѣшиваться въ поведеніе вашего супруга и въ ваши семейныя несогласія; оставимъ-же ихъ, пожалуйста, въ сторонѣ. Загляните въ свою совѣсть, прочтите тамъ повѣсть о вашихъ проступкахъ и, можетъ быть, тѣмъ самымъ вы найдете цѣлебное средство для того страданія, о которомъ вы хотѣли говорить со мной и которое меня не касается.

— И вы отпустили бы ее безъ руководства?

— Но, милая барыня, мы вѣдь предполагаемъ, что я былъ бы ея духовникомъ, а не ея руководителемъ, отъ чего избави меня Боже!

— Но если бы вы были ея руководителемъ...

— Я не могу себѣ представить, какъ я справился бы съ такой задачей, которая весьма затруднительна. Въ наше время, когда церковь предоставляетъ душамъ вѣрныхъ болѣе свободы и отвѣтственности, одни только еще отцы іезуиты принимаютъ на себя такое личное руководительство...

— Ну, такъ вотъ,—смѣясь, сказала Женевьева,—мы вообразимъ себѣ въ теченіе десяти минутъ, что моими устами говоритъ моя знакомая, а что вы ея руководитель, іезуитъ, полный милосердія и премудрости.

— Мы вообразимъ себѣ это, сударыня,—отвѣтилъ г. Компаніонъ,—но единственно только, чтобы не противорѣчить вамъ, и всего на десять минутъ, послѣ чего вы разрѣшите мнѣ вернуться къ своей обычной роли... Вы, кажется, сказали мнѣ, что эта особа не встрѣчаетъ въ своемъ супругѣ привязанности, равносильной той, какую сама къ нему пи-

таетъ? Тутъ ужъ всего полезнѣе было-бы прибѣгнуть къ молитвѣ...

Женевьева нетерпѣливо перебила его:

— Ну, вы вѣдь не скажете-же, г. аббатъ, что ей слѣдуетъ дать обѣтъ св. Антонію Падуанскому, чтобы вернуть утраченную любовь, какъ разыскиваютъ потерянную вещь?

— Почему же и нѣтъ? Почитайте св. Антонія Падуанскаго, который былъ великимъ угодникомъ, щедрымъ на чудеса и обладалъ простотою сердца, благоуханіе котораго было пріятно Господу. Въ Венеціи онъ сказалъ проповѣдь рыбамъ, и рыбы выслушали его со вниманіемъ. Впрочемъ, я не настаиваю непремѣнно на молитвѣ св. Антонію Падуанскому. Есть и другіе святые, къ предстательству которыхъ могла бы прибѣгнуть ваша знакомая, не считая того, что она могла-бы обратиться и прямо къ самому Господу Богу!

— Ну, а кромѣ молитвы...

— Кромѣ молитвы, ничего не придумаю. Который-нибудь изъ вашихъ модныхъ писателей могъ-бы, пожалуй, наставить ее лучше, чѣмъ простой священникъ и даже іезуитъ. Кромѣ того, искусство соблюсти любовь супруга, вѣроятно, скорѣе угадывается, нежели внушается со стороны. Пусть эта дама старается показывать своему мужу привѣтливость на лицѣ своемъ и ровность въ обращеніи.... Господь мнѣ свидѣтель, что я не сталъ бы совѣтывать ей преувеличеннаго кокетства или вызывающихъ рѣчей и нарядовъ, которые походили-бы на ухищренія лукаваго; но, можетъ быть, порядочность и заботливость о своей внѣшности, нѣкоторое изящество въ одеждѣ...

Г. Компаніонъ начиналъ потѣть. Къ Женевьевѣ вернулась самоувѣренность.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый аббатъ. Это все не то, и я плохо выразилась. Моя знакомая не жалуется, что бы мужъ измѣнялъ ей или пренебрегалъ ею. Ея мученіе—вполнѣ духовное. Какъ-бы вамъ его выяснить? Она женщина прозорливая и дорожитъ своимъ счастьемъ. Мы съ вами не найдемъ дурного въ томъ, что она ищетъ этого счастья лишь въ любви мужа, въ возможности дѣлить его заботы, труды, надежды; но въ то время, какъ мужъ поглощаетъ всѣ ея мысли, онъ самъ не поглощенъ исключительно ею...

— Да какъ же это возможно? Онъ обязанъ ее любить, охранять, самоотвергаться ради нея; но зачѣмъ же нужно, чтобы изъ за нея одной онъ пренебрегъ всѣми прочими своими обязанностями? Полагаю, что у этого человѣка есть профессія, которая можетъ причинять ему заботы денежныя или иныя: можетъ быть, онъ думаетъ о нихъ, когда жена скорбитъ о томъ, что онъ къ ней невнимателенъ. Кромѣ

нея, у него, конечно, есть семья, родственники, вѣроятно, дѣти: вотъ еще обязанности и заботы... Кто знаетъ, не надорвано-ли его здоровье? Часто бываетъ, что страданія тѣла омрачаютъ духъ...

— Онъ обладаетъ ровнымъ характеромъ и цвѣтущимъ здоровьемъ. У него нѣтъ ни семейныхъ огорченій, ни дѣловыхъ неудачъ, а денежныя средства превышаютъ ихъ потребности.

Опасаясь, какъ бы портретъ не вышелъ черезчуръ похожимъ, Женевьева прибавила:

— У нихъ есть двѣ дѣвочки, хорошенькія, какъ ангельчики, и пухленькія, словно персики.

Тутъ священникъ не удержался, чтобы съ живостью не остановить ее, и съ нѣкоторою суровостью сказалъ:

— Эхъ, сударыня, вы слишкомъ добры, если сочувствуете горестямъ вашей пріятельницы! Въ чемъ онѣ заключаются? Ея мужъ богатъ, здоровъ, ласковъ, вы сами это сказали, и уменъ, такъ какъ преуспѣваетъ въ дѣлахъ своихъ. Господь дважды благословилъ ихъ союзъ. Такъ чего же ей надо? Ей требуется Ромео? Хотите передать ей мой совѣтъ? Пусть молитъ Пресвятую Дѣву, чтобы ей не лишиться своего счастья.

— Ахъ, г. аббатъ, я и сама понимаю, что въ ея тревогѣ, пожалуй, черезчуръ много требовательности или тонкости чувства. Вотъ почему я обѣщала ей, что поговорю со священникомъ: заботы о душахъ научаютъ васъ снисходить къ печалямъ, что, пожалуй, мудреннѣе, нежели снисходить къ проступкамъ... Я могу сказать вамъ лишь одно: эта особа живетъ только для одного существа въ мірѣ. Она желала бы стать рабою его благородныхъ стремленій; а, между тѣмъ, она чувствуетъ, что не обладаетъ вполнѣ его душой. А вы толкуете мнѣ о счастьѣ этой женщины и совѣтуете ей остерегаться, какъ бы не потерять его. Да вѣдь если она не чувствуетъ своего счастья, такъ, значитъ, она имъ и не пользуется! И увѣряю васъ, г. аббатъ, что иногда... что въ настоящее время она несчастлива и если неосновательно, то ужъ вѣдь не по своей винѣ.

Слишкомъ ли много волненія отразилось въ глазахъ Женевьевы, не смотря на преднамѣренную улыбку губъ, и оказались ли глаза ея предателями? Или же аббатъ пожалѣлъ о томъ, что одержалъ верхъ въ разсужденіяхъ разума и плохо утѣшилъ сердечнымъ участьемъ? Протерши очки своимъ клѣтчатымъ платкомъ, онъ закончилъ какъ могъ мягче:

— Да, одаренная, по видимости, всѣми благами, какія ниспослало ей Провидѣніе, пріятельница ваша можетъ всетаки страдать глубокой и тайной неудовлетворенностью; но время бываетъ наилучшимъ врачомъ. Ей слѣдуетъ вооружиться

терпѣніемъ. Кромѣ того, мало ли чѣмъ она могла бы развлечься? Да не пошлетъ ей Богъ испытанія въ видѣ болѣзни ребенка, ибо тогда болѣе сильное горе заставитъ ее забыть всѣ теперешнія печали. Она можетъ, безъ сомнѣнія, пристальнѣе заняться воспитаніемъ дочерей. Ея богатство вмѣняетъ ей въ обязанность дѣла благотворительности. Пусть займется ими усердно: не только жертвуя по сборамъ и участвуя въ великосвѣтскихъ лотереяхъ, но посѣщая несчастныхъ, сближаясь съ ними; видъ болѣе тяжкой скорби облегчитъ ея собственную. Чтобы сказать еще? Пріятное путешествіе было бы полезнымъ развлеченіемъ въ жизни ея и ея супруга. Бываетъ, что такимъ образомъ сближаются души. Ихъ одновременно возвышаетъ красота природы, зрѣлище чуждыхъ странъ...

На лицѣ Женевьевы выражалось спокойное недовѣріе. Аббатъ попытался ее развеселить.

— Можетъ быть, эти люди живутъ черезчуръ уединенно?

— Охъ, нѣтъ,— отвѣтила Женевьева.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ аббатъ,—что не надо замыкаться вдвоемъ, если не хочешь надоѣсть другъ другу. Разскажите-ка вашей пріятельницѣ слѣдующую исторію объ одной брачной парѣ.—Жена говорила: „Что это ты, муженекъ, зѣваешь мнѣ прямо въ носъ?“ А мужъ отвѣчалъ ей: „Душа моя, мужъ съ женою составляютъ одно; а я, когда бываю одинъ, то скучаю“.

— Ахъ, вотъ, человѣкъ, который разсуждаетъ точно такъ, какъ и моя пріятельница,—отвѣтила Женевьева,—„мужъ и жена составляютъ одно“. Больше она ничего и не хочетъ. А вѣдь именно такое требованіе, не правда ли? и слѣдуетъ предъявлять къ христіанскому браку?

Аббатъ поднялъ руки съ видомъ сомнѣнія.

— Вы употребили два слова: „требовать“ и „христіанскій“, которыя весьма плохо уживаются рядомъ. Я знаю, что дозволено надѣяться на счастье въ бракѣ. Іисусъ Христосъ освятилъ бракъ, присвоивши ему особую благодать. Апостолы и соборы установили его обрядность. Однако, не слѣдуетъ ожидать слишкомъ многаго ни отъ супружества, ни отъ супруга. Есть изреченіе св. апостола Павла, надъ которымъ недурно поразмыслить: „Тайна сія велика есть“.

— Какое глубокое и вѣчно полное смысла изреченіе!

— Св. Павелъ написалъ его въ своемъ пятомъ посланіи къ Ефесеямъ. Долженъ вамъ сказать, что онъ не придаетъ обычнаго значенія слову тайна, но это ничего не значитъ. Слова апостоловъ справедливы во всѣхъ смыслахъ. Тайна брака велика есть, а тамъ, гдѣ тайна, неумѣстна кичливость ума...

Аббатъ Компаніонъ шумно высморкался, точно желая вытряхнуть въ клѣтчатый платокъ діалектическія тонкости, которыхъ не любилъ.

— Въ пріятномъ разговорѣ съ вами, сударыня, я, однако, забылъ обо всѣхъ дѣлахъ. Затронутые вами вопросы весьма интересны; я же, увы! плохой казуистъ. Тѣмъ не менѣе, прежде нежели откланяться, я не хотѣлъ бы отказать въ просьбѣ, которая обращена ко мнѣ, и отъ чистаго сердца подамъ вамъ совѣтъ. Недовольство вашей пріятельницы, вы позволите мнѣ, не правда ли, выражаться откровенно, миновало бы, если бы она стала лучшею католичкою. Скажите ей повразумительнѣе, что ея болѣзненная жажда счастья свидѣтельствуетъ о противохристіанской гордости. Прибавьте, что она стремится къ эгоистическому счастью, которое не перестаетъ быть таковымъ оттого, что сосредоточивается въ надеждѣ на взаимность одного человѣка. Великое облегченіе доставила бы ей исповѣдь. Тутъ нѣтъ нужды въ ученомъ богословѣ: первый попавшійся священникъ можетъ дать ей возможность говорить о себѣ человѣку, который выслушаетъ ее съ благосклонностью и безпристрастіемъ. Исповѣдь есть лучшее средство противъ гордости. Ваша пріятельница страдаетъ гордостью.

— Это не низость и не порокъ.

— Это грѣхъ. Пусть смиритъ душу свою, и Господь умилосердится надъ нею. „Яко призрѣ на смиреніе рабы своея",— вотъ что надо сказать ей въ такихъ, примѣрно, словахъ: за смиреніе Господь благословитъ и помилуетъ рабу свою.

Женевьева встала одновременно съ аббатомъ Компаніономъ.

— Спасибо за нее, дорогой аббатъ! Я ей напишу это завтра въ видѣ пожеланія на Новый годъ. Только „раба", „смиреніе"... Боюсь, что это не совсѣмъ въ ея характерѣ. Повторите-ка мнѣ, пожалуйста, еще изреченіе св. Павла.

— „Тайна сія велика есть".

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг.

Рескриптъ 20 ноября 1857 года объ открытіи губернскихъ комитетовъ въ литовскихъ губерніяхъ.—Отношеніе Ланскаго къ Назимову отъ 21 ноября.—Рескриптъ петербургскому генералъ-губернатору Игнатьеву.—Напечатаніе и разсылка копій рескриптовъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства.—Нетерпѣніе и безпокойство правительства.—Отзывы губернаторовъ и предводителей о впечатлѣніи, произведенномъ рескриптами.—Причины неблагопріятнаго впечатлѣнія и медленности дворянъ, особенно центральныхъ губерній.—Записка Унковскаго объ основаніяхъ реформы, предложенныхъ въ рескриптахъ.—Его планъ обязательнаго выкупа.—Мнѣніе Самарина, Кошелева и Черкасскаго. — Отношеніе къ рескриптамъ крѣпостниковъ.—Записка Мальцева.—Либерально-аристократическое теченіе среди петербургскаго дворянства.

III.

Рескриптъ 20 ноября 1857 г., сдѣлавшійся отправнымъ пунктомъ крестьянской реформы, гласилъ слѣдующее:

„Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

„Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ сими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ 3-хъ губерній.

„Одобряя вполнѣ намѣренія сихъ представителей дворянства Ковенской, Гродненской и Виленской губерній, какъ соотвѣтствующія моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній. Для сего повелѣваю:

„1) Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Вилен-

ской и Гродненской по одному въ каждой подготовительному комитету, а потомъ для всѣхъ 3-хъ губерній вмѣстѣ одну общую коммиссію въ г. Вильнѣ.

„2) Каждому губернскому комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи, по непосредственному избранію начальника оной, и

„3) Общей коммиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ 3-хъ губернскихъ комитетовъ по ихъ выбору, б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по назначенію вашему, и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ коммиссіи предоставляется Вамъ назначать одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству.

„Губернскіе комитеты, по открытію ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

„1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

„2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикомъ же предоставляется вотчинная полиція, и

„3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ повинностей и земскихъ сборовъ.

„Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ 3-хъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ Вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

„Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую коммиссію. Коммиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проектъ

общаго для всѣхъ 3-хъ губерній положенія, съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

„Поручая Вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ Вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я предоставляю Вамъ дать, какъ губернскимъ комитетамъ сихъ трехъ губерній, такъ и общей коммиссіи, нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возложенныхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать Вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общею коммиссіею проектъ Вы имѣете съ своимъ мнѣніемъ препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

„Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ Мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе Мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

„Вы и начальники ввѣренныхъ Вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ“ *).

На другой день по подписаніи этого рескрипта, который былъ тотчасъ же врученъ генералъ-губернатору, находившемуся тогда въ Петербургѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ нему, по высочайшему повелѣнію, съ особымъ „секретнымъ“ отношеніемъ (отъ 21 ноября 1857 г. за № 36), которое распадалось на двѣ части, неодинаковыя по своему юридическому значенію. Въ первой части объявлялись дополнительныя *высочайшія повелѣнія*, слѣдовательно, безусловно обязательныя для комитетовъ: о порядкѣ избранія членовъ и кандидатовъ къ нимъ, объ утвержденіи ихъ мѣстнымъ главнымъ начальствомъ, о предоставленіи дворянству назначать имъ изъ своихъ суммъ содержаніе, о правѣ начальниковъ губерній требовать сообщенія имъ журналовъ комитетовъ для ознакомленія съ ними и наблюденія за дѣятельностью комитетовъ, о правѣ генералъ-губернатора предлагать свои замѣчанія общей коммиссіи на обсужденіе и о порядкѣ представленія въ министерство о несогласіи своемъ на ея постановленія. Въ пунктѣ 7, губернскимъ комитетамъ назначался шестимѣсячный срокъ для окончанія ихъ занятій; такой же срокъ назначался и общей коммиссіи. Въ пунктѣ 8 было сказано: „Если

*) «Сборникъ постановленій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ» вып. I, стр. 1—5, Спб., 1858 г.

который либо изъ губернскихъ комитетовъ или общая коммиссія уклонятся отъ своего назначенія и войдутъ въ разсмотрѣніе предметовъ, не подлежащихъ ихъ сужденію, то предоставляется Вашему превосходительству немедленно закрыть ихъ и о такомъ случаѣ сообщить мнѣ, для доклада Его Императорскому Величеству". Во второй части министръ сообщалъ, по порученію Государя свои собственныя соображенія, „могущія,—какъ онъ выразился—служить *пособіемъ* губернскимъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ". Эти соображенія министра, по своему содержанію, имѣли, однако же, большое значеніе для направленія работы губернскихъ комитетовъ. Во-первыхъ, въ нихъ указывалось губернскимъ комитетамъ, что уничтоженіе крѣпостного права должно быть совершено не вдругъ, а *постепенно*, и впервые установлялось понятіе о переходномъ состояніи, получившемъ впослѣдствіи наименованіе срочно-обязаннаго, при чемъ комитетамъ предложено было назначить для него опредѣленный срокъ,—„не свыше 12 лѣтъ". Затѣмъ опредѣлялся составъ крестьянской усадьбы (причемъ упущены были изъ виду выгонъ и коноплянники) и установлялось, что „права свободнаго состоянія и право собственности на эту осѣдлость пріобрѣтаются крестьянами не иначе, какъ по взносѣ ими, въ продолженіе переходного срока, выкупа, сумма коего не должна превышать цѣнности пріобрѣтаемой ими въ собственность усадьбы" (ст. II, п. 2). Впослѣдствіи въ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору было добавлено (въ соотвѣтствіи съ уловкой, придуманной Левшинымъ, чтобы избѣжать выкупа личности и въ то же время не разорить помѣщиковъ), что размѣръ выкупа за усадьбы „опредѣляется оцѣнкою не одной усадебной земли и строеній, но и *промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ*". Помѣщики, какъ мы увидимъ, хорошо поняли смыслъ этого пункта и повсемѣстно очень умѣло имъ воспользовались. Впрочемъ, впослѣдствіи (циркуляромъ 17 февраля 1858 г.) было пояснено, что выкупъ усадебъ можетъ быть разсроченъ и за предѣлы переходнаго періода, при чемъ на крестьянахъ должны оставаться одни лишь долговыя обязательства, нисколько не ограничивающія ихъ личныхъ правъ. Въ отношеніи остальной земли, отведенной крестьянамъ за повинности для устройства ихъ быта, установлялось, что „*земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ*"... (ст. 2 п. 5), количество же ея предоставлялось опредѣлить самимъ комитетамъ „по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ" (п. 6). Въ отношеніи Ланскаго къ Назимову указывалось, что при неисправности крестьянъ участки отдѣльныхъ домохозяевъ могутъ быть отбираемы помѣщиками (п. 11), но въ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору (отъ 5 декабря 1857 г. № 41) указаны уже другія мѣры обезпеченія исправнаго выполненія повинностей (ст. II, п. 12

отнош. 5 декабря 1857, № 41). Относительно способовъ пользованія отведенною землею сказано было, что тамъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе, оно и должно быть оставлено, тамъ же, гдѣ существуетъ подворное, оно и должно оставаться, съ тѣмъ, чтобы въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ фермы съ хозяевами и батраками, приняты были мѣры къ обезпеченію осѣдлости батраковъ и опредѣленію ихъ отношеній къ хозяевамъ. Тутъ выразилось, очевидно, желаніе избѣжать тѣхъ затрудненій, которыя возникли при освобожденіи крестьянъ въ Лифляндіи. Забота объ обезпеченіи батраковъ сказалась, впрочемъ, лишь въ отношеніи къ виленскому генералъ-губернатору; въ отношеніи же къ петербургскому соотвѣтствующаго пункта нѣтъ вовсе. Далѣе указывалась необходимость точно опредѣлить размѣръ оброка и натуральныхъ повинностей и составить урочное положеніе. Въ ст. III повторено было, что „вотчинная полиція оставляется помѣщику", что мірскія общества и крестьянскіе суды должны дѣйствовать подъ его наблюденіемъ и съ его *утвержденія*. Для приведенія реформы въ исполненіе рекомендовалось образовать крестьянскія учрежденія по образцу Остзейскихъ (ст. IV). Впрочемъ, въ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору ссылка на остзейскія учрежденія была уничтожена (ст. IV отнош. отъ 5 дек. 1857 г. № 41). Затѣмъ указаны были послѣдствія введенія новаго положенія касательно правъ крестьянъ и отношенія къ нимъ помѣщиковъ, при чемъ разъяснялось, что въ теченіе переходнаго періода выходъ крестьянина изъ имѣнія можетъ послѣдовать лишь съ разрѣшенія помѣщика; тутъ же указывалось, что обращеніе крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ прекратить, и рекомендовалось принять мѣры къ обращенію дворовыхъ или въ крестьяне, съ надѣленіемъ ихъ землей, или въ свободное состояніе „съ согласія помѣщиковъ". Во все время переходнаго состоянія предполагалось предоставить помѣщикамъ „право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты, или отдавать въ распоряженіе правительства, для переселенія въ другія губерніи" (т. е. въ Сибирь), впрочемъ, „не иначе, какъ съ утвержденія тѣхъ присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы на основаніи новаго положенія" (ст. V, п. 3). Возлагалась на комитеты обязанность составить новыя правила отбыванія рекрутской повинности, при чемъ разъяснялось, что „поставка рекрутъ должна быть предоставлена самимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщика; поручалось также разсмотрѣть „способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей". „Для сего, можетъ быть,—писалъ министръ—было бы полезно лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запашекъ и мірскихъ капиталовъ". Наконецъ, рекомендовалось обратить также вниманіе на „мѣры", необходимыя для распростра-

ненія между крестьянами грамотности и полезныхъ ремеслъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ и т. п.“ (ст. VI, п. 3). *).

Въ министерствѣ, между тѣмъ, вспомнили, что среди толковъ и слуховъ о предстоящей реформѣ, еще въ началѣ 1857 года дворянство Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ Петербургской губерніи вновь возбудило ходатайство объ открытіи у нихъ комитетовъ для примѣненія въ Петербургской губерніи инвентарныхъ правилъ. Ходатайство это было поддержано и дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ всей Петербургской губерніи **). Послѣ рескрипта Назимову рѣшили воспользоваться и этимъ ходатайствомъ такъ же, какъ и представленіемъ литовскихъ дворянъ. Съ этой цѣлью былъ составленъ рескриптъ петербургскому генералъ-губернатору, по образцу рескрипта 20 ноября. Рескриптъ этотъ подписанъ государемъ 5 декабря 1857 г. Такъ какъ петербургское дворянство не упоминало въ своемъ заявленіи объ освобожденіи крестьянъ, то и въ рескриптѣ это выраженіе было замѣнено словами: *„улучшеніе и прочное устройство быта ихъ крестьянъ“*; но содержаніе рескрипта было совершенно такое же, какъ и рескрипта 20 ноября. Рескриптъ этотъ сопровождался такимъ же отношеніемъ министра, какое получилъ и Назимовъ, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, отмѣченными выше. Но еще ранѣе, а именно 24 ноября 1857 г. (за № 37 и 38) министръ сообщилъ, съ разрѣшенія Государя, губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства всѣхъ губерній копіи рескрипта 20 ноября и отношенія своего къ виленскому генералъ-губернатору „для свѣдѣнія и соображенія *на случай, если бы дворянство этихъ губерній изъявило подобное же желаніе*“ ***). 8-го декабря были такимъ же порядкомъ разосланы копіи съ рескрипта и отношенія къ петербургскому генералъ-губернатору.

Не получая немедленно представленій и ходатайствъ отъ дво-

---

*) Сборникъ постановленій по устр. быта помѣщичьихъ крестьянъ, вып. I, стр. 28 и слѣд.

**) Записки Я. А. Соловьева. «Русск. Старина» 1881 г. № 2, стр. 245. Сборникъ постановленій, стр. 4 и 34.

***) Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ кн. Орловъ, узнавъ о разрѣшеніи Государя разослать копіи рескрипта и сообразивъ, что, разъ этотъ рескриптъ будетъ оглашенъ, то повернуть дѣло назадъ, какъ еще надѣялись придворные крѣпостники, будетъ уже невозможно, отправился во дворецъ и убѣдилъ Государя взять назадъ данное имъ разрѣшеніе, въ виду тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, какія отъ него могли быть, по мнѣнію кн. Орлова. Но Ланской, предвидя возможность такого оборота дѣла (по совѣту Милютина, какъ утверждаетъ Leroy-Beaulieu), отпечаталъ эти копіи въ одну ночь и немедля отправилъ ихъ во всѣ концы Россіи съ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги, такъ что, когда пришло распоряженіе повременить, онъ могъ отвѣтить, что уже дѣло сдѣлано (Срав. «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія», I, стр. 156. Leroy-Beaulieu «Un homme d'etat russe», стр. 15).

рянства прочихъ губерній, правительство выражало явное нетерпѣніе. Отъ 10 декабря, т. е. всего черезъ 16 дней послѣ разсылки копій съ перваго рескрипта, Ланской запрашивалъ уже конфиденціально губернаторовъ и губернскихъ предводителей, *каков впечатлѣніе произвели рескрипты въ разныхъ губерніяхъ*, и просилъ сообщить ему это „самымъ откровеннымъ образомъ", „частными письмами", „въ собственныя руки" *).

Въ запискахъ Я. А. Соловьева приведены любопытные отвѣты губернаторовъ и губернскихъ предводителей **). Общій тонъ ихъ былъ мало утѣшителенъ. „Полнаго безусловнаго сочувствія и желанія приступить къ освобожденію крестьянъ, *на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ*, не обнаружилось ни въ одной губерніи. Отовсюду поступали отзывы о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта". Особенно непріятны были отзывы, наполненные зловѣщими страхами, приходившіе отъ губернаторовъ и предводителей центральныхъ губерній. *Московскій* предводитель дворянства выражалъ всякія опасенія. *Калужскій* сообщалъ, что, хотя всѣ мыслящіе владѣльцы понимаютъ необходимость освобожденія, но опасаются за будущее. *Тульскій* спрашивалъ, нельзя-ли измѣнить опубликованныя начала, въ виду ихъ непримѣнимости. *Рязанскій* писалъ о царящемъ въ средѣ помѣщиковъ страхѣ волненій крестьянъ, о недостаткѣ войскъ въ губерніи, и что отпускные солдаты станутъ во главѣ безпорядковъ ***), а также о неудобствѣ безсрочнаго владѣнія землей, о различіи цѣнъ на землю, объ огромномъ числѣ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ Рязанской губерніи (до 1700), для которыхъ реформа будетъ особенно разорительна. *Тамбовскій* выражалъ опасенія за ненарушимость правъ дворянъ, заявляя о неподготовленности реформы, о долгахъ помѣщиковъ, о чересполосности владѣній и проч. Онъ прибавлялъ, что дворяне „благодарны за довѣріе", но желаютъ обождать, чтобы „воспользоваться уроками опытности". *Воронежскій* (кн. Гагаринъ) писалъ о тревожныхъ слухахъ среди крѣпостныхъ, о святости правъ дворянъ и о неисполнимости рескрипта. *Владимирскій* сообщалъ, что впечатлѣніе грустное, хотя многіе сознаютъ необходимость реформы. *Орловскій* (Апраксинъ) писалъ, что вошелъ въ сношеніе съ сосѣдними предводителями и что самъ онъ считаетъ „священной обязанностью склонять всякаго дворянина къ содѣйствію видамъ правительства, *если не по убѣжденію, то по чувству*

---

*) Конф. цирк. письма м-ра вн. дѣлъ губернаторамъ и губерн. предводителямъ отъ 10 декабря 1857 г. («Сборникъ», стр. 58).

**) «Русская Старина» за 1881 г., IV, стр. 738 и слѣд.

***) Противъ этого мѣста Государь написалъ собственноручно: «Надѣюсь, этого не будетъ».

личнаго самосохраненія". *Харьковскій* увѣдомлялъ, что дворяне прямо выражали намѣреніе не стѣсняться преподанными началами. *Екатеринославскій* увѣрялъ, что мѣстные дворяне въ другихъ условіяхъ, нежели литовскіе, и желаютъ медленнаго измѣненія крѣпостныхъ отношеній. *Черниговскій* и *Полтавскій* предводители сообщали о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ отъ черезполосности и дробности владѣній, но писали, что дворяне понимаютъ необходимость реформы. *Оренбургскій* генералъ-губернаторъ увѣдомлялъ, что *Самарская* и *Оренбургская* губерніи должны быть поставлены на послѣднюю очередь.

Въ совершенно иномъ тонѣ, но тоже не вполнѣ пріятномъ министерству, далъ отвѣтъ *Тверской* предводитель дворянства А. М. Унковскій. „Хотя—сообщалъ онъ—нельзя еще съ точностью опредѣлить впечатлѣніе, которое могутъ произвести циркуляры на всю массу дворянства, но почти можно ручаться, что помѣщики вполнѣ поймутъ необходимость упраздненія крѣпостного права. Между тѣмъ, не могу не упомянуть о томъ обстоятельствѣ, что, при чтеніи циркуляровъ вашего высокопревосходительства и копій съ Высочайшихъ рескриптовъ... замѣчаютъ, что основанія, въ нихъ изложенныя, совершенно непримѣнимы въ быту великорусскихъ крестьянъ, не знающихъ никогда середины между крѣпостнымъ трудомъ и свободнымъ, и находятъ возможнымъ одинъ только способъ освобожденія крестьянъ,—посредствомъ выкупа ихъ съ нѣкоторой частью земли". Это—замѣчаетъ тутъ же Я. А. Соловьевъ—далеко не было одиночное мнѣніе нѣкоторыхъ дворянъ Тверской губерніи: во всѣхъ концахъ Россіи были такіе люди...

Болѣе утѣшительныя свѣдѣнія поступали въ министерство изъ западныхъ губерній: Назимовъ свидѣтельствовалъ о чувствѣ глубокой признательности дворянъ къ Государю. *Динабургское* дворянство Витебской губерніи всеподданнѣйше ходатайствовало о разрѣшеніи ему немедленно приступить къ устройству быта крестьянъ. *Минскій* губернаторъ писалъ, что впечатлѣніе дворянъ выразилось „великой радостью и искреннѣйшей благодарностью". *Кіевскій* сообщалъ, что дворяне сочувствуютъ, хотя и опасаются недоразумѣній. *Виленскій* заявлялъ о пользѣ совершенной гласности въ этомъ дѣлѣ. *Подольскій* губернаторъ писалъ, что „по принятіи важнаго сего предмета къ исполненію, дворянство Подольской губерніи навѣрно выразитъ свое желаніе устроить бытъ крестьянъ, подобно желанію дворянства губерній Ковенской, Виленской и Гродненской". Соловьевъ указываетъ на неискренность этихъ отзывовъ. По его мнѣнію, дворяне западныхъ губерній просто желали показать себя либеральными передъ Европой и усыпить русское правительство. Къ этому мнѣнію слѣдуетъ отнестись съ нѣкоторой осторожностью. Хотя тонъ заявленій, дѣйствительно, мало свидѣтельствуетъ объ искренности чувствъ; но

тутъ не въ искренности и дѣло. Изъ изложенныхъ выше данныхъ о положеніи дѣлъ въ западномъ краѣ мы уже знаемъ, насколько *интересы* самихъ помѣщиковъ здѣсь требовали скорѣйшей ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній *).

Приведя отзывы губернаторовъ и предводителей дворянства, Соловьевъ пытается опредѣлить и причины, которыми обусловливалось неблагопріятное впечатлѣніе на большинство дворянъ рескрипта 20 ноября. Прежде всего онъ ссылается на темноту дворянской массы, поглощавшей отдѣльныя личности, и на обаятельность комфорта крѣпостного права, пользованіе которымъ давалось безъ труда. При этомъ онъ признаетъ, что упраздненіе крѣпостного права для многихъ дѣйствительно должно было сопровождаться роковыми послѣдствіями. При общемъ безденежьи и задолженности, многіе помѣщики вели жизнь сверхъ состоянія, именно благодаря существованію крѣпостного права и основаннаго на немъ своеобразнаго хозяйственнаго строя. „Эти финансовыя затрудненія,—говоритъ Соловьевъ,—если они не доходили до крайности, не могли особенно тревожить при крѣпостномъ состояніи, которое доставляло возможность значительную часть потребностей удовлетворять не за деньги, а даромъ“ **). Съ паденіемъ крѣпостного права всѣ такіе помѣщики неминуемо должны были разориться.

Почти такія же причины медленности, съ какой дворянство отзывалось на царскій призывъ, указываетъ и другой правительственный дѣятель того времени, А. И. Левшинъ. Онъ указываетъ: 1) на отсутствіе гласности и невозможность вслѣдствіе этого дворянамъ заблаговременно просвѣтиться и понять истинное положеніе дѣлъ; 2) на предвидѣніе уменьшенія доходовъ, и 3) неизвѣстность будущаго, при увѣренности, что всѣ прежнія привычки и вся старая обстановка помѣщичьяго быта должны разрушиться“ ***).

Относительно болѣе интеллигентнаго слоя провинціальнаго дворянства Соловьевъ замѣчаетъ, что интеллигентные дворянскіе кружки, существовавшіе въ каждой губерніи, были противъ крѣпостного права, *но они желали полнаго освобожденія, а потому также не одобряли началъ, принятыхъ правительствомъ* ****).

Нельзя сказать, чтобы указанныя Соловьевымъ и Левшинымъ причины дворянскаго несочувствія рескриптамъ не существовали

*) Не слѣдуетъ упускать также изъ вида, при оцѣнкѣ мнѣнія Соловьева, написаннаго имъ въ 70-хъ годахъ, что онъ не можетъ быть признанъ безпристрастнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ. Ему пришлось впослѣдствіи вести долгую и упорную борьбу съ поляками въ Царствѣ Польскомъ, изъ которой онъ вынесъ навсегда непріязненныя чувства къ польскому дворянству.

**) Записки Соловьева. «Русск. Стар.», 1881 г., IV, стр. 744.

***) Левшинъ «Достопамятныя минуты въ моей жизни», «Русск. Архивъ», 1885 г. № 8, стр. 538.

****) Записки Соловьева, «Русск. Стар.» за 1881 г., № IV, стр. 745.

въ дѣйствительности, но онѣ, во всякомъ случаѣ, объясняютъ дѣло далеко не полно. Выше мы уже говорили, съ какими оговорками и ограниченіями слѣдуетъ принимать огульныя обвиненія дворянской массы въ темнотѣ, и считаемъ не лишнимъ напомнить и здѣсь, что въ числѣ крѣпостниковъ, удерживавшихъ, напр., дворянство Московской губерніи отъ слишкомъ поспѣшныхъ и благопріятныхъ правительству заявленій, были и весьма образованные люди, какъ, напр., князь А. С. Меньшиковъ, Соловьевъ и Левшинъ; упускаютъ изъ вида, что многіе дворяне относились отрицательно *не къ освобожденію крестьянъ вообще, а къ тому направленію дѣла, которое давалось рескриптомъ 20 ноября*. Соловьевъ указываетъ, что передовые дворянскіе кружки желали полнаго освобожденія и потому не сочувствовали правительству. Но и это указаніе далеко не точно. Выходитъ такъ, какъ будто эти кружки потому не сочувствовали правительству, что оно не удовлетворяло вполнѣ ихъ филантропическимъ стремленіямъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ содержаніе рескрипта не удовлетворяло вовсе не однихъ филантроповъ, но и всѣхъ разумныхъ помѣщиковъ, исходившихъ изъ зрѣло обдуманныхъ и ясно сознанныхъ собственныхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно знаменателенъ фактъ, что, напр., дворянство Калужской губерніи, которое отозвалось на рескриптъ послѣднее и заслужило тѣмъ репутацію отсталаго и одного изъ наиболѣе крѣпостническихъ, требовало довольно единодушно полнаго и немедленнаго освобожденія и обязательнаго выкупа при содѣйствіи правительства. Прочитавъ журналы калужскаго губернскаго комитета*), неизбѣжно приходишь къ выводу, что дворянство этой губерніи, несмотря на то, что оно отозвалось на царскій рескриптъ послѣднимъ, никакъ не можетъ быть названо отсталымъ; въ то же время несомнѣнно, что калужскіе помѣщики, требуя немедленнаго и полнаго освобожденія крестьянъ путемъ обязательнаго выкупа надѣловъ, исходили вовсе не изъ филантропическихъ, а изъ чистохозяйственныхъ соображеній. Совершенно такой же смыслъ имѣетъ всеподданнѣйшій адресъ смоленскаго дворянскаго комитета, съ которымъ мы познакомимся ниже. Но особенно послѣдовательно и ясно изложена критика содержанія рескрипта 20 ноября въ запискѣ, представленной Государю А. М. Унковскимъ въ концѣ декабря 1857 г. Записка эта была составлена тогда же имъ и А. А. Головачевымъ. Конечно, и Унковскій, и Головачевъ были искренніе и послѣдовательные либералы, но знаменателенъ фактъ, что записка Унковскаго имѣла успѣхъ вовсе не въ однихъ либеральныхъ кружкахъ, — которые тогда не были особенно многочисленны и многолюдны,—а въ широкихъ помѣщичьихъ кругахъ

---

*) Я пользовался экземпляромъ, находящимся въ домашнемъ архивѣ В. А. Арцимовича.

разныхъ губерній *нечерноземной* промышленной полосы. Замѣчательно, что Унковскому, *единственному* изъ либераловъ того времени, удалось образовать въ дворянскомъ комитетѣ въ пользу своихъ либеральныхъ предположеній сплоченное и солидарное большинство. Эти факты отнюдь не случайны, и объясняются они тѣмъ, что Унковскій въ своихъ предположеніяхъ опирался не на филантропическіе и гуманитарные принципы, а на правильно понятые и освѣщенные выгоды и интересы самихъ помѣщиковъ, которые въ нечерноземной полосѣ согласовались на этотъ разъ съ наиболѣе радикальными способами рѣшенія крестьянскаго вопроса. Знаменателенъ также и адресъ, поднесенный Унковскому дворянами Новоторжскаго уѣзда за подписью 50 лицъ. Правда, дворянами Новоторжскаго уѣзда предводительствовалъ тогда извѣстный либералъ Н. А. Бакунинъ; но важно въ этомъ случаѣ *содержаніе* адреса; важно то, что Унковскій восхваляется въ немъ, не какъ провозвѣстникъ великихъ либеральныхъ принциповъ, а какъ человѣкъ, сумѣвшій въ проектѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ соблюсти права и интересы дворянскаго сословія *).

А. М. Унковскій принадлежалъ къ среднему провинціальному дворянству **); онъ не имѣлъ состоянія и попалъ въ губернскіе предводители довольно неожиданно въ февралѣ 1857 года. Получивъ утвержденіе, Унковскій въ апрѣлѣ поѣхалъ въ Петербургъ и представился Государю. Государь принялъ его въ кабинетѣ и заговорилъ съ нимъ о предположеніяхъ правительства по крестьянскому дѣлу. Унковскій смѣло отвѣчалъ, что, стоитъ только правительству указать основанія реформы, „дворянство съ горячею готовностью приметъ ихъ къ сердцу" ***). Это было въ апрѣлѣ 1857 года. Вернувшись домой, Унковскій дѣятельно сталъ готовиться къ предстоящей реформѣ и пытался склонить дворянство къ немедленнымъ частичнымъ уступкамъ и облегченіямъ крѣпостного гнета, но въ этомъ онъ не имѣлъ успѣха,— явный знакъ, что тверское дворянство не было расположено къ

---

*) «Мы прочли проектъ Вашего Превосходительства объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ,—писали новоторжскіе дворяне,—и вполнѣ убѣдились, что образованный представитель нашъ нашелъ возможность, *съ сохраненіемъ правъ нашихъ,* улучшить совершенно и бытъ цѣлаго сословія; теперь съ нашей стороны остается только желать, чтобы милостивое воззрѣніе нашего Монарха осуществилось; тогда и позднее наше потомство будетъ съ уваженіемъ произносить имя А. М. Унковскаго, а мы, принося вамъ искреннюю задушевную благодарность за трудъ, достойный Васъ, гордимся быть Вашими современниками и видѣть въ представителѣ нашего сословія человѣка, вполнѣ понимающаго свое высокое значеніе, *какъ защитника не только правъ нашихъ, но и собственности»*. Адресъ этотъ приведенъ въ книгѣ Г. А. Джаншіева «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ», М. 1894 г. стр. 76.

**) См. книгу Г. А. Джаншіева «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ». М. 1894 г.

***) Тамъ же, стр. 38.

простымъ гуманнымъ мѣрамъ, когда эти мѣры противорѣчили интересамъ дворянства. Когда рескриптъ 20 ноября былъ опубликованъ, то Унковскій сразу увидѣлъ слабыя его стороны и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно засѣлъ съ Головачевымъ за составленіе записки, которая имѣла цѣлью разъяснить правительству непримѣнимость объявленныхъ имъ началъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ и указать такіе принципы реформы, которые, давая крестьянамъ дѣйствительное, а не фиктивное освобожденіе и улучшеніе быта, въ то же время не разоряли бы и помѣщиковъ. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ А. М. Унковскаго, которыми пользовался Джаншіевъ, записка эта сохранилась не въ полномъ видѣ: не хватаетъ начала... Тѣмъ не менѣе, сохранился конецъ первой части, гдѣ авторъ перечисляетъ по пунктамъ выясненные имъ недостатки рескрипта, и вся вторая часть, въ которой онъ развиваетъ желательный, по его мнѣнію, планъ реформы.

Въ критической части своей записки Унковскій указалъ, что въ рескриптѣ проектируется нарушеніе вѣками установившихся патріархальныхъ началъ и замѣна ихъ феодальнымъ строемъ, вовсе не примѣнимымъ къ условіямъ русской жизни. Онъ утверждалъ, что въ дѣйствительности между свободой и рабствомъ нѣтъ середины и что, съ сохраненіемъ за помѣщиками вотчинныхъ правъ на отведенную крестьянамъ землю и вотчинной полицейской власти, крестьяне будутъ свободны только по имени, а не на дѣлѣ. Въ то-же время помѣщики, лишившись полноты власти, даваемой крѣпостнымъ правомъ, не будутъ въ состояніи заставлять крестьянъ, объявленныхъ лично свободными, выполнять принудительный и, слѣдовательно, ненавистный для нихъ трудъ на господскихъ поляхъ за отведенныя имъ земли. Отсюда долженъ будетъ,—по мнѣнію Унковскаго,—проистекать обостренный антагонизмъ между двумя сословіями, постоянныя тяжбы, всеобщій безпорядокъ, разстройство хозяйствъ и уничтоженіе осѣдлаго быта. „Административная и полицейская власть въ селеніяхъ, раздѣленная между помѣщиками по настоящему составу ихъ вотчинъ, не представитъ,—писалъ далѣе Унковскій,—никакой возможности централизаціи сельскаго управленія, безъ которой не возможенъ разумный порядокъ вещей. Имѣнія отъ одной души до нѣсколькихъ тысячъ душъ, весьма часто разбросанныя по нѣсколькимъ уѣздамъ и даже губерніямъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго, будутъ имѣть въ помѣщикѣ одного полиціймейстера и, находясь случайно между сосѣдними селеніями прочихъ вѣдомствъ, имѣющихъ съ ними одни и тѣ же интересы и совсѣмъ иное управленіе, представятъ хаотическій безпорядокъ, при которомъ не можетъ существовать никакой власти и никакого порядка“.

Наконецъ,—указывалось въ запискѣ,—„исправное поступленіе

податей, при отсутствіи собственной земли у крестьянина и правъ свободнаго распоряженія собственностью у помѣщика,—не можетъ быть ничѣмъ обезпечено".

Помѣщичья власть, такимъ образомъ, не уничтожится, а лишится только патріархальной стороны, составляющей единственное ея оправданіе, и раздѣлится между землевладѣльцемъ, не попечительнымъ уже хозяиномъ своего имѣнія, а вѣчнымъ и равнодушнымъ кредиторомъ своихъ крестьянъ, поселенныхъ среди его земли, и чиновниками, наѣзжающими почти ежедневно для разбирательства запутанныхъ отношеній владѣльцевъ и крестьянъ и продающихъ правосудіе въ пользу богатыхъ. „Отъ такой жизни,—замѣчаетъ авторъ,—откажется всякій помѣщичій крестьянинъ, и мы даже думаемъ, что дарованіе подобной свободы весьма опасно. Объявить народъ свободнымъ, оставивъ его почти въ той же неволѣ и не улучшая его быта, по нашему мнѣнію, хуже, нежели оставить его въ крѣпостной зависимости. Это объявленіе свободы безъ дарованія ея въ дѣйствительности уничтожитъ въ народѣ довѣріе къ правительству, отниметъ у него послѣднюю надежду на улучшеніе его быта и, вслѣдствіе этого отчаянія, можетъ вызвать всѣ дикія явленія пугачевщины"...

Вотъ перспективы, какія рисовались Унковскому въ случаѣ буквальнаго выполненія комитетами программы, преподанной имъ правительствомъ. И надо отдать ему справедливость, выражался онъ достаточно вѣско и убѣдительно, чтобы записка его не могла остаться безъ результата.

Положительная часть записки, въ которой онъ предлагалъ свой планъ реформы, написана не менѣе убѣдительно. Здѣсь онъ прежде всего выставлялъ на видъ исторически сложившуюся крѣпость и привязанность крестьянъ къ землѣ. „Весьма естественно,—писалъ Унковскій,—что подобная крѣпость землѣ въ продолженіи двухсотъ лѣтъ привела крестьянъ къ *полному сознанію своего права владѣнія*, и никакія внушенія правительства и постановленія губернскихъ комитетовъ не въ состояніи поколебать этого вѣрованія..."

Разсуждая далѣе, Унковскій полагалъ, что освобожденіе крестьянина не иначе можетъ быть согласовано съ обезпеченіемъ поступленія государственныхъ налоговъ и собственности помѣщика, какъ только двумя способами: „личнымъ освобожденіемъ безъ всякаго надѣла землею, съ правомъ свободнаго переселенія; или совершеннымъ отдѣленіемъ крестьянъ отъ ихъ владѣльцевъ, *при надѣлѣ* ихъ необходимо нужнымъ количествомъ усадебной, пахатной, луговой и выгонной земли и съ вознагражденіемъ за это помѣщиковъ".

Первый способъ, въ виду вышеприведенныхъ, исторически сложившихся условій, онъ оставляетъ безъ всякаго разсмотрѣнія и говоритъ, что второй есть „единственное вѣрное средство

освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, не пораждая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи"... „Справедливость требуетъ,— прибавляетъ онъ тутъ же,—чтобы, при такомъ освобожденіи крестьянъ, помѣщики были вознаграждены, какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣнія, *такъ и за самихъ освобождаемыхъ крестьянъ*".

Это представляется Унковскому необходимымъ потому, что „лица, имѣющія *по закону* право владѣть людьми, надѣясь на силу законовъ, до сего времени не опасались употреблять капиталы на покупку людей, какъ имущества, котораго обладаніе дозволено и ограждено законами. Признать это имущество незаконнымъ и изъять безъ всякаго вознагражденія несправедливо потому, что лица, владѣющія крѣпостными людьми въ данную минуту, не могутъ отвѣчать за прочность государственныхъ вѣковыхъ учрежденій, и потому, что законы не могутъ имѣть обратной силы".

Унковскій признаетъ, однако, что освобождаемые крестьяне отнюдь не должны платить за свое освобожденіе. „Законы общечеловѣческой справедливости не допускаютъ брать съ обиженнаго вознагражденія за нанесенную ему обиду"... „Возстановленіе нарушенныхъ правъ должно лежать на обязанности нарушителей".. Нарушителемъ же въ данномъ случаѣ является сама государственная власть, которая дѣйствовала въ видахъ государственной пользы. Но за дѣйствія правительства „должны отвѣтствовать *всѣ сословія* государства равномѣрно, тѣмъ болѣе, что распоряженія правительства по этому предмету были совершенно согласны съ нуждами, понятіями и нравами всего народа (?) и что освобожденіе крѣпостныхъ людей составляетъ интересъ всего государства"... Вознагражденіе за землю должны заплатить сами крестьяне, при помощи особой кредитной операціи, организованной правительствомъ. Вознагражденіе должно быть выдано помѣщикамъ единовременно въ видѣ облигацій, приносящихъ доходъ. Унковскій отвергаетъ вознагражденіе постоянною, ежегодною рентою и тѣмъ болѣе работою и сельскими произведеніями, потому что при этихъ видахъ вознагражденія „не будетъ мѣста свободѣ, и крѣпостное право замѣнится какою-то *вѣчною кабалою*, невыносимою для народа и ничѣмъ не обезпечивающею правъ землевладѣльца. Съ другой стороны—и этотъ доводъ былъ особенно важенъ въ глазахъ помѣщиковъ—„*выдача капитала необходима для поддержанія помѣщичьихъ хозяйствъ и приспособленія ихъ къ обработкѣ наемными руками*". Мы увидимъ впослѣдствіи, что этимъ доводомъ пользовались не одни либералы, но и завѣдомые крѣпостники. Что касается размѣра надѣловъ, то Унковскій находилъ, что, въ виду разнообразія почвы и проч. условій, невоз-

можно опредѣлить ихъ одною какою либо цифрою, и въ то же время признавалъ невозможнымъ принять и существующіе надѣлы, въ виду ихъ случайности и зависимости отъ произвола помѣщиковъ. Онъ предлагалъ предоставить опредѣленіе надѣла въ каждомъ имѣніи добровольнымъ соглашеніямъ крестьянъ и помѣщиковъ, установивъ лишь для обузданія произвола извѣстныя минимальныя нормы надѣла, „менѣе которыхъ не можетъ имѣть крестьянинъ извѣстнаго уѣзда безъ потери своей осѣдлости“, и опредѣливъ стоимость такого надѣла по „мѣстной средней цѣнности земли“. Подробности всей этой операціи онъ предоставлялъ выработать губернскимъ комитетамъ, въ запискѣ же своей старался лишь опровергнуть общераспространенное тогда убѣжденіе, что на всѣ эти мѣры не хватитъ у государства средствъ. На это предубѣжденіе Унковскій нападаетъ съ горячностью. „Средства государства,—писалъ онъ,—существуютъ не въ одномъ только домѣ, занимаемомъ государственнымъ казначействомъ,—и не въ однѣхъ только цифрахъ, значащихся въ бюджетѣ его доходовъ. Мы не разсчитываемъ на эти средства. Источники государственнаго богатства, о которыхъ мы говоримъ, разсѣяны по всей нашей имперіи. Они существуютъ на каждомъ шагу. На отдѣльныхъ мѣстностяхъ они видимы даже лучше, нежели въ графахъ министерскихъ отчетовъ. Стоитъ каждому поглядѣть внимательно вокругъ себя, и онъ увидитъ, что эти средства даже превышаютъ потребности, но что потребности часто не удовлетворяются только вслѣдствіе невыгодныхъ распоряженій средствами“ *).

Указавъ на разные источники благосостоянія и на то, что даже неумѣлое хозяйничанье ими не въ состояніи было ихъ разрушить, Унковскій восклицаетъ: „*Значитъ, мы богаты!* Значитъ, люди, говорящіе о неимѣніи государственныхъ средствъ, не знаютъ ни государства, ни его производительныхъ силъ“. На-

---

*) Здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить, что Ю. Ѳ. Самаринъ, стоявшій за постепенное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, признавалъ, однако, какъ видно изъ одной его замѣтки 1857 года, что окончательное и полное освобожденіе крестьянъ съ землей было бы лучше. Но онъ сомнѣвался, въ силахъ ли мы организовать такую финансовую операцію, «для которой нужна рѣшимость, нужна твердая воля сократить всѣ непроизводительные расходы казны, нужна способность разбудить дремлющія силы, поднять кредитъ, привести въ движеніе капиталы,—однимъ словомъ, нужно, чтобы во главѣ финансовъ стоялъ министръ съ головою и пользующійся полною довѣренностью Государя, а не безгласный государевъ казначей.

«Явится ли такой человѣкъ, увидимъ ли мы такое стеченіе благопріятныхъ условій?... Вотъ въ чемъ заключается въ настоящую минуту узелъ вопроса. Многіе надѣются, другіе сомнѣваются»... Самъ Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ его статей, записокъ и мнѣній, принадлежалъ къ послѣднимъ. Сочиненія, т. II, 137.

помнивъ, какъ еще недавно государство въ минуту полнаго экономическаго застоя не затруднилось поставить въ нѣсколько недѣль ополченіе, обошедшееся болѣе 3 рублей съ души, Унковскій дѣлаетъ примѣрный разсчетъ, во что бы могъ обойтись выкупъ крестьянъ и отведенной имъ земли въ Тверской губерніи. По его разсчету, выходило, что выкупъ личности крѣпостныхъ обошелся бы въ 21.663.420 р. с., что потребовало бы ежегоднаго платежа (на проценты и погашеніе этой суммы) 1.081.671 р. с., которые, будучи разложены на 360.000 душъ *всѣхъ* податныхъ сословій губерніи, на капиталы и имущество всѣхъ родовъ, составили бы пожертвованіе вдвое (если не втрое) меньше пожертвованія, сдѣланнаго одними помѣщиками и податными сословіями на ополченіе 1855 года. Выкупъ же *земли* обошелся бы, по его разсчету, не дороже 36.000.000 руб., при чемъ для погашенія соотвѣтствующаго займа потребовался бы ежегодный платежъ (по 5%) въ 1.800.000 р. съ однихъ уже крестьянъ, что составило бы не болѣе 5 рублей въ годъ съ души или 12 р. 50 к.—съ тягла, каковой платежъ равнялся бы самому легкому оброку.

Въ заключеніе Унковскій настаивалъ на необходимости разрѣшить губернскимъ комитетамъ:

„1) Требовать отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія и обсуждать финансовыя средства губерніи.

„2) Обсуждать необходимо нужныя измѣненія въ устройствѣ сельскаго управленія, мѣстной полиціи и нѣкоторыхъ связанныхъ съ этимъ предметомъ учрежденій.

„3) Не стѣсняться тѣсною рамкою инструкцій, а излагать и обсуждать *всѣ необходимые предметы* со всею откровенностью. Сіе послѣднее необходимо потому,—писалъ Унковскій,—что съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ связаны многіе вопросы нашей государственной общественной жизни. Уединить его отъ всѣхъ прочихъ вопросовъ и рѣшить совершенно отдѣльно нѣтъ никакой возможности“ *).

Такова была первая обстоятельная и свободная критика на программу реформы, высказанная непосредственно Государю однимъ изъ искреннѣйшихъ и преданнѣйшихъ сторонниковъ освобожденія.

Сопоставляя ясный взглядъ на дѣло и трезвыя мысли, изложенныя въ этой запискѣ просвѣщеннаго представителя провинціальнаго дворянства, съ робкими, не вполнѣ выношенными и не вполнѣ высказанными идеями Левшина, усвоенными Ланскимъ и либеральною частью главнаго комитета, идеями, положенными въ

---

*) Джаншіевъ, «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ». М. 1894 г., стр. 58—71.

основаніе рескриптовъ и разъясненій министра, мы не можемъ не придти къ убѣжденію, что передовые представители дворянства (а съ ними и многіе члены этого сословія, усвоившіе взгляды своихъ вожаковъ) были гораздо болѣе подготовлены къ участію въ крестьянской реформѣ, нежели само правительство.

Къ программѣ, выставленной въ рескриптахъ, отнеслись критически и другіе, болѣе оппортюнистически настроенные сторонники реформы, Самаринъ, Черкасскій и Кошелевъ. Но они считали гораздо болѣе важнымъ въ данный моментъ заявить сочувствіе правительственному почину и воспользоваться либеральнымъ вѣяніемъ сверху, чтобы принять прямое участіе въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, нежели выразить свое несогласіе съ правительствомъ въ отношеніи отдѣльныхъ частей правительственной программы, тѣмъ болѣе, что съ планомъ реформы въ общемъ они были согласны. Поэтому Ю. Ѳ. Самаринъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ издававшемся Кошелевымъ журналѣ „Сельское благоустройство", старался, не критикуя содержанія рескриптовъ, расширить смыслъ данныхъ въ нихъ основаній реформы и подвести подъ нихъ свои собственные взгляды, особенно же доказать исторически сложившееся право крестьянъ на все то количество земли, которымъ они пользовались при крѣпостномъ состояніи, и необходимость оставить эту землю въ ихъ владѣніи на будущее время. Въ этихъ статьяхъ онъ принялъ даже на себя защиту необходимости переходнаго состоянія и доказывалъ невозможность немедленнаго полнаго освобожденія и обязательнаго выкупа, утверждая, что казна не сладитъ съ финансовой стороной дѣла; что крестьянамъ непосильно будетъ сразу же начать платить выкупные платежи за полные надѣлы, а урѣзать надѣлы онъ считалъ совершенно несправедливымъ и невозможнымъ; что, наконецъ, помѣщичьи хозяйства не выдержатъ единовременнаго и повсемѣстнаго прекращенія барщины. Послѣдній доводъ изложенъ у него особенно убѣдительно и несомнѣнно имѣлъ такое же полное основаніе въ примѣненіи къ степному поволжью, въ которомъ расположены были имѣнья Самарина, какъ доводы Унковскаго въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Въ этомъ обстоятельствѣ съ большою рельефностью подчеркивается могущественное вліяніе мѣстныхъ матеріальныхъ, чисто помѣщичьихъ соображеній, отъ которыхъ несомнѣнно не были совершенно свободны ни доводы Унковскаго, помѣщика нечерноземной промышленной полосы, ни доводы Самарина, помѣщика малонаселенныхъ степныхъ поволжскихъ губерній... Въ одномъ только отношеніи Ю. Ѳ. Самаринъ не могъ стать на точку зрѣнія рескриптовъ — это въ отношеніи отдѣльнаго выкупа усадебъ; но и этотъ вопросъ онъ могъ разбирать въ примирительномъ тонѣ, въ виду послѣдовавшаго правительственнаго разъясненія (въ сущности, поправки къ прежде

сдѣланному разъясненію) отъ 17 февраля 1858 г. за № 104 *), что по истеченіи переходнаго періода, который не долженъ ни въ какомъ случаѣ длиться болѣе 12 лѣтъ, крестьянинъ пріобрѣтаетъ *непремѣнно* личныя гражданскія права, хотя бы онъ и не успѣлъ въ этотъ срокъ внести полнаго выкупа за усадьбу. Правительство, такимъ образомъ, отказалось отъ изобрѣтенной Левшинымъ уловки—устроить, подъ видомъ обязательнаго выкупа усадьбъ по повышенной оцѣнкѣ, замаскированный выкупъ личной свободы крестьянъ. Подчеркивая это новое разъясненіе правительства, Самаринъ замѣчалъ, что вопросъ объ усадьбахъ потерялъ, благодаря этому, свое *юридическое* значеніе и сохранилъ лишь *экономическій* интересъ. Остался, по его мнѣнію **), лишь чисто-хозяйственный вопросъ, въ какой мѣрѣ выгоденъ и удобенъ для крестьянъ обязательный выкупъ усадьбъ отдѣльно отъ пашни и прочихъ угодій. Разобравъ этотъ вопросъ чрезвычайно внимательно, Самаринъ доказалъ, что выкупъ усадебъ отдѣльно отъ остального надѣла вовсе невыгоденъ и даже разорителенъ для крестьянъ въ большинствѣ случаевъ. Изъ ряда доводовъ, которые онъ привелъ въ доказательство этого мнѣнія, самый существенный тотъ, что усадьба въ крестьянскомъ хозяйствѣ вообще *не есть доходная статья, а необходимое условіе существованія*; а потому гораздо удобнѣе для крестьянъ, если усадьбы будутъ оставлены имъ въ пользованіе, наравнѣ съ прочимъ надѣломъ, съ правомъ выкупа ихъ вмѣстѣ со всей остальной землей, когда сами крестьяне того пожелаютъ ***).

Въ статьѣ этой, напечатанной въ журналѣ, Самаринъ, разумѣется, не позволилъ себѣ ни одного слова прямой критики началъ крестьянской реформы, опубликованныхъ въ высочайшихъ рескриптахъ. Такая критика не была бы возможна и по цензурнымъ условіямъ. Самаринъ, Черкасскій и Кошелевъ, признавая въ общемъ начала, опубликованныя въ рескриптахъ, не противорѣчащими ихъ собственнымъ взглядамъ на вопросъ, вскорѣ приняли званіе членовъ губернскихъ комитетовъ *отъ правительства*, Самаринъ—въ Самарской, Черкасскій—въ Тульской и Кошелевъ—въ Рязанской губерніяхъ, предварительно, впрочемъ, заручившись разъясненіемъ губернаторовъ, что это званіе не будетъ обязывать ихъ отстаивать каждое правительственное предложеніе, вопреки своему собственному мнѣнію ****).

Среди дворянъ-крѣпостниковъ, относившихся враждебно ко всякой идеѣ освобожденія крестьянъ, рискрипты вызвали одни

*) Сборникъ постановленій, стр. 60 (вып. I).

**) Мы увидимъ впослѣдствіи, что на дѣлѣ, не смотря на это разъясненіе, дворяне многихъ губерній воспользовались въ своихъ проектахъ первоначальной мыслью Левшина.

***) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. III, стр. 19—55.

****) Записки А. И. Кошелева, стр. 96.

лишь враждебныя чувства и страхъ; но враги реформы не спѣшили открыто выражать свои мысли. Въ этомъ дѣлѣ они предпочитали дѣйствовать путемъ интригъ, запугиваній и лицемѣрныхъ заявленій *). Отчасти это объясняется тѣмъ, что большая часть крѣпостниковъ принадлежала или къ придворной аристократіи, которой было неудобно выступать открыто съ критикой высочайшихъ рескриптовъ, или къ наиболѣе невѣжественной части провинціальнаго дворянства, которая не умѣла выразить своихъ взглядовъ и излить свою ярость въ литературной формѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что консервативная партія, не сочувствовавшая предпринятой правительствомъ реформѣ, была настолько слаба умственными силами, что не могла долгое время подыскать подходящаго редактора для журнала, который рѣшила издавать. Въ концѣ концовъ въ редакторы этого журнала, названнаго „Журналомъ землевладѣльцевъ", былъ приглашенъ человѣкъ, слывшій когда-то либераломъ и одинъ изъ первыхъ поднявшій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія еще въ сороковыхъ годахъ,—пензенскій землевладѣлецъ Желтухинъ. Нѣкоторые крѣпостники, яростно напавшіе впослѣдствіи на редакціонныя коммиссіи, министерство внутреннихъ дѣлъ и генерала Ростовцева, какъ, напр., М. А. Безобразовъ и гр. Орловъ-Давыдовъ, пока еще не высказывались во всеуслышаніе. Однимъ изъ первыхъ крѣпостниковъ, выразившихъ свои взгляды въ особой запискѣ, разосланной имъ во множествѣ литографированныхъ экземпляровъ членамъ губернскихъ комитетовъ въ 1858 году, былъ орловскій помѣщикъ и членъ орловскаго губернскаго комитета, извѣстный заводовладѣлецъ С. И. Мальцевъ **). Въ орловскомъ

---

*) Наклонность крѣпостниковъ къ лицемѣрію, къ пышнымъ рѣчамъ о жертвахъ дворянства и общемъ благѣ удачно освѣтилъ Г. А. Джаншіевъ въ своей книгѣ объ А. М. Унковскомъ, сопоставивъ трезвый утилитаріанистскій взглядъ Унковскаго съ жалкими и пышными фразами тверскихъ крѣпостниковъ (особенно Веревкина) о благородствѣ дворянскаго сословія, о готовности къ жертвамъ въ пользу меньшей братіи и на алтарь отечества, и т. п. См. «А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ», стр. 87, примѣчаніе.

**) Отставной генералъ-маіоръ Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ и заводовладѣльцевъ въ Россіи. Ему принадлежало болѣе 200.000 душъ крестьянъ въ Орловской и Калужской губерніяхъ, въ имѣніи, по размѣрамъ своимъ равнявшемся значительному германскому княжеству. На заводахъ его, чугуноплавильныхъ, желѣзодѣлательныхъ, машиностроительныхъ, пароходостроительныхъ и стеклянныхъ, въ одной Калужской губерніи работало болѣе 3.500 рабочихъ, которые выдѣлывали различныхъ продуктовъ ежегодно на милліонъ слишкомъ рублей. Эти заводы выдѣлялись изъ всѣхъ другихъ сосѣднихъ съ нимъ заводовъ своимъ превосходнымъ устройствомъ съ примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній и улучшеній того времени. На земляхъ Мальцева проложена была на его счетъ узкоколейная желѣзная дорога въ 200 верстъ длиной, — въ то время, когда во всей Россіи было неболѣе 2.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ. Къ чести

комитетѣ, вообще не отличавшемся либерализмомъ *), Мальцевъ проявилъ себя ярымъ противникомъ реформы. Въ гнѣвѣ своемъ онъ обрушился главнымъ образомъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ видѣлъ источникъ всѣхъ золъ. Составленная имъ довольно объемистая записка была одновременно направлена противъ развивающихся въ русскомъ обществѣ демократическихъ тенденцій и противъ бюрократическаго самовластія министровъ. Мальцевъ доказывалъ въ этой запискѣ, снабженной многочисленными ссылками на факты изъ русской исторіи, въ своеобразномъ, конечно, освѣщеніи, и выписками изъ Токвиля (который въ то время былъ вообще въ большомъ ходу), что все зло повелось въ Россіи отъ тѣхъ легкомысленныхъ преобразованій, которыя въ началѣ XIX столѣтія были предприняты и отчасти осуществлены императоромъ Александромъ I-мъ. Эти преобразованія исказили, по мнѣнію Мальцева, историческія истинно-русскія начала, усвоенныя и развитыя Петромъ I (sic) и Екатериной II (!), и отняли силу у исконнаго русскаго самодержавія. Этому злу онъ приписываетъ и севастопольскій погромъ, и безсиліе власти въ борьбѣ съ разрушительными демократическими теченіями, а чтобы исправить это зло и возвратить русское правительство на истинный путь, Мальцевъ рекомендовалъ отдать нынѣшнія самовластныя министерства подъ контроль выборныхъ русскихъ людей, впрочемъ, *исключительно лишь дворянскаго сословія* — по два выборныхъ дворянина отъ каждой губерніи. Царь будетъ опираться на дворянъ, а дворяне будутъ по прежнему благополучно править народомъ. Эта система была бы, по мнѣнію Мальцева, возстановленіемъ старинной русской системы, когда цари не ввѣрялись еще безотвѣтственнымъ министрамъ, а опирались на „народъ“, представленный боярской думой.

Въ этой запискѣ изложены были въ сущности почти тѣ же идеи, которыя составили содержаніе другой, надѣлавшей много

Мальцева нужно замѣтить, что на заводахъ его не только соблюдались всѣ неелояшныя требованія того времени, исходившія отъ горнаго департамента, относительно удовлетворенія матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ рабочаго персонала, но дѣлалось кое-что и сверхъ того (см. памятную книжку Калуж. губ. за 1861 г., статья г. Тарасенкова о фабр. и завод. промышленности въ Калуж. губ.). Вообще это былъ большой баринъ, въ которомъ страннымъ образомъ совмѣщалась культура съ самодурствомъ. Это послѣднее проявилось особенно рѣзко, во время введенія Положен. 19 февраля 1861 г., въ борьбѣ съ губернаторомъ В. А. Арцимовичемъ, кончившейся для Мальцева большимъ пораженіемъ (объ этомъ см. мою статью о введеніи крестьянской реформы въ Калужской губ., въ сборникѣ въ память В. А. Арцимовича). О Мальцевѣ и его запискѣ упоминается также въ «Матеріалахъ къ исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія въ Россіи», т. II, стр. 300, 347, 348. Съ запиской Мальцева я ознакомился по копіи, имѣющейся въ архивѣ В. А. Арцимовича.

*) См. отзывъ И. С. Тургенева въ «Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго», стр. 127, примѣчаніе.

шума запискѣ камергера Мих. Безобразова, появившейся во время пріѣзда въ Петербургъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ въ 1859 году. Намъ неизвѣстно, пользовался-ли Мальцевъ мыслями Мих. Безобразова или писалъ свою записку самостоятельно; но замѣчательно то, что подобныя мысли имѣли въ это время значительное распространеніе среди образованной части крѣпостниковъ. Любопытно также и то, что они не нападали непосредственно на содержаніе рескриптовъ, а выступали противъ того общественнаго теченія, которое отразилось въ рескриптахъ *).

Было въ это время среди дворянъ аристократовъ и другое теченіе, болѣе либеральное, также направленное противъ бюрократіи и бюрократическаго способа рѣшенія крестьянскаго вопроса, также стоявшее за сохраненіе дворянскихъ привилегій и даже за ихъ расширеніе, но въ то же время не только не бывшее противъ освобожденія крестьянъ, но имѣвшее даже свой собственный планъ реформы. Это направленіе, имѣвшее своихъ представителей главнымъ образомъ среди петербургскаго дворянства, обыкновенно смѣшивается съ партіей, мечтавшей объ обезземеленьи крестьянъ, что совершенно несправедливо. Сторонники этого направленія, имѣвшіе оффиціальнымъ своимъ представителемъ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства гр. Шувалова, мечтали о созданіи у насъ поземельной аристократіи феодальнаго типа, при чемъ они вовсе не думали объ обезземеленіи крестьянъ, а, напротивъ, проектировали обращеніе существующихъ крестьянскихъ надѣловъ въ *неотчуждаемыя* крестьянскія земли (Bauerland), состоящія въ вѣчнонаслѣдственномъ пользованіи крестьянъ за опредѣленныя денежныя или натуральныя повинности. При этомъ они особенно хлопотали о сохраненіи помѣщикамъ всей полноты вотчинной власти и мечтали о дарованіи имъ новыхъ политическихъ правъ и объ образованіи у насъ системы мѣстнаго самоуправленія на англійскій образецъ. Впослѣдствіи члены этой партіи рѣзко возстали противъ демокра-

*) Въ 1858 г. напечатана была въ количествѣ 100 экз. въ Берлинѣ брошюра магистра законовѣдѣнія Николая Безобразова (брата Михаила) «Объ усовершеніи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства», представленная имъ и Государю. Въ этой брошюрѣ Николай Безобразовъ утверждалъ, что крѣпостного вопроса у насъ собственно нѣтъ; что все это одно недоразумѣніе, что стоитъ только перенести изъ X т. свода законовъ въ IX статьи, относящіяся къ вотчинному управленію, а въ X оставить только тѣ, которыя относятся къ недвижимой собственности, и все дѣло будетъ улажено. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ, что вотчинное право должно быть сохранено на вѣки, какъ краеугольный камень нашего гражданскаго устройства. Эта брошюра вызвала рѣзкую полемику въ «Русск. Вѣстн.» и въ газетѣ «Le Nord». Въ трудахъ вольно-экономическаго общества защищалъ въ это время вотчинное право тамбовскій помѣщикъ Григ. Бланкъ, представившій нѣсколько записокъ и правительству («Матеріалы для упраздн. крѣп. состоянія въ Россіи», т. I, стр. 254).

тическаго направленія редакціонныхъ коммиссій, но на рескрипты имъ еще не было основанія нападать: они надѣялись даже осуществить свой проектъ именно на почвѣ началъ, преподанныхъ рескриптами. Рескрипты, во-первыхъ, не требовали выкупа крестьянской земли въ собственность, а, наоборотъ, вводили то самое понятіе неотчуждаемой крестьянской земли, принадлежащей помѣщикамъ на правѣ ограниченной вотчинной собственности, которое давно уже было усвоено либерально-аристократической группой петербургскаго дворянства; во-вторыхъ — и для этой группы это было главное — рескрипты оставляли неприкосновенной вотчинную власть помѣщиковъ. Понятно послѣ этого, что эта группа скорѣе стала бы защищать рескрипты противъ нападеній Унковскаго, нежели нападать на нихъ.

Таковы были главныя теченія, господствовавшія среди дворянства въ моментъ опубликованія высочайшихъ рескриптовъ литовскому и петербургскому генералъ-губернаторамъ.

IV.

Адресъ нижегородскаго дворянства.—Адресы дворянствъ Московской и прочихъ губерній.—Уѣздныя совѣщанія и ихъ значеніе.—Открытіе губернскихъ комитетовъ.—Члены отъ правительства.—Члены по выбору дворянства.—Новые источники изученія.—Составъ калужскаго, тверского, самарскаго, рязанскаго и тульскаго комитетовъ. — Дѣйствія Унковскаго въ тверскомъ комитетѣ и оппозиція его правительственной программѣ. — Вопросъ объ усадьбахъ въ петербургскомъ комитетѣ. — Разъясненіе министра внутреннихъ дѣлъ и Государя.—Программа, данная губернскимъ комитетамъ.—Исторія ея составленія.—Интриги Позена.—Значеніе этой программы.—Ея содержаніе.—Тактика Кошелева, Самарина и кн. Черкаскаго въ рязанскомъ, самарскомъ и тульскомъ губернскихъ комитетахъ.—Обсужденіе устава засѣданій. — Обструкція крѣпостниковъ въ Тулѣ.—Вопросъ о гласности засѣданій губернскихъ комитетовъ и о правѣ меньшинства и отдѣльныхъ лицъ подавать особыя мнѣнія и записывать ихъ въ журналъ.

Тревожное настроеніе и выжидательное положеніе правительства, стращаемаго къ тому же болѣе или менѣе ложными слухами о возникающихъ повсюду волненіяхъ крестьянъ, вскорѣ разрѣшилось полученіемъ адреса нижегородскаго дворянства.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 24 ноября 1857 г. и копіи съ высочайшихъ рескриптовъ были получены въ Нижнемъ какъ разъ передъ съѣздомъ дворянъ на губернскіе выборы. Губернаторъ Муравьевъ, нелицемѣрно сочувствовавшій предпринятой реформѣ, удачно воспользовался этимъ *). Онъ лично произнесъ

---

*) А. Н Муравьевъ, старшій братъ министра госуд. имущ. (Муравьева Виленскаго), былъ основателемъ «Союза Спасенія» въ 1817 г.; впослѣдствіи онъ измѣнилъ свои взгляды и вышелъ изъ тайнаго общества въ 1819 г.,

въ дворянскомъ собранiи патрiотическую рѣчь, съ упоминанiемъ о Мининѣ и Пожарскомъ и прошлыхъ подвигахъ нижегородскаго дворянства, и до того возбудилъ присутствовавшихъ, что они тутъ же составили адресъ, покрытый 128 подписями, въ которомъ изъявили отъ имени всего нижегородскаго дворянства „единодушное желанiе принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнять Его священную волю, на основанiяхъ, какiя Его Величеству благоугодно будетъ указать". Адресъ подписанъ былъ 17 декабря и отправленъ въ Петербургъ съ нарочнымъ. Ошеломленные этимъ мѣстные крѣпостники, однако же, вскорѣ спохватились и стали энергично агитировать въ пользу отступленiя. Имъ удалось уговорить дворянъ послать вслѣдъ за адресомъ особую депутацiю съ извѣстнымъ крѣпостникомъ С. В. Шереметевымъ во главѣ, которая пыталась внести нѣкоторыя оговорки, увѣряя, что дворяне были введены въ заблужденiе и что они не согласны на основанiя, указанныя въ рескриптахъ. Но они опоздали: 24 декабря послѣдовалъ уже отвѣтный рескриптъ на имя нижегородскаго губернатора, содержанiе котораго было одинаково съ двумя прежними рескриптами *).

Неожиданная присылка нижегородскаго адреса встрѣчена была Государемъ съ большою радостью. „Поручаю Вамъ,—сказано было

но тѣмъ не менѣе послѣ 14 декабря 1825 г. былъ привлеченъ къ дѣлу декабристовъ и присужденъ къ 6-ти лѣтней каторгѣ. Тотчасъ по прибытiи въ Сибирь онъ былъ помилованъ и опредѣленъ тамъ же на службу—иркутскимъ полицiймейстеромъ; оттуда переведенъ былъ вице-губернаторомъ въ Тобольскъ и въ началѣ царствованiя Александра II назначенъ нижегородскимъ военнымъ губернаторомъ. Отставъ еще въ юности отъ революцiонныхъ стремленiй, онъ сохранилъ, въ противоположность своему брату, либеральные взгляды и гуманитарныя стремленiя. Кромѣ того, онъ былъ личный старинный другъ министра внутр. дѣлъ Ланскаго. Въ 1862 г. онъ покинулъ свой постъ вслѣдствiе интригъ мѣстнаго дворянства и новаго министра внутр. дѣлъ П. А. Валуева, систематически преслѣдовавшаго всѣхъ искреннихъ сторонниковъ крестьянской реформы.

*) Срав. «Матерiалы для упраздненiя крѣпостн. состоянiя въ Россiи», I, стр. 272—275. Левшинъ («Достопамятныя минуты», Р. Арх. 85 г., № 8, стр. 537) по этому поводу писалъ въ своей запискѣ: «Не смотря на увлеченiе, съ которымъ нижегородское дворянство въ этомъ случаѣ отозвалось на общiй вызовъ правительства, послѣдствiя показали, что оно дѣйствовало безсознательно, что порывъ его былъ болѣе театральный, нежели на разсужденiи основанный: получивъ рескриптъ, они прислали сюда благодарить Государя двухъ депутатовъ (Шереметьева и Потемкина), которые объявили, что они полагали отпустить крестьянъ безъ земли и пр...» Въ статьѣ В. И. Снѣжневскаго, основанной на подлинномъ «дѣлѣ» губернскаго комитета, указывается, что на дворянскихъ выборахъ въ средѣ дворянъ съ самаго начала обнаружились двѣ партiи, изъ которыхъ первоначально взяла верхъ та, которая «сознавала необходимость присоединиться къ видамъ правительства». Противная партiя выражала въ началѣ свою антипатiю реформѣ «какъ-то робко и вяло», тогда какъ партiю реформы охватилъ энтузiазмъ («Дѣйствiя нижегор. губерн. ученой, архивной коммиссiи», «Сборникъ статей» и проч., т. III, стр. 59 и 76).

въ рескриптѣ,—объявить сему благородному сословію мое совершенное удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности нижегородскаго дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, устремленныхъ къ благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое поспѣшило воспользоваться случаемъ дать примѣръ сей готовности проявленіемъ усерднаго желанія способствовать зависящими отъ него средствами успѣху предпринимаемаго нынѣ важнаго и—какъ можно, при благословеніи Всевышняго, надѣяться,—равно полезнаго для всѣхъ въ государствѣ состояній дѣла".

Въ сопровождавшемъ рескриптъ министерскомъ отношеніи къ губернатору было, между прочимъ, указано: „по различію мѣстныхъ обстоятельствъ и потребностей разныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, промысловъ и занятій жителей оныхъ, предоставить дворянамъ каждаго уѣзда, при выборѣ членовъ въ губернскій комитетъ, имѣть предварительныя о сихъ обстоятельствахъ и потребностяхъ совѣщанія". По мѣрѣ поступленія адресовъ это право было предоставлено дворянству и всѣхъ прочихъ губерній.

Послѣ полученія нижегородскаго адреса Государь сталъ уже съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждать, когда же, наконецъ, отзовется дворянство Московской губерніи. Но московское дворянство молчало, удерживаемое совѣтами сановныхъ крѣпостниковъ, гр. Закревскаго (московскаго генералъ-губернатора) и кн. Меньшикова (имѣвшаго помѣстья въ Московской губерніи). Первому изъ нихъ, наконецъ, дано было знать конфиденціально о неприличіи молчанія московскаго дворянства въ такой важный моментъ, и вотъ, 7-го января 1858 года въ собраніи губернскаго и уѣздныхъ предводителей и депутатовъ московскаго дворянства подписано было постановленіе, коимъ губернскій предводитель, *на основаніи болѣе 500 отзывовъ*, полученныхъ отъ дворянъ, уполномачивался довести до свѣдѣнія правительства о готовности московскаго дворянства содѣйствовать благимъ намѣреніямъ августѣйшаго Монарха и просить соизволенія на открытіе комитета „для составленія правилъ, *которыя комитетомъ будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстности Московской губерніи*".

Эта оговорка очень не понравилась Государю, и отвѣтъ его, послѣдовавшій 16 января, былъ прямо направленъ на нее, а холодный тонъ свидѣтельствовалъ о дурномъ впечатлѣніи, произведенномъ позднимъ отзывомъ московскаго дворянства *). „Московское дворянство,—сказано въ рескриптѣ,—изъявляя полную готовность содѣйствовать Моимъ видамъ и намѣреніямъ, проситъ разрѣшенія приступить къ составленію по московской губерніи проекта положенія объ устройствѣ быта своихъ крестьянъ. *Признавая*

---

*) «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпост. состоянія въ Россіи» I, 278.

необходимымъ, чтобы проектъ сей былъ составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившихъ прежде желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ.... повелѣваю"... За симъ слѣдовали тѣ же постановленія, какія были преподаны и въ предыдущихъ рескриптахъ.

Вслѣдъ затѣмъ стали поступать адресы прочихъ губерній. „Это были уже,—какъ выразился Левшинъ,—дѣйствія нормальныя, болѣе или менѣе запоздалыя, и имѣли своимъ источникомъ не энтузіазмъ, а невозможность какой-либо губерніи отстать отъ другихъ и напоминанія, дѣланныя отъ министерства губернаторамъ" *). „Невозможность отстать отъ другихъ" обусловливалась главнымъ образомъ опасеніемъ крестьянскихъ волненій. Всякому помѣщику было понятно, что, разъ будутъ освобождены крестьяне въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ, невозможно будетъ удержать въ повиновеніи остальныхъ. Къ этому наиболѣе существенному соображенію присоединялась привычка повиновенія высочайшей волѣ и нежеланіе попасть въ отсталые. Высочайшіе рескрипты, данные въ отвѣтъ на дворянскіе адресы, слѣдовали въ такомъ хронологическомъ порядкѣ: *9 марта* были даны рескрипты по Саратовской, Самарской, Симбирской, Кіевской, Волынской и Подольской губерніямъ, *16 марта*—по Тверской и Орловской, *1 апрѣля* — по Астраханской, Казанской, Костромской, Новгородской и Рязанской, *5 апрѣля*—по Екатеринославской, Пензенской, Полтавской, Тамбовской и Харьковской, *20 апрѣля*—по Воронежской и Курской, *3 мая* — по Витебской, Вологодской, Могилевской, Псковской, Тульской и Ярославской, *10 мая*—по Таврической и Херсонской, *18 мая*—по Минской и Черниговской, *28 мая*—по Смоленской, *5 іюня*—по Бессарабской области, *8 іюня*—по Владимірской губерніи, *24 іюня*—по Калужской и *6 іюля*—по Оренбургской губерніи **).

По полученіи высочайшихъ рескриптовъ дворянство далеко не тотчасъ же приступило къ выборамъ, и комитеты открывались обыкновенно лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя—отъ 2 до $6^1/_2$. Одинъ только петербургскій комитетъ открылся черезъ мѣсяцъ и 9 дней послѣ полученія рескрипта. Дворянамъ всѣхъ прочихъ губерній предоставлено было производить выборы на особыхъ *уѣздныхъ совѣщаніяхъ*, на которыхъ дворяне могли бы между

---

*) Левшинъ «Достопамятныя минуты моей жизни», Р. Арх. 86 г., № 8, стр. 537.

**) *Скребицкій*. «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II», т. I, стр. XXIV и XXV. Въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ дворян. выборовъ, Вятской, Пермской и Олонецкой, рескрипты послѣдовали 15 октября 1858 г., въ области войска Донскаго—6 іюня, въ Ставропольской губерніи—11 іюля 1858 г. Въ Сибири были просто истребованы отъ генералъ-губернаторовъ соображенія (тамъ же, стр. XXV).

собой столковаться и выяснить особыя обстоятельства и нужды каждаго уѣзда. Въ настоящее время довольно трудно опредѣлить съ точностью, что происходило на этихъ уѣздныхъ съѣздахъ и каковы были сужденія гг. дворянъ, такъ какъ и въ запискахъ современниковъ и дѣятелей той эпохи, и въ оффиціальныхъ документахъ, доступныхъ изслѣдованію, имѣется объ этихъ съѣздахъ лишь очень немного данныхъ. Вообще, повидимому, самая мысль о съѣздахъ принадлежала сторонникамъ дворянскихъ интересовъ, которые не безъ основанія разсчитывали, что сборища менѣе культурныхъ провинціальныхъ помѣщиковъ окажутся менѣе податливыми на либеральные проекты и замыслы правительства и дадутъ своимъ депутатамъ такія инструкціи, которыя стѣснятъ ихъ дѣйствія въ этомъ именно смыслѣ въ губернскихъ комитетахъ *). Дѣйствительно, впослѣдствіи въ губернскихъ комитетахъ не разъ возбуждался вопросъ, могутъ ли члены комитета дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, или обязаны держаться мнѣній, выраженныхъ избравшими ихъ дворянами на уѣздныхъ совѣщаніяхъ. Правительству пришлось разъяснять, что мнѣнія дворянъ, выраженныя ими въ уѣздныхъ совѣщаніяхъ, могли лишь быть приложены къ проекту каждаго комитета въ видѣ особаго свода, но что мнѣнія эти отнюдь не должны быть обязательны для членовъ губернскихъ комитетовъ. „При подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ въ оныхъ—писалъ Ланской въ циркулярѣ отъ 21 января 1859 г.— члены естественно могутъ получить на предметъ устройства крестьянъ новое воззрѣніе. Иначе, стѣсняясь мнѣніями, выраженными на уѣздныхъ совѣщаніяхъ, они будутъ лишены возможности давать отзывы, согласно своимъ убѣжденіямъ **). Но и послѣ этого разъясненія въ нѣкоторыхъ комитетахъ члены крѣпостнической партіи постоянно пытались опереться на взгляды, выраженные дворянами въ уѣздныхъ совѣщаніяхъ; наоборотъ, либеральные члены комитетовъ считали постановленія этихъ совѣщаній для себя крайне стѣснительными. Такъ, напр., Н. А. Елагинъ (депутатъ Бѣлевскаго уѣзда) писалъ кн. Черкасскому: „Уѣздныхъ совѣщаній здѣсь не будетъ и, кажется, что это къ лучшему; настаивать на нихъ я не буду: настолько я знаю свой уѣздъ, что увѣренъ, что *мнѣнія и постановленія всякаго уѣзднаго съѣзда скорѣе повредятъ дѣлу*; явно и письменно выраженныя, они, если не обязательны, то будутъ крайне стѣснительны для выбранныхъ депутатовъ. Главныя желанія будутъ состоять въ слѣдующемъ: 1) обязательная 3-дневная барщина на все время переходнаго состоянія; 2) усадьбы въ пользованіе; 3) безграничное право пе-

*) Идея уѣздныхъ совѣщаній не принадлежала министерству внутреннихъ дѣлъ, и Соловьевъ осуждалъ это распоряженіе. Ср. Записки Соловьева, «Русск. Старина» за 1881 г. № 5, стр. 11.

**) Циркуляръ м. в. д. отъ 21 января 1859 г. о значеніи уѣздныхъ совѣщаній. Сборникъ, вып. III, стр. 26.

реселять и 4) усиленная полицейская власть. Вооруженному подобными, ясно выраженными, опредѣленными инструкціями и мнѣніями, мнѣ неловко будетъ дѣйствовать въ комитетѣ. Теперь у меня руки развязаны; я по совѣсти могу стоять за то, что считаю благомъ для дворянства впредь, но что слѣпотствующее большинство навѣрное сочтетъ за погибель" *). Подобныя, стѣснительныя для депутатовъ, постановленія относительно правъ помѣщиковъ переселять крестьянъ, относительно возвышенной оцѣнки земли, размѣра надѣла и полученія выкупа отъ дворовыхъ, состоялись въ веневскомъ уѣздномъ совѣщаніи 25 сентября и 1 октября 1858 года **). Князь Черкасскій такъ характеризуетъ въ письмѣ къ Самарину членовъ своего (веневскаго) съѣзда: „грустно было смотрѣть на это собраніе кулаковъ, окончательно взирающихъ на самихъ себя лишь какъ на монолистовъ болѣе или менѣе цѣннаго товара—чернозема, на который вдругъ открылось почему-то значительное требованіе". Въ Чернскомъ уѣздѣ хотѣли пустить на баллотировку, чтобы крестьянамъ не давать ни вершка земли ***). Одинъ изъ передовыхъ помѣщиковъ Владимірской губерніи, Д. П. Гавриловъ, въ письмѣ къ Я. А. Соловьеву такъ отзывался объ уѣздныхъ съѣздахъ Владимірской губерніи: „Что за безобразіе эти уѣздные съѣзды и вообразить трудно! Какія нелѣпости тамъ говорятся и предполагаются—повѣрить нельзя. Лучшая часть дворянства, служащіе дворяне, въ нихъ не участвуютъ. Десять или пятнадцать зажиточныхъ помѣщиковъ соберутся въ квартирѣ предводителя и за водкой и наливками выберутъ какого-нибудь пройдоху, если мѣсто съ жалованіемъ, и перваго охотника, если должность безъ жалованія. За примѣромъ недолго ходить. Нѣкоторые предводители передъ своимъ съѣздомъ въ губернскомъ городѣ, бывшимъ 4 января (1858 г.), собрали уѣздные съѣзды. Вотъ, для примѣра, нѣсколько *единогласныхъ* мнѣній: одинъ уѣздъ полагаетъ, что прежде всего надо увеличить число полицейскихъ чиновниковъ и, по недостаточности въ губерніи войска, ввести военную силу въ возможно большемъ числѣ, въ особенности кавалеріи, но не упустить въ приличныхъ мѣстахъ разставить и пѣхоту, и артиллерію. Другой уѣздъ объясняетъ, что, для предупрежденія смутъ, могущихъ возникнуть вслѣдствіе зависти помѣщичьихъ крестьянъ къ казеннымъ (ибо вторые платятъ весьма мало оброковъ)—„слѣдуетъ написать отъ всего дворянства адресъ къ министру государственныхъ имуществъ, въ которомъ просить его высокопревосходительство увеличить оброкъ, дабы сравнять ихъ съ помѣщичьими". Это факты, ручаюсь вамъ моимъ словомъ; это было подписано и

---

*) «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», I, стр. 168.
**) Тамъ-же, стр. 166.
***) Тамъ-же, стр. 149.

написано въ уѣздахъ, а здѣсь прочтено при совѣщаніяхъ предводителей дворянства“ *). Въ письмѣ къ Погодину Н. В. Бергъ, извѣстный литераторъ того времени, описывалъ свои впечатлѣнія отъ кирсановскаго уѣзднаго совѣщанія, гдѣ его особенно поразила безтолковость и какая-то „мужицкая робость дворянъ“: „Отъ нихъ хотятъ прямого открытаго мнѣнія для уясненія премудраго вопроса, а они шепчутся, боясь, какъ бы не услыхалъ баринъ. Кто поумнѣе, ходятъ пѣтухами, и ничего не говорятъ“... О толкахъ, къ которымъ Бергъ прислушивался во время этого совѣщанія, онъ пишетъ: „почти никто не боится потерять однихъ крестьянъ, безъ земли. Можно, говорятъ, дать имъ по рублю серебромъ, напоить водкой и отслужить еще, на радостномъ прощаньѣ, молебенъ (какъ это вообще водится на Руси). Доказываютъ (и это, кажется, такъ), что обработка полей наемными людьми несравненно выгоднѣе, ибо ихъ кормить только во время работъ, а тамъ—прощай, ступай, куда знаешь! Своихъ же корми цѣлый годъ, всю сволочь и старье, какое только есть. Держать мужиковъ заставляетъ насъ старая, вѣковая привычка *быть помѣщиками*, свои, молъ: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. Даже отъ лѣни не раскусили, что это барство очень невыгодно, особенно въ такихъ мѣстахъ, какъ наша губернія, гдѣ земля то же, что червонное золото“. На послѣднемъ засѣданіи этого совѣщанія Бергъ не былъ, но посѣтившій Берга исправникъ, по словамъ его, „весьма и весьма порядочный человѣкъ“ **), разсказывалъ ему, что члены совѣщанія „написали какую-то бумагу съ общаго согласія и всѣ одобрили; а когда пришлось подписывать, стали другъ друга толкать: начинайте вы!—нѣтъ, начинайте вы!—я подпишу послѣ! Кончилось тѣмъ, что бумаги не подписалъ никто. А стоило бы только (добавляетъ исправникъ) подписать одному, всѣ остальные пустились бы подписывать, какъ бараны, успѣвай только подавать перо“ ***).

Однако были попытки провести въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ совѣщаніяхъ и либеральныя постановленія. Такова была попытка Бобринскихъ и кн. Петра Долгорукаго „составить манифестацію въ пользу выкупа крестьянъ съ землей правительствомъ“ въ одномъ изъ уѣздовъ Тульской губерніи (повидимому, Богородицкомъ, ****). Ю. Ѳ. Самаринъ, опоздавшій къ выборамъ депутатовъ въ Сызранскомъ уѣздѣ, послалъ предводителю П. А. Бестужеву, по его просьбѣ, свою программу рѣшенія крестьянскаго вопроса, ту самую, которую онъ проводилъ позднѣе въ самарскомъ гу-

*) «Записки» Соловьева, «Русская Старина», 1881 года. № 5, стр. 27.

**) Бергъ увѣряетъ, что вообще исправники и становые были въ это время первые либералы въ уѣздѣ.

***) «Жизнь и труды М. П. Погодина». Н. Барсукова, XVI, стр. 47—55.

****) «Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго», I. 149.

бернскомъ комитетѣ *). Намъ неизвѣстно, однако же, обсуждали ли сызранскіе дворяне эту програму и какъ отнеслись къ ней. А. М. Унковскій пытался провести свой планъ освобожденія крестьянъ на всѣхъ уѣздныхъ съѣздахъ Тверской губерніи и въ четырехъ уѣздахъ (Тверскомъ, Корчевскомъ, Новоторжскомъ и Весьегонскомъ)—планъ его былъ одобренъ, но въ остальныхъ восьми не имѣлъ успѣха **). А. И. Кошелевъ, повидимому, не участвовалъ въ съѣздѣ дворянъ своего Сапожковскаго уѣзда, по крайней мѣрѣ, въ запискахъ своихъ онъ ничего не упоминаетъ объ этомъ и вообще не сообщаетъ никакихъ данныхъ объ уѣздныхъ совѣщаніяхъ Рязанской губерніи. Позенъ составилъ очень двусмысленный протоколъ отъ имени съѣзда хорольскаго дворянства Полтавской губерніи, въ которомъ, наряду съ многими либеральными фразами, говорится о *надѣлѣ крестьянъ землей*, что онъ долженъ быть какъ можно меньше, ибо, „какъ въ Хорольскомъ уѣздѣ большинство крестьянъ не имѣетъ рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій, то большой надѣлъ землею будетъ безполезенъ для нихъ и весьма вреденъ всей земледѣльческой производительности уѣзда"; о *срочно-обязанномъ положеніи*,—что выходъ изъ него можетъ быть установленъ лишь по добровольному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками; относительно *правъ и отношеній помѣщика*,—что они должны быть опредѣлены какъ можно ближе къ существующему порядку и что необходимо сохранить за помѣщикомъ право удалять изъ имѣнія людей дурного поведенія ***).

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выборы были произведены на губернскихъ собраніяхъ, а уѣздныя совѣщанія происходили позднѣе—иногда во время перерыва занятій губернскаго комитета. Такъ именно происходило дѣло въ Нижнемъ Новгородѣ, и замѣчательно, что пока члены комитета не совѣщались съ дворянами по уѣздамъ, занятія шли дружно и гладко. „Стремленіе къ предпринимаемому великому и благому дѣлу не ослабѣваетъ"—доносилъ въ самомъ началѣ Муравьевъ. Но какъ только члены комитета разъѣхались по уѣздамъ и возвратились къ занятіямъ послѣ своихъ совѣщаній съ дворянами, такъ настроеніе большинства комитета круто перемѣнилось къ худшему, и все дѣло чуть-чуть не полетѣло кувыркомъ ****).

Вообще, едва ли можно сомнѣваться, что, если бы правительство предоставило уѣзднымъ совѣщаніямъ непосредственное вліяніе на исходъ крестьянской реформы, то это вліяніе не было бы

*) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, III. 72—75 и примѣчаніе Д. Ѳ. Самарина.

**) «А. М. Унковскій» Джаншіева, стр. 76.

***) «Бумаги по крестьянскому дѣлу М. П. Позена», стр. 152—154.

****) «Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губ. наканунѣ реформы 19 февраля и первые годы послѣ нея». В. И. Снѣжневскаго, въ Сборникѣ Нижегор. архив. коммиссіи, III, стр. 76 и слѣд.

благопріятно для дѣла. Не даромъ же въ нѣкоторыхъ комитетахъ, когда борьба съ либералами обострялась и крѣпостники теряли подъ ногами почву, они постоянно пытались апеллировать къ своимъ довѣрителямъ, а глава крѣпостнической партіи въ самарскомъ губернскомъ комитетѣ вызвалъ даже въ Самару „для интимидаціи комитета“ двадцать дворянъ Бугурусланскаго уѣзда *).

Первый открывшій свои дѣйствія комитетъ былъ петербургскій. Онъ открылся 14 января 1858 г.—черезъ мѣсяцъ и 9 дней послѣ подписанія рескрипта. Литовскіе комитеты нѣсколько отстали отъ петербургскаго и были открыты: виленскій 19 февраля, гродненскій—26 февраля и ковенскій—6 марта. Нижегородскій комитетъ открытъ былъ почти такъ же быстро, какъ и петербургскій,—менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ полученія рескрипта, а именно 19 февраля 1858 г. Московскій открылся лишь 26 апрѣля, а слѣдующіе за нимъ кіевскій и симбирскій—24 и 25 іюня. Такимъ образомъ, въ первой половинѣ 1858 г. начали свои занятія лишь восемь комитетовъ, изъ которыхъ четыре принадлежали къ виленскому и кіевскому генералъ-губернаторствамъ и четыре къ великорусскимъ губерніямъ. Остальные комитеты открывались далеко не въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовали высочайшіе рескрипты. Такъ, напримѣръ, въ Самарской губерніи, дворянство которой подало адресъ одно изъ первыхъ, комитетъ открылся лишь въ концѣ сентября 1858 г. (двадцать восьмымъ по счету); наоборотъ, въ Черниговской губерніи, подавшей адресъ одной изъ послѣднихъ, комитетъ открылся 22 іюля (по счету двѣнадцатымъ). Послѣднимъ открылъ свои дѣйствія оренбургскій комитетъ—11 декабря 1858 г., предпослѣднимъ—калужскій—6 декабря 1858 г. Такимъ образомъ, къ концу 1858 г. дворянскіе комитеты были открыты во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были дворянскіе выборы.

Выборы въ комитеты происходили совершенно свободно—безъ всякаго правительственнаго давленія **). Правительство предоставило себѣ лишь весьма умѣренное участіе въ дѣлахъ комитетовъ, назначивъ въ каждый изъ нихъ по два депутата изъ мѣстныхъ же помѣщиковъ, по выбору губернаторовъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что выборъ этихъ лицъ не вездѣ оказался удачнымъ. Впослѣдствіи члены отъ правительства во многихъ губернскихъ комитетахъ поддерживали мнѣнія, совершенно не

---

*) Письмо Ю. Ѳ. Самарина отъ 26 октября 1858 года къ В. А. Черкасскому и А. И. Кошелеву. «Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго», I, стр. 213.

**) По крайней мѣрѣ, ни въ мемуарахъ, ни въ памфлетахъ, ни въ перепискѣ того времени нѣтъ ни малѣйшаго намека на что-нибудь подобное, и даже М. А. Безобразовъ въ своей запискѣ, взводившей всякія обвиненія и клеветы на министерство внутр. дѣлъ, не порочитъ выборовъ въ члены губернскихъ комитетовъ.

согласныя съ освободительными видами правительства, а въ одномъ случаѣ—въ Рязанской губерніи—пришлось уволить безъ прошенія члена отъ правительства за участіе его въ интригахъ дворянской партіи противъ другого его товарища. Выборъ этихъ лицъ зависѣлъ, конечно, прежде всего отъ доброй воли, освѣдомленности и такта начальниковъ губерній, а эти послѣдніе были, по свидѣтельству современниковъ, далеко не на высотѣ положенія *). Въ московскій комитетъ гр. Закревскій назначилъ членовъ отъ правительства изъ видовъ прямо противоположныхъ цѣлямъ реформы. Одинъ изъ нихъ былъ сынъ извѣстнаго вельможи крѣпостника—„человѣкъ совершенно неспособный и распутный“, котораго гр. Закревскій назначилъ изъ угожденія его отцу, „дабы воспрепятствовать ему ѣхать за границу“. Другой былъ яростный защитникъ крѣпостного права изъ помѣщиковъ-фабрикантовъ Московской губерніи **).

Изъ членовъ, назначенныхъ въ комитеты правительствомъ, наиболѣе крупными личностями Соловьевъ признаетъ Ю. Ѳ. Самарина, двухъ его братьевъ (Дм. Ѳед. и Петра Ѳед.), князя В. А. Черкасскаго, В. В. Тарновскаго, Г. П. Галагана, Н. И. Желѣзнова, А. И. Кошелева, Григ. Серг. Аксакова ***). Къ нимъ надо причислить: Н. А. Бакунива (члена тверского комитета) и князя Андрея Васильевича Оболенскаго (члена калужскаго комитета).

Послѣ опубликованія первыхъ рескриптовъ (20 ноября и 5 декабря 1857 г.) нѣкоторые изъ членовъ дворянской партіи пытались протестовать противъ назначенія въ составъ дворянскихъ комитетовъ членовъ отъ правительства, видя въ этомъ, какъ и въ надзорѣ за ходомъ дѣлъ въ комитетахъ, порученномъ губернаторамъ, знакъ недовѣрія правительства къ дворянству. Энергичнѣе другихъ протестовалъ въ письмѣ къ министру воронежскій губернскій предводитель, князь И. В. Гагаринъ. Но эта

*) «Пересматривая именной списокъ этихъ важныхъ должностныхъ лицъ—писалъ авторъ «Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣп. состоянія въ Россіи»—можно утвердительно и по строгой совѣсти сказать, что въ числѣ 45 губернаторовъ, за исключеніемъ сибирскихъ и кавказскихъ, 24 должны быть смѣнены безъ малѣйшаго замедленія; изъ нихъ 12, какъ всѣмъ извѣстные мошенники, а 12 по сомнительной честности и совершенной неспособности; изъ остальныхъ 21 десять могутъ быть терпимы по необходимости, девять довольно хороши, и только два могутъ быть названы образцовыми: самарскій Гротъ и калужскій Арцимовичъ», т. II, стр. 462. Я. А. Соловьевъ къ числу хорошихъ губернаторовъ причислялъ еще нижегородскаго А. Н. Муравьева и оренбургскаго—Е. И. Барановскаго. Кромѣ того, доброжелательны къ реформѣ, хотя и не такъ энергичны, были, по его словамъ, казанскій — Козлянииновъ, владимірскій — Тиличеевъ, тверской—гр. Барановъ и таврическій—Жуковскій. Записки Соловьева, «Русская Старина» за 1882 г. № 10, стр. 135—137.

**) «Матеріалы», т. I, стр. 303.

***) «Русская старина», 1881 г., V, 29.

попытка не имѣла послѣдствій, и протестантамъ было объяснено, что, такъ какъ крестьяне не имѣютъ своихъ представителей въ комитетахъ, то правительство, довѣрившее обсужденіе этого дѣла исключительно представителямъ дворянства, продоставило себѣ назначеніемъ этихъ двухъ членовъ хоть отчасти замѣнить представительство крестьянскихъ интересовъ, при чемъ, такъ какъ и эти два члена назначаются изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ, то дворянство должно особенно оцѣнить довѣріе къ нему правительства *).

Разбирая впослѣдствіи, въ запискѣ, поданной Государю въ концѣ 1859 г., личный составъ комитетовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ отозвался, что изъ числа членовъ губернскихъ комитетовъ, которыхъ было 1377, „едва ли 1/10 доля занималась предложеннымъ предметомъ. Остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ“ **). По свидѣтельству Соловьева, эта фраза вставлена въ записку рукой самого Ланскаго, но и Соловьевъ, повидимому, былъ съ ней согласенъ ***). А между тѣмъ, едва ли этотъ отзывъ былъ справедливъ. Десятую часть всѣхъ членовъ комитетовъ составляли уже одни члены, подписавшіе проекты меньшинства разныхъ комитетовъ, и тверского большинства, къ которымъ несомнѣнно фраза эта не относилась. Изъ числа же членовъ большинства весьма многіе участвовали въ дѣлѣ не только вполнѣ сознательно, но и чрезвычайно активно. Какъ свидѣтельствуютъ современники и какъ это видно изъ журналовъ губернскихъ комитетовъ, члены большинства многихъ комитетовъ отнюдь не могутъ быть причислены сплошь и безъ разбору къ тѣмъ закорузлымъ и тупымъ консерваторамъ, которымъ противно всякое преобразованіе. Нѣкоторые изъ нихъ были по своимъ взглядамъ скорѣе либералами, въ политическомъ смыслѣ этого слова, и если они не сочувствовали предложенной имъ реформѣ, то въ значительной мѣрѣ потому, что реформа эта задумана была безъ ихъ участія и имъ предлагали обсудить ее по готовой программѣ, несогласованной съ ихъ мѣстными нуждами и интересами. Многіе изъ нихъ не сочувствовали и вообще либеральнымъ видамъ правительства, но и эти консерваторы дѣйствовали вовсе не безсознательно, а, наоборотъ—съ полнымъ сознаніемъ своихъ сословныхъ интересовъ и выгодъ. Можно ихъ обвинять въ сословномъ и классовомъ эгоизмѣ, можно говорить объ отсутствіи у нихъ гуманныхъ и филантропическихъ чувствъ, о недостаткѣ великодушія, но совершенно невѣрно приписывать имъ безсознательное отношеніе къ дѣлу. Разумѣется и здѣсь, какъ и во

---

*) «Русская старина», 1881 г., № 5, стр. 19.

**) Семеновъ, «Освобожденіе крестьянъ», I, 827.

***) «Русская старина», 1881 г., № 5, стр. 31.

всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, были вожаки и рядовые, но это такъ же мало свидѣтельствуетъ о „безсознательномъ“ подчиненіи послѣднихъ первымъ, какъ и въ любомъ парламентѣ или другомъ общественномъ собраніи, гдѣ есть партіи, а слѣдовательно, и партійная дисциплина. Уже профессоръ Иванюковъ указалъ въ своей книгѣ, какъ несправедлива „легенда“ о сплошныхъ крѣпостническихъ тенденціяхъ дворянскихъ комитетовъ *). Съ тѣхъ поръ исторія работъ нѣскольких комитетовъ выяснилась гораздо подробнѣе. Въ высшей степени важныя данныя даютъ письма и показанія участниковъ тверского комитета, А. М. Унковскаго и А. А. Головачева, опубликованныя Джаншіевымъ **), „Матеріалы для біографіи князя Черкасскаго“, изданные въ 1901 г. кн. О. Трубецкой, замѣтки, записки, мнѣнія и изслѣдованія по крестьянскому дѣлу Ю. Ѳ. Самарина, изданные его братомъ Дмитр. Ѳедоровичемъ (въ 3-мъ томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина), записки А. И. Кошелева, статья В. И. Снѣжневскаго о нижегородскомъ комитетѣ, записки Левшина, Соловьева и др. Мнѣ лично удалось изучить журналы двухъ губернскихъ комитетовъ,—калужскаго и саратовскаго. Особенно сильно противорѣчатъ отзыву Ланскаго труды калужскаго комитета. Бывшій въ Калугѣ губернаторомъ до средины 1858 г., гр. Д. Н. Толстой въ письмѣ къ А. И. Левшину выражался о калужскихъ дворянахъ и спутанности ихъ понятій не менѣе пренебрежительно, нежели Ланской о девяти десятыхъ членовъ губ. комитетовъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что онъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе неудачнымъ собесѣдованіемъ дворянъ съ посѣтившимъ Калугу лѣтомъ 1858 г. Левшинымъ, къ которому дворяне не чувствовали, очевидно, достаточнаго довѣрія и потому, вмѣсто того, чтобы говорить дѣло, пробавлялись разными пустыми отговорками и пышными фразами. Сами же калужскіе помѣщики, какъ показали послѣдствія, отлично столковались между собой и прекрасно поняли свои интересы, а также и то положеніе, которое имъ, съ точки зрѣнія сословныхъ ихъ выгодъ, всего удобнѣе было занять. Въ средѣ калужскаго комитета въ концѣ концовъ изъ 24 его членовъ оказалось 5 искреннихъ и послѣдовательныхъ либераловъ, которые и представили свой особый проектъ меньшинства; 6 или 7 членовъ принадлежали къ числу крайнихъ крѣпостниковъ; но и эти отнюдь не мечтали о сохраненіи крѣпостного права, а старались лишь придумать—и надо признать, съ большимъ пониманіемъ дѣла,—наиболѣе выгодный для помѣщиковъ способъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Остальные члены комитета принадлежали къ двумъ среднимъ группамъ: умѣрен-

---

*) Иванюковъ, «Паденіе крѣпост. права», изд. 1882 г., стр. 166.

**) «А. М. Унковскій и Освобожденіе крестьянъ» и «Эпоха великихъ реформъ».

ныхъ либераловъ и умѣренныхъ консерваторовъ (первыхъ было 5, вторыхъ—7). Между членами комитета не было ни одного члена, относившагося къ дѣламъ комитета безучастно или безсознательно. Изъ журналовъ комитета (полный печатный экземпляръ которыхъ сохранился въ архивѣ В. А. Арцимовича, бывшаго калужскаго губернатора), при внимательномъ ихъ изученіи, выступаетъ съ полною ясностью нравственная физіономія каждаго члена комитета, такъ какъ всѣ они не только принимали живое и дѣятельное участіе въ дебатахъ, но почти всѣ не лѣнились представлять по разнымъ вопросамъ письменныя мнѣнія, въ которыхъ обстоятельно развивали свои взгляды. Замѣчательно, что въ калужскомъ комитетѣ, какъ меньшинство, такъ и большинство стояло за обязательный выкупъ и было противъ переходнаго срочно-обязаннаго положенія; какъ меньшинство, такъ и большинство назначало крестьянамъ одинаковый 2-хъ десятинный надѣлъ, и разошлись они между собою лишь по вопросамъ объ оцѣнкѣ этого надѣла и о вотчинной власти помѣщика послѣ освобожденія крестьянъ. Чрезвычайно замѣчательно, съ другой стороны, что министерство внутреннихъ дѣлъ о работахъ комитета и о настроеніи калужскаго дворянства все время имѣло, въ сущности, невѣрное представленіе. Въ началѣ, изъ-за того, что Калужская губернія отозвалась на вызовъ правительства чуть не послѣдняя, она считалась одной изъ наиболѣе крѣпостническихъ; впослѣдствіи же, когда комитетъ постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему составить выкупной проектъ, на калужскій комитетъ стали смотрѣть, какъ на одинъ изъ наиболѣе либеральныхъ и великодушно настроенныхъ; а между тѣмъ, и то, и другое—т. е. и замедленіе съ адресомъ, и требованіе обязательнаго выкупа—одинаково исходили изъ вполнѣ сознательнаго отношенія калужскихъ дворянъ къ дѣлу и изъ правильной оцѣнки своихъ собственныхъ выгодъ и интересовъ *)...

Въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ либеральный проектъ большинства подписанъ былъ 15-ю членами изъ 27 **). Но въ письмѣ къ Джаншіеву отъ 31 мая 1891 г. А. М. Унковскій предупреждалъ его: „не думайте, что 13 членовъ, не подписавшихъ

---

*) Ходъ дѣлъ въ калужскомъ комитетѣ и тогдашнее настроеніе калужскаго дворянства описаны мною въ статьѣ «Подготовленіе и введеніе крестьянской реформы въ Калужской губерніи», въ Сборникѣ, издаваемомъ въ память В. А. Арцимовича.

**) Въ письмѣ къ А. И. Кошелеву отъ 18 апрѣля 1858 г. Унковскій писалъ, между прочимъ, о составѣ своего комитета: «У насъ людей единогласныхъ со мною—14, ретроградовъ—9, и 4 члена, которыхъ мнѣнія еще не опредѣлились, но которые до сихъ поръ еще отрицали, изъ страха не угодить избирателямъ, требованія большинства». «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», I, приложенія, стр. 112.

проектъ большинства, были всѣ противниками освобожденія или надѣленія крестьянъ землей. Такихъ, какъ Веревкинъ, Милюковъ и Кудрявцевъ (т. е. крайнихъ, озлобленныхъ крѣпостниковъ), было очень мало. Большая часть ихъ боялась только слишкомъ быстраго переворота въ хозяйствѣ и не вѣрила возможности одновременнаго выкупа, по громадности финансовой операціи, т. е. были нашими противниками по недальновидности, словомъ, такими же противниками, какъ и члены редакціонныхъ коммиссій. Съ ними мнѣ приходилось такъ же спорить, какъ съ Милютинымъ, кн. Черкасскимъ, Самаринымъ, Ростовцевымъ, Я. А. Соловьевымъ и др. Они не могли понять, что одновременный выкупъ всѣхъ надѣловъ *возможнѣе и выгоднѣе постепеннаго*, между тѣмъ, какъ это для меня и лицъ, подписавшихъ проектъ большинства, было ясно, какъ день, ибо, при обязательномъ выкупѣ для однихъ крестьянъ, операція должна была совершаться преимущественно въ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне не состоятельны къ платежу оброковъ или къ погашенію ссудъ, вслѣдствіе чего сумма недоимокъ должна быть пропорціонально больше къ обороту, нежели при одновременномъ выкупѣ всѣхъ надѣловъ. Вотъ о чемъ мы спорили и въ Твери съ меньшинствомъ, и въ Петербургѣ съ членами коммиссій. Между тѣмъ, изъ неподписавшихъ проектъ 13 членовъ, я могу назвать трехъ членовъ, расположенныхъ не менѣе насъ къ реформѣ: депутата Бѣжецкаго уѣзда Модеста Воробьева, Кашинскаго—Зміева и Зубцовскаго—Зубкова" *).

Тотчасъ послѣ выборовъ Самаринъ писалъ Черкасскому и Кошелеву (отъ 9 іюля 1858 г.), что составъ самарскаго комитета будетъ гораздо лучше, нежели онъ предполагалъ: „изъ 16 членовъ 8 рѣшительно стоятъ за освобожденіе съ достаточнымъ надѣломъ землею и за отдачу строенія даромъ". Онъ прибавлялъ, впрочемъ, что пишетъ это со словъ одного изъ чле-

---

*) Джаншіевъ «А. М. Унковскій и проч.», стр. 95. Здѣсь Унковскій несомнѣнно слишкомъ односторонне и смѣло обвиняетъ въ «недальновидности» перечисленныхъ имъ членовъ редакціонныхъ коммиссій. Онъ упускаетъ изъ виду, что безспорное въ Тверской губерніи могло быть спорно въ примѣненіи къ Самарской или Тульской; съ другой стороны, перечисленныя имъ лица вовсе не предлагали выкупа необязательнаго для помѣщика и обязательнаго для крестьянъ. Самаринъ писалъ даже какъ разъ противоположное (см. его статью «Объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ», т. III, стр. 45 и 55). Утвержденіе Унковскаго въ этомъ случаѣ такъ же несправедливо въ отношеніи названныхъ имъ лицъ, какъ слѣдующее замѣчаніе о немъ кн. Черкасскаго въ письмѣ къ Самарину: «Иной разъ поневолѣ подумаешь—менѣе было бы добросовѣстно, по житейски болѣе выгодно погарцевать по примѣру Унковскаго на удобномъ и щеголеватомъ конькѣ выкупа» (Матеріалы для біографіи, т. I, стр. 232). Вотъ какое взаимное непониманіе было по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ реформы между передовыми ея дѣятелями, непониманіе, объясняющееся главнымъ образомъ различіемъ мѣстныхъ условій.

новъ *). Тотчасъ послѣ открытія комитета, въ письмѣ отъ 27 сентября, онъ сообщалъ Кошелеву: „Партіи обозначились. Насъ, такъ называемыхъ либераловъ, или extrême gauche—4 человѣка. Среднихъ — привременныхъ и неопредѣленныхъ — 3, отчаянныхъ консерваторовъ—9. Но наша партія цѣльнѣе“ **).

Рязанскій комитетъ открылся 26 августа, и Кошелевъ писалъ послѣ первыхъ же засѣданій Черкасскому и Самарину (отъ 2 сентября 1858 г.): „Составъ комитета порядочный: до 10 человѣкъ благонамѣренныхъ, 3 злѣйшихъ оппонентовъ, остальные ни рыба, ни мясо и будутъ на сторонѣ тѣхъ, которые будутъ обѣщать имъ больше выгодъ“... ***)

27 сентября онъ сообщалъ Черкасскому уже менѣе благопріятныя свѣдѣнія: „нашъ комитетъ становится все хуже и хуже. Оппозиція сплотняется. Наши ряды смыкаются, и la partie flottante переходитъ на сторону оппозиціи. Я уже записалъ въ журналъ 4 мнѣнія и увѣренъ, что далѣе ни одного журнала не будетъ безъ особаго или безъ особыхъ отъ меня мнѣній“... ****)

Наконецъ, 22 октября онъ отправилъ Самарину и Черкасскому полную характеристику рязанскаго комитета, которую издательница этой переписки не признала, къ сожалѣнію, возможнымъ опубликовать и теперь (1901 г.). Въ концѣ, подводя итоги 27 членамъ комитета, Кошелевъ распредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

черныхъ.	14
сѣрыхъ	5
красныхъ	8

„Изъ насъ восьми,—прибавляетъ Кошелевъ,—два имѣютъ похоти на сѣрый цвѣтъ, слѣдовательно, большинство всегда черное“ *****).

Про тульскіе выборы кн. Черкасскій писалъ 11 сентября 1858 г.: „Выборы систематически дурны. Дворяне (коноводы) хвастались, что выбираютъ *шлепалъ* (самъ въ первый разъ слышалъ это выраженіе), и что-де Черкасскій ихъ не уломаетъ. Наше меньшинство состоитъ изъ 10, не совершенно другъ съ другомъ согласныхъ лицъ, а въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ выростемъ до 12 противъ 17 или 15“ ******).

Впослѣдствіи это меньшинство не только не увеличилось, но стало таять: сперва отъ него отдѣлился одинъ, а потомъ еще три члена, и осталось всего шесть; а были и такія минуты, когда кн.

*) «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», т. I-й, стр. 112-ая.
**) «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», стр. 170.
***) Тамъ же, стр. 147.
****) Тамъ же стр. 165.
*****) Тамъ же, стр. 177.
******) Тамъ же, стр. 148.

Черкасскій думалъ, что ему придется остаться самъ другъ съ П. Ѳ. Самаринымъ (вторымъ членомъ по назначенію отъ правительства).

Кромѣ тверского комитета, либеральнаго большинства не образовалось нигдѣ, да и въ Твери оно едва не вышло въ отставку in corpore, вслѣдствіе необходимости вести борьбу одновременно съ косными консерваторами и съ программою, данной правительствомъ. Унковскому удалось составить большинство 14 членовъ противъ 13 (впослѣдствіи 15 противъ 12), убѣдивъ ихъ принять его планъ немедленнаго и полнаго освобожденія крестьянъ съ обязательнымъ выкупомъ ихъ рабочей силы и земельныхъ надѣловъ. Но планъ этотъ, какъ мы видѣли, совершенно не соотвѣтствовалъ правительственной программѣ, изложенной въ рескриптахъ. Унковскій попытался обойти это затрудненіе, предложивъ комитету расширить понятіе усадебной осѣдлости, признавъ подъ нею не только усадьбу и пріусадебную землю (огородъ, коноплянникъ и выгонъ), но и необходимое для крестьянина по мѣстнымъ условіямъ количество пахотной и луговой земли, однимъ словомъ, весь крестьянскій надѣлъ. Но дѣло затруднилось еще болѣе, когда, вслѣдствіе ходатайства нижегородскаго дворянства—дозволить отдать крестьянамъ на выкупъ, при содѣйствіи правительства, часть пахотной земли, послѣдовало прямое запрещеніе дворянскимъ комитетамъ возбуждать вопросъ о выкупѣ земель. Тогда Унковскій и согласное съ нимъ большинство рѣшили поставить правительству ультиматумъ. Въ октябрѣ 1858 г. въ Петербургъ отправилась отъ тверского комитета депутація въ составѣ Унковскаго, Бакунина, Кишенскаго и Перхурова. Они объяснили правительству свой планъ реформы и объявили министру внутреннихъ дѣлъ, что они согласны составить проектъ реформы не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя они сами считаютъ полезными, и если такого проекта не нужно, то просятъ назначить на ихъ мѣсто чиновниковъ, „которые напишутъ все, что имъ велятъ". Это энергичное заявленіе поколебало упорство правительства. Дѣло было разсмотрѣно въ главномъ комитетѣ и рѣшено въ благопріятномъ для тверского комитета смыслѣ. Главный комитетъ, согласно съ заключеніемъ министра, постановилъ: „не стѣснять тверского дворянскаго комитета въ изысканіи средствъ къ предоставленію крестьянамъ, по желанію помѣщиковъ, и полевой земли въ собственность, но обязать означенный комитетъ составить постановленія объ усадьбахъ и полевыхъ угодіяхъ по каждому предмету особо". Получивъ, такимъ образомъ, разрѣшеніе составить проектъ о выкупѣ надѣловъ, тверской комитетъ уже не былъ заинтересованъ въ отстаиваніи своего распространительнаго толкованія термина „усадебная осѣдлость" и могъ составить проектъ на тѣхъ

раціональныхъ основаніяхъ, которыя предложены были А. М. Унковскимъ *).

Озлобленные консерваторы, не имѣвшіе силы побѣдить Унковскаго въ комитетѣ, пытались дѣйствовать иными средствами. Пущены были въ ходъ угрозы, доносы и проч. Съ цѣлью произвести давленіе на комитетъ, крѣпостники собирали подписи подъ протестомъ отъ имени помѣщиковъ противъ постановленій, принятыхъ комитетомъ. Таковы были протесты, подписанные дворянами Ржевскаго и Вышневолоцкаго уѣздовъ **). Не довольствуясь этимъ, писали доносы, въ которыхъ указывались крамольные, революціонные замыслы либераловъ, при чемъ ссылались на то, что въ Твери проживаютъ возвращенные изъ Сибири декабристы, въ томъ числѣ Матв. Ив. Муравьевъ - Апостолъ, и петрашевцы—въ томъ числѣ тверской помѣщикъ Европеусъ и другъ его, писатель Ѳ. М. Достоевскій ***).

Меньшинство тверского комитета складывалось изъ двухъ группъ: одна, большая (въ 8 человѣкъ), стояла на точкѣ зрѣнія рескриптовъ, т. е. желала переходнаго состоянія, выкупа крестьянами одной лишь усадьбы съ оставленіемъ временно земли въ пользованіи крестьянъ и съ сохраненіемъ вотчинной полицейской власти помѣщиковъ; другая, меньшая (изъ 4 лицъ), желала оттянуть и затормозить дѣло совершенно, путемъ назначенія кадастра всѣхъ помѣщичьихъ земель, опроса всѣхъ помѣщиковъ и устройства каждаго имѣнія въ отдѣльности на особыхъ началахъ. Къ чести комитета надо сказать, что нѣкоторыя изъ такихъ предложеній были отвергнуты въ комитетѣ почти единогласно. Унковскій провелъ свой планъ реформы сперва черезъ особую коммиссію, которая была учреждена въ самомъ началѣ и называлась: „коммиссія плана занятій“ ****), и только послѣ того внесъ его въ комитетъ.

А. Корниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

*) «*Сборникъ* постановленій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ», вып. II, стр. 17. Цирк. 29 декаб. 1858 г. № 1668 о значеніи выраженія «усадебная осѣдлость». *Джаншіевъ* «А. М. Унковскій», стр. 95. Ср. письмо Унковскаго кн. Черкасскому отъ 10 окт. 58 г. и его же письмо къ Кошелеву («Матеріалы для біогр. Черкасскаго», I, стр. 111—114). Изъ этихъ писемъ видно, что въ августѣ Ланской при свиданіи съ Унковскимъ, обнадежилъ его, что правительство не будетъ настаивать на своемъ толкованіи термина «усадебная осѣдлость», а въ сентябрѣ, вслѣдствіе жалобы членовъ меньшинства, предписалъ строго держаться правительственнаго толкованія, послѣ чего Унковскій самъ 14 рѣшилъ подать въ отставку, и тогда министръ исходатайствовалъ имъ разрѣшеніе составить выкупной проектъ согласно съ ихъ убѣжденіями.

**) «А. М. Унковскій», стр. 111.

***) Тамъ же, стр. 89.

****) Тамъ же, стр. 79.

„ВЪ ВЫШКѢ".

(Изъ кавказскихъ мотивовъ.)

Слышится гулъ шестерни;
Падая, цѣпи гремятъ;
Быстро вкругъ оси ремни
Лентой широкой скользятъ.
Мѣрные взмахи колесъ,
Тусклый отсвѣтъ фонарей...
Душу терзаетъ до слезъ
Грохотъ чугунныхъ цѣпей!
Два человѣка-раба,
Молча, стоятъ у машинъ,
Смотрятъ, какъ льетъ въ желоба
Нефть изъ подземныхъ глубинъ.
Смотрятъ и думаютъ: „Тамъ,
Въ Персіи дальней, народъ,
Къ теплымъ сойдясь очагамъ,
Рѣчи про счастье ведетъ, —
Слушаетъ дивный коранъ,
Грезитъ о райскихъ садахъ,
Или душистый кальянъ
Куритъ на мягкихъ коврахъ".
Думаютъ... Цѣпи-жъ гремятъ,
Бѣгая взадъ и впередъ...
Грязныя брызги летятъ,
Быстро желонка снуетъ.
Словно боится, чтобъ сонъ
Правдой изъ грёзы не сталъ,
Чтобы, мечтой обольщенъ,
Рабъ отъ цѣпей не бѣжалъ!..

Леонидъ Б

—

— Еще не всѣ въ сборѣ. Только если меня сейчасъ не накормятъ, мнѣ, право, будетъ дурно.

Маріанна подала руку Даніилу.

— Отчего васъ совсѣмъ у насъ не видно, г-нъ пасторъ? Вашъ братъ бываетъ у насъ ежедневно.

— Я очень занятъ.

— Вы не любите общества?

— Не люблю.

У него разрывалось сердце при мысли, что она для него навсегда потеряна. Пойти на это собраніе, въ честь брата, было для него пыткой.

— Я думала, вы на меня сердитесь?

— Почему?

— Мы въ тотъ разъ нѣсколько повздорили.

— Въ тотъ разъ!—онъ, казалось, старался припомнить.

— Вѣдь въ сущности мы даже поссорились,—настаивала дѣвушка.

— Ахъ, да... во время прогулки. Нѣтъ, я тогда не разсердился.

— Вы не разсердились?

— Нисколько.

Онъ улыбался насмѣшливо, точно желая сказать:—что вы себѣ воображаете?

Сѣрые глаза Маріанны гнѣвно засверкали.

— Неужели я такъ мало для него значу?—подумала она. Она точно что-то хотѣла еще прибавить, но встряхнула головой и равнодушно сказала:

— Однако, какъ здѣсь душно.

Она хотѣла открыть окно. Г-нъ Роземанъ любезно предупредилъ ее. Затѣмъ, онъ остановился съ ней рядомъ и съ видомъ знатока сталъ ей говорить что-то объ изяществѣ ея костюма.—Сейчасъ видно, что это не мѣстное произведеніе. Вы привезли его съ собой изъ Висбадена?

Она его едва слышала. Неспокойное, тяжелое чувство овладѣвало ею.

Поручикъ Клинггаммеръ не спускалъ съ нея глазъ.

Къ ней подошло еще нѣсколько человѣкъ. Она прислонилась къ стѣнѣ и съ трудомъ отвѣчала на ихъ вопросы. Она казалась блѣднѣе обыкновеннаго.

Доложили, что обѣдъ поданъ. Всѣ шумно встали, отыскивая своихъ дамъ. Въ дверяхъ, по обыкновенію, вышло нѣкоторое замѣшательство, такъ какъ всѣ съ избыткомъ вѣжливости старались пропустить другъ друга впередъ. Наконецъ, всѣ усѣлись. Подали бульонъ. Разговоры сразу прекратились: тихій ангелъ пролетѣлъ, сказалъ кто-то. Появленіе раковъ, крупныхъ, отборныхъ, составлявшихъ гор-

дость г-жи Краллъ, вызвало общій восторгъ. Всѣ сразу до того углубились въ свое занятіе, что лишь изрѣдка обмѣнивались краткими замѣчаніями. Особенно отличался Роземанъ. Онъ дѣйствовалъ съ быстротой молніи и скоро у него на тарелкѣ возвышалась цѣлая гора раковыхъ скорлупокъ. Остальные тоже не отставали, слышался непрерывный, энергичный трескъ, всѣ были поглощены и увлечены дѣломъ. Когда перемѣнили тарелки, аптекарь постучалъ по стакану. Онъ хотѣлъ сказать нѣсколько словъ.

— Кратко, но отъ всего сердца,—прибавилъ онъ. Онъ началъ съ характеристики Фрица Клинггаммера. Это былъ, по его словамъ, безукоризненный работникъ, незамѣнимый товарищъ, общій любимецъ. Затѣмъ перешелъ къ исторіи спасенія своей дочери, но не удержался, сдѣлалъ отступленіе и подробно разсказалъ, что онъ самъ въ это время дѣлалъ и чувствовалъ, какъ приготовлялъ въ лабораторіи сельтерскую воду, какъ его сынишка прибѣжалъ и испуганно спросилъ:—Папа, знаешь, что случилось съ Маріанной?—Онъ не могъ больше продолжать отъ слезъ. Сколько разъ онъ разсказывалъ эту исторію и постоянно обрывалъ на этомъ мѣстѣ, плача какъ ребенокъ. Онъ снова заговорилъ и дрожащимъ голосомъ описалъ, какъ Маріанну принесли домой безъ чувствъ, и закончилъ тостомъ за „поручика Клинггаммера, спасителя его дочери, гордости и славы Урденбаха!".

За нимъ всталъ Фрицъ. Улыбаясь, своимъ увѣреннымъ голосомъ, который, когда онъ этого хотѣлъ, звучалъ такъ мягко и нѣжно, онъ сказалъ, что не можетъ придавать значенія своему поступку, что каждый на его мѣстѣ сдѣлалъ-бы то же самое; что онъ считаетъ для себя величайшимъ счастьемъ возможность оказать услугу m-elle Краллъ и въ заключеніе поднялъ бокалъ за гостепріимную семью хозяевъ. Усѣвшись на свое мѣсто, онъ обратился къ Маріаннѣ:

— Не понимаю, зачѣмъ вашъ отецъ придаетъ столько значенія такой бездѣлицѣ. Каждый изъ здѣсь сидящихъ счелъ-бы для себя за честь выступить вашимъ защитникомъ.

— Вы думаете?

— Я въ этомъ увѣренъ. Развѣ вы не видите, что всѣ они влюблены въ васъ. Одни больше, другіе меньше, а одинъ—совсѣмъ потерялъ голову.

Онъ чокнулся съ ней.

— За что вы пьете?—спросила она.

— Я пью за тѣхъ, кого мы любимъ.

— А я?

— Развѣ вы никого не любите?

— Конечно, люблю... Моихъ родныхъ...

— А кромѣ нихъ?

— Кажется, никого.

— Сердце ваше совершенно холодно?

— Совершенно.

Выраженіе его лица вдругъ измѣнилось. Онъ взглянулъ на нее, и взглядъ этотъ говорилъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ:—я люблю тебя, ты должна быть моей!—Она поняла этотъ взглядъ, и онъ испугалъ ее. Она поблѣднѣла, но силой воли подавила свое волненіе и сказала шутливо:

— Да, совершенно холодно, не смотря на жару.

Между тѣмъ, сердце ея усиленно билось. Она взглянула на Даніила и чуть не расхохоталась, до того усердно онъ занималъ свою сосѣдку.

У пастора болѣла голова. Необходимость сидѣть прямо на стулѣ, ѣсть, говорить и отвѣчать на вопросы, была для него настоящимъ мученіемъ. У него не было ни зависти, ни досады къ брату. Онъ думалъ:—такъ и надо поступать, какъ онъ! Ему во всемъ счастье, мнѣ—во всемъ неудача.—У него было одно желаніе—встать и уйти домой. Его тянуло въ его тѣсную комнату, къ книгамъ, къ работѣ,—только тамъ могъ онъ найти успокоеніе. Между тѣмъ, общій разговоръ оживился, быть можетъ, благодаря вину. Послѣ обѣда долго сидѣли за кофе. Затѣмъ рѣшили пойти цѣлымъ обществомъ въ лѣсъ. Вышли уже въ сумерки. Послѣ заката вѣтеръ утихъ, ни одинъ листъ не колыхался на деревьяхъ. Былъ тихій, прозрачный, спокойный вечеръ. Даніилъ взглянулъ на небо, гдѣ уже зажигались первыя звѣзды. На душѣ у него вдругъ стало ясно и свѣтло.—Все худшее уже назади,—думалъ онъ,—еще часокъ, и я буду у себя дома; засяду за книги, все пройдетъ.

Обернувшись на поворотѣ, онъ увидѣлъ Маріанну. Думая, что она хочетъ пройти впередъ, къ его брату, онъ посторонился. Однако она первая заговорила съ нимъ.

— Вы одни, г-нъ пасторъ?

— Да, такъ случилось.

— Весело вамъ было за обѣдомъ?

— Ничего себѣ. У меня немного болѣла голова.

— И теперь еще болитъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ, теперь лучше.

Они подошли къ кладбищу. Омытыя дождемъ, мраморныя плиты блестѣли. На западѣ догоралъ яркій закатъ. Неподвижныя деревья стояли густой черной стѣнкой. Маріанна остановилась. У нея захватило духъ отъ волненья. Она часто бывала на этомъ мѣстѣ. Здѣсь была погребена ея мать, и въ минуту тоски и сомнѣнья она приходила посе-

дѣть на скамейкѣ у ея могилы, густо увитой плющомъ. Ей казалось, что здѣсь спитъ самый близкій и родной ей человѣкъ. Пасторъ также часто заходилъ на кладбище. Нѣкоторыя могилы были ему особенно знакомы: онъ самъ надъ ними говорилъ послѣднія надгробныя слова, которыя потомъ казались ему лживыми и лежали камнемъ на его совѣсти.

— Какъ здѣсь красиво, среди мертвыхъ, — сказала Маріанна,—а живые такъ безобразно устраиваютъ свою жизнь.

И Даніилу показалось, что Маріанна совершенно права, что въ Урденбахѣ, дѣйствительно, мертвымъ лучше, чѣмъ живымъ.

Они медленно подвигались впередъ въ тихомъ, молчаливомъ настроеніи, одни, далеко отъ веселой компаніи. Они повернули налѣво, въ узкую уличку, гдѣ жилъ по преимуществу бѣдный рабочій людъ. По бокамъ стояли лужи, въ которыхъ плескались голоногіе ребятишки. На порогѣ низкихъ, маленькихъ домовъ рабочіе покуривали трубки, изъ оконъ неслись женскіе крикливые голоса.

— Какъ себя должны чувствовать эти бѣдняки? — спросила Маріанна.—Неужели они могутъ быть счастливы?

— Они не всегда счастливы, не всегда несчастны, приблизительно какъ и мы, m-lle Краллъ. Быть можетъ, счастливѣе насъ, такъ какъ они менѣе требовательны. Одежда, пища, топливо, все, что у насъ есть безъ особенной о томъ заботы, является для нихъ цѣлью, стремленіемъ. Ихъ желанія легче удовлетворяются, потому я и считаю ихъ счастливѣе.

— Такъ вы это называете счастьемъ?

— А что же такое счастье?

Маріанна долго молчала. Наконецъ, она тихо проговорила:

— Я не знаю.

— Не быть въ разладѣ съ самимъ собой, вотъ въ чемъ счастье.

— Не быть въ разладѣ съ самимъ собой? А вы этого достигли?

— Я?

— Быть можетъ, вы не хотите на это отвѣчать?

Онъ улыбнулся. Въ эту минуту онъ чувствовалъ себя такъ легко и свободно, что сказалъ совершенно искренно:

— Почему-же нѣтъ? Я этого не достигъ. Вѣрнѣе, мнѣ этого очень рѣдко удается добиться. Чаще всего, когда я одинъ. Тогда мой душевный миръ зависитъ только отъ меня.

Онъ остановился и глубоко вздохнулъ.

— Тогда у меня такое настроеніе, какъ сегодня вечеромъ. Люди меня раздражаютъ. Въ ихъ обществѣ я дѣлаюсь без-

покойнымъ, перестаю быть самимъ собой. Я говорю совсѣмъ не то, что думаю, теряюсь и самъ это замѣчаю. Это очень тяжело. Я по натурѣ не общественный человѣкъ, а одинокій домосѣдъ.

— Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что вы до сихъ поръ не нашли подходящаго для васъ общества.

— Возможно.

— Вѣдь только съ близкими по духу людьми чувствуешь себя свободно.

— А вы это также испытали?

— Зачѣмъ вы говорите это такъ насмѣшливо?

— Я говорю не насмѣшливо, а совершенно серьезно. Это меня удивляетъ.

— Когда я въ первый разъ услышала васъ въ церкви, мнѣ показалось, что вы должны быть здѣсь очень одиноки. Я подумала, что мы во многомъ съ вами сходимся, и мнѣ часто хотѣлось съ вами поговорить, но...—она посмотрѣла на него одну секунду и съ новымъ для него выраженіемъ въ лицѣ быстро докончила:—но... вы этого не желали.

Въ эту минуту ей показалось, что какая-то тяжесть спала съ ея души, ей стало вдругъ такъ легко, такъ весело, точно она съ земли поднялась на воздухъ.

Пасторъ молчалъ. Она вся похолодѣла отъ страха. Между тѣмъ, онъ былъ не въ силахъ говорить. Имъ овладѣло странное чувство. Его увѣренность въ томъ, что онъ неудачникъ, что ему нельзя разсчитывать на счастье, вдругъ куда-то исчезла. Безумная радость поднялась въ душѣ и боролась съ остатками недовѣрія, тревоги, сомнѣнія.

Между тѣмъ, гуляющіе, шедшіе впереди, дошли уже до опушки лѣса. Доносился смѣхъ дамъ, громкій голосъ Фрица. Аптекарь зажегъ бенгальскій огонь. Лица, деревья на минуту озарились багровымъ свѣтомъ, по землѣ заплясали причудливыя тѣни. Потомъ все погасло и темнота показалась еще чернѣе. Маріанна точно забыла, что Даніилъ шелъ съ ней рядомъ. Она закусила губы и шла впередъ ускореннымъ шагомъ. Ей казалось, что она далеко отъ людей, одна въ этой безпросвѣтной тьмѣ. Онъ отвернулся отъ нея, другихъ ей было не надо.

Все общество собралось на площадкѣ у входа, въ такъ называемый охотничій домъ, гдѣ по праздникамъ устраивались танцы. Изъ оконъ неслись веселые звуки вальса, а пары то и дѣло входили и выходили изъ залы. Всѣ размѣстились по скамейкамъ. Даніилъ машинально сѣлъ рядомъ съ Маріанной. Онъ былъ точно въ туманѣ, то ликовалъ, то отчаявался, то считалъ себя безумнымъ, то счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Г-нъ Роземанъ пригласилъ жену городского головы и исчезъ съ ней въ залѣ.

За ними послѣдовали Шриллъ съ г-жею Краллъ. Фрицъ подошелъ къ Маріаннѣ, приглашая ее. Она отказывалась. Аптекарь поспѣшилъ къ ней и похлопалъ ее по плечу:

— Полно, Маріанна, не упрямься. Бери примѣръ съ насъ стариковъ!

И, обхвативъ за талію почтмейстершу, онъ самъ пустился въ плясъ. Маріанна не уступала. Фрицъ сталъ съ ней рядомъ, положилъ руку на спинку ея стула и сталъ ей что-то говорить развязнымъ, веселымъ тономъ. Пасторъ еле сидѣлъ на стулѣ. Этотъ тонъ легкомысленнаго ухаживанья доводилъ его до бѣшенства. Однако онъ овладѣлъ собой. Онъ былъ увѣренъ, что Маріанна не пойдетъ танцовать съ поручикомъ. Однако, дѣвушка засмѣялась, подала руку Фрицу, и оба скрылись въ дверяхъ залы.

— Боже, что за мрачный видъ!—сказалъ докторъ Риманъ, садясь на скамью рядомъ съ Даніиломъ. — Неужто писаніе повелѣваетъ намъ вѣчно печалиться о грѣхахъ нашихъ. Развѣ мы не смѣемъ веселиться?

— Отчего же не повеселиться,—отвѣтилъ пасторъ.

— Ну, такъ разопьемъ съ вами бутылочку.

— Я бы хотѣлъ посмотрѣть на танцующихъ.

— Зачѣмъ это? Вамъ тамъ не мѣсто. Тамъ надо такихъ, какъ вашъ братъ. Тотъ знаетъ въ этомъ толкъ! Только вотъ вкуса его я не раздѣляю. Я бы не полюбилъ такую безкровную и безтѣлесную женщину!

Нѣсколько минутъ спустя Даніилъ стоялъ у окна и заглядывалъ внутрь залы.

До него доносились топотъ ногъ, визгливые звуки вальса. Полъ трясся, дамскія платья поднимали пыль, керосиновыя лампы печально горѣли въ удушливомъ, спертомъ воздухѣ. На эстрадѣ сидѣли музыканты: толстый, краснощекій трубачъ; скрипачъ, чахоточнаго вида, но старательно причесанный и завитой, водилъ смычкомъ точно въ полуснѣ, и флейтистъ, старый, добродушный холостякъ, внимательно осматривавшій танцующія пары. Общество было смѣшанное,— и старые, и молодые веселились одинаково. Рабочіе, разодѣтые по праздничному, старательно выдѣлывали па, крестьянскіе парни грубо и неумѣло поворачивали дамъ, оставляя на ихъ свѣтлыхъ платьяхъ слѣды пальцевъ. Между ними мелькали ректоръ Вольфартъ съ г-жей Краллъ и аптекарь со своей дамой.

Въ первую минуту Маріанна отшатнулась. Ей было противно замѣшаться въ толпу, потонуть въ этомъ удушливомъ

чаду, но она храбро переступила порогъ: — только бы забыться,—думала она,—двигаться, танцовать, кружиться!..

Она полузакрыла глаза, Фрицъ едва прикасался къ ней, но поворачивалъ ее увѣренно, ловко скользилъ съ ней между парами, никого не задѣвая. Онъ сдѣлалъ съ ней нѣсколько туровъ. Наконецъ, у нея закружилась голова, и она, шатаясь, остановилась у окна.

— Я больше не могу.

— Не принести-ли вамъ чего нибудь?

— Да, пожалуйста, стаканъ воды.

Онъ поспѣшно пошелъ черезъ залъ, лавируя между танцующими. Маріанна открыла окно. По полю стлался густой молочный туманъ. На темномъ звѣздномъ небѣ печально блестѣлъ узкій серпъ умирающей луны.

— Неужели я дѣйствительно такое жалкое, ничтожное созданіе,—думала Маріанна,—почему онъ отвернулся отъ меня, не сказалъ ни слова, пустилъ меня идти одну.—И снова ею овладѣло тяжелое чувство одиночества и безпомощности. Фрицъ вернулся съ бутылкой сельтерской воды.

— Только не пейте такъ быстро,—сказалъ онъ,—вы очень разгорячены.

Она выпила воду и поставила стаканъ на подоконникъ.

— Вы стоите на сквознякѣ, какъ бы вы не простудились.

— Дайте мнѣ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ.

— Но вы должны что-нибудь надѣть. Позвольте вамъ принести хоть платокъ.

— Охота вамъ толкаться въ этой толпѣ!

— Что мнѣ до толпы, когда вы можете простудиться!

Ея серьезное лицо озарилось мягкой улыбкой, — ее тронула его заботливость. Въ это время къ ней подошелъ Шрилль, съ глубокимъ поклономъ приглашая ее танцовать.

— Простите, но я, право, слишкомъ устала. — Онъ тонко улыбнулся съ такимъ видомъ, точно онъ все понялъ, и скромно отошелъ въ сторону.

— Это очень мило съ вашей стороны!

— Что?

— Что вы отказались танцовать со Шриллемъ.

Что-то чуждое, почти враждебное, промелькнуло по ея лицу.

— Я просто очень устала и мнѣ надо отдохнуть. И при томъ Шрилль плохо танцуетъ.

Онъ нагнулся къ ней и сказалъ едва слышно:

— Пойдемте со мной отсюда!

— Куда-же?

— Все равно куда. Хоть туда, на лугъ. Куда-нибудь, гдѣ нѣтъ людей!

— Зачѣмъ?

— Мнѣ надо васъ кое о чемъ попросить.

— Отчего же вы здѣсь этого не можете?

— Здѣсь не могу. Вы не знаете, о чемъ я говорю?

— Нѣтъ.

Онъ взялъ ее за руку.

— Вы дѣйствительно не догадываетесь, что я хочу сказать?

Онъ пристально глядѣлъ на нее; по его лицу было видно, что рѣшимость боролась въ немъ съ несвойственнымъ ему страхомъ. У Маріанны было такое чувство, точно судьба ея держится на лезвіѣ ножа и вотъ, вотъ упадетъ въ ту или другую сторону.

— Я не должна его слушать,—думала она. И всетаки близость этого человѣка, его внутренняя борьба вызывали въ ней какое-то ей непонятное чувство счастья и удовлетворяли ея оскорбленную гордость. Все говорило въ его пользу, и всетаки въ ея сердцѣ не было къ нему любви. Однако, она не могла ни уступить, ни положить рѣшительный конецъ, сознавая, что съ каждымъ словомъ положеніе становится затруднительнѣе.

— Я прошу васъ,—горячо настаивалъ онъ,—пойдемте со мной!

— Куда?

— Все равно, куда-нибудь, только подальше отъ этой залы.

— Это неудобно.

— Вы просто не хотите.

— Вы правы, я не хочу.

— Вы играете мной, m-lle Кралль?

— Боже мой! Я играю вами!

Она коротко, болѣзненно засмѣялась.

— Пойдемте лучше танцовать!

Какая-то пара задѣла ее и оттолкнула къ стѣнѣ.

— Вотъ видите,—сказала Маріанна,—здѣсь совершенно нельзя разговаривать. Будемъ лучше танцовать!

— Я всетаки хотѣлъ бы сказать...

— Хорошо, но не теперь!

Она сдѣлала быстрое движеніе, точно хотѣла что-то отогнать отъ себя. Онъ увлекъ ее на середину залы. Она закрыла глаза и двигалась, какъ во снѣ. Когда музыка вдругъ прекратилась, она съ удивленіемъ очнулась.

— Я бы еще хотѣла танцовать!

Поручикъ приказалъ музыкѣ продолжать. Они кружились почти одни въ опустѣвшемъ залѣ. Какая-то безумная отвага овладѣла Маріанной. Она не жалѣла больше о томъ, что произошло, не боялась будущаго.

— Если бы я могла его любить, — думала она. — Можетъ быть, я была бы счастлива. Только бы полюбить его!—Измученные музыканты не переставали играть. Надъ самымъ ухомъ она слышала его мягкій голосъ:

— Вы не устали?

— Нѣтъ. А вы?

— Я! Я бы могъ теперь...

— Что?

— Что угодно. Поднять на плечахъ этотъ домъ. Идти на край свѣта... m-lle Кралль...

Музыка заглушила окончаніе фразы, и она его не разслышала.

Что-то новое, дикое, необузданное, смѣлое поднималось у нея со дна души. Ей хотѣлось смѣха, жизни, счастья...

— Если я завтра буду его невѣстой, вотъ-то удивится его братъ!—думала она.

— Вы когда-нибудь танцовали такъ безумно? — спросилъ Фрицъ.

— Никогда.

Музыканты еле играли отъ усталости. Трубачъ совсѣмъ спалъ и напряженно извлекалъ изъ своего инструмента какіе-то дикіе звуки. Скрипка визжала и детонировала; изящный скрипачъ еле сидѣлъ на стулѣ и впалыми лихорадочными глазами слѣдилъ за одинокой парой; флейтистъ то и дѣло вытиралъ губы и снова принимался дуть неистово громко.

— Маріанна!

Она, казалось, не слыхала.

— Маріанна!

Она поглядѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Вы будете завтра дома?

— Да.

Онъ пожалъ ей руку.

— Благодарю васъ.

Вдругъ она вырвала свою руку и почти безъ сознанья упала на ближайшій стулъ.

— Вамъ дурно?

— Нѣтъ.

Она закрыла лицо платкомъ и закусила губы отъ боли. На минуту у нея потемнѣло въ глазахъ.

Около нея столпились знакомые.

— Дитя мое, можно-ли быть такой неосторожной,—испуганно бормоталъ аптекарь. — Кто же такъ танцуетъ? Но уговорить тебя нельзя, а ты совсѣмъ мѣры не знаешь!

— Со мной ничего не случилось, я здорова!

Она встала со стула.

— Что-же, будемъ еще танцовать?

Всѣ запротестовали, заспѣшили домой, было за полночь.

Когда Маріанна прощалась съ поручикомъ, она поглядѣла на него, точно не вполнѣ очнулась отъ сна и не отдавала себѣ полнаго отчета въ происшедшемъ.

— Покойной ночи!—прошептала она и быстро выдернула свою руку.

„Я малодушный трусъ", подумалъ Даніилъ, отошелъ отъ окна и углубился въ чащу лѣса. Сухіе сучья и листья хрустѣли у него подъ ногами, вѣтки били его по лицу. Онъ шелъ впередъ. Наконецъ, на опушкѣ онъ въ изнеможеніи бросился на землю. Прямо передъ нимъ разстилалось ржаное поле, залитое тусклымъ свѣтомъ мѣсяца. Дальше вѣтряная мельница широко разставила свои крылья, а на горизонтѣ блестѣлъ церковный шпиль.

Неудержимое, страстное страданье, которое причинила ему Маріанна, уступало мало по малу мѣсто злобѣ и досадѣ на самого себя. Онъ уже рѣшилъ войти въ залу, подойти къ ней, отвести ее отъ брата и спросить: „какъ мнѣ понять ваши слова? Была это ничего незначущая фраза, или они имѣли смыслъ и значеніе? Я не понимаю, что вы хотѣли сказать, но я люблю васъ, безъ васъ я—трупъ, для меня нѣтъ жизни. Вы для меня счастье, вѣра въ будущее и въ самого себя,—я полонъ вами!" Такъ онъ хотѣлъ сказать, но у него на пути стояла мучительная, неотвязная мысль: „какъ могу я надѣяться, что она меня любитъ? Она меня сочтетъ за сумасшедшаго. И хорошъ я буду среди танцующихъ, неловкій, несмѣлый, неумѣющій ступить шагу!"

И опять въ немъ поднималось давнишнее страданіе, которымъ онъ мучился съ дѣтскихъ лѣтъ: застѣнчивый, нерѣшительный, неувѣренный въ себѣ, онъ не умѣлъ смѣло и просто взять отъ жизни то, чего онъ такъ страстно желалъ. Онъ чувствовалъ себя нравственнымъ калѣкой, каррикатурой на человѣка...

Съ нижнихъ вѣтвей дерева, подъ которымъ онъ лежалъ, поднялась какая-то большая птица; онъ услышалъ равномѣрные взмахи тяжелыхъ крыльевъ и тотчасъ-же рѣзкій, пронзительный, жалобный звукъ: какой-то хищникъ полетѣлъ на охоту. Летучія мыши скользили неслышно въ серебристомъ полумракѣ, какая-то новая таинственная жизнь, казалось, пробудилась въ лѣсу, что-то шелестѣло, трещало...

Даніилъ грустно всталъ и пошелъ домой.

Было за полночь. Онъ зажегъ лампу и сѣлъ писать Маріаннѣ. Онъ исписывалъ листъ за листомъ, разсказывая ей свою любовь,—безцѣльное занятіе, только усиливавшее и раздражавшее его страданье,—онъ зналъ навѣрное, что не

отошлетъ письма. Уже пропѣли пѣтухи, предразсвѣтный вѣтерокъ пробѣжалъ по листьямъ, птицы зачирикали подъ окномъ, а онъ все сидѣлъ и писалъ при печальномъ, меркнущемъ свѣтѣ лампы. Вдругъ онъ услышалъ громкіе шаги, и его братъ вошелъ въ комнату.

— Кой чортъ, ты еще не спишь!

— Развѣ такъ поздно?

— А ты думаешь рано?

Поручикъ вытеръ потъ съ лица и бросился на диванъ.

— Подъ конецъ всѣ окончательно перепились. Докторъ валялся, какъ свинья, Роземанъ не стоялъ на ногахъ, а тестюшка,—я говорю про аптекаря,—обнималъ меня и обѣщалъ свое благословеніе. ¡Ну теперь мое дѣло въ шляпѣ.—Онъ смотрѣлъ вдаль, усмѣхаясь блаженной улыбкой слегка пьянаго человѣка, и повторялъ:

— Теперь мое дѣло въ шляпѣ.

Онъ вытащилъ изъ кармана пачку сигаръ, выкинулъ поломанныя въ окно, закурилъ самъ и протянулъ сигару брату.

— Ну-ка ты, тихоня, выкури хоть одну, мы съ тобой еще потолкуемъ.

— Сію минуту, только соберу бумаги.

Руки Даніила нервно дрожали, пока онъ старался попасть ключомъ въ замокъ своего письменнаго стола.

Фрицъ расхохотался:

— У тебя такой таинственный видъ, точно ты прячешь любовную переписку! Ты и любовная переписка! Хотя знаешь-ли, я бы тебѣ посовѣтовалъ поискать какую-нибудь пасторскую дочку.

Собравъ, наконецъ, и заперевъ въ ящикъ исписанные листки, Даніилъ сѣлъ противъ брата и спросилъ совершенно беззвучнымъ голосомъ:

— Тебя значитъ можно поздравить?

— Пока еще нѣтъ, но надѣюсь, весьма скоро!

Поручикъ сидѣлъ, подперевъ голову лѣвой рукой.

— Да, кажется, счастье мнѣ улыбается на этотъ разъ,— медленно говорилъ онъ.—Опять въ полкъ! Опять жить попрежнему! Знаешь-ли, ты тогда сдѣлалъ относительно меня препорядочную подлость! Изъ за какихъ-нибудь нищенскихъ тысячи талеровъ разбить цѣлую будущность. Да, впрочемъ, что ты въ этомъ понимаешь!—прибавилъ онъ, замѣтивъ дико сверкнувшій взоръ брата. Онъ поглядѣлъ на него съ наивнымъ сознаніемъ своего превосходства, точно зналъ брата вдоль и поперекъ.

— Были-бы мы добрыми братьями! Да, чортъ возьми!

заботились-бы другъ о другѣ! а ты... ну, да теперь ужъ кончено, забудемъ прошлое!

Онъ сдѣлалъ жестъ, точно желая навсегда вычеркнуть тяжелыя воспоминанія, и протянулъ руку брату. Даніилъ, застигнутый врасплохъ, машинально взялъ ее, съ такимъ чувствомъ, точно этимъ пожатіемъ онъ навсегда отказывается отъ Маріанны и отдаетъ ее брату.

— Любишь ты Маріанну Кралль?

Фрицъ наклонилъ голову.

— Да, хотя я взялъ-бы ее, даже если бы она была уродомъ, за ея деньги. Только-бы она мнѣ помогла вернуться въ полкъ. Впрочемъ, я, конечно, ее люблю.

— А она тебя любитъ?

— Если бы я зналъ это навѣрное! Видишь-ли, я долженъ имѣть нѣкоторые шансы: я за нее рисковалъ жизнью, это не могло не оказать вліянія. Сегодня вечеромъ она мнѣ сказала: „До завтра!“ Въ сущности, это дѣло рѣшенное. Но я всетаки какъ-то неувѣренъ. У меня странное безпокойство и страхъ! Вѣрно я и вправду влюбленъ. Вотъ ужъ состояніе, нечего сказать! Становишься нервнымъ, волнуешься.

— Почему же ты давно съ ней не переговорилъ?

Фрицъ удивленно поглядѣлъ на брата.

— И въ самомъ дѣлѣ, почему?—сказалъ онъ.

Онъ задумался на минуту, провелъ рукой по волосамъ, глубокая складка легла у него на лбу.

— Три года назадъ я бы такъ поступилъ. Сразу, смѣло и прямо! Но теперь! Три года въ этой проклятой дырѣ могутъ окончательно притупить человѣка. Что я это время дѣлалъ? Сидѣлъ въ кабакѣ да плакался надъ своей проклятой жизнью. Въ концѣ концовъ совсѣмъ въ дурака превратишься! И вдругъ такое счастье! Дѣвушка просто чудо, чортъ возьми! Я въ нее дѣйствительно влюбленъ!

Онъ всталъ и выкинулъ сигару въ окно.

— Ну, а теперь спать!

Онъ потянулся всѣмъ своимъ богатырскимъ тѣломъ.

— Хоть бы утро скорѣе наступило! А знаешь-ли, Даніилъ, ты бы могъ мнѣ хоть немного сочувствія выказать!

— Мнѣ, кажется, что я понимаю твое состояніе.

— Ахъ, ты... пасторъ!

Подъ вечеръ, когда острое страданье слегка утихло, пасторъ Клингаммеръ вышелъ пройтись. Онъ пошелъ по тропинкѣ къ кладбищу. Ворота были открыты, и онъ вошелъ въ ограду. Погода была тихая, ясная. Далеко, сколько могъ окинуть глазъ, лежали, теряясь въ голубой дали, хлѣбныя поля.

Заходящіе лучи румянили и золотили легкія облака. Въ воздухѣ, неумолкая, звенѣла трель жаворонка. Въ густой высокой травѣ трещали кузнечики; надъ ними роями толклись комары, издавая тонкій, пронзительный звукъ; шмели жужжали среди резеды и левкоевъ, и тутъ же двѣ откуда-то забѣжавшія собаченки съ визгомъ и лаемъ понеслись другъ за другомъ. Цѣлый хоръ смѣшанныхъ голосовъ пѣлъ ликующій гимнъ жизни надъ вѣчнымъ жилищемъ мертвецовъ. Даніилъ обмѣнялся нѣсколькими словами со сторожихой, которая несла полный передникъ травы для своей козы. Потомъ онъ пошелъ дальше вдоль могильныхъ рядовъ.

Онъ въ задумчивости остановился передъ могилой своего отца. Какой страшной тяжестью легла эта тяжелая рука на его юность!

„Вѣруй и покоряйся“, повторялъ ему неустанно старикъ.

„Лучше бы онъ говорилъ мнѣ: будь смѣлъ и искрененъ!“ — подумалъ Даніилъ съ тупой болью. Въ нѣсколькихъ шагахъ подъ густымъ деревомъ стоялъ полуразрушенный крестъ и старая скамья около забытой могилы. Даніилъ сѣлъ на скамью. Онъ твердо рѣшилъ не думать больше о Маріаннѣ, уѣхать изъ Урденбаха, перевестись въ другой приходъ. Въ чужомъ мѣстѣ ему легче будетъ начать новую жизнь. Тамъ онъ воспрянетъ духомъ: вѣдь на свѣтѣ много страданій сильнѣе и серьезнѣе, чѣмъ нераздѣленная любовь, и стыдно изъ за нея унывать и терять энергію. Онъ утѣшалъ себя мыслью, что часто въ самоотреченіи человѣкъ обрѣтаетъ наибольшее счастье, и мало по малу миръ нисходилъ въ его измученную душу.

Вдругъ въ открытую калитку ворвалась съ лаемъ еще собачонка, а за ней, подпрыгивая на бѣгу и крича изо всѣхъ силъ,—Августъ Краллъ. Онъ заглядѣлся на пастора и растянулся во весь ростъ. Даніилъ поднялъ голову: у забора стояла Маріанна.

Нѣсколько мгновеній она не двигалась, потомъ нерѣшительно пошла впередъ. Лицо ея было блѣдно и замѣтно осунулось. Глаза съ расширенными зрачками были окружены темной синевой.

Она протянула руку Даніилу, глядя въ сторону, и, казалось, внимательно слѣдя за собаченкой.

— Пойди сюда, Августъ, оставь собаку въ покоѣ! — Потомъ, обернувшись къ пастору и смотря ему прямо въ глаза, прибавила:

— А вы что здѣсь дѣлаете? вѣроятно, готовите новую проповѣдь?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы здѣсь?

— Вамъ кажется страннымъ видѣть пастора на кладбищѣ?

— Конечно, если ему тамъ нечего дѣлать.

— А гдѣ вы были?—спросилъ Даніилъ.

— На сосѣдней станціи.

— Такъ далеко? вы кого нибудь провожали?

— Нѣтъ, я такъ ходила. Я люблю смотрѣть на отъѣзжающіе поѣзда. Глядишь и вѣришь въ возможность выбраться когда нибудь изъ этой скучной дыры.

Ея лицо приняло почти жалкое выраженіе. Она отвернулась и глухимъ голосомъ, точно противъ воли, спросила:

— Я вамъ не мѣшаю?

— Нисколько.

— Такъ я посижу съ вами минутку. Ты можешь идти, Августъ, я тоже сейчасъ вернусь.

— Да не опоздай,—отвѣтилъ мальчикъ,—у насъ къ ужину печеный картофель.

Онъ привязалъ носовой платокъ къ ошейнику собаченки и потащилъ ее за собой.

Маріанна и пасторъ сидѣли нѣсколько минутъ молча. Даніилъ почти не помнилъ себя отъ радости и возродившейся надежды.

— Ну, о чемъ же вы размышляете?—начала дѣвушка.

— Обо всемъ понемногу.

Она разсмѣялась.

— Веселое занятіе!

Онъ нагнулся, старательно ощипывая какой-то листикъ. Его взглядъ упалъ на сосѣднюю могильную плиту, и онъ прочелъ: „Марія Кралль. Блаженны чистые сердцемъ“;

— Мы сидимъ у могилы вашей матери, — сказалъ онъ почти съ испугомъ.

— Развѣ вы этого не знали?

— Я такъ задумался...

Прошло еще нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Скажите мнѣ, господинъ пасторъ, вѣдь вы должны были знать мою мать?...

Онъ сталъ припоминать. Ему казалось, что, ребенкомъ, онъ бывалъ у нея иногда со своимъ отцомъ. Но онъ не могъ себѣ ее ясно представить. Гораздо отчетливѣе рисовалась ему фигура самого аптекаря, который въ тѣ времена носилъ длинные волосы и считалъ себя немного поэтомъ. По мѣрѣ того, какъ онъ вспоминалъ, предъ нимъ рѣзко выступала давно забытая картина: сумерки; онъ сидитъ съ отцомъ на хорахъ; церковь совершенно пуста; канторъ играетъ на органѣ; сначала звуки густыми волнами разливаются подъ сводами, потомъ они становятся все слабѣе, и къ нимъ присоединяется

нѣжный женскій голосъ. И онъ вдругъ снова ощутилъ то непередаваемое чувство, которое охватило тогда его дѣтское сердце. Пѣла мать Маріанны.

— Она пѣла хорошо?

— Да, чудесно. У меня до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ ея голосъ. Сколько лѣтъ вамъ было, когда она умерла?

— Три года. Я почти ничего о ней не помню, а мой отецъ никогда о ней не говоритъ. У меня есть только ея портретъ. Мнѣ, кажется, что я на нее похожа.

Маріанна сидѣла согнувшись, подперевъ голову обѣими руками, такъ что пасторъ не могъ видѣть ея лицо.

— Однако я всетаки кое-что о ней знаю, — продолжала она почти шепотомъ,—мнѣ это разсказала одна служанка нѣсколько лѣтъ назадъ...

Она вдругъ выпрямилась. Даніилъ замѣтилъ, что она была блѣдна, какъ полотно.

— Служанка сказала мнѣ,—продолжала она тихо, глядя въ землю,—что моя мать лишила себя жизни.

— Что?

— Да, она мнѣ это сказала, когда мнѣ было девять или десять лѣтъ. Мать моя достала ядъ изъ аптеки моего отца, потому что онъ заподозрилъ ее въ невѣрности. Послѣ ея смерти, говорятъ, онъ былъ, какъ безумный.

— И вы этому вѣрите?

— Почему же нѣтъ? Да, да, странно,—продолжала она.

— Иногда я всему вѣрю. И это даже успокаиваетъ меня.

Когда Даніилъ взглянулъ на Маріанну, онъ замѣтилъ, что она плачетъ. Онъ хотѣлъ что нибудь сказать, но не могъ найти ни одной мысли: онъ всецѣло былъ во власти своей безразсудной, страстной и нѣжной любви къ Маріаннѣ. Что-то новое примѣшалось въ это мгновеніе къ его чувству: желаніе охранить ее, успокоить, пожертвовать собой для нея.

Надъ ними синѣло небо, золотившееся по краямъ. Оба молчали. Сторожиха прошла мимо и поздоровалась съ ними. Даніилъ молча снялъ шляпу. Когда замолкъ звукъ шаговъ, и калитка захлопнулась, Маріанна обернулась къ пастору и вытерла слезы:

— Что вы объ этомъ думаете?

— Вы не должны этому вѣрить. Это пустая выдумка. Если бы это была правда, я бы долженъ былъ объ этомъ слышать.

— Иногда я вѣрю этому, иногда нѣтъ. Сегодня я весь день точно сумасшедшая и все думаю объ этомъ. Хорошо, что я вамъ это сказала. Ну, я должна идти.

— Посидите еще!

— Да можно ли вообще выйти отсюда?

— Какъ такъ?

— Мнѣ показалось, что калитку заперли.

— Нѣтъ. Но я посмотрю, чтобы васъ успокоить.

Онъ дошелъ до калитки, заперъ ее и положилъ ключъ въ карманъ. Возвращаясь назадъ, онъ былъ полонъ безумнаго счастья, ему казалось, что они вдвоемъ далеко отъ людей, и онъ не отпуститъ ее, пока не выскажетъ ей всего и не узнаетъ отъ нея правды.

Онъ снова сѣлъ съ ней рядомъ.

— О чемъ вы думаете?—спросила она.

— О томъ, что вы совсѣмъ не такая, какой я васъ себѣ представлялъ. Я считалъ васъ счастливой, думалъ, что вы живете, шутя... Я такъ часто о васъ думалъ и старался вообразить вашу юность.

— Вы вѣдь ее совершенно не знаете?

— Я думалъ, вы жили такой полной, богатой жизнью.

— Я! Я не знала юности. Я или была больна, или должна была быть больной. Я вовсе не была особенно счастлива.

— Я всего этого не зналъ! Какое невѣрное представленіе имѣемъ мы о другихъ.

— Но теперь вы меня лучше понимаете?

— Да, теперь вы мнѣ понятнѣе, ближе, родственнѣе.

— Да, мнѣ кажется, между нами много общаго.

Они замолчали; у нихъ не было перехода къ другимъ разговорамъ. Они не шевелились, точно боясь каждымъ движеніемъ, каждымъ звукомъ нарушить тишину.

Маріанна взглянула на него. Онъ сидѣлъ, глядя вдаль блестящими счастливыми глазами; откинутые назадъ волосы открывали высокій, умный лобъ. Глубокій покой вдругъ овладѣлъ дѣвушкой. Всѣ мрачныя мысли этой ночи, вся тревога дня ушли куда-то далеко, и она ощутила только одно безконечное счастье отъ его близости.

Становилось все темнѣе, краски на небѣ поблекли... Онъ обернулся и, глядя ей прямо въ лицо, тихо сказалъ:

— Маріанна!—и взялъ ея руку...

Какъ подкошенная, безъ силъ и безъ воли она склонилась къ нему...

На слѣдующее утро г-жа Клингаммеръ сидѣла со своими сыновьями на балконѣ за завтракомъ. Отъ кофейника шелъ ароматный паръ, запахъ жареной колбасы смѣшивался съ запахомъ свѣже-политыхъ цвѣтовъ. На нижней ступенькѣ воробьи клевали крошки, которыя имъ бросалъ поручикъ.

Даніилъ вдругъ подумалъ о томъ, что ему еще надо переговорить съ братомъ. Пока онъ былъ одинъ, онъ безраздѣльно отдавался своему счастью, и всѣ житейскіе вопросы отхо-

дили куда то далеко на заднiй планъ. Однако одинъ изъ этихъ вопросовъ стоялъ неотложно передъ нимъ. Въ первый разъ въ жизни, можетъ быть, онъ былъ совершенно чуждъ зависти.

Ему было больно думать, что братъ переживаетъ минуты безпокойнаго ожиданья, не подозрѣвая о готовящемся ему ударѣ. Что онъ будетъ дѣлать?.. Не уступить ли ему мою часть наслѣдства, думалъ Данiилъ, и дать ему возможность вернуться въ полкъ?

Онъ всталъ, чтобы обдумать все это наединѣ. Попозже онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Марiанной на кладбищѣ.

— Выпей еще чашечку,—сказала г-жа Клинггаммеръ Фрицу.

— Нѣтъ уже поздно. Мнѣ давно надо быть на фабрикѣ. Послѣднiя недѣли я и такъ много пропускалъ. Или служить, или нѣтъ.

— Ну, слава Богу, теперь тебѣ уже недолго осталось,—сказала она, нѣжно гладя его по головѣ. Она была увѣрена, что свадьба между нимъ и Марiанной дѣло рѣшенное.—Не совсѣмъ же слѣпая твоя старая мать, — добавила она съ гордостью.

Эти нѣсколько словъ заставили поручика измѣнить свое намѣренiе. Онъ рѣшилъ совсѣмъ не идти на фабрику и, пройдя къ себѣ, принялся чистить велосипедъ.

Онъ собирался выѣзжать, когда къ нему вошелъ Данiилъ.

— Ты не на фабрикѣ?

— Нѣтъ, я передумалъ. Я сейчасъ ѣду къ Краллямъ. Я до сихъ поръ еще не знаю ничего навѣрное. Вчера я два раза былъ у нихъ, и оба раза ея не было дома. Чортъ знаетъ что!

— Фрицъ, у меня къ тебѣ дѣло.

— Ко мнѣ?

— Есть у тебя время?

— Не особенно много. Я боюсь опоздать: она опять уйдетъ изъ дому.

— Кто?

— Марiанна, конечно.

— О ней-то мнѣ и надо съ тобой поговорить.

Данiилъ вошелъ въ комнату съ твердымъ намѣренiемъ разсказать все сразу, безъ всякихъ околичностей. Однако, онъ никакъ не могъ найти съ чего начать, подходящiя слова не шли на умъ. Братья сидѣли въ комнатѣ, которая имъ нѣкогда служила классной. Сколько воспоминанiй было связано съ этимъ столомъ, покрытомъ изрѣзанной черной клеенкой, за которымъ они вмѣстѣ готовили уроки, съ истрепанной

картой Европы, висѣвшей до сихъ поръ на стѣнѣ, съ надписями, сдѣланными рукой Фрица.

Наконецъ, пасторъ собрался съ духомъ:

— Скажи мнѣ, Фрицъ, съ какихъ поръ ты любишь m-lle Краллль?

— Съ какихъ поръ? Вотъ забавный вопросъ! Я не могу тебѣ указать съ точностью число.

— Да, я думаю... однако, это вступленіе совершенно излишне,—подумалъ онъ.—Итакъ, только съ тѣхъ поръ, какъ ты ей спасъ жизнь, она стала тебѣ ближе. До этого вы почти не знали другъ друга, слѣдовательно, ваши отношенія начались съ этого времени.

— Что все это означаетъ?

— Да, что означаетъ... Вотъ что, Фрицъ, я также люблю m-lle Краллль.

Даніилъ, тяжело дыша, напряженно слѣдилъ за братомъ. Тотъ былъ, повидимому, совершенно спокоенъ и только удивленъ.

— Ты ее тоже любишь?—возразилъ онъ.—Зачѣмъ же это сообщать такимъ трагическимъ тономъ?

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ Даніилъ, съ усиліемъ подыскивая слова и останавливаясь на каждой фразѣ,—дѣло въ томъ, что, какъ только я замѣтилъ твой интересъ къ m-lle Краллль, я рѣшилъ отстраниться. При томъ я не имѣлъ никакой надежды. Если ты припомнишь, я даже не хотѣлъ принимать приглашеніе на обѣдъ къ Кралллямъ.

— Къ чему ты все это клонишь?

Поручикъ вскочилъ съ мѣста и остановился передъ братомъ, глядя на него въ упоръ.

— Пожалуйста сядь на мѣсто, мы должны переговорить спокойно. Вчера подъ вечеръ,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—я былъ на кладбищѣ. Тамъ я встрѣтилъ m-lle Краллль. Это была чистая случайность. Я совершенно этого не предвидѣлъ. И мы начали разговаривать... а потомъ объяснились.

— Ну и она, конечно, тебѣ отказала?

— Нѣтъ, мы дали другъ другу слово.

Лицо Фрица приняло такое озабоченное выраженіе, что пасторъ, у котораго нервы были натянуты, чуть не расхохотался.

— Что ты сказалъ?

— Мы дали другъ другу слово: Маріанна и я.

— Маріанна и ты?

Фрицъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ съ поднятымъ кулакомъ, потомъ схватилъ молотокъ, черезъ нѣсколько секундъ отбросилъ его и упалъ на стулъ.

— Ты говоришь, это случилось вчера вечеромъ?

— Да.

Фрицъ взялъ лежавшую на краю стола сигару и началъ порывисто курить, но почти тотчасъ-же откинулъ ее въ сторону. Братья сидѣли другъ противъ друга, не находя, что сказать.

Только внѣшніе звуки, долетавшіе изъ окна, рѣзко нарушали тишину: то звукъ колесъ проѣхавшей телѣги, то свистъ, то крикъ пѣтуха, да потрескивала туго накрахмаленная манишка поручика, вздымаясь отъ его тяжелаго дыханія.

— Что я могу ему сказать,—думалъ Даніилъ.—Вѣдь его страданія ужасны. Однако, одинъ изъ насъ долженъ прервать молчаніе. — Онъ услышалъ какъ били часы, и нетерпѣливо подумалъ о своемъ свиданьи.

— Правда же, Фрицъ, еще вчера этого я совершенно не подозрѣвалъ. Я такъ боролся со своимъ чувствомъ. Даже сидя на кладбищѣ, я давалъ себѣ обѣщаніе больше о ней не думать,—въ это время она пришла.

— Ахъ, да не говори!

— Фрицъ, только третьяго дня мы съ тобой помирились, и вдругъ это опять между нами... Точно намъ суждено всегда стоять на дорогѣ другъ у друга. Но это не разъединитъ насъ снова. Мы не должны забывать, что мы братья.

— Она или дрянь, или была не въ своемъ умѣ въ тотъ вечеръ!—энергично воскликнулъ поручикъ, глядя злыми глазами на брата. — Такъ что, когда ты ей сказалъ, что ты ее любишь, она сразу дала свое согласіе?

— Мнѣ кажется, она меня давно любила, съ тѣхъ поръ, какъ и я ее.

— Такъ... и она даже не упомянула обо мнѣ?

— О тебѣ не было и рѣчи. Да мы, вообще, такъ мало говорили.

Поручикъ дышалъ все тяжелѣе.

— Фрицъ, это не должно вновь возбуждать нашей вражды. Ты долженъ побороть себя.

— Такъ такъ... во второй разъ ты разбиваешь мою жизнь!..

— Я много думалъ объ этомъ, Фрицъ. Не вчера, правда. Вчера любовь моя заслонила для меня все.

— Вотъ дуракъ! Твоя любовь! Что ты себѣ воображаешь? Да какъ ты смѣешь? Развѣ она для тебя? Я за нее рисковалъ жизнью, а ты что для нея сдѣлалъ?

— Боже мой! Да она меня любитъ, пойми ты!—закричалъ Даніилъ.

— Любитъ тебя! Она сошла съ ума, вотъ что! И это ты ее свелъ съ ума. Знаю я твои продѣлки! Тебѣ надо было мнѣ

повредить. вотъ ты и сталъ ей наговаривать, что я негодяй и пьяница. Я знаю тебя, да и не я одинъ, а весь городъ.

— Неправда! я не говорилъ о тебѣ ни слова.

— И ты думаешь, я отдамъ тебѣ ее? Я отступлю передъ тобой? Мы будемъ драться. Я еще разъ рискну за нее жизнью. Отвѣдаешь моей пули, собака!

— Безумецъ! не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, съ тобой стрѣляться!

— Я даромъ ее не уступлю!

— Да образумься! Вѣдь мы братья!

— Ты не согласенъ?

— Я еще не сошелъ съ ума.

— Такъ нѣтъ?

Его бѣшенство, казалось, вдругъ улеглось. Онъ стоялъ неподвижно, точно дикій звѣрь, готовый прыгнуть на врага.

— Такъ что ты отступаешь?

— Я?

— Молчать!

Онъ быстро завязалъ галстухъ, застегнулъ сюртукъ.

— Я иду къ старику, — рѣзко проговорилъ онъ, — я съ нимъ поговорю. Вчера вечеромъ она была невмѣняема, неотвѣтственна за свои поступки. Но ты... ты отвѣтишь за свою неслыханную дерзость! — Онъ быстро подошелъ къ Даніилу и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, ударилъ его по лицу, сильнымъ толчкомъ повалилъ на землю и, надѣвая шляпу, уже въ дверяхъ, бросилъ ему:

— Вотъ бы поглядѣла теперь на тебя твоя невѣста!

Пасторъ остался одинъ. Пробило десять. Въ это время онъ долженъ былъ быть уже на кладбищѣ. — Но развѣ я смѣю туда пойти?—думалъ онъ. — Могу-ли я ей показаться на глаза. Какъ поправить дѣло?—На минуту у него мелькнула, какъ утѣшеніе, мысль драться съ Фрицомъ, но онъ тотъ-часъ понялъ, что она невыполнима.

Онъ пошелъ въ свою комнату. На столѣ лежало раскрытое Евангеліе.—Какъ тамъ сказано? „если кто ударитъ тебя въ щеку"... Но онъ не могъ простить своему брату и зналъ, что никогда онъ ему этого не забудетъ. Онъ долженъ ему отомстить, теперь-ли, позже-ли... Ему стоило вспомнить выраженіе лица Фрица, когда онъ выходилъ изъ комнаты, чтобы почувствовать такую острую, мучительную ненависть, что всѣ его прежнія страданія казались передъ ней ничтожными.

Пробило половина одиннадцатаго, потомъ одиннадцать. Онъ всталъ и прошелъ въ спальню, чтобы умыться. Слезы покатились у него градомъ.—Я не могу видѣть Маріанну!— думалъ онъ и, однако, вышелъ изъ дому.

По боковымъ улицамъ пробрался онъ на кладбище. Тамъ

мгновенно все горе его исчезло, растопилось въ лучахъ безконечнаго счастья.—И всетаки жизнь моя разбита,— думалъ Даніилъ,—и даже она не можетъ мнѣ ничѣмъ помочь.

Пройдя нѣсколько шаговъ по главной аллеѣ, пасторъ увидѣлъ Маріанну. Она, казалось, была всецѣло погружена въ свои мысли. Горькая складка лежала около губъ. Но какъ только она его увидѣла, лицо ея совершенно преобразилось отъ радости.

— Гдѣ ты такъ долго былъ? Я уже начала тревожиться.

Она быстро подошла къ нему, взяла его за руку, невольно протягивая лицо для поцѣлуя.

— У меня былъ разговоръ съ Фрицемъ.

— Съ Фрицемъ?

— Онъ шелъ къ вамъ сегодня утромъ, и я ему сказалъ, что это лишнее.

— Что же онъ отвѣтилъ?

— Онъ...

Даніилъ сѣлъ на скамью рядомъ съ Маріанной.

„Я долженъ ей все разсказать, но смогу - ли я? Не разлюбитъ-ли она меня?“—думалъ онъ.

У нея также сильно билось сердце отъ сознанія нѣкоторой вины передъ поручикомъ. Когда они взглянули другъ на друга, оба почувствовали, что на ихъ юную любовь легла уже какая-то тѣнь, о которой было и необходимо, и страшно говорить.

Маріанна, болѣе простодушная и экспансивная, чѣмъ онъ, вышла первая изъ затрудненія съ тѣмъ безсознательнымъ эгоизмомъ, съ той дерзостью, съ какой женщины всегда хотятъ наслаждаться полнымъ, ничѣмъ не омраченнымъ счастьемъ.

— Вѣроятно, онъ былъ страшенъ, — сказала она. — Твой братъ горячій человѣкъ, Даніилъ, ты не долженъ принимать это къ сердцу.

Она ласково гладила его по головѣ и лицу.

— Какъ ты блѣденъ, только щеки горятъ.

— Слушай, Маріанна, я оскорбленъ жестоко.

„Сказать ей сразу всю правду,—подумалъ онъ,—но какъ она ее приметъ?“—Я разскажу тебѣ послѣ, когда буду спокойнѣе,—громко добавилъ онъ.

— Не придавай этому такого значенія, Даніилъ. Какое намъ дѣло до твоего брата? У меня сегодня тоже вышла ужасная сцена.

— Съ кѣмъ?

— Съ отцомъ.

— Что онъ сказалъ?

— Люди такъ глупы... и говорить не стоитъ!—Она наклонила голову и, лукаво смѣясь, добавила:—приходитъ женихъ къ своей невѣстѣ и не хочетъ ее поцѣловать...

Долго они молчали; наконецъ, Даніилъ началъ:

— Такъ ты все сказала отцу? Я зайду къ нему сегодня?

— Зачѣмъ?

— Развѣ я не долженъ просить у него твоей руки?

Она подумала.

— Только не сегодня. Время терпитъ. Мы съ тобой теперь одно. Развѣ есть кому-нибудь дѣло до насъ?

— Какъ же онъ это принялъ?

— Ужасно. Онъ былъ совсѣмъ точно сумасшедшій и подъ конецъ расплакался, какъ ребенокъ. Онъ рѣшилъ, что я должна выйти за твоего брата.

— Маріанна, скажи мнѣ,—онъ съ трудомъ подыскивалъ слова,—было ли что-нибудь между тобой и Фрицемъ?

Она повернулась къ нему лицомъ и, съ опущенными глазами, смущенно крутя пуговицу его сюртука, тихо проговорила:

— Я всегда его боялась. Но... но... нѣтъ! за него я никогда бы не вышла! но... съ досады на тебя я сдѣлала много лишняго...

— Съ досады на меня?

— Я думала, ты меня не хочешь знать, и была въ такомъ состояніи, что сама не понимала, что дѣлаю.

— Ты его никогда не любила?

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразила она съ испугомъ.—Только... я такая, какъ бы это сказать? Это ужасно. Иногда точно что-то на меня находитъ...

Она робко подняла на него глаза:

— Только теперь ты держишь меня крѣпко?

— Да, крѣпко. Теперь ты моя!

Онъ обнялъ ее; она вся сіяла радостной улыбкой.

— Мы съ тобой женихъ и невѣста, Даніилъ. Понимаешь ты это?

Онъ прислушивался къ ея словамъ, точно это было для него новостью, и снова чувство безпредѣльнаго счастья охватило его цѣликомъ.

— Вчера я еще была ничья. Бродила, точно безпріютная и никому ненужная. А сегодня я твоя. Ты меня не бросишь? Ты не боишься?

— Чего?

— Того, что вся моя жизнь, все мое счастье зависятъ отъ одного тебя. Что я никого не хочу, кромѣ тебя.

— Нѣтъ, я этого не боюсь. Ты не знаешь, Маріанна, какъ

много ты для меня значишь. Ты все для меня. Ты моя вѣра, ты мое счастье! Если теперь на меня находитъ сомнѣніе, мнѣ стоитъ только сказать себѣ: Маріанна... Одна мысль о тебѣ укрѣпляетъ мои силы. Я сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Конецъ прошлому, всѣмъ горестямъ, тревогамъ: ты дала мнѣ новую жизнь.

— И ты долженъ тоже помочь мнѣ стать инымъ человѣкомъ, Даніилъ. Мнѣ такъ хочется быть хорошей, доброй, вѣдь ты поддержишь меня въ этомъ?

— Мы оба будемъ помогать другъ другу!

— Да мы вѣдь теперь одно. У насъ одна душа, одно сердце! Сегодня ночью, Даніилъ, я еще такъ много объ этомъ думала. У насъ все будетъ общее. Все, что ты думаешь, чувствуешь, я все хочу знать, понимать и дѣлить съ тобой.

— Да, такъ и будетъ!

— Ты вчера еще говорилъ, что мы ничего не знаемъ другъ о другѣ. Но мы должны говорить и знать все. Правда?

— Да!

— Какъ я счастлива!

И она прижалась къ нему съ глубокой вѣрой въ то, что выпавшее на ея долю счастье безконечно и неотъемлемо.

— Какъ мы будемъ жить съ тобой, Даніилъ! Какъ намъ будетъ хорошо вмѣстѣ!

Уже было далеко за полдень. Оба много разъ повторяли, что пора разстаться, и ни у одного не было силы оторваться отъ другого. Наконецъ, Маріанна встала. Даніилъ рѣшилъ еще остаться на нѣсколько минутъ, чтобы ихъ не встрѣтили вмѣстѣ.

Она ушла. У воротъ она оглянулась въ послѣдній разъ, а Даніилъ не спускалъ съ нея глазъ, пока ея свѣтлое платье не исчезло совершенно между деревьями.

„Боже, какъ я счастливъ!“ — думалъ онъ. Когда у него мелькнула мысль о братѣ, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что острая боль прошла и смѣнилась тупой, затаенной ненавистью. Одинъ изъ двухъ долженъ уѣхать изъ города. Имъ невозможно встрѣчаться. Но почему онъ не разсказалъ всего Маріаннѣ? Почему онъ не посмѣлъ подвергнуть ея любовь этому испытанію? Вѣдь этимъ онъ тотчасъ нарушилъ обѣтъ дѣлиться каждой мыслью, каждымъ чувствомъ.

И снова со дна души поднялось старое страданіе, мрачныя мысли понемногу овладѣвали имъ, темныя нити вплетались въ его сверкающее представленіе о будущемъ.

Онъ старался встряхнуться, отогнать отъ себя это мучительное чувство, которое точно холоднымъ кольцомъ охва-

тило его. Вѣдь нежданное, незаслуженное, неслыханное счастье въ его рукахъ, оно такъ велико, что не охватить его разумомъ, не исчувствовать сердцемъ... Онъ станетъ другимъ человѣкомъ,—сильнымъ, бодрымъ, свободнымъ! Съ прошлымъ надо покончить разъ навсегда. Даніилъ пошелъ домой съ твердымъ намѣреніемъ переговорить съ братомъ и настоять на томъ, что одинъ изъ нихъ долженъ навсегда уѣхать изъ города.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ служанку, которая его, повидимому, поджидала и попросила тотчасъ пройти къ матери. Дверь въ комнату Фрица была отворена и на полу были разбросаны бѣлье и платье, точно кто-то спѣшно готовился къ выѣзду. На стулѣ у окна сидѣла его мать. Онъ вошелъ въ комнату и окликнулъ ее. Она медленно повернулась къ нему. Лицо ея было блѣдно и имѣло страдальческое выраженіе. Даніилъ подумалъ, что что-нибудь вышло между ней и Фрицемъ, или что она узнала о его по молвкѣ.

— Мать,—сказалъ онъ, садясь противъ нея и беря ее за руку,—я помолвленъ.

Она опустила голову еще ниже.

— Съ Маріанной Кралль,—продолжалъ онъ,—надѣюсь, ты одобряешь мой выборъ.

Она быстро дышала и со страшными усиліями сдерживала слезы.

Даніилъ еще попытался заставить ее заговорить, но она не разжимала губъ. Такъ сидѣли они молча другъ противъ друга, пока служанка не пришла доложить, что поданъ обѣдъ. Онъ бережно свелъ ее съ лѣстницы.

— А Фрицъ не придетъ?—спросилъ онъ.

Она отрицательно покачала головой.

Молча съѣли они супъ. Старуха употребляла всѣ усилія, чтобы удержать слезы, непрестанно катившіяся по ея щекамъ.

Даніилъ всталъ съ порывомъ горячей любви къ ней, съ потребностью въ ея ласкѣ.

— Неужели ты совсѣмъ не рада моему счастью, мама?

Онъ обнялъ ее, прижалъ къ себѣ это изможденное, изстрадавшееся тѣло. Она вся дрожала и вдругъ, потерявъ всякую власть надъ собой, разразилась страшными рыданіями.

— Онъ уѣхалъ, Даніилъ! Онъ никогда не вернется, я не увижу его больше!

Маріанна была совершенно равнодушна къ толкамъ и пересудамъ, поднявшимся въ городѣ по поводу ея помолвки. До сихъ поръ она всегда и во всемъ поступала по своему и стояла одиноко и въ своей семьѣ, и въ цѣломъ городѣ.

И теперь она не допускала никакого вмѣшательства въ свое счастье; Даніилу-же, болѣе подозрительному и раздражительному, они причиняли истинное страданье. Мать его заболѣла послѣ перенесеннаго потрясенія и оправлялась очень медленно. Каждый разъ, какъ онъ входилъ въ ея комнату, онъ съ тупой болью сознавалъ, насколько ей тяжело его присутствіе и насколько ея мысли сосредоточены на другомъ сынѣ. И, однако, онъ не имѣлъ силы оставить ее одну, такъ же какъ и отстранить многочисленныхъ посѣтителей, которые, подъ видомъ дружбы и участія, часто больно и жестоко задѣвали его.

Въ одинъ изъ особенно тяжелыхъ для него дней онъ получилъ письмо отъ своего единственнаго друга, пастора Вальтера, который поздравлялъ его съ помолвкой и сообщалъ ему, что, наконецъ, послѣ многихъ хлопотъ и волненій, онъ назначенъ пасторомъ въ Шверенбергъ.

„Моей идиллической фантазіи о сельскомъ пасторѣ — конецъ,—писалъ онъ, между прочимъ. — Я не могу больше смотрѣть на мое будущее въ розовомъ свѣтѣ, особенно, когда я подумаю о Луизѣ. Однако я сознаю, что иначе я не могу и не долженъ поступить. Шверенбергъ—самый скверный и грязный городишко, который мнѣ когда либо случалось видѣть. Здѣсь мрачно рѣшительно все, начиная съ настроенія жителей и кончая черными лентами въ косахъ дѣвушекъ. Даже волны протекающей черезъ городъ рѣченки мутны и темны, какъ разведеныя чернила. Кирпичные некрашенные дома со сланцевыми крышами и зелеными ставнями глядятъ нѣсколько веселѣе. Но ихъ жители! Какіе-то фарисейскія физіономіи съ фантатическимъ блескомъ въ глазахъ. Когда я произносилъ первую проповѣдь, я съ трепетомъ присматривался къ нимъ и, говорю откровенно, охотнѣе обращался къ толпѣ сѣраго люда, сидѣвшей на заднихъ неплатныхъ скамьяхъ. Они меня привлекаютъ больше, и имъ-то я намѣренъ служить.

„Въ первый вечеръ моего здѣсь пребыванія я вышелъ пройтись. На улицахъ толпился народъ. На каждомъ шагу я наталкивался на пьяныхъ. Изъ пивныхъ и трактировъ неслись дикіе звуки музыки и взвизгиванье пѣвичекъ. Я оптимистъ, Клинггаммеръ, ты знаешь, но, признаюсь, у меня опускаются руки передъ той массой дѣла, которая мнѣ здѣсь предстоитъ. Я вернулся домой совершенно разбитый и, чтобы подбодриться, нарисовалъ себѣ фантастическую картину будущаго: ты пріѣзжаешь сюда, мы работаемъ вмѣстѣ и достигаемъ полнаго перерожденія жителей. Но, конечно, это однѣ мечты...

„Заканчиваю мое длинное посланіе убѣдительной прось-

бой къ тебѣ и Маріаннѣ пріѣхать къ намъ поскорѣе хоть на короткое время. Лучше всего, не откладывайте дѣла въ долгій ящикъ и выѣзжайте во вторникъ. Луиза будетъ счастлива познакомиться съ твоей невѣстой. Если мы не получимъ отвѣта, то будемъ васъ ждать".

Прочитавъ внимательно это письмо, Маріанна сказала:

— Мнѣ бы хотѣлось познакомиться съ твоими друзьями.

— Что же поѣдемъ къ нимъ!

— Я очень рада.

Она желала не только узнать Вальтера и его жену, но и присмотрѣться немного къ жизни сельскаго пастора. Думая о своей будущей роли, она спрашивала себя съ нѣкоторой тревогой, сумѣетъ ли она выполнить всѣ сложныя и трудныя обязанности, налагаемыя на нее жизнью, и о которыхъ она имѣетъ лишь смутное представленіе.

Во вторникъ рано утромъ они отправились въ путь. Едва они сѣли въ коляску и выѣхали изъ города, Даніилъ почувствовалъ радость и облегченіе, точно его тяжелое настроеніе было тѣсно связано съ Урденбахомъ. Подъѣзжая къ Аллендорфу, они вышли изъ экипажа и пошли кратчайшимъ путемъ, по тропинкѣ черезъ поле.

Молоденькая служанка отворила имъ дверь и сказала, что пасторша въ саду, а пасторъ занятъ и вернется лишь къ обѣду. Луиза сидѣла на скамейкѣ и чистила ягоды для варенья. Она не сразу замѣтила гостей, но, услышавъ голосъ Клинггаммера, быстро встала и пошла къ нимъ навстрѣчу.

— Какъ я рада за васъ,—говорила она, дружески пожимая руку Даніилу.—Поздравляю васъ отъ души. Я уже давно говорила моему мужу: Клинггаммеръ долженъ жениться, ему необходимъ человѣкъ, который бы вдохнулъ въ него жизнь и радость.

Она усадила гостей въ саду на скамейку и вынесла имъ цѣлое блюдо буттербродовъ.

— Кушайте, — привѣтливо сказала она, — это завтракъ Вальтера.

— А мы его уничтожимъ?—разсмѣялась Маріанна.

— Тѣмъ хуже для него. Зачѣмъ онъ опаздываетъ.

— У меня волчій аппетитъ, — заявила Маріанна, принимаясь за булку съ колбасой.

— Ай, ай, ай! какъ поэтична моя невѣста!—воскликнулъ Даніилъ и тутъ-же послѣдовалъ ея примѣру.

— Въ писаніи сказано: кто имѣетъ аппетитъ, да удовлеритъ его! Милосердный человѣкъ всегда начинаетъ съ самаго себя и никогда не долженъ дѣлать насилія надъ своимъ тѣломъ, — заявила Луиза. — Вальтеръ думаетъ иначе, ну, да Богъ съ нимъ!

Буттерброды запивались пивомъ, при чемъ произносились веселые тосты за Даніила и его будущую жену. Потомъ привели дѣтей. Старшій, семилѣтній мальчикъ, былъ вылитый отецъ; вторая—шестилѣтняя кудрявая дѣвочка и, наконецъ, какое-то запеленутое существо, о которомъ мать съ гордостью заявила, что это—мальчикъ, что онъ прелестенъ и зовутъ его Іоганномъ. Сама пасторша была очень хорошенькая женщина: маленькая круглая головка на стройномъ, сильномъ тѣлѣ; правильный носъ, широко раскрытые голубые глаза и гладко зачесанные темные, густые волосы. Было что-то нѣжное и дѣтски-чистое въ ея лицѣ. Дочь бѣдныхъ и простыхъ родителей, почти безъ образованія, она часто была рѣзка въ манерахъ и выраженіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всего ея существа вѣяло такою искренностью, женственностью, сердечностью, что Маріанна тотчасъ почувствовала къ ней влеченіе, а ея смѣлый и веселый тонъ показывали, что она не особенно стѣсняется своимъ положеніемъ жены пастора.

Рѣшили, что Даніилъ пойдетъ на встрѣчу хозяину, а дамы останутся вдвоемъ.

При видѣ сундука Маріанны, Луиза нѣсколько удивилась. Маріанна смущенно заявила, что намѣревалась пробыть у нея съ недѣлю.

— Развѣ вы этого не знали?—спросилъ Даніилъ.

— Нѣтъ, простите ради Бога. Мой мужъ всегда пригласитъ гостей, а мнѣ объ этомъ ни слова. Но я вамъ сердечно рада, повѣрьте мнѣ. Только удобно-ли вамъ будетъ у насъ?

— Мнѣ будетъ навѣрное отлично, но я боюсь васъ стѣснить.

— Стѣснить меня?—засмѣялась Луиза.—Это совершенно невозможно. Я никогда и ничѣмъ не стѣсняюсь.

Когда Даніилъ вышелъ изъ дому, и дамы остались вдвоемъ, между ними завязался оживленный разговоръ. Луиза подробно и съ большимъ увлеченіемъ говорила о своемъ мужѣ. Въ ея влюбленныхъ, восторженныхъ рѣчахъ чувствовался нѣкоторый оттѣнокъ превосходства, когда она разсказывала, какъ бываетъ наивенъ этотъ замѣчательнѣйшій и умнѣйшій, по ея мнѣнію, человѣкъ. По этимъ разсказамъ Маріанна составила себѣ совершенно неправильное понятіе о пасторѣ и была очень удивлена, увидѣвъ крупнаго, широкоплечаго, рыжеватаго мужчину съ ясными, голубыми глазами, привѣтливо глядѣвшими изъ за очковъ. Въ его свободной, веселой манерѣ держать себя не было и тѣни безпомощности или наивности, о которыхъ говорила Луиза. Послѣ оживленнаго обѣда перешли въ садъ пить кофе, и пасторъ много разсказывалъ о своемъ новомъ приходѣ. Онъ описывалъ

узкія, грязныя улицы городка, съ безчисленными фабриками, непривѣтливое и озлобленное рабочее населеніе, такъ что къ концу разсказа жена его совсѣмъ затуманилась.

— Очевидно, вы не особенно желаете этого переѣзда? — спросилъ ее Даніилъ.

— О, я противъ него всѣми силами души. Здѣсь мы обжились; Вальтеръ вложилъ столько труда въ этотъ приходъ, его всѣ такъ любятъ, даже черезчуръ, такъ какъ не даютъ ему ни минуты покоя. Здѣсь такъ хорошо налажено дѣло, и вдругъ бросать все это для новаго и неизвѣстнаго.

— Вотъ именно въ Шверенбергѣ я больше нуженъ, чѣмъ здѣсь,—замѣтилъ Вальтеръ..

— Ты тогда только успокоишься, когда замучишь себя въ конецъ!

— Ну, ну, ничего. Дѣло не такъ скверно. И тамъ люди живутъ! Вотъ мы съ женой всегда такъ,—засмѣялся пасторъ.— Она какая то ветхозавѣтная и совершенно не признаетъ евангельскаго ученія!

— Понятно,—загорячилась Луиза.—Я всецѣло стою за Ветхій Завѣтъ. Мнѣ гораздо ближе и понятнѣе Авраамъ и Іаковъ и всѣ патріархи, чѣмъ апостолы, которые никакъ прожить не умѣли, — то имъ головы рѣзали, то ихъ поджаривали. Такъ же и вы всѣ, новомодные пасторы. У васъ совсѣмъ нѣтъ практическаго смысла, а вѣдь въ писаніи сказано: „будьте мудры, какъ змѣи“.

— Замолчи ты со своими ссылками на Св. Писаніе. И дьяволъ сумѣетъ ими воспользоваться, если захочетъ. Ты смотришь на Библію, точно это сводъ правилъ для пріобрѣтенія житейскаго благополучія.

— Ну, а чтобы ты сталъ дѣлать, если бы у меня не было практической сметки? ну и куда бы ты дѣвался? и чего бы ты добился? Вѣдь ты сущій ребенокъ въ житейскихъ дѣлахъ.

— Замѣчательная женщина! всегда хочетъ мнѣ доказать, что я взрослый ребенокъ.

— Да ты и есть ребенокъ, потому что воображаешь, что всѣ люди такіе же честные и хорошіе, какъ и ты. А въ писаніи сказано...

— Брось ты свое: въ писаніи сказано... налей-ка лучше m-lle Кралль еще кофе.

— Нѣтъ, я докончу,—упрямо твердила Луиза, беря отъ Маріанны чашку,—въ писаніи сказано, что всѣ люди заражены грѣхомъ.

Появленіе дѣтей прервало разговоръ. Пасторъ всталъ: ему надо было идти къ больному въ сосѣднюю деревню; всѣ вызвались сопровождать его. Солнце стояло высоко на небѣ. Было жарко, лишь изрѣдка вѣялъ прохладный вѣ-

терокъ. Прогулка, однако, вышла пріятная, благодаря всеобщему радостному оживленію. Около восьми часовъ вернулись обратно. Былъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ лѣтнихъ вечеровъ, когда небо послѣ захода солнца сохраняетъ яркія свѣтлыя краски. Ужинали въ саду и потомъ долго сидѣли всѣ вмѣстѣ. Вальтеръ особенно оживился и сталъ разсказывать, какъ онъ познакомился съ Луизой, какъ они встрѣчались ежедневно въ паркѣ, какъ она мало по малу смягчала его рѣзкій нравъ, вызывала и поддерживала въ немъ энергію и радость жизни. Потомъ и Даніилъ вступилъ въ разговоръ. Вспомнили студенческое время въ Берлинѣ, молодые горячіе споры, приводившіе часто къ долгимъ размолвкамъ. Вальтеръ подсмѣивался надъ Даніиломъ, подробно описывая Маріаннѣ, какъ они однажды ѣхали на империялѣ конки и спорили чуть не до слезъ, какъ ея женихъ пришелъ буквально въ ярость, выскочилъ, не попрощавшись, и пропалъ неизвѣстно куда на цѣлую недѣлю. Оба ясно помнили этотъ эпизодъ, но совершенно забыли, очемъ былъ споръ.

— А тогда казалось, что вся жизнь отъ этого зависитъ,— сказалъ задумчиво Даніилъ.

— Такъ всегда въ спорахъ,—отвѣтилъ Вальтеръ.—И, однако, посмотри: то, за что мы боролись, что составляло наше святое-святыхъ, теперь раздѣляется почти всѣмъ новымъ поколѣніемъ. Всѣ мы сходимся въ томъ, что христіанство есть лишь внѣшнее проявленіе нашей духовной жизни, а отнюдь не доктрина, что его необходимо очистить отъ теологическаго балласта и строить всецѣло на ученіи Христа: Возлюби Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ... и возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. Всѣ согласны съ нами, что христіанство должно свести изъ области туманныхъ, метафизическихъ толкованій въ сферу дѣйствительной жизни, такъ какъ „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“.

Долго еще раздавались голоса друзей. Понемногу темнѣло, загорались звѣзды. Маріанна сидѣла тихо и думала, какъ въ сущности мало знаетъ она своего будущаго мужа. Его прошлое, поступки, взгляды, мысли, убѣжденія – все это ей еще надо узнать, понять и пережить. Она задумалась надъ будущимъ. Она не могла себѣ его ясно представить. Представленіе о немъ возникало лишь въ видѣ какого то смутнаго чувства покоя и удовлетворенія. Ей казалось, что всѣ ея неясные порывы и желанія замрутъ, исчезнутъ, растаютъ въ сознаніи глубокаго душевнаго мира.

Она прожила недѣлю въ Аллендорфѣ и съ нѣкоторымъ огорченіемъ вернулась домой. Въ сентябрѣ была свадьба, и молодые переѣхали на жительство въ Ашероде, гдѣ Даніилъ получилъ новый приходъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Пасторскій домъ въ Ашероде представлялъ громадное кирпичное зданіе, съ небольшими окнами и зелеными ставнями. Двѣ старыя липы свѣшивали свои вѣтви надъ широкимъ, покривившимся крыльцомъ. Двери отворялись тяжело и со скрипомъ, ключи едва поворачивались въ заржавленныхъ замкахъ.. Дворъ былъ загроможденъ сараями, ледникомъ, дровяными чуланами. Ко двору примыкалъ старый запущенный садъ. Молодые люди чувствовали себя первое время совершенно потерянными въ этомъ жилищѣ. Они выбрали нѣсколько комнатъ въ верхнемъ этажѣ, отдѣлали ихъ, устроились въ нихъ по своему, и новенькая, элегантная обстановка представляла рѣзкій контрастъ съ остальной частью помѣщенія.

Домъ этотъ, стоявшій болѣе полутора вѣка, дышалъ стариной.. Покосившіеся полы, балки съ облупившейся штукатуркой, мѣстами обнаженные кирпичи... Деревня была ему подстать; люди въ ней какъ-то не мѣнялись и цѣпко держались обычаевъ предковъ. Когда какое-нибудь зданіе окончательно разрушалось, на его мѣстѣ воздвигалось новое, совершенно ему подобное; вотъ почему прихожане до сихъ поръ жили въ высокихъ деревянныхъ постройкахъ, частью облицованныхъ досками, частью просто съ оштукатуренными балками. Внизу помѣщался скотъ, наверху жили люди. Подъ навѣсомъ виднѣлись грубо нарисованныя фигуры людей и животныхъ и изреченія благочестиваго или юмористическаго содержанія, сообразно съ характеромъ хозяина. Правда, желѣзная дорога перерѣзывала деревню, но поѣзда мчались черезъ нее съ быстротой птицы, останавливаясь лишь въ ближайшемъ городкѣ, въ двухъ часахъ разстоянія отъ Ашероде. Крестьяне недолюбливали желѣзную дорогу, какъ нѣчто имъ ненужное и чуждое. Они хотѣли жить, какъ жили ихъ предки, ничего не измѣняя въ своихъ обычаяхъ.

Въ такомъ-то мѣстѣ долженъ былъ работать Даніилъ, и если ничто не нарушитъ мирнаго теченія его жизни, здѣсь предстояло ему и Маріаннѣ посѣдѣть и состариться и лечь на вѣчный покой за кладбищенской оградой. Даніилъ, проведшій дѣтство въ подобномъ уголкѣ, сразу почувствовалъ себя дома. Крестьяне, со своей стороны, были довольны новымъ пасторомъ. Имъ нравилось его свободное и привѣтливое обращеніе, его молодость, его звучный голосъ, слышный во всѣхъ уголкахъ церкви.

Осень стояла удивительная. Каждое утро солнце всходило

на безоблачномъ небѣ, свѣтило и грѣло, не ослѣпляя и не обжигая. Воздухъ былъ прозрачный, бодрящій; лѣса стояли въ праздничномъ разноцвѣтномъ уборѣ, яблони, груши гнулись подъ тяжестью богатыхъ плодовъ, поля роскошно зеленѣли,—точно вся природа сговорилась праздновать счастье Маріанны и Даніила.

А они дѣйствительно были счастливы.

Онъ сталъ совершенно инымъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ заключилъ въ объятія свою молодую, цвѣтущую жену. Въ немъ проснулась какая-то стихійная сила, и онъ изъ мечтателя, погруженнаго въ свои книги, превратился въ самого жизнерадостнаго поклонника дѣйствительной жизни. Онъ весь внутренно переродился: его страхъ передъ жизнью и людьми исчезъ безслѣдно, пропали его постоянныя сомнѣнія и тревоги; даже вѣра его, казалось, измѣнилась. Молясь, онъ обращался не къ Распятому Страдальцу, искупающему грѣхи міра, а къ всеблагому, всеобъемлющему Творцу вселенной, который создалъ его сіяющую счастьемъ жену и вложилъ въ него способность такъ полно, такъ ярко наслаждаться жизнью.

И казалось, не будетъ конца этой лучезарной осени. По утрамъ, когда они вставали и отворяли окно, они видѣли передъ собой безконечное море тумана, среди котораго тамъ и сямъ темнѣли деревья. Но при первыхъ лучахъ восходящаго солнца бѣлая пелена раздвигалась и исчезала безслѣдно, и опять земля гордо красовалась въ своемъ праздничномъ, многоцвѣтномъ уборѣ.

Такъ незамѣтно летѣли дни, недѣли, мѣсяцы. Къ молодой четѣ стали мало по малу навѣдываться кое-кто изъ знакомыхъ. Между прочимъ, зашелъ кандидатъ Шриллль, который служилъ неподалеку. Отъ него Даніилъ впервые получилъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о своемъ братѣ. Фрицъ, вернувшись на квартиру ко вдовѣ Целліенъ, повелъ прежнюю жизнь, но уже совершенно не зная удержу и точно намѣренно истощая свое здоровье и кошелекъ. Наконецъ, онъ до того разстроилъ нервы, что его помѣстили въ водолѣчебницу; тамъ онъ познакомился съ какимъ-то слабоумнымъ барономъ, и они вдвоемъ уѣхали въ Берлинъ.

Почти всѣ сосѣдніе пасторы съ женами сочли своимъ долгомъ посѣтить Клинггаммеровъ. Въ большинствѣ это были простые, безхитростные люди, не представлявшіе большого интереса. Съ ними подчасъ бывало скучно, но тѣмъ ярче было счастье, послѣ ихъ отъѣзда, остаться опять вдвоемъ съ Маріанной. Въ серединѣ января установилась зима. Нѣсколько дней подъ рядъ шелъ снѣгъ, и домъ былъ заваленъ сугробами почти до оконъ. Занесенныя дороги, мертвая тишина,

непрерывно падающіе крупные хлопья, — все давало впечатлѣніе полной отрѣзанности отъ міра и совершеннаго одиночества. Маріанна не выходила изъ комнаты Даніила. Цѣлыми днями сидѣла она на потертомъ кожаномъ диванѣ, который служилъ ему съ незапамятныхъ временъ. Она забивалась въ уголокъ среди мягкихъ шелковыхъ подушекъ, кутаясь въ кашемировую шаль. Кругомъ валялись неразрѣзанныя книги, журналы. Она рѣдко могла дочитать что либо до конца.

— Я совсѣмъ поглупѣла со времени моего замужества,— часто говорила она, и, дѣйствительно, все окружающее потеряло въ ея глазахъ значительную долю интереса. Даніилъ сталъ для нея единственнымъ источникомъ жизни.

Что его особенно удивляло, это ея почти дѣтскія шалости, которыя ей доставляли безконечное удовольствіе и казались просто потребностью ея натуры среди этой тишины и уединенія. Часто она его ставила втупикъ своей простодушной откровенностью, и онъ считалъ ее совершеннымъ ребенкомъ. Иногда вдругъ на нее нападали минуты безпричинной тоски: съ серьезнымъ, почти строгимъ лицомъ она говорила ему о томъ чувствѣ безпомощности и одиночества, которое отравило ей ея молодость, о своихъ религіозныхъ сомнѣніяхъ, особенно мучившихъ ее, когда она ухаживала за больной теткой въ Давозѣ; или живо и образно передавала свои впечатлѣнія во время путешествій. Такъ довѣрчиво и просто открывала она ему свой внутренній міръ, вводила его въ свое прошлое. Она хотѣла, чтобы онъ зналъ всю ея душу до самой глубины. Иногда, однако, она прерывала себя на серединѣ разсказа и говорила:

— Ну, теперь твоя очередь, Даніилъ. Ты, въ сущности, препротивный человѣкъ. Ты слушаешь себѣ да слушаешь! Иногда скажешь—гмъ! а что ты объ этомъ думаешь, Богъ тебя знаетъ. Говори и ты!

И она разспрашивала его о его дѣтствѣ, родителяхъ, друзьяхъ, о его студенческомъ времени. Но онъ былъ плохой разсказчикъ и давалъ отрывочные отвѣты и вскорѣ замолкалъ, погружаясь въ свои мысли. Точно какая-то робость, остатокъ недовѣрія мѣшали ему обнажать свою душу передъ женой. И каждый разъ при мысли о прошломъ возставалъ образъ брата, и имъ овладѣвала тревога и смутное предчувствіе какой то новой грозящей съ той стороны опасности.

Этотъ почти суевѣрный страхъ раздражалъ его: онъ казался ему малодушіемъ, несправедливостью относительно жены. Часто онъ пытался разсказать ей, что произошло между нимъ и братомъ и отчего примиреніе стало невозможнымъ; но онъ никакъ не могъ сдѣлать рѣшительнаго шага и все стоялъ на общихъ разсужденіяхъ о разности ихъ на-

Итоги дѣла Золотовой.

Sine ira et studio.

I.

Передъ нами книга, представляющая собою объемистый томъ въ 800 почти страницъ, въ обычной зеленой обложкѣ изданій министерства юстиціи. Она озаглавлена: „Предварительное слѣдствіе, произведенное судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ Бурцовымъ по дѣлу о насильственномъ лишеніи жизни румынской подданной Татьяны Золотовой. Спб. 1903“. Внѣшнее обозрѣніе убѣждаетъ, что книга эта представляетъ собою въ напечатанномъ типографскимъ способомъ видѣ обычное предварительное слѣдствіе по одному изъ дѣлъ, которыя сотнями тысячъ производятся въ томъ же порядкѣ и тѣмъ же способомъ многочисленными судебными слѣдователями окружныхъ судовъ Россійской имперіи. Мы не находимъ въ книгѣ никакихъ вводныхъ главъ, ни вступительныхъ замѣчаній, ничего такого, что нарушало бы строго оффиціальный характеръ изданія. Но на первой же страницѣ ея мы наталкиваемся на документъ, мимо котораго безучастно можетъ пройти не оріентированный въ дѣлѣ уголовно-судебнаго производства читатель, но въ содержаніи котораго, сквозь всю оффиціальную сухость изложенія, проглядываетъ нѣчто серьезное, важное, для насъ небывалое.

Вотъ что читаемъ мы здѣсь.

Министерство юстиціи. Первый департаментъ. Первое уголовное отдѣленіе. 2 дѣлопроизводство. Января 16 дня 1903 года. № 566. С.-Петербургъ.

Судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ Бурцову.

Препровождая при семъ № 15 сего года газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости», въ коемъ помѣщены: «Письмо въ редакцію» князя Михаила Андроникова и статья «Нельзя молчать» за подписью «Мечтатель», и усматривая въ означенныхъ корреспонденціяхъ достаточныя основанія для производства предварительнаго слѣдствія о насильственномъ лишеніи жизни Татьяны Золотовой, я признаю необходимымъ возложить на васъ, согласно ст. 228-й уст. угол. суд., производство подъ наблюденіемъ прокурора Тифлисской су-

дебной палаты дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коваленскаго предварительнаго слѣдствія по настоящему дѣлу.

О семъ поставляю ваше превосходительство въ извѣстность, для надлежащаго исполненія.

Министръ юстиціи статсъ-секретарь *Муравьевъ*.

Директоръ *А. Хвостовъ*.

Я упомянулъ объ оффиціальной сухости процитированнаго документа. И дѣйствительно, съ формальной стороны онъ не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, способнаго обратить на себя вниманіе. Въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ существуетъ основательное и вполнѣ справедливое положеніе о томъ, что никакое уголовное дѣло не можетъ быть возбуждено безъ опредѣленнаго законнаго повода *), а ст. 297-ая устава уголовн. судопроизводства точно устанавливаетъ, что законными поводами къ начатію предварителанаго слѣдствія признаются: 1) *объявленія и жалобы частныхъ лицъ*, 2) сообщенія полиціи, 3) явки съ повинной и т. д. Въ полномъ соотвѣтствіи съ буквальнымъ содержаніемъ и истиннымъ логическимъ смысломъ данной статьи и упомянутыя въ отношеніи министерства юстиціи газетныя корреспонденціи могли бы быть разсматриваемы какъ тѣ „объявленія и жалобы частныхъ лицъ“, которыя по закону являются достаточными поводами къ начатію предварительнаго слѣдствія. Но такова простота означеннаго случая лишь съ формальной стороны. Практика обыденной жизни, наблюденіе надъ бытовой обстановкой учатъ, что хотя по закону никому не возбраняется принести жалобу или сдѣлать объявленія о совершенномъ преступленіи, но случаи такого рода составляютъ весьма рѣдкое явленіе въ нашей уголовной хроникѣ. Объясняется это многими причинами, въ разборъ которыхъ здѣсь не мѣсто входитъ. Но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. И все это относится не только къ устнымъ донесеніямъ или письменнымъ жалобамъ, но въ равной мѣрѣ и ко всякимъ печатнымъ статьямъ и замѣткамъ. Представители нашего печатнаго слова никакъ не могутъ пожаловаться на чрезмѣрное обиліе непосредственныхъ практическихъ результатовъ своей работы. Сотнями и тысячами, ежедневно и ежечасно вскрываются въ нашей прессѣ наболѣвшія язвы общественной жизни, а какъ рѣдки случаи оффиціальныхъ разслѣдованій подъ вліяніемъ журнальныхъ или газетныхъ статей! Вотъ почему самый фактъ возбужденія дѣла Золотовой подъ давленіемъ прессы, фактъ начатія предварительнаго слѣдствія на основаніи газетныхъ статей, не можетъ не обращать на себя серьезнаго вниманія.

Конечно, давленіе было въ данномъ случаѣ произведено не

---

*) Это правило установлено цѣлымъ рядомъ рѣшеній сената по угол. департ., напр., рѣш. 1868 г. № 770, 808.

однѣми тѣми газетными статьями, на которыя содержится ссылка въ цитированномъ отношеніи министерства юстиціи. Этимъ и другимъ аналогичнымъ литературнымъ заявленіямъ предшествовали опредѣленные факты и событія мѣстной жизни, отголоскомъ которыхъ собственно и явились газетныя статьи.

Вотъ какъ изображаются эти событія въ оффиціальномъ источникѣ.

«6-го мая 1902 года въ Тихорѣцкомъ хуторскомъ арестантскомъ помѣщеніи умерла содержавшаяся въ означенномъ помѣщеніи съ 1-го того же мая по обвиненію въ кражѣ изъ вагона дочь румынско-подданнаго Татьяна Иванова Золотова. Смерть Золотовой породила въ мѣстномъ населеніи цѣлый рядъ толковъ относительно причинъ, вызвавшихъ таковую, и подъ вліяніемъ этихъ толковъ, 9-го того же мая, послѣ вскрытія трупа покойной, толпа мѣстныхъ жителей, по преимуществу рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ станціи Тихорѣцкой, произвела на хуторѣ буйство и разрушила какъ это помѣщеніе, въ которомъ содержалась покойная Золотова, такъ и часть зданія хуторского правленія» (Постан. суд. слѣд. 595).

«Наиболѣе распространенными слухами явились два: говорили, что Золотова, будучи арестована, по распоряженію слѣдователя, при Тихорѣцкомъ хуторскомъ арестантскомъ помѣщеніи, подвергнулась тамъ со стороны караульныхъ казаковъ и постороннихъ лицъ насильственному половому совокупленію, отчего она и умерла; послѣ же смерти ей влили будто бы въ ротъ карболовой кислоты и объявили, что она умерла отъ самоотравленія. Затѣмъ говорили также, будто бы тихорѣцкій слѣдователь Пуссеппъ во время допроса Золотовой у себя въ камерѣ имѣлъ съ нею половое совокупленіе» (Показаніе ген.-лейтенанта Маламы, нак. атам. Куб. каз. войска и жителей Куб. обл., стр. 40).

«Вокругъ мѣста вскрытія собралась громадная толпа изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, которая во время вскрытія вела себя сдержанно. Когда же вскрытіе было окончено, часовъ около 11—12 дня, и начальство уѣхало, толпа стала камнями разгонять казаковъ съ крикомъ и свистомъ. Толпа направилась по обычной дорогѣ съ кладбища къ полицейскому дому, по Панченковой ул., гдѣ была въ то время квартира слѣдователя Пуссеппа. Сначала народъ остановился было у квартиры слѣдователя; человѣка два или три бросили по направленію дома камни, а затѣмъ направился народъ къ полицейскому дому, гдѣ и былъ произведенъ полный разгромъ. Когда толпа волновалась около полицейскаго дома, то раздавались, между прочимъ, голоса, обвинявшіе слѣдователя въ томъ, что онъ неправильно арестовалъ Золотову и будто бы самъ первый ею и воспользовался и передалъ казакамъ на поруганіе. Тутъ же упоминали, что «насъ бьютъ, а слѣдователь не даетъ защиты, отсылаетъ насъ въ станичный судъ», (Показ. урядника Товпенко, 274. б).

Надо, впрочемъ, замѣтить, что разразившіеся 9 мая въ Тихорѣцкѣ безпорядки имѣли только поводомъ своимъ загадочную скоропостижную смерть Золотовой; причины ихъ лежали глубже, въ сущности тѣхъ отношеній, которыя издавна сложились между хуторскимъ поселеніемъ и казаками. Тотъ же урядникъ *Товпенко* удостовѣрилъ, что „хуторское населеніе терпѣть не могло казаковъ“ (274), и это вполнѣ понятно въ виду тѣхъ свѣдѣній, которыми мы располагаемъ въ томъ же разбираемомъ трудѣ. Свидѣтель *Маеровичъ*, екатеринодарскій мѣщанинъ, бывшій студентъ 4-го курса юрьевскаго университета, отмѣтилъ въ своемъ пока-

заніи „всю безобразную картину жизни въ станицахъ Кубанской области и своеволіе казачьихъ станичныхъ властей“ (60). И даже сотникъ *Соколовъ*, оберъ-офицеръ для порученій кубанскаго областного правленія, которому поручено было въ порядкѣ дознанія спеціальное разслѣдованіе по настоящему дѣлу, призналъ, что „смерть Золотовой не могла быть причиной безпорядковъ, происшедшихъ 9 мая на хуторѣ Тихорѣцкомъ, а послужила только поводомъ къ возбужденію ихъ. Причиною же этихъ безпорядковъ скорѣе былъ антагонизмъ между хуторской казачьей полиціей и хуторскимъ иногороднымъ населеніемъ. Нужно сказать, что ранѣе этихъ безпорядковъ, помощники станичнаго атамана, а вмѣстѣ и полицейскіе казаки, назначались изъ станицы въ хуторъ понедѣльно. Отрываясь отъ своихъ хозяйствъ, не получая за командировку особаго вознагражденія, казаки на эту свою службу смотрѣли, какъ на непріятную для себя обузу, и вымещали на хуторскомъ населеніи свои неудовольствія, въ чемъ могли и какъ могли, допуская всевозможныя злоупотребленія власти“ (375—6).

Какъ бы то ни было, серьезные рабочіе безпорядки произошли и имѣли поводомъ именно смерть Золотовой. Слухи объ этой смерти и свѣдѣнія о произошедшихъ по этому поводу безпорядкахъ скоро облетѣли всю Россію, породивъ серьезныя, страшныя предположенія и вызвавъ, наконецъ, активное вмѣшательство высшей судебной власти.

«По поводу смерти Золотовой появился въ періодической печати рядъ корреспонденцій и газетныхъ статей, въ которыхъ всѣ обстоятельства сего дѣла изображались въ видѣ оглашенія по преимуществу тѣхъ слуховъ, которыми смерть Золотовой приписывалась ряду совершенныхъ надъ нею насилій; при этомъ первоначально указывалось на то, будто бы арестованіе по обвиненію въ кражѣ исходило отъ лица участковаго на ст. Тихорѣцкой судебнаго слѣдователя Пуссеппа, пріѣхавшаго будто бы съ Золотовой на Тихорѣцкую изъ Екатеринодара и преслѣдовавшаго будто бы во всемъ этомъ дѣлѣ личныя свои цѣли. Означенные слухи, будучи провѣрены чрезъ командированное министерствомъ юстиціи лицо (товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты Зарудного), а ранѣе сего и мѣстнымъ предсѣдателемъ и прокуроромъ окружнаго суда, оказались лишенными основанія, о чемъ, равно какъ и обо всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ судебнаго слѣдователя Алексѣева, и было сообщено министерствомъ юстиціи во всеобщее свѣдѣніе, въ видѣ помѣщеннаго, на основаніи 138 ст. уст. о ценз. и печати, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ органахъ періодической печати опроверженія отъ 24 іюля 1902 года.

Затѣмъ, 16 января сего года въ № 15 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» появилось открытое письмо за подписью «Князь Михаилъ Андрониковъ» и статья подъ заглавіемъ «Нельзя молчать» за подписью «Мечтатель», гдѣ авторъ означеннаго письма, а съ его словъ и авторъ приведенной статьи категорически утверждали, что обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія смерть Татьяны Золотовой, изложены въ упомянутомъ выше сообщеніи министерства юстиціи невѣрно и что на самомъ дѣлѣ имѣются на лицо данныя для того, чтобы утверждать, что Золотова умерла отъ насилій, въ кото-

рыхъ принималъ непосредственное участіе и самъ судебный слѣдователь Пуссеппъ.

Данными произведеннаго нынѣ на основаніи упомянутаго выше ордера министра юстиціи отъ 16 января с. г. за № 566 предварительнаго слѣдствія, добытыми путемъ допроса около 200 свидѣтелей и производства судебно-медицинской экспертизы, установлены нижеслѣдующія несомнѣнныя обстоятельства» (Пост., 599):

1. Покойная Татьяна Золотова—профессіональная проститутка, не разъ подъ вліяніемъ отсутствія паспорта и другихъ неудачъ жизни покушавшаяся на самоубійство.

2. Въ послѣднее время она жила въ Екатеринодарѣ, откуда 30 апрѣля, вмѣстѣ съ своими подругами, Ребріевой и Клюевой, выѣхала въ Новопокровскую станицу на ярмарку по приглашенію содержателя гостиницы Балычева.

3. По дорогѣ у Золотовой былъ украденъ узелъ съ вещами, вслѣдствіе чего она поссорилась съ своими спутницами-подругами и въ концѣ концовъ напилась до пьяна.

4. На ст. Тихорѣцкую Золотова прибыла поѣздомъ изъ Екатеринодара 1 мая 1902 года, но бывшій городской судья Добровольскій и бывшій Тихорѣцкій слѣдователь Пуссеппъ не только не ѣздили вмѣстѣ съ Золотовой въ одномъ поѣздѣ до этой станціи, но изъ нихъ Добровольскій прибылъ на Тихорѣцкую съ противоположной стороны, а Пусеппъ въ то время никуда изъ Тихорѣцка не выѣзжалъ.

5. По дорогѣ, во время стоянки поѣздовъ, Золотова украла узелъ съ вещами у Добровольскаго, за что была привлечена въ качествѣ обвиняемой, а до суда заключена въ тихорѣцкое хуторское арестное помѣщеніе.

6. За это время задержанная не подвергалась никакимъ насиліямъ, но благодаря послабленію со стороны казачьихъ властей въ лицѣ помощника станичнаго атамана Бганцева и караульныхъ казаковъ, она пользовалась сравнительно свободой, вслѣдствіе чего предавалась пьянству и половымъ сношеніямъ, обзаводилась по своему усмотрѣнію различными вещами, въ томъ числѣ даже и карболовой кислотой.

7. При такихъ условіяхъ произошла смерть Золотовой отъ самоотравленія карболовой кислотой, совершеннаго ею подъ вліяніемъ чувства стыда и страха, вызваннаго послѣдовавшимъ распоряженіемъ полицейскаго урядника Товпенко объ отправкѣ ея въ станицу для дальнѣйшаго слѣдованія этапомъ въ екатеринодарскую тюрьму. ?

„По симъ основаніямъ“,—заключаетъ свое постановленіе судебный слѣдователь А. Бурцовъ,—„не усматривая въ настоящемъ дѣлѣ указаній на признаки преступленія и имѣя въ виду, что о незаконныхъ дѣйствіяхъ помощника станичнаго атамана Бганцева и караульныхъ казаковъ во время содержанія Золотовой подъ арестомъ

уже возбуждено въ установленномъ порядкѣ уголовное преслѣдованіе и слѣдственное производство о нихъ, по окончаніи слѣдствія, должно получить отдѣльное отъ настоящаго дѣла направленіе,—руководствуясь 277 ст. уст. уг. суд.,—постановилъ: испросить черезъ прокурора екатеринодарскаго окружного суда разрѣшеніе названнаго суда на прекращеніе слѣдствія по настоящему дѣлу за отсутствіемъ въ немъ указаній на признаки преступленія" (653).

Итакъ, все обстоитъ благополучно, все объясняется простымъ недоразумѣніемъ, да, пожалуй, еще вмѣшательствомъ преслѣдовавшихъ тѣ или иныя цѣли лицъ, распускавшихъ по настоящему дѣлу разные слухи и вымышленные факты, — на что имѣются и многія опредѣленныя указанія въ постановленіи слѣдователя.

Можно ли, однако, принять правильность этого постановленія во *всемъ* его объемѣ и во *всѣхъ* его деталяхъ? На основаніи того же опубликованнаго слѣдственнаго матеріала нельзя ли придти и къ нѣкоторымъ инымъ выводамъ, имѣющимъ не меньшее значеніе для оцѣнки „Золотовскаго дѣла" и для посильнаго разрѣшенія вытекающихъ изъ него и мучительно волнующихъ все русское общество вопросовъ?

Постараемся отвѣтить на это путемъ трезваго анализа опубликованнаго матеріала, съ полнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ — sine ira et studio.

Но прежде всего необходимо сдѣлать одно предварительное замѣчаніе.

Во всякомъ изслѣдованіи, строющемъ выводы на почвѣ фактическаго матеріала, отъ внутренней цѣнности послѣдняго зависитъ и характеръ, и значеніе самыхъ выводовъ. Критика источниковъ, оцѣнка свойствъ матеріала—первая и необходимая задача такой работы. Уголовно-судебное производство относится именно къ такого рода изслѣдованіямъ; вотъ почему сказанное только что касательно необходимости критической оцѣнки свойствъ матеріала относится къ нему съ полной силой. Въ этомъ отношеніи необходимо признать, что мы находимся въ условіяхъ крайне неблагопріятныхъ. Предъ нами предварительное слѣдствіе по дѣлу; это — совокупность показаній, записанныхъ судебнымъ слѣдователемъ со словъ свидѣтелей, записанныхъ при томъ не въ публичномъ засѣданіи, а въ четырехъ стѣнахъ слѣдовательской камеры, въ отсутствіи публики и сторонъ—внѣ возможности перекрестнаго допроса. Такой матеріалъ въ сущности можетъ обладать достовѣрностью только для того, кто самъ его, такъ сказать, переживалъ. Свидѣтельское показаніе это—явленіе весьма сложное по своему психологическому содержанію; въ немъ главное—впечатлѣніе отъ свидѣтеля; не въ томъ дѣло, *что* свидѣтель говоритъ, а въ томъ, *какъ* онъ говоритъ, насколько его сообщенія внушаютъ къ себѣ довѣріе, насколько они могутъ быть приняты въ качествѣ чи-

стаго и объективнаго снимка искомой дѣйствительности. Вотъ почему такъ часты въ практикѣ уголовно-судебнаго производства случаи совершенно иного толкованія слѣдственнаго матеріала на судѣ; вотъ почему сплошь и рядомъ въ свѣтѣ гласнаго и публичнаго судебнаго изслѣдованія совершенно блѣднѣетъ и измѣняетъ свою окраску первоначальная картина, набросанная предварительнымъ слѣдствіемъ, и судьи приходятъ къ противоположному выводу на основаніи того же въ сущности фактическаго матеріала.

II.

Первоначальной ячейкой, изъ которой мало-по-малу вылупилось „дѣло Золотовой" во всемъ его позднѣйшемъ содержаніи, явилось простое дѣло по обвиненію той-же Золотовой въ кражѣ вещей изъ вагона у пассажира Добровольскаго. Обозрѣвая производство этого дѣла (приложеннное къ разбираемому изданію), нельзя не поразиться сравнительной бѣдностью его содержанія и чрезвычайнымъ богатствомъ его результатовъ, страшныхъ результатовъ—для обвинямой, конечно. Дѣло о кражѣ заключаетъ въ себѣ дознаніе и предварительное слѣдствіе. Въ дознаніи имѣется „протоколъ", составленный унтеръ-офицеромъ тихорѣцкаго отдѣленія владикавказскаго жандармскаго полицейскаго управленія, гдѣ и изложены всѣ обстоятельства дѣла. Тамъ изложено, что на ст. Тихорѣцкой, по заявленію пассажира поѣзда № 4, шедшаго изъ Царицына, городского судьи 3-го участка города Симбирска Франца Добровольскаго, задержана дѣвица Татьяна Золотова, уличенная въ кражѣ. Въ вещахъ обвиняемой, въ присутствіи потерпѣвшаго, были найдены похищенныя вещи—шпага и зонтъ, стоющіе по заявленію потерпѣвшаго, семь рублей. „Обвиняемая призналась, что заходила въ вагонъ II класса, но въ кражѣ не созналась". Допрошенные тамъ-же и тогда-же свидѣтели-пассажиры показали: *Иванъ Козинцевъ*—что помѣщался съ Добровольскимъ въ одномъ отдѣленіи II класса; въ отсутствіи Добровольскаго вошла дама и рылась въ его вещахъ, о чемъ онъ и сказалъ Добровольскому, послѣ чего онъ провѣрилъ вещи и обнаружилъ пропажу; *исп. обязанн. слѣдователя Безмѣновъ* — что видѣлъ упомянутую даму, которая часто заходила въ буфетъ, пила водку и заходила въ вагонъ II класса, и слышалъ, какъ Козинцевъ сообщилъ Добровольскому, что въ его вещахъ она копалась, но она-ли украла вещи, онъ не видѣлъ; *Екатерина Гамисакурдъ*—что она видѣла, какъ Золотова часто заходила въ вагонъ и выходила обратно, приставала къ пассажирамъ безъ всякой надобности, ругаясь площадными словами, заходила въ буфетъ, пила водку и вела себя неприлично, но о кражѣ ничего не знаетъ. На основаніи этихъ данныхъ въ томъ же протоколѣ

поставлено: „таковой (т. е. протоколъ) представить на распоряженіе начальника отдѣленія, (а Золотову?) привести черезъ тихорѣцкое станичное правленіе къ названному (?) судебному слѣдователю, шпагу и зонтъ выдать подъ росписку". И въ особомъ постановленіи снова повторяется о препровожденіи Золотовой въ тихорѣцкое станичное правленіе (прилож. I, стр. 5—7).

Вотъ и все дознаніе. Вникая въ содержаніе изложеннаго протокола, нельзя не обратить вниманіе на крупнѣйшій его дефектъ, сразу лишающій этотъ документъ какой бы то ни было юридической силы. Дѣло въ томъ, что протоколъ не снабженъ подписями допрошеннных лицъ, показанія которыхъ въ немъ изложены, и нѣтъ, поэтому, гарантій правильнаго изложенія этихъ показаній. При внимательномъ отношеніи къ дѣлу этого было-бы совершенно достаточно для признанія всего дознанія неудовлетворительнымъ, не обладающимъ никакой достовѣрностью.

Какъ же поступаетъ судебный слѣдователь хутора Тихорѣцкаго, Пусеппъ, къ которому поступило для дальнѣйшаго производства настоящее дознаніе? Указанный только что дефектъ его не могъ не обратить на себя вниманіе слѣдователя. Съ другой стороны, слѣдователь не могъ не знать, въ какомъ положеніи находится вопросъ о солидности нашихъ полицейскихъ дознаній вообще. Этотъ вопросъ, между прочимъ, получилъ въ послѣднее время краснорѣчивую и авторитетную разработку въ трудахъ высочайше учрежденной коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Неудовлетворительная постановка дѣла розыска, крупные недостатки въ выясненіи юридической стороны дѣла, „случаи злоупотребленій чиновъ полиціи при производствѣ дознаній",—все это, по мнѣнію коммиссіи, создаетъ чрезвычайную шаткость нашихъ полицейскихъ дознаній. Къ тому же жандармскія дознанія „въ общемъ хуже общеполицейскихъ, при чемъ отличительною чертой ихъ является не вполнѣ соотвѣтствующее истинѣ освѣщеніе вносимыхъ въ протоколъ фактовъ" *). Не смотря на все это, что же дѣлаетъ слѣдователь Пуссеппъ съ направленнымъ къ нему дознаніемъ по дѣлу Золотовой? Предпринялъ-ли онъ какія-либо мѣры къ новой провѣркѣ данныхъ дознанія? Нисколько. Предварительное слѣдствіе обнаружило въ данномъ случаѣ къ дознанію весьма любопытное отношеніе. Судебный слѣдователь счелъ возможнымъ ограничиться допросомъ одного жандарма Безхмѣльницына, который, конечно, подтвердилъ содержаніе своего дознанія. Послѣ такой провѣрки дознанія допросомъ лица, это дознаніе производившаго, дальнѣйшее производство слѣдствія было сочтено излиш-

---

*) Высочайше учрежденная коммиссія по пересмотру законоположеній по судебной части. Объяснительная записка къ проекту новой редакціи устава угол. судопр. т. II, Спб. 1900, стр. 20—34.

нимъ и на основаніи добытыхъ данныхъ было сдѣлано постановленіе: о привлеченіи Татьяны Золотовой къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемой по 1651 ст. улож. о нак., какъ уличенной „данными полицейскаго дознанія и показаніемъ жандармскаго унтеръ - офицера Безхмѣльницына" (стр. 10), хотя, конечно, всѣмъ понятно, что это „дознаніе" и это „показаніе" — одно и то же. Нелишне при этомъ замѣтить, что упомянутая 1651 - ая ст. за „кражу въ пути" подвергаетъ виновныхъ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ $2^1/_2$ до 3 лѣтъ. Вслѣдъ за такимъ постановленіемъ была допрошена слѣдователемъ сама Золотова, которая и теперь на слѣдствіи, какъ и во время дознанія, въ кражѣ не созналась. Никакихъ дѣйствій къ провѣркѣ ея объясненій и указаній на слѣдствіи не было предпринято, и единственнымъ результатомъ ея допроса было новое постановленіе: въ видѣ мѣры пресѣченія уклоненія отъ суда и слѣдствія потребовать отъ Золотовой поручительство въ суммѣ ста рублей „и до представленія таковаго содержать ее въ екатеринодарской областной тюрьмѣ" (12). Поручительства Золотова не представила и въ екатеринодарскую тюрьму она также не была препровождена: она застряла въ томъ знаменитомъ отнынѣ „арестномъ помѣщеніи при тихорѣцкомъ хуторскомъ правленіи", гдѣ впослѣдствіи и разыгралась столь неожиданно взволновавшая всю Россію драма.

Не будь этой послѣдующей драмы, дѣло по обвиненію Золотовой въ кражѣ, при всѣхъ своихъ дефектахъ, далеко не представляющихъ какого-либо исключительнаго явленія, не обратило бы ничьего вниманія, и тихо и безшумно совершился бы одинъ изъ многочисленныхъ и заурядныхъ актовъ отечественнаго правосудія. Послѣ болѣе или менѣе долгаго заключенія подъ стражей, изнуренная и разбитая, предстала бы Золотова предъ лицо суда. Можетъ быть, обвиненіе было бы поколеблено съ фактической стороны; можетъ быть, и при доказанности обвиненія, Золотову пощадили бы въ виду ничтожной суммы похищеннаго и чрезмѣрной тяжести наказанія. Все возможно. Но свершилась драма, и „дѣло Золотовой" получило совсѣмъ иное направленіе. Объ этомъ направленіи мы въ производствѣ первоначальнаго дѣла о кражѣ находимъ слѣдующія любопытныя данныя. Рапортомъ полицейскаго урядника хутора Тихорѣцкаго, отъ 6 мая 1902 года, слѣдователь былъ извѣщенъ о томъ, что „препровождающаяся при пакетѣ за № 1160" Татьяна Золотова „сегодня утромъ, войдя въ отхожее мѣсто, сама отравилась карболовой кислотой и, не смотря на оказанную медицинскую помощь, черезъ 1 часъ скончалась" (13). За этимъ послѣдовало предложеніе прокурора екатеринодарскаго окружнаго суда отъ 17 мая 1902 г., уже на имя

судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ округа екатеринодарскаго окружнаго суда о принятіи къ производству не только дѣлъ 1) о самоубійствѣ Золотовой и 2) о послѣдовавшихъ за симъ безпорядкахъ въ хуторѣ Тихорѣцкомъ, но и 3) *о кражѣ у Добровольскаго* (17). И вслѣдъ за этимъ, дѣйствительно, возобновляется слѣдствіе по дѣлу о кражѣ, при чемъ теперь только было приведено въ исполненіе то, съ чего слѣдовало бы начать, именно были допрошены потерпѣвшій Добровольскій и свидѣтель Козинцевъ (17—20). И въ результатѣ этихъ допросовъ получается новое постановленіе, на этотъ разъ, уже слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ округа екатеринодарскаго окружнаго суда о томъ, что, „разсмотрѣвъ настоящее дѣло о кражѣ... и принимая во вниманіе, что названная Золотова... лишила себя жизни... дальнѣйшее производство слѣдствія по этому дѣлу нахожу безполезнымъ“... (21). Но вѣдь о томъ, что Золотова лишила себя жизни, новый слѣдователь зналъ уже въ тотъ моментъ, когда принималъ къ своему производству это дѣло совмѣстно съ дѣлами о самоубійствѣ Золотовой и безпорядкахъ по поводу ея смерти. Къ чему же понадобились допросы Добровольскаго и Козинцева? Дѣло объясняется очень просто. Смерть Золотовой и непосредственно послѣдовавшія за этимъ фактомъ событія въ видѣ рабочихъ безпорядковъ обратили вниманіе на ея дѣло о кражѣ. Прокурорскому надзору при разсмотрѣніи этого дѣла не могли не броситься въ глаза очерченные выше вопіющіе дефекты дознанія и слѣдствія. Явились сомнѣнія. Не произошла ли судебная ошибка? Что это за привлеченіе въ качествѣ обвиняемой и заключеніе подъ стражу на основаніи одного показанія жандармскаго унтеръофицера, производившаго дознаніе и представившаго протоколъ безъ подписей допрошенныхъ свидѣтелей? Вотъ почему понадобились слѣдственные допросы Добровольскаго и Козинцева, и лишь послѣ того, какъ эти лица были допрошены и въ общемъ подтвердили матеріалъ дознанія и опиравшагося на него первоначальнаго слѣдствія, вновь наступило успокоеніе.

Но въ какой мѣрѣ это успокоеніе было основательно? Дѣйствительно ли обвиненіе Золотовой въ кражѣ было доказано съ той силою достовѣрности, какая позволила бы заключить, что въ трагической кончинѣ молодой дѣвушки неправильность возведеннаго обвиненія не сыграла никакой роли? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ настоящее время представляется вполнѣ возможнымъ, такъ какъ въ возникшемъ послѣ того, подъ давленіемъ необыкновенно сильнаго для насъ общественнаго мнѣнія, предварительномъ слѣдствіи Бурцова вопросъ о кражѣ, о степени основательности такого обвиненія противъ Золотовой, былъ подвергнутъ новому, весьма тщательному и обстоятельному изслѣдованію. Обратимся же къ разсмотрѣнію этихъ новыхъ данныхъ.

Новое слѣдствіе въ значительной степени видоизмѣнило кар-

тину, нарисованную до того и дознаніемъ, и слѣдствіемъ г. Пуссеппа. Свидѣтель Козинцевъ, являвшійся гвоздемъ всей предыдущей слѣдственной работы и категорически удостовѣрившій на дознаніи, по словамъ протокола, что „въ отсутствіи Добровольскаго (въ вагонъ) вошла дама и рылась въ его вещахъ“, на этотъ разъ далъ показаніе менѣе опредѣленное. Здѣсь онъ показалъ, что, стоя на платформѣ, онъ черезъ окно вагона II класса наблюдалъ, какъ Золотова, стоя въ этомъ вагонѣ, гдѣ сначала разговаривала съ пассажиромъ-персомъ, по уходѣ послѣдняго „обернулась къ окну спиной и, какъ мнѣ показалось, взялась за мою картонку отъ шляпы, а затѣмъ провела рукой по пальто судейскаго Добровольскаго, которое висѣло у самой двери въ углу, прикрывая собою поставленный на диванъ въ томъ же углу свертокъ его, продолговатаго вида, завернутый, сколько помнится, въ газетной бумагѣ. Что именно она дѣлала съ пальто, шарила ли въ его карманахъ, или же взяла изъ-подъ него означенный свертокъ, я не замѣтилъ, но движеніе ея руки по пальто показалось мнѣ подозрительнымъ. Я побѣжалъ сейчасъ же въ вагонъ провѣрить свои вещи. Когда я входилъ на площадку своего вагона, то Золотова вышла уже изъ моего вагона и входила въ сосѣдній вагонъ III класса, такъ что я видѣлъ только ея спину, и не замѣтилъ, было ли у нея что-либо въ рукахъ“. Онъ разсказалъ объ этомъ Добровольскому, который вслѣдъ затѣмъ и обнаружилъ пропажу свертка. Изъ приведеннаго видно, какъ мало даетъ въ сущности показаніе этого „очевидца“, явившагося главнымъ уличителемъ Золотовой въ моментъ дознанія и первоначальнаго слѣдствія. За то другая свидѣтельница—служащая въ циркѣ Никитина, Екатерина Гамсакурдія, на дознаніи заявившая, что „о кражѣ ничего не знаетъ“, теперь, на вторичномъ слѣдствіи, сдѣлала очень важное заявленіе о какомъ-то сидѣвшемъ съ нею рядомъ торговцѣ, который разсказалъ тогда ей, что „*видѣлъ*, какъ свертокъ былъ поставленъ въ нашъ вагонъ“, хотя кѣмъ именно — не говорилъ (244). Однако, становится совершенно непонятнымъ, почему же Гамсакурдія сразу не указала на этого важнѣйшаго свидѣтеля? Почему этотъ „торговецъ“ не явился свидѣтелемъ при дознаніи? Почему не допросилъ его тамъ же, въ вагонѣ, жандармъ, производившій обыскъ? А вѣдь необходимо помнить, что свертокъ былъ найденъ жандармомъ вовсе не въ вещахъ Золотовой, а у слѣдующей скамейки. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что таинственный торговецъ въ концѣ-концовъ былъ найденъ и оказался торговцемъ бубликами, крестьяниномъ Воронежской губерніи Павломъ Ильченко. Допрошенный 13 февраля 1903 года, т. е. черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ совершенія кражи, онъ показалъ, что былъ очевидцемъ того, какъ, во-первыхъ, Золотова внесла въ свой вагонъ свертокъ и передала его въ руки своей „высокой подругѣ, не сказавъ ей ни одного слова“; и какъ, во-вторыхъ,

въ моментъ обыска жандармомъ, „высокая подруга Золотовой быстро перекинула этотъ свертокъ, который передала ей Золотова, черезъ спинку скамейки на другую сторону, гдѣ лежали вещи какой-то старой пассажирки“. Однако, не смотря на плачъ этой старухи, въ вещахъ которой свертокъ былъ найденъ, свидѣтель „не хотѣлъ сказать то, что видѣлъ, опасаясь, что попадетъ въ свидѣтели и, пожалуй, придется остаться въ Тихорѣцкой, а между тѣмъ, я спѣшилъ по своимъ дѣламъ“ (126 — 7). Если даже отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ этому объясненію, то и тогда придется признать, что лишь 13 февраля 1903 года въ рукахъ слѣдственной власти оказалось отсутствовавшее при жизни Золотовой единственно-серьезное доказательство похищенія ею свертка у Добровольскаго.

Но было ли тутъ, дѣйствительно, похищеніе? Уличающій Золотову свидѣтель Ильченко указалъ на какую-то роль въ этомъ дѣлѣ ея подруги. Хотя всѣмъ было извѣстно, что Золотову, дѣйствительно, сопровождали все время двѣ подруги, послѣднія, однако, впервые были допрошены только Бурцовымъ. И что же онѣ показали? Одна изъ нихъ—Ребріева—при первомъ допросѣ 12 февраля 1903 года показала: „кто и когда принесъ въ нашъ вагонъ шпагу и зонтъ Добровольскаго, я не видѣла и не знаю“ (116); однако, на второмъ допросѣ, 9 марта того же года, она измѣнила свое первоначальное показаніе, „вспомнила, что видѣла, какъ Золотова, принесши въ вагонъ свертокъ, сунула его въ руки Женьки, которая въ то время смотрѣла изъ вагона въ окно, сказавъ „спрячь“ (371). При всей трудности отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ такимъ измѣнчивымъ заявленіямъ, необходимо отмѣтить, что вторая версія показанія Ребріевой совпадаетъ съ показаніемъ другой подруги Золотовой—Луневой (урожденной Клюевой), которая и есть та высокая „Женька“, на которую ссылаются и Ильченко, и Ребріева. По ея словамъ: „Золотова принесла въ нашъ вагонъ длинный свертокъ изъ газетной бумаги, изъ котораго черезъ разорванную бумагу выступала ручка шпаги и стала совать его мнѣ, чтобы спрятать, сказавъ мнѣ и Ребріевой: „нате, спрячьте“. На мой вопросъ, откуда она взяла свертокъ, она отвѣтила: „это ихъ, пускай поищутъ“, при чемъ указала мнѣ черезъ окно на двухъ господъ въ судейской формѣ, гулявшихъ вдвоемъ по платформѣ вдоль поѣзда“ (145). „Это ихъ, пускай поищутъ“ — такія слова всякаго человѣка, привыкшаго обращаться съ уголовно-судебнымъ матеріаломъ, сразу повергнутъ въ сомнѣніе на счетъ того, была ли здѣсь, дѣйствительно, кража. По прямому смыслу дѣйствующаго у насъ уголовнаго закона, по ученію теоріи уголовнаго права и по соображенію простого здраваго смысла кража есть тайное *похищеніе* чужого имущества. А подъ „похищеніемъ“ разумѣется не всякое отнятіе у другого его вещи, а отнятіе съ опредѣленною преступною цѣлью—присвоенія

себѣ самому. Взятіе вещи въ шутку, въ намѣреніи—„пускай поищутъ"—конечно, не содержитъ въ себѣ ни съ строго-юридической, ни съ обычно-житейской точки зрѣнія признаковъ кражи и вообще какого-либо преступленія или наказуемаго дѣянія.

Можно, конечно, поставить возраженіе чисто-фактическаго свойства: чѣмъ доказывается отсутствіе преступнаго намѣренія похищенія у Золотовой, при предположеніи, что она вещи взяла? Правду ли говоритъ Клюева? Я думаю, что въ подтвержденіе правильности такого поступка Золотовой говоритъ цѣлый рядъ соображеній. Прежде всего совершенно непонятными являются смыслъ и цѣль такой кражи для Золотовой. Вещи стоили по оцѣнкѣ потерпѣвшаго, занесенной въ протоколъ дознанія, 7 руб. Вещи состояли изъ мужского зонта и шпаги, Золотовой совершенно ненужныхъ. Изъ показаній *Клюевой* (145), *Ильченко* (126) и мн. др. явствуетъ, что вещи завернуты были въ простую газетную бумагу такъ небрежно, что концы зонта и шпаги торчали изъ подъ нея. Золотова, слѣдовательно, видѣла эти вещи и могла понимать всю неценность такой „кражи" для нея. Независимо отъ этого важно, что по показанію цѣлаго ряда свидѣтелей: *Ребріевой* (112), *Ильченко* (124), *Альферова* (130), *Пахоренко* (137), *Капанакова* (223), *Чернышенко* (336), *Киселева* (439), Золотова въ тотъ день и въ тотъ моментъ была пьяна. Не было ли, поэтому, здѣсь такого явленія, о которомъ и говорила Лунева, высказавъ, что „свертокъ со шпагой и зонтомъ взяла просто съ пьяныхъ глазъ и едва ли съ цѣлью воспользоваться этими вещами" (148). Такое предположеніе тоже возможно, но и оно было совершенно игнорировано во все продолженіе долгаго слѣдствія.

Любопытно при этомъ, что лица, показывавшія о пьяномъ видѣ Золотовой, довольно неодинаково характеризуютъ ея истинное состояніе. Одни говорятъ, что она была вполнѣ „пьяна", другіе—что она была только „выпивши" или „въ нетрезвомъ видѣ", а потерпѣвшій *Добровольскій* даже заявилъ, что онъ видѣлъ Золотову „на Тихорѣцкой въ простой одеждѣ и имѣвшей видъ и по наряду, и по шляпкѣ вполнѣ приличной барышни" (124). Къ этому не мѣшаетъ добавить, что по общему признанію Золотова имѣла не только „приличный" видъ, но и была чрезвычайно красива, даже славилась своей красотой (См. показ. Дягилева 213, Ребріевой 116, дозн. 46). Единственное объясненіе всѣмъ этимъ противорѣчивымъ показаніямъ насчетъ состоянія Золотовой можно найти, пожалуй, въ томъ естественномъ предположеніи, что Золотова, которую, по показанію многихъ свидѣтелей, знакомые угощали на вокзалѣ, опьянѣла тамъ же, и лица, снабжающія ее тѣми или другими эпитетами, наблюдали ее въ различные моменты. Вопросъ о времяпровожденіи Золотовой пріобрѣтаетъ, поэтому, нѣкоторое значеніе, тѣмъ болѣе, что существовали слухи объ участіи въ этомъ времяпровожденіи и самого Добровольскаго. По этому поводу мы

находимъ въ матеріалахъ слѣдующія данныя. Вагонъ III класса, въ которомъ помѣщалась Золотова съ подругами, примыкалъ къ тому вагону II класса, гдѣ помѣщался Добровольскій (показ. *Козинцева* 306 и др.). Пассажиръ III класса *Чернышенко* сообщаетъ: „Золотова вошла въ вагонъ II класса, сосѣдній съ нашимъ, а подруги ея—на свои мѣста. Золотова вышла изъ вагона II класса на площадку его, смежную съ той площадкой, на которой стоялъ я, и „разомъ съ нею“ изъ того же вагона вышелъ какой-то чиновникъ, русый, въ формѣ, похожей какъ у васъ, слѣдователь. Чиновникъ этотъ тоже остановился на площадкѣ съ Золотовой и что-то сталъ говорить. На площадкѣ они пробыли вдвоемъ минуты три-четыре“. Потомъ Золотова отправилась въ вагонъ III класса, вышла съ подругами въ буфетъ, а оттуда „Золотова опять отправилась въ вагонъ II класса, откуда, минутъ черезъ 5 — 10, вышла на площадку вагона съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ персомъ и разговаривала съ нимъ“ (338). Аналогичное показаніе даетъ и столь уличающій Золотову свидѣтель *Ильченко*. „Я направился“,—сообщаетъ онъ,—„въ свой вагонъ, сосѣдній съ вагономъ II класса. При этомъ я увидѣлъ, что Золотова стояла на площадкѣ вагона II класса, гдѣ съ нею стоялъ и разговаривалъ какой-то чиновникъ въ судейской формѣ, полный, блондинъ, средняго роста, лѣтъ подъ 30, въ форменномъ пиджакѣ съ длинными погонами, кажется, съ сумкою черезъ плечо“ (125). Когда же чиновникъ этотъ, который былъ не кто иной какъ Добровольскій, обнаружилъ исчезновеніе своихъ вещей, онъ обратился къ стоявшей на площадкѣ вагона II класса со словами: „Слышите! отдайте! вы пошутили, вамъ оно не нужно“!.. (126). Не ясно ли, что и самому Добровольскому сразу не пришла въ голову мысль о кражѣ, а поступокъ Золотовой имъ самимъ былъ истолкованъ какъ шутка дѣвушки, съ которою онъ незадолго до того разговаривалъ. Впрочемъ, интересно и характерно то, что послѣ приведеннаго показанія Ильченко Добровольскій, почему-то „явившійся къ слѣдователю“, „изъявилъ желаніе дополнить“ свое первоначальное показаніе и теперь объяснилъ слѣдующее: „Категорически утверждаю, что до обнаруженія пропажи моего свертка и до указанія Козинцевымъ на Золотову, я съ послѣдней ни минуты не разговаривалъ“ (127—8) *).

Весь ходъ приведенныхъ данныхъ и показаній, мнѣ кажется, совершенно достаточенъ для разрѣшенія вопроса о степени доказанности обвиненія Золотовой въ кражѣ. Какъ не согласиться

*) Лучше всего вопросъ о времяпропровежденіи Золотовой въ вагонѣ II класса могъ бы разрѣшить тотъ «персъ», который, по показаніямъ свидѣтелей, также съ нею разговаривалъ. Однако личность этого свидѣтеля такъ и не была обнаружена, хотя въ дѣлѣ розыска нужныхъ для слѣдствія лицъ суд. слѣд. Бурцовъ вообще обнаружилъ много энергіи и искусства.

послѣ всего приведеннаго съ мнѣніемъ, высказаннымъ даже въ „конфиденціальномъ“ представленіи прокурора екатеринодарскаго окружного суда прокурору тифлисской судебной палаты отъ 31 мая 1902 года, въ которомъ было сказано, что „Золотова была арестована... за кражу мужского зонтика и шпаги, можетъ быть, взятыхъ ею не съ корыстною цѣлью, а просто въ видѣ шутки, вслѣдствіе опьяненія“ (410). Тѣмъ болѣе, что таково же было общее впечатлѣніе лицъ, производившихъ по настоящему дѣлу многочисленныя дознанія и разслѣдованія. Такъ, напримѣръ, начальникъ жандармскаго отдѣленія на ст. Тихорѣцкой *Иваненко* показалъ въ качествѣ свидѣтеля: „фактъ кражи зонтика и шпаги мнѣ показался весьма страннымъ, что я и высказалъ вахмистру, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что, конечно, тутъ какое-то недоразумѣніе, что задерживать не стоило, но судья и „нашъ“ слѣдователь этого непремѣнно требовали“ (384).

III.

Да, „задерживать не стоило“. Но Золотова была „задержана“, и „недоразумѣніе“ ей самой дорого стоило. Постараемся теперь, въ самыхъ краткихъ чертахъ и не выходя за рамки фактическаго матеріала, собраннаго предварительнымъ слѣдствіемъ, изобразить то тяжелое положеніе, въ которомъ очутилась Золотова въ моментъ ареста, тѣ мытарства, которыя она испытала въ тихорѣцкой „кордегардіи“ и которыя привели ее къ роковой развязкѣ.

Какъ видно изъ протокола осмотра (стр. 295—5), тихорѣцкое хуторское арестное помѣщеніе, въ которое попала Золотова, состоитъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одна образуетъ помѣщеніе для караульныхъ казаковъ, другая же предназначена для арестантовъ.

По сообщенію казака *Реброва*, до 3 мая Золотова сидѣла подъ замкомъ одна, а послѣ ее помѣстили въ казачью, такъ какъ съ 3 мая прибыли какіе-то арестованные мужчины (425). Это отнюдь не составляло исключительнаго явленія, а, очевидно, входило въ обычаи тихорѣцкихъ мѣстъ заключенія: „женщины, если одновременно случались арестованные мужчины, содержались въ казармѣ вмѣстѣ съ казаками“,—объяснилъ казакъ *Бѣлыхъ* (430). Въ казачьей Золотова оставалась и на ночь. „Мы легли спать на нарахъ“,—разсказываетъ тотъ же казакъ,—„гдѣ легла и Золотова. Ближе всѣхъ къ Золотовой легъ Абрамовъ, затѣмъ возлѣ него я, возлѣ меня Кокоткинъ и, наконецъ, Кисель... На утро... я разбудилъ Золотову“... (432). О томъ, что происходило ночью въ „казачьей“, гдѣ на нарахъ, рядомъ съ молодою, красивою дѣвушкой, помѣщалась „стража“ изъ 4-хъ каза-

ковъ, свидѣтель слѣдователю не сообщилъ ничего. Равно какъ ни онъ, ни другіе казаки не сообщили никакихъ свѣдѣній о способѣ времяпрепровожденія ʼихъ съ Золотовой въ теченіе дня. Къ счастью, однако, благодаря кропотливой работѣ судебнаго слѣдователя Бурцова, мы располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ для разрѣшенія и этихъ вопросовъ.

Урядникъ *Товпенко* сообщилъ, что „отъ жены своей зналъ о всякихъ вольностяхъ ея (Золотовой) поведенія и обращенія съ ней казаковъ“ (272). *Тимофей Дрокинъ* удостовѣрилъ, что „въ казачьей комнатѣ хуторского арестнаго дома находилась какая-то, какъ говорили, арестованная дѣвушка; съ ней на нарахъ сидѣлъ какой-то мѣщанинъ и выпивалъ съ ней водку: казаки, которые были тамъ, и дежурный, всего человѣкъ пять или шесть, тоже пили съ ними водку, щупали дѣвушку за груди, смѣялись“ (344). По словамъ *Меленченко*, сыщика при екатеринодарскомъ полиціймейстерѣ, ему покойная Золотова при жизни говорила, что „слѣдователь обѣщалъ освободить ее, а между тѣмъ, ее уже держатъ нѣсколько дней, и что ей неудобно въ одной комнатѣ съ казаками, такъ какъ когда ляжетъ, то они потушатъ лампу и лѣзутъ къ ней“ (261). Факты этого рода были настолько извѣстны, что генералъ-лейтенантъ *Малама*, наказной атаманъ кубанскаго казачьяго войска и начальникъ Кубанской области, лично производившій разслѣдованіе по этому дѣлу, при допросѣ у слѣдователя заявилъ слѣдующее: „и въ то время я не сомнѣвался, и теперь не сомнѣваюсь, что во время содержанія Золотовой подъ арестомъ казаки ею пользовались“ (42). Таково же было мнѣніе и оберъ-офицера для порученій кубанскаго областного правленія *Соколова*, также производившаго „тщательное дознаніе о незаконныхъ дѣйствіяхъ полицейскаго урядника хутора Тихорѣцкаго и чиновъ хуторского управленія, допущенныхъ ими въ отношеніи Татьяны Золотовой съ момента ея арестованія“. „На основаніи хорошо извѣстной мнѣ бытовой стороны казаковъ“,—заявилъ этотъ свидѣтель,—„я не сомнѣваюсь, что совокупленіе съ Золотовой во время нахожденія ея подъ арестомъ было“ (375).

Имѣются и болѣе краснорѣчивые факты. Оказывается, что казаки, очутившись обладателями молодой арестантки, стали проявлять своего рода,—правда, оплачивающуюся—любезность на все мѣстное населеніе, допуская его къ пользованію ласками и любовью Золотовой. Свидѣтель *Коротковъ* удостовѣрилъ, что 5 мая, во второмъ часу дня, онъ видѣлъ арестованную Золотову гулявшею по пустырю въ сопровожденіи двухъ почтовыхъ чиновниковъ (314). *Варвара Сергѣева* сообщила, что наканунѣ смерти Золотовой, въ 11 час. вечера, во дворѣ хуторскаго правленія „какой-то мужчина, смотрѣвшій со двора въ окно кордегардіи „облапилъ“ женщину, вышедшую изъ кордегардіи, и сталъ тащить

ее къ забору, гдѣ стояли еще двое мужчинъ, говоря ей: „я тебя на содержаніе возьму“, а женщина ему отвѣчала, что за нее надо положить залогъ“ (418). По показанію телеграфнаго чиновника *Галковскаго*, почталіонъ Келбакіяни „нѣсколько разъ гулялъ съ Золотовой по двору и посѣщалъ ее въ арестномъ помѣщеніи“; сынъ Келбакіяни разсказывалъ ему послѣ смерти Золотовой, что „онъ имѣлъ съ Золотовой во время нахожденія ея подъ арестомъ въ хуторѣ Тихорѣцкомъ „дѣло“, какъ съ женщиной, и помогалъ ей деньгами, давая 50 коп., какъ случится, сколько у него бывало денегъ“ (193). 17-ти-лѣтній парень *Яковъ Бабковъ* разсказалъ слѣдователю, что дня за 3 до смерти Золотовой его встрѣтилъ на станціи Тихорѣцкой знакомый казакъ Квасниковъ и пригласилъ его въ полицейскій домъ, говоря, что „тамъ есть дѣвушка, съ которой можно дѣло имѣть“. Я согласился и пошелъ съ нимъ. Дорогою я обѣщалъ ему купить 1/2 бутылки водки, если мнѣ удастся имѣть эту дѣвушку, самъ же онъ у меня ни денегъ, ни водки не просилъ. Онъ привелъ меня къ полицейскому двору съ задней стороны отъ пустыря... Оказалось, что въ комнатѣ находятся два помощника станичнаго атамана, бывшій Батютинъ и тогдашній Бганцевъ. Минутъ черезъ десять оба помощника ушли изъ комнаты, и тогда Квасниковъ пригласилъ меня подъ сарай и подвелъ меня къ дрогамъ, на которыхъ оказалась лежавшей какая-то женщина, и самъ ушелъ. Я легъ около этой женщины. Она сейчасъ же стала требовать отъ меня полтинникъ“... Пришелъ откуда-то Бганцевъ и арестовалъ его (254). Такъ повѣствуетъ о самомъ себѣ Бабковъ. Его товарищъ *Меликовъ* передаетъ еще болѣе интересныя подробности этого инцидента (или, можетъ быть, другого инцидента, но тоже имѣвшаго мѣсто съ Бабковымъ): „1 мая вечеромъ я, Бабковъ и Сафоновъ встрѣтили на крыльцѣ вокзала 4-хъ полицейскихъ казаковъ, очевидно, знакомыхъ Бабкову, такъ какъ онъ поздоровался съ ними. Одинъ изъ этихъ казаковъ сказалъ Бабкову: „пойдемъ, у насъ дѣвка есть“. Бабковъ взявъ съ собою меня и Сафонова, пошелъ съ казаками въ полицейскій домъ... Едва Бабковъ вошелъ туда (во дворъ), я услышалъ оттуда два голоса: мужской—„возьмите ее“, и отвѣчавшій ему женскій—„дайте мнѣ хоть сколько-нибудь на вольномъ воздухѣ побыть“. Затѣмъ вновь мужчина сказалъ: „я вамъ велю взять, такъ возьмите ее“. Услыша этотъ крикъ, мы съ Сафоновымъ не стали больше ожидать Бабкова и пошли по домамъ“ (267). Наконецъ, свидѣтель *Иванъ Орѣховъ* показалъ, что, желая повидаться съ Золотовой, онъ обратился къ дежурному казаку, сказалъ, что приходится ей родственникомъ, но казакъ отвѣтилъ, что до этого „ему нѣтъ дѣла“, а потребовалъ 20 коп. и сказалъ, что по этой цѣнѣ „пускаютъ къ ней“. Во время этого посѣщенія „относительно караульныхъ казаковъ Золотова сказала, что они ею торговали, пускали къ ней по

20 коп. человѣкъ по 50 въ день, которые и имѣли съ нею половое совокупленіе“ (403). Можно, пожалуй, усомниться въ полной точности этого сообщенія, но по общему смыслу своему это вполнѣ совпадаетъ съ приведенными выше и многими другими разсыпанными въ книгѣ безусловно несомнѣнными данными.

Позволительно, конечно, предположить, что здѣсь имѣло мѣсто простое упущеніе или послабленіе со стороны казацкихъ властей, но что причина всѣхъ этихъ безобразныхъ и ужасныхъ явленій заключалась въ самой Золотовой, въ половой распущенности этой дѣвушки, добровольно торговавшей собственнымъ тѣломъ. Есть, однако, цѣлый рядъ фактовъ, опровергающихъ возможность такого предположенія. Что дѣло происходило совсѣмъ не такъ, тому лучшимъ доказательствомъ служатъ свѣдѣнія о настроеніи и состояніи духа Золотовой во все время заключенія. Такъ, свидѣтельница *Главацкая* показала, что, находясь подъ арестомъ, „Золотова была очень красива, чисто одѣвалась, только безъ шляпки, и казалась мнѣ печальною“ (205); свидѣтель *Михайловъ* видѣлъ, какъ въ казачьей комнатѣ на нарахъ „сидѣла и плакала дѣвушка“ Татьяна Золотова (247). Золотову, шедшую вмѣстѣ съ помощникомъ урядника въ лавку, видѣлъ свид. *Келбакіани*; тогда „Золотова была заплаканная и по приходѣ въ лавку плакала“ (321). Свидѣтелю *Хурумову* Золотова дня за два до смерти „плача“ разсказывала, что „ее тутъ мучатъ“, „что она ничего не можетъ ѣсть, пища не идетъ ей въ глотку, что она не знаетъ, за что ее арестовали и держатъ здѣсь“; въ это время изъ собравшейся толпы любопытныхъ кто-то далъ Золотовой 15 или 20 коп. (201). Насколько же Золотова извлекала матеріальныя выгоды изъ своего положенія, въ какой мѣрѣ она обогатилась цѣною столь усиленной торговли своимъ тѣломъ, видно изъ того, что по показанію казака *Бражникова* передъ самою смертью у нея оказалось денегъ—1 р. 20 к. (313). А между тѣмъ, отъ одного знакомаго *Бритскаго*, пріѣзжавшаго для переговоровъ о поручительствѣ, она получила 2 рубля (347). Очевидно, не въ развращенности Золотовой, а совсѣмъ въ другихъ условіяхъ нужно искать объясненіе всѣхъ описанныхъ безобразныхъ, мучительно-страшныхъ явленій. И эти явленія составляли настолько общеизвѣстный фактъ, что далеко за предѣлами Тихорѣцка шли слухи и толки о томъ, какъ казаки притѣсняютъ, насилуютъ Золотову и открыто торгуютъ ею.

Не докатились только эти слухи до ушей тѣхъ, которые прежде всего обязаны были это услышать; недреманное око начальства на этотъ разъ потеряло всю свою зоркость.

Среди виновниковъ всѣхъ поистинѣ вопіющихъ страданій Золотовой прежде всего долженъ быть отмѣченъ завѣдующій хуторскимъ правленіемъ и кордегардіей, помощникъ атамана Бганцевъ.

По показанію жены урядника Елизаветы *Товпенко,* ей показалось, что „помощникъ Бганцевъ что-то чаще обыкновеннаго заходитъ въ казачью, да и казаки точно что-то суетятся". На предложенный ею Бганцеву вопросъ, не поѣдетъ ли онъ въ станицу, стоявшій тутъ же казакъ отвѣтилъ: „куда тутъ уѣдешь: къ намъ вотъ какая птичка залетѣла". Въ общемъ свидѣтельницѣ „казалось, что помощникъ Бганцевъ увлеченъ Золотовой" (443—4). Это увлеченіе доходило до того, что Бганцевъ не только гулялъ по ночамъ съ Золотовой по пустырю позади полицейскаго дома (показ. *Кондакова* 259, *Воробьева* 264), но даже сопровождалъ ее въ баню (показ. *Михайлова* 249, *Денисова* 256, *Бордакова* 269). Предъ свидѣтелемъ же *Балычевымъ* Золотова „высказывала благодарность помощнику станичнаго атамана за то, что онъ далъ ей свою бурку подстилать подъ себя на нары, а то пришлось бы спать на голыхъ доскахъ" (366). Необходимо, однако, признать, что, судя по приведеннымъ фактамъ и по всей обстановкѣ дѣла, вниманіе Бганцева къ Золотовой носило слишкомъ опредѣленный и специфическій характеръ и не было лишено изрядной доли самаго голаго, не прикрытаго узко-эгоистическаго интереса. По крайней мѣрѣ, мы не находимъ въ дѣлѣ указаній на какія либо съ его стороны мѣры къ обузданію разгулявшихся казацкихъ инстиктовъ и вожделѣній, а по сообщеніи ему о смерти Золотовой у него вырвалось только одно восклицаніе: „собакѣ-собачья смерть" (показ. *Меленченко* 362). Такъ просто и не двусмысленно отнесся старшій изъ казаковъ къ предмету своего,—а, пожалуй, и казацкаго вообще—увлеченія...

Увы! хорошаго или просто элементарно-человѣчнаго къ себѣ отношенія Золотовой не суждено было видѣть и со стороны тѣхъ, къ которымъ мы вправѣ предъявлять и болѣе строгія требованія.

Въ періодъ, предшествовавшій объявленію результатовъ предварительнаго слѣдствія, народная молва, въ короткое время облетѣвшая всю Россію и вызвавшая самыя горькія и страшныя предположенія, указывала на судебнаго слѣдователя Пуссеппа, какъ на главнаго и непосредственнаго виновника смерти Золотовой. Для провѣрки этихъ слуховъ, ихъ правильности и степени достовѣрности, слѣдствіемъ г. Бурцова собранъ значительный матеріалъ. Изъ него на вопросъ о виновности Пуссеппа въ приписанныхъ ему народною молвою дѣяніяхъ вытекаетъ отвѣтъ отрицательный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на основаніи этого же оффиціальнаго слѣдственнаго матеріала мы приходимъ къ слѣдующимъ безспорнымъ выводамъ.

Выше уже цитировано мнѣніе начальника жандармскаго отдѣленія Иваненко о томъ, что Золотову „задерживать не стоило". Съ этимъ невозможно не согласиться при какомъ угодно взглядѣ на вопросъ о томъ, совершила ли въ дѣйствительности Золотова приписанное ей преступленіе. Правда, „мѣра пресѣченія" въ видѣ

заключенія подъ стражу въ данномъ случаѣ была избрана не „безусловно“. Съ Золотовой было только потребовано поручительство въ суммѣ 100 рублей, и задержана она была лишь до представленія этой суммы. Но лицо, опытное въ производствѣ слѣдствій и знакомое съ бытомъ и условіями жизни подсудимыхъ, не могло не понимать, что молодая дѣвушка, арестованная въ дорогѣ и перевезенная въ неизвѣстный городъ, денегъ не достанетъ, и поручительство de facto превратится для нея въ заключеніе подъ стражу.

Правда и то, что къ Золотовой было предъявлено весьма грозное обвиненіе по 1651 ст. улож. о нак., именуемое „кражей въ пути“ и караемое арестантскими отдѣленіями съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Но, во первыхъ, слѣдственная власть не могла и не должна была считаться исключительно съ формальною стороною предъявленнаго обвиненія, не вникая въ его существо, въ его дѣйствительное содержаніе, сводившееся къ кражѣ ничтожныхъ вещей, возвращенныхъ къ тому же потерпѣвшему. Во вторыхъ,—и это самое главное,—ст. 421 устава уголовнаго судопроизводства, которою въ данномъ случаѣ слѣдователь обязанъ былъ руководствоваться, гласитъ, что „при избраніи мѣры къ пресѣченію обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія, принимаются въ соображеніе не только строгость угрожающаго ему наказанія, но также сила представляющихся противъ него уликъ, возможность скрыть слѣды преступленія, состояніе здоровья, полъ, возрастъ и положеніе обвиняемаго въ обществѣ“. А во всѣхъ этихъ отношеніяхъ все говорило въ пользу Золотовой, все диктовало необходимость примѣненія къ ней самой мягкой „мѣры пресѣченія“. Сила представленныхъ противъ нея уликъ?—Мы видѣли, какъ слабо обставлено было обвиненіе, особенно при первоначальномъ слѣдствіи. Возможность скрыть слѣды преступленія?—Такой возможности для Золотовой не существовало, ибо „слѣды“ ея преступленія были занесены въ протоколъ въ видѣ показаній такихъ свидѣтелей, какъ жандармъ Безхмѣльницынъ, потерпѣвшій Добровольскій, указчикъ Козинцевъ, на которыхъ она, конечно, никакого вліянія оказать не могла. Состояніе здоровья?—Надо полагать, что оно было у Золотовой не въ особенно блестящемъ видѣ, разъ она еще на вокзалѣ, въ моментъ задержанія, покушалась на самоубійство (см. объ этомъ показанія *Бехмѣльницына*, 153, *Грекова*, 581). Полъ? — Золотова была несомнѣнно женщина, на что и обратили такое усиленное вниманіе въ кордегардіи. Возрастъ?—Ей было всего 19 лѣтъ. — Положеніе въ обществѣ?—На этотъ счетъ первоначальное слѣдствіе не располагало никакими рѣшительно свѣдѣніями. Не ясно ли послѣ всего этого, что при такихъ условіяхъ заключать Золотову подъ стражу за непредставленіемъ поручительства можно

было только при самомъ невнимательномъ, формальномъ отношеніи къ участи подсудимыхъ.

Отношеніе было, однако, не только формальное. Подруга Золотовой *Лунева-Клюева* въ томъ самомъ показаніи, въ которомъ содержится ея оговоръ въ отношеніи кражи, разсказываетъ слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто при ея просьбѣ объ освобожденіи задержанной на вокзалѣ: „жандармъ (Безхмѣльницынъ) на это не согласился... и сталъ убѣждать меня не безпокоиться о Золотовой, ибо, по его словамъ, дѣло поступитъ къ тихорѣцкому слѣдователю, „а слѣдователь у насъ (прибавилъ жандармъ) славный, притомъ молодой и холостой, они понравятся другъ другу, у нихъ сладится дѣло, и онъ вскорѣ ее отпуститъ" (146—7). Любопытно, что самъ Безхмѣльницынъ не отрицалъ при допросѣ дѣйствительности этого инцидента, онъ только приписывалъ себѣ слова, „что слѣдователь у насъ человѣкъ добрый и притомъ холостой, что онъ допроситъ ее, сжалуется и отпуститъ", но заявилъ, что остальныхъ словъ онъ „не помнитъ", а слово „холостой" употребилъ „необдуманно" (153). За то Безхмѣльницынъ вполнѣ отчетливо припомнилъ въ своемъ показаніи другой инцидентъ, имѣвшій мѣсто приблизительно тогда же и прекрасно обрисовывающій характеръ отношеній, встрѣченныхъ Золотовой. Оказывается, что впервые съ докладомъ о задержаніи обвиняемой въ кражѣ Безхмѣльницынъ обратился къ слѣдователю на вокзалѣ же, въ буфетѣ I класса. „Я разсказалъ ему",—сообщаетъ жандармъ,—„объ обстоятельствахъ, при которыхъ была задержана Золотова". Послѣ этого Пуссеппъ спросилъ меня „старая ли она"? Я отвѣтилъ: „молодая". Онъ опять спросилъ: „хорошенькая ли", и я отвѣтилъ: „такъ точно". Затѣмъ я доложилъ ему, что она покушалась удавиться... На это Пуссеппъ сказалъ: „ну, чортъ съ нею!" (154). Комментаріи излишни — можно сказать, выражаясь шаблонно.

„Чортъ съ нею"—это не было случайно оброненной фразой, за обѣдомъ, въ буфетѣ въ отвѣтъ на скучный рапортъ подчиненнаго. Это была цѣлая формула, выражавшая опредѣленную, безобразно - опредѣленную систему, приносившую вполнѣ реальные результаты. Такъ, напр., фактъ долговременнаго содержанія Золотовой въ кордегардіи, лишенной даже особаго отдѣленія для женщинъ, бросался всѣмъ въ глаза, казался непонятнымъ. На это обращали въ свое время вниманіе не только частныя лица, но и должностныя, напр., жандармскій подполковникъ *Иваненко* (385, 390), урядникъ *Товпенко* (271), изъ которыхъ послѣдній даже обратился съ соотвѣтствующимъ вопросомъ къ Бганцеву, но на это получился отвѣтъ, что все дѣлается съ разрѣшенія слѣдователя (ib). Всѣ придавали этому вполнѣ опредѣленное толкованіе. На всѣхъ улицахъ и перекресткахъ Тихорѣцка говорилось открыто о томъ, что Золотова въ интересахъ казаковъ удерживается чрезмѣрно долго. Слухи о насиліяхъ надъ нею наполняли всю окрест-

ность, а слѣдователь, по просьбѣ Бганцева, удлинялъ срокъ пребыванія Золотовой въ Тихорѣцкѣ „для пріисканія поручителя". Теперь мы знаемъ, что поручитель для Золотовой въ Тихорѣцкѣ не нашелся, но Золотова нашла тамъ свою смерть...

IV.

Пора, однако, приступить къ объясненію этого самаго страшнаго факта изъ всѣхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла — смерти Золотовой. Лучшее объясненіе причинъ этой смерти, конечно, могло бы дать своевременное и правильное судебно-медицинское изслѣдованіе. Такихъ изслѣдованій было произведено нѣсколько. Коснусь ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

9 мая 1902 года вольнопрактикующимъ врачемъ на хуторѣ Тихорѣцкомъ *Вольфсономъ*, при участіи желѣзнодорожнаго врача на станціи Тихорѣцкой *Фишберга*, въ присутствіи товарища прокурора Дубенко и исп. обяз. суд. слѣд. Мактулина, былъ произведенъ судебно-медицинскій (наружный и внутренній) осмотръ трупа Золотовой. На основаніи этого осмотра были высказаны слѣдующія мнѣнія врачей:

1) *врача Вольфсона:* „На основаніи данныхъ протокола вскрытія, я нахожу, что въ данномъ случаѣ произошло острое отравленіе какимъ-то ѣдкимъ веществомъ, судя по характеру струпьевъ пищевода и отчасти языка и губъ — карболовой кислотой, и смерть въ такомъ случаѣ произошла отъ быстраго паралича центральной нервной системы";

2) *врача Фишберга:* „по результатамъ вскрытія трупа Золотовой видно, что смерть Золотовой послѣдовала отъ отравленія крѣпкой карболовой кислотой (глубокія измѣненія языка, пищевода и желудка) и что *въ данномъ случаѣ было самоотравленіе* (курс. мой) (прилож. II, стр. 10).

Чрезвычайная категоричность приведенныхъ мнѣній врачей не помѣшала проявленію полнаго недовѣрія къ нимъ въ свое время; она не освобождаетъ и насъ отъ обязанности подвергнуть ихъ самой тщательной критической оцѣнкѣ. Въ настоящую минуту дѣло значительно облегчается тѣмъ, что судебно-медицинское изслѣдованіе трупа Золотовой уже подверглось подробному разбору на страницахъ спеціальной печати—въ частности въ убѣдительной статьѣ опытнаго въ судебно-медицинскомъ дѣлѣ врача Ф. С. Стройновскаго на страницахъ „Врачебной Газеты". Этою статьею я и намѣренъ воспользоваться въ дальнѣйшемъ. „По внимательномъ прочтеніи протокола вскрытія трупа Золотовой, произведеннаго д-рами Вольфсономъ и Фишбергомъ",—говоритъ г. Стройновскій,—„невольно обращаютъ на себя вниманіе многочисленные пробѣлы, неточности и упущенія, въ производствѣ столь

важнаго вскрытія имѣющіе весьма существенное значеніе... Что же касается внутренняго осмотра трупа Золотовой, то... вездѣ неточность, пропуски и ошибки". Такъ, врачи констатировали, что „по всему тѣлу просвѣчиваютъ наполненныя вены; очевидно, имъ было неизвѣстно, что это трупное явленіе обусловливается не наполненіемъ венъ, а просачиваніемъ разложившейся крови изъ сосудовъ въ смежныя ткани. Далѣе, врачами констатировано ущемленіе кончика языка между зубами, но причина такого ненормальнаго положенія языка ими не выяснена, между тѣмъ, какъ такое явленіе сопутствуетъ весьма часто асфиктической смерти. На спинѣ были обнаружены пятна, по мнѣнію врачей — трупнаго происхожденія; однако ими не указанъ способъ, какимъ они пришли къ такому мнѣнію; во всякомъ случаѣ надрѣзы пятенъ ими не дѣлались и, слѣдовательно, они не имѣли права заключать о трупномъ происхожденіи этихъ пятенъ. Упоминается въ протоколѣ объ отсутствіи дѣвственной плевы и о существованіи на ея мѣстѣ какого-то валикообразнаго кольца, но совершенно не выяснено, что это за „кольцо". Отсутствуетъ описаніе состоянія глазъ, груди, живота. Описывая внутренніе органы, врачи ограничиваются упоминаніемъ объ ихъ нормальности или отсутствіи въ нихъ патологическихъ измѣненій; но такія заявленія голословны за отсутствіемъ точнаго описанія органовъ. При описаніи грудной полости не упомянуто вовсе о состояніи реберъ и грудины. Сердце найдено вполнѣ нормальнымъ, но не сказано ничего о содержимости правой части его. Селезенка не была вскрыта, поджелудочная железа тоже. Кишки также не вскрывались, хотя вскрытіе кишечника обязательно при подозрѣніи отравленія черезъ ротъ. Въ какомъ состояніи находились кости основанія черепа — неизвѣстно. Состояніе мозговыхъ оболочекъ головного мозга описано крайне поверхностно, но за то врачи нашли сухожильное растяженіе на затылкѣ, т. е. тамъ, гдѣ его нѣтъ".

Въ чемъ же признаки отравленія карболовой кислотой? Врачи нашли, что „слизистая оболочка пищевода, начиная съ верхняго конца на всемъ протяженіи, покрыта струпомъ молочно-бѣлаго цвѣта, сморщеннымъ" (9). Но по перевскрытіи оказалось, что пищеводъ былъ вскрытъ только *частью*, и, будучи допрошенъ по этому поводу судебнымъ слѣдователемъ Алексѣевымъ, д-ръ Вольфсонъ показалъ, что хотя пищеводъ былъ вскрытъ только *до половины*, но въ существованіи струпа онъ убѣдился *заглядываніемъ* въ не вскрытую половину (прилож. II, стр. 97). „Какъ видно", — замѣчаетъ по этому поводу д-ръ Стройновскій,—„по мнѣнію д-ра Вольфсона, пищеводъ трупа Золотовой имѣлъ по меньшей мѣрѣ ширину водосточной трубы, разъ можно было въ него заглядывать" (2). Измѣненія, найденныя въ желудкѣ, нисколько не характерны для отравленія карболовой кислотой; на слизистой оболочкѣ обнаружены

кровоизліянія, но сказано, что мѣстами они представляютъ изъ себя группу язвочекъ, какъ будто кровоизліянія и язвочки одно и то же. Мочевой пузырь не былъ вскрытъ и цвѣтъ мочи не подвергался изслѣдованію, хотя наличность окраски въ *темно-зеленый* или *черноватый* цвѣтъ имѣетъ рѣшающее діагностическое значеніе при отравленіи карболовой кислотой. А при своемъ дополнительномъ допросѣ д-ръ Вольфсонъ даже показалъ, что когда мочевой пузырь былъ случайно вскрытъ при отдѣленіи матки, то изъ него вытекала мутно-желтая жидкость безъ крови. Но это уже не только не говоритъ въ пользу карболоваго отравленія, но даже исключаетъ его *).

Вотъ тѣ данныя изслѣдованія, на основаніи которыхъ врачи пришли къ категорическому заключенію о томъ, что смерть Золотовой произошла отъ отравленія карболовой кислотой. Необходимо помнить, что въ данномъ случаѣ врачами было произведено одно *анатомическое* изслѣдованіе. А это, по единогласному мнѣнію спеціалистовъ, считается совершенно недостаточнымъ средствомъ распознанія отравленія. „Обнаруженіе отравленія“, — говоритъ проф. Emmert,—„сопряжено со значительными затрудненіями... Но одинъ наружный осмотръ трупа обыкновенно не можетъ выяснить дѣла... Поэтому въ случаяхъ, когда подозрѣвается отравленіе, прежде всего производится *анатомическое* изслѣдованіе трупа посредствомъ судебно-медицинскаго вскрытія. Но одного такого изслѣдованія недостаточно, необходимо еще *химическое и электроскопическое* изслѣдованія, но и на томъ не слѣдуетъ останавливаться“, необходимо по возможности еще и *клиническое* доказательство отравленія, можетъ также понадобиться *экспериментально-токсилогическое изслѣдованіе*“. **) Таково мнѣніе и Гоффмана ***), и проф. Оболонскаго ****) и всѣхъ вообще спеціалистовъ по судебной медицинѣ, настаивающихъ на полной недостаточности для распознаннія отравленія того анатомическаго изслѣдованія, которымъ, при томъ въ самой несовершенной его формѣ, ограничились д-ра Вольфсонъ и Фишбергъ

Но этого мало. Отравленіе карболовой кислотой,—если оно констатировано, — можетъ быть разсматриваемо какъ самоубійство или какъ насильственное лишеніе жизни. Слухи о послѣднемъ усердно распространялись послѣ смерти Золотовой. Высказывались и другія предположенія. Такъ, напр., офицеръ *Соко-*

---

*) *Ф. С. Стройновскій.* О судебно-медицинскомъ значеніи протокола вскрытія трупа Золотовой и т. д. «Врачебная Газета», 1903, № 39, стр. 923—4.

**) *Dr. Carl Emmert.* Руководство судебной медицины. Перев. съ нѣм. подъ ред. академика Н. П. Ивановскаго, Спб. 1901, стр. 241—2

***) *Проф. Гоффманъ.* Учебникъ судебной медицины. Перев. съ нѣм. 3-го изд. Спб. 1897, стр. 519 *fb.*

****) Проф. *Н. А. Оболонскій.* Пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа. Спб. 1894, стр. 424—5.

ловъ, въ результатѣ своего разслѣдованія, „считалъ, что казаки, испугавшись какой нибудь отвѣтственности за внезапную смерть арестантки, могли влить карболки послѣ смерти“ (375). Однако, какъ мы видѣли, д-ръ Фишбергъ пришелъ къ категорическому тоже заключенію не только о томъ, что смерть Золотовой послѣдовала отъ отравленія карболовой кислотой, но и о томъ, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто именно *самоотравленіе*. На чемъ основано это послѣднее заключеніе? Увы! это составляетъ до сихъ поръ тайну—можетъ быть, „профессіональную тайну“, — врача Фишберга. Вспомнимъ его категорическое мнѣніе: „по результатамъ вскрытія трупа Золотовой видно, что смерть Золотовой послѣдовала отъ отравленія крѣпкой карболовой кислотой—и что въ данномъ случаѣ было самоотравленіе“. Но почему „и“...—совершенно не понятно и не объяснено. А „между тѣмъ, каждому мало-мальски опытному судебному врачу хорошо извѣстно, что въ дѣлахъ объ отравленіи весьма трудно, иной разъ даже невозможно отличить убійство отъ самоубійства“ *), и что во всякомъ случаѣ для такого распознованія требуется сложный анализъ всѣхъ конкрентныхъ обстоятельствъ даннаго случая **), что на этотъ разъ исполнено не было.

Какъ бы то ни было, даже судебн. слѣдователемъ Алексѣевымъ, производившимъ первоначально слѣдствіе по „дѣлу о самоубійствѣ Золотовой“, были признаны „нѣкоторые дефекты акта вскрытія трупа Золотовой, объясняющіеся вполнѣ, какъ исключительностью обстановки, при которой таковое производилось, такъ и тѣмъ, что врачи, производившіе вскрытіе, не будучи судебными врачами, по неопытности своей въ дѣлѣ составленія актовъ, не помѣстили въ актѣ всего обнаруженнаго вскрытіемъ (прил. II, 132). Правда, вслѣдъ за тѣмъ слѣдователь высказываетъ убѣжденіе, что „дефекты эти вполнѣ восполнены показаніями тѣхъ же врачей“, но мы видѣли уже, какъ убѣдительны эти показанія насчетъ заглядыванія въ пищеводъ или выдѣленія мутно-желтой жидкости изъ мочевого пузыря. Была сдѣлана попытка пополнить дефектъ первоначальнаго изслѣдованія, и 20 іюня 1902 года старшимъ врачемъ Кавказскаго отдѣла *Н. А. Вертеповымъ*, въ присутствіи судебнаго слѣдователя Н. А. Алексѣева и понятыхъ, былъ вновь произведенъ осмотръ и извлеченіе внутренностей трупа Золотовой, вырытаго изъ могилы. Внутренности трупа были извлечены и закупорены въ стеклянную банку — и только, такъ какъ по заключенію врача Вертепова, „всѣ укупоренные органы, какъ и оставшіеся при трупѣ, сильно разложились, вслѣдствіе гніенія, а потому и анатомическаго изслѣдованія ихъ не производилось“ (прилож. II, 77). Тѣмъ не менѣе внутренности трупа Золотовой

*) *Ф. С. Стройновскій*, стр. 925.

**) *Гоффманъ*, стр. 542—4; *Emmert*, стр. 248.

были препровождены во врачебное отдѣленіе кубанскаго областного правленія для судебно-химическаго изслѣдованія, въ результатѣ котораго, по производствѣ его 1 іюля 1902 года, получилось заключеніе, что „въ присланныхъ для изслѣдованія внутренностяхъ Татьяны Золотовой какъ карболовой кислоты, такъ и другихъ органическихъ и минеральныхъ ядовъ не заключалось" (прилож. II, 104). И на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ совѣщательное присутствіе врачебнаго отдѣленія кубанскаго областного правленія 10 августа 1902 года, „разсмотрѣвъ имѣющіяся по дѣлу данныя, пришло къ заключенію, что точно опредѣлить причину смерти Татьяны Золотовой въ настоящее время не представляется возможнымъ въ виду отрицательнаго результата судебно-химическаго изслѣдованія ея внутренностей и недостаточности и неполноты судебно-медицинскаго акта вскрытія трупа Золотовой и что лишь съ нѣкоторой долей вѣроятности въ виду констатированія при вскрытіи струпьевъ бѣлаго цвѣта во рту и пищеводѣ и прижизненныхъ явленій можно предположить, что смерть Золотовой послѣдовала отъ отравленія карболовой кислотой" (прилож. II, 131).

Къ нѣсколько болѣе опредѣленнымъ заключеніямъ пришли профессоръ *Косоротовъ* и академикъ *Ивановскій*, въ концѣ концовъ приглашенные въ качествѣ экспертовъ суд. слѣд. Бурцовымъ. Этими экспертами 5 марта 1903 года было произведено въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ военно-медицинской академіи *анатомическое* изслѣдованіе остатковъ внутренностей Татьяны Золотовой, и оказалось, что „на основаніи одного анатомическаго изслѣдованія, нельзя придти къ опредѣленному заключенію о причинѣ смерти въ данномъ случаѣ" (468). Затѣмъ 12 марта проф. Косоротовымъ было произведено *химическое* изслѣдованіе жидкости, въ которой хранились внутренности Золотовой, причемъ изслѣдователь наткнулся на одно, повидимому, очень важное обстоятельство; а именно, оказалось, что „въ изслѣдованной массѣ, взятой изъ банки съ внутренностями Золотовой, содержится фенолъ (карболовая кислота)". Однако нѣсколькими строками ниже прибавлено: „вслѣдствіе чрезвычайно малаго содержанія фенола въ перегонѣ, прямое количественное опредѣленіе взвѣшиваніемъ не производилось" (469). И эта прибавка несомнѣнно уничтожаетъ все значеніе обнаруженнаго изслѣдованіемъ факта. Дѣло въ томъ, что въ незначительныхъ количествахъ фенолъ встрѣчается въ качествѣ нормальнаго продукта обмѣна веществъ, а по мѣрѣ усиленія гніенія количество его въ тѣлѣ даже увеличивается; поэтому для доказательства отравленія „важно произвести количественное опредѣленіе фенола, такъ какъ одного констатированія слѣдовъ его недостаточно" *). А между тѣмъ

*) *Проф. Штрассманъ.* Учебникъ судебной медицины, перев. съ нѣм. Спб. 1902, стр. 604.

проф. Косоротовымъ было достигнуто именно констатированіе слѣдовъ фенола при невозможности произвести количественное его опредѣленіе за крайнею недостаточностью его. Нельзя потому не согласиться съ д-мъ Стройновскимъ, что „фактъ нахожденія карболовой кислоты во внутренностяхъ трупа Золотовой, установленный проф. Косоротовымъ, лишенъ діагностическаго значенія“ *).

Наконецъ, академикомъ Ивановскимъ 20 марта 1903 г. было произведено *химико-микроскопическое* изслѣдованіе частей изъ пищевода и изъ языка, взятыхъ изъ банки съ внутренностями Золотовой. При этомъ изслѣдователь пришелъ къ заключенію („*я полагаю*“ - выразился онъ), что „въ слизистой оболочкѣ пищевода, кромѣ посмертныхъ гнилостныхъ измѣненій, сохранились слѣды прижизненной гипереміи поверхностныхъ кровеносныхъ сосудовъ ея, указывающей на поступленіе въ пищеварительные пути при жизни остраго, раздражающаго вещества, каковымъ въ данномъ случаѣ могла быть карболовая кислота, но не крѣпкая, а въ водномъ (3—5°) растворѣ“ (471). Не смотря на всю кажущуюся убѣдительность этого заключенія, и оно, по правильному замѣчанію д-ра Стройновскаго, „не имѣетъ діагностическаго значенія“, такъ какъ констатированная проф. Ивановскимъ прижизненная гиперемія поверхностныхъ кровеносныхъ сосудовъ оболочки пищевода можетъ зависѣть отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ, напр., отъ воспалительныхъ процессовъ, отъ злоупотребленія крѣпкими спиртными напитками, отъ проглатыванія черезчуръ горячей пищи и т. д. Слѣдовательно, одно констатированіе такой гипереміи не доказательно для факта отравленія карболовой кислотой.

Имѣя въ виду все сказанное относительно результатовъ анатомическаго, химическаго и микроскопическаго изслѣдованія проф. Косоротова и Ивановскаго и сопоставивъ все это съ данными касательно предыдущихъ изслѣдованій, легко придти къ слѣдующей общей оцѣнкѣ заключительнаго вывода экспертовъ, допрошенныхъ суд. слѣд. Бурцовымъ 27 марта 1903 года. Этотъ выводъ проф. Косоротовымъ и Ивановскимъ былъ сдѣланъ въ слѣдующей краткой, но вполнѣ рѣшительной формѣ. „Смерть Татьяны Золотовой *несомнѣнно* послѣдовала отъ отравленія карболовой кислотой“ (474).

Каковы же основанія его? Они обосновываются, по мнѣнію экспертовъ, слѣдующими 4-мя доказательствами:

1) *свидѣтельскими показаніями* Это, очевидно, не можетъ быть отнесено къ числу объективно-научныхъ доказательствъ. При томъ же о шаткости этого матеріала предварительнаго слѣдствія уже было достаточно сказано въ началѣ статьи.

---

*) *Стройновскій,* op. cit.

2) *данными вскрытія 9 мая 1902 года*, произведеннаго д-рами Вольфсономъ и Фишбергомъ.

Неубѣдительность этихъ данныхъ была доказана выше.

3) *микроскопическимъ изслѣдованіемъ стѣнки пищевода*, произведеннымъ проф. Ивановскимъ, обнаружившимъ переполненіе сосудовъ кровью;

4) *химическимъ изслѣдованіемъ*, произведеннымъ проф. Косоротовымъ, доказавшимъ присутствіе во внутренностяхъ Золотовой карболовой кислоты.

О невозможности признать за этими двумя фактами діагностическое значеніе было только что сказано подробно.

Помимо этого, эксперты пришли къ еще болѣе важному заключенію о томъ, что въ данномъ случаѣ было *самоотравленіе*, доказываемое отсутствіемъ слѣдовъ насилія на лицѣ, головѣ и другихъ частяхъ тѣла Золотовой, а также отсутствіемъ значительныхъ ожоговъ въ окружности рта, которые обыкновенно наблюдаются при насильственномъ вливаніи кислоты (475).

Очевидно, однако, само собою, что эти обстоятельства говорятъ лишь противъ возможности *насильственнаго* отравленія, но вполнѣ совмѣстимы съ предположеніемъ введенія яда какимъ-либо обманнымъ путемъ. Какъ и вообще отсутствіе знаковъ насилія ничего еще не даетъ для различенія отравленія отъ самоотравленія*).

Таковы результаты, съ необходимостью, на мой взглядъ, вытекающіе изъ внимательнаго и критическаго отношенія ко всему судебно-медицинскому матеріалу, имѣющемуся въ актахъ предварительнаго слѣдствія.

Было бы, однако, несправедливо умолчать еще объ одномъ доказательствѣ изъ области уже свидѣтельскихъ показаній. Можно, конечно, пройти мимо показаній караульныхъ казаковъ, описывающихъ подробно картину самоотравленія Золотовой, но тщательно умалчивающихъ обо всемъ, что мы знаемъ касательно отношеній ихъ къ ней, обращенія съ нею и т. д. Но нельзя не упомянуть о показаніяхъ двухъ свидѣтелей—фармацевтовъ *Кассаковскаго* и *Рекціуса*, удостовѣрившихъ, что 3 или 4 мая 1902 года Золотова сама купила у нихъ растворъ карболовой кислоты (1868). Если вѣрить такимъ показаніямъ, то мысль о самоотравленіи Золотовой получитъ полное подтвержденіе. По этому поводу, въ интересахъ вполнѣ осторожнаго обращенія съ шаткимъ матеріаломъ свидѣтельскихъ показаній, нельзя не обратить вниманія на тотъ поразительный фактъ, что свидѣтели эти были допрошены впервые 20 февраля 1903 года. Гдѣ же они, постоянные жители Тихорѣцка, были прежде? Почему они, имѣвшіе драгоцѣнныя свѣдѣнія о фактѣ первостепенной важности, безмолствовали тогда, когда кругомъ волновались, когда заброшенный ху-

*) *Emmert*, стр. 241.

торъ Тихорѣцкъ очутился въ центрѣ общаго русскаго вниманія?

Но если въ данномъ случаѣ и было самоотравленіе, то чѣмъ же оно объясняется? Какими причинами была вызвана эта неожиданная и роковая развязка? Въ заключительной части постановленія суд. слѣд. Бурцова говорится, что „смерть Татьяны Золотовой послѣдовала отъ самоотравленія карболовой кислотой, совершеннаго подъ вліяніемъ чувства стыда и страха, вызваннаго послѣдовавшимъ распоряженіемъ полицейскаго урядника Товпенко объ отправкѣ ея въ станицу для дальнѣйшаго слѣдованія этапомъ въ екатеринодарскую тюрьму“ (653). Такое заключеніе основано на показаніяхъ свидѣтелей казаковъ, съ которыми мы познакомились выше. Но развѣ въ прочихъ обстоятельствахъ, намъ теперь вполнѣ извѣстныхъ, въ общей обстановкѣ жизни Золотовой въ Тихорѣцкой „кордегардіи“ нельзя найти болѣе понятнаго и убѣдительнаго объясненія того же печальнаго факта? Развѣ то, что обрушилось на голову несчастной Золотовой, начиная отъ ареста въ дорогѣ по обвиненію въ кражѣ и кончая установившимися къ ней отношеніями казаковъ, не вело съ силою естественнаго процесса къ конечной трагической развязкѣ? Не правильнѣе ли, по этому, по крайней мѣрѣ, мнѣніе, высказанное въ конфиденціальномъ представленіи прокурора екатеринодарскаго окружного суда прокурору тифлисской судебной палаты, что „самоубійство Золотовой было результатомъ несчастно сложившихся для нея обстоятельствъ, созданныхъ неосмотрительными дѣйствіями жандармскаго унтеръ-офицера, ненаходчивостью и нераспорядительностью судебнаго слѣдователя Пуссеппа и нѣкоторыми злоупотребленіями со стороны карауливших Золотову чиновъ мѣстной станичной полиціи“ (411). Истина вообще съ трудомъ добывается, но хорошо и приближеніе къ ней...

Подведемъ „итоги“. Они будутъ очень кратки, такъ какъ предыдущее изложеніе съ достаточною ясностью, намъ думается, намѣтило основные выводы, вытекающіе изъ совокупности всѣхъ данныхъ. Предпринятое подъ давленіемъ сильнаго общественнаго мнѣнія и серьезныхъ событій мѣстной жизни, предварительное слѣдствіе по дѣлу „о насильственномъ лишеніи жизни румынской подданной Татьяны Золотовой“ кончилось тѣмъ, что дѣло направлено было къ прекращенію „за отсутствіемъ въ немъ указаній на признаки преступленія“. Пусть такъ. Но развѣ на этомъ можетъ успокоиться общественная совѣсть? Развѣ этимъ уничтожается все огромное значеніе слѣдственнаго матеріала, опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе министерствомъ юстиціи? Преступленіе отдѣльнаго человѣка, какъ бы безобразно, страшно, чудовищно оно ни было само по себѣ, всегда остается индиви-

дуальнымъ дѣяніемъ, мыслимымъ, въ видѣ исключенія, даже при совершенныхъ формахъ общежитія. Но страшнѣе преступленій отдѣльныхъ лицъ, тѣ постоянныя язвы общественной жизни, которыя невидимо для поверхностнаго глаза всасываются въ организмъ народа, разрушая его здоровье, подтачивая его силы, лишая его необходимыхъ условій умственнаго и нравственнаго совершенствованія. Огромное общественное значеніе матеріала, честно и открыто опубликованнаго министерствомъ юстиціи, и заключается въ томъ, что въ немъ мы находимъ вполнѣ ясныя изобличенія весьма серьезныхъ дефектовъ нашей общественности. Недостатокъ уваженія къ человѣческому достоинству, игнорированіе интересовъ человѣческой личности, отсутствіе гарантій къ огражденію ея кровныхъ и законныхъ правъ — вотъ какъ именуются эти дефекты. И разобранный матеріалъ несомнѣнно бросаетъ яркій свѣтъ на всѣ эти явленія. Чрезвычайно неосторожное отношеніе къ предъявленію обвиненія только потому, что „обвиняемымъ“ оказывается никому невѣдомая дѣвушка, а „потерпѣвшимъ“ должностное лицо; легкомысленно-пикантная игра тамъ, гдѣ дѣло требуетъ внимательнаго, вдумчиваго отношенія и серьезнаго исполненія тяжелаго служебнаго долга; проявленіе самаго непозволительнаго формализма даже тогда, когда отъ этого страдаютъ интересы живого человѣка; наконецъ, — самыя ужасныя условія содержанія подслѣдственныхъ арестантовъ, становящихся игрушкою въ рукахъ необузданной и похотливой стражи, топтаемыхъ въ грязь и на каждомъ шагу и въ концѣ концовъ приводимыхъ къ самоубійству, — вотъ тѣ страшные факты, о которыхъ намъ краснорѣчиво говорятъ страницы лежащаго передъ нами слѣдственнаго производства, хотя на нихъ и не нашлось указаній на „признаки преступленія“.

М. Б. Ратнеръ.

Глѣбъ Успенскій о заболѣваніи личности русскаго человѣка.

IV.

Въ „Письмахъ изъ Сербіи“ мы имѣли дѣло вообще съ русскимъ человѣкомъ всѣхъ званій и сословій, а не исключительно только съ интеллигентнымъ человѣкомъ. Конечно, личность русскаго человѣка почти повсюду замордована, вездѣ есть своеобразныя расколотости и вывихнутости, всяческій душевный разладъ, но здѣсь, въ душѣ интеллигентнаго человѣка все это отли-

чается особенной сложностью и развѣтвленностью узоровъ. Основныя черты, типическія формы заболѣванія личности, отмѣченныя Успенскимъ въ добровольческомъ движеніи, также вскрыты имъ въ несравненно болѣе глубокомъ и характерномъ для психологіи русскаго, теперь уже исключительно только интеллигентнаго человѣка, — движеніи. Это — различныя теченія русской общественной мысли, слѣдовавшія тотчасъ же за освободительной эпохой, различныя интеллигентскія увлеченія, ищущія правды и свѣта, всевозможные виды движенія интеллигенціи въ народъ. Мѣнялись программы, лозунги, теоретическія основы, но сущность движенія, тяготѣніе ителлигенціи къ народу, выливавшееся въ той или иной формѣ, оставалось непрерывнымъ за все время послѣднихъ десятилѣтій, да, хочется вѣрить, остается и теперь, останется еще долго въ будущемъ, такъ долго, пока не потеряетъ всякій смыслъ самая антитеза интеллигенціи и народа. Психологію этого тяготѣнія русскаго интеллигентнаго человѣка къ народу, интеллигентскую, народническую психологію, — а не тѣ или другія экономическія или соціальныя формы движенія, не самыя народническія ученія, — Успенскій и изучалъ, главнымъ образомъ, въ своихъ многочисленныхъ очеркахъ, посвященныхъ анализу интеллигентской души. Непосредственнымъ объектомъ этого анализа является прежде всего психологія общественныхъ увлеченій интеллигенціи *его времени,* главнымъ образомъ, 70-ые годы съ ихъ специфическими чертами. Но выводы и обобщенія, сдѣланные художественной разработкой этой темы, простираются гораздо шире этихъ историческихъ рамокъ.

Здѣсь мы должны будемъ остановиться на очень многихъ изъ тѣхъ формъ заболѣваній личности русскаго человѣка, которыя съ особеннымъ вниманіемъ уже прослѣжены Успенскимъ въ своихъ наиболѣе примитивныхъ выраженіяхъ, въ „Письмахъ изъ Сербіи“ и другихъ мѣстахъ. Но здѣсь, въ интеллигентскомъ движеніи, психологическіе узоры этихъ заболѣваній много тоньше и, какъ бы сказать, изящнѣе. Съ тѣми или другими проявленіями общественнаго движенія мы встрѣчаемся въ очень многихъ произведеніяхъ Успенскаго *), но въ болѣе цѣльномъ и законченномъ видѣ, въ высшихъ, наиболѣе интересныхъ формахъ мы находимъ основныя черты этой психологіи въ образѣ Тяпушкина („Волей-неволей“, „Выпрямила“ и др.). Поэтому мы здѣсь разсмотримъ только Тяпушкина. Заранѣе извиняемся передъ читателемъ за обиліе цитатъ,—хочется полнѣе и непосредственнѣе напомнить писанное Успенскимъ.

---

*) См. «Непорванныя связи», «Овца безъ стада», «Волей-неволей», изъ очерковъ «Крестьяне и крестьянскій трудъ»: «Не суйся», «Смягчающія вину обстоятельства», «Узы неправды» и др., «Наблюденія одного лѣнтяя», «Три письма», «Хорошая встрѣча», «Умерла за «направленіе», «Выпрямила» и мн. др.

Тяпушкинъ—самое характерное художественное обобщеніе типическихъ свойствъ интеллигентской психологіи. Въ „Отрывкахъ изъ записокъ Тяпушкина“ (какъ въ подзаголовкѣ называется „Волей-неволей“) не разъ подчеркивается обобщающее значеніе Тяпушкинской психологіи. Онъ постоянно ссылается на „родство Тяпушкинскаго сердца съ сердцемъ всероссійскимъ“, говоритъ о занимающемъ его случаѣ своей жизни, какъ о фактѣ, „имѣющемъ большое общественное значеніе“.

Тяпушкинъ представляетъ собой высшій типъ расколотаго интеллигента. Это одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ героевъ Успенскаго. Тяпушкинъ человѣкъ безусловно хорошій, онъ захваченъ лучшими идеями своего времени, захваченъ ими глубоко и искренно. Но, волнуясь думами и чувствами своего времени, онъ подверженъ также и его недугамъ, мучается его муками, болѣетъ его болью. Жестокая рука переходнаго времени русской жизни опустилась на него всей своей тяжестью, захватила, скомкала и изломала его внутренній міръ. Онъ знаетъ за собой „самый возмутительный, самый безстыдный, подлый фактъ, тяготѣющій надъ его совѣстью. Фактъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ „скелетовъ въ домѣ“, которые, увы! кажется, найдутся въ совѣсти всякаго смертнаго и которые хотя разъ въ жизни *до такой степени ужаснули человѣка передъ самимъ собой— и заставили его испугаться самого себя*, что потомъ всю жизнь, по временамъ припоминаясь, заставляютъ его вздрогнуть всѣмъ тѣломъ, въ ужасѣ закрывать глаза и стонать отъ нестерпимо мучительнаго воспоминанія“ *). Наряду съ высочайшими моральными влеченіями, рядомъ съ величайшимъ подъемомъ душевныхъ свойствъ и нравственныхъ силъ,—въ душѣ Тяпушкина уживаются могильный холодъ и порою ужасныя по своей низости мысли, обнаруживается „способность мрачной злобы“. Но темныя глубины собственной души, заставляющія Тяпушкина дико пугаться самого себя, видны только ему; съ наружной стороны— передъ нами симпатичный человѣкъ съ благородными стремленіями, человѣкъ вполнѣ здоровый, только развѣ слишкомъ тонко чувствующій и глубоко понимающій. Если спросить другихъ о Тяпушкинѣ, то всѣ скажутъ, что онъ хорошій человѣкъ. „Найдутся,—говоритъ онъ,—даже такіе, которые превознесутъ меня, у которыхъ есть въ рукахъ факты моей несомнѣнной доброты, внимательности къ чужому горю. Не разъ въ разговорахъ обо мнѣ мелькнетъ у того или другого расположеннаго ко мнѣ человѣка даже и словечко о моемъ стремленіи къ „самопожертвованію“, и фактовъ приведутъ достаточное количество, и на жизнь мою, дѣйствительно исполненную тяжкихъ мученій, укажутъ не безъ основанія въ подтвержденіе того, что я не только болтаю объ ка-

*) II, 482.

комъ-то общемъ благѣ, но и на дѣлѣ это доказываю и доказывалъ не разъ" *). А, между тѣмъ, этотъ „самоотверженный человѣкъ", какъ съ горькой ироніей называетъ себя Тяпушкинъ, до ужаса пугается самого себя, поймавъ себя за черной, звѣриной думой, „позволивъ овладѣть собой мысли злобной, безчеловѣчной, адской". Мысль эта—желаніе смерти собственному четырехмѣсячному ребенку. Увлеченный идеей всечеловѣчества, Тяпушкинъ вдругъ ощутилъ въ себѣ атрофію самаго простого человѣческаго чувства къ собственному ребенку. И вотъ это и есть „тотъ скелетъ въ домѣ", о которомъ говоритъ Тяпушкинъ: онъ сомнѣвается теперь, „всечеловѣческое ли сердце его или всеволчье"?

Разсказъ Тяпушкина о собственной жизни убѣдительно говоритъ о тѣхъ „подлинныхъ условіяхъ русской жизни", о той „внутренней безрезонности и тяготѣ общаго впечатлѣнія", которыя больше всего способствовали умаленію въ немъ личности и ея человѣческаго достоинства. Вся эта жизнь, которой мы не будемъ здѣсь подробно пересказывать, слагалась изъ „впечатлѣній, исторгающихъ самую мысль о какихъ-то достоинствахъ и „правахъ" личности". Мы уже говорили о сознаніи „неизбывной вины и тяжкаго грѣха", которое съ самаго рожденія тяготѣетъ надъ несчастнымъ Тяпушкинымъ, лишая его смѣлости „жить на бѣломъ свѣтѣ". Школа и жизнь еще болѣе развиваютъ это сознаніе, еще ниже пригибаютъ личность, безжалостно комкая и уродуя ее. Усиливается презрѣніе къ личности и растетъ холопское уваженіе передъ безликимъ стихійнымъ началомъ, стоящимъ надъ личностью. Уроки русской исторіи еще болѣе укрѣпляли эту резиньяцію личности передъ безличнымъ началомъ, это преклоненіе передъ огромными историческими толпами и массами, передъ поглощающимъ личность „мы".

Хотѣлось исчезнуть,—разсказываетъ Тяпушкинъ,—въ этомъ «мы», пойти бы туда, потому что мнѣ-то ничего не нужно; потому что я могу думать только о моемъ ничтожествѣ и ничего, кромѣ муки, не ощущать. А тамъ нѣтъ ни меня, ни моихъ мукъ, ни моей личности, а все подъ гребенку, все одно «мы»... въ немъ какая-то огромная сила (которой я въ отдѣльности капли не чувствую въ себѣ). Эта сила и меня возьметъ, и меня совершенно освободитъ отъ самого себя» **)...

Отъ полнаго бездушья и безсердечья Тяпушкина спасло вліяніе музыки: оно размягчило его сердце, не дало окончательно похолодѣть его гаснущей душѣ, растворило его сознаніе „неизбывной вины и тяжкаго грѣха" въ чувствѣ жгучей жалости къ людямъ, но и здѣсь къ людямъ *вообще*, къ массамъ, къ „нимъ", а не къ отдѣльной конкретной личности, „не къ кому-нибудь и къ чему нибудь изъ того, что и кого онъ передъ собой видѣлъ, а къ

*) II, 483.
**) II, 496.

чему-то отдаленному, къ какому-то огромному, надъ всѣми и всѣмъ висящему горю“ *).

Издавна вкоренившаяся и взрощенная глубочайшими историческими вліяніями и впечатлѣніями, наносимыми окружающей жизнью, вѣковая обезличенность русскаго человѣка послужила для Тяпушкина той почвой, на которую упали сѣмена новыхъ идей, нахлынувшихъ съ притокомъ новыхъ общественныхъ вліяній. Страннымъ образомъ почва эта съ внѣшней стороны оказалась очень подходящей для посѣва сѣмянъ новыхъ идей. Въ разлагающихся формахъ старой жизни нашлись элементы, съ внѣшней стороны, казалось бы, вполнѣ отвѣчающіе требованіямъ нарождающейся жизни. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Тяпушкинъ.

«Я, Тяпушкинъ, конечно, не могъ быть непричастнымъ этому моменту разложенія, и я испугался самого себя; я увидѣлъ, что подъ гнетомъ всего мною пережитаго, воспринятаго со стороны, мое собственное сердце оставалось нетронутымъ, т. е. совершенно дикимъ, съ задатками иногда дикихъ желаній. Но меня спасло то, что въ моемъ маленькомъ звѣрушечьемъ сердцѣ, помимо ощущенія тяжести пережитаго, *было уже зерно жалости, жалостливой тоски не о моемъ горѣ и бѣдѣ, а о какомъ-то чужомъ горѣ и бѣдѣ.* Была жалость къ какимъ-то «имъ», «тѣмъ»... А школа прибавила къ этому знакомство съ ощущеніемъ радости за ихъ успѣхъ, желаніе быть среди этой чуждой мнѣ и моему ничтожеству силы. И вотъ, благодаря этимъ задаткамъ нѣкотораго интереса и вниманія къ чему-то горькому, чужому, я, испугавшись себя, своего недостоинства, прямо бросился, благодаря новымъ наставникамъ, на книгу, быстро дошелъ до послѣдней страницы, *а эта страница говоритъ какъ разъ то, къ чему меня привели, неотразимо, волей-неволей и школа, и жизнь: убавляй себя для общаго блага, для общей справедливости, для умаленія общаго зла. Чего-жъ мнѣ было убавлять себя, когда меня совсѣмъ не было?»* **).

И вотъ, замордованный человѣкъ дѣлается *вдругъ*, подъ натискомъ новыхъ моральныхъ требованій „самоотверженнымъ человѣкомъ“. Повидимому, именно то, что развивалось и укрѣплялось всѣмъ ходомъ русской исторіи, теперь и возводится въ моральный императивъ. Умаленіе личности („убавляй себя!“), бывшее въ теченіе долгихъ вѣковъ русской жизни и для многихъ поколѣній русскихъ людей *исторической необходимостью*, безсознательно осуществлявшейся съ принудительностью стихійно-непреодолимаго процесса природы,—становится теперь *нравственной обязанностью*, на свободное и сознательное служеніе которой личность призывается теперь стонами проснувшейся и возмущенно клокочущей совѣсти. „То, что называется у насъ всечеловѣчествомъ и готовностью самопожертвованія, вовсе не личное наше достоинство, а дѣло исторически для насъ обязательное, и не подвигъ, которымъ можно хвалиться, а *величайшее облегченіе отъ тяжкой для насъ необходимости быть просто человѣчными и самоуважаю-*

*) II, 494.
**) II, 498.

щими" *). Это причудливое сочетаніе исторической необходимости съ нравственной обязанностью, психологическое сплетеніе совѣстливости съ замордованностью у „образцово-убитыхъ въ личномъ отношеніи людей", къ числу которыхъ относитъ себя Тяпушкинъ, можетъ возбудить очень серьезныя недоумѣнія. Въ силу какой-то сложной игры историческихъ преломленій выходитъ, что оскудѣніе личности является какъ разъ той почвой, на основѣ которой совершается прививка новыхъ нравственныхъ идей и общественныхъ задачъ, всечеловѣчности и готовности къ самопожертвованію. Между тѣмъ, почва эта, на самомъ дѣлѣ, въ высшей степени ненадежная и зыбкая. Идея широкаго общественнаго служенія требуетъ какъ разъ высокой нравственной культуры и полной зрѣлости личности. Самоотверженіе есть не умаленіе личности, какъ часто думаютъ, а высшее ея проявленіе, высшее самоутвержденіе личности. Самопожертвованіе требуетъ свободнаго и сознательнаго самоопредѣленія личности, какъ своего непремѣннаго условія, а возможно ли оно при слабой разработкѣ моральной культуры, возможно ли оно для замордованнаго, внутренно-обезсиленнаго человѣка?

Дѣло въ томъ, что дезорганизованная, подверженная процессу разложенія, личность представляется подходящей почвой для пробужденія совѣсти только съ внѣшней стороны, родство между умаленіемъ личности и самопожертвованіемъ только кажущееся; также и совпаденіе между исторической необходимостью, къ которой привели Тяпушкина „подлинныя условія русской жизни", съ нравственной обязанностью, которая выдвигается новыми вѣяніями, очень условное и почти исключительно формальное. Если на каменномъ грунтѣ съ тонкимъ поверхностнымъ слоемъ чернозема посадить гигантское растеніе, оно будетъ распускаться и можетъ обманывать зрѣніе, но только до тѣхъ поръ, пока корни его не упрутся въ камни; тогда растеніе заболѣетъ, покосится и изуродуется. Такъ случилось и съ „самоотверженнымъ человѣкомъ" въ Тяпушкинѣ, который волей-неволей долженъ былъ выРОСТИ изъ „замордованнаго человѣка". Одной способности этого слоя чернозема суживаться и осѣдать оказалось недостаточно для свободнаго роста новаго человѣка, призваннаго къ сооруженію гигантской общественной постройки. Едва показавшіеся ростки новыхъ увлеченій покривились, изуродовались, заболѣли. Историческая связь между старымъ „замордованнымъ человѣкомъ" и новымъ „самоотверженнымъ человѣкомъ"—все же образовалась, и она-то дала поводъ Успенскому въ нѣкоторомъ смыслѣ сближать и какъ-бы ставить за общую скобку такія явленія, какъ топорно замордованные Мишаньки (въ очеркѣ „Не случись" и во многихъ другихъ), добровольческое движе-

*) II, 516.

ніе и нѣкоторыя формы работы совѣсти въ общественномъ движеніи, въ стремленіи интеллигенціи къ народу. Дезорганизація личности въ конечномъ счетѣ опредѣляетъ собой не только оголтѣлость Мишанекъ и тому подобныхъ темныхъ русскихъ людей, въ ихъ очевидно отрицательныхъ и прямо преступныхъ дѣяніяхъ, но и разгильдяйское благородство души ищущихъ случая освободиться отъ себя нашихъ добровольцевъ, и, наконецъ, изъ-подъ высокаго подъема нравственныхъ силъ, изъ-за широкаго общественнаго движенія сквозитъ также дезорганизація личности, сказывающаяся заболѣваніями нормальнаго роста совѣсти и уродованіемъ здороваго служенія общественному дѣлу.

Высокія моральныя требованія, обращенныя къ личности, не встрѣчаютъ ничего, въ собственномъ внутреннемъ мірѣ этой личности, на что можно было бы съ надежной прочностью опереться; поэтому, не сростаясь съ живымъ содержаніемъ душевной жизни *органически*, новая мораль сцѣпляется съ нимъ только *механически*, устремляясь поверхъ личности къ нѣкоторому безличному цѣлому, къ нѣкоторой отвлеченной величинѣ: человѣчеству, обществу, народу, государству и т. п. Работа совѣсти не воплощается здѣсь въ простомъ, конкретномъ, человѣчески-понятномъ участіи къ непосредственному живому человѣку, *къ личности.* Вся высота и напряженность моральныхъ требованій обращается не къ личности и направляется не на личность, а куда-то помимо ея, куда-то въ неопредсленнную даль,—къ безличнымъ, огромнымъ массамъ, къ какой-то отвлеченной, не имѣющей непосредственной реальностя величинѣ, къ какимъ то „имъ“, „тѣмъ“; не къ настоящимъ, непосредственнымъ, конкретнымъ страданіямъ окружающей дѣйствительности и окружающимъ живымъ людямъ, а „къ какимъ-то живымъ массамъ несправедливостей, неурядицъ, требованій, одушевленныхъ въ видѣ человѣческихъ массъ, а не человѣческихъ личностей.“

Попавъ въ деревню, гдѣ онъ родился, Тяпушкинъ на первыхъ же порахъ испугался самого себя, и совѣсть его, убѣгая отъ живыхъ впечатлѣній непосредственно окружающихъ его ужасовъ жизни, тотчасъ-же приняла *безличное массовое направленіе, игнорирующее непосредственную личность живого человѣка.*

Если бы «они» какимъ-то не человѣческимъ, а «особеннымъ» образомъ,—разсказываетъ о себѣ Тяпушкинъ,--сказали мнѣ: «пропади за насъ», я бы немедленно исполнилъ эту просьбу, какъ величайшее счастье и какъ такое дѣло, которое именно мнѣ только и возможно сдѣлать, какъ дѣло, къ которому я приведенъ всѣми условіями и вліяніями моей жизни. Но, попавъ въ деревню и видя это коллективное «мы», размѣненное на фигуры мужиковъ, бабъ, ребятъ, — я не только не получалъ возбуждающаго къ жертвѣ стимула, а, напротивъ, простывалъ и простывалъ до холоднѣйшей тоски. Эти песчинки многозначительныхъ цифръ, какъ люди, требовавшіе отъ меня человѣческаго вниманія къ ихъ человѣческимъ нуждамъ, къ человѣческимъ мелочамъ ихъ жизни, невообразимо меня утомляли, отталкивали даже... Грязь

мучила, въ нуждѣ мелькала и оскорбляла глупость... Больная нога умирающаго мужика, загноившаяся отъ ушиба, возбуждала отвращеніе. Личное участіе, личная жалость были мнѣ незнакомы, чужды, въ моемъ сердцѣ не было запаса человѣческаго чувства, человѣческаго состраданія, которое я бы могъ раздавать всѣмъ этимъ песчинкамъ, милліоны которыхъ въ видѣ цифры, занимающей одну десятую часть вершка на печатной строкѣ—напротивъ, меня потрясали *).

Здѣсь очень интересно попутное замѣчаніе Тяпушкина, бросающее яркій свѣтъ на характеръ историческаго генезиса болѣзненныхъ особенностей и ненормальныхъ изгибовъ въ психикѣ русскаго „самоотверженнаго человѣка". Абстрактная, безличная, такъ сказать, *поверхъ* живого человѣка направленная работа совѣсти была, по остроумной догадкѣ Тяпушкина, свойствомъ „такого замѣчательно загадочнаго человѣка," какимъ былъ царь Иванъ Грозный.

Вѣдь вотъ передъ толпой, предъ массой людей, предъ моремъ человѣческихъ существъ, слитыхъ воедино, въ особый живой организмъ толпы, этотъ человѣкъ могъ публично, на Красной площади, каяться, плакать, просить у этого «организма» прощенія, разсказывать предъ нимъ свои прегрѣшенія, оправдываться, чувствовать потребность оправдываться — только передъ нимъ. А отдѣлись отъ этого организма толпы частица, песчинка, и объявись она въ видѣ человѣческой фигуры, съ человѣческими потребностями, просьбами, желаньями, — словомъ, со всѣми мелочами «человѣческой» породы - тотчасъ замираетъ не только потребность покаянія, а и вниманія, тотчасъ прекращается отзывчивость сердца на дѣйствительныя, всегда мелкія человѣческія требованія. Не разработанное въ этомъ отношеніи сердце, не пережившее этихъ человѣческихъ мелочей, *а прямо, въ звѣриномъ видѣ, закованное въ крѣпкую кору византійства*, не хочетъ, не можетъ быть внимательнымъ и отзывчивымъ на мелочи: оно неуклюже, неуютно для этого. Уйди, напротивъ, это надоѣдливое, отдѣльное лицо въ толпу, уничтожься лично, и проснувшемуся звѣрю легче, потому что онъ и своихъ-то личныхъ, жизненныхъ и живыхъ мелочей не цѣнитъ, не умѣя ни облагородить, ни развить. Ему и самому легче понизиться изъ царей въ монахи, изъ повелителя въ повинующагося *).

Такимъ же образомъ сердце русскаго интеллигента „переходнаго времени" прямо въ своемъ замордованномъ видѣ было заковано въ тонкую кору морали самоотверженія, и не удивительно, что кора эта дала трещины, что исповѣданіе новыхъ идей отлилось въ безличную, часто враждебную живой личности, пугающую ее форму.

Въ „Мишанькахъ" личное начало совсѣмъ атрофировано, они не различаютъ совсѣмъ личности, обращаясь съ ней прямо, какъ съ вещью; доброволецъ пугается живой личности, не умѣетъ встать въ самыя простыя человѣческія отношенія съ живыми, конкретными сербами, тогда какъ за славянское дѣло, за угнетаемыхъ братушекъ положитъ голову свою. У Тяпушкина эта

---

*) II, 499—500.
**) II, 500.

испуганность и потерянность передъ непосредственными личными отношеніями проявляется въ болѣе тонкихъ психологическихъ развѣтвленіяхъ, покрывается еще болѣе сложными узорами. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ и въ сотняхъ другихъ примѣровъ, данныхъ въ произведеніяхъ Успенскаго, со стороны омертвѣлой личности, хотя бы и „самоотверженнаго человѣка,“ сказывается одна и *та-же боязнь живого человѣческаго лица и проявляющейся въ этомъ лицѣ непосредственности жизни.*

Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ у Достоевскаго Алеша въ бесѣдѣ съ братомъ Иваномъ припоминаетъ слышанное имъ не разъ отъ старца Зосимы замѣчаніе, что „лицо человѣка часто многимъ еще неопытнымъ въ любви людямъ мѣшаетъ любить.“ Эта психологическая особенность довольно подробно разработана Достоевскимъ въ его оригинальной теоріи любви къ дальнему, о которой идетъ рѣчь во многихъ мѣстахъ его произведеній. Психологія любви къ дальнему разработана Достоевскимъ по своему, съ своей, иной точки зрѣнія, нежели атрофія живого отношенія къ личности, боязнь человѣческаго лица у расколотыхъ интеллигентовъ Успенскаго. Но и у Достоевскаго любовь къ дальнему демонстрируетъ дефектъ личнаго сознанія (Ничше развиваетъ прямо противоположную Достоевскому точку зрѣнія въ расцѣнкѣ этого явленія, хотя любовь къ дальнему у него имѣетъ нѣсколько иной психологическій смыслъ). Любопытно, что, какъ любовь къ дальнему у Достоевскаго, такъ и обезличенное направленіе совѣстливости, пугающейся живого лица, у героевъ Успенскаго, проявляется чаще всего при высокомъ уровнѣ нравственныхъ запросовъ, у людей широкаго сознанія. Но и тамъ, и здѣсь это все же указываетъ на банкротство личности, теряющейся при столкновеніяхъ *съ непосредственностью* жизни. Обидно, что этотъ, въ самомъ дѣлѣ, богатый запасъ благородныхъ увлеченій и хорошихъ чувствъ, эта до чрезвычайности напряженная работа совѣсти и сердца (повторяемъ,—Тяпушкинъ прекрасный человѣкъ, не надо забывать, что его приговоръ надъ собой результатъ *безстрашнаго, смѣлаго,* доходящаго до жестокости, отношенія къ самому себѣ) направлены куда-то въ невѣдомую даль, разряжаются гдѣ-то въ глубинѣ его существованія, вдали отъ непосредственной жизни и живыхъ человѣческихъ отношеній безотносительно къ личности,—разряжаются крайне болѣзненно, мучительно, безъ всякой внутренней гармоніи и душевнаго успокоенія. Этотъ же безсильный испугъ передъ живой личностью, живымъ человѣческимъ лицомъ и голосомъ непосредственной жизни лежитъ въ основѣ другой особенности интеллигентской психологіи, сказавшейся въ тѣхъ или другихъ проявленіяхъ въ общественномъ движеніи, въ характерѣ тяготѣнія интеллигенціи къ народу,—*въ основѣ оторванности общественнаго дѣла отъ собственнаго дѣла личности, разобщенности личнаго и общественнаго дѣла, моральной куль-*

туры и соціальнаго вопроса. Безличное направленіе работы совѣсти обезличиваетъ и самое служеніе широкому общественному дѣлу, которое беретъ на себя „самоотверженный человѣкъ," разряжая весь скопившійся запасъ душевнаго напряженія внѣ окружающей дѣйствительности и окружающихъ личностей. Бурное клокотаніе совѣсти находитъ себѣ исходъ въ увлеченіи общественнымъ дѣломъ *безотносительно къ личности* и ея внутренней пригодности.

«Я стремлюсь,—говоритъ Тяпушкинъ,—погибнуть во благо общей гармоніи, общаго будущаго счастья и благоустроенія, но стремлюсь потому, что лично я уничтоженъ; уничтоженъ всѣмъ ходомъ исторіи, выпавшей на долю мнѣ, русскому человѣку. Личность мою уничтожили и византійство, и татарщина, и петровщина; все это надвигалось на меня нежданно-негадано, все говорило, что это нужно не для меня, *а вообще* для отечества, что мы *вообще* будемъ глупы и безобразны, если не догонимъ, не обгонимъ, не перегонимъ... Когда тутъ думать *о своихъ* какихъ-то правахъ, о достоинствѣ, о человѣчности отношеній, о чести, когда, что ни «улучшеніе быта»—то только слышно хрустѣніе костей человѣческихъ, словно кофей въ кофейницѣ размалываютъ? Все это, какъ говорятъ, еще только фундаментъ, основаніе, постройка зданія, а жить мы еще не пробовали; только-что русскій человѣкъ, отдохнувъ отъ одного улучшенія, сядетъ покурить трубочку, глядь, другое улучшеніе валитъ невѣдомо откуда. Пихай трубку въ карманъ и полѣзай въ кофейницу, если не удалось бѣжать во лѣса—лѣса дремучіе!..» *).

Отъ личнаго дѣла къ общему „нѣтъ дороги, даже нѣтъ тропинки". Общественное дѣло лишено естественной крѣпости, органичности, потому что за нимъ не стоитъ оживляющій его, свой собственный, личный интересъ, потому что не вдохновляется оно зрѣлымъ и здоровымъ личнымъ началомъ; общественное дѣло лишено естественной непринужденности, внутренней гармоніи; оно обезцвѣчено, обезличено, потому что въ немъ нѣтъ здоровой сердцевины, вырабатывающей общественное изъ личнаго; съ другой стороны, и личное сознаніе сужено, окорочено, грубо обезображено животнымъ и прямо „свинымъ элементомъ," потому что оторвано отъ широкаго общественнаго дѣла, безнадежно запутано, скомкано, смято, не расправлено во всю свою естественную ширь, мощь и красоту, при которыхъ личное достигаетъ размѣровъ общественнаго, а общественное оказывается личнымъ.

Такимъ путемъ,—говоритъ Тяпушкинъ,—въ тѣхъ россійскихъ жителяхъ, которые попадали въ кофейницу, не могло развиться по части эгоизма почти ничего; ни по отношенію къ другимъ русскій человѣкъ не могъ разработать болѣе или менѣе широко чувствительности своего сердца, и оно осталось такое маленькое, звѣрушечье, какъ и было въ ту пору, какъ на него нагрянуло византійство. Но за то увѣренность въ необходимости жить, покоряясь чему-то не своему, чужому, тяжкому, служить, не думая о себѣ, какому-то, иногда совершенно невѣдомому, но надо всѣми одинаково тяготѣющему дѣлу,

---

*) II, 513. Курсивъ подлинника.

увѣренность въ томъ, что эта тягота есть самая настоящая задача и цѣль жизни—это въ насъ воспитано необыкновенно прочно *).

Личное—само по себѣ, и потому оно „маленькое, звѣрушечье", *общественное*—само по себѣ, и потому оно „не свое, чужое, тяжкое"; здѣсь съуженная въ себѣ личность, — тамъ обезличенное общественное дѣло; но ни тутъ, ни тамъ нѣтъ „настоящаго", „живого", „заправскаго", „гармоническаго".

Наконецъ, дезорганизація личности создаетъ еще одну очень характерную особенность въ процессѣ работы совѣсти. Самоотверженная работа совѣсти, обращенная къ безличнымъ массамъ, при слабомъ развитіи личности, не является вовсе выраженіемъ сознанія своей нравственной отвѣтственности передъ другими, какъ это должно бы быть въ здоровомъ сознаніи, а, напротивъ, скорѣе служитъ выраженіемъ желанія освободиться отъ этой отвѣтственности, желанія „не отвѣчать за себя". Работа совѣсти здѣсь, по странной игрѣ психологическихъ противорѣчій, *не есть проявленіе отвѣтственности, но безотвѣтственности*. Обезличенному, изнуренному постоянной, неугомонной возней внутреннихъ противорѣчій, русскому человѣку хочется только, во что бы то ни стало, сбросить съ себя тяжелое бремя самоотчетности, сознаніе моральной отвѣтственности передъ собой и людьми. И вотъ, онъ ищетъ случая отдаться какому-нибудь властному, стихійному зову, внушенію какого-нибудь огромнаго общественнаго дѣла, которое захватило бы его, подчинило бы себѣ, лишило своей воли, собственной личности, мучительной необходимости „отвѣчать". Это сказалось уже въ психологіи добровольца; въ Тяпушкинѣ черта эта выразилась еще рѣзче.

«*Сами мы* привыкли, и насъ пріучила къ этому вся исторія наша—не считать себя ни во что, сами мы поэтому можемъ относительно *себя лично* допустить и перенести всякую гадость, помириться со всякимъ давленіемъ, вліяніемъ, поддаться всякому впечатлѣнію: «намъ лично ничего не нужно». Добиваться своего личнаго благообразія, достоинства и совершенства намъ трудно необыкновенно, да и поздно. «*Уведи* меня въ станъ погибающихъ», вопіетъ герой поэмы Некрасова «Рыцарь на часъ». И въ самомъ дѣлѣ: лучше увести его туда, а не то, оставьте его съ самимъ собой, такъ вѣдь онъ отъ какого-нибудь незначительнаго толчка того и гляди шмыгнетъ въ станъ «обагряющихъ руки въ крови»... Тургеневская Елена въ «Наканунѣ» говоритъ:—«кто отдался весь, *тому горя мало*... тотъ ужъ *ни за что не отвѣчаетъ. Не я хочу*... *то* хочетъ!» Видите, какое для насъ удовольствіе *не отвѣчать* за самихъ себя, какое спасеніе броситься въ большое, справедливое дѣло, которое бы поглотило наше *я*, чтобы это *я* не смѣло хотѣть, а иначе... оно окажется весьма мучительнымъ для своего обладателя. Иначе оно—«горе». Горя мало *не отвѣчать* за себя, имѣть возможность забыть себя, сказавъ: *не я хочу*, *то* хочетъ...» **).

Герой Успенскаго, Тяпушкинъ, очень мало склоненъ, конечно,

---

*) II, 513.
**) II, 516. Курсивъ подлинника.

„шмыгнуть въ станъ обагряющихъ руки въ крови“, но, подобно Некрасовскому герою и всякому другому русскому герою (трагизмъ въ томъ, что часто герою въ собственномъ смыслѣ слова), душевное равновѣсіе Тяпушкина въ высшей степени неустойчиво. Ища случая освободиться отъ личной отвѣтственности, онъ часто не знаетъ, куда броситься:—бросается въ добровольческое, идейное, общественное и всякое другое движеніе, но легко можетъ, по неуравновѣшенности своей натуры, при слабости личной культуры—сорваться, угодить совсѣмъ не туда, пожалуй, даже въ „станъ обагряющихъ руки въ крови“.

Вотъ отчего, вѣроятно, въ личности такого русскаго человѣка, какимъ-то непостижимымъ способомъ, самое возвышенное уживается съ отвратительнымъ, великое сочетается съ ничтожнымъ, часто удивительно легко переходя въ него; кажется, именно это и зовется широкостью русскаго человѣка, о которой всегда такъ много говорилось и писалось...

V.

Мы отмѣтили нѣкоторыя формы болѣзненныхъ особенностей интеллигентской психики, легшія въ той или иной мѣрѣ въ основу широкаго общественнаго движенія русской интеллигенціи, главнымъ образомъ, — интеллигенціи 70-хъ годовъ; всѣ здѣсь отмѣченныя черты держатся на одномъ психологическомъ стержнѣ, выростаютъ изъ одного корня—дезорганизаціи личности. Отмѣчая тѣ или другія заболѣванія у интеллигенціи, скрывавшіяся въ увлеченности тяготѣнія ея къ народу, въ народническомъ движеніи, Успенскій, конечно, не относился къ этой интеллигенціи и къ этому движенію *безусловно* отрицательно. Нѣтъ, интеллигентская душа настолько близкая, родная ему душа, общественное движеніе того времени настолько дорого и цѣнно въ его глазахъ, что о безусловномъ отрицаніи не можетъ быть и рѣчи. Увлеченіе того времени есть, быть можетъ, самое лучшее, самое отрадное и свѣтлое мѣсто въ исторіи нашего общественнаго самосознанія. Но все жъ „не случайно ее онъ суровымъ упрекомъ своимъ оскорбилъ“, а „обдумалъ его, но обдумалъ любя, а любя глубоко, глубоко и язвилъ“. Рѣзкое подчеркиванье болѣзненности интеллигентской психики есть результатъ хотя любовнаго, но тѣмъ болѣе безстрашнаго, глубоко захватывающаго анализа. Конечно, Успенскій имѣлъ дѣло не съ вершинами своей эпохи, не съ отдѣльными выдающимися представителями и исключительными людьми, а съ долиной, съ среднимъ человѣкомъ, съ „сердцемъ всероссійскимъ“, сказавшимся въ сердцѣ Тяпушкина. И здѣсь онъ, любя, судилъ и, осуждая, любилъ. Повышенная совѣстливость есть все же, не смотря на всѣ болѣзненныя особен-

ности и ненормальныя уклоненія, едва ли не самая большая нравственная цѣнность изъ всего, чѣмъ обладаетъ русская интеллигенція. И надо самому глубоко и мучительно переболѣть этой болью, чтобы понять имѣющіяся въ ней положительныя стороны: своеобразную поэзію, облагораживающее вліяніе этой боли. И Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, несомнѣнно, болѣлъ этой болью... Объ этомъ, помимо документальныхъ біографическихъ данныхъ, говорятъ уже тѣ тонкія психологическія блестки, которыя запечатлѣлись въ художественно написанныхъ воспоминаніяхъ объ Успенскомъ В. Г. Короленко и С. Я. Елпатьевскаго. Воспоминанія эти разсказали о той мукѣ, которою мучился Успенскій, о той постоянной, неутѣшной скорби, которая заставляла мучительно содрогаться его изболѣвшее, уставшее, но не перестающее страдать сердце. Они разсказали о страданіяхъ великаго русскаго интеллигента. Г. И. Успенскаго, разсказали, конечно, не такъ, не тѣми словами, не съ тѣмъ оттѣнкомъ особеннаго выраженія, съ какимъ сталъ бы объ этомъ говорить самъ Успенскій. Онъ самъ говорилъ о страданіяхъ русскаго интеллигента, дѣлая въ „Волей неволей“ „опытъ опредѣленія „подлинныхъ размѣровъ“ и подлинныхъ свойствъ русскаго сердца“. И, если русская жизнь не знала еще другого такого мученика-интеллигента, какимъ былъ Г. И. Успенскій, не видала еще другого такого искренняго сердца, какое билось въ его груди, то все же и въ Тяпушкинѣ, въ этомъ симпатичномъ среднемъ русскомъ интеллигентѣ, въ этомъ носителѣ „всероссійскаго сердца“, въ его мучительно неугомонномъ болѣніи—есть также много того, что должно быть возвеличено и увѣнчано, если не лавровымъ, то терновымъ вѣнкомъ. Великому русскому страдальцу-интеллигенту не могутъ быть чужды страданія интеллигенціи. Не даромъ идея, „что извѣстному поколѣнію русскаго общества обязательно было „пропасть“ во имя чужого дѣла, чужой работы, пропасть волей-неволей, потому что къ этому его привела вся человѣческая мысль и вся человѣческая жизнь, и что если оно не увѣруетъ въ это, не укрѣпитъ себя въ этомъ, то ничего, кромѣ самой ужасающей, безплоднѣйшей и адски-мучительной глупости, выработать оно не можетъ“ *), эта „любимая идея Тяпушкина“ есть почти уже идея самого Успенскаго. Именно поэтому съ такой горячей, трепетной радостью Успенскій привѣтствовалъ было „Пушкинскую“ рѣчь Достоевскаго, въ которой онъ сначала усмотрѣлъ подтвержденіе той же, родной ему „любимой идеи Тяпушкина“. „Какъ было не привѣтствовать г. Достоевскаго,—писалъ онъ тотчасъ послѣ рѣчи,—который въ первый разъ въ теченіе почти трехъ десятковъ лѣтъ, съ глубочайшею искренностью, рѣшился сказать всѣмъ изстрадавшимся за эти трудные годы: — „Ваше неумѣнье успокоиться въ личномъ

*) II, 445.

счастіи, ваше горе и тоска о несчастіи другихъ и, слѣдовательно, ваша работа, какъ бы несовершенна она ни была, на пользу всеобщаго благополучія есть предопредѣленная всей вашей природой задача, задача, лежащая въ сокровеннѣйшихъ свойствахъ вашей національности" *). Успенскому послышалось здѣсь оправданіе вѣкового скитальничества русскаго интеллигента-страдальца, послышались „слова о неизбѣжности для всякаго русскаго человѣка жить, страдая скорбями во всечеловѣческихъ страданіяхъ", т. е. косвеннымъ образомъ оправданіе неизбѣжности тѣхъ же внутреннихъ расколотостей, того же интеллигентскаго вывиха, оправданіе необходимости пропасть „волей-неволей", „во имя чужого дѣла, чужой работы".

Успенскій открываетъ передъ русской интеллигенціей раны и язвы ея души, обнажаетъ ужасныя пустоты въ ея внутреннемъ мірѣ, но онъ понимаетъ и громадность ея задачъ, испытываетъ самъ обаяніе ея идеала, а потому и говоритъ ей: иди! Нарисовавъ картину внутреннихъ неурядицъ интеллигентской души, Успенскій въ конечномъ счетѣ своихъ разсужденій какъ бы говоритъ ей:

. . . . . А всетаки иди!
И всетаки смѣлѣй иди на тяжкій крестъ, иди на подвигъ твой!..

Какъ бы ни была мучительна, болѣзненна, тяжела „обязанность пропасть волей-неволей", но „для извѣстнаго поколѣнія русскаго общества" внѣ этого исхода—нѣтъ выхода, нѣтъ спасенія; внѣ этого исхода—„ничего, кромѣ самой ужасающей, безплоднѣйшей и адски-мучительной глупости выработать оно не можетъ", внѣ его для этого поколѣнія русской интеллигенціи остаются только хищническіе идеалы купцовъ Таракановыхъ, Мясниковыхъ, „буржуевъ", вообще идеалы купоннаго строя жизни. Дорога къ идеалу гармоническаго, выпрямленнаго во весь свой естественный ростъ человѣка лежитъ для „извѣстнаго поколѣнія русскаго общества" черезъ ея собственный душевный разладъ, дорога къ гармоніи ведетъ здѣсь черезъ дисгармонію. Русскому интеллигентному человѣку приходится прежде ужасно испугаться отсутствію въ себѣ личности, а потомъ уже начать искать, вырабатывать ее въ себѣ.

Но въ общемъ у Успенскаго замѣчаются нѣкоторыя колебанія въ расцѣнкѣ интеллигентскаго вывиха. На основаніи только что изложенныхъ здѣсь соображеній, Успенскій видитъ въ немъ средство, порою („для извѣстнаго поколѣнія") необходимое средство, которымъ, такъ сказать, покупается будущая гармонія; но мѣстами онъ склоненъ совершенно обезцѣнивать его, отказывая ему и въ этомъ условноположительномъ значеніи. Душевная

*) III, 348.

дисгармонія отталкиваетъ его непримиримо, онъ говоритъ о ней съ безусловнымъ осужденіемъ *). Это именно въ тѣхъ случаяхъ, часто возбуждавшихъ недоумѣніе критики и невѣрное, вслѣдствіе этого, пониманіе ею сущности идеаловъ Успенскаго (рѣзкій примѣръ г. Богучарскій), когда Глѣбъ Ивановичъ, наскучивъ видомъ всеобщей дисгармоніи, уставъ интеллигентской усталостью и раздражаясь на нее, съ огорченнымъ сердцемъ желалъ посмотрѣть хотя бы на „*подлинное* шарлатанство“, „*подлинное* невѣжество“, лишь бы увидѣть „что-нибудь настоящее, безъ прикрасъ и фиглярства: какого-нибудь стариннаго становего, вѣрнаго призванію бросаться и обирать“... и т. п. Въ такія-то именно минуты Успенскій съ завистью говоритъ о „заправскомъ“ укладѣ европейской жизни, колеблется, кому отдать предпочтеніе: звѣрушечьей ли, узко-личной правдѣ серба, или до безличности широкому стремленію къ самопожертвованію русскаго добровольца; въ такія минуты и съ такимъ настроеніемъ *безнадежной* усталости онъ съ чувствомъ отрады и облегченія можетъ, пожалуй, говорить о „версальскихъ судахъ“ и „берлинскомъ звѣрѣ“; тогда-то именно онъ съ тоскливымъ чувствомъ отчаянія поетъ гимны звѣриной, лѣсной правдѣ и примитивной зоологической гармоніи, гармоніи животнаго состоянія. Все это, между прочимъ, и побудило критику заговорить объ отрицательномъ отношеніи Успенскаго къ интеллигенціи.

Мы уже приводили въ 3-й главѣ остроумное замѣчаніе Успенскаго о томъ, какъ „добровольцы были сконфужены *прочностью* заграничнаго человѣка“, сконфужены, какъ „ребенокъ, которому не подарили такихъ же фольговыхъ часовъ, какіе подарили его пріятелю-ребенку“. Эта сконфуженность передъ „прочностью“ „заправской“ заграничной жизни ощущается и Тяпушкинымъ, человѣкомъ болѣе тонкой душевной организаціи; ея не былъ чуждъ, въ минуты особенной душевной усталости и раздерганности отъ созерцанія всяческой дисгармоніи,—и самъ Успенскій. Но узоры его душевныхъ противорѣчій отличаются еще большей, едва уловимой тонкостью; вотъ почему, между прочимъ, изъ количественно очень обширнаго біографическаго матеріала, появившагося въ литературѣ тотчасъ послѣ Успенскаго, въ самомъ дѣлѣ близко подходятъ къ своей цѣли: уловить сущность индивидуальности Глѣба Ивановича,—быть можетъ, только художественные наброски Короленко и Елпатьевскаго. Успенскій, вѣроятно, самъ

*) Оговариваюсь, что здѣсь рѣчь идетъ все время исключительно о внутреннемъ вывихѣ (и при томъ о такомъ, который ничѣмъ не сказывается въ образѣ жизни и поведеніи,—часто безупречно нравственномъ и высокомъ,—о расколотости между мыслью и волей только, а не между мыслью и дѣломъ); внѣшніе же вывихи, внѣшняя расколотость (которыхъ такъ много въ очеркѣ «Больная совѣсть») ничего, кромѣ брезгливости и отвращенія у Успенскаго, по справедливости, не заслуживаютъ.

носилъ во многострадавшей душѣ своей своеобразный болѣзненный вывихъ *), и этотъ-то дорогой намъ вывихъ его душевной неуравновѣшенности съ любовной заботливостью и понятнымъ почтеніемъ разсматриваютъ и расправляютъ теперь близко знавшіе Успенскаго люди. И вотъ, этотъ „большой художникъ, съ большимъ сердцемъ", этотъ великій русскій интеллигентъ, вдругъ конфузится за самого себя, съ почтеніемъ останавливаясь передъ примитивными формами гармоніи. Какъ тутъ не растеряться критикѣ! При такомъ богатствѣ души, при такой рѣдкой, исключи-

---

*) Я не о болѣзни въ *узкомъ* смыслѣ говорю, — здѣсь считаю себя совсѣмъ уже не компетентнымъ. О вывихѣ же въ болѣе широкомъ смыслѣ, мнѣ кажется, даютъ право говорить, какъ непосредственныя свидѣтельства все еще очень скудныхъ біографическихъ матеріаловъ, такъ и болѣе отдаленные намеки, при посредствѣ которыхъ можно до нѣкоторой степени проектировать личныя свойства Успенскаго на основаніи самыхъ его сочиненій. Въ нихъ, по собственнымъ словамъ Успенскаго, «пересказана почти изо дня въ день» вся его «новая біографія, послѣ забвенія старой» (до двадцати лѣтъ). О душевной неуравновѣшенности Успенскаго говоритъ Н. К. Михайловскій уже въ той статьѣ, которая была приложена къ Павленковскому изданію сочиненій Успенскаго. Здѣсь принципъ гармоніи, какъ конечный идеалъ Успенскаго, выводится изъ дисгармоніи душевнаго склада самого писателя. Въ «Матеріалахъ для біографіи Г. И. Успенскаго» (Русск. Бог. 1902 г. № 4) Н. К. Михайловскій говоритъ о внутреннемъ разладѣ Глѣба Ивановича еще опредѣленнѣе, прослѣживая его въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ переходитъ въ состояніе явно-болѣзненное, сказываясь въ бредовыхъ символахъ раздвоенности между Глѣбомъ, началомъ совѣсти, и «Ивановичемъ», олицетворяющимъ вліяніе наслѣдственности. «Памятуя освѣщеніе, данное самимъ Успенскимъ своей «генеалогіи», надо признать, что по наслѣдству онъ получилъ, вмѣстѣ съ художественнымъ талантомъ, зачатки психической неуравновѣшенности и «свиного элемента», какъ выражается діаконъ въ разсказѣ «Неизлѣчимый»; лично же ему, Глѣбу, принадлежитъ борьба съ этимъ свинымъ элементомъ и страшная жажда душевнаго равновѣсія, гармоніи, какъ въ себѣ самомъ, такъ и въ окружающей жизни... Въ этихъ страстныхъ поискахъ равновѣсія и въ этой борьбѣ—будемъ говорить: съ «Ивановичемъ» —заключается вся біографія Успенскаго, начиная съ дѣтскаго и ранняго юношескаго возраста, когда онъ «безпрестанно плакалъ, не зная, отчего это происходитъ, продолжая всею его литературной дѣятельностью и кончая тяжелымъ бременемъ помраченія сознанія». То, что мы называемъ «вывихомъ» Успенскаго, есть одно изъ выраженій этой сложной внутренней борьбы, о которой почти ничего не говоритъ несложная внѣшняя фабула его біографіи. Тонкіе, какъ паутина, узоры противорѣчій, между непосредственнымъ влеченіемъ и нравственнымъ велѣніемъ, глубокія мученія отъ того, что эти велѣнія далеко не всегда являются въ то же время и влеченіями самой природы, болѣзненная неуравновѣшенность, внутренняя дисгармонія, вѣчное недовольство собой,—все это дѣлало Успенскаго самомучителемъ, «мученикомъ больной совѣсти». Отсюда самоистязанія, распинанія себя за только мелькнувшую тѣнь нехорошей мысли (отразилось въ Тяпушкинѣ). Въ бредовомъ состояніи это привело къ измышленію небывалыхъ своихъ преступленій и ужасовъ, «избіенія всей семьи и всѣхъ друзей, или собственнаго превращенія въ свинью». Эти призраки самомучительства начинаются въ болѣе тонкихъ и малоуловимыхъ формахъ еще ранѣе дѣйствительнаго заболѣванія, незамѣтно переходя въ него.

тельной, быть можетъ, даже единственной въ русской литературѣ глубинѣ, искренности и трепетной отзывчивости, странно видѣть эту постоянно оглядывающуюся на себя, на свою интеллигентскую природу, конфузливость передъ какой-нибудь звѣрушечьей гармоніей или „прочностью заграничнаго человѣка". За то для насъ, русскихъ интеллигентовъ, скорбный ликъ великаго русскаго интеллигента-всечеловѣка долженъ служить живымъ оправданіемъ жизни и дѣла интеллигенціи, и могущественнѣйшимъ нрвственымъ стимуломъ.

И русской интеллигенціи не слѣдуетъ убѣгать отъ себя, отъ вывиха своей душевной скорби, а принять его, признать его цѣнность,—только признать *условно*: не какъ конечный идеалъ, а какъ средство, которымъ „извѣстному поколѣнію русскаго общества" приходится *волей-неволей* достигать идеала. Признать въ томъ смыслѣ, въ какомъ Успенскій привѣтствовалъ Пушкинскую рѣчь Достоевскаго, увидавъ въ ней наконецъ-то произнесенное слово оправданія страданій русскаго интеллигента - скитальца: нужно же когда-нибудь высказать этому изстрадавшемуся человѣку слово одобренія въ его вѣчной борьбѣ съ самимъ собой, признать, что *не лишній же* онъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ.

И, если ужъ некуда бѣжать отъ своей душевной неуравновѣшенности, иначе какъ въ дремучіе лѣса различныхъ примитивныхъ формъ гармоніи, гармоніи, для интеллигенціи уже утраченной безвозвратно,—то какой смыслъ можетъ имѣть въ такомъ случаѣ отказъ отъ своего интеллигентскаго первородства ради чечевичной похлебки всевозможныхъ формъ примитивной, не божественной, а животной гармоніи. Это не только недостойно интеллигенціи, но и совершенно безполезное для нея, безнадежное дѣло.

Пусть вывихъ интеллигенціи, обязательность „пропасть" во имя чужого дѣла—тяжелый крестъ для нея, но нужно не уважать себя, чтобы безпомощно метаться, проклиная свою правду и свое дѣло, предавая поруганію свою интеллигентскую природу. Если некуда уйти отъ этого креста, если нельзя освободиться отъ него иначе, какъ цѣною отказа отъ цѣли своихъ стремленій, отъ своего идеала, сдавшись „самой ужасающей, безплоднѣйшей и адски-мучительной глупости", то лучше уже принять крестъ, съ достоинствомъ и, не смущаясь, нести его на своей груди. Трудно представить себѣ, какое ужасное, оскорбляющее святыню впечатлѣніе получилось бы, если-бы Христосъ, распятый на крестѣ Христосъ, вдругъ бы не захотѣлъ, расхотѣлъ принять крестъ, застыдился бы своего вида, сталъ-бы тяготиться распятіемъ, завидуя гармоничности стоящихъ у креста римскихъ стражниковъ, конфузясь прочной самоувѣренности распявшаго его стараго человѣка. Христосъ былъ распятъ на крестѣ людьми и страдалъ онъ за свое дѣло *не какъ Богъ, а какъ человѣкъ*. И это имѣетъ

огромный смыслъ; это говоритъ, что муки креста не были гармоническими, Христосъ не отдавался крестнымъ мукамъ, какъ своей родной стихіи, въ полной гармоніи съ самимъ собой: онъ шелъ на крестъ не по вольной волѣ, а *по долгу*. Онъ мучился не образно только, а на самомъ дѣлѣ, и видъ его былъ болѣзненно искаженъ отъ мучительныхъ содроганій, и тѣло его, снятое съ креста, было обезображено слѣдами пережитыхъ мученій. Новый человѣкъ родится изъ ветхаго въ крестныхъ мукахъ, гармоническій человѣкъ будущаго выростаетъ изъ теперешняго, вывихнутаго, „самоотверженнаго человѣка", русскаго интеллигента Тяпушкина. И не надо унизительно кричать отъ этой боли, не надо пытаться вырвать ея тѣмъ, чье сердце уже поражено; не надо безпомощно оглядываться назадъ, стыдясь своего искаженнаго мученіями лица. Высшая задача окончательной побѣды надъ собой для безнадежно-вывихнутой интеллигенціи состоитъ въ томъ, чтобы, *преодолѣвъ внутренній разладъ, найти въ дисгармоніи своего внутренняго міра особую гармонію*. Но сто кратъ болѣе блаженны тѣ, „настоящіе", нерасколотые интеллигенты *), которымъ гармонія досталась сама собой, „безъ борьбы, безъ думы роковой". Этихъ неискушенныхъ праведниковъ совсѣмъ миновала чаша сія. И Успенскій отъ всей души радуется, что это такъ вышло (здѣсь, какъ и во многихъ существенныхъ пунктахъ этихъ, въ исходныхъ основаніяхъ, діаметрально-противоположныхъ міросозерцаній, Успенскій расходится съ философіей креста Достоевскаго). У Успенскаго не создается культа креста, *самый* крестъ не возводится въ идеалъ, *не обоготворяется*.

Интеллигентскій вывихъ, этотъ крестъ интеллигенціи, Успенскимъ не возводится въ идеалъ, онъ не творитъ себѣ изъ него кумира. Идеалъ его ясно и опредѣленно сознанъ, и идеаломъ этимъ является естественная прелесть расправленнаго во всю ширь, красоту и гармонію своего существа, человѣка, т. е. такого свѣтлаго, радостнаго, безболѣзненнаго состоянія человѣческой жизни, при которомъ навсегда и безслѣдно исчезаетъ всякое помышленіе о крестѣ, долгѣ, страданіи, дисгармоніи, исчезаетъ всякая тяжесть и остается только сознаніе вольной - воли, сознаніе „радости жить на бѣломъ свѣтѣ" и „чувствовать себя человѣкомъ". Конечный идеалъ Успенскаго — страстная мечта теперешняго скомканнаго человѣка по выпрямленному человѣку грядущей, сознательной и свободной гармоніи, мучительная тоска о человѣкѣ, живущемъ на вольной волѣ своего роскошнаго естества, въ полной гармоніи съ самимъ собой, безъ насилій и принужденій, безъ долга и обязанностей, глубоко моральномъ по самой своей природѣ.

Идеалъ Успенскаго, его культъ естественной прелести и есте-

*) Въ моемъ очеркѣ объ Успенскомъ II гл.

ственной моральности человѣческаго существа можно было бы назвать въ извѣстномъ смыслѣ—*религіей всечеловѣка, всечеловѣчествомъ.* Въ этомъ мѣстѣ мысль Успенскаго очень близко подходитъ къ нѣкоторымъ элементамъ ученія Ничше, давшаго въ своемъ идеалѣ Uebermensch'а своеобразную *религію человѣка-бога.* Всечеловѣкъ Успенскаго и человѣко-богъ Ничше имѣютъ нѣкоторыя несомнѣнныя точки соприкосновенія, хотя, въ конечномъ счетѣ, существенно расходятся. Въ основѣ идеала Ничше, гармоніи красивой и сильной индивидуальности, такъ же, какъ и въ основѣ идеала Успенскаго, лежитъ мысль полнаго раскрѣпощенія, полнаго освобожденія человѣка, оставляющаго его только во власти самого себя, на вольной волѣ своей собственной природы, которая въ своемъ могучемъ творчествѣ настолько сильна и прекрасна (у Успенскаго также и моральна, и человѣчна, у Ничше—только сильна и красива), что не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ подпоркахъ, ни въ какихъ еще другихъ моральныхъ, метафизическихъ и религіозныхъ крѣпяхъ. Но здѣсь и важное различіе, разъединяющее ихъ, дѣлающее изъ Ничше—возмущеннаго обличителя христіанства, обожествляющаго Uebermensch'а, изъ Успенскаго—апостола всечеловѣчества. Для Ничше все равно: будетъ ли гармонія могучаго творчества жизни—моральной, человѣчной; онъ жаждетъ ея во что бы то ни стало, ради нея онъ готовъ на какія угодно человѣческія жертвы; ему все равно: будетъ ли она всечеловѣческой или безчеловѣческой, онъ и отъ безчеловѣчности не отказывается, даже подчеркиваетъ ее, какъ условіе своего идеала, переоцѣнивающаго цѣнности. Успенскій можетъ согласиться только на *гармонію человѣчности.* Ничше если прямо не отрицаетъ гармоніи самопожертвованія *), то не предпочитаетъ ее всякой другой. Успенскій именно ее-то и оттѣняетъ. Въ образахъ настоящей, гармонической интеллигенціи, о которыхъ, согласно задачѣ нашей статьи, говорить здѣсь не пришлось, Успенскаго увлекаетъ больше всего именно *гармонія самопожертвованія.* Здѣсь онъ находилъ, какъ отдохновеніе отъ мучительныхъ, раздирающихъ душу и бередящихъ „обнаженные нервы" впечатлѣній дисгармоніи, и „исцѣленіе" собственной душевной неуравновѣшенности. Созерцаніе гармоническаго самоотверженія радостно выпрямляло собственную, изболѣвшую, истрадавшуюся душу Успенскаго. Съ этой точки зрѣнія привлекали къ себѣ его вниманіе такія фигуры интеллигентскаго движенія, какъ ставшая знаменитой „дѣвушка строгаго, почти монашескаго типа" и „удалой добрый молодецъ", о которомъ Успенскій задумывалъ

---

*) Часто говорятъ, что Ничше безусловный врагъ всякаго самопожертвованія личности. Это увѣреніе, въ столь общей формѣ, искажаетъ его взглядъ. Самопожертвованія, на которое личность идетъ въ полной гармоніи съ собой, Ничше не отрицаетъ безусловно (есть мѣста въ «Also sprach Saratustra», которыя говорятъ, что и Заратустра п нималъ смыслъ такой жертвы).

повѣсть *). Здѣсь Успенскій находитъ ту же отраду душѣ, ту же разгадку смысла жизни, которую „сулила ему каменная загадка въ Луврѣ“ и на которую намекали гармонія, красота и правда земледѣльческихъ идеаловъ. Ничше, прославляя творческую мощь стихійнаго процесса жизни, вырабатывающаго высшій типъ, создающаго человѣко-бога, довѣряется природѣ *безъ всякихъ ограниченій*, *безусловно* принимая все, что бы она ни дала и даже въ „вѣчныхъ возвращеніяхъ“ (amor fati); Успенскій довѣряется творчеству природы, естественной гармоніи, только въ убѣжденіи, что эта гармонія будетъ непремѣнно, по самой природѣ своей — гармоніей моральной и человѣчной; *онъ вѣритъ въ стихійность человѣчности, въ естественное совершенство человѣческой природы*. Выпрямленный, гармоническій человѣкъ Успенскаго не давитъ собой своего ближняго, это не Uebermensch, не человѣкобогъ, требующій человѣческихъ жертвъ, ради взрощенія своихъ индивидуальныхъ особенностей, а *всечеловѣкъ*, умѣщающій въ своей гармоніи свободный ростъ всякаго человѣка.

У Успенскаго нѣтъ той раздвоенности морали, которую проповѣдуетъ въ своемъ безсознательно морализирующемъ ученіи Ничше и которую обличаетъ въ своей проповѣди („Преступленіе и наказаніе“) Достоевскій. Успенскій не поклоняется одновременно двумъ идеаламъ—гармоніи выпрямленнаго человѣка и дисгармоніи скомканнаго, не проповѣдуетъ, подобно Ничше, двухъ моралей, одну для героевъ, другую для ихъ подножія — толпы. Его идеалъ ясный и опредѣленный — *всечеловѣческая гармонія*. Дисгармонія допускается имъ, какъ одно изъ условій ея достиженія; гармонія полагается какъ принципъ, цѣль и идеалъ въ собственномъ смыслѣ; дисгармонія же волей-неволей выдвигается, какъ средство. Поэтому интеллигентская расколотость не получаетъ у Успенскаго, въ конечномъ счетѣ, *безусловно* положительной или *безусловно* отрицательной расцѣнки. Болѣзнь интеллигентской души, какими бы истинно хорошими чувствами она ни зарастала, всетаки *болѣзнь*; хотя интеллигентскій вывихъ есть,

---

*) «Повѣсть, которую пишу,—писалъ онъ Н. К. Михайловскому,—автобіографія, не моя личная, а нѣчто вродѣ Л. Чего только онъ не видалъ на своемъ вѣку. Его мотало изъ губернаторскихъ чиновниковъ въ острогъ на Кавказъ, съ Кавказа въ Италію, прямо къ битвѣ подъ Ментаной, къ Герцену, потомъ въ Сибирь на три года, потомъ на Ангару, по которой онъ плылъ тысячу верстъ, потомъ въ Шенкурскъ, въ Лондонъ, Цюрихъ, въ Парижъ. Онъ видѣлъ все и вся. Это—цѣлая поэма. Онъ знаетъ въ совершенствѣ три языка, умѣетъ говорить съ членомъ парламента, съ частнымъ приставомъ, съ мужикомъ, умѣетъ самъ притвориться и частнымъ приставомъ, и мужикомъ, и неучемъ, и въ тоже время можетъ взойти сейчасъ на каѳедру и начать о чемъ угодно вполнѣ интересную лекцію. Это—изумительная натура. Я и думать не могу охватить все это, но уголокъ я постараюсь взять въ свою власть»... И взялъ бы въ совершенствѣ, потому что тема эта какъ нельзя больше шла къ его кисти.

по терминологіи Успенскаго, „заболѣваніе сердца *сущею правдою*“, но всетаки это *заболѣваніе*. Успенскій не обманывался въ постановкѣ діагноза, проявляя свое обычное безстрашно-смѣлое отношеніе къ дѣйствительности. Отсюда нѣкоторая суровость его анализа и приговора.

Мысль Успенскаго и Ничше сближается еще и въ томъ пунктѣ, гдѣ оба эти писателя мечтаютъ о гармоніи только въ эмпирическомъ мірѣ земного бытія, полагая осуществленіе своего идеала въ посюсторонней, реальной жизни. Имманентный характеръ ихъ идеаловъ допускаетъ возможность для человѣчества устроиться собственными своими силами, разрѣшить противорѣчія жизни эмпирическимъ путемъ, безъ помощи трансцедентныхъ началъ. Здѣсь центральный пунктъ коренной противоположности этихъ обоихъ міросозерцаній — религіозно-нравственной концепціи ученія Достоевскаго, который не вѣритъ въ возможность, — какъ онъ любилъ выражаться, — „устроиться внѣ Бога и внѣ Христа“. Съ этимъ пунктомъ связано много другихъ разногласій. *Всечеловѣчество* Успенскаго и *человѣкобожество* Ничше противостоятъ *Богочеловѣчеству* Достоевскаго. Въ сущности, въ нашей художественной литературѣ, столь богатой широкимъ размахомъ философской мысли *), нѣтъ большей противоположности въ исходныхъ идеальныхъ основаніяхъ міросозерцаній, чѣмъ Достоевскій и Успенскій; противоположность здѣсь, можетъ быть, еще большая, чѣмъ у Достоевскаго и Толстого, и достойна вниманія не одного г. Мережковскаго. Это два различныхъ полюса русской философской мысли, два полюса исканія русской литературой своихъ идеаловъ. Тема эта слишкомъ большая, а статья наша и безъ того разрослась уже чрезмѣрно.

Хотѣлось бы еще сдѣлать кой-какія сопоставленія Успенскаго съ новыми русскими художниками, Чеховымъ и Горькимъ, но и здѣсь придется ограничиться однимъ пожеланіемъ разработки этой темы.

Волжскій.

---

*) Достоевскій давно уже выдвинутъ, какъ художникъ философъ. Но для читателя, глубоко продумавшаго Успенскаго и вчитавшагося въ него, будетъ понятно, что можно съ равнымъ правомъ говорить и о художественной философіи Успенскаго.

Новыя книги.

Борисъ Лазаревскій. Повѣсти и разсказы. М. 1903.

Современная художественная литература средняго уровня чаще всего по манерѣ писать и по мотивамъ своихъ писаній тяготѣетъ къ г. Чехову. Молодой современный беллетристъ, если онъ недостаточно еще силенъ и оригиналенъ для того, чтобы быть самимъ собой, но уже достаточно талантливъ для того, чтобы подражать хорошему оригиналу—подражаетъ по большей части г. Чехову. Это въ значительной мѣрѣ относится къ „Повѣстямъ и разсказамъ" г. Лазаревскаго. Лучшіе изъ нихъ, какъ разъ тѣ, которые написаны въ духѣ г. Чехова; одинъ „Сирэнъ", напечатанный въ запрошломъ году въ „Русск. Бог.", даже и посвящается авторомъ А. П. Чехову. Очевидно, этотъ разсказъ, какъ и „Человѣкъ", „Отъѣздъ", „Любовь Константиновна", „Счастье" и другіе, написанъ всецѣло подъ обаяніемъ мотивовъ Чеховскаго творчества; вліяніе сказывается въ самой манерѣ писать.

Всеопрокидывающая жестокая рука слѣпого темнаго случая, страшная власть безсознательнаго, стихійнаго начала жизни, то досадная, то пугающая нескладица людскихъ отношеній,—эта неумолкающая нотка произведеній Чехова чаще всего слышится въ „Повѣстяхъ и разсказахъ" г. Лазаревскаго. Въ первой повѣсти „Любовь Константиновна" разсказывается исторія неудачнаго буржуазнаго брака. Въ будничную, скучную жизнь жены податного инспектора врывается увлеченіе. Любовь Константиновна, такъ зовутъ героиню, увлекается докторомъ Швейковскимъ. Въ Швейковскомъ она ищетъ чего-то новаго, непохожаго на уравновѣшеннаго, плоскаго мужа... Но уйти отъ мужа, отъ совмѣстной жизни Любовь Константиновна не можетъ: у нихъ сынъ; и вотъ въ ея жизни, по собственному ея признанію, начинается не счастье, а „новая, еще болѣе ужасная ложь"... Она призналась въ этомъ Швейковскому. „Швейковскій слушалъ ея прерывистый, милый для его слуха, голосъ и, глядя на темную массу воды, думалъ, что Любовь Константиновна права, и счастья у нихъ никакого не будетъ, и что среди людей постоянно являются положенія, предупредить которыя никто не въ силахъ, хотя и кажется, что создаютъ эти положенія они сами". Въ „Повѣстяхъ и разсказахъ" г. Лазаревскаго чувствуется то-же тоскливое недоумѣніе передъ жизнью, передъ ея стихійнымъ куда-то убѣгающимъ потокомъ, какъ и въ произведеніяхъ Чехова. Знакомо г. Лазаревскому и то характерное для Чехова ощущеніе страха, постоянно пробивающееся изъ за сѣренькаго невыразительнаго лика повседневныхъ, обыкновенныхъ,

всѣмъ примелькавшихся житейскихъ отношеній, изъ подъ невзрачнаго покрова житейскихъ будней. Все скучно, скучно, да вдругъ станетъ невѣдомо отъ чего жутко, страшно чего-то. Этотъ, какъ-бы изъ ничего средь бѣлаго дня и на людяхъ рождающійся, ужасъ жизни таится всегда подлѣ насъ. Къ герою разсказа „Счастье“ въ минуты самыхъ хорошихъ настроеній подкрадывается, набѣгая мрачной тучкой, это неопредѣленное, тревожное ощущеніе страха предъ жизнью, „страха безсмысленнаго, совсѣмъ не идущаго къ обстановкѣ“ (48). Кажется, жизнь жестоко отмститъ за то, что она даетъ. И, дѣйствительно, эти предвѣстники грозы разражаются настоящей грозой. Вдругъ налетѣвшій случай разбиваетъ счастье героя разсказа, уноситъ его жену и ребенка, оставляя ему жизнь обезцвѣченную, безмысленную, ненужную.

Тѣмъ-же чеховскимъ настроеніемъ проникнуты разсказы: „Въ степи“, „Не выдержалъ“, „Человѣкъ“, „Отъѣздъ“, „Сирэнъ“, „Бѣдняки“ и т. д. Особенность этихъ разсказовъ въ томъ, что краткая передача фабулы здѣсь почти ничего не говоритъ, сущность впечатлѣнія—въ настроеніи, въ общемъ колоритѣ, и чѣмъ менѣе уловима внѣшняя фабула, тѣмъ часто сильнѣе впечатлѣніе разсказа. Лучшій изъ нихъ все же „Сирэнъ“, въ другихъ, болѣе грубоватыхъ и искусственныхъ (какъ „Въ степи“, „Не выдержалъ“), нѣтъ цѣльности впечатлѣнія. Всего менѣе удались автору разсказы „Машинистъ“ и „Гейша“: здѣсь просто не сведены концы съ концами; когда разсказъ уже кончается, кажется, что онъ только еще начатъ, и часто не знаешь, зачѣмъ понадобилась автору та или другая разсказанная деталь; общая картина какъ-то разрывается на отдѣльные, плохо подобраные лоскутки, нѣтъ центра повѣствованія. Въ общемъ же, по основному своему тону, „Повѣсти и разсказы“ г. Лазаревскаго кое въ чемъ расходятся съ оригиналомъ. Въ нихъ не выдержанъ тотъ холодный блескъ, сіяніе безконечно далекаго, безнадежно удаленнаго отъ дѣйствительности идеала, что такъ характерно для произведеній г. Чехова. У г. Лазаревскаго больше аффекта, больше видимаго участія къ судьбѣ своихъ героевъ. Въ неудачной, блѣдной и растянутой повѣсти „Бѣдняки“ присяжный повѣренный Бережновъ, сидя на танцовальномъ вечерѣ, припоминаетъ свое прошлое, передъ нимъ встаетъ образъ погибшаго друга его дѣтства Сергѣя Припасова. Гимназистомъ Припасовъ увлекается одной дѣвочкой, увлеченіе съ страшной силой захватываетъ мальчика, отрываетъ его отъ ученія, отъ книгъ, отъ всякой другой жизни. Подъ давленіемъ охватившей его страсти онъ мечется изъ стороны въ сторону, бросаетъ гимназію, уѣзжаетъ изъ родного города, поступаетъ въ кавалерійское училищѐ, не переставая все время мечтать о своей любви, но здѣсь въ злую мунуту заражается сифилисомъ и рѣшается покончить съ собой... Рѣшеніе это онъ приводитъ очень скоро въ исполненіе. Автору хотѣлось нарисовать богатую натуру, мо-

лодую жизнь, обѣщавшую пышно развернуться, а вмѣсто того по какой то нелѣпой логикѣ жизни скомканную и обезображенную. Все это не удалось автору. Сергѣй Припасовъ вышелъ блѣднымъ, и читателю непонятно, почему товарищу Бережнову онъ представляется необыкновеннымъ, богато одареннымъ, даже геніальнымъ. Характерно въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ г. Лазаревскаго, теплое сочувствіе автора къ своему герою. Здѣсь г. Лазаревскій отступаетъ отъ г. Чехова, сдержанность котораго не допускаетъ этого сочувствія въ столь рѣшительной формѣ. Въ заключеніи повѣсти авторъ не сдерживаетъ своего презрѣнія къ предмету увлеченія Припасова—Сонѣ, хотя очень плохо очертилъ ее въ повѣсти. Встрѣчая Соню въ концѣ повѣсти замужемъ за богатымъ владѣльцемъ сахарнаго завода, Бережновъ съ презрѣніемъ подумалъ о ней: „купленная за большія деньги породистая собачка и больше ничего".

Самостоятельное мѣсто въ сборникѣ г. Лазаревскаго занимаетъ послѣдній разсказъ „Элегія". Въ немъ много недоговореннаго, неяснаго; впрочемъ, недорисовки, быть можетъ, введены авторомъ, сознательно, чтобы усилить впечатлѣніе этой неопредѣленностью, присутствіемъ чего то непонятнаго, смутнаго; а быть можетъ, это просто блѣдность пера автора, сказавшаяся здѣсь только рѣзче, чѣмъ въ другихъ разсказахъ, такъ какъ недорисовки встрѣчаются и тамъ. Внѣшняя фабула „Элегіи" осложнена. Молодой человѣкъ разсказываетъ любимой и, повидимому, безнадежно любимой имъ дѣвушкѣ исторію своей любви. Онъ припоминаетъ лучшія минуты ихъ духовнаго сближенія, онъ говоритъ, что въ эти минуты она принадлежала ему; въ эти минуты духовнаго обладанія, говоритъ онъ, „я взялъ все, а тому другому достанется сравнительно немногое... тѣло". Дѣвушка покорно слушаетъ его, смутно чувствуя какую то правду въ его словахъ и его право говорить такъ. Но любить героя повѣсти она не можетъ, не можетъ послѣ того, какъ онъ высказался передъ ней весь, весь безъ остатка. „Такія дѣвушки, какъ вы,—говоритъ онъ,—прощаютъ все, кромѣ искренности. Она ихъ гипнотизируетъ, но только на нѣсколько часовъ"... Искренность, какъ препятствіе къ тому, чтобы дѣвушка отвѣтила на любовь взаимностью, интересуетъ г. Лазаревскаго также въ разсказѣ „Докторъ". „Мнѣ, признается разсказчикъ-докторъ, случилось испытывать замѣчательно острое наслажденіе послѣ того, какъ я совершенно откровенно разсказывалъ ей о всѣхъ своихъ тайныхъ и явныхъ поступкахъ и помыслахъ. Но Лиза, какъ вивисекторъ выбрасываетъ послѣ своихъ изслѣдованій уже ненужный ему трупъ, такъ-же быстро обдавала холодомъ человѣка, въ которомъ для нея уже ничего не оставалось непонятнаго".

Я. Самъ. Не женись на русской и др. разсказы. Т. I. Владикавказъ, 1903 г.

Вотъ книга, вызывающая значительное недоумѣніе. Посвящается она „Н. К. Михайловскому и всѣмъ честнымъ и упорнымъ труженицамъ семьи, школы и госпиталей“. На экземплярѣ, который находится у насъ въ рукахъ, стоитъ помѣтка: „четвертая тысяча“. Гордая кличка „Я Самъ“, которую авторъ принялъ, повидимому, какъ nom de guerre, и косвенное обѣщаніе продолженія (на обложкѣ стоитъ „томъ I-й“) — все это показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не просто съ „шалостью пера“, и что авторъ желаетъ придать своей книгѣ значеніе серьезнаго литературнаго явленія.

Между тѣмъ, вотъ образчикъ „литературнаго“ тона“ почти всѣхъ разсказовъ г-на Я. Самого: „Я сдѣлался математикомъ вотъ какимъ образомъ: я увидѣлъ однажды у товарища книгу, испещренную знаками интеграла, и меня внезапно осѣнила мысль, что знакъ этотъ поразительно напоминаетъ даму, шлейфъ которой зажатъ металлическимъ пажемъ. Тамъ оказались еще знаки, изображающіе тонкость таліи молоденькой модистки, называемые сигмами“... „Принимая все это близко къ сердцу, я изучилъ, какъ слѣдуетъ, высшую математику: съ низшей математикой трудно вести дѣла даже съ хорошенькими рижскими горничными“... „Дифференціалъ есть такая форма любви, которая“... и т. д., и т. д. Такой пошловато прѣсной болтовней очень дурного тона заполнена почти вся книга. Порой авторъ и самъ какъ будто начинаетъ догадываться, что „въ этомъ наборѣ словъ мало смысла“ (стр. 123), а на стр. 129-й даже прямо ставитъ вопросъ, имѣетъ-ли онъ право—„молоть всякій вздоръ, приплетая даже безконечное время и какіе-то тамъ интервалы“... По нашему мнѣнію, отвѣтъ ясенъ, какъ дважды два: никакого права на это авторъ не имѣетъ, и мы рѣшительно недоумѣваемъ: что онъ хотѣлъ сказать и своей книгой, и своимъ посвященіемъ. Мы склонны были даже усмотрѣть въ этомъ посвященіи нѣкую иронію, пока не обратили вниманія на одну черту этихъ повѣствованій: герои, отъ лица которыхъ г. „Я. Самъ“ разводитъ „всякій вздоръ“, часто претерпѣваютъ разные болѣе или менѣе чувствительные афронты. Такъ, на стр. 66 извѣстному уже намъ высшему математику какая-то полковница „свободно рукой закатила пощечину“. На стр. 67 ему „указываютъ на дверь“, на стр. 69 „наносятъ до десяти ударовъ хлыстомъ по лицу“. „Придя домой и разложивъ событія по осямъ координатъ“, онъ „понялъ, что вздули его за соблазненную барышню“. На стр. 77-й уже другого героя, не уступающаго, впрочемъ, первому ни въ предпріимчивости, ни въ развязности стиля,—выгоняютъ вонъ. „Вошелъ лакей. Она приказала подать мнѣ пальто“. Все это даетъ, кажется, нѣкоторое основаніе думать, что г. „Я. Самъ“ преслѣдуетъ какія-то сатирическія цѣли, имѣетъ въ виду наказаніе порнографическихъ поползновеній сво-

ихъ персонажей и на этотъ предметъ разсказываетъ порнографическіе анекдоты. Намѣреніе, пожалуй, и похвальное, но при исполненіи вышло значительное недоразумѣніе: можно описывать пошляковъ, но не слѣдуетъ писать пошлостей, которыхъ не извинятъ ни афронты, наносимые героямъ, ни посвященіе „труженицамъ семьи и школы".

Справедливость требуетъ отмѣтить, что одинъ разсказъ („Молитва правовѣрнаго") выгодно отличается отъ остальныхъ и, пожалуй, даетъ намекъ на литературное дарованіе. Но этотъ разсказъ совершенно одинокъ и безслѣдно утопаетъ въ остальномъ содержаніи или, вѣрнѣе, безсодержательности книги.

Воспоминанія слѣпого. Путешествіе вокругъ свѣта. Соч. Жака Араго, съ портретомъ автора и рисунками. Перев. съ 5-го изданія. **П. Канчаловскаго.** Москва. 1904.—Вып. I.

Жакъ Араго, братъ извѣстнаго физика и самъ извѣстный писатель и путешественникъ, въ 1817 году, тогда еще молодымъ человѣкомъ, предложилъ свои услуги французскому министерству, снаряжавшему кругосвѣтную экспедицію. Услуги были приняты: Араго вступилъ въ составъ экспедиціи въ качествѣ рисовальщика, коллекціонера и писателя. Роль его, такимъ образомъ, напоминаетъ положеніе нашего Гончарова на „фрегатѣ Паллада". Въ предисловіи къ своей книгѣ Араго не безъ юмора сообщаетъ о томъ, что за участіе въ экспедиціи онъ получилъ отъ министерства, въ видѣ награды, 600 франковъ. Результатомъ путешествія явилось сочиненіе „Promenade autour du monde" (1822 г.). Въ 1837 году Араго ослѣпъ, и среди наступившаго для него безпросвѣтнаго мрака онъ еще разъ вернулся къ впечатлѣніямъ своего кругосвѣтнаго плаванія, изложивъ ихъ въ увлекательной и доступной формѣ въ книгѣ, заглавіе которой выписано нами выше. „Это—пишетъ онъ въ своемъ обращеніи къ читателю,—не только воспоминанія, не только масса набросковъ изученныхъ вещей и предметовъ; это, кромѣ того, — точныя детали, нюансы красокъ; это—прошлое со всѣми случайностями каждаго дня, каждаго часа, которое, какъ утѣшеніе неба, предстало передъ моими потухшими глазами".

Какъ бы предвидя упрекъ, котораго впослѣдствіи всетаки не избѣгла его книга, Араго говоритъ въ одной изъ главъ своего путешествія: „по мѣрѣ того, какъ я подвигаюсь впередъ въ этихъ серьезныхъ и опасныхъ экскурсіяхъ, я чувствую необходимость охранить себя отъ того пылкаго воображенія, которымъ такъ пагубно надѣлило меня небо; я ежеминутно веду съ нимъ борьбу, желая подчинить мое воображеніе игу холоднаго разсудка. Поэтъ неспособенъ для научныхъ путешествій... писатель долженъ стушевываться въ тѣхъ картинахъ, которыя онъ обязанъ разверты-

вать передъ глазами другихъ... Я могу просить прощенія за мой стиль, но не за вѣрность излагаемыхъ мною фактовъ; я пишу моими прежними глазами, а не моимъ настоящимъ воображеніемъ. Я хочу, чтобы мнѣ вѣрили, а не ищу похвалъ. Но энтузіазмъ иногда необходимъ наблюдателю; встрѣчаются такія великія и драматическія картины, когда разумъ сливается съ сердцемъ... и если кажется, что истина выходитъ изъ своихъ границъ, то это потому, что читатель не видитъ ея съ того пункта, съ котораго ее разсматриваетъ повѣствователь".

Книга имѣла огромный успѣхъ и, если она не претендуетъ на строгость и объективную точность чисто ученаго отчета, — за то даетъ очень яркое воспроизведеніе непосредственныхъ впечатлѣній живого, талантливаго и воспріимчиваго наблюдателя. Передъ читателемъ встаютъ, какъ живыя, картины природы, типы матросовъ, описанія мѣстностей, интересныя приключенія, встрѣчавшія путешественника того времени. Время это, правда, осталось далеко позади. Многое измѣнилось въ тѣхъ мѣстахъ, которыя посѣтилъ Араго въ 1820 году, и по многимъ мѣстностямъ, гдѣ онъ наблюдалъ почти еще нетронутый бытъ антропофаговъ,— теперь проведены дороги и раздаются даже свистки пароходовъ или паровозовъ. Но все же и теперь увлекательныя повѣствованія, которыми зачитывалось уже нѣсколько поколѣній, не потеряли своего живого интереса.

Изданіе предполагается въ 7 выпускахъ. Переводъ сдѣланъ хорошо, внѣшность довольно изящна.

Алексѣй Веселовскій. Этюды и характеристики. Второе, значительно-дополненное изданіе. Москва, 1903 г.

Повторяя изданіе своего сборника, своевременно отмѣченнаго на страницахъ нашего журнала, авторъ внесъ въ него рядъ измѣненій и дополненій, которыя даютъ возможность снова напомнить читателямъ о его популярныхъ и полезныхъ работахъ по исторіи литературы. Онъ разносторонень и основателенъ и даетъ читателю любопытныя свѣдѣнія всегда, даже въ поминальныхъ панегирикахъ. Онъ имѣетъ славу стилиста и это—дурная слава: читателямъ она мѣшаетъ за стилистомъ видѣть писателя; автора она заставляетъ быть стилистомъ тамъ, гдѣ онъ, быть можетъ, хотѣлъ бы большаго. „Вы говорите, это хорошо написано!—восклицалъ Зола,—нѣтъ, именно поэтому это дурно написано". Это восклицаніе хорошо характеризуетъ ту красоту стиля, наградой за которую служитъ слава стилиста; эта красота есть врагъ опредѣленности, врагъ конкретности, врагъ живой рѣчи. И было бы жаль, если бы кличка стилиста, которую легко дать, потому что этотъ комплиментъ ни къ чему не обязываетъ, помѣшала читателямъ видѣть въ статьяхъ московскаго профессора то, что въ нихъ

есть, кромѣ стилистики. Онѣ разнообразны по темамъ и разнообразны въ манерѣ; здѣсь и общія характеристики вершинъ литературы, и всегда своевременныя справки о ея забытыхъ работникахъ, и воспоминанія о литературныхъ дѣятеляхъ, съ которыми автору довелось сдружиться, и забавныя, но поучительныя сопоставленія изъ культурной исторіи („Три путешествія"), и „осколки изъ мастерской" — научныя мелочи, подчасъ болѣе самостоятельныя и своеобразныя, чѣмъ болѣе значительныя работы автора, и литературно - критическія „стихотворенія въ прозѣ". Сборникъ начинается статьей о Джордано Бруно, и трудно не видѣть въ этомъ нѣкотораго намека на содержаніе книги. Мученикъ свободной мысли, герой-обличитель отживающаго міровоззрѣнія, еще могучаго и безжалостно сильнаго извнѣ, но уже осужденнаго исторіей, маленькій „Ноланецъ" — лучшій представитель тѣхъ энергичныхъ бойцовъ-создателей новой Европы, которымъ посвящено большинство статей, объединенныхъ въ сборникѣ. Дидро и Свифтъ, Мольеръ и Грибоѣдовъ, Бомарше и Бѣлинскій, Беранже и Чаадаевъ, — это, конечно, очень широкая группа человѣческихъ индивидуальностей, тѣмъ болѣе разнообразная, что состоитъ изъ фигуръ выше средняго уровня сложности и яркости. Но все же нѣчто объединяетъ ихъ — и не трудно видѣть, что это нѣчто и привлекаетъ къ нимъ прежде всего симпатіи автора: это ихъ общественное міровоззрѣніе, ихъ боевой темпераментъ, это прежде всего то дѣло человѣческой свободы, во имя котораго они творили. Ему же служитъ и живая книга, лежащая предъ нами. Это, конечно, не значитъ, что, вызывая сочувствіе, она обрекаетъ на согласіе со всѣми разнообразными воззрѣніями ея автора. Наоборотъ, она не разъ требуетъ спора, и если мы остановимся на нѣкоторыхъ утвержденіяхъ, которыя должно назвать парадоксами—и не доказанными,—то это не для того, чтобы оттѣнить согласіе съ остальнымъ, но чтобы раскрыть ихъ удѣльный вѣсъ и показать то, что въ нихъ представляется намъ характернымъ для автора.

Ничѣмъ, кромѣ парадокса, не звучитъ, напримѣръ, попытка усмотрѣть въ „Словѣ о полку Игоревѣ" — „родоначальника русской сатирической литературы". Авторъ напоминаетъ о той „неумѣлости", съ которой „наша піитика" называла „Слово" поэмой. Осторожнѣе ли будетъ назвать ее сатирой — даже „въ широкомъ смыслѣ слова" и предлагать вести исторію русской сатиры „съ галлереи обличительныхъ портретовъ русскихъ князей въ „Словѣ"? Если сатира есть опредѣленный литературный родъ, ведущій *свою* исторію, то годится ли раздвигать ея рамки до включенія въ нее чуть не поученія Мономаха. „Даже сквозь елейность, уравновѣшенность и благодушіе Мономаха пробивается тревога при мысли, чтобы вредные признаки поворота къ самоуправству и беззаконію, замѣченные имъ, не развились при его потомкахъ въ нестерпимый бытовой безпо-

рядокъ". Но если этого довольно, то какія требованія предъявляетъ авторъ къ сатирѣ? И во что обратится ея исторія, вышедшая изъ „Слова о полку Игоревѣ?" Не захватитъ ли она вмѣстѣ съ „Поученіемъ" Мономаха также „Уложеніе" царя Алексѣя Михайловича? Если всмотрѣться, чѣмъ вызвано разногласіе, причины его найти не трудно: оно коренится въ неясности нѣкоторыхъ основныхъ понятій, которыя комбинируетъ авторъ, какъ нѣчто опредѣленное. Ту же неясность мы отмѣтимъ въ слѣдующемъ отрывкѣ, трактующемъ о смѣнѣ литературныхъ направленій. Авторъ даже какъ будто старается закрѣпить за собою пріоритетъ въ указаніи на необходимую и естественную смѣну литературныхъ направленій, въ которой онъ усматриваетъ всегда—какимъ бы именемъ они ни прикрывались—смѣну двухъ началъ: ихъ „отличительными именами, широко-обобщающими и условными, какъ алгебраическіе знаки, пусть будутъ—идеализмъ и реализмъ". Въ этой общей формѣ съ авторомъ можно согласиться, но вѣдь это ни къ чему не приведетъ: ибо пока за алгебраическими знаками нѣтъ содержанія, ихъ емкость есть ничто иное, какъ ихъ неясность. Быть можетъ, это—уравненіе, изъ котораго опредѣляется неизвѣстное, быть можетъ—тожество, тавтологія, изъ которой никакихъ выводовъ не получается, а то, что кажется выводомъ, есть лишь разница словъ, обманъ стилистики. „Условныя имена" условны болѣе, чѣмъ это принимаетъ авторъ, и это видно на тѣхъ опредѣленіяхъ, которыя онъ считаетъ настолько безусловными, что кладетъ ихъ въ основу своей литературной исторіософіи. Въ самомъ дѣлѣ, такъ ли просты литературныя явленія, чтобы къ нимъ можно было приклеить безъ оговорокъ ярлыкп реализма или идеализма? Отвѣтомъ могутъ служить *факты*, которыми оперируетъ авторъ. Онъ считаетъ во французской литературѣ моментами реализма любовную лирику трубадуровъ, политическую трагедію и патріотическую лирику революціи; наоборотъ, классическая трагедія есть для него проявленіе „далекаго отъ жизни" идеализма. Такъ ли это? Меньше, чѣмъ кто либо, нуждается почтенный авторъ въ напоминаніи, что французскій классицизмъ былъ для своего времени настоящимъ завоеваніемъ сценической правды, что „установленіе трехъ единствъ было торжествомъ реализма" (Лансонъ), что декламаціонная трагедія революціи была реальна—преимущественно по своимъ практическимъ тенденціямъ, а не по возможному приближенію къ правдѣ бытовой обстановки. Въ высшей степени неопредѣленнымъ является у автора это—чрезвычайно интересное—взаимоотношеніе идеализма эстетическаго и идеализма практическаго, реализма художественной правды и реализма общественныхъ тенденцій. Авторъ то сливаетъ идеализмъ съ „чистымъ искусствомъ", то напоминаетъ объ общихъ цѣляхъ, къ которымъ всегда шли „лучшіе изъ идеалистовъ всѣхъ временъ" вмѣстѣ съ реалистами; онъ помнитъ о пути, ко-

торый велъ послѣднихъ къ этимъ общимъ цѣлямъ — пути „через людскую толпу, гдѣ на каждомъ шагу приходилось подбирать раненыхъ въ битвѣ, заступаться за обездоленныхъ и забытыхъ, раскрывать неправду и гниль въ общественномъ строѣ“. Думается, что факты въ этой области слишкомъ сложны, чтобы позволительно было гнать ихъ насильно въ ту или иную категорію. А автору это приходится дѣлать. Виктора Гюго онъ вынужденъ отнести къ реалистамъ; о томъ, что реалисты Флоберъ и Зола были въ теоріи поборниками „искусства для искусства“, ему приходится забыть; „парнассцы“ хронологически врѣзались въ то направленіе, которое онъ называетъ реальнымъ: онъ ихъ не возводитъ въ рангъ „направленія“ и еле упоминаетъ о нихъ. Уже къ концу восьмидесятыхъ годовъ, по его заявленію, „лирика поднимаетъ снова знамя чистаго искусства“. Да оно не падало—или не поднималось,—пока его трактуютъ въ этихъ общихъ, красивыхъ, гибкихъ словахъ, которыя такъ предательски податливы, такъ далеки отъ опредѣленнаго содержанія, какое желательно было бы видѣть въ нихъ.

Примѣняя понравившуюся автору терминологію, скажемъ, что и его произведенія принадлежатъ къ области научнаго идеализма, а не реализма. Существо и достоинство ихъ не столько въ конкретномъ и детальномъ изученіи явленій, сколько въ возбужденіи добрыхъ чувствъ и мыслей при посредствѣ ихъ уясненія. „Лучшіе изъ идеалистовъ“, вмѣстѣ съ которыми борется за правду реализмъ, не фантомъ автора, и онъ не даромъ ждетъ отъ нихъ чего-то, не даромъ надѣется, что „отъ успѣховъ культуры, широкой и терпимой, будетъ зависѣть признаніе равноправности за той стороной творчества, которая вноситъ въ него повседневную жизнь съ ея горестями и радостями (и которая—нужно еще сознаться—дала до сихъ поръ въ русской литературѣ наибольшіе результаты), и тою, что освѣщаетъ ее великими идеями, чудными образами, гармоніею звука“. Эта платоническая, благожелательная и безсильная жажда синтеза давала бы намъ возможность счесть этотъ отрывокъ особенно характеристичнымъ для автора, но, къ сожалѣнію, онъ дурно написанъ — и съ этой стороны представляется исключеніемъ.

Е. Швидченко (Б. Быстровъ.) Святочная христоматія. Спб. 1903 г.

Составитель поставилъ себѣ двѣ цѣли, возможность совмѣщенія коихъ въ одномъ сочиненіи подлежитъ спору. Онъ хотѣлъ, съ одной стороны, научно освѣтить русскія святки съ разныхъ точекъ зрѣнія: исторической, этнографической, бытовой, музыкальной и т. п., съ другой—дать семьѣ и школѣ надлежащій литературно-музыкальный матеріалъ для устройства семейныхъ и школьныхъ святочныхъ празднествъ. Центръ тяжести сборника въ этой

второй цѣли. Самъ авторъ сознаетъ, что первую ему „не удалось выполнить такъ, какъ хотѣлось бы“; но изъ того, что ему удалось, видно, что хотѣлось ему дать не вполнѣ то, что было бы умѣстно въ самостоятельномъ опытѣ изученія святочныхъ обрядовъ,—и онъ хорошо дѣлаетъ, что „своимъ статьямъ не придаетъ ни научнаго, ни литературнаго значенія“. Наука обрядовъ слишкомъ многообразно связана съ различнѣйшими сторонами первобытной жизни отъ языка до экономики, изученіе ихъ должно быть поставлено на слишкомъ широкую почву, чтобы приступать къ этому изученію безъ той общей научной методологической подготовки, которой мы не замѣтили въ добросовѣстной работѣ г. Швидченко. Такъ, его гипотезы—а особенно филологическія—нельзя признать достаточно осторожными.

Вызываетъ разнообразныя сомнѣнія также педагогическая сторона книги. Авторъ далъ въ ней сборникъ стихотвореній, статей, этнографическихъ справокъ, музыкальныхъ произведеній, относящихся къ святочнымъ празднествамъ. Треть книги составлена имъ самимъ, и вся она подобрана со вниманіемъ и любовью къ дѣлу. Матеріаломъ, собраннымъ въ книгѣ Шведченко, легко наполнить не одинъ святочный вечеръ, который, благодаря ей, дѣти проведутъ занимательно. Но, конечно, не одну занимательность имѣлъ въ виду авторъ. Какъ онъ указываетъ въ посвященіи, онъ имѣлъ въ виду дать молодому поколѣнію дорогой Россіи матеріалъ для развивающаго и благороднаго веселья. Этого мало: сближеніе съ народной поэзіей должно, по его замыслу, служить не только разумному, но и національному воспитанію дѣтей. „Если мы жалѣемъ, что мы (интеллигенція) уклонились отъ народнаго русскаго духа, что у насъ мало своего „русскаго“, что мы скорѣе космополиты и даже стыдимся своего родного, особенно если попадемъ за границу, что мы и выражаться по русски не умѣемъ и не всегда чувствуемъ красоты русскаго языка и слова; то вотъ средство поправить дѣло на нашихъ дѣтяхъ и потомкахъ: положите въ основу ихъ образованія изученіе русской пѣсни, былинъ, колядокъ—и не текста только, какъ доселѣ дѣлалось иногда, а вмѣстѣ съ напѣвами ихъ,—также загадокъ, пословицъ, поговорокъ, шутокъ, скороговорокъ, примѣтъ и т. д.“

Это обычный рецептъ національнаго воспитанія. Какъ и весь нашъ національнизмъ—онъ не національнъ; это рецептъ общій — нѣмецкій, французскій, какой угодно; по раскрытіи скобокъ онъ означаетъ: заставьте дѣтей вѣрить въ то, во что не вѣрите сами, пересадите въ нихъ народную традицію, отъ которой сами оторвались. Предполагается, что эта народная традиція расцвѣтетъ въ нихъ и заживетъ самостоятельной жизнью; тщетная надежда: эта народная традиція, въ той мѣрѣ, въ какой она искоренена въ интеллигенціи, оставила по себѣ не пустое мѣсто: она смѣнилась новой традиціей, которая жива собою и для которой ирраціональ-

ные элементы народной мысли сдѣлались инороднымъ тѣломъ. Любой примѣръ покажетъ, въ чемъ дѣло. Вотъ г. Швидченко предлагаетъ положить въ основу образованія изученіе народныхъ примѣтъ. Въ какой же формѣ? *Изучать* дѣти едва ли способны; сообщать имъ, что собака воетъ къ покойнику, а понедѣльникъ—тяжелый день—тоже едва ли удобно; знакомить ихъ съ народной традиціей, шагъ за шагомъ разлагая ее и приводя къ тому, что самъ считаешь правдой разума и естества: изъ этого ужъ, конечно, никакого національнаго воспитанія не выйдетъ; выйдетъ воспитаніе человѣческое, а этимъ г. Швидченко не удовлетворится, такъ какъ еще не созналъ, что всякое истинно-человѣческое воспитаніе будетъ непремѣнно—и въ лучшемъ смыслѣ—національнымъ. И въ эт мъ смыслѣ русская интеллигенція не нуждается въ націонализаціи посредствомъ народныхъ примѣтъ и скороговорокъ; она также національна, какъ и русскій народъ, и лучшій показатель этого—ея творчество, ея Пушкины и Щедрины, которые по меньшей мѣрѣ такъ же національны, какъ колядки. И смѣшно разсчитывать на то, что тѣхъ самыхъ русскихъ дѣтей, которыхъ не дѣлаетъ въ удовлетворяющей г-на Швидченко степени русскими воспитаніе, основанное на Пушкинѣ и Гоголѣ, очиститъ отъ космополитизма воспитаніе, въ основу котораго положена пестрая масса народнаго поэтическаго творчества. Что она также пригодна въ дѣлѣ воспитанія, объ этомъ нѣтъ спора; что примѣненію ея служатъ такіе труды, какъ книга г. Швидченко, это также несомнѣнно. Но на конкретномъ примѣрѣ, имъ представленномъ, лучше всего видно, какъ трудно сохранить опредѣленно-національный характеръ въ такихъ попыткахъ: вѣдь его книга, переполненная разсказами о бытѣ всевозможныхъ европейскихъ народовъ и рождественскими произведеніями всѣхъ народныхъ литературъ, ничѣмъ не призвана внѣдрить въ дѣтей исключительно „тотъ русскій духъ, который проявился въ русской культурѣ, въ русскомъ государствѣ, въ русской мысли“. Послушаютъ дѣти подъ Рождество лекцію о французскомъ Полишинелѣ, англійскомъ Пончѣ и нашемъ Петрушкѣ, споютъ „O Tannenbaum“ по нѣмецки и „Il mondo ormai“ по итальянски—и выростутъ русскими людьми, которыхъ—какъ и всѣхъ людей на свѣтѣ—пока что, надо дѣлать побольше людьми, а русскіе они и теперь въ достаточной мѣрѣ. Вотъ съ этой стороны въ „Христоматіи“ г. Швидченко есть мелочи, характерныя для вниманія, направленнаго по преимуществу на націонализацію, а не на гуманизацію. Отъ него дѣти услышатъ, что „если въ Виѳлеемѣ существуетъ какая либо религіозная вражда, такъ она сѣется исключительно фанатичнымъ католическимъ духовенствомъ; были примѣры, что католическіе монахи стрѣляли въ греческихъ и пускали въ дѣло оружіе, когда не помогали, богословскіе аргументы“; были, вѣрно, и иные примѣры, но о

нихъ не узнаютъ дѣти отъ составителя. За то въ разсказѣ о вертепѣ они услышатъ пѣснь запорожца:

Та не буде лучше,
Та не буде краше,
Якъ у насъ та на Украини!
Що немае жида,
Що немае ляха:
Не буде измины.

Въ лекціи о „вертепѣ“ они весело посмѣются надъ жидомъ въ ермолкѣ съ пейсиками и его толстой рыжей и грязной жидовкой, „отъ тюрбана которой несетъ такимъ сквернымъ запахомъ, что даже чортъ не рѣшается взяться за него зубами“. А затѣмъ они благоговѣйно споютъ—по нотамъ, приложеннымъ авторамъ—маллороссійскую колядку:

Пишла жидова море спускати,—
Море заграло, жидовъ забрало...

Напѣвъ очень хорошъ; но... надо полагать, что вмѣстѣ съ нимъ глубоко западетъ въ воспріимчивую душу ребенка также и содержаніе...

Еще разъ напомнимъ, что книга посвящена авторомъ „дорогой Россіи въ лицѣ ея юнаго поколѣнія“ съ опредѣленной цѣлью:

Чтобъ *развивалась* она, веселясь,
И чтобъ веселилась *благородно*!

Курсивъ принадлежитъ автору...

Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1904.

Сборникъ является однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ литературныхъ наслѣдій прошлогодняго „празднованія“ двухсотлѣтія русской печати. Статьи о періодической печати въ Германіи (Г. Гроссмана), Австріи (П. Звѣздича), Англіи (П. Сатурина), Италіи (А. Лабріолы), Франціи (Е. Смирнова) и Америки (И. Гурвича), вошедшія въ него, даютъ въ общемъ довольно полный и во всякомъ случаѣ поучительный обзоръ судебъ западной прессы въ ея прошломъ и ея положенія въ настоящемъ. Мы переживаемъ это прошлое, и уясненіе его, а также нашего возможнаго будущаго составляетъ, по указанію предисловія, главную цѣль сборника.

Содержаніе его въ извѣстномъ смыслѣ и шире, и уже заглавія. Шире потому, что авторамъ вошедшихъ въ него статей пришлось естественнымъ образомъ говорить о разнообразнѣйшихъ общественныхъ явленіяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ положеніемъ печатнаго слова, юридическимъ и экономическимъ; уже потому, что въ обзоръ не вошло многое изъ того, что могло въ него

войти: напримѣръ, не вошли толстые журналы, не вошли второстепенныя европейскія страны. Съ общей публицистической точки зрѣнія послѣднія могли подчасъ представить матеріалы для сужденій, болѣе важные, чѣмъ „великія державы“. Любопытны были бы, напримѣръ, указанія на ничтожество испанской прессы, на своеобразное и неожиданное европейское значеніе, пріобрѣтенное по праву нѣкоторыми газетами маленькой Бельгіи, на руководящую роль скандинавской печати. Для нашихъ условій было бы поучительно напоминаніе о двухъ полу-европейскихъ странахъ, столь мало похожихъ другъ на друга: о Турціи, которая почти во всѣхъ скалахъ культурности вытѣсняетъ насъ изъ послѣдняго мѣста, и о маленькой Исландіи, въ которой на восемьдесятъ тысячъ жителей насчитывается шестьдесятъ періодическихъ изданій.

Значеніе ежемѣсячныхъ журналовъ на Западѣ, конечно, не можетъ идти въ сравненіе съ непосредственной руководящей ролью нашихъ толстыхъ журналовъ. Но отрицать это значеніе нельзя, хотя оно и уже, и нельзя умолчать о такихъ органахъ, какъ Revues des deux Mondes или Fortnightly Review. Между тѣмъ въ сборникѣ слегка лишь упоминается о журналахъ нѣмецкихъ— они заслуживали бы большаго вниманія — и довольно подробно говорится о журналахъ американскихъ. Стало быть, принципіальнаго исключенія журналовъ изъ обзоровъ не было,—и это указываетъ на нѣкоторый недостатокъ общей редакціи. Этотъ недостатокъ сказывается также въ противорѣчіяхъ, которыя легко могли быть сглажены редакціей. Въ общемъ обзорѣ исторіи печати говорится, напримѣръ, что „первая періодически выпускаемая печатнымъ станкомъ газета появилась въ Германіи“; въ статьѣ, посвященной Австріи, это событіе переносится сюда: „Именно въ гордой монархіи Габсбурговъ, игравшей въ теченіе вѣковъ роль самаго сильнаго государственнаго организма въ Европѣ, появляются первые зачатки сначала не періодической, а потомъ и періодической печати“. Противорѣчіе, конечно, кажущееся, но надо помнить, что „гордая монархія Габсбурговъ“ тогда обнимала не одну Австрію, и именно внѣ Австріи появились первыя нѣмецкія газеты: писанная (Фуггера) въ Аугсбургѣ, печатная (Айцинга) въ Кельнѣ.

Странное впечатлѣніе, которое также могло бы быть разсѣяно редакціей, производитъ одинъ эпизодъ въ статьѣ Лабріолы объ итальянской печати: авторъ нѣсколько разъ, подробно и упорно настаиваетъ на томъ, что неаполитанскій „Mattino“, руководимый Матильдой Серао и ея мужемъ Эд. Скарфоліо, беретъ взятки; въ заключеніи же неожиданно читаемъ, что такія газеты, какъ „Mattino“, могли бы „послужить украшеніемъ печати любой страны“. Что это значитъ?

Въ общемъ, однако, программа выдержана, и статьи написаны по сходной схемѣ. Характеристики прошлаго европейской печати,

набросанныя здѣсь, способны сдѣлать васъ оптимистомъ въ минуты самой тяжелой безнадежности: въ этомъ прошломъ было такъ много труднаго, борьба за мысль казалась подчасъ столь безцѣльной, это прошлое такъ еще недавно стало прошлымъ — и между тѣмъ, если въ европейскомъ законодательствѣ и общественномъ мнѣніи есть принципы, не подлежащіе колебаніямъ, то къ нимъ, конечно, прежде всего принадлежитъ принципъ примѣненія къ печати общаго права, безъ попытокъ „предварить" ея поведеніе. Нравы европейской ежедневной печати не высоки,—и это безпристрастно отмѣчается во всѣхъ статьяхъ, — но съ тою же настойчивостью и съ большой убѣдительностью въ нихъ показано, какую благую и могучую силу составляетъ она въ общемъ и насколько ея полная свобода является гарантіей противъ ея возможныхъ злоупотребленій. Рядъ бытовыхъ и общественно-политическихъ вопросовъ обсуждается въ общихъ очертаніяхъ въ вступительной статьѣ г. Перлина: „Очерки современной журналистики"; въ заключительномъ „очеркѣ развитія періодической печати въ Англіи", составленномъ г-жею Пименовою, мы находимъ живое изображеніе борьбы за свободное слово, выдержанной англійскими періодическими изданіями. Здѣсь особенно интересны обширныя выдержки изъ знаменитыхъ въ исторіи памфлета боевыхъ произведеній Мильтона и Писемъ Юніуса. Напрасно только авторъ полагаетъ, что настоящее имя таинственнаго Юніуса такъ и осталось неизвѣстнымъ, не смотря на множество изысканій, посвященныхъ этому вопросу. Еще при жизни ядовитаго обличителя Георга III вопросъ этотъ былъ рѣшенъ, и теперь едва ли есть основаніе сомнѣваться, что за псевдонимомъ Юніуса скрывался сэръ Филиппъ Фрэнсисъ, сперва служившій въ военномъ министерствѣ, затѣмъ видный чиновникъ въ Индіи. Это интересный писатель—и жаль, что русскіе читатели не знакомы съ нимъ; на другіе языки онъ переведенъ давно.

Остается пожалѣть, что составители такъ неохотно знакомятъ читателей съ трудами, по которымъ составлены ихъ статьи; это не представило бы труда и облегчило бы задачу читателя, который захотѣлъ бы отъ первоначальныхъ свѣдѣній, данныхъ въ сборникѣ, перейти къ болѣе основательному знакомству съ предметомъ.

Ульянинскій, Д. В. Среди книгъ и ихъ друзей. Часть первая. I. Изъ воспоминаній и замѣтокъ библіофила. II. Русскія книжныя росписи XVIII вѣка. М. 1903.

Въ предисловіи къ своей книги г. Ульянинскій проситъ тѣхъ, кто не имѣетъ страсти къ библіографіи, не читать ее, „подобно тому, какъ я самъ, говоритъ онъ, не стану, напр., читать сочиненія по гистологіи или интеграламъ". Сравненіе это не совсѣмъ удачное. Сочиненія по гистологіи или по высшей математикѣ недоступны

для автора, какъ и для очень многихъ образованныхъ людей, по той простой причинѣ, что для чтенія ихъ требуется спеціальная подготовка. Библіографическія же сочиненія вовсе не такая мудрость, которая была бы недоступна простому смертному. Другое дѣло—не у всякаго хватитъ терпѣнія пересматривать утомительно-однообразныя заглавія книгъ или интересоваться такими подробностями, какъ: ко многимъ ли экземплярамъ извѣстнаго изданія приложенъ списокъ опечатокъ, у какого экземпляра заглавіе настоящее, у какого гравированное и т. п. На это, конечно, нужна уже особая охота.

По тому, какъ ревниво оберегаетъ г. Ульянинскій свое произведеніе отъ глазъ непосвященныхъ, по тому, какъ онъ говоритъ о себѣ, и по тому, что самая книга издана въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (300) со всей тщательностью типографскаго искусства,—надо думать, что авторъ принадлежитъ къ числу самыхъ патентованныхъ библіофиловъ. Онъ такъ и называетъ себя: „записнымъ библіофиломъ и неустаннымъ собирателемъ“. Съ оттѣнкомъ презрѣнія говоритъ онъ о „геннадіевцахъ“, т. е. о тѣхъ библіофилахъ, которые, руководствуясь указаніями извѣстной книги Геннади, „тащатъ къ себѣ всякую книжку, отмѣченную ихъ учителемъ, не обращая вниманія на ея содержаніе и упуская изъ вида, что собраніе, состоящее изъ однихъ только книжныхъ рѣдкостей самаго разносторонняго содержанія, есть не библіотека, а книжная коллекція—достояніе библіомана-маньяка, а не разумнаго библіофила“. Г. Ульянинскій, какъ „разумный библіофилъ“, вовсе не набрасывается на книжныя рѣдкости. Онъ собираетъ книги только по слѣдующимъ отдѣламъ: библіографія, біографія, родословіе и сношенія Московской Руси съ чужими странами до начала царствованія Петра Великаго. Если ему попадается какая-нибудь, хотя бы самая рѣдчайшая, книга, онъ отъ нея, какъ „разумный библіофилъ“, отрекается и сбываетъ ее въ другія руки. „Но объяснить въ настоящее время, говоритъ онъ, вполнѣ опредѣленно и послѣдовательно, почему я для своей библіофильской библіотеки остановился на тѣхъ, а не на другихъ отдѣлахъ знанія и преимущественно заинтересовался ими, я затрудняюсь. *Такъ вышло*, и результаты всего этого наполняютъ въ огромной степени мою жизнь“. Такимъ образомъ, хотя г. Ульянинскій и называетъ себя „разумнымъ библіофиломъ“, но въ самой основѣ своихъ библіофильскихъ трудовъ онъ и самъ не видитъ начала разумности. *Вышло*, что онъ сталъ собирать книги по родословію, но съ одинаковой вѣроятностью могло выдти, что онъ сталъ бы собирать книги по массонству или по куроводству, и въ такомъ случаѣ тоже не переcталъ бы быть „разумнымъ библіофиломъ“. Если прибавить къ этому, что идеаломъ любительской книги для г. Ульянинскаго является экземпляръ вполнѣ „дѣвственный“, въ нетронутой обложкѣ, съ необрѣзанными

краями и, самое главное, *неразрѣзанный*, то всѣ превосходства „разумнаго библіофила“ надъ маньякомъ-библіоманомъ геннадіевцемъ станутъ вполнѣ ясны для непосвященнаго въ великія тайны библіофиліи.

При всемъ томъ воспоминанія и замѣтки г. Ульянинскаго, въ смыслѣ ознакомленія съ практикой и современнымъ положеніемъ библіофильскаго дѣла представляются очень любопытными и очень легко читаются. Особенно интересенъ разсказъ, какъ А. С. Суворинъ доставалъ въ Москвѣ для изданной имъ перепечатки радищевскаго „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ экземпляръ этой рѣдкой книги въ „безпорочномъ“ изданіи 1790 года. Тутъ передъ глазами читателя цѣлой вереницей проходятъ любопытные типы библіофиловъ, букинистовъ, владѣльцевъ „настоящаго и поддѣльнаго Радищева“, книжныхъ знатоковъ и неоперившихся новичковъ библіофильскаго дѣла.

Вторая часть книги, библіографическій обзоръ русскихъ книжныхъ росписей XVIII вѣка, имѣетъ интересъ чисто спеціальный. Автору удалось собрать довольно полный, должно быть, перечень каталоговъ русской книжной торговли въ XVIII вѣкѣ. Въ общемъ ихъ очень немного, всего 128. Трудовъ и времени на этотъ каталогъ каталоговъ потрачено, очевидно, не мало, а выводъ только одинъ, „который можно сдѣлать“, что русское книгопродавческое дѣло въ XVIII вѣкѣ „обстояло не важно“. Это бы, пожалуй, можно было сказать и a priori... А съ другой стороны, имѣя во владѣніи или временномъ пользованіи большую часть перечисленныхъ росписей, авторъ могъ бы, повидимому, извлечь изъ нихъ и болѣе цѣнныя указанія. Можно бы, напр., сдѣлать общій обзоръ продававшихся тогда книгъ по ихъ содержанію: какія книги, по какимъ отдѣламъ больше всего предлагались книгопродавцами читающей публикѣ, каково было отношеніе переводныхъ книгъ къ оригинальнымъ сочиненіямъ, какія книги пользовались большимъ спросомъ и выдерживали по нѣскольку изданій, какія оказываются еще нераспроданными и по настоящее время (есть и такія) и пр. Такой обзоръ могъ бы въ извѣстной степени характеризовать и самую читающую публику XVIII вѣка и внести лишнюю страницу въ исторію русскаго просвѣщенія.

Кн. Эсперъ Ухтомскій. Изъ области ламаизма (къ походу англичанъ на Тибетъ). Спб. 1904 *).

Вступленіе въ книгу кн. Ухтомскаго похоже на тревожный бой барабана: „Мы опоздали, англичане готовятся властно вторгнуться въ царство Далай-Ламы“... „Очевидно назрѣваетъ необходимость для русскаго общества ближе ознакомиться съ извѣстнаго

*) Разослано въ качествѣ приложенія въ газетѣ «Спб. Вѣдомости».

рода вопросами, стоящими нынѣ на очереди"... „Пора разсѣять туманъ и многое выяснить"... „Нарушеніе молчанія становится обязательнымъ"...

Изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что, собственно говоря, опозданіе наше восходитъ еще къ началу XVII столѣтія. „Начало семнадцатаго столѣтія,—говоритъ авторъ, — заставало Азію (въ особенности внутреннюю и восточную) въ такомъ хаотическомъ и волнующемся состояніи, что, *будь въ Сибири хоть одинъ дѣятель* (курсивы всюду наши), одаренный выдающимися политическими способностями, быть можетъ, *въ Пекинѣ правилъ-бы* не возвысившійся позже манчжурскій, но *русскій Императорскій домъ*" (стр. 4). Для того, чтобы эта волшебная политическая перспектива осуществилась, по мнѣнію автора, нужно было очень немногое: „*хоть одинъ* дѣятель въ Сибири, обладающій политическимъ смысломъ, и нѣсколько ламъ, черезъ которыхъ можно было легко завязать сношенія съ Тибетомъ, какъ разъ въ то время искавшимъ опоры извнѣ". Случись это—„и весь востокъ имѣлъ бы теперь другой видъ, и Россія была бы неоспоримо богатѣйшей и могущественнѣйшей державой въ мірѣ".

Князь Ухтомскій хорошо понимаетъ, что „на первый взглядъ" эта волшебная перспектива должна казаться совершенно неправдоподобной, и потому подтверждаетъ свое мнѣніе „хронологическими данными". Дѣло въ томъ, что „около 1642 года Далай-Лама, тѣснимый внутренними врагами и поддерживаемый лишь монголами, по совѣту ихъ хана, отправилъ пословъ къ *крѣпнувшимъ* манчжурамъ. Завяжи мы въ такое время связь съ Лхассой черезъ благоговѣвшихъ къ ней кочевниковъ,—при ихъ невольномъ тяготѣніи къ намъ,—Китай не явился бы объединяющимъ центромъ древне-языческой цивилизаціи".

Правду сказать, прочитавъ эти „хронологическія данныя", мы испытали нѣкоторое разочарованіе, и волшебная перспектива не перестала намъ казаться совершенно неправдоподобной. Во первыхъ, думается невольно, что въ 1642 году было уже нѣсколько поздно мѣшать Китаю „стать объединяющимъ центромъ древне-языческихъ цивилизацій", такъ какъ явленіе это совершилось... за много столѣтій до роковаго 1642 года, и Китай становился такимъ центромъ уже тогда, когда о Московскомъ княжествѣ не было даже предчувствій... Рѣчь, значитъ, можетъ идти лишь о Тибетѣ и его подчиненіи манчжурской династіи. А отъ этого до Пекинскаго престола дистанція еще огромнѣйшаго размѣра. Но и въ этихъ, уже значительно съуженныхъ предѣлахъ,—остается еще не мало мѣста для самыхъ искреннихъ недоумѣній. Манчжурская династія „крѣпла", какъ извѣстно, довольно долго, но, если мѣрять даже десятилѣтіями тотъ періодъ, въ теченіе котораго гипотетическому „одному" сибирскому дипломату предстояло укрѣплять вліяніе Россіи въ Тибетѣ и оттуда про-

стирать виды на измѣненіе политической структуры всей Азіи,— то и тогда придется отодвинуть эти начинанія, ну хоть... къ самому развалу смутнаго времени, когда Россія изнемогала подъ бременемъ внѣшнихъ нападеній и внутреннихъ неурядицъ. И вотъ, кн. Ухтомскій находитъ, что, если бы наше отечество ввязалось тогда, вдобавокъ, въ крупныя азіятскія авантюры,—то теперь оно „было бы могущественнѣйшей державой въ мірѣ" и на пекинскомъ престолѣ возсѣдали бы россійскіе, а не манчжурскіе монархи... Пусть даже такъ,—но тогда не является ли большимъ вопросомъ: какіе монархи возсѣдали бы на престолѣ московскомъ?

Повидимому, автора вводитъ въ заблужденіе та легкость, съ какой совершилось завоеваніе Сибири. Онъ забываетъ только, что Сибирь была въ государственномъ смыслѣ совершенно аморфна, что въ ней не было не только сознанія племеннаго и государственнаго единства, но даже начатковъ культуры и письменности. Совершенно понятно, почему было такъ легко отрядамъ казаковъ брать родъ за родомъ, улусъ за улусомъ, и почему эта волна остановилась, точно у гранитныхъ скалъ,—у предѣловъ Манчжуріи и Китая, составлявшихъ плотныя, сложившіяся вѣками государственныя тѣла съ сравнительно очень высокой культурой *).

Такимъ образомъ,—историческая мечта кн. Ухтомскаго не выдерживаетъ, очевидно, ни малѣйшей критики, а между тѣмъ вѣяніе этой мечты носится, правда, довольно меланхолически, надъ всей книгой, и нигдѣ авторъ не задается вопросомъ: для чего собственно нужно, чтобы на пекинскомъ престолѣ возсѣдали россійскіе монархи, и что выигралъ бы русскій народъ отъ такого перемѣщенія власти?..

Правда, націонализмъ автора, когда онъ переходитъ къ временамъ настоящимъ, становится значительно скромнѣе и очень выгодно отличается по тону отъ обычныхъ бравадъ другихъ россійскихъ націоналистовъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны главы, гдѣ кн. Ухтомскій говоритъ о миссіонерской дѣятельности среди сибирскихъ инородцевъ и сопоставляетъ ее съ дѣятельностью западныхъ миссіонеровъ. Основной тонъ книги состоитъ въ томъ, что главнымъ цементомъ азіятской структуры является религія, и что Тибетомъ овладѣетъ тотъ, кто съумѣетъ отнестись съ уваженіемъ и терпимостью къ религіознымъ воззрѣніямъ народа. Князь Ухтомскій не скрываетъ, что въ этомъ отношеніи наши шансы довольно слабы. Вотъ что, напр., писалъ въ 1767 году сибирскій губернаторъ Борисъ Чичеринъ о миссіонерахъ Сибири: „проповѣдники ѣздятъ на коштѣ и подводахъ

---

*) Въ 1626 году манчжуръ-Нурхаци потерпѣлъ пораженіе въ Ляо-дунѣ, благодаря *пушкамъ*, которыми былъ снабженъ гарнизонъ осажденной имъ крѣпости.

иновѣрцевъ... стараются пробраться въ отдаленныя и дикія мѣста, гдѣ говорятъ о Христѣ по русски дикарямъ, не разумѣющимъ нашего языка, и увѣщеваютъ креститься тѣхъ, у которыхъ больше пожитку видятъ. Обольстя награжденіемъ, напоя пьяными или напугавши, присоединяютъ къ церкви и затѣмъ отъѣзжаютъ въ другія мѣста на лошадяхъ и на издержкахъ новокрещеннаго, оставляя ему написанную на бумагѣ молитву, которую этотъ инородецъ безумно почитаетъ божествомъ, а что въ ней написано,— не знаетъ. Черезъ годъ и позже проповѣдникъ возвращается для свидѣтельства новыхъ христіанъ, и тутъ великія привязки дѣлаются. Въ посты привозятъ съ собою посуду, намазанную молокомъ или масломъ, лошадиныя кости,—обвиняютъ въ вѣроотступничествѣ, пугаютъ жестокими наказаніями и черезъ то грабятъ безчеловѣчно; если-же кто не даетъ, — тѣхъ... забивши въ колодки, везутъ по другимъ жилищамъ" (стр. 47). Отдавая справедливость истинно христіанской дѣятельности еп. Иннокентія,— кн. Ухтомскій указываетъ, однако, что она остается одинокой. „Отзывъ Чичерина 100 лѣтъ тому назадъ,—по словамъ автора, — принципіально подходятъ къ переживаемой нами дѣйствительности" (стр. 48), и кн. Ухтомскій цитируетъ изъ перваго тома „Трудовъ восточно-сибирской миссіи" (стр. 15), дѣйствительно, поразительныя строки, гдѣ одинъ сибирскій преосвященный „раздражается духомъ и дивится вѣротерпимости русскаго человѣка", не разрушающаго силой кумирни, а дальше и прямо говоритъ, что онъ инородческую святыню самъ предавалъ огню, „ибо она воздвигнута въ честь діавола" *). Этимъ и многимъ другимъ даннымъ того-же рода авторъ противопоставляетъ дѣятельность западныхъ миссіонеровъ и культурныя завоеванія англичанъ, подвигающихся постепенно вглубь Азіи не силою оружія, а силой культуры и знанія. Все это, по справедливому замѣчанію автора, должно разрушить „неосновательныя иллюзіи, будто мы дѣйствуемъ (въ Азіи) въ качествѣ піонеровъ цивилизаціи, и впереди намъ улыбаются только новые, легко дающіеся блестящіе результаты" (стр. 53). Намъ нужно еще самимъ научиться многому и прежде всего— вѣротерпимости, уваженію къ чужой вѣрѣ и чужому праву.

Таковы общіе выводы автора, съ которыми нельзя, конечно, не согласиться, и мы позволимъ себѣ сдѣлать лишь одно замѣчаніе. Намъ кажется, что пріобрѣтеніе этихъ свойствъ можетъ служить цѣлью и само по себѣ, безъ отношенія къ таинственному Тибету и волшебнымъ перспективамъ въ глубинѣ Азіи. Объясняя (на стр. 127), почему Тибетъ замкнулся послѣ первыхъ-же столкновеній съ европейцами, — кн. Ухтомскій говоритъ: „тибетцы знаютъ, что каждый чужеземецъ, который бы пришелъ къ нимъ не ради науки... въ концѣ концовъ можетъ только разжечь *дур-*

---

*) «Изъ области Ламаизма», стр. 51.

ные инстинкты у склонныхъ къ захватамъ и насилію европейцевъ,—какъ это и показываетъ теперешній походъ англичанъ на Гималаи".

Итакъ—„дурные инстикты"... Но тогда—для чего-же авторъ пытается всетаки возбудить „дурные инстинкты" своихъ соотечественниковъ, рисуя какія-то туманныя перспективы, въ которыхъ русскіе монархи владѣютъ непремѣнно чужими престолами?..

Привислинецъ, Дм. Туткевичъ и А. Н. Дружининъ. Россія и ея западная окраина (отвѣтъ на «Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ», изданные подъ редакціей В. Спасовича и Э. Пильца).

Книга эта посвящается авторами „Русскому собранію" и имѣетъ эпиграфъ: „Аще согрѣшитъ о тебѣ братъ твой, иди и обличи его" (Матѳ. XVIII—15). Уже изъ этого посвященія и этого эпиграфа ясно видно, чего ждать гг. Пильцу и Спасовичу отъ своихъ „братьевъ", трехъ авторовъ этой книги, написанной какъ будто въ какой нибудь канцеляріи западнаго края ярыми чиновниками-обрусителями, поставляющими цѣлью своего служебнаго усердія непремѣнно открыть и изобличить „польскую интригу". Соотвѣтственно съ этимъ и стиль почтенныхъ гг. Привислинца, Туткевича и Дружинина блещетъ всѣми изыскательскими красотами. Уже на первой страницѣ читатель встрѣчается съ ироніей: книга гг. Спасовича и Пильца именуется „продуктомъ, сработаннымъ viribus unitis".—Не правда-ли, какъ это умѣстно въ произведеніи, которое тоже „сработано viribus unitis" и при томъ не двумя, а цѣлыми тремя авторами. Затѣмъ сообщается (со ссылкой на А. А. Сидорова), что г. Спасовичъ „самъ принималъ участіе въ польскихъ кружкахъ мятежа 1863 года" (стр. 2). Мы не знаемъ ни книги г. Сидорова, ни степени ея достовѣрности, но хорошо знаемъ цѣну подобныхъ полемическихъ пріемовъ. Затѣмъ гг. Привислинецъ, Туткевичъ и Дружининъ „viribus unitis" изобличаютъ гг. Спасовича и Пильца въ изумительныхъ коварствахъ и разныхъ неблагонамѣренностяхъ. Такъ, напримѣръ: „Очередные вопросы охватываютъ всѣ интересы польскаго населенія Привислинскихъ губерній, *но* (!) все это распредѣлено по книгѣ подъ невинными ярлычками, помѣщенными надъ главами, не останавливающими, *при другихъ условіяхъ* (??), на себѣ вниманія читателей" (стр. 4-я; курсивы всюду наши). Все это не вполнѣ вразумительно. Книга, которая называется „*Очередные вопросы* въ Царствѣ польскомъ", почему-то хочетъ скрыть, что она трактуетъ о насущныхъ вопросахъ и интересахъ края, и дѣлаетъ это такъ искусно, что, при какихъ-то „другихъ условіяхъ", никто бы объ этомъ не догадался. Очевидно, усердіе гг. Привислинца, Туткевича и Дружинина заводитъ ихъ нѣсколько далеко и во всякомъ случаѣ—за предѣлы логики. Разыскивая интригу во что бы то

ни стало, авторы на стр. 7. пишутъ: „Все изложеніе „Очередныхъ вопросовъ“ сдобрено вкрадчивыми разными: „конечно“, „какъ извѣстно“, „словомъ“, „только“, „несомнѣнно“, „уже намѣчено“, „даже и стоя на русской точкѣ зрѣнія“, „нельзя, однако, не признать“, „ясно, что“, „позволительно усомниться“ и т. п. Видите, какими злыми коварствами наполнена книга гг. Спасовича и Пильца. Правда, къ сожалѣнію, и сами почтенные авторы „братскаго“ обличенія во многихъ мѣстахъ своего сочиненія не избѣгли этихъ же злонамѣренныхъ выраженій... Но это, конечно, другое дѣло. Очевидно, что столь опасныя слова, какъ „только“, „несомнѣнно“, „ясно, что,“ „словомъ“ и даже „конечно“ — отнынѣ могутъ быть употребляемы только въ книгахъ, посвященныхъ Русскому собранію. Nota bene: очень прошу наборщика, которому придется набирать эту мою скромною замѣтку, не ошибиться и непремѣнно набрать слово „Русскому“ съ прописной буквы, такъ какъ наши авторы слѣдятъ очень тщательно, дабы отъ строчныхъ буквъ не произошло умаленія русскому имени. Они нѣсколько разъ уловили гг. Спасовича и Пильца въ томъ, что, напримѣръ въ фразѣ „центръ россійской Имперіи“ слово „Россійской“ набрано съ маленькой буквы (стр. 9, примѣчаніе), и даже, что еще ужаснѣе, слова „Великая Держава“ тоже отпечатаны съ малыхъ буквъ (стр. 18). Само собою разумѣется, что съ людьми, изобличенными въ такихъ ужасныхъ коварствахъ и измѣнахъ, церемониться окончательно не стоитъ, и гг. Привислинецъ, Туткевичъ и Дружининъ, дѣйствительно, ни мало не церемонятся. Г-на Спасовича они трактуютъ совершенно en canaille: „новый Рейнеке-Фуксъ“, „*затесавшійся въ шкуръ какого-то уполномоченнаго* группы польскихъ ученыхъ изъ Варшавы“... „славянство стоитъ поперегъ горла *папистy*“ (стр. 7)—таковы термины, которыми, очевидно, уже „настоящіе“ ученые авторы титулуютъ псевдоученаго г. Спасовича... Образчикъ ихъ собственной глубокой эрудиціи мы находимъ въ примѣчаніи на стр. 14, гдѣ говорится: „евреи, исповѣдующіе Моисеево ученіе, раздѣляются на двѣ группы: *караимовъ*, исповѣдующихъ только Моисеево ученіе, и *жидовъ* или *талмудистовъ*, номинально (!) исповѣдующихъ то же ученіе, но видоизмѣненное вавилонскимъ талмудомъ“. Это историко-этнографическое объясненіе даетъ авторамъ основаніе на всемъ протяженіи ихъ „сочиненія“ употреблять терминъ „жиды“, избѣгая ошибочно принятаго въ нашей литературѣ слова евреи. Нужно сказать, кстати, что отношеніе авторовъ къ еврейскому вопросу отличается тоже необыкновенной простотой: уничтоженіе еврейской обособленности, по ихъ мнѣнію, уже на очереди. Они озабочены только, чтобы это не повлекло „улучшенія быта и воспитанія жидовъ за счетъ христіанскаго населенія Россіи“. Упразднить всю существующую теперь организацію еврейскихъ обществъ и не

дать ничего взамѣнъ,—такова, какъ кажется, эта упрощенная программа трехъ авторовъ.

Впрочемъ, виноватъ: я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія входить въ разсмотрѣніе взглядовъ гг. Привислинца, Туткевича и Дружинина по существу. Въ книгѣ — 175 стр. очень убористаго текста, + XLIX стр. приложеній. Мы не станемъ слѣдить ни за статистикой авторовъ, ни за ихъ историческими экскурсіями, такъ какъ полагаемъ, что отъ этого насъ можетъ освободить краткое изложеніе того хода мысли, для укрѣпленія коего привлекается весь этотъ цифровый и иной арсеналъ. А этотъ ходъ мысли слѣдующій: гг. Спасовичъ и Пильцъ, хотя и не евреи, но изо всѣхъ силъ и по какому-то, еще въ своихъ тайникахъ не изслѣдованному гг. Привислинцемъ, Туткевичемъ и Дружининымъ коварству, задались цѣлью закабалить Царство Польское евреямъ. Это явствуетъ изъ того, что они желаютъ введенія въ краѣ городового положенія, между тѣмъ, какъ, по увѣренію авторовъ-обличителей, въ городахъ Привисленія евреи составляютъ три четверти населенія, да и въ самой Россіи „городовое положеніе выродилось теперь въ уставъ семейно-паеваго товарищества со всѣми его недостатками“ (стр. 18). Поэтому „въ требованіи безотлагательнаго введенія въ краѣ Городового Положенія *таится страстное въ ловлѣ момента* желаніе закабалить жидовскимъ вожакамъ населеніе всего края“ (стр. 17), а на стр. 67-й къ этому привлекается еще и неизбѣжное массонство. Хотя мы и не вполнѣ понимаемъ, что значитъ „страстное въ ловлѣ момента желаніе“, и хотя вообще русскій языкъ почтенныхъ авторовъ нерѣдко наводитъ на довольно унылыя размышленія, — тѣмъ не менѣе полагаемъ, что для читателя ясенъ тотъ умственный уровень, на которомъ стоятъ три автора-обличителя, гг. Привислинецъ, Туткевичъ и Дружининъ. Надо думать, что гг. Спасовичъ и Пильцъ согласились-бы принять городовое положеніе и не въ томъ видѣ, въ которомъ оно напоминаетъ „семейно-паевое товарищество“. Еще легче сообразить, что равновѣсіе національностей въ томъ или другомъ случаѣ фактически является вопросомъ частной регламентаціи, даже слишкомъ широко примѣняемой въ городахъ, гдѣ введено уже ненавистное авторамъ положеніе. Такимъ образомъ, весь обличительный арсеналъ книги обстрѣливаетъ, въ сущности, пустое пространство, но... повторяемъ: мы не имѣемъ въ виду ни полемизировать по существу съ гг. Привислинцемъ, Туткевичемъ и Дружининымъ, ни отстаивать всѣ положенія гг. Спасовича и Пильца. Пусть авторы „Очередныхъ вопросовъ“ сами оправдываются въ ужасныхъ обвиненіяхъ, простирающихся вплоть до умаленія Россійской Имперіи при помощи строчныхъ буквъ. Насъ занимаетъ разбираемая книга лишь съ одной, тоже „чисто русской“, точки зрѣнія. А именно: насколько этотъ „продукъ viribus unitis“ гг. Привислинца, Туткевича и Дружинина, съ его

ненавистью къ выборному началу и его изыскательскими пріемами полемики — содѣйствуетъ прославленію если не русскаго имени вообще, то хотя бы... Русскаго собранія, которому его почтительно посвящаютъ авторы?.. *).

Я. Б. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. Изд. Маркса. Спб. 1903 г.

Есть области знанія, которымъ везетъ у диллетантовъ. Наглядныя и поверхностно доступныя, онѣ привлекаютъ вниманіе непосвященнаго, который тѣмъ охотнѣе углубляется въ сырые матеріалы, изучаемые въ нихъ, что это углубленіе не требуетъ усилій теоретической мысли и даетъ всю видимость духовныхъ интересовъ и научныхъ занятій. Извѣстно, напримѣръ, что у насъ не одинъ мѣняла занимается библіографіей. Почему? — сказать трудно. Быть можетъ, потому, что коллекціонерство нумизматическое привело ихъ къ коллекціонерству книжному; сперва библіоманія, — грубая, ажіотажная, старьевщицкая, а потомъ библіографія, столь же грубая, антикварская, всегда невѣжественная въ элементахъ научнаго знанія, но подчасъ счастливая находками, которыя могутъ имѣть значеніе и для науки. Это общая судьба нѣкоторыхъ вспомогательныхъ дисциплинъ исторіи — преимущественно тѣхъ, которыя занимаются предметами, доступными коллекціонированію. Таковы сфрагистика, нумизматика, геральдика, дипломатика и такъ далѣе, вплоть до Bücherzeichenkunde—науки о книжныхъ знакахъ, — къ которой у любителей легко присоединяется филателія: такъ называется собираніе почтовыхъ марокъ. Къ этой злополучной области наукъ, смѣшиваемыхъ диллетантствомъ съ собираніемъ почтовыхъ марокъ, принадлежитъ и наука о письмѣ. Она щекочетъ праздное любопытство, которое охотно доходитъ до нетруднаго заключенія, что одни люди пишутъ такъ, а другіе этакъ — и на этомъ глубокомъ выводѣ замираетъ. Одно хорошо въ этомъ вяломъ, но всетаки дѣйствительномъ интересѣ: при извѣстномъ умѣніи онъ поддается расширенію. Если всякое обученіе для того, чтобы достигнуть наибольшихъ результатовъ, должно прежде всего опереться на наличныя данныя, представляемыя ученикамъ, то тѣмъ болѣе должна считаться съ этими данными популяризація. И она идетъ по наиболѣе выгодной линіи наименьшаго сопротивленія, когда отправляется отъ такихъ интересныхъ для читателя предметовъ, какъ чудеса техники, яркія страницы и великія событія исторіи, занимательныя вещи въ обиход-

*) Образецъ (наивнѣйшаго, правда) доносительства читатель находитъ на стр. I-XIII приложеній, гдѣ авторы побочными и мелкими примѣчаніями пытаются извратить совершенно ясный смыслъ рѣчи, напечатанной въ газ. «Kraj» (разумѣется, съ разрѣшенія цензуры). Условія мѣста не позволяютъ намъ останавливаться на этомъ характерномъ эпизодѣ.

ной жизни. Къ этимъ интереснымъ для средняго читателя предметамъ принадлежатъ письмена,—и мысль принять ихъ за исходную точку для введенія ихъ въ область исторіи культуры вполнѣ удачна. Не бѣда, что письменность относится къ сравнительно поздней ступени человѣческаго развитія; она вбираетъ въ себя такъ много интересовъ и играетъ въ исторіи такую рѣшающую роль, что отъ нея не трудно идти дальше—въ обѣ стороны.

Трудъ Шницера не вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ требованіямъ. Онъ красиво иллюстрированъ разнообразными палеографическими снимками, и главное его значеніе—въ этомъ наглядномъ матеріалѣ; текстъ играетъ служебную роль, не самостоятеленъ и—что гораздо важнѣе—не выходитъ за предѣлы узкихъ рамокъ, поставленныхъ ему авторомъ. Это прежде всего исторія письменъ, а не исторія письма, которая едва намѣчена авторомъ въ заключительной главѣ. Но исторія письменъ какъ-бы отрѣзана отъ общаго хода культурной исторіи: о связи ихъ позволительно развѣ догадываться; а тамъ, гдѣ авторъ приводитъ письмена въ связь съ другими элементами культуры—напр., съ языкомъ,—онъ дѣлаетъ это неосторожно. Психическія основы развитія письма чуть-чуть намѣчены, и лишь изрѣдка упоминается о значеніи техники письма, играющей въ его исторіи столь любопытную роль.

Въ обзорѣ литературы, заканчивающемъ книгу, цѣлый рядъ необъяснимыхъ пробѣловъ. Приложеніе — переводъ двустишія Шиллера о значеніи письменъ на 24 языкахъ—имѣетъ интересъ курьеза.

Габріэль Компейре. Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе. Спб. 1903.

Небольшая брошюра написана очень коварно: она начинается съ похвальнаго слова Спенсеру и его книгѣ о воспитаніи, и авторъ дѣлаетъ видъ, что въ дальнѣйшемъ дастъ детальное развитіе этому панегирику. Конечно, „преклоняясь предъ геніальными и увлекательными трудами“ англійскаго мыслителя, онъ „не преминетъ отнестись къ нимъ критически“. Въ общемъ, однако, онъ „охотно присоединяется къ мнѣнію извѣстнаго американскаго педагога Пэйна, который писалъ въ 1886 году: „Наиболѣе полезной и глубокой книгой изъ всѣхъ, написанныхъ на тему о воспитаніи со времени „Эмиля“ Ж. Ж. Руссо, является безусловно изслѣдованіе Герберта Спенсера“. Авторъ преклоняется предъ научными трудами Спенсера, вѣрнѣе—предъ ихъ объемомъ,—но полагаетъ, что изъ всѣхъ его твореній долѣе всѣхъ сохранитъ свое значеніе этотъ небольшой трактатъ о воспитаніи: „въ самомъ дѣлѣ, вѣдь очень многія философскія гипотезы оказываются недолговѣчными, и среди крушенія системъ, наиболѣе добросовѣстно построенныхъ философомъ, иногда одиноко всплываютъ отдѣльныя зерна здраваго смысла и безъискусственной

истины, которыя небрежно были разсѣяны щедрой рукой философа, и которыя потомство подбираетъ съ священнымъ трепетомъ, какъ драгоцѣнную реликвію". Эти тонкіе намеки на то, что „изумительныя изслѣдованія" Спенсера, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказываются лишь „добросовѣстными", но „недолговѣчными гипотезами"—характерны для всего отношенія Компейре къ Спенсеру. Только что мы слышали, что. если труды Спенсера не весьма долговѣчны, то ужъ его мысли о воспитаніи—„драгоцѣнная реликвія". Едва ли читатель Компейре согласится съ этой высокой оцѣнкой; во всякомъ случаѣ, самъ Компейре заботился о противоположномъ: онъ похваливаетъ все незначительное и осуждаетъ все важное въ теоріи Спенсера; въ заключеніе онъ сообщаетъ, что въ ней нѣтъ ничего новаго. Воспитаніе по Спенсеру основано прежде всего на научныхъ знаніяхъ; это — одна изъ главныхъ его ошибокъ, по мнѣнію его подозрительнаго панегириста. Отожествляя научное воспитаніе ума съ профессіональнымъ образованіемъ, онъ торжествуетъ легкую побѣду. Кто не согласится, что техническія знанія нужны, „что естественныя, біологическія и тому подобныя науки только однѣ и въ состояніи способствовать зарожденію и распредѣленію по земному шару богатствъ", что землемѣру нужна геометрія, а сельскому хозяину—химія, и такъ далѣе. Но все ли въ этомъ? Удовлетворяетъ ли такое воспитаніе всѣмъ потребностямъ человѣка? „И среди разнообразныхъ, положительныхъ и практическихъ пріемовъ воспитанія, рекомендуемыхъ съ такимъ убѣжденнымъ энтузіазмомъ Спенсеромъ, не упустилъ ли онъ изъ виду одного обстоятельства: воспитанія самого по себѣ?" Вотъ какова эта „наиболѣе полезная и глубокая книга о воспитаніи". Вотъ искренность, съ которой „охотно присоединился" авторъ къ хвалебному приговору. Дальше — еще лучше. Гражданинъ Спенсера „съумѣетъ разобраться въ установленіяхъ своего государства; но вотъ вопросъ: научится ли онъ любить его?" Въ наше націоналистское время это, какъ извѣстно, доводъ убійственный, однако хвалитель Спенсера могъ бы помнить, что „любовь къ государству" (даже не къ родинѣ!) и не входила въ идеалы Спенсера: у него было нѣчто высшее. Но Спенсеръ вѣдь вообще не способенъ внушить любовь къ чему бы то ни было: „чего никто не найдетъ ни на одной страницѣ книги, это заботы о развитіи чувства и сердечныхъ склонностей". Спенсеръ убѣжденъ въ воспитательномъ значеніи науки; по его мнѣнію, было бы противоестественно, если бы наука, столь необходимая для просвѣщенія и направленія дѣятельности человѣка, не оказалась въ то-же время лучшимъ орудіемъ для гимнастики ума: полагать, что это такъ — „было бы все равно, что допустить возможность противорѣчія въ прекрасномъ устройствѣ природы".—„Нельзя не согласиться—возражаетъ Компейре — что въ этомъ смыслѣ Спенсеръ очень далеко захо-

дитъ въ своемъ оптимизмѣ и въ своихъ телеологическихъ вѣрованіяхъ". Съ такою же наивностью, извращающей смыслъ ясныхъ и простыхъ указаній, относится авторъ ко всему ученію Спенсера. Особенно хороши его возраженія противъ той части указаній Спенсера, гдѣ философъ-педагогъ возстаетъ противъ „непосредственнаго преподаванія нравственности" и вѣры въ цѣлительныя свойства науки. „По его мнѣнію, людьми управляетъ чувство. Прекрасно; но развѣ просвѣщенный разумъ не имѣетъ вліянія на чувство? Не лучше ли будетъ, если къ горячему сердцу присоединится еще и свѣтлый умъ?" И такъ далѣе, а въ заключеніе парфянская стрѣла: „походъ, предпринятый Спенсеромъ противъ науки, какъ элемента, способствующаго прогрессу нравственности, весьма несправедливъ и неожиданъ; чего ради положилъ онъ такую массу труда для приведенія въ систему научныхъ законовъ нравственности, если допустить справедливость его нападокъ? Если знакомство съ раціональной теоріей не даетъ возможности улучшить, усовершенствовать практику, то къ чему намъ теорія?"...

Авторъ, очевидно, притворяется: онъ, разумѣется, отлично знаетъ, для чего Спенсеръ изучалъ нравственность и приводилъ въ систему ея законы, и знаетъ, что здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія взгляду Спенсера на „преподаваніе нравственности". Но отсутствіе этого „преподаванія" въ воспитательной программѣ Спенсера—слишкомъ крутой разрывъ съ французской традиціей: помилуйте, „leçons de morale", практическія упражненія въ добродѣтели!.. Какъ отказаться отъ этой системы, завѣщанной мудростью отцовъ. Компейре готовъ даже принять „грубую и несправедливую" дисциплину „естественныхъ реакцій", при условіи, „если ее дополнить наградами, о которыхъ Спенсеръ не упоминаетъ, а во вторыхъ—и это самое главное—призывомъ къ сердечнымъ чувствамъ ребенка, а также къ его нравственному сознанію, къ его совѣсти, которая одна лишь и можетъ породить по истинѣ спасительныя наказанія, а именно угрызенія совѣсти и раскаяніе". Поправка, любопытная для знающихъ Спенсера.

Въ концѣ концовъ, изученіе „наиболѣе полезной и глубокой" книги воспитанія приводитъ къ слѣдующему результату: сочиненіе Спенсера „представляетъ мало оригинальности, въ особенности для сочиненія съ претензіями на новизну, не смотря на красоту свою и блестящую, остроумную отдѣлку". Рядомъ съ этимъ уничтожающимъ приговоромъ пустые комплименты звучатъ насмѣшкой, когда сопоставишь ихъ съ содержаніемъ всей книжки. Насъ едва ли заподозрятъ въ требованіи, чтобы къ Спенсеру относились безъ критики; мы не остановились бы на критикѣ Компейре даже въ томъ случаѣ, если бы она была только несправедлива; но она неблагородна—и это надо отмѣ-

тить. Надо отмѣтить также тѣ стороны въ общей теоріи Спенсера, которыя встрѣчаютъ почтительное признаніе Компейре. Это, во-первыхъ, то, что Спенсеръ противникъ коллективистовъ, а во-вторыхъ, то, что сочиненія его „изобилуютъ религіозными мыслями", а эволюціонное ученіе, „подобно ученію Дарвина, не исключаетъ понятія о Богѣ, который, будучи непостижимымъ, является тѣмъ не менѣе неизбѣжной гипотезой... Этотъ таинственный Богъ—именно тотъ, который внушаетъ людямъ понятіе о любви, въ противоположность понятію о ненависти". Конечно, ein jeder sieht, was er im Herzen trägt; но, кажется, Компейре ошибся: Богъ Спенсера—не его Богъ.

Переводчикъ полагаетъ, что journaux значитъ журналы и переводитъ sciences—просто словомъ „науки", отчего получаются недоразумѣнія: „науки" противополагаются „изученію языковъ" и т. п.

Книжка представляетъ собой первый выпускъ „Педагогической Библіотеки", издаваемой подъ редакціей А. П. Нечаева. Дебютъ кажется намъ не вполнѣ удачнымъ.

О профессіональномъ трудѣ волжскихъ грузчиковъ. Врача **И. А. Лощилова.** Нижній-Новгородъ, 1903.

Всюду, гдѣ раздается пароходный свистокъ и стоятъ по берегамъ пристани, при всякой остановкѣ, въ любомъ торговомъ пунктѣ судоходной рѣки, вы можете видѣть знакомую фигуру грузчика, шагающаго съ пристани на пароходъ и обратно по колеблющимся узкимъ осткамъ, согнутаго подъ тяжестью огромныхъ тюковъ, ящиковъ, кипъ шерсти, связокъ сырыхъ кожъ или чугунныхъ болванокъ. Беллетристика уже отмѣтила эту характерную и живописную фигуру. Лѣтъ, если не ошибаемся, десять назадъ въ „Русск. Вѣдомостяхъ" появился прекрасный разсказъ г-на Потапенко, въ которомъ фигурировалъ волжскій грузчикъ; еще недавно въ нашемъ журналѣ, г-жа Богрова (въ разсказѣ „Мамедъ" *) изобразила артель амбаловъ (грузчиковъ персіянъ) въ одномъ изъ прикаспійскихъ портовъ; касался этого типа и г. Горькій (даже въ послѣднемъ, по времени, его произведеніи, „На днѣ" фигурируетъ грузчикъ-татаринъ). Безъ сомнѣнія, этотъ перечень можно бы еще значительно продолжить, а разсказы г-на Потапенко и г-жи Богровой прямо касаются одного изъ самыхъ характерныхъ условій работы грузчиковъ: герои обоихъ разсказовъ надрываются подъ непосильною тяжестью...

Небольшая книжечка г-на Лощилова, изданная съ благотворительною цѣлью **), представляетъ самостоятельное изслѣдованіе,

---

*) «Русское Богатство», 1901 г., № 6.

**) Чистая выручка поступаетъ въ пользу *дѣтской санаторіи* при Нижег. отд. О-ва охраненія нар. здравія.

произведенное авторомъ сначала въ одномъ изъ крупныхъ селъ Нижегородской губ. (села авторъ не называетъ), а затѣмъ дополненное прошедшей весной, благодаря любезности одной изъ волжскихъ конторъ, которая, повидимому, пытается уже сдѣлать коечто для улучшенія условій труда своихъ грузчиковъ и предоставила автору возможность ознакомиться съ этими условіями и съ цифрами, которыя были въ ея распоряженіи. Изслѣдованіе, такимъ образомъ, касается промысла грузчиковъ собственно на Волгѣ, но, разумѣется, его выводы легко могутъ быть распространены на другія мѣста, гдѣ тотъ же трудъ прилагается, въ общемъ, въ тѣхъ же условіяхъ.

Выводы эти очень безотрадны. Какъ и многое у насъ въ Россіи,—промыселъ грузчиковъ, существующій вѣками, не подвергался до сихъ поръ какой нибудь разумной и доброжелательной регламентаціи, и идетъ чисто стихійно, безъ нужды истощая силы и калѣча тысячи работниковъ. Правда, при первомъ взглядѣ, можетъ показаться, что это промыселъ чрезвычайно здоровый, и волжскій грузчикъ поражаетъ наблюдателя богатырскимъ сложеніемъ и силой. Но г. Лощиловъ совершенно справедливо указываетъ, что это, на первый взглядъ парадоксальное, явленіе вполнѣ объясняется „профессіональнымъ подборомъ". Больные или даже просто люди съ средней комплексіей и средней силой не идутъ въ грузчики или не принимаются артелями. Всякій, идущій на эту работу, вноситъ въ нее незаурядный запасъ силы и отваги, которыя и растрачиваются чрезвычайно быстро. Авторъ приводитъ цифры, въ которыхъ осмотрѣнные имъ грузчики распредѣлены по возрастнымъ составамъ. Изъ нихъ видно, что въ возрастѣ:

отъ 20	до 25	лѣтъ	среди осмотрѣнныхъ было	25%
„ 26	„ 30	„	„ „ „ „	26%
„ 31	„ 40	„	„ „ „ „	42%
свыше	40	„	„ „ „ „	7%

Такимъ образомъ, наибольшій процентъ даетъ тотъ возрастъ, который и вообще сопровождается наибольшимъ расцвѣтомъ силы и органической энергіи. Быстрое, рѣзкое, внезапное паденіе съ 42% до 7% за этой возрастной гранью—уже само по себѣ очень краснорѣчиво и указываетъ на тяжесть условій труда и на быструю инвалидность. „Начинаютъ промыселъ, говоритъ авторъ, обычно съ 20 лѣтъ и продолжаютъ его, если сохранятся здоровье и жизнь, обыкновенно до 40. Къ этому времени грузчикъ становится по большей части инвалидомъ, неспособнымъ къ какому либо физическому труду и обычнымъ крестьянскимъ занятіямъ. Такихъ „отставныхъ" грузчиковъ сельское общество избѣгаетъ даже брать въ пастухи, и они волей-неволей попадаютъ въ разрядъ нищихъ".

Какъ обычныя профессіональныя болѣзни грузчиковъ, авторъ

отмѣчаетъ болотную лихорадку, часто захватывающую утомленнаго грузчика, работающаго въ сырыхъ мѣстахъ и пьющаго плохую затонную воду у пристани, а затѣмъ болѣзни ногъ. У группы, работающей отъ 4—6 лѣтъ, г-нъ Лощиловъ нашелъ уже 27% съ расширеніемъ венъ, а у работавшихъ отъ 9 до 11—цифра эта возросла до 77%! Постоянными также являются болевыя ощущенія въ ногахъ и спинѣ.

Отсылая людей, интересующихся вопросомъ, къ самой брошюрѣ г-на Лощилова, мы отмѣтимъ еще лишь нѣкоторыя черты промысла, которыя надо признать общими для очень многихъ категорій русскаго труда. Это, во 1-хъ, типичный „договоръ" (приводимый авторомъ на стр. 15), который обусловливаетъ лишь однѣ *обязанности* грузчика, предоставляя всѣ права на долю подрядчика. По § 2-му, напримѣръ, подрядчикъ имѣетъ право немедленно (sic) уволить грузчика за „ослушаніе, нетрезвую жизнь и прочее", а ушедшаго самовольно съ работы — оштрафовать 15-тью рублями въ пользу артели, а § 7-й возлагаетъ на самихъ же грузчиковъ принятіе мѣръ предосторожности и лишаетъ ихъ права „предъявлять какіе либо иски и требованія при несчастіи съ кѣмъ либо изъ артели". Разумѣется, такой договоръ не имѣетъ юридической силы, но невѣжество и отсутствіе сознанія собственныхъ законныхъ правъ (которое даже Л. Н. Толстой признаетъ чуть не органической чертой русскаго народа) — придаютъ имъ огромную фактическую силу, такъ какъ этимъ § пользуются подрядчики и владѣльцы пристаней (тоже, впрочемъ, русскіе люди)— даже въ тѣхъ случаяхъ, когда грузчикъ получаетъ увѣчье, благодаря, напр., подломившимся мосткамъ (такой случай извѣстенъ лично пишущему эти строки). Затѣмъ — характерна тоже роль подрядчика („старшины-распорядителя"), который, съ одной стороны, является какъ-бы членомъ артели, съ другой — ея эксплуататоромъ. Пользуясь данными разсчета упомянутой выше конторы, г. Лощиловъ приводитъ цифры заработка артели за навигацію 1902 года (въ томъ числѣ въ ярмарку). Каждый грузчикъ, „аккуратно и честно" исполнявшій свои обязанности, зарабатывалъ до 250 руб. въ теченіе 7 мѣсяцевъ, т. е. до 36 рублей въ мѣсяцъ. За исключеніемъ необходимыхъ расходовъ по содержанію, цифра чистаго заработка колеблется отъ 70—до 90 рублей за навигацію. Но это въ наилучшемъ случаѣ. На остальныхъ пристаняхъ чистый остатокъ заработка понижается до 40 рублей за навигацію. Между тѣмъ, подрядчикъ осмотрѣнной г. Лощиловымъ артели въ ту-же навигацію выручилъ свыше 2.000 руб. за „надзоръ и распоряженіе". Достигается это, разумѣется, благодаря тому, что подрядчикъ закабаляетъ заранѣе своихъ „соартельщиковъ"...

Въ качествѣ мѣръ для улучшенія условій этого ужаснаго труда, г. Лощиловъ рекомендуетъ обязательную упаковку товаровъ въ

тюки, не превышающіе нормальнаго вѣса (7—8 пудовъ), а затѣмъ, конечно, улучшеніе самой обстановки труда и отдыха. Все это очень желательно, даже прямо необходимо, и можно только удивляться, что до сихъ поръ допускается, напримѣръ, переноска тюковъ по 12, 18 даже 20 пудовъ однимъ человѣкомъ, или что грузчики вынуждены носить тяжести по тѣмъ же мосткамъ, по которымъ движется и суетящаяся публика. Но и за всѣмъ этимъ, разумѣется, остается еще очень много: развитіе сознанія собственнаго права, разумный сельскій кредитъ, который далъ бы возможность освободиться отъ закабаленія подрядчикомъ, наконецъ, еще и еще разъ — просвѣщеніе, какъ средство поднятія самой среды и ея правосознанія. Съ этимъ, разумѣется, мы входимъ уже въ область общихъ условій русской жизни, съ которыми неразрывно связаны и условія всякаго русскаго труда.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Бабушкина внучка. Соч. ***Н. П. Анненковой-Бернаръ*** (Дружининой). Изданіе И. А. Сафонова. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Дочь народа. Историч. пьеса въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. ***Н. П. Анненковой-Бернаръ*** (Дружининой). Изд. И. А. Сафонова. Спб. 1903. Ц. 2 р. 75 к.

Гр. ***Л. Н. Толстой.*** Смерть Ивана Ильича. Съ 10 рис. академика Бурова. Изд. магазина «Книжное Дѣло». М. 1904. Ц. 80 к.

И. Н. Потапенко. Живая жизнь. Разсказы Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе соч. (1894—1901) съ портретомъ автора. Книгоизд. «Скорпіонъ». М. 1904. Ц. 2 р.

М. Метерлинкъ. Жуазель. Пьеса въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. съ франц. М. Марикъ и В. Попова. М. 1904. Ц. 60 к.

Георгій Чулковъ. Кремнистый путь. Изд. В. М. Саблина. М. 1904. Ц. 1 р.

Вл. Гординъ. Наброски перомъ. Казань. 1904. Ц. 20 к.

Джеромъ К. Джеромъ. За чашкой чая. Переводъ съ англ. М. Н. Данилевской. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 60 к.

П. П. Гнѣдичъ. Новый скитъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Н. Лавровъ. Разсказы. «Въ нефти». Спб. 1904. Ц. 1 р.

Евгеній Марковъ. Разбойница Орлиха. Изъ мѣстныхъ преданій XVIII вѣка. Романъ въ трехъ частяхъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Сергѣй Рафаловичъ. Противорѣчія. Спб. 1903.

Левъ Даксергофъ: 1) Передъ новой жизнью. Картины усадебнаго быта Ц. 1 р. 2) Около душевнаго недуга Ц. 80 к. 3) Изъ за человѣка. Ц. 80 к М. 1904.

П. Булыгинъ. Повѣсти и очерки. Томъ II. Изд. магаз. «Книжное Дѣло». М. 1903. Ц. 1 р.

Вл. Голиковъ. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Самоотверженные. Сборникъ разсказовъ. Для школъ и домашняго чтенія. Изд. магаз. «Книжное Дѣло». М. 1903. Ц. 50 к.

В. Г. Егоровъ. «Литературно-сценическій сборникъ для семьи и школы». 5 выпусковъ. Ц. 1 р. 40 к. Спб. 1903.

Индійскія сказки. Сборникъ сказокъ для дѣтей средняго возраста. Составленъ ***О. М. Коржинской.*** Съ предисл. академика С. Ф. Ольденбурга. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1903.

Маркусъ Клэркъ. Англійская каторга (Изъ серіи историч. романовъ). Перев. съ англ. П. И. Люблинскаго, подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Изд. А. Ильина. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣднякъ Тымофій: 1) Оповидання зъ Галыцького жыття. Ц. 75 к. 2) Бидный жыдокъ Ратыця. Ц. 5 к. Кыевъ. 1903.

Баронъ ***Г. фонъ-Омптеда.*** Нашъ полкъ. Картинки изъ жизни Германскаго кавалерійскаго полка. Перев. съ нѣм. Н. А. Болотова. Спб. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

М. Петровичъ. По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски. М. 1903. Ц. 75 к.

С. И. Кисовъ. Изъ боевой и походной жизни 1877 — 1878 гг. Перев. съ болгарскаго. М. Горюнина. София. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Кн. ***Э. Ухтомскій.*** Изъ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ. Спб. 1904.

Европейская Россія. Иллюстрированный географ. журналъ, составленный преподавателями географіи. Изд. т-ва Кушнеревъ и К°. М. 1904. Ц. 2 р.

Врачъ ***Я. И. Рубинштейнъ.*** По Россіи. Путевые наброски. Харьковъ. 1904. Ц. 40 к.

С. Васюковъ. «Край гордой красоты». Кавказское побережье Чернаго моря. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904. Ц. 85 к.

В. В. Корсаковъ. Въ старомъ Пекинѣ. Очерки изъ жизни въ Китаѣ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

М. Стокманъ-Диксонъ. Какъ былъ открытъ Новый Свѣтъ. Перев. съ англ. Д. А. Коропчевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Э. К. Пименова. Австралія и ея обитатели. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903.

А. Л. Погодинъ. Боги и герои Эллады. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 1 р.

С. Уманецъ. Современный бабизмъ (Расколъ въ магометанствѣ). Изд. Г. Меликъ-Каракозова. Тифлисъ. 1094. Ц. 50 к.

К. Смирновъ. Армія монголовъ въ XIII вѣкѣ. По запискамъ современника европейца. Изд. «Вѣстника иностранной военной литературы». Спб. 1903. Ц 20 к.

А. Повалишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Рязанской губ. въ XIX столѣтіи. Рязань. 1903.

С. Нестеровъ. Екатерина Вторая. Историческій очеркъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Проф. ***П. Н. Ардашевъ.*** О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Кіевъ. 1904. Ц. 35 к.

Н. Г. Вороновъ. На отвлеченныя темы. М. 1904. Ц. 30 к.

Н. М. Соколовъ. Русскіе святые и русская интеллигенція (опытъ сравнительной характеристики). Спб. 1904. Ц. 50 к.

Василій Кедровъ. Въ чемъ истинное значеніе творчества Максима Горькаго. Опытъ критическаго анализа. Спб. 1904. Ц. 60 к.

З. Ихоровъ. Исповѣдь человѣка на рубежѣ XX вѣка. М. 1904. Ц. 1 р.

Кн. ***Евгеній Трубецкой.*** Философія Ницше. Критическій очеркъ. М. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Оливеръ Лоджъ. Современные взгляды на матерію. Перев. съ англ. А. I. Бачинскаго. Изд. магаз. «Книжное Дѣло». М. 1904. Ц. 20 к.

П. I. Рабиновичъ. Что такое радій и каковы его свойства. Спб. 1904. Ц. 35 к.

Ученіе о памяти съ точки зрѣнія теоріи психической энергіи. ***Н. В. Краинскаго.*** Спб. 1903.

Опытъ объективнаго изслѣдованія состояній чувства. Проф. ***И. А. Сикорскаго.*** Кіевъ. 1903 Ц. 75 к.

Компере. Ж. Ж. Руссо и воспитаніе естественное. Перев. П. Д. Первова. М. 1903. Ц. 40 к.

В. Ф. Залѣскій. Исторія преподаванія права въ Казанскомъ университетѣ. Казань. 1903. Ц. 3 р.

Э. Борецкая. Проблема объективности познанія. Ростовъ на Дону. 1904. Ц. 60 к.

Проф. ***И. И. Иванюковъ.*** Очеркъ экономической политики. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1904.

В. К. Дмитріевъ. Экономическіе очерки. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Страхованіе рабочихъ въ Германіи. ***Н. Пинкуса.*** Варшава. 1903.

I. П. Табурно. Эскизный обзоръ финансово-экономическаго состоянія Россіи за 1882—1901 гг. Спб. 1904. Ц. 3 р.

В. М. Гессенъ. Вопросы мѣстнаго управленія. Изд. юрид. склада «Право». Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія. Изд. т-ва «Общественная Польза». Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

В. Н. Линдъ. Учить ли мужика, или у него учиться? Изд. магаз. «Книжное Дѣло». М. 1904. Ц. 20 к.

Проф. ***Н. Н. Яковлевъ.*** Геологическая исторія животнаго царства. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904.

Вселенная и человѣчество. Чудеса природы и произведенія человѣка. Общ. ред. оригинала ***Гансъ Крэмеръ.*** Общій ред. русскаго изд. проф. ***А. С. Догель.*** Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1904. Ц. 40 к. за выпускъ.

Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. 1901 — 2 уч. годъ. Изданіе русской высшей школы. Парижъ. 1903. Pr. 1 fr.

Краткій очеркъ современнаго состоянія городского санитарнаго дѣла въ С.-Петербургѣ. Д-ра мед. ***А. Н. Оппенгейма.*** Спб. 1903.

Дигамма. Зло всей прессы. Газетное ростовщичество, обираніе трудящейся бѣдноты и скрытое взяточничество. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Галлерея современныхъ французскихъ знаменитостей.

II.

Анатоль Франсъ.

Вотъ интересный примѣръ того, какъ историческіе портреты казалось бы уже зрѣлыхъ и установившихся личностей нуждаются въ ретушировкѣ, когда необычныя обстоятельства вызываютъ и необычный процессъ въ душѣ человѣка, прошедшаго раньше такого перелома передъ объективомъ наблюдателя. Въ то время, когда я писалъ свою статью о „Французской критикѣ“ *) и въ ней характеризовалъ Анатоля Франса и Жюля Леметра, какъ очень родственныхъ по духу изящныхъ индифферентистовъ, дѣло Дрейфуса только-что начиналось. И, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило, чтобы это, скоро разросшееся до міровыхъ размѣровъ, дѣло могло совершить въ числѣ прочихъ психологическихъ чудесъ и чудо превращенія упомянутыхъ братьевъ-близнецовъ скептической критики въ братьевъ-враговъ политической страстной борьбы. И, однако, это такъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я задавалъ читателямъ литературныя загадки, цитируя отрывки то изъ одного, то изъ другого писателя, но безъ ихъ имени, и прося угадать, кому изъ двухъ аркадянъ,— Arcades ambo, — принадлежали эти образцы изящнаго литератур-

*) «Русское Богатство», 1897, № 11.

наго эпикурейства, столь равнодушнаго ко всякому серьезному вопросу общественной жизни,—съ тѣхъ поръ, говорю я, въ характерѣ обоихъ писателей произошла огромная перемѣна. Они, находившіеся въ точкѣ безразличнаго равновѣсія и наслаждавшіеся своимъ тонко-буржуазнымъ индифферентизмомъ, вдругъ бросились въ ожесточенную борьбу партій и стали съ энергіей и страстью проводить совершенно опредѣленные политическіе взгляды. И старой богинѣ, Судьбѣ-Мойрѣ, угодно было внести лишнюю ноту ироніи въ этотъ переломъ, происшедшій съ міросозерцаніемъ нашихъ критиковъ. Эти столь близкіе по складу ума, по чувству изящнаго, по равнодушію къ вопросамъ общественности, критики-художники не просто сошли съ своей прежней точки зрѣнія, но разскочились отъ нея какъ разъ въ противоположныя стороны.

Анатоль Франсъ очутился въ лагерѣ „дрейфусаровъ", боролся съ милитаристами, съ отравленной націоналистическимъ гашишомъ улицей, съ могущественнымъ клерикальнымъ теченіемъ и довольно скоро изъ буржуазнаго лагеря перешелъ въ лагерь сторонниковъ міросозерцанія труда, правда, остановившись въ рядахъ умѣренныхъ фракцій этой партіи. Жюль Леметръ съ такой же быстротою и рѣшительностью заключилъ союзъ съ военными, клерикальными и шовинистскими элементами и, въ качествѣ президента „Лиги французскаго отечества", тѣмъ самымъ перомъ, которое писало скептическій, философскій романъ о „Силанусѣ", пишетъ теперь грубѣйшія и нелѣпѣйшія прокламаціи, для сочинительствъ которыхъ вполнѣ достаточно умственной силы какого-нибудь рядового націоналиста или антисемита.

Мнѣ показалось интереснымъ возвратиться къ характеристикѣ одного изъ писателей, а именно Анатоля Франса, и дополнить ее новыми чертами, попытавшись въ то же время объяснить, насколько возможно, смыслъ прошедшаго надъ нимъ нравственнаго кризиса. Я не рѣшилъ еще, займусь ли я когда-нибудь добавочнымъ анализомъ Жюля Леметра. Но во всякомъ случаѣ исторія превращеній послѣдняго не такъ поучительна и не такъ неожиданна. Изъ элементовъ прежняго Жюля Леметра можно проще вывести его послѣднее воплощеніе, его націоналистскій аватаръ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ своей статьѣ 1897 г. я такъ характеризовалъ того и другого критика: они „оба родомъ изъ Аркадіи, изъ той счастливой Аркадіи, которая представляетъ буржуазную среду и знаменуетъ возможность сладко пить, ѣсть, спать, наслаждаться своими литературными талантами, если таковые имѣются, и смѣяться надъ всякимъ положительнымъ идеаломъ, но смѣяться умѣренно и прилично, а особенно не смѣшивать такого идеала съ существенными благами жизни: положеніемъ, почетомъ и оффиціальными синекурами и оффиціальными знаками отличія".

Въ сущности, если вы оставите въ сторонѣ злополучную толпу малыхъ сихъ, соблазняемыхъ вожаками націонализма, то

міровоззрѣніе сознательныхъ представителей этой политической партіи не особенно отклоняется отъ буржуазныхъ идеаловъ личнаго благополучія и классового господства имущихъ и правящихъ. Оно представляетъ лишь усугубленіе, лишь свирѣпое подчеркиваніе того принципа войны каждаго противъ всѣхъ, который такъ дорогъ сердцу буржуазіи и который въ сущности защищается и эпикурействующими индифферентистами мѣщанства, но защищается мягко, ловко, красиво и безъ лишнихъ націоналистическихъ грубостей. Въ этомъ смыслѣ эволюцію Жюля Леметра, пришедшаго отъ буржуазнаго эпикурейства къ буржуазному человѣконенавистничеству, объяснить не особенно трудно.

Гораздо труднѣе, а потому и гораздо привлекательнѣе задача понять превращеніе, происшедшее съ Анатолемъ Франсомъ, потому что даже умѣренное и мирное исповѣданіе міровоззрѣнія труда отстоитъ гораздо дальше отъ эгоистичнаго эпикурейства, чѣмъ самое крикливое и воинственное провозглашеніе такихъ возвышенныхъ принциповъ, какъ „Францiя французамъ“ или „долой жидовъ“! Во всякомъ случаѣ, я считаю почти своимъ литературнымъ долгомъ снова подвергнуть уже гораздо болѣе подробному анализу Анатоля Франса и попробовать построить эту сложную фигуру въ ея послѣднемъ фазисѣ, пытаясь, однако, указать хоть на нѣкоторыя нити, связывающія прошлое и настоящее одного изъ крупнѣйшихъ литераторовъ Франціи.

Я ограничусь при этомъ лишь наиболѣе выдающимися явленіями жизни и дѣятельности Анатоля Франса и не смотрю и теперь на этотъ портретъ, какъ на окончательный. Дѣйствительно, нашему автору не совсѣмъ еще исполнилось 60 лѣтъ,—возрастъ, который, по французскимъ понятіямъ, почитается еще періодомъ полной производительности. И гибкій талантъ Анатоля Франса способенъ, вѣроятно, до сихъ поръ къ нѣкоторымъ новымъ проявленіямъ. Ходятъ, напр., все болѣе и болѣе упорные слухи, что нашъ авторъ будетъ литературнымъ критикомъ въ газетѣ, которую думаетъ издавать вышедшій изъ „La petite République“ Жорэсъ. И такъ какъ Анатоль Франсъ какъ разъ почти не занимался критикой въ своемъ новомъ воплощеніи, то любителямъ литературы предстоитъ не мало удовольствія слѣдить за шагами талантливаго писателя на старомъ поприщѣ, но съ багажомъ новыхъ для него идей.

Жакъ-Анатоль Тибо, почти исключительно извѣстный подъ литературнымъ псевдонимомъ Анатоля Франса, родился 16-го апрѣля (по новому стилю) 1844 г., значитъ ему черезъ два мѣсяца пойдетъ седьмой десятокъ. Онъ чистокровный парижанинъ: его отецъ былъ хозяиномъ одного изъ многочисленныхъ книжныхъ магазиновъ, помѣщающихся на набережной Малакэ (Malaquais), рядомъ съ антикварскими лавками и магазинами артистической

посуды и т. п. То не былъ простой коммерсантъ, но человѣкъ со вкусомъ и большой библіофилъ. Въ личныхъ воспоминаніяхъ Анатоля Франса, которыми пересыпаны его романы и критическія статьи, вы часто встрѣтите упоминаніе о дѣтскихъ годахъ, проведенныхъ среди грудъ книгъ и оставившихъ въ душѣ мальчика на всю жизнь страстную любовь къ красивымъ и рѣдкимъ стариннымъ изданіямъ, любовь, которая распространилась потомъ на статуи, картины, медали и вообще антикварскія вещи и составляетъ до сихъ поръ одну изъ существенныхъ чертъ нашего автора.

Жизнь его, повидимому, была бѣдна внѣшними перипетіями и до самаго послѣдняго времени, когда дѣло Дрейфуса выбило Анатоля Франса изъ обычной колеи чисто литераторскаго существованія, отмѣчалась, какъ вѣхами, лишь выходомъ въ свѣтъ произведеній. Я пересмотрѣлъ,—не говоря объ энциклопедіяхъ и словаряхъ „знаменитостей“, не мало журнальныхъ и газетныхъ статей, воспоминаній, критикъ, посвященныхъ Анатолю Франсу, и вижу, что, дѣйствительно, его внѣшняя жизнь не была отмѣчена ничѣмъ выдающимся. Это впечатлѣніе еще болѣе подкрѣпляется, когда вспоминаешь романъ самого Анатоля Франса „Книга моего друга“,—вещь, представляющую родъ литературной автобіографіи автора. Наконецъ, въ коротенькой, но интересной своими библіографическими данными біографіи Анатоля Франса, которая только что написана Рожэромъ Ле-Брэномъ *), вы опять таки тщетно стали бы искать яркихъ внѣшнихъ событій въ жизни этого типичнаго литератора.

Воспитываясь подъ вліяніемъ своего отца, легитимиста и ультрамонтана по убѣжденіямъ, но очень любезнаго человѣка въ обращеніи, и своей матери, набожной католички и доброй женщины, Анатоль Франсъ съ самаго дѣтства вдыхалъ въ себя нѣсколько искусственную атмосферу, которою проникнута была жизнь образованной и стоящей за традиціи буржуазіи Второй имперіи. Внѣ старыхъ книгъ, красивыхъ изданій, разговоровъ съ литераторами и библіофилами, посѣщавшими магазинъ отца, Анатоль Франсъ долго не находилъ ничего достойнаго въ человѣческомъ существованіи. И эта черта останется въ большей или меньшей степени надолго въ его жизни, соединяясь съ любовью къ умственному и матеріальному комфорту, которая опять таки въ такой степени присуща образованнымъ слоямъ французскаго мѣщанства.

Къ литературѣ Анатоля Франса тянуло съ самаго дѣтства; и у друзей его хранится первый его литературный опытъ „Легенда о святой Радегундѣ, французской королевѣ“, который былъ написанъ нашимъ авторомъ въ 1859 г., когда ему минуло едва 15

---

*) Roger Le Brun, *Anatole France*; Парижъ, 1904, составляетъ послѣдній выпускъ серіи «Les célébrités d'aujourd'hui».

лѣтъ. Окончивъ курсъ въ аристократически-клерикальной гимназіи („коллежѣ") Станислава и занимаясь нѣкоторое время въ палеографической школѣ (такъ называемой Ecole des Chartes), Анатоль Франсъ былъ допущенъ въ 1867 г. въ число парнассцевъ. Такъ называлась литературная группа писателей, которая собиралась и работала подъ гостепріимною сѣнью издательской фирмы Лемерра, пытаясь выражать въ звучныхъ и холодныхъ стихахъ реакцію безстрастія противъ лиризма доживавшихъ свой вѣкъ романтиковъ.

Но у Анатоля Франса была своя манера выражать поэтическое настроеніе, манера, отличавшаяся отъ обычныхъ пріемовъ парнасской школы преобладаніемъ тонкихъ и слегка ироническихъ оттѣнковъ личнаго чувства—что, кстати сказать, раздражало Юпитера этого Парнасса, Леконта-де-Лилля, и навсегда сдѣлало его врагомъ Анатоля Франса. Интересно, однако, что уже тогда складывавшійся въ эпикурейца молодой авторъ заплатилъ дань увлеченію политическимъ и философскимъ, но все же лишь буржуазнымъ радикализмомъ, который былъ распространенъ среди интеллигенціи конца Второй имперіи. Въ одномъ изъ своихъ литературныхъ очерковъ (посвященномъ Буржэ), Анатоль Франсъ признается, что было время, когда „книги Дарвина были нашей библіей" *). Съ другой стороны, въ парнасскомъ журналѣ „La Gazette rimée" онъ помѣстилъ одно-два стихотворенія, въ которыхъ заключались, подъ фирмою классическихъ воспоминаній, намеки на деспотическій цезаризмъ Наполеона III, стоившіе жизни органу Парнасса.

Дѣло было лѣтомъ 1867 г.; но отнынѣ Анатоль Франсъ рѣшительно оставляетъ сатирическую лиру Ювенала и вплоть до дѣла Дрейфуса будетъ культивировать свой изящный скептицизмъ и равнодушіе къ общественнымъ задачамъ. Онъ пишетъ въ этомъ духѣ стихи и въ то же время составляетъ нѣсколько предисловій къ изданіямъ классиковъ (Мольера, Расина, Лесажа и т. д.). Первымъ его критическимъ этюдомъ была біографія Альфреда де-Виньи (*Alfred de Vigny;* 1868). А въ семидесятыхъ годахъ онъ успѣлъ уже составить изъ своихъ стихотвореній два томика, появившіеся подъ заглавіемъ „Золотыя поэмы" (*Les Poèmes dorés;* 1873) и „Коринѳская свадьба" (*Les Noces corynthiennes*; 1876), въ которыхъ обнаружилась уже отмѣченная мною выше нота оригинальности, отличавшая ихъ отъ изящно выточенной, но слишкомъ холодной поэзіи Парнасса и позволявшая знатокамъ литературы сближать ихъ съ искренней и прочувствованной, не смотря на внѣшнее подражаніе греческимъ классикамъ, поэзіей Андрэ Шенье.

Стоитъ, впрочемъ, прочесть критику Анатоля Франса на Теодора-де-Банвилля, этого, какъ его называли, „послѣдняго романтика и перваго парнассца", чтобы видѣть, какъ нашъ авторъ, при

*) La Vie littéraire; Парижъ, 1895, серія 3-я, стр. 56.

всемъ своемъ уваженіи къ блестящему стихотворному таланту творца „Танцующихъ на канатѣ одъ“ (*Les odes funambulesques*), самостоятельно относился къ изящнымъ слабостямъ парнассцевъ.

Въ теченіе чуть не полвѣка поэтъ игралъ передъ нами на своей ярко-красной скрипкѣ, звучная душа которой изъ всей жизни только и знала, что радость... Никогда размышленіе не смущало эту радость ребенка и пѣвчей птицы. Теодоръ-де-Банвилль, можетъ быть, изъ всѣхъ поэтовъ думалъ всего меньше о природѣ вещей и объ условіяхъ существованія. Основанный на абсолютномъ незнаніи міровыхъ законовъ, его оптимизмъ носилъ совершенный и неизмѣнный характеръ. Ни на одно мгновеніе горькій вкусъ жизни и смерти не коснулся устъ этого изящнаго сочетателя словъ (ce gentil assembleur de paroles *).

А его оцѣнка Леконта-де-Лилля, по поводу избранія послѣдняго академикомъ (мартъ 1887 г.), не смотря на очень благопріятную въ общемъ характеристику поэта, заключала въ себѣ столь мѣткую иронію, направленную противъ слабаго пункта главы парнассцевъ, — „который не знаетъ, существуетъ - ли самъ, но увѣренъ, что стихи-то его существуютъ уже несомнѣнно“ **), что вызвала даже обмѣнъ полемическими письмами между Анатолемъ Франсомъ и Леконтомъ-де́-Лиллемъ. И изъ этой полемики поэтъ вышелъ не къ своему авантажу, тогда какъ Франсъ былъ признанъ публикой однимъ изъ самыхъ выдающихся критиковъ.

Эта литературная деталь, заставившая меня забѣжать нѣсколько впередъ, позволяетъ мнѣ, впрочемъ, и съ удобствомъ возвратиться къ біографіи Анатоля Франса. Дѣло въ томъ, что именно Леконтъ-де-Лилль, питая издавно сильную непріязнь къ Анатолю Франсу, вслѣдствіе несходства ихъ литературныхъ темпераментовъ, всячески старался отравлять смѣшными мелочами существованіе Анатоля Франса, когда этотъ поступилъ на мѣсто одного изъ третьестепенныхъ библіотекарей при Сенатѣ, въ то время какъ Леконтъ-де-Лилль былъ вторымъ библіотекаремъ. Анатоль Франсъ, занявшій упомянутое мѣсто въ 1874 г., принужденъ былъ выйти въ отставку нѣсколькими годами позже и отнынѣ посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности...

Кстати, не бойся я отвлечься въ сторону, я разсказалъ бы читателю, какъ судьба мстила Леконту-де-Лиллю за преслѣдованія Анатоля Франса совершенно аналогичнымъ способомъ: бѣдный второй библіотекарь былъ въ свою очередь подъ начальствомъ человѣка, который не выносилъ поэзіи Леконта-де-Лилля и невозможно донималъ автора „Варварскихъ Одъ“. Но это мимоходомъ....

Еще будучи библіотекаремъ, а въ особенности оставивъ эту должность, Анатоль Франсъ выпустилъ нѣсколько романовъ и

---

*) *La Vie littéraire*; 1897, IV, стр. 233—234.
**) Ibid, 1895, I, 5-е изд., стр. 101.

сборниковъ критическихъ статей, помѣщавшихся сначала фельетонами въ лучшихъ литературныхъ и политическихъ органахъ прессы: „Le journal des Débats“, „Le Temps“. Изъ произведеній Франса въ эту эпоху я упомяну: какъ первую по времени, „Іокасту“ и „Худую кошку“,—романъ, построенный на психозѣ слабой женской натуры, и повѣсть, юмористически рисующую нравы мулатовъ и креоловъ, попадающихъ въ парижскій водоворотъ и коротающихъ свою жизнь среди богемы артистическихъ кабаковъ (*Jocaste*; *Le Chat maigre*, 1879); „Преступленіе Сильвестра Боннара, члена института“ (*Le Crime de Sylvestre Bonnard, membre de l'Institut*; 1881),—мелодраматическое, но искусно приправленное ироніей и литературными экскурсіями повѣствованіе о добродѣтельныхъ подвигахъ стараго ученаго, удостоившееся преміи Академіи; „Книгу моего друга“ (*Le livre de mon ami*; 1885), — уже упомянутый мною выше родъ автобіографіи писателя; „Таису“ (Thaïs; 1890), — живое изображеніе александрійской цивилизаціи въ періодѣ столкновенія языческаго и христіанскаго міровоззрѣній; „Съѣстную лавку подъ вывѣской Королевы-гусиныя-лапки“ (*La Potisserie de la reine Pédauque*; 1893), — повѣсть изъ до революціонной эпохи, интересную не столько описаніемъ нравовъ того времени, сколько типомъ аббата Жерома Куаньяра, который ярко выражаетъ скептически-эпикурейское міровоззрѣніе самого Анатоля Франса „первой манеры“; „Красную лилію“ (*Le Lys rouge*; 1904),—исторію любовныхъ недоразумѣній одной прекрасной четы на фонѣ современнаго космополитическаго міра (въ Парижѣ, Флоренціи и т. д). снобовъ и неудачниковъ, между которыми читатель сейчасъ же узнаетъ не безъ симпатіи обрисованную подъ именемъ Шулэттъ фигуру злополучнаго Верлэна; и четырехъ-томный сборникъ критическихъ статей, которыя, начиная съ 1885 г., Анатоль Франсъ писалъ еженедѣльно въ „Temps“ подъ заглавіемъ „Литературная жизнь“ (*La Vie littéraire*; 1888—1897) и въ которыхъ, можетъ быть, рельефнѣе, чѣмъ гдѣ либо, проявляется изящный, но такъ раздражающій всякаго живого человѣка индифферентизмъ прежняго Анатоля Франса.

Въ 1896 г. нашъ авторъ удостоился одной изъ почестей, которыя, наравнѣ съ красной ленточкой почетнаго Легіона, всего пріятнѣе щекочатъ самолюбіе типичнаго французскаго буржуа: онъ былъ выбранъ въ члены академіи сорока безсмертныхъ, на мѣсто умершаго Фердинанда Лессепса, и произнесъ при пріемѣ (24-го декабря 1896 г.) умиленный, опять таки совершенно въ мѣщанскомъ духѣ, панегирикъ своему предшественнику, котораго „весь Парижъ“ привыкъ называть „великимъ французомъ“, пока, наконецъ, скандалы Панамы не заставили публику перемѣнить это прозвище на болѣе подходящее—„великаго пирата“. Къ тому же времени Анатоль Франсъ получилъ уже вторую степень по-

четнаго Легіона: онъ былъ сдѣланъ „офицеромъ“ этого ордена (первый чинъ—„кавалера“—онъ получилъ еще въ 1884 г.).

Такъ пріятно и безпечально шла его жизнь среди семейныхъ радостей (Франсъ женился въ половинѣ 80-хъ годовъ), комфорта и удовольствій высшаго и низшаго рода; а на общественномъ горизонтѣ уже скоплялись первыя тучи, изъ которыхъ должна была выросги страшная гроза, потрясшая Францію до самыхъ основаній и разошедшаяся по всему міру могучей идейной волной. Читатель, конечно, уже знаетъ, что я говорю о дѣлѣ Дрейфуса. Тутъ мнѣ придется на минуту отклониться.

Личная психологія человѣка—вещь сложная, тѣмъ болѣе, что каждому изъ насъ доступна лишь сравнительно незначительная доля нашего внутренняго міра. Кромѣ небольшого островка освѣщенныхъ солнцемъ сознанія представленій и идей, существуетъ цѣлое море обтекающихъ и поддерживающихъ его смутныхъ, но могучихъ чувствованій. И порою самъ человѣкъ не въ состояніи точно анализировать совершившійся съ нимъ переворотъ, когда текшія гдѣ то въ подземномъ руслѣ группы безсознательныхъ ощущеній вдругъ поднимаются наружу и кладутъ совершенно новый отпечатокъ на психологію. Мы знаемъ, конечно, что изъ ничего и не выростаетъ ничего; но были бы крайне затруднены, если бы насъ попросили отчетливо формулировать, какіе раньше незамѣченные элементы могли своею новой комбинаціей обусловить совершившійся переворотъ.

А такой переворотъ, несомнѣнно, произошелъ съ Анатолемъ Франсомъ, и произошелъ, когда этому скептику и эпикурейцу шелъ уже шестой десятокъ. Почти съ самаго начала дѣла Дрейфуса нашъ изящный индифферентистъ бросился въ самую гущу страстной,—замѣтьте, не идейной только, а и матеріальной борьбы, ибо дѣло на улицѣ и въ собраніяхъ зачастую доходило до настоящаго сраженія, и палки, ножи и револьверы были не рѣдкимъ аргументомъ наиболѣе экзальтированныхъ противниковъ, особенно со стороны націоналистовъ и клерикаловъ.

Этотъ внутренній переворотъ, разразившійся надъ душой, казалось бы, вполнѣ установившагося человѣка, находитъ очень интересное литературное выраженіе въ четырехъ-томной „современной исторіи“ Анатоля Франса. Дѣйствительно, два первые романа этой замѣчательной тетралогіи, „Вязъ на городской площади“ ((*L'Orme du Mail*; печатался фельетономъ въ 1896 г., вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1897 г.) и „Ивовый манекенъ“ (*Le Mannequin d'osier*; отдѣльное изданіе въ 1898 г.) написаны Анатолемъ Франсомъ, еще не совлекшимъ съ себя стараго Адама эпикурейства, тогда какъ два послѣдніе романа серіи, „Аметистовое кольцо“ (*L'Anneau d'amethyste;* 1899) и „Г. Бержерэ въ Парижѣ“ (*Monsieur Bergeret à Paris*; 1900) принадлежатъ перу

уже убѣжденнаго борца за царство общественнаго труда и соціальной справедливости.

Можетъ быть, ниже, переходя къ деталямъ литературной физіономіи Анатоля Франса, я укажу на кой какіе элементы, которые, по моему мнѣнію, могутъ быть истолкованы въ смыслѣ психологическаго мостика между писателемъ съ этого и „съ того берега". Во всякомъ случаѣ, отнынѣ Анатоль Франсъ принимаетъ участіе въ общественной дѣятельности и въ политической агитаціи и перомъ, и словомъ. И его имя нерѣдко встрѣчается рядомъ съ именами профессіональныхъ политиковъ, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь важномъ общественномъ событіи или актѣ политической партіи.

Такъ, въ 1901 г., въ послѣдніе дни существованія „Фигаро", какъ дрейфусистскаго органа (передъ его окончательнымъ поворотомъ въ сторону клерикальной и націоналистической реакціи), Анатоль Франсъ далъ столь же высоко художественную, сколько глубокую сатиру на судебные и административные порядки Франціи (*L'Affaire Crainquebille;* 1902). И эта злополучная исторія затравленнаго властями зеленьщика „Крэнкбиля" вышла въ сокращенномъ видѣ, въ формѣ брошюры, спеціально предназначенной для распространенія среди небогатыхъ сторонниковъ партіи труда (*Opinions sociales*; Парижъ, 1903; составляетъ 13-ый выпускъ „Bibliothéque socialiste").

Анатоль же Франсъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи такъ называемыхъ народныхъ университетовъ и проводилъ въ своихъ рѣчахъ на открытіи того или другого изъ этихъ учрежденій взгляды, которые, несомнѣнно, идутъ дальше обычной фразеологіи буржуазныхъ демократовъ, хотя и выражаютъ лишь умѣренныя и эволюціонистскія формы міровоззрѣнія труда. Такъ, говоря о значеніи науки для пролетаріата, онъ обращается къ своей рабочей аудиторіи (на открытіи народнаго университета XV-го округа, 21 ноября 1899 г.) со словами:

Можетъ быть, вы хотите по преимуществу держаться въ рамкахъ эпохъ, близкихъ къ нашей, и отыскивать въ недавнемъ прошломъ происхожденіе современнаго соціальнаго строя. Но и здѣсь, и въ особенности даже здѣсь, наука принесетъ вамъ большую пользу. Изслѣдуя, какимъ образомъ возникла и выросла сила капитализма, вы будете въ состояніи лучше судить о средствахъ, которыя должно употребить, чтобы взять ее въ свои руки, на подобіе великихъ изобрѣтателей, которые поработили природу лишь послѣ терпѣливаго изученія ея *).

Въ другой своей рѣчи (на открытіе народнаго университета 1-го и 2-го округа 4 марта 1900 г.) онъ такъ объясняетъ значеніе народно-университетскаго движенія:

*) Перепечатано въ видѣ приложенія къ уже упомянутой брошюрѣ *Les opinions sociales*, стр. 69.

Граждане! Идя своимъ медленнымъ и усѣяннымъ препятствіями путемъ къ завоеванію политической власти и соціальныхъ силъ, пролетаріатъ понялъ необходимость отнынѣ же наложить свою руку и на науку и завладѣть могущественнымъ орудіемъ мысли. Повсюду, въ Парижѣ и въ провинціи, образуются и множатся народные университеты, которыхъ назначеніе распространять среди рабочихъ умственныя богатства, столь долго замыкавшіяся въ классѣ буржуазіи *).

Анатоль Франсъ выступалъ, какъ ораторъ, и во время различныхъ политическихъ или общественныхъ манифестацій, когда надо было развивать идеи свободной мысли и борьбы за современную цивилизацію противъ темныхъ силъ реакціи.

Такъ, въ позапрошломъ году онъ былъ въ числѣ произносившихъ рѣчи на похоронахъ Зола (5-го октября 1902 г.). И онъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы публично высказать свое раскаяніе въ несправедливой критикѣ, которой онъ нѣкогда подвергалъ могучаго романиста съ точки зрѣнія буржуазной комильфотности, и преклониться передъ крупнымъ соціальнымъ значеніемъ Зола, какъ писателя и какъ гражданина.

Такъ, прошлой осенью (14-го сентября 1903 г.) Анатоль Франсъ участвовалъ на открытіи статуи Ренана въ Трегье и произнесъ рѣчь, не только оцѣнивающую смыслъ научно литературной дѣятельности великаго бретонца, но и подчеркивающую необходимость борьбы противъ притязаній клерикализма.

Наконецъ, совсѣмъ недавно, Анатоль Франсъ написалъ чисто политическое предисловіе къ сборнику рѣчей министра Комба, озаглавленному „Свѣтская кампанія“ и, дѣйствительно, заключающему въ себѣ ораторскія перипетіи оборонительной и наступательной войны, которую настоящее правительство ведетъ противъ ультрамонтановъ Франціи. Можно сильно сомнѣваться, былъ ли бы въ состояніи прежній скептическій Анатоль Франсъ написать, напримѣръ, такую энергичную, хотя и тонкую характеристику современнаго католическаго монаха, какую мы встрѣчаемъ какъ разъ въ этомъ предисловіи:

Безъ сомнѣнія, католическая мораль, такимъ образомъ опредѣленная (въ формѣ наивной доктрины, подносимой плохо образованными католическими педагогами ученикамъ народныхъ школъ, Н. К.), можетъ показаться невинной. Надо, дѣйствительно, не упускать изъ виду простоту того, кто ее проповѣдуетъ, какъ и тѣхъ, кто ее воспринимаетъ, и остерегаться впасть въ смѣшное преувеличеніе, открывая въ наивной мысли зауряднаго монаха чудища мрачной ультрамонтанской теологіи. И однако, вглядываясь ближе даже и въ такую наивную доктрину, вы будете удивлены и вмѣстѣ опечалены, когда распознаете, что этотъ складъ мысли рѣшительно лишенъ человѣческой нѣжности и великодушія, что идея долга проявляется здѣсь въ корыстной, эгоистической и сухой формѣ, и что понятіе о высшемъ добрѣ сводится въ ней почти единственно къ соблюденію не имѣющихъ никакого значенія обрядностей и нелѣпыхъ формулъ. Конечно, то не вина злополуч-

*) Ibid, стр. 72.

наго монаха. Сама доктрина заставляетъ его приковывать души людей къ непонятной сущности, вмѣсто того, чтобы связывать ихъ между собой симпатіею и состраданіемъ *).

Словомъ, изъ вещей, которыя напоминаютъ прежняго Анатоля Франса, Анатоля Франса до переворота, можно въ послѣднее время упомянуть развѣ его вышедшую нѣсколько мѣсяцевъ назадъ „Комическую исторію“ (*Histoire comique;* 1903), представляющую изображеніе міра актеровъ съ чуть-чуть замѣтными экскурсіями въ сторону современнаго міровоззрѣнія автора. И для политическаго историка, и для литературнаго критика Анатоль Франсъ долженъ являться, такимъ образомъ, человѣкомъ, въ жизни котораго произошелъ кризисъ и цѣльность фигуры котораго надломана этой нравственной бурей. Какъ бы много сторонъ прежняго Анатоля Франса мы ни находили въ Анатолѣ Франсѣ послѣднихъ лѣтъ,—вѣдь и самый жесточайшій нравственный кризисъ не способенъ вывернуть человѣка совершенно на изнанку,—несомнѣнно одно: изящный скептикъ, великій индифферентистъ, буржуазный эпикуреецъ уступилъ мѣсто человѣку общественной жизни и убѣжденія.

Мнѣ, собственно, почти нечего измѣнять въ краткой характеристикѣ прежняго Анатоля Франса, которую я далъ семь лѣтъ тому назадъ. Можно нѣсколько развить ее, прибавить къ ней два-три штриха. Но основныя черты индифферентизма, спектицизма и буржуазнаго эпикурейства, отмѣченныя мною у этого автора, должны быть оставлены безъ перемѣны для Анатоля Франса „первой манеры“. Всего лучше, можетъ быть, эти особенности обнаруживаются въ его критическихъ статьяхъ, которыя онъ посвящалъ самымъ разнообразнымъ литературнымъ и даже жизненнымъ явленіямъ, а потому могъ высказываться по всевозможнымъ вопросамъ. Тутъ развѣ вамъ грозитъ лишь то embarras du choix, то „затрудненіе въ выборѣ“, которое заставляетъ васъ задумываться надъ предпочтительнымъ помѣщеніемъ той или другой цитаты; самихъ же такихъ цитатъ можно извлечь очень много изъ упомянутыхъ критическихъ статей. Стараясь избѣгать тѣхъ выдержекъ, которыя я уже далъ въ своей первой статьѣ, я приведу вамъ, однако, достаточное число другихъ, очень типичныхъ для прежняго Анатоля Франса, мыслей.

Вотъ вамъ, напримѣръ, въ наиболѣе серьезной и наименѣе легковѣсной формѣ его исповѣданіе практическаго скептицизма:

...Мы осуждены знать вещи только по тому впечатлѣнію, которое онѣ на насъ производятъ. Это истина, которую подтверждаетъ наблюденіе, и

---

*) Emile Combes, *Une campagne laïque* (1902—1903); Парижъ, 1904, предисл. стр., XXVIII.

при томъ истина, столь очевидная, что всѣ ощущютъ ее. Это—общее мѣсто естественной философіи. Не надо только черезчуръ обращать вниманіе на это и въ особенности не надо видѣть тутъ доктринальный пирронизмъ. Признаюсь, я уже не разъ поглядывалъ въ сторону абсолютнаго скептицизма. Но я никогда не вошелъ туда; меня бралъ страхъ поставить ногу на эту почву, которая поглощаетъ все, что кладешь на нее. Я боялся этихъ двухъ словъ, исполненныхъ ужасающаго безплодія: «я сомнѣваюсь». Сила ихъ такова, что уста, которыя разъ произнесли ихъ отчетливо, уже навсегда смыкаются и не могутъ снова раскрыться. Если сомнѣваешься, то должно молчать; ибо, какую бы рѣчь ты ни держалъ, говорить—уже значитъ утверждать. И такъ какъ у меня не хватало мужества молчать и отказываться отъ всего, то я хотѣлъ вѣрить, и я повѣрилъ. Я повѣрилъ, по крайней мѣрѣ, въ относительность вещей и въ послѣдовательность явленій.

Въ сущности, и дѣйствительность, и видимость — одно и то же. Чтобы любить и страдать на этомъ свѣтѣ, достаточно образовъ; и вовсе не нужно, чтобы ихъ объективность была доказана. Какимъ бы способомъ ни представляли себѣ жизнь, и признавай мы ее даже за сонъ сна, всетаки живешь, а это все, что надо, чтобы основать науки, искусства, нравственность, импрессіонистскую критику и даже, если хотите, критику объективную *).

Итакъ, скептицизмъ такъ скептицизмъ, но „не надо только очень обращать вниманіе на это". Сонъ сна такъ сонъ сна, но „всетаки живешь". И разъ дѣйствительность и видимость одно и то же, то у насъ есть все: и науки, и искусства, и нравственность, и критика, и сами критики, которые наслаждаются игрою и переливами ощущеній, и академія, и орденъ Почетнаго легіона...

Не слѣдуетъ только въ серьезъ принимать послѣдовательный пирроновскій скептицизмъ, потому что отъ него одно только огорченіе: ни говорить, ни двигаться, ни наслаждаться жизнью. „Молчать и отказываться отъ всего"—не дѣло изящныхъ пирронистовъ Парижа: мало-ли въ этомъ великомъ городѣ прекрасныхъ „видимостей—дѣйствительностей" для людей привилегированнаго общества? Ну, а что другіе страдаютъ, такъ это нѣчто лишь въ родѣ желудочной горечи для наслаждающихся тонкими благами жизни. Да, можетъ быть, они даже и не существуютъ, эти страдальцы, а представляютъ лишь простые „образы" нашего воображенія, объективность которыхъ, въ сущности, ничѣмъ даже и не доказывается.

Или вотъ интересный взглядъ изящнаго скептика на историческую науку, какъ на игру воображенія, тѣмъ болѣе интересный, что Франсъ воспроизводитъ его буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ и въ своемъ романѣ „Преступленіе Сильвестра Боннара", и въ своей „Литературной жизни":

Прежде всего,—спрашиваетъ молодой скептикъ Жэли у академика Боннара,—прежде всего, что такое исторія? Письменное изображеніе прошлыхъ событій. Но что такое событіе? Что это, первый попавшійся фактъ? Нѣтъ, говорите вы мнѣ: это фактъ, имѣющій важное значеніе (un fait notable). Но какимъ же образомъ судитъ историкъ о томъ, имѣетъ-ли данный фактъ

---

*) Anatole France, *La Vie littéraire*; Парижъ, 1895, серія 3-я, стр. X—XI.

такое значеніе или нѣтъ? Онъ судитъ объ этомъ произвольно, согласно своимъ вкусамъ, капризамъ, идеямъ, наконецъ, судитъ какъ артистъ. Ибо факты отнюдь не раздѣляются по самой природѣ своей на факты историческіе и на на факты не-историческіе. Кромѣ того, фактъ есть нѣчто крайне сложное. Станетъ-ли историкъ представлять факты во всей ихъ сложности? Нѣтъ, это невозможно. Онъ представитъ ихъ лишенными большинства особенностей, которыя именно и составляютъ ихъ, представитъ, значитъ, въ искаженномъ, урѣзанномъ, отличномъ видѣ отъ того, какой они имѣли. Что касается до зависимости фактовъ между собою, то лучше не будемъ говорить объ этомъ. Если такъ называемый историческій фактъ вызванъ, — что, конечно, возможно,—однимъ или нѣсколькими не-историческими, и въ качествѣ таковыхъ, не извѣстными фактами, то позвольте спросить, какимъ путемъ историкъ можетъ указать на это взаимоотношеніе фактовъ? А я вѣдь еще предполагаю, г. Боннаръ, во всемъ сказанномъ, что историкъ держитъ передъ своими глазами достовѣрныя свидѣтельства, тогда какъ, въ дѣйствительности-то, онъ оказываетъ довѣріе тому или иному очевидцу лишь на основаніи своихъ чувствъ. Нѣтъ, исторія не наука, это искусство, и въ этой области можно успѣть лишь при помощи воображенія *).

Русскій читатель, пробѣгая эту остроумную филиппику противъ исторіи, какъ науки, не долженъ зачерпывать вопросъ въ той формѣ, въ какой его ставитъ Анатоль Франсъ, глубже, чѣмъ то слѣдуетъ. Онъ, напримѣръ, долженъ остерегаться видѣть въ рядѣ этихъ, граціозно порхающихъ, мыслей что-нибудь, приближающееся къ взглядамъ русской соціологической школы, ставящей серьезную задачу „критерія для обсужденія возможности событій“ (напримѣръ, въ лицѣ автора „Историческихъ писемъ“) и не находящей такого критерія нигдѣ, кромѣ „субъективной оцѣнки съ точки зрѣнія нравственнаго идеала“. Ибо, замѣтьте, тотъ же самый авторъ „Писемъ“ говоритъ, что эта субъективность историка нисколько не должна мѣшать ему „собирать здѣсь факты, какъ во всякой другой наукѣ“, при чемъ „личные его взгляды имѣютъ или должны имѣть крайне малую долю участія въ установкѣ этихъ фактовъ“ (Письмо второе: „О процессѣ исторіи“).

Не то у Анатоля Франса, онъ самъ же рекомендовалъ намъ выше отношеніе къ его фисософскимъ взглядамъ: „не надо только черезчуръ обращать вниманіе на это“. И, дѣйствительно, смотрите на эту остроумную бутаду, какъ на игру ума изящнаго скептика,—не больше. Ибо, повторивъ мнѣніе, выраженное имъ уже въ „Преступленіи Сильвестра Боннара“, авторъ двумя страницами дальше старается подорвать вѣру и въ факты вообще, какъ прошлые, такъ и совсѣмъ настоящіе, происходящіе на глазахъ наблюдателя, и забавно подводитъ этотъ итогъ ничего-незнанія:

Снисходительные умы покоряются измѣнамъ исторіи. Эта муза лжива,—

---

*) *Le Crime de Sylvesre Bonnard.* Парижъ, новое изданіе (безъ даты), стр. 308—309; воспроизведено въ *La vié littéraire* Парижъ, 1897, 2-я серія стр. 116—117.

думаютъ они,—но она уже больше насъ не обманываетъ, разъ мы знаемъ, что она насъ обманываетъ. Постоянное сомнѣніе будетъ нашей достовѣрностью *).

И, наконецъ, онъ сознательно выражаетъ свое предпочтеніе красивой фантазіи передъ дѣйствительностью, какъ бы воспроизводя поэтическую мысль Пушкина:

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ:

Что касается до меня, то если бъ мнѣ нужно было выбирать между красотой и истиной, я не колебался бы: я бы взялъ себѣ красоту, увѣренный въ томъ, что она заключаетъ въ себѣ болѣе возвышенную и болѣе глубокую истину, чѣмъ сама истина. Я осмѣлюсь даже сказать, что въ мірѣ только и есть истиннаго, что прекрасное. Прекрасное приноситъ намъ самое высокое откровеніе божественнаго, какое только намъ дано знать... Я знаю, что исторія ложна, и что всѣ историки, начиная съ Геродота и до Мишлэ, разсказчики басенъ. Но это ничуть не сердитъ меня... Мнѣ было бы даже жалко, если бы исторія стала болѣе точной... Она ни больше, ни меньше, какъ рядъ образовъ. Потому-то я и люблю ее; и потому она подходитъ людямъ. Человѣчество находится еще въ дѣтствѣ... Человѣкъ рожденъ, что называется, вчера. Онъ еще въ пылу своей молодости. Не надо требовать отъ него очень большой разсудительности. Онъ нуждается въ томъ, чтобы его забавляли сказками **).

Пусть читатель остановится еще на слѣдующемъ profession de foi изящнаго „нигилиста“, которому словно доставляетъ удовольствіе плавать въ вольномъ эфирѣ своихъ ощущеній, вкусовъ, капризовъ настроенія, эпикурейски смѣясь не только надъ различными философскими системами, но и надъ попытками положительнаго знанія и надъ науками вообще:

Эстетика не опирается ни начто твердое. Это — воздушный замокъ. Хотятъ основать ее на этикѣ. Но этика не существуетъ. Нѣтъ и соціологіи. Да нѣтъ и біологіи. Завершеніе наукъ существовало лишь въ головѣ Огюста Конта, система котораго есть одно пророчество. Когда біологія будетъ установлена, т. е. черезъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ, можно будетъ заняться построеніемъ и соціологіи. Это будетъ дѣломъ громаднаго числа вѣковъ; послѣ чего можно будетъ позволить себѣ приняться за созданіе на прочныхъ основаніяхъ эстетической науки. Но тогда наша планета будетъ уже очень стара и достигнетъ до крайнихъ предѣловъ своего существованія. Солнце, пятна котораго уже безпокоятъ насъ, и не безъ причины, будетъ показывать землѣ свой темно-красный и закопченный ликъ, на половину закрытый непрозрачными шлаками, и послѣдніе смертные, укрывшіеся въ глубинѣ рудниковъ, будутъ гораздо менѣе заниматься диссертаціями о сущности прекраснаго, чѣмъ разведеніемъ, во мракѣ, огня изъ послѣднихъ кусковъ каменнаго угля прежде, чѣмъ погрузиться въ вѣчные льды ***).

Перенеситесь, наконецъ, отъ общенаучныхъ вопросовъ къ тревожащимъ столькихъ людей задачамъ личнаго существованія,

*) La vie littéraire, Ibid., стр. 119.
**) *La vié littéraire*; Парижъ, серія 4-я, стр. V—VI.
***) Ibid., стр. 122—123, passim.

и опять вы найдете на устахъ Анатолія Франса улыбку изящнаго скептика и такой рецептъ противъ сомнѣній, который вполнѣ достоинъ эпикурействующаго индифферентиста. Вотъ какими строками онъ заканчиваетъ свой тонкій, умный, но, можно почти сказать, умышленно легковѣсный этюдъ о поэтессѣ Луизѣ Аккерманнъ, напоминающей энергіею своихъ нѣкоторыхъ стиховъ великаго Лукреція:

Въ своей столь же холодной, цѣломудренной и мирной кельѣ, каковы были кельи духовныхъ сыновъ Доминика, ницская затворница простонала свой вѣкъ, словно святая подвижница атеизма, надъ несчастіями, которыхъ сама не испытывала, и надъ страданіями всего человѣчества. Она тихо закончила сонъ своей жизни; но она знала, что то былъ лишь сонъ. Можетъ быть, лучше намъ вѣрить въ реальность бытія и въ благость божію, потому что если это иллюзія, то такая, которой снисходительная смерть отнюдь не разсѣетъ. Чтобы ни было съ нами, тѣмъ, кто вѣритъ въ безсмертіе человѣческой личности, нечего бояться, что они разочаруются въ этомъ по смерти. Если, какъ это чрезвычайно вѣроятно, они понапрасну надѣялись, если они были жертвами заблужденія, то они объ этомъ никогда не узнаютъ *).

И однако у этого неисправимаго, повидимому, скептика были нѣкоторыя точки опоры, и именно такія, которыя давали возможность изящному индифферентисту съ удовольствіемъ и пользою жить въ привилегированномъ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Всѣ эти тонкія его философствованія насчетъ тожества „дѣйствительности" и „видимости", „сна и жизни", „истины" и „красоты", „исторіи" и „басни", науки и ничегонезнанія не мѣшали ему прекрасно оріентироваться внутри движущихся колесъ той сложной, громоздской и очень опасной для неосторожныхъ людей машины, которая называется современнымъ обществомъ. И чтобы мы ни думали о легендарныхъ преувеличеніяхъ характера Пиррона, нашъ парижскій Пирронъ гораздо менѣе сомнѣвался въ реальности пріятныхъ и непріятныхъ вещей, чѣмъ старый скептикъ изъ Элиды. Наивный Діогенъ Лаэртскій хорошо обрисовалъ цѣльность греческаго философа, жизнь котораго шла вполнѣ согласно съ его философіей, если вѣрить полумиѳическимъ разсказамъ о немъ:

Онъ утверждалъ, что нѣтъ ничего прекраснаго или постыднаго, справедливаго или несправедливаго; а равнымъ образомъ, что ни въ чемъ нѣтъ истины, но что люди дѣлаютъ все по закону или по привычкѣ. Никакая вещь не можетъ быть болѣе чѣмъ-нибудь однимъ, чѣмъ другимъ. Онъ былъ послѣдователенъ и въ жизни своей, ничего не избѣгая, ничего не остерегаясь, выдерживая всякую опасность при случаѣ,—и отъ колесницъ, и отъ обрывовъ, и отъ псовъ, и т. п.,—ни въ чемъ не уступая своимъ ощущеніямъ. Былъ же спасаемъ, по словамъ Антигона Каристійскаго, своими родственниками, которые ходили по его слѣдамъ **).

*) Ibid., стр. 9.

**) Diog. Laert., *De vitis* ets. IX, 11, § 3—4.

О, какъ ловко избѣгалъ, наоборотъ, всѣхъ этихъ опасностей нашъ изящный скептикъ. Черезъ него трудно было переѣхать какой-нибудь „колесницѣ" современнаго предразсудка; онъ не падалъ ни въ какой „обрывъ", передъ которымъ отступаетъ общественное мнѣніе буржуазіи; и онъ очень искусно умѣлъ ласковымъ словомъ и глаженьемъ по шерсти усмирять свирѣпыхъ „псовъ" мѣщанской прессы, которые стерегутъ такъ зорко интересы имущихъ и правящихъ классовъ. Скептицизмъ Анатоля Франса „первой манеры" во время умѣлъ останавливаться и, позволяя себѣ игру эпикурействующаго сомнѣнія надъ истиною вообще и надъ вселенной оптомъ, никогда не осмѣливался касаться частныхъ „истинъ" и изощрять себя надъ колебаніемъ основъ различныхъ мелкихъ, но могущественныхъ въ своей сферѣ „мірковъ".

Куда въ этихъ случаяхъ дѣвался его проницательный и насмѣшливый умъ! И какъ въ лучшемъ случаѣ онъ успокаивался здѣсь на какой-нибудь филистерской и въ сущности противорѣчивой, даже на поверхностный взглядъ, мысли! Такъ, онъ заканчиваетъ свой этюдъ о „Преступникахъ" (по поводу романа „Совѣсть" Гектора Мало) слѣдующими словами:

Чтобы ни говорили Ломброзо и Маудсли, можно быть преступникомъ, не будучи ни сумасшедшимъ, ни больнымъ. Все человѣчество цѣликомъ начинало съ преступленія. У доисторическаго человѣка преступленіе было правиломъ, а не исключеніемъ. И еще въ наши дни оно является обыкновеніемъ у дикарей. Можно даже сказать, что въ началѣ оно смѣшивается съ добродѣтелью... Какъ же не признать этого? Сама природа обучаетъ преступленію. Животныя убиваютъ подобныхъ себѣ, чтобы пожирать ихъ, или просто по свирѣпой ревности, а то и безъ всякаго повода. Между ними есть много преступниковъ... Но за то какъ возвышенно оно, это побѣдоносное усиліе человѣка освободиться отъ старыхъ узъ преступленія! Какъ священно оно, это медленное созиданіе нравственности! Мало-по-малу люди установили справедливость. Насиліе, которое было правиломъ, теперь составляетъ исключеніе. Преступленіе стало въ нѣкоторомъ родѣ аномаліей, чѣмъ-то несовмѣстимымъ съ новой жизнью, какой создалъ ее человѣкъ путемъ терпѣнія и мужества, и т. д. *).

За исключеніемъ мимоходомъ брошенной и сейчасъ же затертой фразы: „можно даже сказать, что въ началѣ преступленіе смѣшивается съ добродѣтелью", вся эта чувствительная, а для скептика такъ даже комичная тирада поражаетъ своимъ банальнымъ неискреннимъ, а главное внутренно противорѣчивымъ характеромъ. Если „все человѣчество начинало съ преступленія", то въ эту доисторическую эпоху то, что вы называете преступленіемъ, было не преступленіемъ, а великой жизненной необходимостью и коллективной добродѣтелью. Смѣшно также говорить о томъ, что „между животными есть много преступниковъ":

*) *La vie littéraire*; II, стр. 92—83.

для этого надо бы допустить существованіе сознательныхъ идей о нравственности въ зоологическомъ мірѣ. Если „сама природа обучаетъ преступленію“, то при чемъ тутъ „побѣдоносное усиліе человѣка освободиться отъ старыхъ узъ преступленія“,—мысль, напоминающая лишь доктрину о первобытномъ грѣхѣ и объ искупленіи? А откуда же берется самъ человѣкъ, какъ не изъ „природы“? Вы бы должны были лишь сказать, что сама же природа вырабатываетъ и „нравственность“, потому что, вырабатывая еще въ мірѣ животныхъ инстинкты солидарности, она создаетъ почву для замѣны всеобщей грызни всеобщею коопераціей. И „преступленіе“, и „нравственность“ являются сравнительно поздними продуктами общественной жизни человѣка, его соціальной „природы“, и противоставлять человѣческую нравственность преступленію, разлитому, молъ, въ природѣ, значитъ повторять мысль наивныхъ законодателей старыхъ временъ, которые исходятъ изъ злодѣйства и испорченности человѣческой природы и рекомендуютъ исправленіе ея всевозможными жестокостями, дѣйствительно, переносящими насъ въ зоологическія „жестокія времена“.

Но вамъ, повидимому, это и нужно было, потому что ваше упоминаніе о Ломброзо и Маудсли есть обычный пріемъ разсужденія людей стараго міровоззрѣнія, которые полагаютъ, что суть въ пресѣченіи „злой воли“. И вы серьезно говорите объ аномаліи преступленія среди того самого общества, которое для людей, успѣвшихъ выработать истинную нравственность, представляется, наоборотъ, само одной сплошной аномаліей. Почему же тутъ не проснулся вашъ скептицизмъ и не подсказалъ вамъ желанія поближе присмотрѣться къ тому, что банальная и традиціонная мысль называетъ „нравственностью“ и „преступленіемъ“? Вы смѣялись надъ Леконтомъ-де-Лиллемъ, который, въ качествѣ жреца „искусства для искусства“, могъ сомнѣваться въ своемъ существованіи, но отнюдь не въ красотѣ своихъ стиховъ. И вы являетесь такимъ Леконтомъ-де-Лиллемъ въ области соціологіи, сомнѣваясь въ существованіи всего окружающаго васъ міра, но ничуть не въ необходимости извѣстныхъ формъ пресѣченія злой воли, которыя, можетъ быть, уже изжили свой вѣкъ въ представленіяхъ наиболѣе чуткихъ людей. Ахъ, какъ трудно миѳологическому Мидасу скрыть свои длинныя уши и мѣщанскому скептицизму его вульгарный общественный догматизмъ!..

Но возьмемъ болѣе конкретный примѣръ. Если есть въ современной Франціи какая-либо вещь, къ которой должно относиться съ скептицизмомъ, то это армія, которая лишь въ теченіе послѣднихъ четырехъ-пяти лѣтъ подвергается серьезному преобразованію: я говорю, конечно, объ арміи, не какъ о совокупности солдатъ, ибо съ такой точки зрѣнія армія есть все молодое поколѣніе націи, проводящее извѣстное время въ казармѣ,

но объ арміи, какъ о военной кастѣ начальствующихъ, которая считаетъ себя выше всей націи и чуть было не привела республику на край гибели. Я столько писалъ о проявленіяхъ милитаризма во Франціи, что считаю безполезнымъ прибавлять еще хоть слово къ написанному. И сами же республиканцы со времени дѣла Дрейфуса употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы превратить армію въ орудіе національной защиты изъ самодавлѣющей касты, желающей распоряжаться великимъ народомъ въ угоду своимъ реакціоннымъ замысламъ. И самъ теперешній Анатоль Франсъ не только прекрасно понимаетъ это, но борется и дѣйствуетъ, между прочимъ, ради преобразованія арміи.

Но послушайте, въ какихъ выраженіяхъ говорилъ объ арміи прежній буржуазный скептикъ. По поводу романа Абэля Эрмана „Кавалеристъ Мизерэ“, въ которомъ авторъ,—замѣтьте это,—хочетъ говорить объ арміи съ „чувствомъ страстной религіозности“, Анатоль Франсъ негодуетъ на романиста за то, что онъ всетаки не успѣлъ достаточно затушевать темныя стороны арміи и пишетъ:

Будь каждая деталь книги г. Абэля Эрмана совершенно точна, и то я всетаки скажу, что ея ансамбль лишенъ истины, ибо лишенъ поэзіи... Искусство это любовь. Вотъ почему тутъ не надо микроскопа... Надо, чтобы писатель могъ сказать все, но не должно ему позволять все говорить на всѣ манеры, при всякихъ обстоятельствахъ и всякаго рода лицамъ. Вѣдь онъ не движется въ абсолютномъ. Онъ вступаетъ въ извѣстныя отношенія съ людьми. Это предполагаетъ извѣстныя обязанности; онъ пользуется независимостью литературнаго мнѣнія, чтобы освѣщать и украшать жизнь, но онъ не можетъ пользоваться этою независимостью, чтобы вносить въ жизнь смущеніе и компрометтировать ее. Онъ обязанъ касаться съ почтеніемъ до священныхъ вещей. Но если есть въ человѣческомъ обществѣ, по всеобщему соглашенію, одна священная вещь, то это—армія... Вотъ какъ надо касаться священнаго ковчега, вотъ какъ надо говорить объ арміи! Г. Абэль Эрманъ когда-нибудь сознается, что, самъ того не желая, онъ оскорбилъ одно изъ чувствъ, которыя всего дороже нашему сердцу *).

Но всего замѣчательнѣе это конецъ статьи нашего изящнаго скептика. Анатоль Франсъ указываетъ на тотъ фактъ, что нѣкій полковникъ отдалъ слѣдующій „доблестный приказъ“ по арміи по поводу романа Абэля Эрмана:

«Всякій экземпляръ «Кавалериста Мизерэ», схваченный въ подвѣдомственной мнѣ части, будетъ сожженъ на навозѣ, и всякій военный, у котораго онъ будетъ найденъ, будетъ наказанъ тюрьмой» **).

И, процитировавъ этотъ приказъ, изящный эпикуреецъ съ ожесточеніемъ прибавляетъ:

Конечно, эта фраза не очень элегантна, я согласенъ; но я былъ бы более доволенъ, если бы написалъ одну ее, чѣмъ 400 страницъ «Кавалериста

*) La vie littéraire, I, стр. 80—82, passim.
**) l. c., стр. 82.

Мизерэ». Ибо я увѣренъ, что она неизмѣримо важнѣе для моего отечества *).

Вотъ вамъ и скептицизмъ: въ существованіи міра не увѣренъ, а въ удивительной пользѣ полковницкой фразы „увѣренъ". Надо ли прибавлять, что именно такъ разсуждають современные націоналисты, съ которыми столь ожесточенно приходится бороться республиканцамъ и которые толкаютъ сочинителей подобныхъ „приказовъ" на открытое возстаніе противъ законнаго правительства страны.

Но Анатоль Франсъ „первой манеры" не довольствуется тѣмъ, что культивируетъ шовиниствующій патріотизмъ по отношенію къ современной Франціи. Свои предразсудки, свои націоналистическіе привкусы онъ переноситъ даже въ прошлое и совершаетъ странные для тонкаго ума анахронизмы, судя съ банальной точки зрѣнія современныхъ милитаристовъ поступки и событія, совершавшіеся въ особыхъ историческихъ условіяхъ. Читайте его этюдъ объ Арманѣ Каррэлѣ: какими оговорками и ограниченіями онъ сопровождаетъ свой общій отзывъ объ этомъ необыкновенно цѣльномъ человѣкѣ, отзывъ, которому онъ не смѣетъ придать рѣзко неблагопріятный характеръ, потому что тогда возмутилъ бы всѣхъ искреннихъ республиканцевъ, преклоняющихся передъ высокою личностью этого рыцаря идеи; но за то старается частными и коварными штрихами затушевать настоящую физіономію Каррэля. И, знаете, почему все это? Потому, что въ 1823 г., въ эпоху жесточайшей внутренней реакціи, Каррэль перешелъ на сторону испанцевъ, защищавшихъ противъ своего вѣроломнаго короля законную конституцію, и сражался противъ французскихъ войскъ, посланныхъ правительствомъ реставраціи для поддержки клятвопреступнаго Фердинанда VII...

Можно, конечно, сказать: прокляты тѣ эпохи и тотъ строй, который вынуждаетъ человѣка выбирать между своими идейными убѣжденіями и правительствомъ своей страны! Но вотъ и все, ибо какъ не понять, что въ данномъ случаѣ само правительство реставраціи вступало въ гражданскую войну съ страной и нарушало условія договора, на которыхъ оно становилось во главѣ націи послѣ кровавыхъ бурь первой Имперіи. А у скептическаго Анатоля Франса, который зачастую семь разъ отмѣритъ—да такъ и не отрѣжетъ, у него вырываются, напр., такія фразы въ характеристикѣ Каррэля:

Онъ не умѣлъ повиноваться. Ему не хватало совершенно духа самоотверженія. Онъ не подозрѣвалъ никогда той возвышенной любви къ самоотреченію, которая дѣлаетъ людей хорошими священниками и хорошими солдатами. Потому то мы и увидимъ, что онъ недолго оставался въ арміи, и его поведеніе тамъ было далеко не безупречно **).

*) l, c., стр. 83.

**) La vie littéraire, I, стр. 204.

И это говоритъ тотъ самый критикъ, который сейчасъ же вслѣдъ за этимъ такъ характеризируетъ положеніе дѣлъ во Франціи и отношеніе реставраціоннаго правительства не только къ націи, но даже къ арміи:

Старые солдаты, которыхъ наказывали какъ бы за ихъ славу, повиновались, трепеща отъ негодованія, сыновьямъ знатныхъ эмигрантовъ. Они слышали, какъ вопіяла объ отмщеніи кровь героевъ, которые были ихъ товарищами походовъ и которыхъ правительство постыдно осудило на смерть: Нея, двухъ братьевъ Фошэ, Лабэдойера, Мутона—Дювернэ, Шартона, уже не считая храбраго полковника Бойе-де-Пэрэло, осужденнаго на смертную казнь за то, что защищалъ, подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, Гваделупу противъ англичанъ *).

Значитъ, невольно спрашиваетъ читатель, значитъ, кто же былъ виноватъ въ страшной нравственной коллизіи: люди-ли въ родѣ Каррэля, истинные патріоты своего отечества; или правительство реставраціи, которое вело настоящую войну противъ націи и національныхъ интересовъ до такой степени, что разстрѣливало старыхъ и славныхъ военныхъ, которые сражались подъ старымъ патріотическимъ знаменемъ противъ враговъ своего народа? А вотъ Анатоль Франсъ, не смотря на всю тонкость и виртуозность своего ума, не въ состояніи понять такой вещи и вывертываетъ на изнанку дѣйствительное положеніе вещей, толкуя о необходимости внѣшняго чисто формальнаго повиновенія и серьезно распространяясь о „возвышенной любви къ самоотреченію, которая дѣлаетъ людей хорошими священниками и хорошими солдатами“, и которой, молъ, „совершенно не хватало“ Каррэлю.

Кстати сказать, мы видимъ въ настоящее время, каково повиновеніе и самоотреченіе какъ разъ этихъ „хорошихъ священниковъ и хорошихъ солдатъ“ націоналистскаго и клерикальнаго лагеря, которые вступаютъ въ формальное возмущеніе противъ республиканскаго правительства страны, хотя это правительство основано на свободномъ выборѣ всей націи, а не въѣхало, какъ правительство реставраціи, въ фургонахъ пруссаковъ и австрійцевъ.

Но всего, можетъ быть, интереснѣе его отношеніе къ Эмилю Зола, критикуя котораго, онъ не только совершенно отказывается отъ своего элегантнаго скептицизма, но нападаетъ на романиста съ ожесточеніемъ буржуазнаго изъ буржуазныхъ моралиста-догматика. Чего стоитъ одно лишь вступленіе въ этотъ—не знаю даже, какъ и сказать?—гимнъ проклятій и ненависти?

Зола говоритъ объ одномъ изъ своихъ крестьянъ, что онъ страдалъ «безуміемъ грязи». Вотъ это-то безуміе грязи Зола и придаетъ всѣмъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ безъ различія. Сочиняя «Землю», онъ далъ міру виргиліевскія «Георгики» сволочности (de la crapule)... Его дѣятельность зло-

*) Ibid., стр. 205.

вредна, и онъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, о которыхъ можно сказать, что лучше бы и не родится имъ на свѣтъ... Конечно, я не буду отрицать его ужасающей славы. Никто до него не воздвигъ столь высокой кучи нечистотъ. Это—его памятникъ, величіе котораго, дѣйствительно, нельзя отрицать. Никогда еще человѣкъ не совершалъ подобныхъ усилій, чтобы унизить человѣчество, оскорбить всѣ образы красоты и любви, отрицать все, что есть добро, и все, что есть благо, и т. д.

Вы, конечно, не можете удержаться отъ улыбки. Вотъ ужъ по истинѣ: Смерть не страшна, а медвѣдь испугалъ!..

То мы съ нашимъ изящнымъ скептикомъ въ существованіи міра были не убѣждены, а теперь моментально увѣровали въ то, что есть „добро“, и въ то, что есть „благо“, и необыкновенно испугались за прочность этихъ хрупкихъ вещей подъ ударами грубаго натуралистическаго молота; а циклопу, ворочавшему этимъ святотатственнымъ орудіемъ, такъ даже прочитали отповѣдь не хуже самаго крайняго догматика. И объясненіе всему этому простое. Сомнѣваться въ бытіи міра вообще—никакихъ послѣдствій за собой не влечетъ и даже можетъ служить интересной темой для разговоровъ между изящными скептиками. Но неосторожно тронуть хоть одинъ изъ буржуазныхъ идоловъ и даже маленькихъ болванчиковъ фешенебельнаго культа—значитъ колебать самый центръ той вселенной, того привилегированнаго общества, которое только и позволяетъ намъ безпечально сидѣть на вѣткѣ пріятныхъ „видимостей“ и граціозно щебетать, что, молъ, вѣдь въ сущности это лишь „видимости“, а не „реальности“.

Читатель уже знаетъ, какъ самъ же Анатоль Франсъ на гробѣ могучаго романиста принесъ свою покаянную. Интереснѣе другой вопросъ: нельзя-ли въ произведеніяхъ уже прежняго Анатоля Франса подмѣтить кой-какіе элементы, развитіе которыхъ,—вызванное, а можетъ быть, лишь ускоренное дѣломъ Дрейфуса,—произвело то странное измѣненіе въ умственной физіономіи автора, въ результатѣ каковаго общій эпикурействующій скептицизмъ Анатоля Франса замѣнился глубокой вѣрой въ современные общественные идеалы; и, наоборотъ, курьезный догматизмъ въ отношеніи къ буржуазнымъ „видимостямъ“ уступилъ мѣсто смѣлой критикѣ этихъ самыхъ идоловъ, столь дорогихъ сердцу мѣщанской интеллигенціи?

Я думаю, что такіе зародыши измѣненія есть; и ихъ присутствіе можно открыть уже въ первыхъ томахъ знаменитой „Современной исторіи“, которая, по моему мнѣнію, останется однимъ изъ лучшихъ произведеній Анатоля Франса и вмѣстѣ любопытнѣйшимъ матеріаломъ для изученія соціально-политической жизни Франціи на рубежѣ двухъ столѣтій. Какъ это ни странно въ извѣстномъ смыслѣ, но упомянутые зародыши эволюціи возникли, по моему мнѣнію, на почвѣ опять таки скептицизма Анатоля

Франса, только на сей разъ скептицизма, менѣе ослабленнаго курьезными порывами мѣщанскаго догматизма по отношенію къ „условнымъ лжамъ“ современнаго общества. И я думаю, это, по крайней мѣрѣ отчасти, зависѣло отъ того, что Анатоль Франсъ расширилъ поле приложенія своего проницательнаго эпикурействующаго ума.

Ему захотѣлось присмотрѣться къ общественной жизни Франціи и вмѣсто того, чтобъ водить читателя по извилинамъ тонкихъ чувствованій героевъ и героинь (какъ въ „Красной лиліи“) или въ области философски-религіозныхъ столкновеній александрійской эпохи (какъ въ „Таисѣ“), онъ задумалъ совершить съ нимъ экскурсію на самое дно французской провинціи. Его наблюдательный и скептическій умъ былъ, по всей вѣроятности, заинтересованъ картиной этого своеобразнаго міра. И такъ какъ эта среда гораздо менѣе культурна, чѣмъ парижская, и несомнѣнно должна давать болѣе комической пищи иронически настроенному тонкому наблюдателю, то Анатоль Франсъ, какъ я полагаю, полнѣе отдался своему эпикурействующему скептицизму и сталъ наблюдать и изображать наблюдаемое уже, такъ сказать, отъ всей души, не особенно грѣша припадками своего догматизма по отношенію къ мѣщанскимъ идоламъ.

Конечно, и провинція живетъ этими идолами, живетъ даже болѣе, чѣмъ Парижъ, въ силу своей сравнительно слабой культурности. Но именно потому, что представители этихъ идоловъ въ провинціи гораздо грубѣе и комичнѣе, чѣмъ въ столицѣ, Анатоль Франсъ не сразу узналъ въ этой комичной оболочкѣ выраженія того мѣщанскаго „блага“ и того мѣщанскаго „добра“, передъ которыми съ почтеніемъ и умиленіемъ склонялась его скептическая муза. А когда узналъ, было уже поздно: аллюры его художественнаго творчества стали гораздо смѣлѣе; и потребность воспроизводить заинтересовавшій его міръ, не смущаясь предразсудками привилегированнаго общества, возрасла до степени настоящаго поэтическаго вдохновенія.

Сюда присоединялись еще другія условія, придававшія нѣсколько новый характеръ литературной работѣ Франса. До сихъ поръ онъ слишкомъ увлекался тонкимъ психологическимъ изображеніемъ типовъ. Съ другой стороны, въ его творчество врывался слишкомъ часто книжный и, не смотря на свою изящность, педантическій пріемъ литературныхъ, историческихъ, археологическихъ отступленій отъ сюжета. Но болѣе грубые и „почвенные“ типы провинціи допускали въ гораздо меньшей степени какъ филиграновую психологическую обработку, такъ и чисто литературныя отступленія. Своими аляповатыми, но выразительными чертами типы провинціи приглашали художника открыть просто-на-просто глаза и непосредственно наблюдать ихъ комичныя эволюціи. И художникъ, дѣйствительно, сталъ всматриваться въ ихъ

то печальныя, то забавныя, но во всякомъ случаѣ жизненныя коллизіи.

А жизнь провинціи представляла въ это время по истинѣ любопытную картину. Къ половинѣ 90-хъ годовъ во Франціи рѣзко проявились слѣды крушенія того режима, который былъ основанъ на почти безраздѣльномъ хозяйничаніи буржуазіи, быстро докатившейся до скандаловъ Панамы. Начиналась реакція. Съ одной стороны, четвертое сословіе поднимало голову, и рѣчи его талантливыхъ представителей, прошедшихъ въ палату на выборахъ 1893 г., напоминали умнымъ буржуа въ родѣ покойнаго редактора „Фигаро“, Маньяра, эпоху 1848 г. съ его проповѣдью „права на трудъ“ и т. п. Съ другой стороны, буржуазія шла въ Каноссу,—отчасти искренно на манеръ Брюнетьера, который, разочаровавшись въ буржуазномъ эволюціонизмѣ, провозглашалъ „банкротство науки“; отчасти изъ корыстныхъ цѣлей, стараясь умышленнымъ возрожденіемъ католицизма ослабить соціально-реформаторскій пылъ пробуждавшихся массъ. Правительство, которое послѣ панамскаго краха старалось импонировать общественное мнѣніе личной порядочностью и неподкупностью министерскаго персонала, въ то же самое время организовало по всей странѣ худшій родъ политическаго подкупа, сознательно устраняя изъ политики всякіе принципіальные вопросы и опираясь на союзъ съ католиками, „присоединившимися“ и прочими элементами реакціи.

То была эпоха, когда сами по себѣ честные министры развратили общественное мнѣніе страны, воспроизводя времена Людовика-Филиппа, котораго такъ изображалъ въ своей по истинѣ *филиппикѣ* негодующій Прудонъ:

> Изслѣдуйте его поближе: онъ является наивнымъ, добросовѣстнымъ развратителемъ. Самъ выше всякой клеветы, безупречный въ своей личной жизни, развратитель, но не развращенный, онъ знаетъ, чего хочетъ и что дѣлаетъ. Его зоветъ ужасающій жребій: онъ повинуется. Онъ выполняетъ свою задачу самоотверженно и счастливо, и никакой законъ божескій и человѣческій, никакое угрызеніе совѣсти не смущаетъ его. Онъ держитъ въ рукахъ ключъ отъ совѣсти людей: ничья воля ему не сопротивляется... Такъ Людовикъ—Филиппъ, среди своихъ домашнихъ строгій отецъ семейства и человѣкъ, вполнѣ владѣющій собою, заключилъ союзъ съ адомъ на погибель своей страны, но самъ остается безупреченъ передъ Богомъ и людьми *).

Такова же точно была роль умѣренныхъ кабинетовъ 90-хъ годовъ, которые состояли изъ людей безупречно честныхъ въ личномъ отношеніи, но извратили общественную совѣсть Франціи на цѣлые годы и окончательно погубили бы ее, если бы не спасительная встряска дѣла Дрейфуса. Вотъ этотъ-то періодъ и изобра-

---

*) P.—J. Proudhon, *Les confessions d'un révolutionnaire*; Парижъ, 1868, новое изд., стр. 50.

жаютъ первые томы тетралогіи Анатоля Франса. И можно предполагать, что, начавъ изображать политическіе нравы тогдашней провинціи просто въ виду художественнаго интереса, авторъ самою логикою сюжета былъ приведенъ сначала къ болѣе рѣзкой, чѣмъ то было свойственно до сихъ поръ его природѣ, ироніи, затѣмъ къ сатирѣ и, наконецъ, къ высоко талантливому, но тенденціозному соціальному роману—памфлету. Я, замѣтьте, говорю здѣсь съ точки зрѣнія психологіи художника, оставляя въ сторонѣ вопросъ о нравственномъ кризисѣ, разразившемся надъ Анатолемъ Франсомъ, какъ человѣкомъ и гражданиномъ.

Въ „Вязѣ на городской площади“ картина провинціальнаго общества уже носитъ на себѣ явственные слѣды ироническаго настроенія художника; и герои романа своими словами и дѣйствіями уже предвосхищаютъ въ большинствѣ случаевъ трагическихъ и комическихъ актеровъ великой жизненной драмы, которая должна была черезъ какой-нибудь годъ разыграться на почвѣ третьей республики подъ названіемъ „дѣла Дрейфуса“.

Вотъ вамъ чета евреевъ изъ правящихъ слоевъ, г. префектъ Вормсъ-Клавлэнъ и его супруга, такъ прекрасно олицетворяющіе типъ администраторовъ временъ мелинизма, — и онъ, и она, не имѣющіе никакихъ принциповъ за душой, но тяготѣющіе ко всѣмъ силамъ реакціи, видя въ нихъ точку опоры для политической эквилибристики. Префектъ стоитъ за терпимость или, лучше сказать, за прямое мирволенье клерикаламъ, держа передъ протежируемымъ имъ аббатомъ Гитрелемъ такія рѣчи:

Ну развѣ же я не достаточно терпимъ, недостаточно либераленъ? Развѣ я не закрывалъ глазъ, когда монахи, монашенки со всѣхъ сторонъ наводняли монастыри, школы? Ибо если мы и поддерживаемъ энергично основные законы республики, то за то мы почти ихъ не прилагаемъ *).

Авторъ этой восхитительной тирады „мы поддерживаемъ энергично, но не прилагаемъ“, въ которой выражается самая сущность мелинизма, не довольствуется этимъ мирнымъ сожительствомъ съ врагами свѣтскаго общества. Онъ дѣлаетъ прямые авансы и монархистамъ, заклятымъ противникамъ демократіи, лишь бы они формально „присоединялись“ къ республикѣ. Надо читать въ подлинникѣ описаніе шумной радости Вормса-Клавлэна, когда ему удалось „провести на выборахъ своего кандидата, коннозаводчика, молодого монархиста изъ категоріи присоединившихся“, и надеждъ префекта на „одобреніе министра, который старымъ республиканцамъ въ душѣ предпочиталъ этихъ новыхъ“ (стр. 49).

А префектша, которая, будучи еврейкой, тѣмъ не менѣе тяготѣетъ къ католическому духовенству, видя въ немъ консервативную и кольмифотную силу, и даже свою дочь отдаетъ на вос-

---

*) *L'orme du Mail*; Парижъ, цитирую по 69-му изданію, стр. 121.

питаніе въ модный католическій пансіонъ при женскомъ монастырѣ въ Парижѣ. Она въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ духовенствомъ того оттѣнка, который, въ душѣ ненавидя республику, на словахъ лицемѣрно подлаживается къ администраціи, но ждетъ только случая, чтобы нанести ударъ демократическимъ учрежденіямъ.

И какъ типиченъ самъ протежируемый нашей четой администраторовъ аббатъ Гитрэль, который надѣется на поддержку правительства, добиваясь епископскаго сана, и заранѣе уже составляетъ планъ кампаніи противъ республиканскаго строя:

Префектъ протянулъ руку священнику. И аббатъ Гитрэль пошелъ къ себѣ по извилистой улицѣ, съ смиреннымъ видомъ, согнутой спиной, обдумывая ученые ходы по части протекціи и уже заранѣе давая себѣ обѣщаніе, въ тотъ день, когда надѣнетъ епископскую митру и возьметъ епископскій посохъ, начать возстаніе, какъ настоящій князь церкви, противъ свѣтской власти, вступить въ борьбу съ массонами и предать анаѳемѣ принципы свободной мысли, республики и революціи *).

Эти элементы проницательной и не вполнѣ скептической, а, наоборотъ, мѣстами уже положительной ироніи, обнаруживаемой Анатолемъ Франсомъ въ его „Вязѣ на городской площади“ **), наиболѣе отчетливо сказываются здѣсь, можетъ быть, въ типѣ Бержерэ, приватъ-доцента словеснаго факультета въ провинціальномъ университетѣ. Критики націоналистическаго лагеря, упрекавшіе Анатоля Франса въ корыстой измѣнѣ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, не разъ высказывали тотъ взглядъ, что въ первыхъ романахъ тетралогіи писатель рисовалъ въ образѣ Бержерэ ничтожнаго и комическаго педанта, а въ послѣднихъ вдругъ передѣлалъ его въ замѣчательно умнаго и мужественнаго человѣка, въ настоящаго героя дрейфусистскаго лагеря.

Внимательно перечитывая „Вязъ“, видишь, что это не совсѣмъ такъ. Уже въ этомъ первомъ романѣ серіи Бержерэ изображается, правда, слабохарактернымъ, несчастнымъ, забитымъ судьбою и женою, но отнюдь не глупымъ человѣкомъ. Самый педантизмъ его это отчасти книжная манера самого Анатоля Франса переплетать литературныя, философскія и прочія отступленія съ развитіемъ дѣйствія и коллизіями дѣйствующихъ лицъ. И у Бержерэ слишкомъ много чертъ опять-таки самого автора, чтобы можно было назвать его педантическимъ ничтожествомъ. Обратите вниманіе хотя бы на слѣдующій портретъ или, если хотите, „моментальную фотографію“ злополучнаго профессора:

Самъ онъ былъ не религіозенъ, но въ приличной и не нарушающей хорошій тонъ формѣ; и, однако, частыя хожденія его жены по церквамъ и

*) L. c., стр. 124.

**) Кстати сказать, слово «Mail» вещь довольно не переводимая: оно означаетъ и мѣсто для старинной игры въ мячъ, и мѣсто для гулянья, и т. п. Я предпочелъ просто «городская площадь».

безконечная долбня катехизиса его дочерьми вызвали противъ него въ бюро министерства обвиненіе въ клерикализмѣ, между тѣмъ какъ нѣкоторые взгляды, приписывавшіеся ему же, эксплуатировались противъ него убѣжденными католиками и профессіональными патріотами. Разочарованный въ своихъ надеждахъ на успѣхи въ карьерѣ, онъ во всякомъ случаѣ желалъ жить по своему и, не съумѣвъ понравиться, употреблялъ умѣренныя старанія возбуждать неудовольствіе *).

Это, несомнѣнно, характеристика не ничтожнаго педанта, а человѣка, къ которому лежатъ если не очень рѣзкія, то все же замѣтныя симпатіи самого автора. И рѣчи, которыя ведетъ онъ, отнюдь не рѣчи бездарнаго книгоѣда. Вдумайтесь, напр., въ споры Бержерэ съ его всегдашнимъ оппонентомъ, аббатомъ Лаитэнемъ, который былъ конкуррентомъ уже извѣстнаго намъ аббата Гитрэля на епископскую шапку, но въ противоположность послѣднему открыто и по своему краснорѣчиво громилъ злочестивую республику Мелина, не понимая ея выгодъ для ультрамонтановъ. Прислушайтесь къ слѣдующей тирадѣ Бержерэ:

Г. аббатъ, вы охарактеризовали черты демократическаго режима съ такимъ краснорѣчіемъ, которое въ настоящее время осталось лишь удѣломъ вашихъ устъ. Этотъ режимъ почти таковъ, какимъ вы его изображаете. И все же я предпочитаю именно его. Всѣ отношенія зависимости ослаблены въ немъ, что уменьшаетъ силу собственно государства, но облегчаетъ существованіе личностей и создаетъ извѣстную легкость жизни и свободу, къ несчастію разрушаемую тираніею мѣстныхъ интересовъ. Несомнѣнно, развращенность кажется тутъ больше, чѣмъ въ монархіяхъ. Это зависитъ отъ многочисленности и разнообразія въ характерѣ людей, которые достигаютъ власти. Но эта развращенность менѣе была бы замѣтна, если бы лучше охранялась тайна. Недостатокъ сохраненія секретовъ и отсутствіе послѣдовательности въ планахъ дѣлаютъ всякое широкое предпріятіе невозможнымъ въ демократической республикѣ. Но такъ какъ эти предпріятія чаще всего разоряли народъ въ монархіяхъ, то я не особенно не доволенъ тѣмъ, что приходится жить при правительствѣ, которое неспособно на великіе замыслы **).

Право же, этотъ затравленный судьбой и людьми человѣкъ, этотъ скромный и разочарованный профессоръ провинціальнаго университета не такой педантъ и глупецъ, какъ хотятъ намъ представить націоналистическіе критики Анатоля Франса. Онъ въ сущности столь же мало глупъ, какъ и самъ авторъ, который, лишь вслѣдствіе своего тогдашняго скептицизма, боится сдѣлать изъ него положительнаго героя, а потому нарочно надѣляетъ его нѣкоторыми комическими чертами. Но вѣдь этими комическими чертами не обиженъ и „членъ Института Сильвестръ Боннаръ", который является уже положительнымъ героемъ изящнаго, но далеко не свободнаго отъ мѣщанской мелодраматичности романа, носящаго какъ разъ названіе своего главнаго дѣйствующаго лица.

Прислушайтесь далѣе къ слѣдующему разговору Бержерэ, уже

*) L. c., стр. 97.
**) L. c., стр. 228—229.

заключающему въ себѣ начало того публичнаго покаянія, какое Анатоль Франсъ принесетъ на могилѣ Зола, такъ строго и жестоко „раскритикованнаго“ имъ въ отзывѣ о „Землѣ“ и другихъ произведеніяхъ. Рѣчь идетъ объ обмѣнѣ мнѣній между Бержерэ и мѣстнымъ дворяниномъ, который „обвинялъ Зола въ возмутительной клеветѣ на крестьянъ какъ разъ въ „Землѣ“. И вотъ что отвѣчаетъ профессоръ, который „вышелъ изъ своей задумчивой печали“:

Обратите вниманіе, что крестьяне довольно охотно идутъ и на кровосмѣшеніе, и на пьянство, и на отцеубійство, какъ показалъ Зола. Ихъ отвращеніе къ осматриванію въ клиникѣ ничуть не доказываетъ ихъ цѣломудрія. Оно показываетъ лишь силу предразсудка у этихъ ограниченныхъ существъ. Предразсудки тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они проще, и т. д. *).

Меня, между прочимъ, удивляетъ, что французская критика, столь вообще внимательная къ своимъ крупнымъ писателямъ, не обратила вниманія на это интересное мѣсто, подтверждающее точку зрѣнія, которую я здѣсь развиваю, а именно, что Анатоль Франсъ „Вяза на городской площади“, конечно, еще не былъ Анатолемъ Франсомъ послѣдняго, дрейфусистскаго періода, но что въ немъ замѣчались уже кое-какіе элементы броженія, недовольства своимъ прежнимъ міровоззрѣніемъ и стремленія къ чему-то другому, новому и болѣе свѣжему, чѣмъ изящный мѣщанскій скептицизмъ.

Здѣсь, можетъ быть, будетъ кстати отвѣтить еще на одно возраженіе націоналистской критики. Она рѣшительно отрицаетъ какой бы то ни было процессъ броженія вродѣ упомянутаго мною у Анатоля Франса наканунѣ дѣла Дрейфуса. Такъ вотъ по поводу „Вяза на городской площади“ она подчеркиваетъ, что въ моментъ, когда писался этотъ романъ (въ 1896 г.), Франсъ былъ отчаяннымъ антисемитомъ и въ доказательство приводитъ выставленныхъ авторомъ въ столь невыгодномъ свѣтѣ префекта и префектшу изъ евреевъ. И тутъ надо, по моему мнѣнію, устранить недоразумѣніе.

Возможно, что до встряски, произведенной дѣломъ Дрейфуса, Анатоль Франсъ былъ антисемитомъ, или, точнѣе, игралъ въ антисемитизмъ, что болѣе подходитъ къ его тогдашнему скептическому порханію по разнымъ серьезнымъ вопросамъ. Во всякомъ случаѣ, игра въ антисемитизмъ была моднымъ времяпрепровожденіемъ довольно значительнаго числа образованныхъ французовъ въ 90-хъ годахъ, особенно послѣ дѣла Панамы съ ея Герцами, Рэнаками, Артонами и т. п. Но нельзя выводить прямого антисемитизма тогдашняго Франса изъ того только обстоятельства, что онъ изобразилъ такими неопредѣленными красками чету администраторовъ евреевъ. Это еще ничего не значитъ.

---

*) L. c., стр. 207.

Дѣло въ томъ, что, какъ я уже не разъ говорилъ читателю, знакомя его съ еврейскимъ вопросомъ во Франціи, еврейская нація является одной изъ самыхъ старыхъ культурныхъ и талантливыхъ націй, но въ качествѣ таковой обнаруживаетъ большой размахъ амплитуды колебаній въ хорошую и въ дурную сторону. Эта нація, — опять-таки, какъ я говорилъ,—„двулицый Янусъ", который поражаетъ яркостью своихъ психическихъ проявленій въ томъ и другомъ направленіи, въ положительномъ и въ отрицательномъ смыслѣ. Въ частности я сравнивалъ ее, напр., съ англо-саксонской расой, на которую она походитъ какъ своимъ выдающимся умѣньемъ работать въ области грубо-матеріальныхъ интересовъ, такъ и удивительной способностью безкорыстнаго идейнаго порыва вплоть до самыхъ мистическихъ стремленій. Она выдвинула Ротшильдовъ, Мирэсовъ и Герцовъ, но она же дала міру Спинозъ, Гейне и Марксовъ.

Несомнѣнно, что среди администраціи третьей республики евреи играли немаловажную роль, роль во всякомъ случаѣ превышающую ихъ незначительную пропорцію въ общемъ населеніи страны. И несомнѣнно, что на этомъ поприщѣ, гдѣ въ сущности дѣло идетъ въ концѣ-концовъ объ интересахъ имущихъ и правящихъ классовъ, иные изъ такихъ администраторовъ - евреевъ проявили рѣзко непріятныя и отталкивающія черты одной стороны своей націи, а именно, безпощадной практичности и умѣнья отстаивать себя въ борьбѣ за существованіе. Я это веду къ тому, что можно быть далеко не антисемитомъ, наоборотъ, можно даже высоко ставить интеллектуальную и идеалистическую сторону этой „расы", и въ то же время, оставаясь безпристрастнымъ къ ней, какъ ко всякой другой націи, не закрывать глазъ на другое лицо Януса, обращенное въ сторону стяжательства. На нашихъ глазахъ не видѣли-ли мы, въ противоположность воплямъ юдофобовъ, кричащихъ о силѣ всемірнаго кагала, не видѣли-ли мы, говорю я, Бернаровъ Лазаровъ въ рядахъ борцовъ за истину и справедливость, а Артура Мейера и Гастона Поллоннэ (онъ же Полякъ) въ черной арміи клерикаловъ и межъ мундировъ бунтующихъ противъ законнаго правительства генераловъ? Словомъ, тотъ фактъ, что Анатоль Франсъ взялъ типомъ префектовъ мелиновскаго направленія еврея, самъ по себѣ мало говоритъ о прежнемъ антисемитизмѣ нашего автора.

Кстати сказать, въ третьемъ томѣ своей тетралогіи,—„Аметистовомъ Кольцѣ",—который писался Анатолемъ Франсомъ уже въ то время, когда онъ сталъ не только убѣжденнымъ, но воинствующимъ дрейфусистомъ, въ этомъ третьемъ томѣ, тѣмъ не менѣе, фигурируетъ цѣлая семья въ высшей степени не симпатичныхъ евреевъ. Значитъ-ли это, что и тутъ Анатоль Франсъ былъ антисемитомъ? Нисколько, это значитъ только то, что въ качествѣ глубоко правдиваго сатирика общественной жизни Франціи

„конца вѣка“, нашъ авторъ изобразилъ дѣйствительность, какъ она была, и воспроизвелъ вполнѣ реальные типы.

Развѣ не списаны они съ натуры,—правда, списаны художественнымъ перомъ,—и эта чувственная, но скупая еврейка изъ Вѣны, носящая купленное за деньги имя баронессы де-Бонмонъ и старающаяся подешевле пріобрѣтать себѣ пылкихъ и сантиментальныхъ любовниковъ вплоть до свирѣпаго Рауля Марсьена (вылитаго Эстергази)? И ея циничный, но умный сынъ, который въ душѣ презираетъ католическую аристократію, но изъ тщеславія всячески втирается въ эту среду, не щадя отцовскаго состоянія? А братъ баронессы, такой же финансовый баронъ, де-Валльштейнъ, нажившійся беззастѣнчивыми спекуляціями за границей и пріѣхавшій во Францію, разыгрывая здѣсь, подобно своимъ родственникамъ, яраго антисемита? Развѣ эти юдофобы еврейскаго происхожденія не встрѣчались на каждомъ шагу въ періодъ дрейфусовской агитаціи, когда весь міръ былъ потрясенъ борьбой реакціи и прогресса во Франціи? Ясное дѣло, что изображать евреевъ въ несимпатичномъ освѣщеніи не значитъ еще быть антисемитомъ, но значитъ по возможности точно и рельефно воспроизводить дѣйствительную жизнь, въ которой хорошіе и дурные люди одинаково встрѣчаются среди различныхъ „расъ“ и націй...

Но возвратимся къ нашему Бержерэ, который уходитъ со страницъ „Вяза на городской площади“, чтобы появиться въ качествѣ окончательно несчастнаго и обманутаго мужа среди героевъ второго романа серіи, „Ивоваго манекена“. Здѣсь тѣ элементы намѣчавшагося нравственнаго переворота, которые я старался уловить въ первомъ романѣ, обнаруживаются еще рѣзче. И достаточно процитировать слѣдующую мысль Бержерэ о французскомъ военномъ кодексѣ, чтобы видѣть, какъ уже близко порою злополучный профессоръ подходитъ къ взглядамъ Анатоля Франса въ тотъ моментъ, когда онъ бросится въ страстную идейную и политическую борьбу:

Остатки варварства, сказалъ г. Бержерэ, до сихъ поръ еще существуютъ въ современной цивилизаціи. Нашъ военный кодексъ, напр., сдѣлаетъ насъ ненавистными всѣмъ людямъ въ ближайшемъ будущемъ. Этотъ сводъ законовъ былъ составленъ для полчищъ тѣхъ вооруженныхъ разбойниковъ, которые опустошали Европу въ 18-мъ вѣкѣ. Онъ былъ сохраненъ республикой въ 1792 г. и разработанъ въ цѣлую систему въ первой половинѣ 19-го вѣка. Замѣнивъ профессіональную армію всей націей, мы забыли, однако, измѣнить кодексъ. Нельзя, видно, подумать обо всемъ. И вотъ эти-то ужасные законы, составленные для пандуровъ, теперь примѣняются къ молодымъ запуганнымъ крестьянамъ, къ городскимъ мальчикамъ, которыми такъ легко было бы руководить при помощи кротости. И это кажется естественнымъ! *).

---

*) *Le Mannequin d'osier*; 60-е изд., стр. 211.

Не надо лишь преувеличивать пропорцію такихъ взглядовъ, которые показались бы Анатолю Франсу чудовищными всего нѣсколько лѣтъ (вспомните его критику „Кавалериста Мизерэ"),— не надо, говорю я, преувеличивать пропорцію этихъ взглядовъ въ общемъ міровоззрѣніи автора „Ивоваго манекена". Ибо рядомъ съ прогрессивными идеями вы встрѣчаетесь еще на устахъ Бержерэ съ обычными скептическими взглядами буржуа на невозможность хоть мало-мальски улучшить положеніе всего человѣчества. Такъ, у злополучнаго профессора вырывается съ какою то тихою горечью такая фраза:

Трудно себѣ представить, какъ это разсудительные и находящіеся въ своемъ умѣ люди могутъ только питать надежду сдѣлать когда-нибудь болѣе сноснымъ пребываніе на этомъ маленькомъ шарикѣ, который, неуклюже вертясь вокругъ желтаго и уже на половину потемнѣвшаго солнца, носитъ насъ, словно какихъ-то мельчайшихъ гадовъ, на своей заплесневѣлой поверхности. Великій фетишъ, какъ мнѣ кажется, положительно не заслуживаетъ обожанія *).

Но не бойся я черезчуръ перехитритрить этими параллельными объясненіями психологіи Бержерэ и самого Анатоля Франса, я и тутъ обратилъ бы вниманіе читателя на то, что переворотъ, совершавшійся съ лучшими представителями буржуазіи во время дѣла Дрейфуса, былъ именно таковъ по своему ходу, какимъ изображается здѣсь не согласованное между собою въ малыхъ частяхъ міровоззрѣніе Бержерэ. И Анатоль Франсъ, и Прессансэ, и Зола,—всѣ они вступили въ борьбу по частному поводу, возмущенные несправедливостью военной юриспруденціи, этихъ „остатковъ варварства", какъ выражается профессоръ Бержерэ. И въ началѣ ихъ общее міровоззрѣніе оставалось проникнуто тѣмъ самымъ соціальнымъ пессимизмомъ, который обнаруживается опять-таки нашимъ Бержерэ въ его ипохондрическихъ разсужденіяхъ „о маленькомъ шарикѣ". Лишь постепенно увлекаемые все болѣе и болѣе разгоравшейся борьбой, они переходили отъ одного пункта неправды къ другому и, наконецъ, пришли къ заключенію о необходимости общей реформы мѣщанскаго строя и о возможности болѣе человѣческаго существованія „мельчайшихъ гадовъ"...

Во всякомъ случаѣ, когда профессоръ Бержерэ въ концѣ „Ивоваго манекена" находитъ въ себѣ силы бороться съ заѣдавшей его вѣкъ женой и, наконецъ, благодаря своей настойчивости и энергіи, отдѣлывается отъ этой тиранившей и обманывавшей его женщины, это освобожденіе является какъ-бы символическимъ выраженіемъ того, что надъ душой буржуазнаго скептика разразился переворотъ; что отнынѣ душевное броженіе не остановится, и что грустный и загнанный профессоръ уже готовъ пре-

*) L. c., стр. 219.

вратиться въ убѣжденнаго и энергичнаго борца за прогрессъ. Бержерэ „Аметистоваго кольца", а еще больше „Бержерэ въ Парижѣ" является уже, дѣйствительно, передъ глазами читателя пламеннымъ дрейфусистомъ и сторонникомъ міровоззрѣнія, къ которому придетъ и самъ Анатоль Франсъ. Бержерэ превращается въ Анатоля Франса, Анатоль Франсъ говоритъ устами Бержерэ: писатель и изображаемый имъ герой сливаются.

Здѣсь я могу остановиться. Я пишу здѣсь этюдъ объ Анатолѣ Франсѣ, а не подробную критику его произведеній. Отсылая читателя къ двумъ послѣдующимъ томамъ тетралогіи и дальнѣйшимъ вещамъ Анатоля Франса, я могу считать свою роль законченной. Мнѣ удалось подмѣтить, какъ мнѣ кажется, нѣкоторые симптомы перехода, броженія автора уже въ первыхъ двухъ романахъ серіи. Присоедините къ этому процессу безпокойнаго настроенія художника реальную встряску, которою было для столь многихъ интеллигентныхъ французовъ дѣло Дрейфуса, и вы можете объяснить себѣ превращеніе прежняго Анатоля Франса въ современнаго.

Мнѣ остается лишь отчасти повторить, отчасти выразить теперь въ болѣе опредѣленной формѣ мысль, высказанную мною выше. Между прежнимъ и современнымъ Анатолемъ Франсомъ есть, несомнѣнно, очень большая разница, и скрывать это безполезно. Но внимательно всматриваясь въ эволюцію художественнаго творчества нашего автора, можно всетаки, какъ мнѣ думается, найти нѣкоторый мостикъ между двумя аватарами одного и того-же человѣка. Дѣло заключалось, повидимому, въ томъ, что Анатоль Франсъ испыталъ потребность приложить къ явленіямъ, останавливающимъ на себѣ его художественное вниманіе, уже вполнѣ цѣльный и послѣдовательный скептицизмъ, а не тотъ элегантный и поверхностный скептицизмъ, который какъ разъ съ почтеніемъ останавливался передъ идолами и даже маленькими кумирчиками мѣщанскаго общества. Укрѣпилъ-же его въ этомъ намѣреніи самый характеръ явленій, а именно, будничная жизнь провинціальной Франціи, при наблюденіи которой нашего изящнаго эпикурейца меньше смущали желаніе филиграновой психологической работы и привычка черезчуръ отдаваться книжнымъ отступленіямъ и литературнымъ экскурсіямъ. Въ этомъ болѣе непосредственномъ общеніи съ соціальной жизнью страны и развернулся во всю широту до тѣхъ поръ черезчуръ тонкій и играющій въ эстетическія бирюльки талантъ автора. Выводъ, который можетъ только радовать тѣхъ, кто полагаетъ, что искусство, служащее интересамъ жизни, даетъ большій просторъ развитію природнаго таланта, чѣмъ искусство для искусства.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ особенностяхъ художественнаго темперамента Анатоля Франса. Главная сила этого писателя не въ могуществѣ, а въ тонкости и сложности создаваемыхъ имъ образовъ. И если бы нашъ авторъ не былъ натолкнутъ самою жизнью на мысль обратиться къ общественной сатирѣ; если бы онъ не написалъ романовъ, посвященныхъ „современной исторіи", то мы, пожалуй бы, и не подозрѣвали, что въ его талантѣ есть способность творить рельефные, жизненные, порою высоко комическіе, порою поистинѣ трагическіе типы, выхваченные изъ самой дѣйствительности, но умышленно подчеркнутые, преувеличенные, почти символическіе, какъ то и должно быть въ соціальной сатирѣ. Отсюда то интересное явленіе, что многіе изъ художественно очерченныхъ Франсомъ героевъ его „Современной исторіи" кажутся срисованными съ конкретныхъ личностей, тогда какъ въ сущности они представляютъ артистическое обобщеніе цѣлаго ряда живыхъ людей. Читатели „Современной исторіи" забавлялись игрою въ ребусы, стараясь отгадать въ дѣйствующихъ лицахъ знаменитой тетралогіи Эстергази, генерала Мерсье, Рошфора, маркиза-де-Кастеллани и т. д., и, дѣйствительно, находили то въ томъ, то въ другомъ героѣ Анатоля Франса вполнѣ реальныхъ актеровъ міровой драмы, извѣстной подъ именемъ „дѣла Дрейфуса". Но въ сущности типы „Современной исторіи"—художественныя обобщенія, собирательные портреты цѣлыхъ группъ родственныхъ характеровъ и умовъ.

Во всякомъ случаѣ, эта способность создавать сравнительно простыя, но глубоко жизненныя фигуры является не главной чертой таланта Анатоля Франса. Она проявилась, какъ мы видѣли, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и, къ сожалѣнію—высказываю, конечно, личный взглядъ,—къ сожалѣнію, отступаетъ на задній планъ передъ преобладащею склонностью автора работать надъ созданіемъ сложныхъ, утонченныхъ и—почему бы этого не сказать?—книжныхъ характеровъ. Большая половина жизни автора прошла подъ вліяніемъ эстетическихъ требованій и вкусовъ буржуазной интеллигенціи. Онъ былъ настоящимъ сыномъ этой среды со своимъ раннимъ эпикурействомъ, продолжительнымъ скептицизмомъ (читатель припомнитъ, впрочемъ, съ какими ограниченіями по отношенію къ идоламъ мѣщанства), художественнымъ безразличіемъ къ основнымъ вопросамъ жизни громаднаго большинства. И въ силу самой образованности и литературной начитанности своей онъ наслаждался прежде всего и больше всего созданіемъ такихъ типовъ, въ которыхъ зачастую вы можете встрѣтить лишь новую комбинацію старыхъ, извѣстныхъ типовъ литературы.

Анатоль Франсъ—прежде всего „литературщикъ",—простите мнѣ это нѣсколько босяцкое, но довольно точное опредѣленіе его артистическаго темперамента. Не смотря на всю тонкость, все

искусство его художественныхъ пріемовъ, вы безъ труда откроете въ Анатолѣ Франсѣ книжный педантизмъ, очень ловко прячущійся за коварную простоту изложенія, но, тѣмъ не менѣе, сохраняющій свои основныя черты. Когда читаешь Анатоля Франса „первой манеры“, невольно вспоминаются типы эпикурейцевъ-эллинистовъ изъ монаховъ временъ Возрожденія, которые съ одинаковой нѣжностью будутъ вамъ гладить своей пухлой рукой базельское изданіе комедій Аристофана, артистическій переплетъ какого нибудь великаго мастера своего дѣла, въ родѣ Жана Гроллье, и запыленную бутылку стараго бургонскаго, вознося восторженный акафистъ къ „доброму и сладкому вину“:

Ave, placens in colore
Dulce linguae vinculum!...

Таково въ сущности отношеніе прежняго Анатоля Франса къ своимъ типамъ и сюжету своихъ романовъ. Это прежде всего сладострастный эпикуреизмъ жуира-начетчика, который, по поводу какой-нибудь черты въ характерѣ своего героя или пассажа въ его приключеніяхъ, пускается въ тонкія литературныя воспоминанія, историческія экскурсіи, художественныя диссертаціи, ходя гораздо больше кругомъ да около предмета своего произведенія, чѣмъ занимаясь непосредственнымъ творчествомъ.

О, я знаю, что есть масса любителей этой утонченно-педантической манеры Анатоля Франса. Но на то они и снобы. Подумайте, восторгаясь этими изящными, но чисто книжными отступленіями, они выдаютъ сами себѣ патентъ на изящный вкусъ и эстетическую эрудицію, можетъ быть, и не подозрѣвая, что надъ людьми этой категоріи жестоко подсмѣялся извѣстный эстетъ-соціалистъ Моррисъ, который по поводу своихъ художественныхъ ковровъ въ средневѣковомъ вкусѣ любилъ говорить своимъ интимнымъ друзьямъ: „одна бѣда, что ихъ покупаютъ всего чаще глупцы“!

И эта книжная, педантическая манера, не смотря на тонкій художественный вкусъ Анатоля Франса, заводитъ автора порою въ такія дебри „литературщины“, что живой читатель едва удерживается отъ того, чтобы нетерпѣливой рукой не перемахнуть сразу нѣсколько страницъ. Я понимаю, что когда дѣло идетъ о воспроизведеніи какой-нибудь исторической эпохи въ ея интеллектуальныхъ особенностяхъ, такой пріемъ можетъ быть очень къ мѣсту. Вспомните, какой рядъ интересныхъ философскихъ разговоровъ завязывается на пиру у Луція Аврелія Котты, „префекта флота“ (въ „Таисѣ“). Но, съ другой стороны, если вы хотите быть искренны, то согласитесь со мной, что нѣтъ ничего скучнѣе разглагольствованій алхимика на первыхъ ста страницахъ „Съѣстной лавки подъ вывѣскою Королевы—Гусиныя Лапки“.

Говоря такъ, я не думаю, однако, подчеркивать эти недостатки

или, если хотите, эти особенности Анатоля Франса. Я желаю лишь по возможности поставить передъ вами съ разныхъ сторонъ и въ разномъ освѣщеніи высоко талантливаго и сложнаго автора, составляющаго во всякомъ случаѣ одну изъ „славъ“ современной французской, да, пожалуй, и всемірной литературы. И хотѣлось-бы думать, что судьба еще надолго сбережетъ намъ этого интереснѣйшаго, изящнѣйшаго и умнѣйшаго писателя Третьей республики.

Я написалъ эти заключительныя строки и горько задумался: нѣтъ больше того, кто съ такимъ пониманіемъ, вкусомъ, съ такимъ участіемъ къ совершенно одинокому и неизвѣстному писателю, живущему на чужбинѣ, направлялъ мою литературную дѣятельность и, можно сказать, своими совѣтами и указаніями установилъ характеръ моихъ корреспонденцій изъ Франціи. Все, что могло интересовать въ нихъ читателя, должно быть отнесено въ счетъ необыкновеннаго ума, общественнаго аффекта и высокаго литературнаго вкуса Н. К. Михайловскаго; недостатки принадлежатъ одному мнѣ. Это онъ предложилъ мнѣ попробовать свои силы на письмахъ изъ Франціи; онъ совѣтовалъ обращать вниманіе на „длящіяся явленія“ здѣшней жизни; онъ мнѣ указалъ на необходимость расширить прежнія принятыя у насъ рамки чисто политическихъ корреспонденцій и, не состязаясь съ газетными „ловителями момента“, ввести въ мои письма культурный и соціальный элементъ въ широкомъ смыслѣ этого слова; онъ рекомендовалъ сближеніе фактовъ жизни и литературы; наконецъ, ему же принадлежитъ мысль ряда этюдовъ, который я озаглавилъ „Галлереею французскихъ знаменитостей“...

Онъ уже не будетъ больше читать этихъ писемъ съ тою доброжелательною бережностью, которая позволяла мнѣ свободно проявлять въ нихъ свою индивидуальность со всѣми ея недостатками и которая меня всегда глубоко трогала со стороны одного изъ крупнѣйшихъ писателей Россіи, вызывавшаго какъ разъ лживыя нареканія клеветниковъ въ „генеральствѣ“ и молочной нетерпимости.

Мнѣ остается лишь выразить здѣсь же, на страницахъ „Русскаго Богатства“, глубокое почтеніе и идейную любовь къ памяти того, кто сорокъ лѣтъ стоялъ, боролся и умеръ среди борьбы „на славномъ посту“!.. Русскіе граждане! поклонитесь ему, служившему всю жизнь свою свѣту и истинѣ!.. Знаете-ли вы, кого потеряли—и въ какой моментъ?..

Н. Е. Кудринъ.

Политика.

Русско-Японская война.

I.

28 янв. настоящаго 1904 года былъ обнародованъ Высочайшій Манифестъ нижеслѣдующаго содержанія:

БОЖІЕЮ ПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТЬЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Московскій, Кіевскій, Владимирскій, Новогородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскій, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Въ заботахъ о сохраненіи дорогого сердцу Нашему мира, Нами были приложены всѣ усилія для упроченія спокойствія на Дальнемъ Востокѣ. Въ сихъ миролюбивыхъ цѣляхъ Мы изъявили согласіе на предложенный Японскимъ Правительствомъ пересмотръ существовавшихъ между обѣими Имперіями соглашеній по Корейскимъ дѣламъ. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены къ окончанію, и Японія, не выждавъ даже полученія послѣднихъ отвѣтныхъ предложеній Правительства Нашего,

извѣстила о прекращеніи переговоровъ и разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Россіею.

Не предувѣдомивъ о томъ, что перерывъ таковыхъ сношеній знаменуетъ собою открытіе военныхъ дѣйствій, Японское правительство отдало приказъ своимъ миноносцамъ внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ Артура.

По полученіи о семъ донесенія Намѣстника Нашего на Дальнемъ Востокѣ, Мы тотчасъ же повелѣли вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи.

Объявляя о таковомъ рѣшеніи Нашемъ, Мы съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго и въ твердомъ упованіи на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ встать вмѣстѣ съ Нами на защиту Отечества, призываемъ благословеніе Божіе на доблестныя Наши войска арміи и флота.

Данъ въ Санктъ Петербургѣ въ двадцать седьмый день Января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, Царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

Нѣсколько раньше Высочайшаго Манифеста появилось „Правительственное сообщеніе“:

„Въ минувшемъ году токійскій кабинетъ, подъ предлогомъ установленія равновѣсія и болѣе прочнаго порядка вещей на берегахъ Тихаго океана,—обратился къ императорскому правительству съ предложеніемъ о пересмотрѣ существующихъ договоровъ по дѣламъ корейскимъ,—на что Россія изъявила согласіе.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, въ виду учрежденія къ тому времени намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ, составленіе проекта новаго соглашенія съ Японіею поручено было генералъ-адъютанту Алексѣеву, при участіи россійскаго посланника въ Токіо, на коего возложено было веденіе переговоровъ съ японскимъ правительствомъ.

Не смотря на то, что возбужденный по сему предмету съ августа минувшаго года обмѣнъ взглядовъ съ токійскимъ кабинетомъ сохранялъ дружественный характеръ, какъ извѣстно, японскіе общественные кружки, мѣстная, а также иностранная печать всячески старались вызвать воинственное броженіе среди японцевъ и побудить правительство къ вооруженной борьбѣ съ Россіей.

Подъ вліяніемъ таковаго настроенія токійскій кабинетъ сталъ проявлять все большую и большую притязательность въ перего-

ворахъ, принимая одновременно самыя широкія мѣры къ приведенію страны въ боевую готовность.

Всѣ обстоятельства эти не могли, конечно, нарушить спокойствія Россіи, но побудили ее сдѣлать и съ своей стороны соотвѣтствующія военно-морскія распоряженія. Тѣмъ не менѣе, одушевленная искреннимъ желаніемъ сохранить миръ на Дальнемъ Востокѣ—поскольку-то позволяли ея неоспоримые права и интересы,—Россія съ должнымъ вниманіемъ отнеслась къ заявленіямъ токійскаго правительства и выразила готовность признать, на основаніи условій соглашенія преимущественное торгово-экономическое положеніе Японіи на Корейскомъ полуостровѣ, съ предоставленіемъ ей права охраны таковаго военною силою, въ случаѣ безпорядковъ въ странѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, строго придерживаясь основнаго начала своей политики по отношенію къ Кореѣ, независимость, территоріальная неприкосновенность коей обезпечивались какъ предшествующими соглашеніями съ Японіею, такъ и договорами, заключенными другими державами,—Россія не могла не настаивать:

1) на взаимномъ и безусловномъ обезпеченіи этого основнаго начала; 2) на обязательствѣ не пользоваться никакою частью корейской территоріи для стратегическихъ цѣлей, ибо допущеніе подобнаго дѣйствія со стороны какой-либо иностранной державы прямо противорѣчило бы принципу самостоятельности Кореи, и, наконецъ, 3) на охранѣ полной свободы плаванія черезъ Корейскій проливъ.

Выработанный въ этомъ смыслѣ проектъ соглашенія не удовлетворилъ, однако, японское правительство, которое въ послѣднихъ своихъ предложеніяхъ не только уклонилось отъ принятія условій, являвшихся гарантіею независимости Кореи, но вмѣстѣ съ тѣмъ стало настаивать на включеніи въ помянутый проектъ постановленій, касающихся манчжурскаго вопроса.

Таковыя притязанія Японіи, конечно, не могли быть допустимы.

Вопросъ о положеніи Россіи въ Манчжуріи касается прежде всего самого Китая, а затѣмъ и всѣхъ Державъ, имѣющихъ торговые интересы въ Поднебесной имперіи; посему Императорское Правительство не видѣло рѣшительно основаній включать въ отдѣльный договоръ съ Японіею по корейскимъ дѣламъ какія-либо постановленія, относящіяся къ занятой русскими войсками области.

Императорское Правительство къ тому же не отказывается признавать, на время военной окупаціи Манчжуріи, какъ верховную власть богдыхана въ этой области, такъ и преимущества, пріобрѣтенныя Державами, въ силу заключенныхъ ими договоровъ съ Китаемъ, о чемъ уже было сдѣлано соотвѣтствующее заявленіе иностраннымъ Кабинетамъ.

Въ виду сего Императорское правительство, поручая представителю въ Токіо передать свой отвѣтъ на послѣднія японскія предложенія, вправѣ было разсчитывать, что токійскій кабинетъ приметъ во вниманіе значеніе вышеизложенныхъ соображеній и оцѣнитъ проявленное Россіею желаніе придти къ мирному соглашенію съ Японіею.

Между тѣмъ японское правительство, не выждавъ даже полученія этого отвѣта, рѣшило прекратить переговоры и прервать дипломатическія сношенія съ Россіею.

Возлагая на Японію всю отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія отъ таковаго образа дѣйствій ея, — Императорское Правительство будетъ выжидать развитія событій и при первой же необходимости приметъ самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ своихъ правъ и интересовъ на Дальнемъ Востокѣ“.

(„Прав. Вѣстн.“).

Черезъ недѣлю появилось второе сообщеніе, и вслѣдъ затѣмъ циркулярная нота русскимъ посламъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ:

Въ „Правит. Вѣстникѣ“ напечатано:

„Прошла недѣля, какъ вся Россія обуреваема чувствами самаго глубокаго негодованія на врага, который неожиданно прервалъ шедшіе переговоры и ударомъ изъ за угла хотѣлъ пріобрѣсти дешевый успѣхъ въ давно желанной имъ войнѣ. Все русское общество съ понятнымъ нетерпѣніемъ желаетъ скораго возмездія и съ лихорадочнымъ чувствомъ ждетъ извѣстій съ Дальняго Востока. Единеніе и мощь русскаго народа наврядъ-ли позволяютъ кому либо въ свѣтѣ сомнѣваться въ томъ, что Японія понесетъ достойную кару за свое вѣроломство и за нарушеніе мира, сохраненіе котораго для всѣхъ народовъ являлось всегдашнимъ желаніемъ нашего обожаемаго Монарха. Но вся обстановка войны заставляетъ насъ терпѣливо ожидать извѣстій объ успѣхахъ нашего оружія, которые могутъ сказаться не ранѣе начала рѣшительныхъ дѣйствій русской арміи.

„Нападеніе на самую отдаленную часть нашей территоріи, отстоящую отъ центра государства на многія тысячи верстъ, и искреннее желаніе нашего правительства сохранить миръ, что дѣлало невозможнымъ заблаговременную подготовку къ войнѣ, заставляетъ насъ употребить не мало времени для того, чтобы начать наносить Японіи такіе удары, которые соотвѣтствовали бы могуществу Россіи и при наименьшемъ пролитіи дорогой русской крови были бы достойнымъ возмездіемъ націи, дерзко вызвавшей насъ на бой. Пусть все русское общество терпѣливо ожидаетъ грядущихъ событій, вполнѣ увѣренное, что наша армія заставитъ сторицею заплатить за брошенный намъ вызовъ. Серьезныя опе-

раціи на сушѣ начнуться еще не скоро и мы не должны и не можемъ ожидать быстрыхъ извѣстій о нашихъ дѣйствіяхъ на театрѣ войны. Напрасно проливать русскую кровь для быстрой отплаты нашимъ врагамъ было бы недостойно величія и мощи Россіи. Наше Отечество выказало въ эти дни такое единеніе и такое желаніе жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ на пользу дорогой Родины, что, безъ сомнѣнія, всякое достовѣрное извѣстіе съ театра войны будетъ немедленнымъ достояніемъ всего русскаго общества".

Циркулярное сообщеніе Министра Иностранныхъ Дѣлъ россійкимъ представителямъ за границею, отъ 9-го февраля 1904 года:

„Съ минуты разрыва, послѣдовавшаго между Россіей и Японіею,—образъ дѣйствій токійскаго правительства представляетъ собою явное попраніе общепринятыхъ постановленій, опредѣляющихъ взаимныя отношенія между цивилизованными государствами.

Не входя нынѣ въ разсмотрѣніе вообще всѣхъ отдѣльныхъ нарушеній Японіею помянутыхъ постановленій, Императорское правительство считаетъ необходимымъ привлечь самое серьезное вниманіе Державъ на насильственныя мѣропріятія, къ которымъ прибѣгло японское правительство по отношенію къ Кореѣ.

Независимость и неприкосновенность Кореи, какъ вполнѣ самостоятельнаго государства, была признана всѣми Державами. Незыблемость этихъ основныхъ принциповъ подтверждена статьею первою симоносекскаго трактата, договоромъ, спеціально съ этой цѣлью заключеннымъ между Англіею и самою Японіею 17-го (30-го) января 1902 года, а также франко-русскою декларацією 3-го (16-го) марта того же 1902 года.

Предвидя опасность возможнаго столкновенія между Россіею и Японіею, Корейскій Императоръ въ самомъ началѣ минувшаго января обратился циркулярно по телеграфу ко всѣмъ Державамъ съ заявленіемъ о принятомъ имъ рѣшеніи соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Завленіе это было сочувственно встрѣчено и принято къ свѣдѣнію большинствомъ Державъ, въ томъ числѣ и Россіею. Великобританское правительство, подписавшее совмѣстно съ Японіею вышеупомянутый договоръ 17-го (30-го) января 1902 года, какъ сообщалъ россійскій посланникъ въ Кореѣ, поручило черезъ своего представителя въ Сеулѣ оффиціальною нотою передать Корейскому императору благодарность за сдѣланное лондонскому кабинету заявленіе о сохраненіи Кореею, въ случаѣ разрыва между Японіею и Россіею, строгаго нейтралитета.

Не взирая на всѣ эти обстоятельства, японское правительство, вопреки всѣмъ договорамъ, своимъ собственнымъ обязательствамъ и въ противность основнымъ законамъ международнаго права, какъ это выяснилось нынѣ на основаніи точныхъ, вполнѣ провѣренныхъ данныхъ:

1) Приступило, до открытія военныхъ дѣйствій противъ Рос-

сіи,—къ высадкѣ своихъ войскъ въ предѣлы независимаго Корейскаго государства, заявившаго о соблюденіи имъ нейтралитета.

2) Совершило отрядомъ своей эскадры внезапное нападеніе 26-го января, т. е. за три дня до объявленія войны, на находившіеся въ нейтральномъ портѣ Чемульпо—два русскихъ военныхъ корабля, командиры коихъ не могли быть извѣщены о разрывѣ сношеній съ Японіей, вслѣдствіе злоумышленнаго передъ тѣмъ прекращенія японцами передачи русскихъ телеграммъ, по кабелю, принадлежащему датскому обществу, и порчи корейскихъ правительственныхъ телеграфныхъ проводовъ.

Подробности возмутительной аттаки, коей подверглись вышеозначенныя русскія суда, заключаются въ опубликованной оффиціальной телеграммѣ россійскаго посланника въ Сеулѣ.

3) Вопреки существующимъ на сей предметъ международнымъ постановленіямъ и за нѣсколько времени до открытія военныхъ дѣйствій, захватило, въ качествѣ военной добычи, русскія коммерческія суда, находившіяся въ нейтральныхъ корейскихъ портахъ.

4) Заявило Корейскому Императору черезъ японскаго посланника въ Сеулѣ, что отнынѣ Корея будетъ находиться подъ управленіемъ Японіи, предупредивши, что, въ случаѣ непокорности, японскія войска займутъ дворецъ.

5) Обратилось черезъ французскаго посланника къ русскому оффиціальному представителю при Корейскомъ Императорѣ съ предложеніемъ о выѣздѣ изъ страны со всѣмъ составомъ миссіи и консульствъ.

Признавая, что всѣ перечисленные факты составляютъ вопіющее нарушеніе общепринятыхъ законовъ международнаго права, Императорское Правительство нынѣ же считаетъ долгомъ передъ всѣми державами заявить о своемъ протестѣ противъ образа дѣйствій японскаго правительства въ полной увѣренности, что всѣ государства, которыя дорожатъ началами, обезпечивающими ихъ взаимныя отношенія, раздѣлятъ точку зрѣнія Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Императорское Правительство находитъ необходимымъ заранѣе предупредить, что, вслѣдствіе незаконнаго захвата Японіею власти въ Кореѣ,—оно признаетъ недѣйствительными всѣ тѣ распоряженія и заявленія, которыя послѣдовали бы отъ имени корейскаго правительства.

Благоволите сообщить объ этомъ правительству, при коемъ вы аккредитованы".

II.

Надеждамъ, которыми мы заключили нашу послѣднюю бесѣду, судьба не дала осуществиться. Миръ нарушенъ и Россія вовлечена

въ войну, самой Россіи менѣе всего нужную, тяжелую по отдаленности театра военныхъ дѣйствій и не обѣщающую даже въ случаѣ полнаго успѣха никакихъ такихъ выгодъ, которыя хотя бы отчасти искупили жертвы и людьми, и деньгами... Все это такъ, но теперь уже поздно объ этомъ сѣтовать. Приходится воевать и единственно, о чемъ еще можно заботиться, это по возможности локализовать войну и по возможности скорѣе ее окончить на основахъ, прочно обезпечивающихъ миръ на Дальнемъ Востокѣ.

Теперь уже едва-ли можно сомнѣваться, что Японія давно задумала войну съ Россіей, дѣятельно къ ней готовилась и, какъ только почувствовала себя готовою, начала войну. Когда въ 1895 году Россія, при поддержкѣ Германіи и Франціи, заставила Японію очистить Ляодунскій полуостровъ и юго-восточную Манчжурію, затѣмъ пріобрѣла у Китая часть этой территоріи, а въ 1900 году оккупировала Манчжурію, для японцевъ стало ясно, что ихъ планы о первенствѣ на Дальнемъ Востокѣ и о распространеніи ихъ господства на сосѣднія части азіятскаго материка встрѣчаютъ неодолимыя препятствія, главнымъ образомъ, въ Россіи. Они, однако, рѣшили одолѣть эти неодолимыя препятствія. Средствомъ для этого было прежде всего господство на морѣ. Въ то время, 1894—95 гг. Россія и Японія были совершенно несоизмѣримыми величинами на морѣ. Россія имѣла 16 эскадренныхъ броненосцевъ, и даже безъ черноморскихъ девять, Японія же только одинъ взятый у китайцевъ „Чинъ-Іенъ-Го“ (7,400 тоннъ водоизмѣщенія при 14 орудіяхъ), который по своей конструкціи и силѣ скорѣе приближался съ броненосцамъ береговой обороны. Не лучше для японцевъ было и отношеніе флотовъ крейсереваго, миноносцаго и берегового... Они немедленно рѣшили всѣ эти отношенія измѣнить и, пожертвовавъ огромными средствами, они этого достигли. Уже въ 1897 году они получили изъ Англіи заказанные тамъ три года назадъ эскадренные броненосцы „Яшима“ и „Фуджи“, могущественные гиганты по 12,300 тоннъ водоизмѣщенія и по 4000 фунтовъ выбрасываемыхъ однимъ залпомъ снарядовъ. Тогда же, въ 1897 году, японцы заказали въ Англіи еще четыре броненосца, еще болѣе значительныхъ и могущественныхъ, которые и получили въ прошломъ 1903 году: трое по 15,000 тоннъ водоизмѣщенія, а четвертый даже 15,200. Такое же гигантское усиліе сдѣлала Японія и для умноженія средствъ флота, крейсереваго, миноносцаго и берегового. Шесть броненосныхъ крейсеровъ I ранга, 9 защитныхъ крейсеровъ I ранга, 5 защитныхъ быстроходныхъ крейсеровъ II ранга, 2 минныхъ крейсера, 34 мореходныхъ миноносца, минный транспортъ, 66 береговыхъ миноносцевъ,—вотъ что было заказано японцами въ 1897 году и что было ими получено въ 1901—1903 гг. До этого они уже имѣли 1 защитный крейсеръ I ранга, 1 защитный крейсеръ II ранга (купленъ былъ

у Бразиліи), 12 защитныхъ крейсеровъ III и IV ранговъ, 1 минный крейсеръ, 1 мореходный миноносецъ, 24 береговыхъ. Кромѣ того, стараго типа: броненосный фрегатъ, 2 броненосныхъ канонерки, 3 крейсера, 3 корвета, 15 канонерокъ и т. д.; великолѣпно оборудованные и снабженные доки, адмиралтейства, арсеналы. Личный составъ прошелъ англійскую школу, да и по природѣ японцы отличные моряки.

Противъ кого могли быть направлены эти разорительныя для бѣдной страны огромныя приготовленія? Противъ Китая такихъ усилій не надо. Противъ Англіи ихъ слишкомъ мало, да англичане и дружили съ японцами...

III.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ мы находимъ слѣдующее документальное изложеніе хода переговоровъ, предшествовавшихъ разрыву:

„3-го (16-го) января, — по полученіи телеграфнаго сообщенія Намѣстника о послѣднихъ японскихъ предложеніяхъ по проекту соглашенія,—Императорское правительство приступило къ тщательному ихъ изученію.

„12-го (25-го) января — на запросъ японскаго посланника въ Петербургѣ—къ какому времени можно приблизительно ожидать отвѣта русскаго правительства, г. Курино былъ увѣдомленъ, что Государю Императору благоугодно было назначить для всесторонняго обсужденія таковаго отвѣта, по соотвѣтствующемъ сношеніи съ подлежащими вѣдомствами и съ Намѣстникомъ, особое совѣщаніе, которое состоится въ четвергъ, 15-го (28-го) января, и что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Высочайшее рѣшеніе будетъ принято не ранѣе 20-го января (2-го февраля).

„20-го января (2-го февраля) Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть изготовить, на основаніи заключенія особаго совѣщанія, проектъ окончательныхъ инструкцій для россійскаго посланника въ Токіо.

„21-го января (3-го февраля) — въ силу помянутаго Высочайшаго повелѣнія, Намѣстнику на Дальнемъ Востокѣ были отправлены три телеграммы, заключавшія полный текстъ проекта соглашенія съ Японіей, всѣ доводы и соображенія, коими Императорское Правительство руководствовалось при введеніи нѣкоторыхъ поправокъ въ послѣднія японскія предложенія, и, наконецъ, общія указанія, коими Намѣстнику поручалось снабдить россійскаго посланника въ Токіо—для передачи отвѣта японскому правительству.

„Для выигрыша времени, всѣ означенныя телеграммы въ тотъ-же день были отправлены непосредственно и барону Розену.

„22-го января (4 го февраля) — стало быть, за 48 часовъ до полученія отъ токійскаго правительства извѣщенія о разрывѣ сношеній,—министръ иностранныхъ дѣлъ въ письмѣ къ пребывавшему въ С.-Петербургѣ японскому посланнику—сообщилъ о состоявшейся передачѣ барону Розену отвѣтныхъ предложеній Россіи.

„23-го января (5-го февраля) отъ Намѣстника было получено извѣщеніе о своевременной передачѣ имъ въ Токіо всѣхъ телеграммъ, заключавшихъ отвѣтныя предложенія Россіи.

„Въ субботу, 24-го января (6-го февраля), въ 4 часа дня японскій посланникъ въ С.-Петербургѣ, совершенно неожиданно препроводилъ министру иностранныхъ дѣлъ двѣ ноты, изъ коихъ въ первой сообщалось о прекращеніи токійскимъ правительствомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, подъ вымышленнымъ, какъ видно изъ предыдущаго, предлогомъ, будто Россія уклоняется отъ отвѣта на японскія предложенія; а во второй—о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между обоими Государствами съ извѣщеніемъ о предстоявшемъ 28-го января выѣздѣ всего состава японской миссіи изъ С.-Петербурга.

„Обѣ означенныя ноты сопровождались частнымъ письмомъ японскаго посланника къ министру иностранныхъ дѣлъ, коимъ г. Курино выражалъ надежду, что перерывъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ ограничится возможно кратчайшимъ срокомъ.

„Того-же 24-го января (6-го февраля), Намѣстникъ на дальнемъ Востокѣ, посланники въ Токіо, Пекинѣ и Сеулѣ, а равно всѣ россійскіе представители при великихъ державахъ были поставлены въ извѣстность срочными телеграммами о разрывѣ сношеній съ Японіей и о состоявшемся Высочайшемъ повелѣніи барону Розену со всѣмъ составомъ Императорской миссіи покинуть Токіо. Въ циркулярномъ сообщеніи этомъ также указывалось, что образъ дѣйствій токійскаго правительства, не выждавшаго даже полученія отвѣта Имераторскаго Правительства, возлагаетъ на Японію отвѣтственность за послѣдствія, могущія произойти отъ перерыва дипломатическихъ сношеній между обѣими Имперіями.

„О полученіи имъ циркуляра касательно разрыва сношеній съ Японіею Намѣстникъ увѣдомилъ телеграммою, отправленною въ Петербургъ днемъ 25-го января.

„Хотя перерывъ дипломатическихъ сношеній вовсе не знаменовалъ собою открытія военныхъ дѣйствій,—японское правительство уже въ ночь на 27-е и затѣмъ въ теченіе 27-го и 28-го января совершило цѣлый рядъ возмутительныхъ нападеній на русскія военныя и коммерческія суда,—вопреки общепринятымъ постановленіямъ международнаго права.

„Указъ японскаго императора объ объявленіи войны Россіи состоялся лишь 29-го января (11-го февраля)“.

Къ этому надо прибавить, что въ нотѣ, которую не пожелало получить японское правительство, было выражено согласіе признать „преимущественное торгово-экономическое положеніе Японіи на Корейскомъ полуостровѣ съ предоставленіемъ ей права охраны таковаго военною силою, въ случаѣ безпорядковъ въ странѣ“. Относительно Манчжуріи нота соглашалась „признавать, на время военной оккупаціи Манчжуріи, какъ верховную власть богдыхана въ этой области, такъ и преимущества, пріобрѣтенныя державами (въ томъ числѣ и Японіей) въ силу заключенныхъ ими договоровъ съ Китаемъ“. Содержаніе этой русской ноты было сообщено державамъ, Японія знала объ этихъ уступкахъ неоффиціально и поспѣшила прервать переговоры, конечно, для того, чтобы не узнать объ нихъ оффиціально. Она желала войны, потому что для нея она уже затратила сотни милліоновъ... Ходъ переговоровъ это подтверждаетъ, какъ уже много раньше ходъ приготовленій это доказывалъ съ очевидностью.

IV.

Русская дипломатія была взята врасплохъ японцами, которые вслѣдъ за тѣмъ нашли столь же неприготовленной къ отпору и русскую эскадру на рейдѣ Портъ-Артура, которую атаковали въ ночь съ 26 на 27 января (съ 8 на 9 февр. н. ст.), о чемъ намѣстникъ Дальняго Востока генералъ-адъютантъ Алексѣевъ доносилъ въ такихъ выраженіяхъ: „Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что около полуночи съ 26 на 27 января японскіе миноносцы произвели внезапную минную аттаку на эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артуръ, при чемъ броненосцы „Ретвизанъ“, „Цесаревичъ“ и крейсеръ „Паллада“ получили пробоины. Степень ихъ серьезности выясняется. Подробности представлю Вашему Императорскому Величеству дополнительно“. Такимъ образомъ, два самыхъ сильныхъ броненосца и превосходный крейсеръ были выведены изъ строя, и японскій флотъ, и безъ того имѣвшій нѣкоторый перевѣсъ, пріобрѣлъ сразу значительное преимущество надъ русскимъ.

Корреспондентъ „Matin“, вернувшійся изъ Портъ-Артура въ Харбинъ, ѣхалъ вмѣстѣ съ французскими рабочими, въ ночь на 27 января бывшими на „Цесаревичѣ“. Вотъ ихъ разсказъ:

„Мы мирно кончали наше дѣло, собираясь уже въ обратный путь на родину, когда неожиданно въ броненосецъ ударилась мина. Тотчасъ-же корабль накренился на лѣвый бортъ: съ этой стороны въ него попала мина, разорвавшаяся въ кормовой части.

По счастью, водонепроницаемыя переборки дѣйствовали, и офицеры не могли не похвалить французскую работу.

Уводя корабль въ портъ, командиръ констатировалъ, что поврежденъ руль. Оба винта продолжали дѣйствовать. На кораблѣ всѣ приняли японскія суда за русскіе миноносцы. Распространился было слухъ, что въ моментъ атаки большая часть русскихъ офицеровъ была на берегу, въ театрѣ. Это невѣрно. Всѣ были на своихъ постахъ, такъ какъ эскадра должна была выйти утромъ въ море, по неизвѣстному назначенію. Послѣ нападенія вспомнили, что наканунѣ какое-то коммерческое судно, подъ англійскимъ флагомъ, но, какъ будто, японское, дѣлало на рейдѣ подозрительные маневры".

Этотъ безыскусственный разсказъ очевидцевъ - мастеровыхъ, какъ нельзя лучше, рисуетъ условія, благодаря которымъ японцамъ такъ блистательно удалась минная атака. По выясненію степени серьезности поврежденій, генер.-адъют. Алексѣевъ телеграфировалъ:

„Въ дополненіе телеграммы отъ сего числа всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что всѣ три поврежденныя судна держатся на водѣ, котлы и машины исправны. „Цесаревичъ" получилъ пробоину въ рулевомъ отдѣленіи, руль поврежденъ. На „Ретвизанѣ" пробоина въ отдѣленіи подводныхъ носовыхъ аппаратовъ. На „Палладѣ" пробоина въ серединѣ борта близъ машины. Послѣ взрыва къ броненосцамъ немедленно попошли дежурные крейсера оказать помощь и, не взирая на темную ночь, приняты были мѣры ввести потерпѣвшія суда на внутренній рейдъ. Потери въ офицерахъ нѣтъ; нижнихъ чиновъ убито два, потонуло пять, ранено восемь. Непріятельскіе миноносцы своевременно были встрѣчены сильнымъ огнемъ съ судовъ. По окончаніи атаки, найдены двѣ невзорвавшіяся мины".

Легкость перваго успѣха и, вѣроятно, нѣсколько преувеличенное представленіе о результатахъ минной атаки побудили японцевъ рискнуть новой, уже дневной артиллерійской атакой, во время которой они могли потерять пріобрѣтенныя преимущества. 27 января японская эскадра въ составѣ шестнадцати сильнѣйшихъ судовъ ихъ флота появилась передъ верками крѣпости Портъ-Артура и начала бомбардировать. Крѣпость отвѣчала и вскорѣ къ ней присоединилась и русская эскадра. Артиллерійскій бой продолжался 45 минутъ, послѣ чего японцы удалились. Въ битвѣ принимали участіе съ японской стороны: 6 броненосцевъ (Гатцусъ, Асаги, Шикишима, Микаса, Яшима и Фуджи) 4 броненосныхъ крейсера (Якумо, Азума, Идзумо, Ивате) и 6 защитныхъ крейсеровъ (Такасаго, Касага, Читозе, Ицукушима, Іошимо, названіе шестого не констатировано), всего 16 судовъ, 140½ тыс. тоннъ водоизмѣщенія, 44½ тыс. фунтовъ вѣсъ одного залпа. Согласно телеграммѣ намѣстника, съ русской стороны при-

няли участіе въ битвѣ 5 броненосцевъ (Полтава, Севастополь, Петропавловскъ, Пересвѣтъ и Побѣда), 1 броненосный крейсеръ (Баянъ) и 4 защитныхъ крейсера (Діана, Аскольдъ, Бояринъ и Новикъ), всего 10 судовъ, 94 тыс. тоннъ водоизмѣщенія, вѣсъ залпа 18,2 тыс. фунтовъ. Перевѣсъ японскихъ силъ почти вдвое, но артиллерія крѣпости болѣе, чѣмъ уравновѣсила силы; въ борьбу съ крѣпостью японцы вступали довольно необдуманно. Они разсчитывали опять взять врасплохъ, но, повидимому, просчитались. Отступленіе послѣ недолгаго боя и совершенное отсутствіе японской версіи битвы показываютъ, что они пострадали чувствительно. Сопоставляя различныя извѣстія, мы должны остановиться на minimum'ѣ вѣроятныхъ потерь японцевъ. Нейтральныя суда, видѣвшія японскую эскадру въ морѣ, передаютъ, что два судна шли на буксирѣ и два другихъ сильно накренившихся; о потопленіи одного крейсера еще во время боя сообщили изъ Портъ-Артура; о гибели еще одного на пути отъ Портъ-Артура сообщили нейтральныя суда. Итого шесть выбыло изъ строя, при чемъ между разнаго типа судами эти потери распредѣляются довольно равномѣрно, по 2 на каждый типъ. Потоплены, вѣроятно, два крейсера II ранга. Называютъ чаще всего „Читозе“ и „Ицикушима“, то оба вмѣстѣ, то одинъ изъ нихъ. Аваріи потерпѣли по наиболѣе вѣроятнымъ даннымъ: броненосцы „Фуджи“ и „Микаса“ и броненосные крейсера „Ивате“ и „Якумо“. Кромѣ того, во время минной атаки пропало безъ вѣсти три миноносца. Послѣднее не важно, такъ какъ японцы имѣютъ большой запасъ мореходныхъ миноносцевъ и постоянно ихъ строятъ, но выведеніе изъ строя 6 боевыхъ судовъ ослабило флотъ на 56,000 тоннъ водоизмѣщенія и на 17,200 фунтовъ залпа.

Потери, понесенныя въ тоже время русскою эскадрою, заключались въ аваріяхъ броненосца „Полтава“ и крейсеровъ: „Діана“, „Аскольдъ“ и „Новикъ“, всего 26,630 тоннъ и 5,000 фунтовъ, а съ потерями ночной атаки тоннажъ уменьшился на 58,630 (японскій на 56,2 тыс.), а вѣсъ залпа на 12,700 фунтовъ (у японцевъ на 17,200 ф.). Соотношеніе силъ двухъ эскадръ, сразившихся 26—27 янв. на рейдѣ Портъ-Артура, вырисовывается послѣ сраженія такъ (выведенные изъ строя хотя бы временно исключены):

	Водоизмѣщеніе		Паровыхъ силъ		Вѣсъ залпа	
	японск. эск.	русск. эск.	японск. эск.	русск. эск.	японск. эск.	русск. эск.
25 января	140,400	116,400	221,500	185,100	44,500	25,800
Послѣ минн. атаки	140,400	94,000	221,500	146,200	44,500	18.200
Послѣ битвы	84,200	67,800	141,100	85,900	27,300	13,500

Иначе говоря, послѣ минной атаки, но до битвы, японцы имѣли перевѣсъ 46,400 тоннъ, 74,300 паровыхъ силъ и 26,300 фун-

товъ залпа, а послѣ сраженія этотъ перевѣсъ уменьшился до 16,400 тоннъ, 55,200 паровыхъ силъ и 13,800 фунтовъ залпа.

Ходъ самой битвы такъ описывается однимъ американцемъ, случайнымъ свидѣтелемъ, находившимся на американскомъ пароходѣ Columbia, который стоялъ въ этотъ день на рейдѣ Портъ-Артура: „Было около одиннадцати часовъ дня, когда шестнадцать японскихъ кораблей, въ томъ числѣ пять броненосцевъ (по всѣмъ другимъ свѣдѣніямъ, шесть) эскадреннаго боя, показались на горизонтѣ. Они приближались въ образцовомъ порядкѣ. Въ началѣ двѣнадцатаго раздался первый выстрѣлъ съ японской эскадры, и снарядъ въ 12 дюймовъ взорвало около русскихъ миноносцевъ. Прицѣлъ былъ превосходный. Русскій крейсеръ *Новикъ* храбро сражался, атакуя японцевъ на близкомъ разстояніи, пока убійственный огонь, на него направленный, не принудилъ его отойти. Вообще же русскія суда сражались, повидимому, безъ опредѣленнаго плана и порядка и держались на разстояніи не болѣе мили отъ берега. Они оставались подъ защитою крѣпости, форты которой стрѣляли черезъ ихъ головы, но, кажется, безъ особаго успѣха. Каждый разъ, какъ огромный снарядъ съ батарей пролеталъ надъ нашими головами, воздухъ колебался съ огромною силою и съ громкимъ свистомъ. Бомбардировка фортовъ продолжалась до двѣнадцати безъ четверти, при чемъ японскіе снаряды правильно направлялись. Два снаряда упало на вершину форта, другіе попадали въ траншеи. Всѣ снаряды были большого калибра и взрывались при ударѣ о землю или о воду, при этомъ нѣкоторые испускали желтый дымокъ, большинство же черный. Что касается русскихъ снарядовъ, то, кажется, они плохо долетали. Одинъ русскій броненосецъ получилъ поврежденіе выше ватерлиніи. Три другихъ русскихъ судна повреждены на высотѣ ватерлиніи". Въ сущности, эта версія очень близка къ оффиціальному донесенію.

V.

Въ то самое время, какъ происходила морская битва подъ Портъ-Артуромъ, разыгралась трагедія и подъ Чемульпо, корейскимъ портомъ, служащимъ гаванью для корейской столицы Сеула. Недавніе безпорядки въ Кореѣ и шаткость политическаго состоянія этой страны побудили державы послать въ Чемульпо свои морскія суда, въ томъ числѣ находились и русскія суда: защитный крейсеръ „Варягъ" и канонерка „Кореецъ". Японская эскадра адмирала Уріу напала на эти суда. Донесеніе русскаго посланника въ Кореѣ Павлова такъ изображаетъ это событіе:

„26 января, въ виду полнаго прекращенія телеграфныхъ сообщеній и продолжавшихся со стороны японцевъ военныхъ

приготовленій, я рѣшилъ послать стоявшую въ Чемульпо лодку „Кореецъ“ съ почтою въ Артуръ, предупредивъ крейсеръ „Варягъ“, чтобы онъ былъ готовъ ко всякимъ случайностямъ. Въ 4 часа дня, „Кореецъ“, выходя съ рейда Чемульпо на развѣдку, встрѣтилъ японскую эскадру изъ 6 большихъ крейсеровъ и 8 миноносцевъ. Одинъ крейсеръ сталъ видимо преслѣдовать „Корейца“, и въ то же время миноносцы окружили его и сдѣлали по направленію къ нему три выстрѣла минами, но безъ результата. „Кореецъ“ не стрѣлялъ и, вернувшись на рейдъ, сталъ на якорь. Ночью съ японскихъ транспортовъ высадилось около трехъ тысячъ войскъ, большинство коихъ тотчасъ отправилось въ Сеулъ и заняло городъ. Корейскія власти и войска бездѣйствовали. На слѣдующее утро командиръ „Варяга“ получилъ отъ японскаго адмирала оффиціальное увѣдомленіе о началѣ враждебныхъ дѣйствій съ приглашеніемъ покинуть рейдъ до полудня, подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, атаковать на рейдѣ всею эскадрою. Въ то же утро командиры иностранныхъ судовъ въ Чемульпо получили отъ японскаго же адмирала предложеніе удалиться съ рейда до четырехъ часовъ дня, если русскія суда не уйдутъ. Командиръ „Варяга“ принялъ вызовъ и вмѣстѣ съ „Корейцемъ“ вышелъ за предѣлы рейда; тогда японцы, предложивъ сигналомъ сдаться, но не получивъ отвѣта, открыли огонь всею эскадрою. Послѣ боя, во время коего на „Варягѣ“ непріятельскими выстрѣлами причинены опасныя подводныя пробоины, наши суда вернулись на рейдъ—исправить важнѣйшія поврежденія. Но, убѣдившись въ невозможности быстро исполнить это и не желая, чтобы суда достались непріятелю, командиръ „Варяга“ рѣшилъ самъ потопить оба судна, свезя раненыхъ и прочую команду на французскій, англійскій и итальянскій крейсеры, проявившіе самое дѣятельное и горячее участіе. Одновременно былъ сожженъ и потопленъ собственнымъ экипажемъ прибывшій наканунѣ русскій пароходъ „Сунгари“.

Съ японской стороны въ бою участвовали крейсеры: „Асама“, „Нанива“, „Такачихо“, „Чіода“, „Акаши“, „Нгитака“. Положительно установлено, что нашими выстрѣлами потопленъ одинъ миноносецъ; кромѣ того, на „Асамѣ“ принуждена была прекратить огонь носовая башня и былъ разрушенъ командный мостикъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, къ ночи затонулъ крейсеръ „Такачихо“, а утромъ въ Асаньской бухтѣ съ японскаго крейсера свезено на транспортѣ для отправки въ Японію около 80 раненыхъ и убитыхъ. Отвага и рѣшимость, выказанныя въ настоящемъ дѣлѣ нашими моряками, вызвали общее удивленіе и сочувствіе иностранцевъ. Въ тотъ же вечеръ японскій посланникъ, потребовавъ аудіенцію у императора и бывъ принятъ, заявилъ, что Корея отнынѣ будетъ находиться подъ управленіемъ Японіи, пригрозивъ, что, въ случаѣ непо-

корности, японскія войска займутъ дворецъ. Никакого предварительнаго увѣдомленія о разрывѣ съ Россіею и о рѣшеніи нарушить нейтралитетъ Кореи ни корейскому правительству, ни иностраннымъ представителямъ со стороны японской миссіи сдѣлано не было".

О русскихъ потеряхъ людьми капитанъ Рудневъ, командиръ „Варяга", доноситъ: „на *Варягѣ* убиты мичманъ Нироդъ и 33 матроса, контуженъ въ голову—командиръ, ранены мичманы Губонинъ—тяжело, Лабода и Балкъ—легко, 70 матросовъ тяжело". Изъ отчета Пиколя, командира французскаго станціонера „Паскаль", стоявшаго на чемульпинскомъ рейдѣ, мы узнаемъ приблизительно тоже самое о ходѣ боя, но еще одну любопытную подробность: командиры иностранныхъ судовъ, англійскаго, французскаго, итальянскаго и германскаго два раза протестовали передъ японскимъ адмираломъ противъ нападенія въ нейтральныхъ водахъ, но адмиралъ Уріу на это не обратилъ вниманія. Французскій отчетъ ничего не упоминаетъ о поведеніи американскаго станціонера, изъ чего само собою слѣдуетъ, что онъ не участвовалъ ни въ коллективномъ протестѣ европейскихъ командировъ, ни въ общей всѣхъ европейскихъ судовъ помощи экипажу русскихъ судовъ. Частныя свѣдѣнія дополняютъ это умолчаніе сообщеніемъ, будто американскій капитанъ отказался отъ коллективнаго шага, потому что оправдывалъ поведеніе японцевъ, а русскій экипажъ почиталъ японскими военно-плѣнными.

Бой подъ Чемульпо окончательно вывелъ изъ строя съ русской стороны: 6,500 тоннъ, 20,000 паровыхъ силъ и 510 фунтовъ залпа, а съ японской окончательно—3,700 тоннъ, 7,100 паровыхъ силъ и 1,200 фунтовъ залпа и временно (крейсеръ „Асама") 9,800 тоннъ, 16,000 паровыхъ силъ и 3,300 фунтовъ залпа, всего 13,000 тоннъ, 23,100 паровыхъ силъ и 4,500 фунтовъ залпа.

Вслѣдъ за этими двумя битвами 27 января при Портъ-Артурѣ погибъ русскій минный транспортъ „Енисей", работая надъ загражденіемъ рейда минами.

Послѣ всѣхъ этихъ обоюдныхъ утратъ и не включая въ исчисленіе ни еще не готовыхъ къ выходу въ море, хотя и прибывшихъ въ Японію, купленныхъ въ Генуѣ броненосныхъ крейсеровъ „Нишинъ" и „Кассуга", ни части русской средиземной эскадры („Дмитрій Донской", „Аврора" и шесть миноносцевъ), уже находящейся въ водахъ Тихаго океана, но неизвѣстно гдѣ, взаимное отношеніе морскихъ силъ, русскихъ и японскихъ, къ 1 февралю выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Россія.	Японія.	У японцевъ больше на:
Водоизмѣщеніе.			
25 янв.	162,000	166,100	4,100
1 февр.	93.200	96,400	3,200
Вѣсъ залпа.			
25 янв.	33,720	57,500	23,780
1 фев.	20,600	34,720	14,120

Соотношеніе силъ измѣнилось въ пользу русскихъ, но значительная часть этихъ силъ, именно броненосные крейсеры „Рюрикъ“, „Россія“ и „Громобой“ и защитный крейсеръ „Богатырь“ находятся въ Японскомъ морѣ и въ битвахъ на Желтомъ морѣ никакого участія не принимаютъ. О самостоятельныхъ дѣйствіяхъ этой эскадры оффиціально сообщалось лишь телеграммой отъ 4 (17) февраля нижеслѣдующее:

„Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству нижеслѣдующую телеграмму начальника отряда крейсеровъ капитана 1-го ранга Рейценштейна: 29-го утромъ уничтожилъ пароходъ „Nagouri Maru“, снявъ 41 человѣка. Въ это время подошелъ маленькій пароходъ каботажный; за свѣжестью шквала съ пургой 11 баловъ, людей снять не могъ, потому этотъ пароходъ не потопилъ. Обстоятельства погоды не позволили идти вдоль берега, почему взялъ курсъ на Шестаковъ, чтобы выдержать штормъ въ морѣ и подойти къ корейскому берегу. Вслѣдствіе бурнаго состоянія моря, могъ держаться противъ зыби только 5-ю узлами, при чемъ сильно заливало и, при 9 градусахъ мороза, крейсеры обмерзли, пушки покрылись слоемъ льда. Выдержалъ 2 жестокихъ шторма, продолжавшихся 3 сутокъ“.

Телеграмма капитана Рейценштейна могла быть послана только изъ Владивостока. По другимъ свѣдѣніямъ, въ Владивостокъ же были доставлены снятые съ „Нагури-Мару“ японцы и оттуда на нѣмецкомъ суднѣ уже доставлены въ Японію. Эти соображенія убѣждаютъ насъ, что эскадра или часть ея возвращалась во Владивостокъ около 2—3 февр., но, что она дѣлала и предпринимала послѣ этой даты, ничего неизвѣстно. Съ другой стороны, поврежденныя суда исправляются: такъ русскіе крейсеры „Новикъ“, „Аскольдъ“ и „Діана“ уже исправлены. Вѣроятно, и японцы успѣли починить часть поврежденныхъ судовъ. Имѣя больше доковъ, они имѣютъ къ тому и больше возможности. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, вышеприведенное соотношеніе морскихъ силъ, приблизительно вѣрное для 1 февраля, теперь должно было измѣниться, скорѣе не въ нашу пользу.

VI.

Дальнѣйшій, въ февралѣ, ходъ военно-морскихъ дѣйствій не представлялъ крупнаго интереса. Отдѣльные эпизоды: минная атака 1 февраля и двѣ ночныя атаки 11 и 12 февр. О первой сообщали японцы оффиціально слѣдующее:

„Лондонъ, 5-го (18-го) февраля. Вчера вечеромъ японское посольство опубликовало слѣдующее: въ ночь 13-го февраля (т. е. 31 янв. на 1 февр.) японская эскадра вышла противъ Портъ-Артура при разразившейся страшной снѣжной бурѣ. На слѣдующее утро въ 3 часа миноносецъ „Afagari“ достигъ своего назначенія и подъ сильнымъ огнемъ со стороны русскихъ разрядилъ мину противъ одного военнаго судна. Другой миноносецъ „Hayatori“, приблизившись около 5 часовъ утра къ входу въ гавань и, замѣтивъ два военныхъ судна, направилъ противъ одного изъ нихъ минный снарядъ“.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе изъ Портъ-Артура „Россійское Телеграфное Агентство“ опубликовало слѣдующее опроверженіе:

„Портъ-Артуръ, 8-го (20-го) февраля (Соб. корр.). Сообщеніе Рейтера о нападеніи японскихъ миноносокъ утромъ 1-го февраля и о поврежденін развѣдочнаго судна сплошная ложь. Вымыселъ сдѣланъ Японіей въ цѣляхъ ободренія своего флота. Единственно правдиво сообщеніе о снѣжной бурѣ. Всѣ попытки японскихъ миноносокъ до и послѣ этого отражены, не безъ урона для нихъ“.

Однако, въ иностранной печати появились слѣдующія извѣстія:

„Берлинъ, 6-го (19-го) февраля. Въ то время, какъ въ оффиціальныхъ японскихъ отчетахъ говорится только о нападеніи, произведенномъ въ прошлое воскресенье, въ полученныхъ здѣсь телеграммахъ изъ Іокогамы сообщается, что во время этого нападенія ко дну пошла одна японская миноноска“.

„Лондонъ, 8-го (21-го) февраля. „Standart“'у телеграфируютъ изъ Токіо, что изъ шести японскихъ торпедныхъ лодокъ и торпедныхъ разрушителей, посланныхъ въ воскресенье къ Портъ-Артуру, двѣ не возвратились. На нѣсколькихъ джонкахъ прибыло въ Токіо 36 раненыхъ“.

Атака, такимъ образомъ, была сдѣлана, но, благодаря снѣжной бурѣ, съ русской стороны не была замѣчена и по той же причинѣ оказалась совершенно безрезультатной, но стоила японцамъ одного или двухъ миноносцевъ. Атака была прямо безразсудная, хотя и обнаружила у японцевъ много отваги и самоотверженія.

Вторая атака, произведенная въ ночь на 11 февраля, такъ описывается въ телеграммѣ намѣстника:

11 февраля. „Въ дополненіе телеграммы отъ 11-го февраля Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству

слѣдующее: 11-го февраля съ 2-хъ часовъ 45 минутъ ночи до разсвѣта непріятель сдѣлалъ попытку атаковать „Ретвизанъ" многими миноносцами и затопить въ проходѣ большіе пароходы съ горючими матеріалами. Обнаруживъ сперва миноносцы и открывъ по нимъ сильный огонь, „Ретвизанъ", поддерживаемый батареями, уничтожилъ близь входа шедшіе прямо на него два парохода, изъ которыхъ первый выскочилъ на камни подъ маякомъ Тигроваго полуострова, другой затонулъ подъ Золотой горой. Стрѣльба по миноносцамъ продолжалась до разсвѣта, когда на рейдѣ обнаружены всего четыре погибшіе парохода и восемь медленно удалявшихся миноносцевъ, которые направлялись къ ожидавшимъ ихъ въ морѣ кораблямъ. Спасавшіеся на шлюпкахъ команды пароходовъ частью утонули и, можетъ быть, подобраны непріятельскими миноносцами. Производится обыскъ береговъ; проходъ въ портъ чистъ. Полное разстройство плана непріятеля отношу къ молодецкому отпору и убійственному огню „Ретвизана". Пароходъ горитъ еще теперь. На рейдѣ усмотрѣны плавающія мины. На горизонтѣ двумя отрядами держится непріятель. Возвращаю посланные въ погоню 3 крейсера, дабы предварительно очистить рейдъ отъ плавающихъ минъ".

I.

13 февраля. „Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что днемъ, 11-го февраля, подъ Портъ-Артуромъ держались 17 непріятельскихъ боевыхъ кораблей, 12 миноносцевъ и пароходы, не подходя, однако, подъ выстрѣлы.

Въ этотъ день выходили въ море крейсеры „Баянъ", „Аскольдъ", „Новикъ". Съ послѣднимъ вернулись въ Артуръ наши миноносцы изъ Голубиной бухты, при чемъ на „Новикъ" повернули два японскихъ крейсера, но остались далеко позади. Вечеромъ крейсеры вошли въ гавань.

Ночью 12-го февраля вышли въ море наши миноносцы. Ночью на рейдѣ снова появились японскіе миноносцы, по которымъ стрѣляли „Ретвизанъ" и батареи. Батарея № 18 доноситъ, что потопили одинъ непріятельскій миноносецъ.

Въ 9 часовъ утра на горизонтѣ виднѣлась японская эскадра въ числѣ 14-ти судовъ.

На потопленныхъ послѣ ночной атаки 11-го февраля непріятельскихъ пароходахъ найдены карты Портъ-Артура, порта Адамса и Желтаго моря. На одномъ же изъ пароходовъ, который горѣлъ, обнаружены проводники и батареи. Проводники обрѣзаны портовымъ минеромъ; пожаръ потушенъ".

II.

„Эскадра противника въ 16 судовъ подошла по направленію отъ Дальняго къ крѣпости Портъ-Артуръ около 11 часовъ утра, 12-го февраля, и открыла бомбардировку по находившимся на наружномъ рейдѣ „Аскольдѣ“, „Баянѣ“ и „Новикѣ“ и по крѣпости. Огонь продолжался полчаса, и тогда наши крейсеры ушли въ гавань. Противникъ, пострѣлявъ нѣсколько минутъ по одной изъ батарей, сталъ удаляться, но оставаясь въ виду крѣпости, внѣ выстрѣла. Въ это время 4 непріятельскихъ крейсера отдѣлились и вошли въ Голубиную бухту, гдѣ вскорѣ и открыли огонь по укрывшемуся въ этой бухтѣ нашему миноносцу и сильно обстрѣливали берегъ, послѣ чего комендантъ направилъ туда войска. Стрѣльба по Голубиной продолжалась 20 минутъ. Высадки не было. Непріятельскіе крейсеры ушли. Для противодѣйствія возможнымъ морскимъ вылазкамъ непріятеля приняты соотвѣтствующія мѣры. Потеря наша за этотъ день: одинъ раненый на батареѣ“.

III.

„Въ дополненіе телеграммы отъ 13-го сего февраля, всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству о нижеслѣдующемъ:

Въ Портъ-Артурѣ 12-го февраля, послѣ захода луны, „Ретвизанъ“ отразилъ нѣсколько разъ непріятельскіе миноносцы, при чемъ считаетъ два уничтоженными.

Въ морѣ наши миноносцы, съ капитаномъ 1-го ранга Матусевичемъ и капитаномъ 2-го ранга княземъ Ливеномъ, встрѣтили и гнались только за миноносцами непріятеля, большихъ же судовъ не нашли.

Утромъ того же 12-го февраля были посланы крейсеры „Баянъ“, „Діана“, „Аскольдъ“ и „Новикъ“ отвлечь японскіе крейсеры отъ погони за частью возвращавшихся нашихъ миноносцевъ. Изъ нихъ одинъ миноносецъ былъ отрѣзанъ 4 японскими крейсерами и укрылся въ Голубиной бухтѣ, гдѣ съ большого разстоянія былъ обстрѣленъ непріятелемъ. Убитыхъ и раненыхъ на немъ нѣтъ.

Японскій флотъ, замѣтивъ наши крейсеры, приблизился къ фортамъ, которые вмѣстѣ съ судами открыли огонь въ 10 ч. 50 м. Отстрѣливаясь, крейсеры вошли въ гавань послѣ миноносцевъ. Непріятельскіе снаряды преимущественно не долетали. Кромѣ одного раненаго матроса, другихъ потерь нѣтъ.

Японскій флотъ блокируетъ Артуръ 17 боевыми судами. При немъ 8 миноносцевъ, тогда какъ вчера, 11-го февраля, было 12“.

Нельзя придавать большого значенія этимъ перестрѣлкамъ, потому что противники оставались на разстояніи недѣйствительности выстрѣловъ. Нельзя не считать только утратъ японцами миноносцевъ, благодаря ихъ столько же сильному, сколько недальновидному образу дѣйствій. Повидимому, 7—9 миноносцевъ японскихъ уже потоплено, да есть, конечно, и поврежденные. Въ началѣ эскадру адмирала Того, лавирующую передъ Портъ-Артуромъ, сопровождало 20 миноносцевъ, теперъ восемь.

Такъ обрисовываются военно-морскія дѣйствія на Дальнемъ Востокѣ. Сухопутныя еще не начинались и, вѣроятно, не скоро еще начнутся, кромѣ разныхъ мелкихъ столкновеній, не имѣющихъ серьезнаго значенія.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Памяти Н. К. Михайловскаго. — II. Изъ газетныхъ комментаріевъ къ русско-японской войнѣ.—Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1904 г.—Перемѣны въ составѣ высшей администраціи.—III. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—Правительственныя распоряженія и сообщенія относительно Финляндіи.—IV. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

Н. К. Михайловскій умеръ... Тяжело писать эти слова, горько вдумываться въ ихъ роковой смыслъ. Русская литература потеряла одного изъ крупнѣйшихъ своихъ дѣятелей, русская интеллигенція похоронила одного изъ своихъ лучшихъ и благороднѣйшихъ вождей.

Стоя надъ только что закрывшейся могилой, трудно опредѣлить всю глубину пробѣла, оставленнаго этой могилой въ жизни, трудно оцѣнить все значеніе понесенной утраты. Я и не возьму на себя задачи такой оцѣнки. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ испытаннаго горя мнѣ хотѣлось бы напомнить читателю-другу лишь нѣкоторыя основныя черты духовной физіономіи почившаго учителя, возстановить въ памяти лишь главныя очертанія той роли, какую онъ сыгралъ въ русской общественной жизни.

Много лѣтъ тому назадъ Михайловскій, обращаясь къ русскому читателю, писалъ: „желаю вамъ... честной и смѣлой литературы, внутренно честной и смѣлой, которая не боялась бы своихъ собственныхъ знаній, мыслей и чувствъ, которая ежеминутно задавала бы себѣ вопросы и не отходила отъ нихъ, не получивъ полнаго и безповоротнаго отвѣта“. И въ той же самой

статьѣ онъ говорилъ: „я утверждаю, что, пока литература не станетъ голосомъ общественной совѣсти въ самомъ широкомъ смыслѣ, пока она не сдѣлаетъ интересовъ народа центромъ своихъ изслѣдованій, помысловъ и образовъ, ей не помогутъ никакіе таланты и никакія знанія“... Высказывая эти пожеланія, Михайловскій требовалъ отъ русской литературы лишь того, что самъ онъ настойчиво и неуклонно осуществлялъ въ теченіе всей своей дѣятельности. У него не было недостатка во внутренней честности и смѣлости, онъ умѣлъ не бояться ни своихъ знаній и мыслей, ни своихъ чувствъ. Чувство никогда не загораживало для него дороги къ знанію, теоретическое знаніе никогда не подавляло въ немъ живого чувства. Сорокъ четыре года работая въ литературѣ, онъ неустанно ставилъ передъ читателемъ основные вопросы жизни и отходилъ отъ нихъ не иначе, какъ добившись полнаго и безповоротнаго отвѣта. И эта непрерывная работа пытливаго и глубокаго ума, всегда согрѣтая огнемъ искренняго убѣжденія и озаренная свѣтомъ могучаго таланта, неотразимо влекла къ себѣ сердца. Въ голосѣ писателя, сознательно избравшаго своимъ знаменемъ интересы народа и сдѣлавшаго ихъ центромъ всѣхъ своихъ помысловъ и изслѣдованій, читателямъ слышался истинный голосъ общественной совѣсти. Пока этотъ голосъ звучалъ, одни прислушивались къ нему съ надеждой и радостью, другіе—съ гнѣвомъ и опасеніями...

Первыя же статьи Михайловскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“ привлекли къ себѣ вниманіе наиболѣе чуткой и отзывчивой части русскаго общества рѣзко выраженною оригинальностью автора и необыкновенною цѣльностью его міровоззрѣнія. Основной пунктъ этого міровоззрѣнія былъ уже очень рано съ полною ясностью формулированъ молодымъ писателемъ. „Прогрессъ,—писалъ онъ въ 1869 г., въ первой своей крупной соціологической работѣ,—есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ“. „Человѣкъ тѣмъ совершеннѣе, — повторялъ онъ немного иными словами годъ спустя, — чѣмъ разнообразнѣе его составъ, чѣмъ разнообразнѣе его отправленія. Слѣдовательно, общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе широкій просторъ предоставляетъ его укладъ многостороннему, а не одностороннему развитію отдѣльныхъ членовъ. Слѣдовательно, общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ сходнѣе между собою его части и чѣмъ менѣе онѣ подчинены другъ другу“. Эти положенія, съ необычайнымъ блескомъ и силой развитыя Михайловскимъ въ

началѣ его литературной дѣятельности, впослѣдствіи получили дальнѣйшее развитіе и обоснованіе въ другихъ его трудахъ и легли въ основу созданной имъ теоріи „борьбы за индивидуальность“, теоріи, представляющей собою грандіозную попытку охватить однимъ обобщеніемъ всю исторію человѣчества. Рано выработавъ основы своего міросозерцанія, Н. К. Михайловскій остался вѣренъ имъ въ теченіе всей жизни. Въ его взглядахъ происходили, конечно, съ теченіемъ времени частныя измѣненія, движеніе научной мысли, и собственныя работы давали ему возможность расширить и углубить свои воззрѣнія, но главная сущность этихъ воззрѣній всегда оставалась одною и тою же. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества неизмѣнно сохранялъ свое центральное положеніе въ міровоззрѣніи Михайловскаго и этотъ вопросъ всегда разрѣшался имъ въ томъ самомъ направленіи, какое было имъ указано въ приведенныхъ выше словахъ.

Признаніе блага личности, заключающагося въ ея всестороннемъ, гармоническомъ развитіи и способности къ свободному самоопредѣленію, цѣлью и критеріемъ всего соціальнаго прогресса влекло за собою два одинаковыхъ важныхъ послѣдствія. Однимъ изъ этихъ послѣдствій являлся „субъективизмъ“ принявшаго такой критерій мыслителя, побуждавшій его вести безпощадную борьбу съ „идолами“ во имя идеала и настойчиво указывать, что „высшимъ предметомъ служенія“ для человѣка „можетъ быть не красота, не истина, не справедливость, а только человѣческая личность, цѣльная и полная, въ которой всѣ эти отвлеченныя категоріи складываются въ живое единство“. Другимъ результатомъ принятаго взгляда было вполнѣ точное опредѣленіе пути служенія соціальному прогрессу. „Надлежитъ приискать—говорилъ писатель—такой общественный элементъ, служеніе которому наиболѣе приближало бы насъ къ намѣченной цѣли. Такой общественный элементъ есть. Это — народъ. Народъ не въ смыслѣ націи, а совокупности трудящагося люда. Трудъ — единственный объединяющій признакъ этой группы людей — не несетъ съ собой никакой привилегіи, служа которой мы рискуемъ услужить какому-нибудь одностороннему началу: въ трудѣ личность выражается наиболѣе ярко и полно“. „Служите русскому народу, — обращался въ другой разъ Михайловскій къ русской интеллигенціи, — топите всякіе личные интересы въ интересахъ народа“. „Народъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, — немедленно пояснялъ онъ,—есть совокупность трудящихся классовъ общества. Служить народу значитъ работать на пользу трудящагося люда. Служа этому народу по преимуществу, вы не служите никакой привилегіи, никакому исключительному интересу, вы служите просто труду, слѣдовательно, между прочимъ, и самому себѣ, если только вы вообще чему-нибудь служите“.

Такимъ образомъ польза личности и пол а общества связы

вались въ представленіи писателя прочными узами, объединяясь въ одно неразрывное цѣлое. Личность, признанная цѣлью всего развитія общества, освобожденная отъ власти поставленныхъ надъ нею идоловъ и нашедшая центръ тяжести въ себѣ самой, призывалась во имя ея же собственныхъ интересовъ служить интересамъ народа, представляемаго совокупностью трудящихся классовъ, и содѣйствовать сосредоточенію орудій производства въ рукахъ представителей труда. Путь соціальнаго прогресса намѣчался вполнѣ опредѣленно. Но на этотъ же путь, въ пониманіи Михайловскаго, всякую развитую личность толкалъ и другой мотивъ. Для характеристики послѣдняго я позволю себѣ опять-таки привести слова самого Н. К. Михайловскаго, слова, великолѣпныя по своей простотѣ, выразительности и энергіи. „Мы,—писалъ онъ въ 1873 г., обращаясь къ Достоевскому, иронизировавшему надъ стремленіями русской интеллигенціи,—мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ. „Логическимъ ли теченіемъ идей“ или непосредственнымъ чувствомъ, долгимъ ли размышленіемъ или внезапнымъ просіяніемъ, исходя изъ высшихъ общечеловѣческихъ идеаловъ или изъ прямого наблюденія,—мы пришли къ мысли, что мы должники народа. Можетъ быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хоть, можетъ быть, не всегда вполнѣ сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, но долгъ лежитъ на нашей совѣсти и мы его отдать желаемъ“.

Возлагая на личность опредѣленную задачу, Михайловскій, конечно, не думалъ, какъ это утверждали подчасъ нѣкоторые слишкомъ поспѣшные и мало добросовѣстные его противники, выводить человѣческую личность изъ-подъ дѣйствія общихъ законовъ природы. Но, вполнѣ признавая закономѣрность хода исторіи, онъ никогда не склоненъ былъ возводить такое признаніе на степень слѣпого фатализма и покупать объясненіе явленій общественной жизни цѣною искусственнаго ихъ упрощенія. Закономѣрность роста человѣческихъ идеаловъ не уничтожала въ его глазахъ значенія этихъ идеаловъ, какъ самостоятельнаго фактора историческаго процесса, и сознаніе зависимости человѣческой личности отъ окружающей среды не мѣшало ему различать въ пестромъ калейдоскопѣ историческихъ фактовъ проявленія сознательнаго индивидуальнаго творчества. Настойчиво отмѣчая и разъясняя то обстоятельство, что проявленія подобнаго твор-

чества становятся особенно значительными и плодотворными при условіи совпаденія ихъ съ стремленіями народныхъ массъ, писатель тѣмъ самымъ указывалъ современной ему интеллигенціи возможный путь сознательнаго воздѣйствія на стихійный ходъ исторіи.

„Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную,—такова задача всей моей жизни“, писалъ самъ Н. К. Михайловскій въ 1889 г. Этой задачѣ и должно было служить ученіе, стремившееся гармонически сочетать нравственные запросы съ объективнымъ процессомъ развитія, прочно связать личное благо съ общественнымъ и открыть личности возможность всесторонняго развитія на почвѣ служенія человѣческой солидарности.

Выступая съ такимъ ученіемъ въ концѣ 60-хъ годовъ XIX-го вѣка, Михайловскій, быть можетъ, болѣе всѣхъ другихъ современныхъ ему дѣятелей способствовалъ выходу русской интеллигенціи съ того проселка, на который завела ее узко-индивидуалистическая проповѣдь Писарева, на большую дорогу исторіи и явился непосредственнымъ продолжателемъ руководителей общественнаго движенія предшествовавшей эпохи,—Чернышевскаго и Добролюбова. Занявъ своими соціологическими трудами, наряду съ авторомъ „Историческихъ Писемъ“, мѣсто одного изъ главъ „русской соціологической школы“, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже очень скоро занялъ и положеніе одного изъ самыхъ замѣтныхъ вождей возродившагося общественнаго движенія. Такое положеніе было обезпечено за нимъ и самымъ характеромъ его литературной дѣятельности, ярко обозначившимся съ первыхъ же шаговъ его на писательскомъ поприщѣ.

Оригинальный и глубокій теоретикъ, человѣкъ по преимуществу обобщающаго ума, Н. К. Михайловскій никогда не могъ, однако, довольствоваться пребываніемъ на высотахъ отвлеченной теоріи. Сынъ эпохи, страстно жаждавшей полной жизни, творецъ ученія, сливавшаго въ одно цѣлое знаніе и жизнь, онъ не могъ замкнуться за оградой теоретическихъ построеній. Для этого онъ самъ былъ слишкомъ многосторонне развитою личностью, слишкомъ хорошо зналъ и помнилъ, что „человѣкъ растить въ себѣ древо познанія добра и зла не для того только, чтобы созерцать его плоды, а и для того, чтобы вкушать ихъ“. Текущая жизнь съ ея нестройнымъ шумомъ и пестрыми красками, съ ея уродствомъ и красотою, горемъ и радостью неотразимо влекла къ себѣ писателя, сознававшаго въ себѣ могучую силу борца, и онъ то и дѣло, на горе близорукихъ систематиковъ, упорно искавшихъ рубрики, къ которой можно было бы пріурочить его, отъ созерцанія жизни переходилъ къ дѣятельному вмѣшательству въ нее, отрывался отъ построенія теоріи, чтобы озарить ея свѣтомъ

текущія событія, и отъ мелкихъ фактовъ ежедневной дѣйствительности вновь поднимался на высоты отвлеченной мысли, увлекая съ собою читателя. Философское разсужденіе и критическій этюдъ, соціологическій трактатъ и публицистическая статья въ его рукахъ равно пестрѣли цвѣтами жизни, равно отвѣчали не только требованіямъ логической мысли, но и властнымъ запросамъ текущаго дня съ его надеждами, стонами и слезами. Сферы науки и искусства, вопросы отвлеченнаго мышленія и практической злобы дня были одинаково близки и доступны ему, и онъ входилъ во всѣ эти области съ одною и тою же путеводною нитью въ рукахъ, всегда оставаясь самимъ собою, всегда отстаивая интересы живой человѣческой личности, сознавшей свои права и свою кровную связь съ дѣломъ трудящихся массъ. Въ своихъ соціологическихъ работахъ Михайловскій любилъ вспоминать о такъ называемыхъ нѣкоторыми натуралистами идеальныхъ типахъ животнаго міра, охватывающихъ всю полноту возможной для нихъ жизни, въ противоположность типамъ практическимъ, приспособленнымъ лишь къ какой-либо одной или къ нѣсколькимъ сторонамъ существованія. Самъ Н. К. Михайловскій въ своей литературной дѣятельности представлялъ какъ бы живое воплощеніе такого идеальнаго типа. Блестящій и глубокій мыслитель, тонкій художественный критикъ, неподражаемый по своей силѣ и сверкающему остроумію публицистъ—сливались въ немъ въ одно необычайно оригинальное и обаятельное цѣлое. И если внѣшняя стройность его ученія нѣсколько проигрывала отъ этого, то за то тѣмъ болѣе выигрывало это ученіе въ своей жизненности, тѣмъ прочнѣе овладѣвало оно умами современниковъ, тѣмъ глубже внѣдрялось въ ихъ сердца. Взявъ на себя задачу философскаго обоснованія стремленій передовой части русской интеллигенціи 60-хъ и 70-хъ годовъ и сдѣлавшись истолкователемъ текущей жизни съ точки зрѣнія этихъ стремленій, Михайловскій вмѣстѣ съ тѣмъ явился и главнымъ руководителемъ названной группы. „Труба, зовущая на бой",—это Бэконовское опредѣленіе какъ нельзя точнѣе характеризуетъ роль Н. К. Михайловскаго по отношенію къ поколѣнію 70-хъ годовъ. Подъ вліяніемъ горячей проповѣди Михайловскаго складывалось міросозерцаніе значительной части поколѣнія этой эпохи, раздвигался умственный горизонтъ послѣдняго, опредѣлялся его нравственный обликъ и общественное настроеніе...

Эта эпоха, явившаяся въ исторіи русской интеллигенціи періодомъ смѣлой вѣры и героическаго подъема силъ въ борьбѣ за массовое счастье, была для Михайловскаго временемъ наиболѣе напряженной и энергичной дѣятельности, окрылявшейся свѣтлыми надеждами на близкую возможность важнѣйшихъ шаговъ къ осуществленію его идеала. Но время такихъ надеждъ скоро миновало. Грандіозный подвигъ, взятый на себя поколѣніемъ 70-хъ годовъ,

потребовалъ больше силъ, чѣмъ ихъ оказалось въ наличности, и остался незавершеннымъ. Ясный день, уже занимавшійся, казалось, надъ русскою жизнью, смѣнился сѣрыми сумерками. Въ общественной жизни прочно водворилась реакція и среди разрѣженнаго общества получали все большее распространеніе индифферентизмъ и апатія, наложившіе свою мрачную печать и на литературу. Великія слова, будившія людей въ недалекомъ прошломъ, обращались въ „забытыя слова“ или предавались посмѣянію. Взамѣнъ того надъ обществомъ одно за другимъ проносились дуновенія „новыхъ словъ“, направленныхъ къ ниспроверженію недавнихъ идеаловъ. На первый планъ послѣдовательно выступали теоріи малыхъ дѣлъ, личнаго самосовершенствованія, непротивленія злу, слѣпого преклоненія передъ „экономикой“, признанія фатальности историческаго процесса, отрицанія всякой роли личности, съуженія задачъ интеллигенціи вплоть до низведенія ея на степень чисто пассивнаго органа. Въ основѣ всѣхъ этихъ теорій въ большей или меньшей степени лежало разочарованіе въ прошломъ, непосредственнымъ результатомъ всѣхъ ихъ была большая или меньшая степень апатіи къ настоящему.

Въ эту печальную эпоху одинъ за другимъ затихали голоса наиболѣе видныхъ изъ старыхъ товарищей и друзей Н. К. Михайловскаго. Отошелъ отъ литературы подъ бременемъ болѣзни Елисеевъ, оборвался голосъ Г. И. Успенскаго, умеръ Салтыковъ. Немалая часть другихъ, менѣе видныхъ, писателей, стоявшихъ передъ тѣмъ въ лагерѣ, знаменосцемъ котораго былъ Михайловскій, съ исчезновеніемъ „Отечественныхъ Записокъ“, разбрелась по инымъ станамъ или потеряла всякій цвѣтъ. На время Михайловскій остался въ литературѣ почти одинокимъ. Велико могло быть въ эту пору для крупнаго писателя искушеніе уйти отъ потерявшей свои яркія краски жизни въ область отвлеченной мысли. Но, было ли такое искушеніе у Михайловскаго или нѣтъ, онъ, во всякомъ случаѣ, не поддался ему и, сохраняя вѣрность своему призванію, остался на трудномъ и славномъ посту, занятомъ въ предыдущую эпоху. Въ годы всеобщей почти растерянности, унынія и индифферентизма по-прежнему мощно звучалъ его голосъ, призывая къ борьбѣ за идеалъ, пробуждая въ современникахъ чувства чести и совѣсти, побуждая безбоязненно искать „правду-истину“ и отстаивать „правду-справедливость“. Въ упорной и ожесточенной борьбѣ, какую пришлось Михайловскому вести въ эту пору при крайне трудныхъ условіяхъ съ многочисленными противниками, во всей силѣ и красѣ развернулся его несравненный полемическій талантъ. Возводя всякую полемику къ ея принципіальному источнику и пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы даже въ самыя трудныя минуты раскрыть передъ читателемъ основныя идеи своего міровоззрѣнія, Михайловскій вмѣстѣ съ тѣмъ всегда умѣлъ съ

неподражаемымъ мастерствомъ анализировать идеи противника и характеризовать достоинство его пріемовъ. Не одинъ рыцарь мрака потерялъ свое оружіе въ этихъ полемическихъ турнирахъ и не разъ бывали случаи, когда въ результатѣ такого турнира недавно еще гордый собою рыцарь навсегда скрывался съ литературной арены или же тонулъ въ общемъ презрѣніи. Но за послѣдніе годы Михайловскому нерѣдко приходилось обращать свое полемическое оружіе и противъ представителей такихъ воззрѣній, въ которыхъ было много пунктовъ, сходныхъ съ его собственными взглядами. Онъ дѣлалъ это безъ большой охоты, но были границы, за которыми его неохота исчезала. Всегда готовый привѣтствовать всякое здоровое проявленіе общественной мысли, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайне ревниво относился ко всякаго рода легкомысленнымъ покушеніямъ на великое наслѣдіе, представителемъ котораго онъ являлся въ литературѣ, и энергично отстаивалъ совокупность идей, входившихъ въ составъ этого наслѣдства. Для писателя, ставившаго своимъ идеаломъ гармонично развивающуюся на почвѣ служенія человѣческой солидарности личность, своей задачей—одновременное служеніе „правдѣ-истинѣ“ и „правдѣ-справедливости“, всегда было и оставалось непонятнымъ, какъ можно игнорировать интересы и достоинство личности, отрицать значеніе общественнаго идеализма, „покупать истину цѣною страданій милліоновъ“ и „сшибать лбами“ различные разряды трудящихся. На этихъ пунктахъ онъ всегда готовъ былъ принять и выдержать полемику и, если порою даже нѣкоторымъ изъ близко стоявшихъ къ нему людей казалось, что эта полемика основана отчасти на недоразумѣніи и ведется противъ имѣющаго чисто временный характеръ увлеченія, то послѣдствія показали, что проницательность и въ этомъ случаѣ не обманула опытнаго борца.

Съ несокрушимой энергіей, съ упорнымъ постоянствомъ годъ за годомъ велъ Н. К. Михайловскій свою борьбу съ разнообразными проявленіями общественной апатіи, отдавая на такую борьбу всѣ свои громадныя силы. Тщательно анализируя всѣ сколько-нибудь крупныя явленія общественной мысли, онъ раскрывалъ передъ читателемъ все новые и новые горизонты, настойчиво пробуждая вѣру въ лучшее будущее и готовность работать для него. Эта борьба затянулась надолго, но съ теченіемъ времени она становилась все успѣшнѣе и плодотворнѣе. Вокругъ Н. К. Михайловскаго все тѣснѣе и ближе смыкался кружокъ старыхъ и новыхъ товарищей и учениковъ, вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ работавшихъ для одной общей цѣли. Призывы борца за двуединую правду все чаще встрѣчали сочувственный откликъ, подчасъ даже въ рядахъ недавнихъ противниковъ, и къ старому знамени, подъ которымъ боролись и умирали отцы, все болѣе обильнымъ потокомъ стекались свѣжія силы сыновей. Наконецъ,

явились и недвусмысленные признаки серьезнаго подъема общественнаго настроенія. Намъ, современникамъ, трудно вполнѣ точно опредѣлить, какая доля заслуги въ созданіи этого подъема принадлежитъ усиліямъ Н. К. Михайловскаго. Рѣшеніе этого вопроса во всемъ его объемѣ надо оставить на долю будущаго историка. Но не мѣшаетъ напомнить, что всего три года тому назадъ значительная часть современниковъ дала на такой вопросъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Въ многочисленныхъ привѣтствіяхъ, полученныхъ со всѣхъ концовъ Россіи въ день празднованія сорокалѣтняго служенія Михайловскаго русской литературѣ, настойчиво подчеркивалась его роль, какъ вождя интеллигенціи, съумѣвшаго пронести знамя общественнаго идеализма черезъ „общую смуту" и собрать къ этому знамени новыя силы. „Въ глухую пору, — говорилось въ одномъ изъ этихъ привѣтствій, — когда глубоко задѣтое, наболѣвшее чувство тревожно искало и, казалось, не находило выхода изъ гнетущаго состоянія подавленности и апатіи, вашъ бодрый призывъ къ борьбѣ съ окружающимъ мракомъ не далъ заглохнуть пробужденному самосознанію, усилилъ приливъ общественной энергіи и тѣмъ самымъ воскресилъ активное настроеніе" *).

Судьба позволила Н. К. Михайловскому дожить лишь до первыхъ признаковъ этого воскрешенія, лишь до первыхъ успѣховъ долгой борьбы. Слѣпая смерть отняла отъ насъ дорогого вождя какъ разъ въ ту минуту, когда его испытанная энергія, его могучія силы были бы особенно нужны и важны для родной страны. И эта скорбная утрата тѣмъ болѣе жестока, что она поразила насъ такъ внезапно. Правда, для близкихъ къ Н. К. Михайловскому людей уже нѣсколько лѣтъ не было тайной, что его здоровье подтачиваетъ тяжелая болѣзнь. Но, глядя на него, трудно было думать, что надъ нимъ уже стоитъ смерть и ждетъ своего часа. Въ упорной работѣ Н. К. Михайловскаго, въ его неослабѣвавшемъ интересѣ къ разнообразнымъ проявленіямъ жизни, въ постоянно возникавшихъ у него планахъ новыхъ литературныхъ трудовъ чувствовался громадный запасъ неистраченной энергіи и неизбытыхъ силъ. Бури жизни, ея горькій опытъ отняли, конечно, у Н. К. Михайловскаго немалую долю свѣтлаго оптимизма его юныхъ лѣтъ. Въ его литературныхъ статьяхъ, въ его разговорахъ и письмахъ въ послѣдніе годы не разъ звучала явственная нота скептицизма и, по крайней мѣрѣ, на ближайшее будущее онъ смотрѣлъ безъ особенно радостныхъ надеждъ. „Поздравляю васъ—писалъ онъ мнѣ за мѣсяцъ до смерти—съ грядущимъ новымъ годомъ и очень пожелалъ бы, чтобы онъ принесъ и вамъ, и всѣмъ намъ что-нибудь получше нынѣшняго,—если бы вѣрилъ въ возможность лучшаго. Но, кажется, слѣдуетъ ожидать всякихъ пакостей". Этотъ скепти-

*) А. В. Пѣшехоновъ. На очередныя темы (Спб. 1904), с. 433.

цизмъ никогда, однако-же, не переходилъ въ мрачный пессимизмъ, никогда не ослаблялъ вѣры Н. К. Михайловскаго въ созданный имъ идеалъ и не надламывалъ его энергіи въ работѣ, направленной къ достиженію этого идеала. Своей упорной работы Н. К. Михайловскій не оставлялъ даже въ моменты наиболѣе сильныхъ приступовъ болѣзни, и оборвала эту работу только внезапная смерть, заставшая его на томъ же славномъ посту, на которомъ онъ стоялъ всю свою жизнь.

Честь же и слава неустанному работнику и вдохновенному проповѣднику правды! Вѣчная память великому борцу за идею солидарности трудящихся! И пусть его могила послужитъ новымъ источникомъ вдохновенія для тѣхъ, кого вдохновляла его работа и его жизнь!

II.

Всего мѣсяцъ тому назадъ война Россіи съ Японіей казалась чѣмъ-то возможнымъ, но вовсе не неизбѣжнымъ, а значительная часть русскаго общества не вѣрила даже и въ возможность войны изъ-за далекой и ненужной Манчжуріи. Теперь эта война стала дѣйствительностью. Въ Чемульпо уже погибли два русскія судна, японская эскадра стережетъ Портъ-Артуръ, время отъ времени возобновляя атаки на него; переполненные солдатами воинскіе поѣзда одинъ за другимъ тянутся изъ разныхъ мѣстъ Европейской Россіи на Дальній Востокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это и можно было отчасти предвидѣть, происходящія на Дальнемъ Востокѣ событія на время точно заслонили собою всѣ другіе интересы. Съ момента открытія враждебныхъ дѣйствій между Японіей и Россіей столбцы немалой части нашихъ газетъ пестрѣютъ почти исключительно различными извѣстіями о войнѣ и разнобразными комментаріями къ нимъ. По сравненію съ событіями, совершающимися на театрѣ военныхъ дѣйствій, и отголосками этихъ событій внутри государства, вопросы внутренней жизни послѣдняго какъ будто отошли въ общественномъ сознаніи на задній планъ и потеряли всякое значеніе. Въ дѣйствительности это, конечно, не болѣе, какъ своего рода иллюзія. Въ свое время помянутые вопросы вновь дадутъ знать о себѣ, и при томъ тѣмъ съ большею силою, чѣмъ большему забвенію и пренебреженію подвергнутся они теперь. Съ другой стороны, самый характеръ и степень интереса, проявляемаго разными слоями русскаго общества къ событіямъ, разыгрывающимся на Дальнемъ Востокѣ, стоятъ въ тѣсной связи съ тою ролью, какую играютъ тѣ же общественные слои во внутренней жизни страны. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерными являются комментаріи, даваемые русско-японской войнѣ въ нѣкоторыхъ изъ столичныхъ газетъ.

Петербургская газета „Русь“, основанная въ концѣ прошлаго

года нѣсколькими отколовшимися нововременцами, съ бывшимъ редакторомъ „Новаго Времени“ г. А. А. Суворинымъ во главѣ, до начала войны старалась не возбуждать шовинизма. Но заговорили пушки,—и отзывчивые писатели не выдержали. При первыхъ же извѣстіяхъ о боѣ подъ Портъ-Артуромъ, „Русь“ нашла нужнымъ нарисовать фантастическую картину этого боя и обозвать японцевъ „зазнавшимися азіатами“, „макаками“, которые „полѣзли даже не на государство, не на великое государство, а на цѣлую часть свѣта, именуемую Россіей“ *). Черезъ нѣкоторое время редакторъ „Руси“, заинтересовавшись вопросомъ, отчего у насъ много враговъ, объяснилъ этотъ фактъ тѣмъ, что наши границы слишкомъ раздвинуты, а культура внутри ихъ черезчуръ разрѣжена, и совѣтовалъ для избавленія отъ враговъ озаботиться поднятіемъ культуры. Надо полагать, однако, онъ не задумался надъ тѣмъ, какъ согласовать заботы о поднятіи культуры съ попытками разрѣшать международные споры при помощи ругательствъ, разсчитанныхъ на угожденіе вкусамъ толпы.

Г. Суворинъ-отецъ въ этомъ отношеніи гораздо безстрашнѣе. Еще около года тому назадъ и онъ утверждалъ, что Манчжурія совершенно не нужна Россіи, но уже за нѣсколько мѣсяцевъ до начала войны развязно перемѣнилъ это утвержденіе на другое,—что Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ отказаться отъ Манчжуріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настоятельно заявлялъ, что вся русская печать настроена вполнѣ миролюбиво и, въ частности, не позволяетъ себѣ никакихъ оскорбленій по адресу японцевъ. И, должно быть, для вящшаго доказательства послѣдняго заявленія, онъ въ той же статьѣ авторитетно утверждалъ, что подавляющее большинство японскаго народа состоитъ изъ дураковъ. Война еще болѣе окрылила издателя „Новаго Времени“. Не такъ давно онъ съ видомъ всезнающаго авгура таинственно пророчилъ русскому обществу какую-то „весну“. Теперь онъ снова говоритъ о „веснѣ“, но придаетъ этому слову уже совершенно другой смыслъ. „И мы не дождемся весны!?—въ пророческомъ экстазѣ восклицаетъ г. Суворинъ по поводу начала военныхъ дѣйствій.—Не дождемся радостнаго мира, не дождемся побѣды надъ врагомъ!? Не покажемъ этому дьяволу, что онъ рано еще торжествуетъ и рано задралъ кверху свой цѣпкій хвостъ и вертитъ имъ!?“ **).

Я не знаю, какой „весны“ ждетъ г. Суворинъ отъ войны. Не знаю также, насколько легче русскимъ солдатамъ и матросамъ будетъ бороться съ японцами, отъ того, что петербургскіе „публицисты“ станутъ обзывать послѣднихъ „зазнавшимися азіатами“, „макаками“ и „дьяволами“. Боюсь, что русскія войска не особенно сильно почувствуютъ такую помощь. Но гг. Суворины, оче-

*) «Русь», 29 января 1904 г.

**) «Новое Время», 12 февр. 1904 г.

видно, думаютъ объ этомъ иначе и стараются уподобиться воспѣтому Гоголемъ запорожскому казаку Демиду Поповичу, который „крѣпокъ былъ на ѣдкое слово“ передъ врагомъ. Разница сказывается только въ томъ, что старинные Поповичи, стараясь вызвать „ѣдкимъ словомъ“ бой, сами участвовали въ этомъ бою, а современные ихъ подражатели избавлены отъ такой обязанности и могутъ довольствоваться небольшими отчисленіями изъ доходовъ газеты на усиленіе русскаго флота, усердно приглашая къ такимъ же отчисленіямъ всѣхъ кухарокъ и горничныхъ, газетъ не имѣющихъ.

Крѣпкіе на ѣдкое слово публицисты нашлись, впрочемъ, не только въ Петербургѣ. Въ Москвѣ такіе публицисты пишутъ еще энергичнѣе, рѣшительно вырывая пальму первенства изъ рукъ своихъ петербургскихъ собратьевъ. „Японцы!..—восклицаетъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ нѣкій г. Хозарскій. — Какіе-то выродки монгольской расы, крошечные человѣчки съ атрофированными ногами, язычники, курящіе подъ носъ своимъ идоламъ всякую дрянь, вчерашніе дикари, еще не освоившіеся со штанами!.. И они грозятъ Россіи!..“ *) Глубоко увѣренный въ своей культурности, г. Хозарскій употребляетъ еще много „ѣдкихъ словъ“ въ стилѣ Демида Поповича, но всѣхъ ихъ все равно не привести. Сама же редакція „Моск. Вѣдомостей“, комментируя русско-японскую войну, съ непререкаемымъ авторитетомъ заявляетъ, что „это первый актъ міровой борьбы языческаго „Чернаго Дракона“ противъ Святого Креста“. „Для блага всего міра,—продолжаетъ газета,—для блага самихъ японцевъ, не сознающихъ этого въ своемъ языческомъ и атеистическомъ ослѣпленіи, побѣда русскаго оружія необходима, ибо только изъ этого грубое сознаніе Востока могло бы уразумѣть, како можетъ православныхъ вѣра... Пока они не уразумѣютъ этого, ихъ народный духъ останется омраченъ дикимъ язычествомъ, одинаковымъ у ихъ „образованныхъ“ атеистовъ и фанатическихъ идолопоклонниковъ, одинаково не имѣющихъ не только сознанія высшихъ цѣлей жизни, но даже низшихъ добродѣтелей, порождаемыхъ христіанствомъ, какъ гуманность, честность, прямодушіе. Всѣ они до тѣхъ поръ остаются (останутся?) коварными, злобными и ненасытно-жадными. Только побѣда креста могла бы имъ показать правду христіанства, ибо въ грубомъ языческомъ состояніи человѣкъ только въ силѣ способенъ замѣтить правду“ **). Если бы можно было отправить редактора „Моск. Вѣдомостей“ въ Японію, онъ, вѣроятно, скоро убѣдилъ бы японцевъ, что для ихъ же собственнаго блага имъ необходимо потерпѣть пораженіе, и тѣмъ избавилъ бы русскую армію отъ всякихъ хлопотъ. Но при всей похвальности патріотическаго воодуше-

*) «Моск. Вѣд.», 5 февр. 1904 г.
**) «Моск. Вѣд.», 31 янв. 1904 г.

вленія г. Грингмута его паѳосъ, кажется, завелъ его черезчуръ далеко. Въ своемъ увлеченіи этимъ паѳосомъ онъ, надо полагать, не сообразилъ того, насколько странно будетъ для стоящихъ въ рядахъ нашей арміи евреевъ и магометанъ открытіе, что они борятся за торжество христіанства, и забылъ, что оффиціальное разъясненіе причинъ войны говоритъ о борьбѣ за преобладаніе въ Кореѣ и Манчжуріи, а не о борьбѣ христіанства съ язычествомъ. Какъ бы то ни было, и г. Грингмутъ, подобно г. Суворину, готовъ считать начавшуюся войну благодѣтельнымъ событіемъ для Россіи.

Повторяю, мнѣ неизвѣстно, какой „весны“ ожидаютъ г.г. Суворины и Грингмуты отъ войны, въ которую вовлечена Россія на Дальнемъ Востокѣ. Точнѣе говоря, я знаю, что они очень желали бы выдать зиму за весну и заранѣе готовятся торжествовать такую зиму. И, когда я просматриваю тѣ газеты, въ которыхъ поются теперь хвалебные гимны войнѣ и чуть не всѣ народы міра объявляются исконными врагами Россіи, мнѣ невольно вспоминается разсказъ одного изъ героевъ Успенскаго о „сотрудникѣ дождей и вѣтровъ“ по части разрушенія дырявой мужицкой крыши, принявшемся откармливать пріютившуюся подъ этой крышей клячу-идею жирной газетной трухой. Правда, нынѣшніе гг. сотрудники располагаютъ трухой, хотя и пряной, но крайне ужъ непитательной и въ виду этого, пожалуй, даже мужицкая кляча, которой не приходится быть осебенно прихотливой, не окажется черезчуръ падкой на преподносимую ей пищу. Быть можетъ, эта надежда еще оправдается, и мы убережемся отъ эпидеміи шовинизма, богатой тяжелыми послѣдствіями и неизбѣжно влекущей за собою горькое разочарованіе. Но для этого, конечно, необходимо, чтобы распространеніе шовинистскихъ идей во время встрѣтило стойкій отпоръ.

Въ новогоднихъ газетахъ, по установившемуся обычаю, была опубликована общая роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на текущій годъ и сопровождающій ее всеподданнѣйшій докладъ управляющаго министерства финансовъ. Въ нынѣшнемъ году этотъ докладъ не представляетъ, впрочемъ, обычнаго интереса и содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ изложеніе цифръ росписи, снабженное лишь нѣкоторыми частными поясненіями. Съ другой стороны, въ настоящее время уже вполнѣ выяснилось, что заключающіяся въ росписи предположенія должны будутъ претерпѣть серьезныя измѣненія въ результатѣ вспыхнувшей войны и связанныхъ съ нею расходовъ. Тѣмъ не менѣе упомянутые документы сохраняютъ все свое значеніе для обрисовки состоянія государственныхъ средствъ и плановъ распоряженія этими средствами. Съ этой точки зрѣнія мы и остановимся на цифрахъ росписи.

Сумма обыкновенныхъ доходовъ, предположенныхъ къ поступленію въ 1904 г., исчислена росписью въ 1.980.094.493 р., превышая такую же сумму росписи 1903 года на 83.061.815 р. Обыкновенныхъ же расходовъ въ 1904 г. предположено росписью на 1.966.458.251 р., т. е. на 86.053.022 р. больше, чѣмъ въ 1903 г. Такимъ образомъ обыкновенный бюджетъ текущаго года предположено свести съ избыткомъ доходовъ надъ расходами, въ количествѣ 13.636.242 р. Весь этотъ избытокъ поглощается, однако, дефицитомъ по чрезвычайному бюджету, требующимъ кромѣ того значительной приплаты изъ такъ называемой свободной наличности государственнаго казначейства.

Чрезвычайныхъ доходовъ въ текущемъ году предположено къ поступленію 2.750.000 р., т. е. на 250.000 р. больше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Чрезвычайные же расходы на 1904 годъ исчислены росписью въ суммѣ 212.178.804 р., превышающей соотвѣтствующую сумму росписи 1903 года на 20.961.561 р. Если вычесть изъ указанной суммы чрезвычайныхъ расходовъ текущаго года чрезвычайные доходы и избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ такими же расходами, то останется еще дефицитъ въ 195.792.562 р. Этотъ дефицитъ и предполагается покрыть изъ свободной наличности государственнаго казначейства. Подавляющая доля составленнаго такимъ образомъ „чрезвычайнаго" бюджета по-прежнему обращается на постройку желѣзныхъ дорогъ. Лишь 2 милліона рублей изъ всей суммы чрезвычайныхъ расходовъ предположено затратить на вознагражденіе частныхъ лицъ и учрежденій за отмѣну принадлежавшаго имъ права пропинаціи, остальные же 210 милл. р. цѣликомъ предназначены на желѣзнодорожное строительство. Изъ этого общаго числа 17,1 милл. р. назначены на Кругобайкальскую дорогу и другія издержки по Сибирскому пути, 32 милл. р.—на Бологое-Сѣдлецкую линію, 31 милл. р.—на Оренбурго-Ташкентскую, 18 милл. р.—на Петербурго-Вятскую, 4, 5 милл. р.—на Петербурго-Петрозаводскую, 15 милл. р.—на окружную Московскую, 7 милл. р.—на вторую Екатерининскую, 6, 1 милл. р.—на другія, находящіяся въ постройкѣ, линіи, 11, 5 милл. р.—на приступъ къ постройкѣ новыхъ линій, главнымъ образомъ въ Европейской Россіи, 4, 4 милл. р.—на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкой Сибирской желѣзной дороги, и 63 милл. р.—на выдачу частнымъ обществамъ ссудъ для сооруженія дорогъ.

Вернемся еще къ обыкновенному бюджету текущаго года. Какъ мы видѣли выше, обыкновенные расходы текущаго года увеличены росписью на 86 милл. р. сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Но это увеличеніе далеко не равномѣрно распредѣлилось между различными статьями расходовъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи настоящую роспись съ росписью предыдущаго года, мы встрѣтимъ въ первой уменьшеніе расходовъ по

двумъ статьямъ: по смѣтѣ морского министерства на 2.009 тыс. р. и въ статьѣ платежей по государственнымъ займамъ—на 1.667 т. р. всего же на 3.576 тыс. р. Увеличеніе же расходовъ по отдѣльнымъ статьямъ росписи произошло въ слѣдующемъ размѣрѣ:

		въ тысячахъ рублей:
по смѣтамъ министерства путей сообщенія и главнаго управленія торговаго мореплаванія	на	31.352.
по смѣтѣ министерства военнаго	»	30.834.
» » » внутреннихъ дѣлъ	»	15.010.
» » » народнаго просвѣщенія	»	4.462.
» » » финансовъ	»	2.713.
» » » юстиціи	»	1.699.
» » вѣдомства синода	»	944.
» » министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ	»	744.
» » министерства иностранныхъ дѣлъ	»	676.
» » вѣдомства государственнаго контроля	»	611.
» » министерства двора	»	319.
» » высшихъ государственныхъ учрежденій	»	319.
» » главнаго управленія государств. коннозаводства	»	46.
Всего	на	89.729.

Такимъ образомъ главная доля указаннаго прироста расходовъ въ текущемъ году пришлась на такія статьи бюджета, которыя имѣютъ наиболѣе отдаленное отношеніе къ культурнымъ потребностямъ страны. Пути сообщенія поглотили 34,9% этого прироста, расходы военнаго министерства—34,4%, расходы на администрацію и полицію—16,7%, а на всѣ эти нужды вмѣстѣ ушло 86% всего прироста расходовъ. Наряду съ этимъ, 5% такого прироста, обращенные на усиленіе загратъ по министерству народнаго просвѣщенія, представляются совершенно ничтожной величиной. Но то же явленіе выступитъ передъ нами еще отчетливѣе, если отъ распредѣленія прироста расходной смѣты мы обратимся къ общимъ цифрамъ бюджета.

Общая сумма всѣхъ расходовъ государства на текущій годъ, считая въ томъ числѣ какъ обыкновенные, такъ и чрезвычайные расходы, исчислена росписью въ 2.178.637.055 р., на 106.969.583 р. больше противъ прошлаго года. Изъ этой суммы на платежи по государственнымъ займамъ назначены 289,3 милл. р. или 13,3% всего бюджета. На министерство иностранныхъ дѣлъ расходы предположены росписью въ суммѣ 6,4 милл. р., на военное—360,8 милл. р. и на морское—113,6 милл. р.; всего, значитъ, на дипломатію, армію и флотъ ассигновано росписью 480,8 милл. р. или 22,1% бюджета. Слѣдующее мѣсто занимаютъ расходы по министерству путей сообщенія, исчисленные росписью въ суммѣ 473,3 милл. р., равной 21,7% бюджета. Сюда же надо отнести расходы по смѣтѣ главнаго управленія торговаго мореплаванія,

предположенные въ размѣрѣ 16,6 милл. р. или 0,8% бюджета, и намѣченные росписью расходы по чрезвычайному бюджету, почти цѣликомъ предназначенные на нужды желѣзнодорожнаго строительства и достигающіе 212,1 милл. р. или 9,7% всего бюджета. Наконецъ, на расходы по министерству финансовъ въ росписи назначена сумма въ 372,1 милл. р., равная 17,1% общаго бюджета. Итакъ, на платежи по своимъ долгамъ и на нужды внѣшней обороны государство предполагало затратить въ текущемъ роду 35,4% своего бюджета, на пути сообщенія, среди которыхъ особенно видное мѣсто занимаютъ желѣзныя дороги,—32,9% и на нужды финансоваго вѣдомства—17,1% бюджета. Взятые всѣ вмѣстѣ, эти расходы должны были составить 84,9% всѣхъ издержекъ государства, тогда какъ на удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ потребностей страны предназначалось лишь 15,1% государственнаго бюджета. Въ свою очередь, около половины этого остатка должны были поглотить издержки на общую администрацію и судъ: расходы по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ исчислены въ росписи въ размѣрѣ 5,3% бюджета, по смѣтѣ министерства юстиціи—въ 2,3%, а, вмѣстѣ взятыя, обѣ эти рубрики расходовъ достигаютъ 7,6% всего государственнаго бюджета. Затраты на всѣ другія отрасли государственнаго хозяйства занимаютъ въ росписи уже очень скромное мѣсто. Такъ, расходы по министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ составляютъ 2,3% общаго бюджета, по министерству народнаго просвѣщенія—2%, по синодальному вѣдомству—1,3%, по министерству двора—0,7%, по вѣдомству государственнаго контроля—0,4% и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, роспись текущаго года мало отличается отъ росписей предшествующихъ лѣтъ, свидѣтельствуя о томъ, что развитіе государственнаго хозяйства страны продолжаетъ двигаться по тому-же самому пути, по какому оно шло въ послѣднее десятилѣтіе. По прежнему расходы государства продолжаютъ быстро возрастать и прежнею-же остается система распредѣленія этихъ расходовъ, при чемъ среди нихъ все болѣе видное мѣсто занимаютъ затраты на устройство путей сообщенія. Всего три года тому назадъ такія затраты равнялись 514 милл. р. и составляли 28% государственнаго бюджета. Въ нынѣшнемъ году подобныя затраты предположены уже въ грандіозной суммѣ 702 милл. р., равняющейся 32,3% всѣхъ расходовъ государства. Этотъ быстрый ростъ издержекъ на устройство путей сообщенія, заключавшееся главнымъ образомъ въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, представлялъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей эволюціи нашего государственнаго хозяйства въ послѣдніе годы и онъ же опредѣлилъ собою одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій этой эволюціи, нагляднымъ образомъ выразившееся въ нарушеніи бюджетнаго равновѣсія. Еще два года назадъ мы имѣли случай указывать, что усиленное желѣзнодорожное

строительство, практикуемое у насъ, не только вызываетъ чрезмѣрную экономію въ обыкновенныхъ государственныхъ расходахъ, благодаря которой создается задержка въ удовлетвореніи цѣлаго ряда важнѣйшихъ потребностей страны, но и влечетъ за собою серьезное увеличеніе тяготѣющаго надъ государствомъ бремени задолженности. Роспись 1904 года даетъ новыя подтвержденія справедливости такого указанія. Правда, отмѣченный въ этой росписи дефицитъ по чрезвычайному бюджету, вызванный ассигновками на желѣзнодорожное строительство и достигающій 195 милл. р., съ избыткомъ покрывается свободною наличностью государственнаго казначейства, размѣръ которой къ началу 1904 года финансовое вѣдомство исчисляетъ въ 312 милл. р Но сама эта свободная наличность, какъ показываютъ свѣдѣнія, заключающіяся въ докладѣ управляющаго министерствомъ финансовъ, образована изъ средствъ, полученныхъ не только отъ превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами, но и отъ пользованія государственнымъ кредитомъ. Такъ, въ числѣ суммъ, вошедшихъ за 1903 годъ въ составъ свободной наличности, въ докладѣ управляющаго министерствомъ финансовъ указаны 3,1 милл. р., вырученные отъ реализаціи ренты, оставшейся отъ обмѣна облигацій Ивангородъ-Домбровской желѣзной дороги, и 68,9 милл. р., поступившіе въ досрочное погашеніе долга особаго отдѣла государственнаго Дворянскаго земельнаго банка государственному казначейству. На счетъ характера полученія первой изъ этихъ суммъ не можетъ возникнуть никакихъ сомнѣній. Но и вторая изъ упомянутыхъ суммъ представляетъ лишь результатъ своеобразной операціи, сводящейся въ сущности къ скрытому внутреннему займу. Такимъ образомъ немалая часть того, сравнительно уже небольшого, остатка свободной наличности, какой долженъ бы сохраниться послѣ покрытія изъ ея суммъ дефицита по чрезвычайному бюджету, оказывается полученной путемъ займовъ, и это обстоятельство не очень много говоритъ въ пользу прочности бюджетнаго равновѣсія.

Указанный фактъ получаетъ особенно важное значеніе въ виду тѣхъ осложненій, какія могутъ быть внесены въ исполненіе росписи военными событіями, разыгрывающимися на Дальнемъ Востокѣ. Въ печать уже проникли свѣдѣнія о существованіи проекта серьезнаго сокращенія предположенныхъ было въ 1904 г. расходовъ на желѣзнодорожное строительство. Можно опасаться, однако, что усиленная экономія потребуется не только въ затратахъ на желѣзныя дороги и что одною экономіею въ обычныхъ расходахъ еще не ограничатся жертвы, какія придется государству принести на алтарь войны. Какъ мы видѣли, та свободная наличность государственнаго казначейства, которой въ теченіе столькихъ лѣтъ приписывалось значеніе страховаго фонда для государства, въ моментъ наступленія кризиса не оправдала дѣ-

лавшихся за ея счетъ завѣреній и явилась не особенно обильнымъ запасами источникомъ. Правда, приведенныя выше цифры этой свободной наличности должны быть еще увеличены нѣсколькими десятками милліоновъ, такъ какъ въ цитированные нами разсчеты финансоваго вѣдомства не вошли ни превышенія доходовъ надъ смѣтными предположеніями за послѣдніе два мѣсяца 1903 года, превышенія, въ дѣйствительности, несомнѣнно, существовавшія, ни столь же несомнѣнные свободные остатки отъ смѣтныхъ ассигнованій 1903 года и прежнихъ лѣтъ. Но и получающаяся съ этой прибавкой сумма свободной наличности едва ли можетъ считаться крупной въ виду предстоящихъ военныхъ расходовъ. Достаточно напомнить, что въ послѣднюю русско-турецкую войну, когда театръ сухопутныхъ военныхъ дѣйствій былъ неизмѣримо ближе къ коренной Россіи, а дорого стоющихъ морскихъ операцій почти не производилось, расходы государственнаго казначейства превысили милліардъ рублей. Нетрудно представить себѣ, что расходы современной войны, вдобавокъ ведущейся на громадномъ разстояніи отъ центра страны, должны быть гораздо выше. Все это заставляетъ думать, что, каковъ бы ни былъ исходъ настоящей войны, Россіи, во всякомъ случаѣ, предстоитъ готовиться къ чрезвычайно серьезнымъ осложненіямъ своего финансоваго хозяйства.

---

23 января текущаго года состоялся именной высочайшій указъ Правительствующему Сенату такого содержанія: „Министра народнаго просвѣщенія, т. с. Зенгера—всемилостивѣйше увольняемъ, согласно прошенію, по болѣзни, отъ занимаемой имъ должности, съ назначеніемъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ“.

---

4 февраля Государственному Совѣту данъ былъ слѣдующій именной высочайшій указъ: „Управляющему министерствомъ финансовъ. т. с. Плеске—всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ Государственнаго Совѣта, съ увольненіемъ отъ управленія министерствомъ финансовъ“.

5 февраля послѣдовалъ именной указъ Правительствующему Сенату такого содержанія: „Государственному секретарю, сенатору, т. с. Коковцеву—всемилостивѣйше повелѣваемъ быть управляющимъ министерствомъ финансовъ, съ оставленіемъ въ званіи сенатора“.

Именнымъ указомъ отъ 7 февраля военный министръ ген.-ад. Куропаткинъ назначенъ командующимъ манчжурскою арміей, съ отчисленіемъ отъ должности военнаго министра. Одновременно

съ этимъ временное управленіе военнымъ министерствомъ возложено на начальника главнаго штаба ген.-ад. Сахарова.

III.

За послѣдній мѣсяцъ обнародованъ рядъ правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатаны слѣдующія распоряженія, объявленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ Правительствующему Сенату:

„Признавъ необходимымъ усилить въ теченіе нѣкотораго времени предоставленныя губернской администраціи права по охраненію общественнаго порядка и спокойствія въ Томскомъ уѣздѣ, Томской губерніи, и руководствуясь въ этомъ отношеніи ст. 7 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (приложеніе I къ ст. 1 уст. о пред. и пресѣч. прест., т. XIV св. зак., изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ, 13 декабря 1903 г., названный уѣздъ въ состояніи усиленной охраны, о чемъ, согласно ст. 8 помянутаго положенія, донесъ правительствующему сенату, для распубликованія“.

„Признавъ необходимымъ, согласно съ ходатайствомъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, усилить въ теченіе нѣкотораго времени предоставленныя губернской администраціи права по охраненію общественнаго порядка и спокойствія въ уѣздахъ Ахалцихскомъ, Ахалкалакскомъ и Борчалинскомъ, Тифлисской губерніи, и руководствуясь въ этомъ отношеніи ст. 7 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (Приложеніе I къ ст. 1 уст. о пред. и пресѣч. прест. т. XIV св. зак., изд. 1890 года), министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ 2-го февраля 1904 г. названные уѣзды въ состояніи усиленной охраны. О семъ, согласно ст. 8 помянутаго положенія, министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ правительствующему сенату, для распубликованія“.

Въ свою очередь мѣстными властями нѣкоторыхъ губерній, находящихся на положеніи усиленной охраны, изданы новыя обязательныя постановленія для жителей.

Главноначальствующимъ на Кавказѣ издано обязательное постановленіе по городу Сухуму и Сухумскому округу о воспрещеніи носить оружіе и о правилахъ торговли огнестрѣльнымъ оружіемъ *).

Въ „Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано из-

*) «Н. Время», 21 янв. 1904 г.

данное 13 января текущаго года полтавскимъ губернаторомъ, кн. Урусовымъ, на основаніи ст. 15-й положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, обязательное постановленіе, которымъ подъ угрозой взысканій, не превышающихъ трехмѣсячнаго ареста или же штрафа въ 500 руб., обывателямъ городовъ Полтавы, Кременчуга, Лубенъ, Константинограда, Переяслава и ихъ уѣздовъ, какого бы званія и состоянія они ни были, воспрещается всякое вмѣшательство въ дѣйствія и распоряженія чиновъ полиціи *).

Въ кіевскихъ газетахъ напечатано слѣдующее обязательное постановленіе, изданное 18 янв. т. г. мѣстнымъ губернаторомъ, ген.-м. Саввичемъ, для жителей г. Кіева и его предмѣстій: „Въ измѣненіе обязательнаго постановленія отъ 6 ноября 1903 г. о воспрещеніи противозаконныхъ сходбищъ и собраній, кіевскій губернаторъ, на основаніи ст. 15 и п. 2 ст. 16 правилъ о положеніи усиленной охраны (приложеніе I къ ст. 1 уст. о предупр. и пресѣч. прест., изд. 1890 года), а также ст. 206 общ. учр. губ. (томъ II св. зак., изд. 1892 года) постановилъ: 1) Всякія сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія, общему спокойствію и тишинѣ противныхъ, воспрещаются. 2) Участники означенныхъ въ п. 1 сего постановленія сходбищъ и собраній подвергаются въ административномъ порядкѣ аресту до трехъ мѣсяцевъ или денежному штрафу до пятисотъ рублей. 3) Такой же отвѣтственности подвергаются квартирохозяева и лица, фактически завѣдывающія всякими помѣщеніями, въ коихъ будутъ обнаружены сходбища или собранія, указанныя въ п. 1 сего постановленія **).

Въ „Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ опубликовано для жителей г. Сумъ и Сумскаго уѣзда постановленіе начальника губерніи, воспрещающее всякія недозволенныя сходбища и собранія, а хозяевамъ фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній, равно какъ управляющимъ и арендаторамъ оныхъ вмѣняющее въ обязанность внимательно слѣдить за недопущеніемъ среди рабочихъ распространителей вредныхъ ученій и всякаго рода волнующихъ общественное спокойствіе слуховъ и, въ случаѣ появленія таковыхъ, немедленно извѣщать полицію, стараясь не упускать подозрительныхъ лицъ изъ-подъ своего наблюденія и по возможности сохранять доказательства преступленія, каковыми могутъ быть запрещенныя книги, рукописи и т. п.; тѣмъ же постановленіемъ воспрещается всѣмъ распространеніе слуховъ о могущихъ произойти безпорядкахъ и волненіяхъ, расклеиваніе о томъ объявленій и разсылка писемъ ***).

---

*) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 21 янв. 1904 г.

**) Цитирую по «Руси», 25 янв. 1904 г.

***) Цитирую по «Праву», 1904 г., № 4.

Для жителей Екатеринославской губерніи мѣстнымъ губернаторомъ, гр. Келлеромъ, изданы обязательныя постановленія, касающіяся учета населенія, наблюденія за внутреннимъ порядкомъ въ домахъ, предупрежденія возникновенія тайныхъ притоновъ, ограниченія пользованія оружіемъ, воспрещенія незаконныхъ денежныхъ сборовъ, недопущенія вредныхъ ученій и слуховъ среди рабочаго населенія, мѣръ къ охраненію наружнаго порядка и благочинія, учрежденія ночныхъ сторожей и отвѣтственности за нарушеніе обязательныхъ постановленій *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду серьезныхъ безпорядковъ, происшедшихъ 20 и 21 декабря 1903 г. на расположенномъ близь г. Екатеринослава Днѣпровскомъ Каменскомъ заводѣ и вызванныхъ пониженіемъ заработной платы, екатеринославскій губернаторъ, какъ сообщаетъ „Приднѣпровскій Край", счелъ нужнымъ обратиться къ рабочимъ названнаго завода съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Къ рабочимъ днѣпровскаго завода. Неразумными и ничѣмъ не оправдываемыми безчинствами вчерашняго вечера нѣкоторое число рабочихъ днѣпровскаго завода причинило значительныя поврежденія какъ заводу, такъ и собственности рабочаго населенія. Независимо отъ разгрома и сожженія заводскаго имущества, шалая толпа разорила многія рабочія семьи, разграбивъ и уничтоживъ лавки и складъ общества потребителей, участниками котораго состоятъ сами рабочіе, и этимъ нанесла послѣднимъ убытокъ болѣе, чѣмъ на 200,000 рублей. Вывѣшиваніе объявленія о предполагавшемся съ 1-го января измѣненіи платы по нѣкоторымъ работамъ въ доменномъ отдѣленіи, очевидно, не могло быть причиною, а послужило только предлогомъ къ происшедшимъ безобразіямъ, такъ какъ существовали иные, законные пути къ выраженію неудовольствія новыми расцѣнками или къ отказу отъ работы при новыхъ условіяхъ. Цѣль нѣсколькихъ безшабашныхъ сорвиголовъ была произвести, во что бы то ни стало, безпорядокъ. Какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, весьма возможно, что поплатятся за эти безпорядки не главные виновники и зачинщики, которые успѣютъ скрыться, заметавъ свои слѣды, а люди, увлеченные ими къ преступнымъ дѣйствіямъ по недомыслію. Не довольствуясь причиненными уже несчастіями, незначительная по числу, но сильная своею безсовѣстностью, группа злонамѣренныхъ пытается разными угрозами помѣшать спокойнымъ и разсудительнымъ рабочимъ снова приступить къ работамъ. Послѣдствіемъ такихъ дѣйствій, если они удадутся, будетъ дальнѣйшее разореніе рабочихъ, семьи коихъ къ наступающимъ праздникамъ останутся безъ хлѣба. Съ моей стороны будутъ приняты мѣры къ обузданію негодяевъ. Я не допущу, чтобы нѣсколько безмозглыхъ мальчишекъ помѣшали честнымъ,

---

*) «Н. Время», 4 февр. 1904 г.

труженикамъ добывать своею работою необходимыя средства къ жизни своихъ семей. Приглашаю поэтому болѣе разумныхъ рабочихъ не давать себя устрашать угрозами безсмысленнаго меньшинства *).

Въ „Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано: „Г. подольскій губернаторъ объявляетъ благодарность полицейскому урядпику 16-го участка Ольгопольскаго уѣзда Лисецкому за примѣрную и выдающуюся храбрость и распорядительность, проявленныя имъ во время крестьянскихъ безпорядковъ въ с. Горячковкѣ въ ночь на 21 ноября 1903 г.“ *).

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ напечатано: „на основаніи п. 3-го ст. 16-й положенія объ усиленной охранѣ, одесскій градоначальникъ 1-го сего января постановилъ: содержимые мѣщанами Михелемъ Рывкинымъ и Мовшей Пижикомъ въ домѣ князя Горчакова, на Александровской площади, табачные магазины, по неблагонадежности ихъ владѣльцевъ и, между прочимъ, за то, что допускали нарушеніе обязательнаго постановленія одесской городской думы о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни, чѣмъ лишали своихъ служащихъ законнаго отдыха. закрыть на два мѣсяца каждый“ ***).

Въ той же газетѣ напечатано: „разсмотрѣвъ представленныя и. об. одесскаго полиціймейстера свѣдѣнія о нарушеніи мѣщанами: Гоффбергомъ, Манухинымъ, Фелеромъ, Райцисомъ и Муселевичемъ дѣйствующаго въ одесскомъ градоначальствѣ обязательнаго постановленія 4 марта 1902 г. о воспрещеніи сходбищъ, одесскій градоначальникъ, на основаніи ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ, 21 сего января постановилъ: названныхъ выше лицъ за то, что своимъ вызывающимъ поведеніемъ собрали на Базарной улицѣ толпу, возбуждая оную къ оказанію сопротивленія полиціи при возстановленіи ею порядка, подвергнуть аресту на двѣ недѣли каждаго“ ****).

Въ г. Баку, какъ сообщаютъ „Бакинскія Извѣстія“, по постановленію мѣстнаго губернатора, за нарушеніе закона объ усиленной охранѣ содержится въ арестномъ домѣ 94 человѣка *****).

---

8 января текущаго года состоялся слѣдующій именной высочайшій указъ Правительствующему Сенату: „Начальника грузин-

*) Цитирую по «Руси», 12 янв. 1904 г.
**) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 14 дек. 1904 г.
***) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 19 января 1904 г.
****) Цитирую по «Праву», 1904 г., № 5.
*****) Цитирую по «Праву», 1904 г., № 5.

ской армяно-грегоріанской епархіи, архіепископа Кеворка Суреньянца увольняемъ отъ сей должности".

По словамъ „Карса", главное кавказское начальство, признавъ нужнымъ, за участіе въ безпорядкахъ во время пріема въ казну армянскихъ церковныхъ имуществъ и дерзкое неповиновеніе властямъ, лишить армянскую часть населенія сел. Урутъ, ардаганскаго округа, права выбора помощника сельскаго старосты, предложила военному губернатору Карской области распорядиться назначеніемъ въ сел. Урутъ для армянъ этого селенія и за ихъ счетъ правительственнаго помощника старосты срокомъ на два года, съ содержаніемъ по 360 р. въ годъ и съ отводомъ ему безплатной квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ *).

Главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ призналъ нужнымъ воспретить проживаніе въ предѣлахъ Кавказскаго края: проживающему въ Карсѣ Мухтару Амрахъ-оглы Исмагелову—на три года, священнику Григорію Согомонову—на одинъ годъ, приписаннымъ къ м. Кагызману армянамъ бѣженцамъ: бр. Аре и Кеворку Асатуровымъ, Унану Киркорову, Давиду Манукову и Багдасару Ованесову, жителямъ г. Александрополя Амазаспу Аветисову, Араму Кипачкіанцу и жителю г. Карса Варосу Кзирянцу—навсегда **).

Какъ сообщаютъ газеты, въ Эриванскомъ окружномъ судѣ съ 19 по 22 января слушалось дѣло по обвиненію 17-ти армянъ, жителей селенія Камарлу, по 263 ст. улож. о нак. Приговоромъ суда обвиненіе по 263 ст. отвергнуто; трое подсудимыхъ приговорены по 273 ст. къ арестантскимъ отдѣленіямъ: одинъ — на два года, двое—на два года восемь мѣсяцевъ; остальные приговорены по 37 и 38 ст. уст. о нак.: трое на $1^1/_2$ мѣсяца, 11—на $2^1/_2$ мѣсяца ареста при полиціи. 23 января въ томъ же судѣ слушалось дѣло трехъ армянъ, жителей селенія Аштаракъ, обвинявшихся по ст. 263 ул. о наказаніяхъ. Приговоромъ суда, объявленнымъ при открытыхъ дверяхъ, обвиненіе по 263 ст. отвергнуто, и всѣ трое подсудимыхъ приговорены по 271 ст. къ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ безъ ограниченія правъ. Въ г. Шушѣ 24, 25 и 26 января слушалось дѣло по обвиненію студента института гражданскихъ инженеровъ Цатурьянца, жителей г. Шуши, Каграманьянца и Даніельянца, и персидско-подданнаго Саакянца по 263, § 9 и 2, и 1459 ст. ул. о нак. Первые трое оправданы, послѣдній приговоренъ по ст. 271 къ восьми мѣсяцамъ тюремнаго заключенія ***).

---

*) Цитирую по «Нижегор. Листку», 25 янв. 1904 г.

**) «Право», 1904 г., № 6.

***) «Право», 1904 г., № 4; «Р. Вѣд.», 25 янв.; «Русь», 28 янв. 1904 г.

Въ „Кавказѣ“ напечатано слѣдующее сообщеніе о произведенномъ 5 января т. г. покушеніи на жизнь карсскаго полиціймейстера кн. Херхеулидзе: „Полиціймейстеръ проходилъ по Михайловской улицѣ, сопровождаемый однимъ городовымъ-чеченцемъ. Утро было въ этотъ день туманное. Около персидской мечети на полиціймейстера напало трое неизвѣстныхъ людей, начавшихъ стрѣлять въ него изъ револьвера. Городовой выхватилъ свой револьверъ и, выстрѣливъ въ одного изъ нападавшихъ, ранилъ его въ ногу, но самъ въ то же время былъ раненъ въ грудь навылетъ. Другого изъ нападавшихъ ранилъ кн. Херхеулидзе. Двое изъ нихъ успѣли скрыться, а третій задержанъ“ *).

„Тифлисскій Листокъ“ сообщаетъ, что въ г. Ахалцихѣ 9 января въ $7^1/_2$ ч. в., возлѣ городскихъ лѣсовъ, на Диваньольской улицѣ, неизвѣстный человѣкъ произвелъ выстрѣлъ изъ револьвера въ участковаго пристава Альбертова на разстояніи шести шаговъ, но далъ промахъ и скрылся **).

Въ газетахъ напечатано слѣдующее сообщеніе: „23 января эчміадзинскій уѣздный начальникъ капитанъ Шмерлингъ былъ вызванъ въ Эривань въ качествѣ свидѣтеля на засѣданіе суда по дѣлу объ Аштаракскихъ безпорядкахъ. Вечеромъ онъ возвращался въ Эчміадзинъ. Въ тѣсной улицѣ Эривани, въ мѣстѣ, изобилующемъ переулками, какой-то неизвѣстный подскочилъ къ санямъ и выстрѣлилъ почти въ упоръ въ Шмерлинга, оставшагося невредимымъ. На пальто оказался сильный ожогъ. Выскочившій на выстрѣлъ обыватель заявилъ, что злоумышленниковъ было двое. Шмерлингъ пытался преслѣдовать стрѣлявшаго, но въ темнотѣ потерялъ его изъ вида“ ***).

Въ столичныхъ газетахъ была напечатана слѣдующая телеграмма изъ Баку отъ 4-го февраля: „Сегодня армянскимъ духовенствомъ, при громадномъ стеченіи народа, на площади совершено молебствіе о ниспосланіи побѣды русскому воинству. Когда по окончаніи молебствія раздалось громогласное „ура“ многотысячной толпы и оркестръ заигралъ народный гимнъ, торжество было прервано потрясающимъ душу злодѣяніемъ: въ толпу, по направленію къ духовенству, брошена была бомба, разорвавшаяся и ранившая нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ двое умерли. Недоумѣніе и ужасъ толпы неописуемы. Вскорѣ, однако, успокоившись, толпа, съ музыкой и портретомъ Государя, направилась къ дому губернатора. Депутація почетныхъ армянъ просила

*) Цитирую по «Ниж. Листку», 26 янв. 1904 г.

**) Цитирую по «Праву», 1904 г., № 6.

***) «Нов. Время», 25 янв. 1904 г.

повергнуть къ стопамъ Его Величества вѣрноподданическія чувства. Армяне удручены событіемъ. Производится слѣдствіе" *).

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ" напечатано слѣдующее сообщеніе о покушеніи на жизнь ломжинскаго губернатора: „Губернаторъ баронъ С. Н. Корфъ былъ 8 января на охотѣ, въ имѣніи Дроздово, отстоящемъ въ 9 верстахъ отъ г. Ломжи. Когда баронъ С. Н. Корфъ возвращался домой и проѣзжалъ въ первомъ часу ночи черезъ дер. Калиново, отстоящую въ 4 верстахъ отъ Ломжи, онъ неожиданно услышалъ сзади коляски какой-то трескъ, похожій на выстрѣлъ, и одновременно съ его головы упала фуражка; вслѣдъ раздались еще два выстрѣла. Баронъ С. Н. Корфъ приказалъ кучеру остановиться, и, обернувшись, увидѣлъ приблизительно шагахъ въ пятнадцати отъ экипажа, стоявшаго у дороги какого-то человѣка, бросившагося послѣ остановки экипажа во дворъ ближайшаго крестьянскаго дома. Темнота ночи помѣшала разсмотрѣть примѣты этого человѣка. Когда коляска остановилась, то сидѣвшій на козлахъ земскій стражникъ Малиновскій соскочилъ въ погоню за незнакомцемъ, но злоумышленникъ уже успѣлъ перелѣзть черезъ заборъ, а затѣмъ скрылся въ темномъ саду, прилегающемъ къ полю. Во время преслѣдованія стражникъ, споткнувшись въ канавѣ, упалъ, и это промедленіе воспрепятствовало, къ сожалѣнію, успѣху погони. Слѣдствіе производится. Осмотромъ фуражки установлено, что пуля прошла съ тыльной стороны фуражки въ направленіи къ козырьку" **).

Въ „Русскомъ Инвалидѣ" напечатано: „27 сентября 1903 г. въ гор. Саратовѣ вышелъ на пристань генералъ, ѣхавшій на пароходѣ въ г. Казань изъ г. Перми. Въ числѣ другихъ лицъ на пристани стояли студентъ московскаго сельскохозяйственнаго института Александръ Андреевъ, онъ же Даниловъ, и житель гор. Сарапуля Иванъ Меншиковъ. Увидѣвъ генерала, Андреевъ громко, такъ, чтобы всѣ слышали, сказалъ: „Вотъ кокардникъ. Разъ кокардникъ, значитъ—прохвостъ, а если красноподкладочникъ, генералъ, значитъ,—сволочь. Всѣ они сволочи". А затѣмъ произнесъ площадную брань и прибавилъ: „Всѣхъ генераловъ или вѣшать, или морду имъ бить". Желая задержать студента и видя, что полицейскихъ стражниковъ по близости нѣтъ, а стоятъ они лишь у трапа, генералъ направился туда. Когда онъ проходилъ мимо Андреева, послѣдній сказалъ, обращаясь къ Меншикову: „Вотъ идетъ красная подкладка; хочешь, я дамъ въ морду" и вслѣдъ затѣмъ, повернувъ за генераломъ, нанесъ ему довольно сильный ударъ въ спину. Генералъ приказалъ стражникамъ задержать Андреева, что и было исполнено. За этотъ проступокъ Андреевъ

*) «Нов. Время», 5 февр. 1904 г.

**) Цитирую по «Н. Времени», 16 янв. 1904 г.

подвергнутъ въ административномъ порядкѣ заключенію въ тюрьмѣ на два года и высылкѣ затѣмъ на два года въ Якутскую область подъ гласный надзоръ полиціи". Въ той же газетѣ напечатано за подписью „Военный юристъ" слѣдующее письмо въ редакцію: „Въ № 12 газеты *С.-Петербургскія Вѣдомости* помѣщена замѣтка по поводу наказанія, наложеннаго на студента Андреева за оскорбленіе генерала, авторъ которой А. С—нъ, выражая полное порицаніе поступку Андреева, вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что Андреевъ наказанъ въ административномъ, а не въ судебномъ порядкѣ, при которомъ, по мнѣнію А. С—на, постигшая Андреева кара не только имѣла бы болѣе воспитательное значеніе для общества, но и могла бы быть болѣе суровой, чѣмъ опредѣленное ему тюремное заключеніе на 2 года и высылка на 2 года въ Якутскую область. Между тѣмъ, по закону, наивысшею мѣрою наказанія за оскорбленіе дѣйствіемъ является арестъ на срокъ до 3 мѣсяцевъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, опредѣляя за обиду такое наказаніе, законодатель имѣлъ въ виду лишь обиды обычнаго въ житейскомъ обиходѣ характера, т. е. основывающіяся на какихъ-либо личныхъ отношеніяхъ обидчика къ обиженному. Въ настоящемъ же случаѣ единственнымъ мотивомъ оскорбленія было носимое оскорбленнымъ высокое военное званіе и желаніе выразить въ его лицѣ враждебное и презрительное отношеніе къ представителямъ государственной власти. Установленное закономъ за обиды наказаніе явилось бы безусловно несоотвѣтствующимъ важности и исключительному характеру преступленія, что и вызвало необходимость рѣшенія этого дѣла въ административномъ, а не въ судебномъ порядкѣ" *).

За послѣдній мѣсяцъ опубликовано также нѣсколько правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся Финляндіи.

Въ „Финляндской Газетѣ" напечатано: „До свѣдѣнія финляндскаго генералъ-губернатора было доведено, что въ залѣ гельсинфорскаго магистрата, въ которой происходятъ засѣданія городскихъ гласныхъ и ратгаузскаго суда, за предсѣдательскимъ кресломъ, повѣшенъ на стѣнѣ большой, писанный масляными красками, портретъ Лео Мехелина, пребывающаго нынѣ внѣ предѣловъ Финляндіи въ ряду другихъ лицъ, коимъ пребываніе здѣсь воспрещено. По справкамъ, оказалось, что портретъ находится здѣсь по неутвержденному никѣмъ постановленію городскихъ гласныхъ, въ ознаменованіе дѣятельности Мехелина въ качествѣ ихъ предсѣдателя. Такъ какъ дальнѣйшее оставленіе въ помѣщеніи, въ которомъ происходятъ публичныя засѣданія суда, а также собранія городскихъ гласныхъ, на почетномъ мѣстѣ, за предсѣдательскимъ кресломъ,

*) Цитирую по «Нижегор. Листку», 13 и 22 янв. 1904 г.

изображенія частнаго лица, не оказавшаго никакой серьезной заслуги въ общественномъ смыслѣ, очевидно, не могло быть допущено, а между тѣмъ въ мѣстномъ законодательствѣ не содержалось никакихъ въ этомъ отношеніи ограниченій, то генералъ-губернаторъ призналъ необходимымъ, въ интересахъ достоинства власти, войти по этому вопросу съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ. По всеподданнѣйшему о семъ докладу министра статсъ-секретаря Государю Императору 8-го (21-го) января сего года благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы въ залахъ, служащихъ для засѣданій или собраній правительственныхъ судебныхъ или общественныхъ учрежденій, а также въ учебныхъ заведеніяхъ, помѣщеніе портретовъ или изваяній, кромѣ Особъ Россійскаго Императорскаго Дома, допускалось не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было уполномочить главнаго начальника края распорядиться удаленіемъ изъ залъ указанныхъ выше мѣстъ и тѣхъ уже имѣющихся въ нихъ изображеній, устраненіе которыхъ будетъ имъ признано необходимымъ". „Во многихъ финляндскихъ присутственныхъ мѣстахъ, — прибавляетъ „Финл. Газета" — въ которыхъ происходятъ публичныя засѣданія, а также въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая народныхъ школъ, имѣются портреты шведскихъ дѣятелей и даже лицъ, заявившихъ себя противоправительственною агитаціею".

Въ той же газетѣ напечатано: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленій финляндскаго сената 15 (28-го) января 1904 г., высочайше соизволилъ прекратить преслѣдованіе, возбужденное противъ нюландскаго губернатора—Кайгородова, бывшихъ губернаторовъ: куопіоскаго — Крогіуса, с.-михельскаго — Мунка, выборгскаго — Рехенберга, або-бьернеборгскаго — Кремера и тавастгусскаго—Сверчкова, бывшаго ландссекретаря Брофельдта, вице - ландссекретаря Макконена, и. д. вице-ландссекретаря Саденіуса, вице-ландскамерировъ Брэмера и Шрея по обвиненію въ принужденіи общинъ, путемъ штрафовъ, къ избранію на 1902 годъ членовъ въ усиленныя по воинской повинности присутствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было указать сенату, что ему надлежитъ входить со всеподданнѣйшими представленіями по дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ лицъ, занимающихъ должности III и IV класса, лишь въ случаяхъ, когда, онъ или генералъ-губернаторъ усматриваютъ достаточныя основанія къ возбужденію судебнаго преслѣдованія".

По словамъ той же газеты, 8 (21) января 1904 г. состоялось, по всеподданнѣйшему представленію министра статсъ-секретаря, Высочайшее повелѣніе о замѣнѣ латинской надписи на печати Финляндскаго Сената „Sigellum Senatus Caesarei pro regenda

Fennia“ русскимъ обозначеніемъ сего учрежденія—„печать Императорскаго Финляндскаго сената.“

Губернскими властями Финляндіи въ послѣднее время также издано нѣсколько постановленій, которыя и приведены въ „Финл. Газетѣ“.

Нюландскій губернаторъ, ген.-м. Кайгородовъ, 8 (21) января издалъ обязательное постановленіе, которымъ воспрещается украшать общественныя и частныя зданія въ царскіе дни иными флагами, кромѣ національныхъ русскихъ.

Вазаскій губернаторъ г. Книповичъ издалъ на основаніи п. 4 Высочайшаго постановленія о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія отъ 20 марта (2 апрѣля) 1903 г., слѣдующее обязательное постановленіе: „1) Въ городахъ и селеніяхъ Вазаской губерніи воспрещается съ цѣлью производства противоправительственныхъ демонстрацій закрывать ранѣе обыкновеннаго времени магазины, конторы, фабрики, заводы и т. п., торговыя и промышленныя заведенія, гасить огни въ этихъ заведеніяхъ или вообще производить въ домахъ, на улицахъ, площадяхъ, дорогахъ и т. п. мѣстахъ какія-либо другія дѣйствія, клонящіяся къ проявленію протеста или устройству демонстраціи противъ правительства. 2) Виновные въ нарушеніи сего постановленія подвергаются денежному штрафу до четырехъ сотъ марокъ, съ замѣною его, въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ онаго, тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ къ § 5 главы II уголовнаго уложенія. 3) Дѣла о нарушеніи постановленія изъемлются изъ вѣдомства суда и подлежатъ разсмотрѣнію губернатора въ административномъ порядкѣ“.

Въ свою очередь выборгскій губернаторъ г. Мясоѣдовъ издалъ 25 января слѣдующее обязательное постановленіе: „Въ дополненіе обязательнаго постановленія вр. и. д. выборгскаго губернатора отъ 9 октября 1903 года о запрещеніи безъ особаго разрѣшенія выставлять флаги, эмблемы и украшенія иныхъ цвѣтовъ, кромѣ національныхъ русскихъ, симъ объявляется, что: въ городахъ и пригородахъ выставленіе вообще флаговъ, всякаго рода эмблемъ, украшеній и устройство иллюминаціи, какъ снаружи, такъ и внутри домовъ, если сіе видно снаружи,—воспрещается безъ разрѣшенія мѣстной полиціи, кромѣ высокоторжественныхъ Царскихъ дней и праздниковъ Рождества Христова, Святой Пасхи и Новаго года, въ каковые дни выставленіе флаговъ и украшеній національныхъ русскихъ цвѣтовъ, а равно устройство иллюминаціи разрѣшается. За нарушеніе настоящаго постановленія подлежащія отвѣтственныя лица будутъ подвергаемы штрафу до 400 марокъ въ административномъ порядкѣ, согласно ст. 4 Высочайшаго постановле-

нія о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, съ замѣной въ случаѣ несостоятельности тюремнымъ заключеніемъ".

Въ „Финляндской Газетѣ" напечатано: „Существующая въ городѣ Або, подъ фирмою Вибергъ, кондитерская, съ кафе-рестораномъ при ней, давно уже пользовалась дурною славою, какъ излюбленное мѣсто сборищъ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ. Недавно вечеромъ кафе посѣтили двое изъ вновь назначенныхъ служащихъ абоскаго гофгерихта, которымъ содержателемъ кафе, отставнымъ штабсъ-капитаномъ упраздненныхъ финскихъ войскъ, Вибергомъ, было, безъ всякаго съ ихъ стороны повода, предложено удалиться и болѣе никогда не переступать порога его заведенія. Попытки бойкота противъ новыхъ чиновъ гофгерихта, замѣстившихъ собою уволенныхъ по Высочайшему повелѣнію, неоднократно уже повторялись, и абобьернеборгскій губернаторъ даже счелъ необходимымъ предупредить содержателей общественныхъ въ городѣ заведеній, что новое повтореніе подобныхъ случаевъ повлечетъ за собою ихъ закрытіе. Поэтому, и особенно въ виду того, что въ данномъ случаѣ нарушеніе порядка было допущено не посѣтителями, а самимъ хозяиномъ ресторана, губернаторъ, въ интересахъ огражденія общественнаго спокойствія, вошелъ къ генералъ-губернатору съ представленіемъ о примѣненіи къ заведенію Виберга мѣры, установленной п. а ст. I Высочайшаго постановленія 20 марта (2 апрѣля) 1903 года о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Генералъ-губернаторъ, въ силу предоставленнаго ему означеннымъ узаконеніемъ права, разрѣшилъ закрыть упомянутое заведеніе срокомъ на шесть мѣсяцевъ".

Въ той же газетѣ помѣщено слѣдующее сообщеніе: „20 минувшаго декабря (2 января) полиціймейстеръ города Николайстада капитанъ Энегельмъ получилъ анонимное письмо, назначающее ему въ тотъ-же день любовное свиданіе вечеромъ, на льду моря, около городской тюрьмы. Спустя нѣкоторое время, къ полиціймейстеру явилась молодая финка и сама предупредила его, что письмо это написано ею по наущенію трехъ лицъ, намѣревающихся совершить покушеніе на его жизнь, къ чему склоняли они и ее, снабдивъ кинжаломъ. Предупрежденный полиціймейстеръ отправился на условленное мѣсто съ переодѣтыми полицейскими, при чемъ задержаны были двое лицъ, оказавшихся студентами Императорскаго Александровскаго университета Оттономъ Эриксономъ 21 года, находящимся на службѣ въ гор. Николайстадѣ, въ аптекѣ, и Конрадомъ Вестлиномъ 22 лѣтъ. Оба, числясь студентами, проживали внѣ Гельсингфорса, не имѣя общенія съ

университетомъ. При обоихъ задержанныхъ найдено оружіе: у Эриксона—заряженный револьверъ, финскій ножъ и резиновая палка (battong), а у Вестлина—два скорострѣльные револьвера, заряженные каждый семью пулями, кастетъ, финскій ножъ и такая-же резиновая палка, какъ у Эриксона. Кромѣ того Вестлинъ имѣлъ при себѣ 21 снаряженный револьверный патронъ и петлю изъ проволочнаго ободка съ затянутымъ снуромъ, въ родѣ аркана. Третій изъ злоумышленниковъ, желѣзнодорожный смазчикъ Тонгъ, не прибылъ въ условленное мѣсто и былъ задержанъ полиціею на дому. Всѣ они имѣли при себѣ крупныя суммы наличныхъ денегъ. На произведенномъ, въ присутствіи губернатора, предварительномъ полицейскомъ опросѣ Эриксонъ и Вестлинъ сознались, что намѣрены были заманить полиціймейстера въ уединенное мѣсто для нанесенія ему побоевъ, но сперва отрицали намѣреніе лишить его жизни, хотя Эриксонъ и показалъ, что имѣвшимся при нихъ оружіемъ они думали воспользоваться „смотря по обстоятельствамъ". Что-же касается Тонга (бывшаго, по показанію молодой финки, душою всего замысла), то его отсутствіе они объяснили отказомъ, въ послѣднюю минуту, отъ участія въ преступленіи. При дальнѣйшихъ допросахъ какъ Эриксонъ, такъ и Вестлинъ сознались въ томъ, что задуманное ими покушеніе на жизнь капитана Энегельма было преднамѣренно, при чемъ оба объяснили это намѣреніе политическими причинами, обвиняя полиціймейстера въ томъ, что онъ поддерживаетъ русскую политику и, главное, своимъ вліяніемъ добился улучшенія послѣдняго призыва. Поэтому, по словамъ Вестлина, они всѣ трое сговорились напасть на него въ уединенномъ мѣстѣ и сдѣлать его негоднымъ для службы, по возможности не лишая жизни, но дѣйствуя, однако, смотря по обстановкѣ. По всей вѣроятности, послѣ убійства, имѣлось въ виду спустить убитаго подъ ледъ. При произведенномъ у Вестлина обыскѣ найденъ ящикъ со многими ядами, а у Эриксона—два письма Вестлина, въ туманныхъ выраженіяхъ говорящія о какихъ-то предпріятіяхъ. Объ обстоятельствахъ настоящаго происшествія производится, подъ наблюденіемъ прокурора сената, подробное разслѣдованіе".

IV.

За мѣсяцъ, прошедшій со времени январьской нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 16-го января 1904 г.: „на основаніи статьи 178 устава о цензурѣ и печати, св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Курьеръ";

2) 28-го января 1904 г.: „на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ „Петербургской Газеты";

3) 3-го февраля 1904 г.: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Вѣстникъ Юга" на шесть мѣсяцевъ";

4) 3 го февраля 1904 г.: „министръ внутреннихъ дѣлъ и управляющіе министерствами юстиціи и народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, на основаніи примѣчанія къ статьѣ 148 устава о цензурѣ и печати, св. зак, т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 3 сего февраля опредѣлили: прекратить вовсе изданіе выходящаго въ свѣтъ въ городѣ Тифлисѣ журнала на грузинскомъ языкѣ, подъ названіемъ „Квали", съ приложеніемъ „Джеджили";

5) 7-го февраля 1904 г.: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Уралецъ" на три мѣсяца";

6) 8-го февраля 1904 г.: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ „Петербургской Газеты", воспрещенную распоряженіемъ отъ 28-го января текущаго года";

7) 14-го февраля 1904 г.: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе журнала „Юго-Западная Недѣля" на восемь мѣсяцевъ";

и 8) 14-го февраля 1904 г.: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Енисей" на три мѣсяца";

В. Мякотинъ.

Вѣнки на гробъ Н. К. Михайловскаго.

1) Николаю Константиновичу Михайловскому — осиротѣлое „*Русское Богатство*".

2) Николаю Константиновичу Михайловскому, непоколебимому борцу за правду и справедливость — отъ журнала „*Міръ Божій*".

3) Глубокоуважаемому, достойнѣйшему писателю, незабвенному сотруднику, Н. К. Михайловскому—„*Русскія Вѣдомости*".

4) Н. К. Михайловскому—отъ редакціи „*Русской мысли*“.

5) Н. К. Михайловскому—„*Знаніе*“.

6) Н. К. Михайловскому—отъ редакціи „*Образованія*“.

7) Н. К. Михайловскому—отъ редакціи и сотрудниковъ журнала „*Народное Хозяйство*“.

8) Незабвенному борцу за правду-справедливость—отъ редакціи „*Вѣстника и библіотеки Самообразованія*“ и редакціи „*Энциклопедич. словаря Брокгауза и Ефрона*“.

9) Н. К. Михайловскому—отъ редакціи „*Восхода*“.

10) Честному борцу—редакція журнала „*Правда*“.

11) Поборнику высокихъ идеаловъ—отъ редакціи „*Юриста*“.

12) Стойкому защитнику правъ человѣка—отъ редакціи „*Вѣстника Права*“.

13) Честному мыслителю—редакція „*Наборщика*“.

14) Н. К. Михайловскому—отъ редакціи „*Экономической Газеты*“.

15) Безстрашному борцу за свободу человѣка — отъ редакціи газеты „*Сѣверный Край*“.

16) Николаю Константиновичу Михайловскому—отъ редакціи „*Хозяина*“.

17) Учителю русскаго общества—отъ редакціи журнала „*Вѣстникъ Воспитанія*“.

18) Н. К. Михайловскому—отъ редакціи „*Биржевыхъ Вѣдомостей*“.

19) Доблестному вождю русской интеллигенціи, Н. К. Михайловскому—отъ редакціи „*Права*“.

20) Н. К. Михайловскому—отъ кружка *Московскихъ беллетристовъ*.

21) Н. К. Михайловскому—отъ учащихъ и учениковъ *воскресныхъ вечернихъ школъ* для взрослыхъ рабочихъ Шлиссельбургскаго тракта.

22) Незабвенному Николаю Константиновичу Михайловскому—отъ *слушательницъ медицинскаго института*.

23) Николаю Константиновичу Михайловскому — отъ группы пріѣзжихъ врачей, слушателей *Еленинскаго института*.

24) Публицисту-борцу за правду-справедливость—отъ слушательницъ *Высшихъ женскихъ курсовъ*.

24) Николаю Константиновичу Михайловскому — отъ *профессоровъ Горнаго Института* Императрицы Екатерины II.

26) Николаю Константиновичу Михайловскому — отъ студентовъ *Горнаго Института*.

27) Николаю Константиновичу Михайловскому—отъ *студентовъ медицинской Академіи*.

28) Н. К. Михайловскому—кружокъ политической экономіи *студентовъ Петербургскаго университета*.

29) Стойкому борцу возвышенныхъ идеаловъ — отъ *студентовъ-армянъ.*

30) Великому учителю и борцу—отъ слушательницъ *курсовъ воспитательницъ и руководительницъ физическаго образованія.*

31) Николаю Константиновичу—отъ *студентовъ-технологовъ.*

32) Вѣчная память Н. К. Михайловскому!—отъ группы С.-Петербургскихъ *гимназистовъ.*

33) Николаю Константиновичу—отъ группы *студентовъ-путейцевъ.*

34) До конца стоявшему на славномъ посту—отъ группы студентовъ *электротехническаго* института.

35) Н. К. Михайловскому — отъ группы с.-петербургскихъ *гимназистокъ.*

36) Неутомимому борцу за свободу и правду-справедливость—отъ студентовъ-*лѣсниковъ.*

37) Дорогому учителю жизни—отъ слушательницъ *Рождественскихъ курсовъ.*

38) Поборнику правды—отъ студентовъ-*гражданцевъ.*

39) Глубокоуважаемому Николаю Константиновичу Михайловскому—отъ членовъ *общества вспомоществованія учащимся женщинамъ* изъ Москвы.

40) Глубокоуважаемому, незабвенному Николаю Константиновичу Михайловскому—отъ *Комитета общества для доставленія средствъ* Высшимъ женскимъ курсамъ.

41) Свѣтлой памяти Николая Константиновича Михайловскаао—*Московскій литературный художественный кружокъ.*

42) Литератору-борцу за права человѣка — отъ *московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.*

43) Стойкому борцу за правду-справедливость, Николаю Константиновичу Михайловскому—отъ *петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ.*

44) Борцу за право, Николаю Константиновичу Михайловскому — отъ сословія *помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ* С.-Петербургскаго округа.

45) Великому истолкователю русской дѣйствительности и идейному борцу — отъ служащихъ *Московской губернской земской управы.*

46) Николаю Константиновичу Михайловскому — комитетъ *Литературнаго фонда.*

47) Великому борцу за правду—отъ филіальнаго отдѣленія *Харьковской общественной библіотеки.*

48) Борцу за правду и свободу—отъ служащихъ страховаго общества компаніи „*Надежда*“.

49) Неутомимому, честному защитнику народнаго права — Общество *горныхъ инженеровъ.*

50) Глубокоуважаемоему писателю, Николаю Константиновичу

Михайловскому—служащіе *механической и химической лабораторіи* Института *инженеровъ путей сообщенія.*

51) Н. К. Михайловскому—*рабочіе и служащіе типографіи*, печатающей *„Русское Богатство“.*

52) Николаю Константиновичу Михайловскому — *Комитетъ сибирскихъ передвижныхъ выставокъ.*

53) Николаю Константиновичу Михайловскому—отъ С.-Петербургскаго *Педагогическаго общества.*

54) Николаю Константиновичу Михайловскому, отважному борцу и учителю—отъ признательныхъ *читателей.*

55) Тому, къ чьему голосу прислушивается вся мыслящая Россія—отъ *читателей.*

56) Дорогому учителю — отъ *друзей-читателей* изъ Чернигова.

57) Дорогому всей мыслящей Россіи учителю—полтавскіе *читатели.*

58) Милому и неуклонному борцу за освобожденіе личности—отъ группы *нижегородской интеллигенціи.*

59) Поборнику правды, неутомимому борцу за лучшее будущее—*изъ Ярославля.*

60) Дорогому учителю — отъ новгородскихъ *друзей-почитателей.*

61) Борцу за общее самосознаніе во имя свѣтлаго будущаго, Николаю Константиновичу—отъ *интеллигентнаго пролетаріата.*

62) Горячо любимому публицисту Н. К. Михайловскому—отъ группы *почитателей.*

63) Н. К. Михайловскому—отъ *почитателей.*

64) Дорогому отцу—*Николай, Маруся, Маркъ.*

65) Дорогому другу—*В. М. Соболевскій.*

66) Дорогому брату, дядѣ и дѣдушкѣ—*Селище.*

67) Дорогому Николаю Константиновичу—*семья Глѣба Успенскаго.*

68) Дорогому незабвенному учителю—*Н. А. Карышевъ.*

69) Любимому, незабвенному Николаю Константиновичу Михайловскому—*Ек. Лѣткова.*

70) Учителю и другу—отъ *В. Мякотина.*

71) 28 января 1904 г.—отъ *Людмилы Н.*

72) Дорогому Николаю Константиновичу—отъ *Е. Н.*

73) Н. К. Михайловскому—отъ *друзей.*

74) Дорогому, незабвенному другу Николаю Константиновичу Михайловскому—отъ *Э. К. Пименовой* и ея семьи.

75) Н. К. Михайловскому—отъ *Милюкова.*

Стихотвореніе К. Горбунова,

произнесенное авторомъ на могилѣ Н. К. Михайловскаго 30 января.

Прощай, учитель нашъ! Прощай, борецъ,
Поднявшій высоко̀ свое надъ нами знамя,
Во храмѣ Истины, какъ вѣрный жрецъ,
Всю жизнь поддерживавшій пламя!
Прощай, прощай, народа вѣрный другъ!
Ты умеръ, но живетъ твое святое дѣло:
Твоихъ учениковъ растетъ могучій кругъ,—
Впередъ они глядятъ, какъ ты училъ ихъ, смѣло.
Впередъ они идутъ,—туда, гдѣ лучъ зари
Блисталъ тебѣ наградой и привѣтомъ
И озарялъ отраднымъ, дивнымъ свѣтомъ
Свободы, равенства и братства алтари!
Впередъ они идутъ! Когда-жъ въ пути ихъ день
Затмится тучами печали иль сомнѣнья,
Тогда, спѣша, съ улыбкой ободренья
Къ нимъ подойдетъ твоя, учитель, тѣнь
И глянетъ имъ въ глаза,—и жизни жаркой кровью
По жиламъ ихъ огонь священный пробѣжитъ,
Сердца исполнятся могучею любовью,
И дружный кличъ „впередъ!" отважно прозвучитъ.
Прощай, учитель нашъ! Прощай, борецъ,
Поднявшій высоко̀ свое надъ нами знамя,
Во храмѣ Истины, какъ вѣрный жрецъ,
Всю жизнь поддерживавшій пламя!..

Телеграммы и письма,

получэнныя послѣ кончины Н. К. Михайловскаго его семьей и редакціей «Русскаго Богатства».

Изъ *Одессы*: „Потрясенные горестнымъ извѣстіемъ, выражаемъ уважаемой редакціи наше искреннѣйшее сочувствіе по поводу тяжелой, невознаградимой утраты, понесенной вмѣстѣ съ нею всею интеллигентной Россіей“. Редакція *„Одесскихъ Новостей“*.

Изъ *Москвы*: „Сотрудники *„Русскихъ Вѣдомостей“* шлютъ редакціи *„Русскаго Богатства“* выраженіе искренняго и глубокаго соболѣзнованія по случаю кончины Николая Константиновича Михайловскаго, въ лицѣ котораго русская литература потеряла высокоталантливаго дѣятеля, а русское общество — доблестнаго вождя“. (*16 подписей*).

Изъ *Мытищъ*: „Только сейчасъ въ нашемъ захолустьи узнали о смерти дорогого Николая Константиновича. Нѣтъ словъ для выраженія скорби“. *Наталья и Владиміръ Розенбергъ*.

Изъ *Кіева*: „Кіевское Литературно-артистическое общество, глубоко пораженное неожиданною смертью своего почетнаго члена, Николая Константиновича Михайловскаго, шлетъ редакціи „Русскаго Богатства“ выраженіе своего глубокаго сочувствія“.

Изъ *Парижа*: „Recevez amis et compagnons d'idées condoléances sinceres pour la perte irréparable. Grand coeur, grande intelligence viennent de s'éteindre“. *Koudrine*, *Braguinsky*.

Изъ *Москвы*: „Студенты Московскаго Техническаго училища просятъ передать семьѣ безвременно почившаго Николая Константиновича Михайловскаго свое искреннее сочувствіе въ постигшей ее тяжкой и незамѣнимой утратѣ“.

Изъ *Москвы*: „Московскіе студенты, пораженные неожиданною кончиной Николая Константиновича, признаннаго вождя гражданскихъ стремленій, выражаютъ свое искреннее сочувствіе редакціи „Русскаго Богатства“ по поводу столь незамѣнимой для Россіи утраты знаменосца русской общественной мысли, который озарялъ свѣтомъ правды-истины и правды-справедливости русскую жизнь въ самые темные дни ея существованія“.

Изъ *Москвы*: „Присоединяемъ къ вашей свою глубокую скорбь о незамѣнимой утратѣ, понесенной русскимъ обществомъ и русской печатью“. *Блекловъ*, *Максимовъ*, *Петровскій*, *Трейдеръ*.

Изъ *Одессы*: „Потрясенный внезапной кончиной великаго учителя и борца за лучшее будущее, спѣшу выразить семейству Михайловскаго искреннее соболѣзнованіе. Да послужитъ ему утѣ-

шеніемъ увѣренность, что славные завѣты почившаго вѣчно будутъ одушевлять русскую литературу". *Брацлавскій.*

Изъ *Москвы*: „Глубоко взволнованные смертью Николая Константиновича Михайловскаго, студенты Московскаго Техническаго училища выражаютъ свое искреннее сочувствіе по поводу незамѣнимой утраты человѣка, неустанно боровшагося въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ за права человѣка и за лучшіе общественные идеалы русской интеллигенціи, воспитывавшаго и вдохновлявшаго русскую молодежь".

Изъ *Москвы*: „Служащіе Московской Губернской Земской Управы, глубоко опечаленные неожиданнымъ извѣстіемъ о кончинѣ дорогого наставника цѣлаго ряда поколѣній, истиннаго истолкователя завѣтныхъ стремленій русскаго общества и стойкаго борца за общечеловѣческіе идеалы, Николая Константиновича Михайловскаго, спѣшатъ вмѣстѣ со всѣми, кому дороги эти идеалы, выразить редакціи „*Русскаго Богатства*" искреннее сочувствіе о понесенной ею незамѣнимой потери".

Изъ *Одессы*: „Консультація одесскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, глубоко опечаленная тяжкой утратой, понесенной всею мыслящею Россіей въ лицѣ умершаго Николая Константиновича Михайловскаго, выражаетъ осиротѣвшей редакціи „*Русскаго Богатства*" свое искреннее душевное соболѣзнованіе и желаетъ ей сохраненія силъ для продолженія плодотворной работы въ духѣ тѣхъ высокихъ идей, которымъ стойко и неизмѣнно служилъ Николай Константиновичъ въ теченіе почти полувѣковой своей славной дѣятельности".

Изъ *Рамодана*: „Глубоко пораженный ужаснымъ извѣстіемъ о кончинѣ незабвеннаго Николая Константиновича, выражаю вамъ мое искреннее соболѣзнованіе въ постигшемъ васъ страшномъ горѣ, раздѣляемомъ и всѣми нами, чтившими вашего покойнаго отца, какъ славнаго писателя, съ давняго времени стоящаго во главѣ нашей литературы, и какъ великаго поборника истины и справедливости". *Лесевичъ.*

Изъ *Харькова*: „Глубоко потрясенные смертью Николая Константиновича, одного изъ крупнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, честнаго труженика въ дѣлѣ развитія сознательности русской интеллигенціи, выражаемъ чувства глубокой скорби о всеобщей утратѣ". *Харьковскіе студенты-технологи.*

Изъ *Валдая*: „Глубоко потрясенный жестокимъ ударомъ, отнявшимъ у русской интеллигенціи ея лучшаго и благороднѣйшаго вождя и лишившаго меня незабвеннаго учителя и друга, прошу васъ, дорогой Маркъ Николаевичъ, принять выраженіе моего горячаго сочувствія къ постигшему васъ тяжкому горю". *Мякотинъ.*

Изъ *Кіева*: „Передайте редакціи „*Русскаго Богатства*", что былыя разногласія не могутъ помѣшать моему глубокому огорченію и сочувствію по поводу постигшей ее тяжкой утраты. Луч-

шая часть русскаго общества должна единодушно сознавать всю тяжесть утраты Николая Константиновича, самаго крупнаго русскаго публициста, неизмѣннаго борца за правду, родного намъ въ лучшихъ и завѣтныхъ нашихъ стремленіяхъ". *Николай Бердяевъ.*

Изъ *Бѣлоцерковки:* „Изъ глубины темнаго медвѣжьяго угла, мракъ котораго долгіе годы разсѣявали лучи мощной мысли великаго покойника, мы выражаемъ чувства глубокой скорби и сочувствіе тяжкому горю, постигшему русскую литературу, редакцію и семью Николая Константиновича. Редакція, надѣемся, хоронитъ только то, что было человѣческаго въ мыслителѣ и борцѣ за двуединую правду, геній же и духъ его еще долго не оставятъ ее въ ея борьбѣ за идеалы покойнаго" (*7 подписей*).

Изъ *Одессы:* „Одесское литературно-артистическое общество, вмѣстѣ со всей мыслящей Россіей, глубоко скорбитъ о внезапной кончинѣ Николая Константиновича Михайловскаго и выражаетъ надежду, что идейное наслѣдіе, оставленное имъ, еще долго будетъ воодушевлять и направлять все живое и отзывчивое къ неустанной борьбѣ съ темными силами нашей общественности, къ той борьбѣ, которой почившій посвятилъ всего себя, отстаивая до послѣдней минуты завѣтные идеалы двуединой правды и всесторонняго развитія личности".

Изъ *Нижняго-Новгорода:* „Группа Нижегородской интеллигенціи, пораженная горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Николая Константиновича, шлетъ свое горячее сочувствіе редакціи *„Русскаго Богатства"* и семьѣ покойнаго. Горе русской интеллигенціи, еще такъ недавно единодушно выражавшей чувства благодарности и уваженія Николаю Константиновичу по случаю сорокалѣтней его литературной дѣятельности, углубляется тѣмъ, что славный борецъ за освобожденіе личности не дожилъ до близкаго лучшаго будущаго нашей родины" (*56 подписей*).

Изъ *Риги:* „Потрясенные извѣстіемъ о смерти Николая Константиновича Михайловскаго, стойкаго и неизмѣннаго поборника общественной правды, сочетавшаго въ себѣ глубокую теоретическую мысль съ чуткой общественной совѣстью, мы утѣшаемъ себя лишь сознаніемъ, что его неутомимая борьба съ общественнымъ индифферентизмомъ, во всѣхъ его видахъ, оставила глубокій слѣдъ въ русскомъ обществѣ, и что примѣръ его будетъ еще долго вдохновлять будущихъ борцовъ и дѣятелей" (*103 подписи*).

Изъ *Москвы:* „Въ тяжелое для культурной Россіи время еще яснѣе чувствуется утрата великой культурной силы. Но не скорбѣть, а думать и дѣйствовать заставляетъ эта потеря:

Не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ мертвецамъ,
Воздайте имъ высшій почетъ:

Шагайте безъ страха по мертвымъ тѣламъ,
Несите ихъ знамя впередъ!"

Студентъ-медикъ 5 курса, Капрельянъ.

Изъ *Харькова:* „Правленіе Харьковской общественной библіотеки присоединяется ко всеобщимъ изъявленіямъ чувства глубочайшей скорби по случаю кончины незабвеннаго критика и публициста, лучшаго хранителя традицій шестидесятыхъ годовъ". *Предсѣдатель, профессоръ Богалѣй.*

Изъ *Полтавы:* „Комитетъ Полтавской общественной библіотеки и ея отдѣленіе, узнавъ о кончинѣ Николая Константиновича Михайловскаго, глубоко скорбитъ вмѣстѣ съ культурнымъ русскимъ обществомъ объ утратѣ талантливаго литератора и выдающагося общественнаго дѣятеля".

Изъ *Парижа:* „Ecole russe des hautes études s'associe au deuil national, de perte de grand écrivain". *Kovalevsky, DeRoberty, Gambaroff.*

Изъ *Одессы:* „*Южное Обозрѣніе*", потрясенное неожиданной смертью величайшаго современнаго русскаго публициста, спѣшитъ выразить ближайшимъ идейнымъ товарищамъ Николая Константиновича чувства скорби по поводу безвременнаго конца вождя русскихъ идейныхъ силъ, свыше сорока лѣтъ боровшагося за счастье родного народа".

Изъ *Ростова-на-Дону:* „Потрясенные неожиданной, невозвратной и незамѣнимой потерей Николая Константиновича, горячо любимаго вѣстника правды и добра, носителя лучшихъ завѣтовъ, мы, его горячіе почитатели, присоединяемся къ горю, переживаемому редакціей вмѣстѣ со всей мыслящей Россіей. Не стало славнаго учителя, но вѣчными останутся завѣты его; какъ огоньки, они будутъ горѣть надъ могилой великаго русскаго мыслителя и честнаго человѣка и внушать бодрость работникамъ на нивѣ народной. Спи мирно, честный борецъ!" (*35 подписей*).

Изъ Чернигова: „Черниговцы глубоко потрясены тяжелой утратой, твердо вѣря, что посѣянное почившимъ скоро дастъ богатые всходы". *Хижняковъ, Татариновъ, Могилянскій.*

Изъ *Одессы:* „Вмѣстѣ съ вами мы понесли тяжкую утрату. Для насъ Николай Константиновичъ былъ не только писателемъ, онъ былъ нашимъ учителемъ и старшимъ товарищемъ. Его живое слово стало дѣломъ нашей жи ни. Онъ угасъ, но призывъ его долго будетъ звучать. Да пребудутъ живы на страницахъ „Русскаго Богатства" завѣты дорогого вождя!" (*14 подписей*).

Изъ *Путивля:* „Шлемъ искреннія соболѣзнованія потери редакціи глубокочтимаго Николая Константиновича". *Ефремовы.*

Изъ *Кіева:* „Глубоко потрясенный поразившей редакцію и все русское общество незамѣнимой утратой, шлю „Русскому Богатству" выраженіе крайняго соболѣзнованія и горячее пожеланіе силъ

и бодрости въ его безысходномъ горѣ. Великая скорбь всей русской интеллигенціи да смѣнится скоро вѣрой въ неминуемое торжество тѣхъ вѣчныхъ идеаловъ правды-истины и правды-справедливости, на стражѣ которыхъ стоялъ и за которые всегда мужественно боролся незабвенный Николай Константиновичъ!" *Ратнеръ.*

Изъ *Одессы*: „Слушательницы Одесскихъ педагогическихъ курсовъ выражаютъ искреннее соболѣзнованіе по поводу смерти Николая Константиновича Михайловскаго и раздѣляютъ скорбь всей русской интеллигенціи".

Изъ *Одессы*: „Глубоко скорблю о невознаградимой утратѣ, постигшей Россію въ лицѣ Николая Константиновича". *Өедоровъ.*

Изъ *Москвы*: „Лучшему выразителю, хранителю лучшихъ чаяній интеллигенціи, Николаю Константиновичу вѣчная память, вѣчная слава"! *Подписчикъ, докторъ Толкачевскій.*

Изъ *Москвы*: „Редакція „Русской Мысли" глубоко опечалена кончиной знаменитаго писателя, стоявшаго во главѣ „Русскаго Богатства". Будемъ чтить его память и сердечно желаемъ долгихъ и добрыхъ лѣтъ вашему изданію". *Лавровъ, Гольцевъ, Чеховъ, Кизеветтеръ.*

Изъ *Ковно*: „Присоединяемся къ горю сотрудниковъ „Русскаго Богатства" по случаю утраты въ лицѣ Николая Константиновича Михайловскаго одного изъ передовыхъ борцовъ за правду". *Группа учениковъ ковенской гимназіи.*

Изъ *Самары*: „Глубоко потрясены смертью дорогого Николая Константиновича. Шлемъ горячее братское сочувствіе редакціи и сотрудникамъ „Богатства", потерявшимъ товарища-борца". Сотрудники „Самарской газеты" *(7 подписей).*

Изъ *Ярославля*: „Тяжелая утрата бойца на славномъ посту, Николая Константиновича Михайловскаго, болѣе сорока лѣтъ будившаго самосознаніе русскаго общества и направлявшаго его по пути самоотверженнаго служенія для общаго блага, побуждаетъ насъ выразить чувства глубокаго огорченія и увѣренность, что идеалы Николая Константиновича всегда будутъ живы въ русскомъ обществѣ" (*15 подписей*).

Изъ *Кіева*: „Кіевское студенчество глубоко опечалено смертью дорогого намъ и всей мыслящей Россіи Николая Константиновича". *Кіевское студенчество.*

Изъ *Одессы*: „Учащіеся Одесской зубоврачебной школы, съ душевнымъ прискорбіемъ узнавъ о тяжелой утратѣ, понесенной журналомъ „Русское Богатство" и всѣмъ русскимъ мыслящимъ обществомъ въ лицѣ глубокочтимаго Николая Константиновича Михайловскаго, выражаютъ свое искреннее сочувствіе уважаемой редакціи. Пожелаемъ, чтобы, не смотря на незамѣнимую потерю, „Русское Богатство" и впредь продолжало служить духовнымъ

интересамъ русскаго общества, твердо и непоколебимо стоя на славномъ посту“.

Изъ *Одессы*: „Вѣчная память учителю! Въ немъ мы лишились проповѣдника тѣхъ идей, которымъ служимъ“. *Группа студентовъ Новороссійскаго университета.*

Изъ *Риги*: „Вѣчная память передовому литературному борцу и мыслителю, свыше сорока лѣтъ стоявшему на славномъ посту“. *Русскій литературный кружокъ.*

Изъ *Москвы*: „Редакція „Посредника“ отъ души сочувствуетъ скорби сотрудниковъ „Русскаго Богатства“, лишившихся своего высоко-даровитаго и энергичнѣйшаго товарища и редактора, одного изъ благороднѣйшихъ дѣятелей современной русской литературы, и вѣритъ, что ихъ и его дѣло будетъ долго жить и впередъ такой-же живой и плодотворной для общества жизнью“. *Горбуновъ-Посадовъ.*

Изъ *Козлова*: „Кружокъ мѣстной интеллигенціи поручилъ мнѣ выразить искреннее участіе въ горѣ, постигшемъ вашу семью, „Русское Богатство“, все мыслящее общество, и чувство глубокаго уваженія къ памяти покойнаго Николая Константиновича. Примите, дорогой Маркъ Николаевичъ, мое искреннее сочувствіе вашему личному горю“. *Жихаревъ.*

Изъ *Бѣлой Церкви*: „Бѣлоцерковскіе почитатели Николая Константиновича Михайловскаго, оплакивая за одно со всей мыслящей Россіей потерю незабвеннаго труженика и борца за лучшіе идеалы человѣчества, шлютъ редакціи и семьѣ свое соболѣзнованіе“.

Изъ *Ростова-на-Дону*: „Редакція „Донской Рѣчи“ присоединяется ко всеобщему горю объ утратѣ дорогого учителя.

Изъ *Парижа*: „Partageons le deuil de la famille et de la Russie“. *Lagardelle.*

Изъ *Миленокъ*: „Глубоко пораженъ неожиданною смертью Николая Константиновича. Безмѣрно скорблю о великой утратѣ“. *Михаилъ Камневъ.*

Изъ *Саратова*: „Пораженные только что пришедшею вѣстью о смерти Николая Константиновича Михайловскаго, спѣшимъ выразить осиротѣвшей редакціи глубокое соболѣзнованіе. Завтра экстренное засѣданіе здѣшняго литературнаго общества“ (*32 подписи*).

Изъ *Москвы*: „Прошу выразить мое глубокое соболѣзнованіе сыновьямъ, друзьямъ покойнаго и редакціи „Русскаго Богатства“. *В. Соболевскій.*

Изъ *Одессы*: „Тяжко отозвалась въ нашемъ сердцѣ вѣсть о кончинѣ любимаго замѣчательнаго писателя: скорбимъ вмѣстѣ съ вами, но глубоко увѣрены, что славная дѣятельность дорогого Николая Константиновича долго будетъ давать прекрасные плоды на русской нивѣ“ (*5 подписей*).

Изъ *Кіева*: „Пораженные извѣстіемъ о смерти дорогого всей культурной Россіи Николая Константиновича Михайловскаго, шлемъ искренее сочувствіе семьѣ покойнаго и редакціи „Русскаго Богатства". Читатели „Русскаго Богатства" (*3 подписи).*

Изъ *Москвы*: „Группа Московско-Курской и Нижегородской желѣзныхъ дорогъ шлетъ соболѣзнованіе по поводу незамѣнимой утраты, понесенной редакціей и лучшей частью русскаго общества со смертью Николая Константиновича Михайловскаго, свыше сорока лѣтъ славно стоявшаго на славномъ посту" (*150 подписей*).

Изъ *Кіева*: „Студенты-евреи Кіевскаго университета и политехникума, глубоко потрясенные извѣстіемъ о внезапной смерти незабвеннаго Николая Константиновича, присоединяютъ свой голосъ къ голосу скорби всей передовой Россіи, потерявшей одного изъ лучшихъ своихъ борцовъ, всегда высоко и непоколебимо державшаго на славномъ посту свѣтлое знамя ея".

Изъ *Одессы*: „Вѣчная память незабвенному учителю и вождю"! *Группа одесскихъ курсистокъ и студентовъ.*

Изъ *Одессы*: „Искренно раздѣляю скорбь редакціи по поводу безвременной кончины дорогого Николая Константиновича". *Кипенъ.*

Изъ *Чернигова*: „Шлемъ вамъ свои глубокія пожеланія бодрѣе перенести незамѣнимую утрату, всей душой скорбимъ о потерѣ дорогого борца-учителя". (*3 подписи*).

Изъ *Москвы*: „Слушательницы Московскихъ Педагогическихъ курсовъ выражаютъ глубокую скорбь по поводу тяжелой утраты, постигшей русское общество со смертью Николая Константиновича Михайловскаго".

Изъ *Москвы*: „Пораженныя внезапной смертью дорогого учителя, публициста и общественнаго дѣятеля, глубокоуважаемаго Николая Константиновича Михайловскаго, слушательницы Московскихъ высшихъ курсовъ искренно присоединяются къ тяжелой скорби, постигшей всю интеллигентную Россію".

Изъ *Нижняго*: „Нижегородская присяжная адвокатура выражаетъ редакціи искреннюю скорбь по поводу тяжкой потери, понесенной всей русской литературой и прогрессивной частью общества, непоколебимымъ вождемъ которой былъ покойный Николай Константиновичъ Михайловскій". По порученію товарищей, *Фрелихъ.*

Изъ *Кіева*: „Группа кіевской интеллигенціи, узнавъ о безвременной кончинѣ смѣлаго борца за право, свѣтъ, правду, шлетъ семьѣ покойнаго и редакціи выраженія искренняго соболѣзнованія. Пусть хоть нѣкоторымъ утѣшеніемъ служитъ сознаніе, что покойный исполнилъ долгъ предъ родной страной" *(34 подписи*).

Изъ *Москвы*: „Выражаемъ тяжелую грусть по поводу преждевременной кончины дорогого для всей мыслящей Россіи Николая

Константиновича, безконечнаго источника правды и справедливости". *Московскіе студенты-смоляне.*

Изъ *Москвы*: „Студенты Московскаго инженернаго училища шлютъ сердечное выраженіе своей глубокой скорби по поводу незамѣнимой утраты для русскаго мыслящаго общества въ лицѣ Николая Константиновича Михайловскаго, борца за общественные идеалы въ наше „смутное время".

Изъ *Читы*: „Глубоко потрясены смертью дорогого учителя, вѣримъ въ побѣду его завѣтовъ". *Читинцы.*

Изъ *Таганрога*: „Искренно соболѣзную. Глубоко опечаленный смертью незабвеннаго Николая Константиновича, *Акимовъ*".

Изъ *Владиміра*: „Пораженные неожиданною вѣстью о кончинѣ Николая Константиновича, выражаемъ литературной семьѣ покойнаго свою глубокую скорбь по поводу незамѣнимой утраты для русскаго общества". *Владимірскіе статистики.*

Изъ *Москвы*: „Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ горькой утраты русскаго общества, группа студентовъ Московскаго университета спѣшитъ выразить редакціи „Русскаго Богатства" и оставшемуся теперь одинокимъ издателю Владиміру Галактіоновичу Короленко свои чувства глубокаго соболѣзнованія".

Изъ *Кіева*: „Кружокъ кіевской интеллигенціи, тяжело пораженный неожиданной смертью мужественнаго борца за двуединую правду-истину и справедливость, въ теченіе многихъ лѣтъ бывшаго честнымъ знаменосцемъ передовой части русскаго общества, выражаетъ свое сочувствіе осиротѣвшей редакціи „Русскаго Богатства" *(158 подписей)*.

Изъ *Николаева*: „Выражаемъ глубокую скорбь по поводу великой потери, понесенной Россіей въ лицѣ Николая Константиновича Михайловскаго" *(63 подписи)*.

Изъ *Петербурга:* „Глубоко потрясены внезапной кончиной дорогого намъ маститаго публициста и критика, Николая Константиновича Михайловскаго, борца за свободу и лучшее будущее, талантливаго дѣятеля прогрессивной русской журналистики. Мы выражаемъ свое соболѣзнованіе и присоединяемся къ общей скорби его почитателей" *(14 подписей)*.

Изъ *Тифлиса:* „Сейчасъ узнали, къ великому прискорбію, о смерти дорогого Николая Константиновича. Пошли ему Богъ вѣчную память, вамъ утѣшеніе въ горестной утратѣ". *Левицкіе.*

Изъ *Елисаветграда:* „Елисаветградскіе почитатели незабвеннаго Николая Константиновича, потрясенные вѣстью о его смерти, выражаютъ свою глубокую печаль и присоединяются къ скорби всей интеллигентной Россіи по поводу утраты глубокаго мыслителя, гражданина и борца за правду жизни и свѣтлые идеалы".

Изъ *Ярославля:* „Студенты Демидовскаго лицея, опечаленные преждевременной кончиной вдохновеннаго вождя всей честно мыслящей Россіи, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ неусыпно освѣщавшаго

сложные проблемы соціальнаго прогресса, считаютъ своимъ долгомъ принять посильное участіе въ облегченіи постигшаго васъ горя сердечнымъ завѣреніемъ, что будетъ вѣчно живъ въ умахъ не извращенной молодежи чудный идеалъ философа-борца“. *Студенты-демидовцы.*

Изъ *Маріинска:* „Шлемъ редакціи „Русскаго Богатства“ выраженіе нашего глубокаго соболѣзнованія по случаю неожиданнной для насъ утраты, понесенной ею и русской общественно-прогрессивной мыслью въ лицѣ скончавшагося нынѣ Николая Константиновича Михайловскаго“ *(13 подписей).*

Изъ *Ярославля:* „Выражаемъ скорбь о потерѣ дорогого учителя“. *Ярославская фельдшерская школа.*

Изъ *Харькова:* „Группа студентовъ-юристовъ Харьковскаго университета глубоко скорбитъ о смерти великаго соціолога, чуткаго литературнаго критика, вдумчиваго и неутомимаго борца за индивидуальность, искавшаго примиренія правды-истины съ правдой-справедливостью, и стойкаго руководителя журнала, служащаго идеѣ самоопредѣленія“.

Изъ *Цюриха:* „Вдали отъ родины узнали мы скорбную вѣсть о тягостнѣйшей утратѣ Россіей честнаго гражданина, талантливаго учителя и выразителя думъ и настроенія нѣсколькихъ поколѣній. Объединившись у гроба его, пусть русская интеллигенція и русская молодежь, скорбя, передастъ ему и наше прости“. *90 цюрихскихъ студентокъ и студентовъ.*

Изъ *Женевы:* „Русскіе въ Женевѣ, собравшись 15 февраля, въ числѣ около четырехсотъ человѣкъ, выражаютъ единодушно редакціи и всѣмъ роднымъ и близкимъ Николая Константиновича Михайловскаго свою глубокую скорбь по поводу постигшей Россію утраты“.

Изъ *Лейпцига:* „Получивъ печальную вѣсть о смерти незамѣнимаго вдохновителя русской молодежи, присоединяемъ свой голосъ къ голосамъ всей мыслящей и чувствующей Россіи“. *Собраніе лейпцигскихъ студентовъ изъ Россіи.*

Изъ *Ярославля:* „Пораженный внезапной кончиной высокочтимаго Николая Константиновича Михайловскаго, писателя, который не во мнѣ одномъ заложилъ основы правды-справедливости, какъ оцѣнки общественныхъ отношеній, приношу редакціи „Русскаго Богатства“ мое горячее соболѣзнованіе по поводу этой незамѣнимой утраты. Одинъ разъ въ жизни имѣлъ я счастье видѣть Николая Константиновича, пришедшаго проститься съ нами, отправлявшимися въ дальніе края, вмѣстѣ съ Г. И. Успенскимъ и Н. В. Шелгуновымъ въ Комендатское управленіе, въ ноябрѣ 1887 г., и это кратковременное свиданіе еще болѣе укрѣпило во мнѣ чувства глубочайшаго уваженія и признательности, которыя я всегда питалъ къ писателю, стоявшему на славномъ посту. Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи къ вамъ и горячее сердечное сожа-

лѣніе о преждевременной кончинѣ, которое, какъ мое личное горе, поразило меня". *Вл. Осташкевичъ.*

„Шлю самое искреннее соболѣзнованіе объ утратѣ дорогого человѣка-писателя, Николая Константиновича Михайловскаго, статьи котораго я началъ читать еще съ 1869-го года, а его „Литература и жизнь" была для меня въ послѣднее время первой статьей, которая прочитывалась мной въ „Русскомъ Богатствѣ". Что называется оторванъ отъ живого человѣка кусокъ мяса"! Врачъ *Ив. Рожественскій.*

Изъ *Тулы:* „Узнавъ только сегодня изъ „Русскихъ Вѣдомостей" грустную вѣсть о смерти дорогого руководителя „Русскаго Богатства", выражаю уважаемымъ сотрудникамъ Николая Константиновича искреннее сочувствіе въ постигшемъ горѣ". *Одинъ изъ читателей-друзей.*

Изъ *Екатеринослава:* „Очень не хочется вѣрить только сегодня дошедшему до Екатеринослава извѣстію, что Н. К. Михайловскій умеръ. И тяжело вѣрить этому. Шлю редакціи „Русскаго Богатства" горячее и искреннее соболѣзнованіе". *А. Петрищевъ.*

Изъ *Пскова:* „Вчера съ глубокой болью въ сердцѣ прочиталъ извѣстіе о смерти одного изъ учителей своихъ въ истинномъ значеніи этого слова—Николая Константиновича, столько лѣтъ стоявшаго на стражѣ общественныхъ интересовъ Россіи съ конца 60-хъ годовъ. Да будетъ легка ему земля родная, для которой онъ жилъ, и мыслилъ и страдалъ"! *Библіотечный, къ сожалѣнію только, читатель и почитатель Николая Константиновича, П. Сиротинъ.*

Изъ *Одессы:* „Группа учащихся Одесскаго художественнаго училища выражаетъ свою глубочайшую скорбь по поводу огромной утраты для всей земли русской въ лицѣ Николая Константиновича Михайловскаго, великаго и неустрашимаго борца за правду-истину и правду-справедливость, радѣтеля всего гуманнаго, благороднаго и прекраснаго, долго и неутомимо работавшаго на славномъ поприщѣ вдохновителя русской интеллигенціи".

Изъ *Житоміра:* „Кружокъ еврейской интеллигенціи города Житоміра выражаетъ чувства глубочайшей скорби по случаю кончины Николая Константиновича Михайловскаго, великаго мыслителя, благороднѣйшаго поборника правды и неподкупнаго стража на славномъ посту". *Раввинъ, докторъ Скомаровскій.*

Изъ *Симферополя:* „Статистики таврическаго земства глубоко сожалѣютъ о кончинѣ Николая Константиновича Михайловскаго, какъ проповѣдника свободы, истины и справедливости".

Изъ *Симферополя:* „Редакція „Вѣстника таврическаго земства" выражаетъ свое искреннее сожалѣніе объ утратѣ глубокоуважаемаго писателя Николая Константиновича Михайловскаго, долгіе годы владѣвшаго мыслями русской читающей публики, борца за правду и справедливость".

Изъ *Баку:* „Изъ газетъ узнала о смерти дорогого, незабвеннаго Николая Константиновича. Не хотѣлось вѣрить, что умеръ нашъ горячо-любимый учитель. У меня нѣтъ словъ, чтобы выразить всю горечь этой общей утраты“. *Малiева (Ведребисели).*

Изъ *Одессы:* „Одесскiе присяжные повѣренные выражаютъ свое глубокое соболѣзнованiе по случаю кончины Николая Константиновича Михайловскаго“. *Присяжный повѣренный Протопоповъ.*

Изъ *Баку:* Редакцiя „Бакинскихъ Извѣстiй“ раздѣляетъ скорбь тяжкой утраты незабвеннаго Николая Константиновича“.

Изъ *Казани:* „Медики IV и V курсовъ Казанскаго университета шлютъ „Русскому Богатству“ выраженiя своего горячаго сочувствiя и глубокаго сожалѣнiя объ утратѣ, въ трудную для Россiи минуту, могучаго борца, десятки лѣтъ съ рѣдкой энергiей отстаивавшаго на славномъ посту идеалы двуединой правды-истины и справедливости“.

Изъ *Батума:* „Только что изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ узналъ о смерти безконечно дорогого Николая Константиновича Михайловскаго. Безконечно скорблю о безвременной кончинѣ великаго писателя и незамѣнимой утратѣ русской литературы“. *Вартаньянцъ.*

Изъ *Херсона:* „Дирекцiя, члены и читатели Херсонской общественной библiотеки, отслуживъ сегодня съ неисходной печалью панихиду объ успокоенiи высокой души Николая Константиновича Михайловскаго, приносятъ друзьямъ и сотрудникамъ незабвеннаго усопшаго выраженiе глубокой скорби о преждевременной кончинѣ одного изъ самыхъ славныхъ борцовъ за истину и правду, служившаго идейнымъ свѣточемъ всей родной землѣ“.

Изъ *Москвы:* „Почитатели покойнаго публициста и философа Николая Константиновича Михайловскаго, духовнаго вождя многихъ поколѣнiй русской интеллигентной молодежи, борца за прогрессивные идеалы и сокрушителя лицемѣрiя и мракобѣсiя, глубоко потрясенные и опечаленные его внезапной кончиной, выражаютъ свое искреннее соболѣзнованiе редакцiи журнала „Русское Богатство“ и черезъ нее семьѣ покойнаго“ *(16 подписей).*

Изъ *Москвы:* „Спѣшу выразить редакцiи журнала „Русское Богатство“ чувства глубочайшаго соболѣзнованiя по случаю постигшей ее неожиданной утраты въ лицѣ Николая Костантиновича Михайловскаго, о чемъ только что прочиталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. *Сторожевъ.*

Изъ *Москвы:* „Примите выраженiе глубокой скорби о смерти Николая Константиновича. Глубокiй мыслитель, творческiй умъ, онъ былъ нашимъ общимъ учителемъ чести и совѣсти и однимъ изъ самыхъ могучихъ созидателей лучшаго будущаго. Вѣчная слава ему!“ *Овсянико-Куликовскiй.*

Изъ *Москвы:* „Московское студенческое общество искусствъ и литературы выражаетъ искреннее соболѣзнованiе по поводу внезапной кончины Николая Константиновича Михайловскаго,

одного изъ добрѣйшихъ людей русской интеллигенціи, доблестно служившаго въ теченіе всей своей жизни лучшимъ гражданскимъ идеаламъ". Предсѣдатель общества, приватъ-доцентъ *Сакулинъ*.

Изъ *Петербурга*: „Вмѣстѣ съ вами и всѣми мыслящими и чувствующими людьми лью слезы надъ дорогимъ прахомъ, которому, къ великому моему прискорбію, я по болѣзни, не выпускающей меня изъ дому, лишенъ даже возможности поклониться послѣдній разъ". *Николай Новицкій*.

Изъ *Кіева* П. И. Вейнбергу: „Сотрудники „*Кіевскихъ Откликовъ*", раздѣляя со всей мыслящей Россіей глубокую скорбь по поводу неожиданной и невознаградимой утраты доблестнаго борца за правду-истину и правду-справедливость, просятъ васъ, какъ предсѣдателя Литературнаго фонда, принять выраженіе соболѣзнованія и надъ дорогой могилой быть выразителемъ волнующихъ насъ чувствъ".

Изъ *Пскова*: „Слишкомъ неисходно и велико чувство горя, которое овладѣло нами, когда мы узнали о смерти Николая Константиновича. Такое внезапно обрушившееся несчастье трудно переносить однимъ. Мы не можемъ молчать. Мы потеряли въ немъ великаго учителя, который по дорогѣ честной и прямой велъ насъ къ свѣту, свободѣ и счастью людей. Онъ являлся живымъ примѣромъ непреклоннаго и неутомимаго борца за правду, разливалъ свѣтъ во тьмѣ, и тьма не могла его поглотить. Смерть Николая Константиновича производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что она застигла его на славномъ и трудномъ посту въ такое время, когда жизнь его особенно нужна была Россіи. По истинѣ: „у счастливаго недруги мрутъ, у несчастнаго другъ умираетъ". Мы сливаемся въ чувствѣ безпредѣльной скорби съ редакціей уважаемаго журнала". *Группа воспитанниковъ Псковской Духовной Семинаріи*.

Изъ *Дмитрова*: „Дмитровская общественная библіотека выражаетъ свое глубокое и искреннее сочувствіе редакціи „Русскаго Богатства" по поводу преждевременной смерти ея редактора Николая Константиновича Михайловскаго, стойкаго и убѣжденнаго поборника общественныхъ истинъ, гуманнаго гражданина, талантливаго и честнѣйшаго литератора. Общественная библіотека глубоко оплакиваетъ незамѣнимую потерю для русской и общечеловѣческой мысли и литературы". *Ростовцевъ*.

Изъ *Одессы*: „Студенты-медики Новороссійскаго университета шлютъ выраженіе своего глубокаго соболѣзнованія редакціи „Русскаго Богатства" по случаю невознаградимой утраты, понесенной всей мыслящей Россіей въ лицѣ скончавшагося великаго провозвѣстника гуманности, Николая Константиновича Михайловскаго, такъ стойко боровшагося въ теченіе многихъ лѣтъ на славномъ посту за идеи истины и справедливости".

Изъ *Саратова*: „Саратовское литературное общество глубоко

поражено неожиданною смертью Николая Константиновича Михайловскаго и вмѣстѣ со всѣми мыслящими людьми русскаго общества болѣзненно чувствуетъ незамѣнимость этой утраты“ (*5 подписей*).

Изъ *Лодзи*: „Глубоко потрясенъ только сегодня дошедшей вѣстью о внезапной смерти Михайловскаго. Какая незамѣнимая утрата для всей мыслящей Россіи! Не выразить словами боль потери неутомимаго борца за правду и справедливость. „Какой свѣтильникъ разума угасъ!“ Шлю горячее соболѣзнованіе осиротѣвшей редакціи“. *Дуновичъ*.

Изъ *Городни*: „Выражаемъ искреннее сочувствіе редакціи „Русскаго Богатства“ и свое глубокое горе по поводу незамѣнимой утраты незабвеннаго борца за правду и истину, неизмѣнно стоявшаго на славномъ посту“ (*5 подписей*).

Изъ *Харькова*: „Присоединяемся къ общей скорби мыслящей Россіи по случаю кончины незабвеннаго Николая Константиновича Михайловскаго. „Природа-мать! когда-бъ такихъ людей ты иногда не посылала міру, заглохла-бъ нива жизни“. *Группа гимназистовъ*.

Изъ *Луцка*: „Выражаемъ глубокое сочувствіе по поводу горестной кончины Николая Константиновича“ (*5 подписей*).

Изъ *Челябинска*: „Пораженные неожиданной смертью вождя русской интеллигенціи, Николая Константиновича Михайловскаго, представляющей невознаградимую потерю для всей мыслящей Россіи и человѣчества, шлемъ редакціи „Руссскаго Богатства“ горестное соболѣзнованіе“ (*10 подписей*).

Изъ *Нижняго Новгорода*: „Шлемъ наше глубокое соболѣзнованіе по случаю невознаградимой потери талантливаго руководителя и сотрудника журнала и выдающагося писателя, Николая Константиновича Михайловскаго, носителя лучшихъ завѣтовъ прогрессивной части общества“ (*5 подписей*).

Изъ *Елисаветграда*: „Сейчасъ только въ вагонѣ узналъ изъ газетъ горестную вѣсть о кончинѣ незабвеннаго Николая Константиновича; не нахожу словъ, чтобы выразить, въ какое отчаяніе повергла меня смерть славнаго стойкаго борца за правду-истину. Шлю сердечное соболѣзнованіе: сыну, племяннику и осиротѣвшей семьѣ „Русскаго Богатства“. *Семенъ Грузенбергъ*.

Изъ *Пскова*: „Правленіе Псковской городской общественной библіотеки, глубоко опечаленное столь преждевременной кончиной великаго публициста земли русской, находитъ утѣшеніе въ твердой увѣренности, что дѣятельность Николая Константиновича оставила неизгладимый слѣдъ въ развитіи самосознанія русскаго общества“.

Изъ *Вятки*: „Пораженные неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти глубоко уважаемаго Николая Константиновича, скорбимъ объ утратѣ незабвеннаго учителя и выразителя лучшихъ стремленій русскаго общества“.

Изъ *Пензы*: „Правленіе Лермонтовской библіотеки, съ глубокой горестью узнавъ о кончинѣ Николая Константиновича, выражаетъ редакціи соболѣзнованіе по поводу невознаградимой утраты и проситъ передать семьѣ покойнаго, что Правленіе со всѣмъ русскимъ обществомъ оплакиваетъ тяжкую утрату, понесенную ею и литературой".

Изъ *Великокняжеской*: „Глубоко потрясены смертью дорогого Николая Константиновича. Каждый изъ насъ вспоминаетъ въ этотъ тяжелый день все, чѣмъ онъ обязанъ въ своемъ развитіи незабвенному учителю, и сознаетъ, къ чему его призываютъ въ будущемъ завѣты покойнаго" *(10 подписей)*.

Изъ *Житоміра*: „Съ глубокимъ душевнымъ прискорбіемъ мы узнали изъ телеграммы о кончинѣ дорогого Николая Константиновича. Закатилась яркая звѣзда на нашемъ мрачномъ небосклонѣ. Сердце всякаго честнаго человѣка содрогнется отъ этой ужасной вѣсти. Присоединяемся къ глубокой скорби и горести всего русскаго общества. Миръ праху твоему, честный труженикъ, неутомимый борецъ за правду, истину и справедливость! Ты не умеръ: духъ твой да пребудетъ съ нами во вѣки вѣковъ". *Еврейская учащаяся молодежь города Житоміра.*

Изъ *Керчи*: „Выражаемъ искреннѣйшія чувства сожалѣнія объ утратѣ вождя русской интеллигенціи, талантливаго литератора. *Редакція „Южнаго Курьера"*.

Изъ *Гомеля*: „Пораженный тяжелой вѣстью о кончинѣ честнаго борца за правду, гордо стоявшаго почти полвѣка на своемъ славномъ посту, шлю редакціи выраженія искренняго горя въ незамѣнимой и несвоевременной утратѣ". *Шеболдаевъ.*

Изъ *Хлудова*: „Пораженный кончиной незабвеннаго Николая Константиновича, горячо соболѣзную". *Эртель.*

Изъ *Москвы*: „Шлемъ искреннее сочувствіе редакціи; въ лицѣ Николая Константиновича Михайловскаго мы теряемъ лучшаго борца за идеалы будущаго". *Почитатели его таланта.*

Изъ *Елисаветграда*: „Глубоко потрясены внезапной кончиной незабвеннаго Николая Константиновича. Редакція „Елисаветградскихъ Новостей" въ полномъ составѣ выражаетъ искреннее соболѣзнованіе семьѣ сотрудниковъ „Русскаго Богатства".

Изъ *Харькова*: „Глубоко скорбимъ о смерти Николая Константиновича во времена, когда смѣлые граждане и борцы такъ нужны и когда ихъ такъ мало. Ушелъ сильнѣйшій изъ нихъ, выдающійся публицистъ и соціологъ". Присяжные повѣренные и ихъ помощники (*23 подписи*).

Изъ *Перми*: „Глубоко потрясены полученнымъ сейчасъ извѣстіемъ о внезапной кончинѣ великаго писателя-вождя русской интеллигенціи и нашего учителя, Николая Константиновича Михайловскаго (*7 подписей*).

Изъ *„Борисоглѣбска*: „Борисоглѣбская публичная библіотека

проситъ редакцію принять выраженіе горячаго соболѣзнованія по поводу невознаградимой утраты—смерти Николая Константиновича Михайловскаго. Въ лицѣ умершаго русское общество потеряло благороднѣйшаго своего члена, почти полвѣка стоявшаго на славномъ посту передового борца за права человѣческой личности, всю свою жизнь неутомимо искавшаго правду - истину и правду-справедливость и въ самыя унылыя времена высоко державшаго свѣтильникъ правды; и пока не погаснетъ въ русскомъ обществѣ стремленіе къ единой и цѣльной правдѣ, до тѣхъ поръ произведенія славнаго правдоискателя останутся неисчерпаемымъ источникомъ свѣта для всѣхъ, кому дороги интересы человѣческой личности и русскаго общества. Да будетъ же вѣчная слава умершему!“ *Предсѣдатель комитета, Аносовъ.*

Изъ *Курска*: „*Памяти Николая Константиновича Михайловскаго.* Священную память погибшихъ въ бою безъ слезъ мы сумѣемъ хранить; мы жаждемъ всю силу, всю душу свою на тотъ же алтарь возложить!“ *Группа курскихъ учащихся.*

Изъ *Берна*: „Pleurons evec toute la Russie pensante la mort du grand écrivain, citoyen du pays russe. Le groupe d'étudiants et d'etudiantes russes de Bern partage la profonde douleur des amis et des élèves du vénéré maître“. *Ansky.*

Изъ *Иркутска*: „Узнавъ о кончинѣ незабвеннаго Николая Константиновича, редакція „Восточнаго Обозрѣнія“ вмѣстѣ со всей мыслящей Россіей выражаетъ глубокую скорбь о невознаградимой утратѣ знаменитаго публициста и гражданина, болѣе сорока лѣтъ съ честью простоявшаго на славномъ посту. Потеря такого товарища „Русскимъ Богатствомъ“, съ которымъ Михайловскій былъ такъ же тѣсно связанъ, какъ съ „Отечественными Записками“, невознаградима. Шлемъ сердечное соболѣзнованіе дорогой редакціи“. *Редакторъ Поповъ.*

Изъ *Берлина*: „Глубоко опечаленные извѣстіемъ о внезапной кончинѣ великаго учителя русской интеллигенціи, Николая Константиновича Михайловскаго, мы присоединяемъ къ общему горю его родныхъ, друзей и всей мыслящей Россіи выраженіе нашей безмѣрной скорби по поводу этой утраты, тяжесть которой въ переживаемый Россіей моментъ чувствуется вдвое сильнѣе“. *102 русскихъ студента.*

Изъ *Ирбита*: „Скорбимъ душой о безвременной кончинѣ глубокочтимаго Николая Константиновича: въ лицѣ его общество потеряло маститаго публициста и друга русскаго народа. Миръ праху и вѣчная ему память!“. *Почитатели.*

Изъ *Екатеринослава*: „Студенты Екатеринославскаго Высшаго Горнаго училища выражаютъ свою искреннюю скорбь по случаю кончины Николая Константиновича Михайловскаго, послѣдняго изъ плеяды славныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ, и высказываютъ желаніе, чтобы въ память талантливаго публициста ре-

дакція выпустила вторымъ изданіемъ сборникъ „На славномъ посту“.

Изъ *Карлсруэ*: „Учащаяся колонія въ Карлсруэ выражаетъ свое соболѣзнованіе по случаю смерти Николая Константиновича и чтитъ память того, кто всю жизнь стоялъ на славномъ посту“.

Изъ *Лохвицы*: „По случаю кончины незабвеннаго свѣтлаго учителя, Николая Константиновича Михайловскаго, Правленіе Лохвицкой общественной библіотеки выражаетъ глубокое соболѣзнованіе“.

Изъ *Николаева*: „Редакція „Южной Россіи“ проситъ редакцію „Русскаго Богатства“ принять выраженіе ея соболѣзнованія по поводу тяжелой, незамѣнимой утраты, понесенной русской литературой и жизнью въ лицѣ Николая Константиновича“ (*5 подписей*).

Изъ *Кларана*: „Profondément consternés par la perte innoubliable de Nicolas Konstantinovitch. Notre compassion pour la famille et la rédaction“. *Seraphine*, *Longine Pantéléjéff*.

Изъ *Златополя*: „Глубоко потрясены смертью великаго мыслителя, высоконравственнаго человѣка, руководителя общества, Николая Михайловскаго“. *Гимназисты*.

Изъ *Елисаветграда*: „Общество распространенія грамотности и ремеслъ въ Елисаветградѣ выражаетъ осиротѣвшей семьѣ „Русскаго Богатства“ свою глубокую печаль по случаю смерти талантливаго публициста, смѣлаго, честнаго, чуткаго къ судьбамъ Россіи Николая Константиновича Михайловскаго“. *Предсѣдатель Якубовскій*.

Изъ *Парижа*: „Позвольте и мнѣ, искреннему почитателю моего дорогого, великаго учителя, выразить глубокую скорбь по случаю смерти одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи“. *Лункевичъ*.

Изъ *Екатеринослава*: „Потрясенные скорбной вѣстью о смерти Михайловскаго, безвременно оставившаго свой славный постъ литературнаго вождя — борца за лучшіе общественные идеалы, которымъ онъ блестяще служилъ, неустанно выясняя русскому обществу вопросы чести, совѣсти, правды-истины и правды-справедливости, екатеринославскіе почитатели его поручили намъ выразить редакціи ихъ скорбныя чувства. Миръ его праху, но да живетъ его славное имя въ сердцахъ людей, какъ оно будетъ жить въ исторіи русской литературы и просвѣщенія!.. Глубоко возмущены, что Телеграфное Агентство не потрудилось передать телеграммы о смерти“. *Балабуха и Караваевъ*.

Изъ *Ниццы*: „Безконечно опечалены потерей великаго учителя“. *Михаилъ и Вѣра Рафаиловы*.

Изъ *Рогачева*: „Раздѣляемъ великое горе всей русской интеллигенціи и редакціи. Огромная, незамѣнимая потеря!“. *Врачъ Торговецъ*.

Изъ *Москвы*: „Глубоко огорчила кончина Николая Константи-

новича Михайловскаго, воспитателя лучшихъ стремленій обще ства, борца за право личности". *Ставровскій.*

Изъ *Одессы*: „Еврейскіе почитатели, собравшись сплоченнымъ кружкомъ, выражаютъ свою глубокую скорбь по поводу кончины Михайловскаго, великаго борца за человѣка и его культуру".

Изъ *Керчи*: „Керчинскій педагогическій кружокъ выражаетъ семьѣ почившаго Николая Константиновича Михайловскаго и редакціи „Русскаго Богатства" свое глубокое соболѣзнованіе, вмѣстѣ съ нимъ оплакивая потерю одного изъ лучшихъ критиковъ и могущественныхъ борцовъ за правду, цѣльность личности и прогрессъ".

Изъ *Ревеля*: „Литературный кружокъ въ Ревелѣ выражаетъ свою глубокую скорбь по поводу неожиданной кончины Николая Константиновича Михайловскаго, стойкаго борца за осуществленіе въ русскомъ обществѣ идеаловъ правды-истины и правды-справедливости".

Изъ *Новой Ушицы*: „Глубоко скорбимъ о невознаградимой потерѣ для русскаго общества и литературы въ лицѣ умершаго писателя Николая Константиновича Михайловскаго, до конца дней своихъ ратовавшаго за свободу личности и за торжество высшей, двуединой правды". *Павловскій, Зновицкій, Уткинъ.*

Изъ *Москвы*: „По поводу тяжелой утраты, понесенной русскимъ обществомъ, позвольте присоединиться къ вамъ и раздѣлить съ вами чувства, вызванныя смертью Николая Константиновича. Голова туго мирится съ этой мыслью: Михайловскій, жизнь и—смерть!.. Тяжело. Какое-то странное впечатлѣніе, какъ будто тебя хватили по головѣ обухомъ. Хочется сказать: не можетъ быть, а, съ другой стороны, видишь, что это такъ, что его даже похоронили. Но если Брутъ не могъ убить духъ Цезаря, то смерть безсильна передъ духомъ Николая Константиновича, и его представляешь себѣ не въ могилѣ, а среди живыхъ, въ живыхъ... Вѣчная память примѣрному человѣку, просвѣтителю, гражданину, работнику, борцу..." *Соотечественникъ.*

Изъ *Камышлова*: „Почитатели великаго таланта передового борца за идеалы, Николая Константиновича Михайловскаго, изъ далекаго Камышлова присоединяютъ свою скорбь къ скорби редакціи по поводу тяжелой для Россіи утраты" (*8 подписей*).

Изъ *Парижа*: „Пораженные горестной утратой одного изъ лучшихъ представителей русской „Литературы и жизни", формулы *Прогресса* котораго научили насъ познать „Что такое счастье" служить прогрессу своей родины,—мы выражаемъ свою глубокую скорбь и сердечное соболѣзнованіе осиротѣвшей семьѣ „Русскаго Богатства" по случаю преждевременной кончины одного изъ ея членовъ, Николая Константиновича Михайловскаго". *Старые народники.*

Изъ *Новороссійска*: „Глубоко и сердечно опечалены смертью

Николая Константиновича Михайловскаго, посвятившаго всю жизнь благу родины и человѣка“. *Анна и Сергѣй Капгеры.*

Изъ *Самары*: „Самарское Общество поощренія образованія глубоко скорбитъ объ утратѣ передового борца за просвѣщеніе, Николая Константиновича Михайловскаго“. *Предсѣдатель Араповъ.*

Изъ *Харькова*: „Осиротѣла родина: не стало Николая Константиновича. Писатель-гражданинъ, ты умеръ отъ того, что честенъ былъ, но живъ твой духъ и призывъ: къ труду идейному и творчеству, впередъ!“ *Группа студентовъ Харьковскаго университета.*

Изъ *Голицина*: „Искренне сочувствуемъ глубокому несчастью, постигшему русскую литературу со смертью непоколебимаго борца за правду-истину и правду-справедливость, Николая Константиновича Михайловскаго“. *Земская школа.*

Изъ *Екатеринослава*: „Екатеринославская зубоврачебная школа присоединяется къ мыслящей Руси въ выраженіи горя по поводу невозвратной потери властителя, руководителя думъ“.

Изъ *Лондона*: „Пораженъ смертью дорогого Николая Константиновича. Пожалуйста, передайте мое соболѣзнованіе семьѣ“. *Діонео.*

Изъ *Харькова*: „Харьковское юридическое общество выражаетъ редакціи „Русскаго Богатства“ свое глубокое сожалѣніе по поводу незамѣнимой утраты, понесенной ею въ лицѣ почившаго Николая Константиновича Михайловскаго. Эта утрата незамѣнима и для всего русскаго общества, потерявшаго въ немъ выдающагося публициста, чутко отзывавшагося на всѣ идейныя теченія русской жизни, и крупнаго соціолога, оцѣненнаго не только у насъ, но и за границей. Дай Богъ, чтобы его осиротѣлый славный постъ нашелъ себѣ достойнаго замѣстителя“. *Предсѣдатель Гредескулъ.*

Изъ *Миттвейды*: „Русское землячество въ Миттвейдѣ выражаетъ глубокое соболѣзнованіе по поводу кончины незабвеннаго русскаго писателя и борца за великіе идеалы“.

Изъ *Вѣны*: „Глубоко пораженные печальной вѣстью о смерти высокочтимаго Николая Константиновича, мы, учащіеся изъ Россіи въ Вѣнѣ, вмѣстѣ со всей интеллигентной Россіей, оплакиваемъ въ усопшемъ незабвеннаго гражданина-литератора и стойкаго общественнаго дѣятеля“.

Изъ *Вольска*: „Вольская группа почитателей таланта покойнаго Николая Константиновича Михайловскаго выражаетъ глубокое соболѣзнованіе о потерѣ высокоталантливаго редактора, бывшаго 40 лѣтъ на славномъ посту борца за правду - истину и правду - справедливость“ (*11 подписей*).

Изъ *Дивова*: „Искренно сочувствую невознаградимой утратѣ редакціи“. *Александръ Энгельмейеръ.*

Изъ *Дармштадта*: „Собраніе русской студенческой читальни въ Дармштадтѣ выражаетъ свое глубокое соболѣзнованіе по по-

воду безвременной кончины Николая Константиновича Михайловскаго. Собраніе убѣждено, что его чувство раздѣляетъ вся мыслящая Россія".

Изъ *Канска*: „Выражаемъ глубокую скорбь по поводу смерти глашатая правды-истины и правды-справедливости, Николая Константиновича Михайловскаго". *Таспѣевъ*.

Изъ *Тамбова*: „Нижеподписавшіеся выражаютъ редакціи глубокое сожалѣніе по поводу незамѣнимой утраты въ лицѣ Николая Константиновича Михайловскаго, въ вѣскомъ и правдивомъ словѣ котораго теперь особенно нуждается Россія" (*166 подписей*).

Изъ *Армавира*: „Шлемъ выраженія глубокой скорби по поводу смерти безконечно дорогого Николая Константиновича Михайловскаго, вождя прогрессивной интеллигенціи, борца за обездоленныхъ" (*54 подписи*).

Изъ *Армавира*: „Съѣздъ народныхъ учителей, состоявшійся въ Армавирѣ, Кубанской области, въ количествѣ двухсотъ человѣкъ, шлетъ глубокое сожалѣніе по поводу смерти незабвеннаго великаго проповѣдника двуединой правды-истины и правды-справедливости, Николая Константиновича Михайловскаго". *Учителя*.

Изъ *Таганрога*: „Вѣчная память Николаю Константиновичу!" *Евгеній Гаршинъ*.

Изъ *Минска*: „Сегодня прочелъ о постигшей васъ и всю Россію утратѣ. Примите мое сочувствіе". *Курмаковъ*.

Изъ *Тюмени*: „Глубоко огорчены внезапной кончиной дорогого писателя, учителя и друга, доблестнаго борца за правду-истину и правду-справедливость, неустанно освѣщавшаго своимъ дивнымъ талантомъ путь всѣмъ ищущимъ ее. Шлемъ свой прощальный скорбный привѣтъ на могилу лучшаго изъ сыновъ нашей родины, Николая Константиновича Михайловскаго, и выражаемъ сердечное сочувствіе редакціи „Русскаго Богатства" въ тяжкой, незамѣнимой утратѣ, постигшей ее и, вмѣстѣ съ нею, все русское общество. Да будетъ память о немъ вѣчна и благотворна!" *Учительницы женской прогимназіи и женской воскресной школы (33 подписи)*.

Продолженіе слѣдуетъ).

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Отъ Е. Н. и В. И. Семевскихъ—100 р.; студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго Института—10 р.; Л. Мельшина—25 р.; Р. Ѳ. Якубовичъ — 25 р.; П. И. Вейнберга — 25 р.; Ек. Лѣтковой—100 р.; С. Елпатьевскаго—50 р.: Иванчиныхъ-Писаревыхъ — 100 р.; А. и А. Пѣшехоновыхъ—50 р.; А. Г. Горнфельда—25 р.; М. Ватсонъ—25 р.; Л. Штернберга—5 р.; А. Браудо—25 р.; Ю. Безродной—15 р.; Е. Ганейзера—10 р.; Л. В. Костровой—25 р.: А. С. Сигова—10 р.; Р. А. Брагинской—10 р.; В. Каррикъ—10 руб.; М. И. и П. В. Мокіевскихъ—50 р.; В. А. Мякотина—25 р.; В. А. Мякотиной—5 р.; А. Мягкова—25 р.; П. и А. Милюковыхъ—100 р.; А. С. и В. Г. Короленко — 100 р.; М. Футрицкаго—15 р.; наборщиковъ журн. „Русское Богатство" — 6 р.; разсыльнаго при редакціи „Русскаго Богатства", Ив. Никитина — 5 р.; Мих. Могилянскаго, изъ Чернигова— 1 р.; почитателей Н. К. Михайловскаго, изъ Оренбурга—33 р. 35 к.; отъ „пермяковъ — властителю думъ, учителю и вождю, Николаю Константиновичу Михайловскому"—28 р.

Итого . . 1.038 р. 35 к.

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ студентовъ Константиновскаго Межевого Института, изъ Москвы—30 р.; И. Т. Шипко, изъ Александровска—5 р.; Мих. Могилянскаго, изъ Чернигова—1 р.; Е. М. Токарскаго, изъ м. Гельмязова—30 р.; отъ пермяковъ при письмѣ за 153 подписями—100 р.

Итого . . . 166 р. — к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

От М. Д. Михаловскаго, изъ Москвы—6 р.; изъ Асхабада отъ техническ. отд. Службы пути (14 человѣкъ)—5 р. 50 к.

Итого . . . 11 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 3.520 р. 76 к.

Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля за № 6201 переведены черезъ Государственный Банкъ въ Новгородскую Губернскую Земскую Управу.

На образованіе стипендіи имени **Влад. Гал. Короленко**:

Отъ Е. П. Долинской, изъ сл. Нальчикъ—1 р.

Итого . . . 1 р. — „

А всего съ прежде поступившими 42 р. — „

Насъ просятъ напечатать:

„Въ комитетъ по организаціи чествованія В. Г. Короленко, по случаю 25-тилѣтія его литературной дѣятельности, поступило на развитіе библіотеки имени В. Г. Короленко въ г. Лукьяновѣ, Нижегородской губ,. отъ редакцій журналовъ и газетъ: „Вѣстникъ Европы“—100 р., „Журналъ для всѣхъ“—100 р., „Русское Богатство“ -100 р., „Міръ Божій“—100 р., „Образованіе“—100 р., „Хозяинъ“—100 р., „Право“—100 р., „Юристъ“ — 100 р., „Вѣстникъ Самообразованія“ — 100 р., „Восходъ“ — 100 р., „Русская Мысль“ — 100 р., „Научное Слово“—50 р., „Русская Школа“—50 р., „Вѣстникъ казачьихъ войскъ“—25 р. и „Народное Хозяйство“—50 р. Итого 1.275 р.

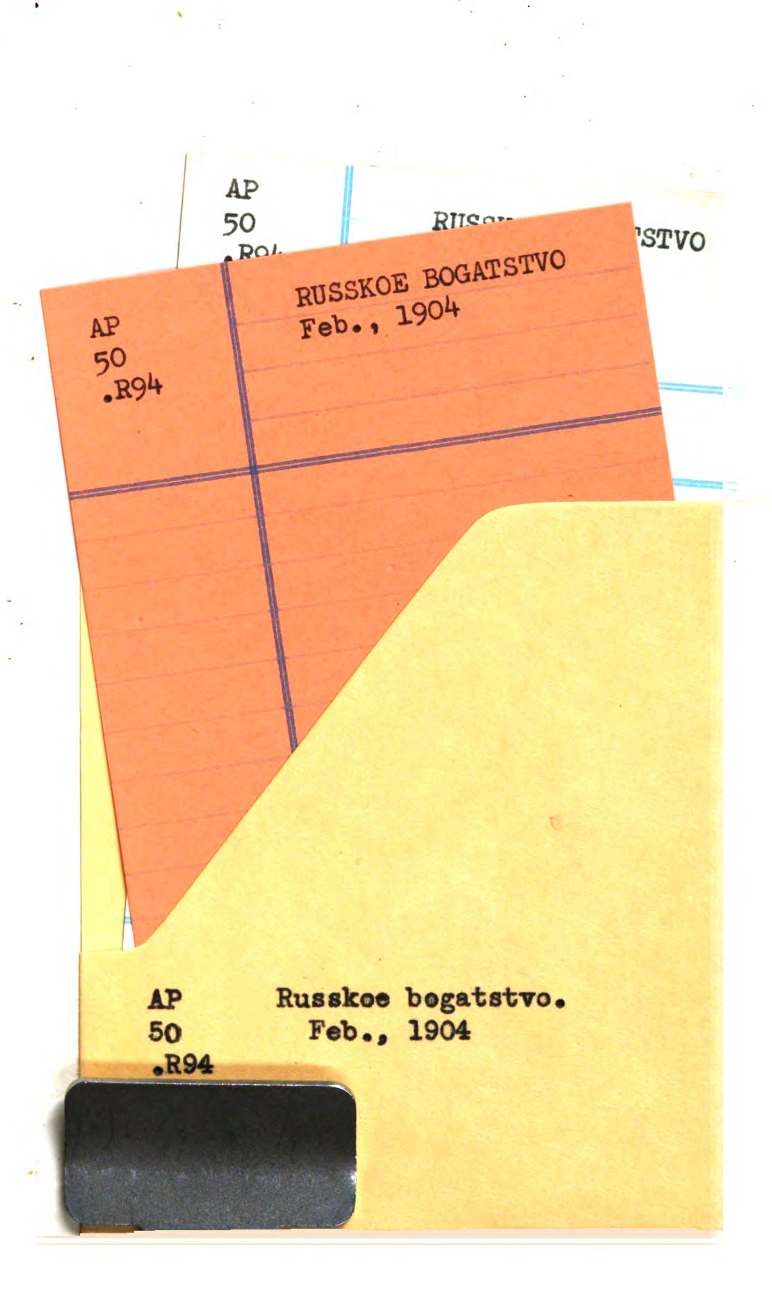
Означенная сумма 20 февраля отправлена предсѣдателю Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи, *А. И. Ланину*.

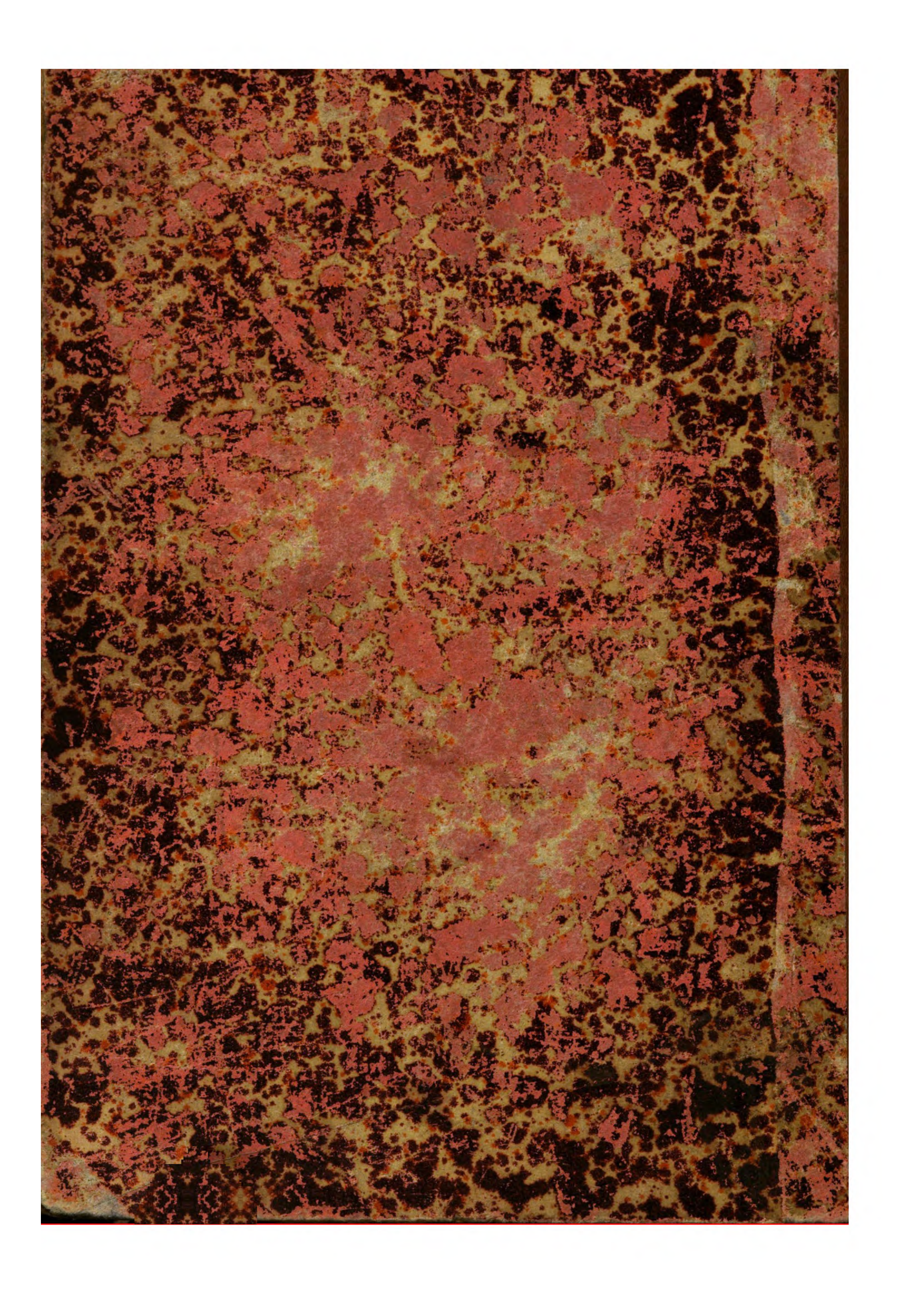
Редакторъ-Издатель: ***Вл. Г. Короленко.***

Дозв. ценз. Спб., 26 февраля 1904 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

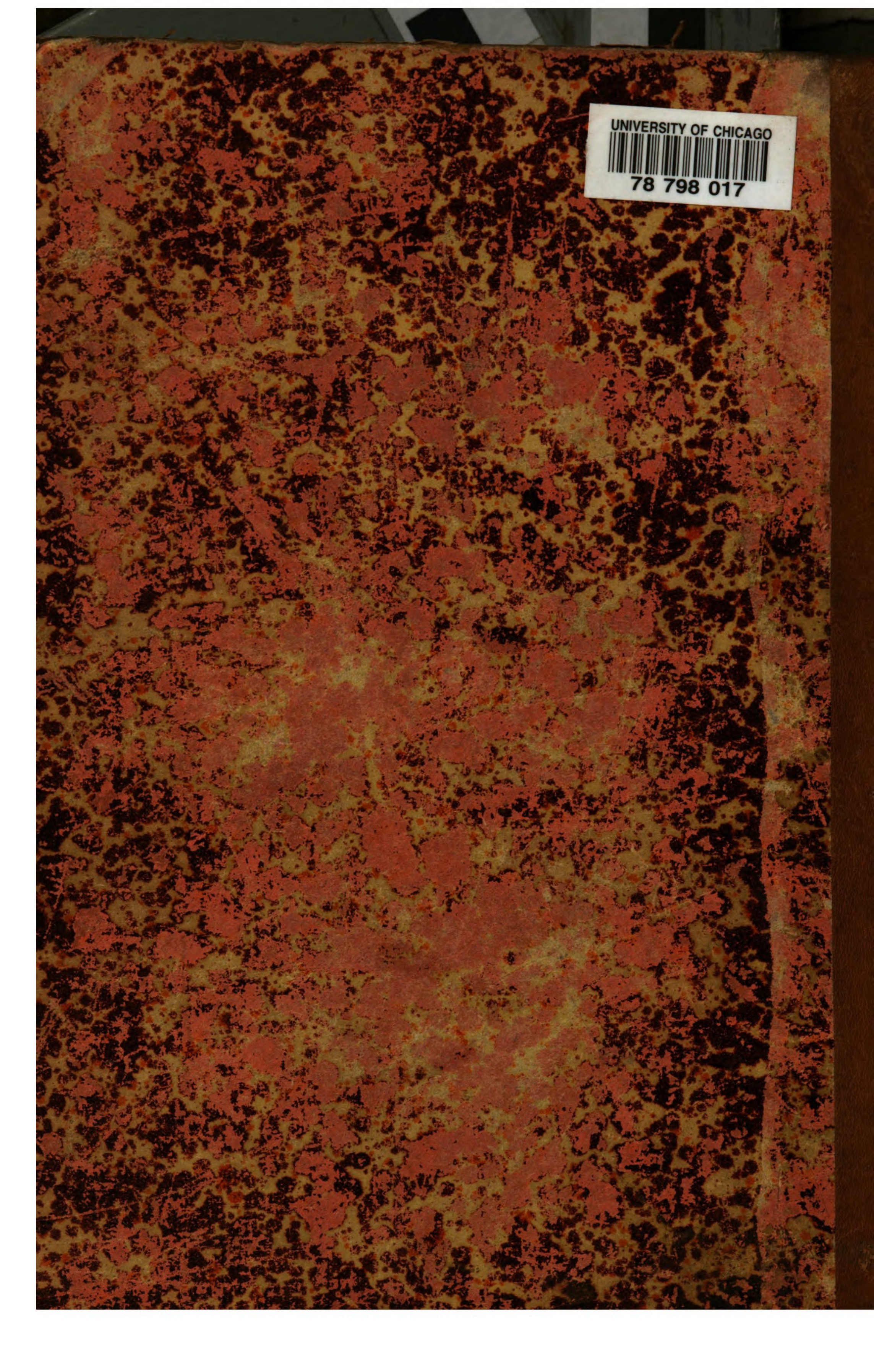

[15p]

AP
50
.R94
RUSSKOE BOGATSTVO
Feb., 1904
AP
50
.R94
Russkoe bogatstvo.
Feb., 1904

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 017